

Дикое Поле

Ю. А. БУТЕНКО

в период раннего средневековья

Ю. А. БУТЕНКО

Дикое Поле

в период раннего средневековья

Ю. А. Бутенко

Дикое Поле

В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(середина V - середина XI веков нашей эры)

1

LiteraNova
Харьков 2014

Рецензенты:

Колода Владимир Васильевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией.

Любичев Михаил Васильевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Начальник Германо-славянской археологической экспедиции.

Шильман Михаил Евгеньевич, канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Бутенко Ю. А. Дикое Поле в период раннего средневековья (середина V – середина XI вв. н. э.) / Ю. А. Бутенко. – Х. : Литера Нова, 2014. – 560 с. : ч/б ил., карт.

В книге освещён раннесредневековый период истории Подонцовья, дано описание пеньковской, вольтинцевской, роменской и салтово-маяцкой археологических культур, а также жизни и быта их носителей, соответственно: антов, северян и подданных Хазарского каганата. На основе археологических раскопок, проводившихся на территории Змиевского, Чугуевского, Первомайского и Балаклейского районов Харьковской области, автор описывает восточнославянское язычество раннего средневековья, рассказывает о крепостях (городищах) и селищах Змиевщины середины V – середины XI вв. В работе раскрыты основные моменты освоения славянами лесостепных просторов Змиевщины. Особое внимание уделено этнокультурным и этногенетическим процессам, проходившим на территории края в означенный период времени.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов, работников краеведческих музеев, учителей истории и студентов исторических факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей родного края.

Данная работа послужит пособием для изучения вышеупомянутых археологических культур, истории Северо-Западной Хазарии, истории ранних славян Слобожанщины и восточнославянской мифологии.

This book deals with early medieval period of history of Seversky Donets area. A gives description of Penkovka, Volyntsevo and Saltov archeological cultures and also the life style of their bearers accordingly: the antac, severians and the citizens of Khazar khaganate. On the base of archeological excavations carried out on the territory of Zmiev, Chuguev, Pervomaysk and Balakleya districts of Kharkov region the author describes Eastern-Slavonic heathenism of the early Middle Ages, tells about the fortresses (the hill-fort) and settlements of Zmievland of the middle 5th – middle 11th eleventh centuries. This book shows the principal moments of developing of forest-steppe expanses of Zmievland by Slavs. The special attention is given to ethno-cultural and ethno-genetic processes, with passed in territory of edge during the marked period of time.

The book intended for the historians, the archeologists, the ethnographers, the workers of local museums, the teachers of History, the students of Historical Departments also for a wide range of the riders who are interested in the history of the native land.

This work will serve as a textbook for studying the aforementioned archaeological cultures, the history of the North-West Khazaria, the history of the early Slavic of Sloboda Ukraine and mythology of Eastern Slavs.

Текст печатается в авторской редакции

ISBN 978-966-1553-33-9

© Ю. А. Бутенко, 2013

© Литера Нова, 2014

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	7
I. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ	14
§ 1.1. История исследования	14
§ 1.2. Источниковая база	36
§ 1.3. Методологическая, гносеологическая и теоретическая основа	47
II. РАННИЕ СЛАВЯНЕ – АНТЫ. ПЕНЬКОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (СЕРЕДИНА V – VII ВВ. Н. Э.)	51
§ 2.1. Пеньковская культура: открытие, ареал распространения, периодизация.....	51
§ 2.2. Поселения	55
§ 2.3. Жилища и хозяйственные постройки	65
§ 2.4. Хозяйство	70
§ 2.5. Ремесла и керамика	72
§ 2.6. Погребальные памятники.....	83
§ 2.7. Общественные отношения у носителей пеньковской культуры	88
§ 2.8. «Древности антов»	90
§ 2.9. Этническое лицо носителей пеньковской культуры. Название и этническая принадлежность антов.....	101
§ 2.10. Вооружение	109
§ 2.11. Нашествие авар. Закат могущества антов.....	115
III. ФОРМИРОВАНИЕ ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА СЕВЕРЯН. ВОЛЫНЦЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (СЕРЕДИНА VII – СЕРЕДИНА VIII ВВ.)	120
§ 3.1. Волынцевская культура: открытие, периодизация, ареал распространения.	120
§ 3.2. Поселения, жилища и хозяйственные постройки волынцевской культуры.....	126
§ 3.3. Хозяйство	129
§ 3.4. Ремесла и керамика	131
§ 3.5. Орудия труда, украшения, предметы быта и вооружения	137

§ 3.6. Погребальный обряд и верования волынцевского населения. Могильники.	139
§ 3.7. Общественно-политическое развитие	140
§ 3.8. Происхождение волынцевской культуры и этническое лицо ее носителей	142
§ 3.9. Трансформация волынцевской культуры.....	147

IV. ПЛЕМЕННОЙ СОЮЗ СЕВЕРЯН. РОМЕНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

(СЕРЕДИНА VIII – НАЧАЛО XI ВВ.) 151

§ 4.1. Роменская культура: открытие, периодизация, ареал распространения	151
§ 4.2. Поселения.....	154
§ 4.3. Жилища и хозяйственные постройки	165
§ 4.4. Хозяйство и орудия труда	171
§ 4.5. Развитие ремесел	177
§ 4.6. Керамика	181
§ 4.7. Предметы вооружения и снаряжения	194
§ 4.8. Торговля	201
§ 4.9. Погребальный обряд.....	202
§ 4.10. Этническое лицо носителей роменской культуры	207
§ 4.11. Быт, обычаи и культура северян	209
§ 4.12. Общественно-политическое развитие.....	214
§ 4.13. Трансформация роменской культуры.....	216

V. МИФОЛОГИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК В БАСЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА) 219

§ 5.1. Роль язычества в жизни восточных славян	219
§ 5.2. Общие заметки о мифологических воззрениях славян	222
§ 5.3. Сакральные захоронения и остатки закладных жертв в Подонцове.....	225
§ 5.4. Магические предметы: астргалы и клыки, обереги	229
§ 5.5. Святилища и храмы восточных славян	233
§ 5.6. Жрецы и жертвоприношения	239
§ 5.7. Славянские Боги.....	243
§ 5.8. Мифологические персонажи (прибоги).....	289
§ 5.9. Летосчисление, календарь и языческие праздники восточных славян.....	297

VI. СЕВЕРО-ЗАПАД ХАЗАРСКОГО КАГНАТА.

САЛТОВО-МАЯЦКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (НАЧАЛО VIII В. – СЕРЕДИНА X В.)..... 318

§ 6.1. Образование Хазарского каганата	318

§ 6.2. Салтово-маяцкая культура: открытие, периодизация, ареал распространения.....	323
§ 6.3. Поселения	325
§ 6.4. Жилища и хозяйственные постройки	351
§ 6.5. Хозяйство	352
§ 6.6. Ремесла	361
§ 6.7. Гончарное ремесло и керамика	366
§ 6.8. Орудия труда и украшения	373
§ 6.9. Погребальный обряд и могильники	377
§ 6.10. Войско Хазарского каганата и предметы вооружения салтово-маяцкой культуры	391
§ 6.11. Торговля и данничество	399
§ 6.12. Политическое и социальное устройство Хазарского каганата	405
§ 6.13. Этнический состав Северо-Западной Хазарии.....	409
§ 6.14. Религии Хазарского каганата	416
§ 6.15. Гибель Хазарского каганата Распад салтово-маяцкой культуры	426

VII. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА V – СЕРЕДИНА XI ВВ.) ....

§7.1. Этнокультурное развитие в регионе.....	436
§7.2. Политическое развитие региона	451

ПОСЛЕСЛОВИЕ.....

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ .....

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ .....

Прокопий Кесарийский. «ВОЙНА С ГОТАМИ»	462
Псевдо-Маврикий. «СТРАТЕГИКОН»	465
ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ ИОСИФА (Краткая редакция)	468
ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ ИОСИФА (Пространная редакция).....	472
ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО ХАЗАРСКОГО ЕВРЕЯ X ВЕКА («Кембриджский документ»).....	479
ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (Оригинальный текст и перевод)	482
Абу-Али Ахмед бен Омар Ибн-Даст. «КНИГА ДРАГОЦЕННЫХ ОЖЕРЕЛИЙ».....	486
Аль-Масуди. «ЗОЛОТЫЕ КОПИ И РОССЫПИ САМОЦВЕТОВ»	488

Ахмед ибн-Фадлан ибн-ал-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад.

Из «КНИГИ О ПУТЕШЕСТВИИ НА ВОЛГУ» 490

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 496

**СВОДНЫЙ КАТАЛОГ УПОМЯНУТЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ 503**

Памятники пеньковской культуры.....503

Памятники салтово-маяцкой культуры.....510

Памятники роменской культуры 521

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА 525

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 533

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 539

ВВЕДЕНИЕ

Предисловие. – Актуальность темы. – Связь монографии с научно-исследовательской работой Змиевского научного краеведческого общества. – Цель и задачи книги. – Объект и предмет исследования. – Хронологические и территориальные рамки работы. – Научная новизна. – Практическое значение работы. – Апробация результатов и публикация основных положений исследования. – Структура книги. – Благодарности автора.

Предлагаемая читателю книга является попыткой осветить раннесредневековый период истории той территории, которая некогда получила (не очень точное с научной точки зрения, но закрепившееся в восприятии людей) название Дикое поле. В основу работы положены материалы, собранные автором для пятой (из девяти) книги в задуманной автором серии «Древности Северского Донца».

В последние годы в Украине значительно возрос интерес к краеведению, отмечается значительное количество регионалистических исследований. Необходимо отметить, что нам не известна ни одна из научных работ, которая бы подробно освещала историю т. н. Дикого поля до XVII в. Между тем, колонизация славянами (великорусами и украинцами) Слобожанщины в XVII–XVIII вв. может рассматриваться не иначе, как своего рода реконкиста, отвоевание тех лесостепных земель, которые издавна были заселены славянскими племенами древности и средневековья. Собственно, история древнего и средневекового Подонцовья изучена учеными хорошо – ежегодно здесь проводятся стационарные раскопки и археологические разведки. К большому сожалению, результаты раскопок публикуются в сугубо научных журналах и монографиях, мало доступных широким кругам читателей. Существенно, что до сих пор не создано значительных обобщающих трудов по истории региона. В специальной литературе сложился обширный массив знаний о раннесредневековом периоде истории Подонцовья, полученных археологическими методами. Но авторы практически никогда не стремятся изучить развитие региона в целом, занимаясь

узкими научными проблемами и задачами. Это создало проблемную ситуацию: произошедшее во второй половине XX – начале XXI вв. активное пополнение фактического материала (археологического, в первую очередь) не привело к созданию обобщающей истории Дикого поля данного периода. Все это вызывает необходимость сконцентрировать накопленные учеными наработки, зачастую разбросанные по малодоступным изданиям, и осмыслить их на современном научном уровне, сведя в единое упорядоченное изложение. В этой связи считаем появление настоящей работы весьма актуальным и своевременным.

В раннем средневековье на территории Северо-Восточной Украины были распространены следующие археологические культуры:

- *пеньковская* (450–700 гг., а в Подонцовье, возможно, середина IV – конец IX вв.);
- *салтово-маяцкая* (середина VIII – середина X вв.);
- *роменская* (середина VIII – середина XI вв.).

К тому же, во второй половине VII – начале VIII вв. в бассейне Северского Донца происходит формирование новой археологической культуры, отчасти схожей с *волынцевской*, но имеющей некоторое своеобразие. Население *салтово-маяцкой культуры* в этническом отношении было разнородным: ираноязычные аланы, финноугроязычные венгры (угры), тюркоязычные болгары и, возможно, хазары. На протяжении всего раннего средневековья на Змиевщине проживают славянские племена антов (*пеньковская культура*) и северян (*роменская культура*). Открытым остается вопрос об этническом лице новообразующейся (славянской по характеру материалов) археологической культуры. Совместное проживание в Подонцовье иранцев, славян, тюрков и финно-угров приводило к возникновению взаимных контактов и зародило предпосылки для возникновения нового синкретического этноса. Хотя процесс этот, ввиду падения Хазарского каганата и нашествия печенегов, а затем половцев, не был завершен.

Основной проблемой при написании работ по историческому краеведению является необходимость поиска и обобщения многочисленных, но совершенно разрозненных научных трудов археологов и историков, изучавших и изучающих территорию нашего края. Во-вторых, при изучении археологических культур, распространенных на землях Северо-Восточной Украины раннего средневековья, необходимо учитывать, что не все возможные читатели являются подготовленными специалистами. Поэтому возникает необходимость осветить и некоторые общие вопросы истории, проиллюстри-

ровав их на примерах археологических находок центральной части Слободской Украины. Эти соображения и обусловили структуру нашей работы, характер привлеченных источников и литературы.

Исследование вышеуказанных археологических культур, а также написание полной летописи Змиевского края является одной из краеугольных задач Змиевского научного краеведческого общества. Поскольку в настоящей работе основные положения иллюстрируются фактическими материалами с территории исторической Змиевщины, данная книга имеет прямую связь с его научно-исследовательской деятельностью.

Основной целью настоящей работы является создание истории Дикого поля (пограничья степи и лесостепи Верхнего Подонцовья) периода раннего средневековья. Эта проблематика ставит следующие задачи:

- 1) создание свода, картографирование и анализ археологических памятников;
- 2) изучение местной специфики развития бытовавших здесь археологических культур;
- 3) всестороннее обобщение научных исследований раннесредневековой истории региона;
- 4) восстановление на основе имеющихся источников социально-экономического, этнокультурного и политического развития края.

Достижение поставленных цели и задач вполне реализует задание, намеченное главой Всеукраинского союза краеведов академиком П. Т. Тронько: «... нам крайне необходимо заняться возрождением исторической памяти, духовности посредством изучения каждого уголка родной земли, создания исчерпывающих летописей всех регионов, больших и малых населенных пунктов ...»¹.

Объектом исследования настоящей работы стал период раннего средневековья центральной части Слобожанщины. Предметом исследования данной книги являются четыре археологические культуры, распространенные в раннем средневековье на исследуемой территории: *пеньковская*, *волинцевская*, *роменская* и *салтовомаяцкая*. В работе описаны жизнь и быт их носителей, соответственно: антов, северян и подданных Хазарского каганата. Раскрыты основные моменты трудного процесса освоения славянами лесостепных просторов бассейна Северского Донца. На примере материалов археологических раскопок, проводившихся на территории Змиевского, Балаклейского, Чугуевского и Первомайского районов

¹ Тронько П. Т. *Краєзнавство незалежної України : на часі нові завдання* / П. Т. Тронько // *Краєзнавство*. – 2001. – № 1–4. – С. 27.

Харьковской области, приведены данные о крепостях (городищах) и селищах Дикого поля середины V – середины XI вв. н. э.

Под территорией Змиевского края (Змиевского региона, Змиевщины) в данной работе подразумевается та историко-этнографическая зона, которая сложилась в пределах центральной части Слободской Украины, географически соответствующая пограничью Степи и Лесостепи верхнего течения Северского Донца (рис. 1). Поэтому географические рамки книги далеко выходят за пределы современного Змиевского района, включая большую часть Первомайского, Чугуевского, Балаклеевского и незначительные территории Шевченковского, Сахновщанского, Лозовского, Харьковского и Нововодолажского районов Харьковской области.

Хронологически работа охватывает период с середины V – по середину XI вв. н. э. В качестве нижней даты взято возникновение древностей *пеньковской* археологической *культуры*. В качестве верхней – падение Хазарского каганата, распад *салтово-маяцкой культуры* и включение лесостепной Змиевщины в состав Древнерусского государства.

Новизна представленной работы состоит в системном подходе к теме, что заставляет по-новому взглянуть на существующие научные интерпретации отдельных вопросов, и на этой основе уточнить толкования ранее не вполне ясных фактов. Сложившиеся на этом основании выводы, очевидно, не окончательны, они ставят перед исследователем новые проблемы и задачи, требующие собственных трактовок. Данное исследование представляется лишь первой ступенью в осмыслении сложных путей образования Змиевского историко-этнографического региона Слободской Украины. Впервые дается комплексное описание развития региона в раннем средневековье. Впервые в региональной истории Змиевского края проводится исследование, стоящее на стыке истории, доистории (археологии), этнологии, географии, геногеографии, лингвистики и др. дисциплин. Немаловажно, что в представленном исследовании впервые четко сформулирована гипотеза о Змиевщине, как территории этногенеза.

Практическое значение работы состоит, прежде всего, в возможности значительно расширить фактический материал в процессе преподавания курсов родоноведения и народоведения в средних, профессиональных и высших учебных заведениях. Содержащиеся в книге разработки могут использоваться исследователями в следующих областях знания: военная история, историко-археологическое изучение Северо-Западной Хазарии, история восточных славян, историко-краеведческое изучение Змиевского, Чугуевско-

Рис. 1. Территория Змиевского региона Слободской Украины.

го, Первомайского, Балаклейского районов Харьковской области. Результаты исследования, видимо, следует учитывать и при создании музейных экспозиций и туристических маршрутов.

Основные положения данного исследования содержатся в работах, опубликованных в ряде научных¹ и научно-популярных статей². Они обсуждались на заседаниях Ученого совета Змиевского

¹ Коловрат Ю. А. Языческий месяцеслов восточных славян: летоисчисление. Календарь / Ю. А. Коловрат // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2011. – Вып. 9. – С. 28–44; Коловрат Ю. А. Змиевский регион Слободской Украины как территория этногенеза (к «остановке вопроса») / Ю. А. Коловрат // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2013. – Вып. 12. – С. 77–98.

² Коловрат Ю. А. Крепости Хазарского каганата на территории Змиевского района / Ю. А. Коловрат // Вісті Зміївщини. – 2011. – 1 лютого. – С. 8; 8 лютого. – С. 4; Коловрат Ю. А. Поселения автонов на Змиївщині / Ю. А. Коловрат // Вісті Зміївщини. – 2008. – 15 серпня. – С. 2; Коловрат Ю. А. Верования автонов / Ю. А. Коловрат // Історія Зміївського краю. – Зміїв. – 05.08.2008. – Режим доступу : <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-10>. – Доступ 02. 02. 2009 г. и др.

научного краеведческого общества и совета музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении содержатся вводные данные о целях и задачах, новизне, объекте и предмете исследования и др. общие сведения. Первая глава традиционно посвящена истории изучения региона указанного периода времени, описанию источниковой базы работы, а также описывает гносеологические, методологические и теоретические основы исследования. Вторая, третья и четвертая главы дают описание славянских археологических культур. Особо следует сказать о главе пятой. Может сложиться впечатление, что ее тема, славянское язычество, имеет к истории Змиевского края лишь косвенное отношение. Однако это не так. Начиная с раннего железного века, здесь проживали праславянские и славянские племена. Описывая их жизнь и быт, несомненно, необходимо показать и духовную культуру наших предков: верования, мифологию, обрядность. Наконец, в шестой главе описан период, когда Змиевской регион входил в состав Северо-Западной Хазарии. Седьмая глава является резюмирующей – в ней изложены главные выводы автора об этнокультурном и этнополитическом развитии раннесредневековой Змиевщины. Для удобства изложения и более легкого восприятия читателем, материал каждой главы разбит на отдельные тематические параграфы. Как и другие работы, опирающиеся, в основном, на археологический материал, книга снабжена иллюстративным рядом, состоящим из схем, таблиц, чертежей, карт и фотографий. Учитывая большую наукоемкость работы, мы сочли необходимым разместить в конце книги справочный аппарат, который включает в себя свод археологических памятников Змиевского края раннего средневековья, терминологический словарь, список источников и литературы, а также хронологическую таблицу.

Основой для написания книги послужили письменные сообщения раннесредневековых авторов, работы ученых-археологов, энциклопедическая литература, материалы и документы музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В. Н. Каразина, Музея Боевого братства с. Соколово, Змиевского краеведческого музея.

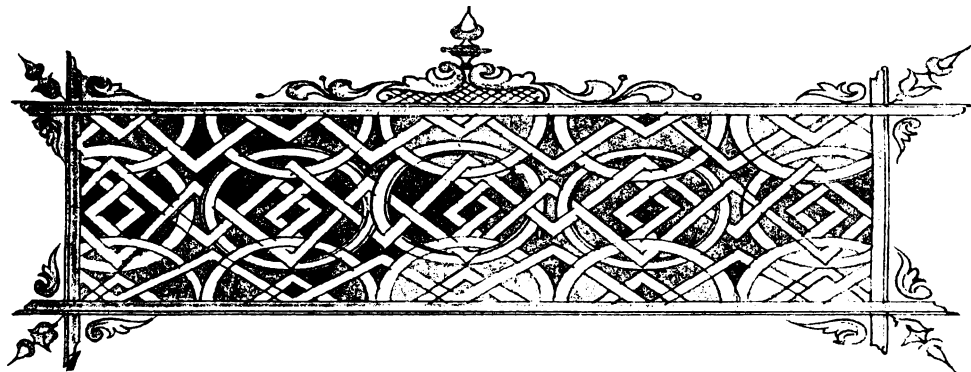
Замысел написания серии «Древности Северского Донца» родился в 2006 г. Работа над этой книгой в целом была закончена к февралю 2009 г. В дальнейшем, вплоть до момента выхода в свет, данный труд пополнялся новым фактическим материалом, ибо работу над книгой завершить нельзя, можно лишь приостановить ее.

История Змиевского края богата и поистине может служить наглядным примером для изучения многих вопросов истории и археологии Восточной Европы. Поэтому при написании этой книги был выбран русский язык, являющийся в восточноевропейском и постсоветском макрорегионах международным.

Выполняя свой приятный долг, благодарим всех, кто помог в подготовке и издании этой книги. Выражаем признательность:

- рецензентам работы, В. В. Колоде, М. В. Любичеву, Е. М. Шильману за поддержку идеи и неоценимую помощь в создании данного труда;
- директору Пролетарской школы А. К. Штефан за возможность пользования школьной оргтехникой;
- директорам Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко В. Г. Сердюченко (2000–2010 гг.) и Л. И. Дударевой за создание режима благоприятствования научной работе;
- директору Змиевского краеведческого музея М. И. Саяному, директору Музея Боевого братства с. Соколово А. И. Куцу, а также руководителю музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко Н. Н. Комышанченко за любезное разрешение использовать фотографии и материалы музейных фондов;
- директору (1998–2011 гг.) Музея археологии и этнографии Слободской Украины В. В. Скирде и сотрудникам музея А. М. Шпорт и В. И. Каменнику за возможность работы в архиве и фотографирование музейных фондов;
- работникам Змиевской районной библиотеки, и, в частности Л. В. Хомик, за помощь в цифровой обработке иллюстраций;
- архитектору-дизайнеру В. С. Носачеву за возможность бесплатной работы в Интернете, а также за создание и администрирование сетевого издания «История Змиевского края»;
- украинскому филологу и журналисту Л. Б. Шамрай за многократное предоставление цифрового фотоаппарата;
- английским филологам Л. В. Диденко, С. И. Овчинниковой, Л. П. Бредихиной за помощь в подготовке англоязычной аннотации;
- русскому филологу Л. А. Власенко за корректуру текста;
- работникам издательства «Литера Нова», взявшим на себя смелость в наше сложное бездуховное время издать данную книгу.

Историография, источники, методология

История исследования. – Источниковая база. – Методологические, гносеологические и теоретические основы исследования.

§ 1.1. История исследования

Исходя из методологической базы и уровня развития сегодняшней науки, можно сказать, что все указанные выше археологические культуры и их локальные варианты изучены достаточно хорошо. Также хорошо изучены быт и духовная культура упомянутых этносов. При этом историография трудов по интересующему нас периоду истории собственно Змиевского края (центральной Слобожанщины) невелика.

Знаковым событием в развитии исторического краеведения явился выход книги Б. А. Шрамко «Древности Северского Донца»¹. Данная работа не потеряла своей значимости и поныне. Хотя во многом ее положения нуждаются в исправлениях и дополнениях, ибо за время, истекшее с момента издания, открыты новые археологические культуры, исследованы новые памятники, пересмотрены старые и выдвинуты новые гипотезы и теории. В «Древностях Северского Донца» автор обобщает достижения археологической и исторической наук по изучению бассейна Северского Донца, описывает практически все периоды истории края: от возникновения первых поселений человека в каменном веке до развитого средневековья. Б. А. Шрамко, работая много лет на территории Змиевского

¹ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962.

района, уделил истории региона большое внимание. В контексте нашей работы особенно примечательны глава IX «Сарматы, древние болгары и их соседи на берегах Донца» (с. 234–292) и глава X «Раннеславянские поселения VIII–X вв.» (с. 292–315). Здесь автор описывает, в частности, *салтовские* и *роменские* памятники Подонцовья: Мохнач, Сухую Гомольшу, Великую Гомольшу, Водяное, Коробовы Хутора, Гайдары, Черкасский Бишкин и др.

Значительным достижением регионалистики середины XX в. явился выход такого издания, как «Історія міст і сіл УРСР»¹. Это историко-краеведческое 26-томное издание было начато выходом тома, посвященного Харьковской области. Основным недостатком книги является акцентированность на новом и, в большей степени, новейшем периоде истории региона. Борьба с феодальным гнетом, установление советской власти, героические события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенное социалистическое строительство – вот те вопросы, которым авторы уделили основное внимание. Относительно древних и средневековых периодов истории Харьковской области в «Історії міст і сіл УРСР» имеются только указания о существовании на территории того или иного села древних поселений. И в этом отношении названный труд представляется нам заведомо ущербным, ни в коей мере не могущем претендовать на сколько-нибудь полное освещение истории края. Второе, русскоязычное, издание данного тома² несколько более пространно повествует о древности и средневековье Харьковщины (с. 9–14), в т. ч. и о раннем средневековье (с. 11). Здесь же (с. 12) помещена карта археологических памятников области.

Историко-краеведческий очерк «Зміїв»³ начинает свое повествование с периода развитого средневековья (с. 5–6), лишь бегло упоминая о существовании возле Змиева двух поселений *черняховской культуры* (с. 5).

В 1971 г. выходит в свет туристический путеводитель Л. Н. Строкова «Коробові Хутори»⁴. По стилю изложения данная книга – экскурс в историю родного края. В работе описан археологический комплекс Коробовы Хутора, в т. ч. освещен раннесредневековый период его существования. Положения данной книги о раннесредневековом периоде во многом устарели. В частности, подана интерпретация каменных стен Коробовского городища, как памятника славянского

¹ *Історія міст і сіл УРСР* : У 26 т. / Під загал. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область.

² *История городов и сёл УССР* : В 26 т. / Под общ. ред. П. Т. Тронько. – К., 1976. – Т. 1. Харьковская область.

³ Гольдфарб В. М. *Зміїв* : Історико-краєзнавчий нарис / В. М. Гольдфарб, В. М. Селіванов, К. Б. Правосерова. – Х., 1969.

⁴ *Строков Л. Н. Коробові Хутори* / Л. Н. Строков. – Х., 1971.

зодчества, что неверно. В конце XX в. работами ряда ученых была доказана салтовская принадлежность городища. Славянские племена северян (*роменская культура*) появились здесь лишь в X в.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались новым витком исторического краеведения на Змиевщине. К этому периоду относятся работы краеведов М. И. Саяного, О. Н. Деминой, Г. Г. Еремина, О. Л. Рябченко и др. В районной прессе печатаются статьи ученых В. К. Михеева, Б. П. Зайцева, С. И. Посохова и др. Но все работы указанных авторов очень мало освещали историю древности и средневековья¹. В районной прессе лишь несколько статей были посвящены периоду раннего средневековья². Основной проблемой исторического краеведения центральной части Слободской Украины по-прежнему оставалось отсутствие обобщающих трудов, которые в максимально полном объеме, насколько это вообще возможно, осветили бы историю региона и его населенных пунктов во все периоды истории.

В первом десятилетии XXI в. наметился значительный прогресс в решении данной проблемы. В 2007 г. издается книга учителей истории Л. П. Хименко и К. Н. Коваленко «Соколів і соколяни. З далекого минулого до сьогодні (Історія. Документи. Спогади)»³. В краеведческой работе авторы описали историю села во все исторические эпохи, уделяя большее внимание новейшему периоду. Вскользь подана информация о территории села времен Великого переселения народов и раннего средневековья, приведены легенды о возникновении Змиевых валов (с. 12–16).

Специально краеведению Слобожанщины посвящено пособие «Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния»⁴, изданное тиражом 6 000 экз. в 1918 г. и переизданное в 2007 г. (тираж – 500 экз.)⁵. Данная работа написана под редакцией В. И. Талиева учеными Харьковского университета А. С. Фе-

¹ Как исключение: Дьомина О. Що приховує назва нашого міста / О. Дьоміна // Змієве городище. – 1996. – № 1; Дьоміна О. Сіверський Донець : Історія великої ріки / О. Дьоміна // Змієве городище. – 2000. – № 9; Саяний М. Найбільші відкриття – попереду / М. Саяний // Вісті Зміївщини. – 2001. – 10 листопада; Саяний М. Пам'ятки пенківської культури / М. Саяний // Зміївський кур'єр. – 1995; Михеев В. Пам'ятки салтівсько-маяцької культури на території Зміївщини / В. Михеев, М. Саяний // Зміївський кур'єр. – 1995. – Квітень (№ 17); Головашев І. Древній Шарукань – это Харьков, Змиев или иной город? / И. Головашев // Время. – 2002; Браутин А. Скарби минушини / А. Браутин // Будівник комунізму. – 1989. – 25 липня; Авербух С. Зміїв : історія назви / С. Авербух, О. Філіпенко // Вечірній Харків. – 1990. – 18 жовтня і ряд др.

² Саяний М. Пам'ятки пенківської культури / М. Саяний // Зміївський кур'єр. – 1995; Михеев В. Пам'ятки салтівсько-маяцької культури на території Зміївщини / В. Михеев, М. Саяний // Зміївський кур'єр. – 1995. – Квітень (№ 17).

³ Хименко Л. П. Соколів і соколяни. З далекого минулого до сьогодні (Історія. Документи. Спогади) / Л. П. Хименко, К. М. Коваленко. – Балаклея, 2007.

⁴ Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния / Под ред. В. И. Талиева. – Х., 1918.

⁵ Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния / Под ред. В. И. Талиева. – Репринт. изд. 1918 г. – Х., 2007

доровским, Д. К. Педаевым, В. Г. Авериним, Н. Ф. Сумцовым. По полноте изложения информации эта книга до сих пор остается непревзойденной. Современные учебные пособия по харьковщине-ведению¹ намного уступают работе 1918 г.

Одна из наших предшествующих работ, «Змиево городище: Краткий краеведческий очерк»², посвящена древнерусскому периоду истории города. Раннее средневековье здесь в должной мере не затронуто.

В 2009 г. вышла в свет книга уроженца Змиевского района доктора сельскохозяйственных наук Э. Г. Дегодюка «Лиман. Село Зміївського району Харківської області»³. Книга производит двоякое впечатление. Несомненным позитивным моментом является та часть книги, где автор подает материал о геологическом, климатическом и географическом прошлом Подонцовья. Эта работа тем более актуальна, если учесть неудовлетворительное, на наш взгляд, состояние дел в географическом краеведении Змиевщины. Однако общие вопросы истории, затронутые автором, производят весьма негативное впечатление. Плачевно, но при написании такой прекрасной по замыслу работы, автор не обратился к работам академиков от истории. При чтении отдельных мест книги, кажется, что работа только для того и писалась, чтобы выразить идеи воинствующего украинского национализма. Дилетантский характер исторической части книги «Лиман. Село Зміївського району Харківської області» разобран нами в отдельной работе⁴. О раннем средневековье содержится совсем незначительное сообщение о существовании на территории села *салтовского* поселения (с. 42) и приведено фото кувшина, найденного на восточной окраине Лимана (с. 180).

В 2009 г. из-под пера директора Змиевского краеведческого музея М. И. Саяного вышла книга «Зміївщина – Слобожанщини перлина»⁵. В своей книге, которую следует относить к краеведческим очеркам, автор освещает все периоды истории Змиевщины, традиционно посвящая наибольшее внимание новейшему времени. В целом, из 288 страниц текста и иллюстраций, только 31 страница посвящена древности и средневековью (с. 7–37). В этом отношении книга «Зміївщина – Слобожанщини перлина», конечно, постави-

¹ *Історія рідного краю (Харківщинознавство) : У 2 ч. / Б. П. Зайцев, В. В. Скурда, В. В. Воропаєва, О. С. Марченко та ін. – Х., 2001; Харківщинознавство / За ред. Л. Д. Покровської, В. Е. Луцячка. – Х., 2004; Харківщинознавство / За ред. Л. Д. Покровської, Т. В. Дрожиної. – Вид. 3-є, перероб. й доп. – Х., 2011.*

² Коловрат Ю. А. *Змиево городище : Краткий краеведческий очерк* / Ю. А. Коловрат. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Змиев, 2009.

³ Дегодюк Е. Г. *Лиман. Село Зміївського району Харківської області* / Е. Г. Дегодюк. – Х., 2009.

⁴ Коловрат Ю. А. *К вопросу о шовинизации исторического краеведения на Змиевщине в контексте современной украинской историографии* / Ю. А. Коловрат // *История Змиевского края. – Змиев. – 23.02.2010. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-88>. – Доступ 06. 03. 2010 г.*

⁵ Саяний М. І. *Зміївщина – Слобожанщини перлина* / М. І. Саяний. – Х., 2009.

ла своеобразный рекорд: никто ранее не уделял столько внимания указанным периодам истории края. Однако, как и все предыдущие труды, данная работа не раскрывает многие важные для истории древности и средневековья вопросы. Автор ограничивается перечислением памятников и беглым описанием. Так *пеньковской* археологической *культуре* антов посвящена (с учетом иллюстраций) только одна страница (с. 17–18). Несколько больше параграф «Зміївщина у складі Хозарського каганату. Сіверяни. (середина VIII – початок XI ст.)», где описывается *салтово-маяцкая культура* и ее население. Здесь же, общим объемом всего в одну страницу, даны сведения о племени северян (с. 22–23). А ведь именно это племя дало название главной реке Змиевщины – Северскому Донцу!

В ходе работы над настоящей книгой автором были опубликованы несколько научно-популярных статей, посвященных раннесредневековой истории Змиевского региона¹.

Этим собственно и ограничивается перечень краеведческой литературы, в которой имеются сведения о раннесредневековой истории Змиевского региона Слобожанщины.

Как видно из вышесказанного, эпоха средневековья освещена в краеведческой литературе Змиевщины крайне неудовлетворительно. То же следует относить к древности. Это притом, что предыстория, т. е. дописьменная история, составляет в целом 99,998 % истории человечества². К тому же, все вышеперечисленные работы являются научно-популярными книгами либо учебными пособиями.

В то же самое время на территории Харьковской области ежегодно проводятся археологические разведки и стационарные раскопки. По результатам их публикуются многочисленные работы, которыми археологи не только вводят в научный оборот археологические источники (создают необходимый историку фактаж), но содержат также определенные теоретические основы, гипотезы и предположения, позволяющие изучить историю интересующего нас периода. В настоящей работе мы не будем рассматривать научные труды по интересующим нас археологическим культурам, носящие общий характер или касающиеся отдельных узко специфических вопросов, так как это требует более широкого историографического обзора. Здесь мы сосредоточим внимание читателя на тех научных работах, которые имеют региональное значение.

¹ Коловрат Ю. А. Поселения антов на Змиевщине // Ю. А. Коловрат // *Вісті Зміївщини*. – 2008. – 15 серпня. – С. 2; Коловрат Ю. А. Крепости Хазарского каганата на территории Змиевского района / Ю. А. Коловрат // *Вісті Зміївщини*. – 2011. – 1 лютого. – С. 8; 8 лютого. – С. 4; Коловрат Ю. А. Вооружение войск Хазарского каганата на северо-западной окраине (По материалам раскопок на Змиевщине) / Ю. А. Коловрат // *История Змиевского края*. – Змиев. – 27.10.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-21>. – Доступ 02. 02. 2009 г. и др.

² Уривалкін О. М. *Історичне краєзнавство* / О. М. Уривалкін. – 2-ге вид., стереотип. – К., 2008.

Древности *пеньковской* археологической культуры, будучи открыты в с. Задонецкое Змиевского района еще в 1953 г., изучались археологическими экспедициями харьковских вузов. Были открыты поселения данной культуры: Тимченки, Задонецкое, Сухая Гомольша, Черкасский Бишкин. Это нашло свое отражение в археологических отчетах¹. Частично результаты раскопок *пеньковских* памятников были опубликованы В. К. Михеевым², А. Г. Дьяченко³, С. И. Берестневом⁴, Ю. В. Буйновым⁵ и др.

В 1994 г. М. В. Любичевым была защищена кандидатская диссертация «Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя»⁶, что послужило мощным импульсом для исследования данной культуры. Первым векам раннего средневековья посвящена часть книги М. В. Любичева «Населення території північно-східної України в римський час (I – VII ст. н. е.)»⁷, в которой автор освещает хронологию, периодизацию, историю изучения и ареал *пеньковской* культуры бассейна Северского Донца. Внимание исследователя привлекли такие вопросы, как земледелие *пеньковского* населения Подонцовья⁸, сакральные памятники, оставленные раннеславянскими племенами Змиевщины⁹, а также контакты славян Змиевского края с населением *салтово-маяцкой* культуры¹⁰. В отдельной

¹ Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках археологических памятников на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 году / С. И. Берестнев. – Х., 1980 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 9406; Берестнев С. И. Отчёт о раскопках и разведках археологических памятников в Харьковской и Сумской областях в 1978 году / С. И. Берестнев. – Х., 1979 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8692; Буйнов Ю. В. Отчёт о раскопках и разведках на территории Харьковской области в 1977 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1978 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8502; Шрамко Б. А. Отчёт об археологических разведках и раскопках Харьковского государственного университета в 1953 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1954 // Архив МАЭСУ; Дьяченко А. Г. Отчёт о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета в 1976 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1977 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8030 и др.

² Михеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дніці / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 75–81.

³ Дьяченко А. Г. Исследования славянских памятников в бассейне Северского Донца / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1978. – С. 322–333; Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Запки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // Археологія Славянського Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 26–33.

⁴ Берестнев С. И. Новые данные о памятниках *пеньковской* культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археологія Славянського Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 33–37.

⁵ Буйнов Ю. В. Исследования в бассейнах Мжи и Северского Донца / Ю. В. Буйнов, С. И. Берестнев // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1978. – С. 302–303.

⁶ Любичев М. В. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя : дис... канд. іст. наук / М. В. Любичев. – Х., 1994.

⁷ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003.

⁸ Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37–45.

⁹ Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 4–14.

¹⁰ Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 87–100.

работе М. В. Любичев затронул вопрос датировки *пеньковских* поселений Змиевщины¹. Особой заслугой ученого является описание памятников *типа Сахновки* и постановка вопроса о возможности возникновения в бассейне Северского Донца конца VII – начала VIII вв. новой археологической культуры². Еще одной статьей М. В. Любичев ввел в научный оборот материалы о новых памятниках *пеньковской культуры* в Подонцовье³.

После того, как М. В. Любичев полностью перешел к изучению *черняховской археологической культуры*, целенаправленное изучение *пеньковских* древностей региона прекратилось. Однако при изучении других культур подспудно открываются новые поселения или места скопления керамики *пеньковцев*⁴.

В 1998 г. О. М. Приходнюк опубликовал монографию⁵, в которой был подведен итог изучения *пеньковской культуры*. В работе автор дал характеристику культуры, разработал современную типологию керамики, создал свод памятников, среди которых упомянуты и памятники интересующего нас региона.

По понятным причинам западные исследователи уделяют совершенно недостаточное внимание исследованию *пеньковской культуры*. Так, в «Энциклопедии Украины» издания 1993 г.⁶ содержится явно устаревшее название, отражающее то время, когда культуру только еще начали изучать. В этом отношении значительно информативнее англоязычная часть Википедии⁷ и электронная версия энциклопедии «Британника»⁸. Как правило, западных ученых интересуют украшения *пеньковской культуры*, так называемые «древности антов», в частности фибулы и их отношение к общеевропейскому раннесредневековому континууму⁹.

¹ Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 13–27.

² Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкик 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 277–296.

³ Любичев М. В. Нові пам'ятки пенківської культури у верхній течії Сіверського Дінця / М. В. Любичев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 113–116.

⁴ См., напр.: Горбаненко С. А. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. О. Пашкевич // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 83; Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 118.

⁵ Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998.

⁶ Penkivka settlements // Encyclopedia of Ukraine / D. H. Struk. – Toronto; Buffalo; London, 1993. – V. 3. L–Pf. – P. 828.

⁷ Penkovka culture // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode: http://en.wikipedia.org/wiki/Penkovka_culture. – Access 10. 03. 2013; Antes people // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode: http://en.wikipedia.org/wiki/Antes_people. – Access 10. 03. 2013.

⁸ Antae (people) // Encyclopedia Britannica. – Access mode: <http://www.britannica.com/Ebchecked/topic/26914/Antae>. – Access 10.03.2013.

⁹ Tallgren A. M. Enameled Ornaments in the Valley of the Desna / A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1937. – Т. XI; Werner J. Slawisch Bugelfibel des 7 Jahrhunderts / J. Werner // Reineske Festschrift. – Mainz, 1950.

Рассмотренные нами публикации создали надежную фактическую базу для исследования *пеньковской культуры*¹ в интересующем нас регионе.

В свое время А. Г. Дьяченко интерпретировал часть найденной на поселении Занки керамики как относящуюся к *волынцевской археологической культуре*. М. В. Любичев уточнил сложность вопроса. По его словам, типично *волынцевская* керамика в бассейне Северского Донца не обнаружена, хотя печи, характерные для *волынцевских* и *роменских* жилищ, известны по материалам раскопок поселения Нижний Бишкин II, относящегося к *типу Сахновка*². *Сахновские* памятники Змиевщины отражают движение переселенцев с Днепровского Правобережья, их переплетение с местными, *пеньковскими* элементами. М. В. Любичев считает, что «*сахновский этап* отражает начало формирования новой культуры».

Таким образом, вопрос о *волынцевских* памятниках, как и этнокультурном составе населения Змиевского региона Слободской Украины конца VII – начала VIII вв., остается пока в научной литературе нерешенным.

Наряду с древностями *пеньковской* и элементами *волынцевской культуры*, с X в. на территории Подонцовья получает распространение *роменская археологическая культура*. Основу научному ее изучению положила исследовательская деятельность Д. Я. Самоквасова³. В дальнейшем данную работу продолжили И. И. Ляпушкин⁴, О. В. Сухобоков⁵, Б. А. Рыбаков⁶, Б. А. Шрамко⁷ и др. Работы этих ученых составили своеобразный фундамент знаний о *роменской культуре*.

¹ Дьяченко А. Г. О культуре населения Днепо-Донской лесостепи в I тыс. н. э. (по материалам селища Занки) / А. Г. Дьяченко // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 21–24.

² Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 284, 290.

³ Головатин А. Н. Д. Я. Самоквасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей»: дисс... канд. ист. наук / А. Н. Головатин. – Воронеж, 2010.

⁴ Ляпушкин И. И. О датировке роменско-борщевской культуры / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1940. – Т. IX. – С. 121–136; Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1952. – Т. XVI. – С. 7–40; Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны / И. И. Ляпушкин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1959. – Вып. 74. – С. 81–86; Ляпушкин И. И. О жилищных восточных славян Днепровского Левобережья VIII–X вв. / И. И. Ляпушкин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.; Л., 1957. – Вып. 68 и др.

⁵ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975; Сухобоков О. В. Південно-східне порубіжжя Давньоруської держави в VIII–XIII ст. / О. В. Сухобоков // Археологія. – 1989. – № 3. – С. 50–59; Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст.: За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992 и др.

⁶ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне / Б. А. Рыбаков // Советская этнография. – 1947. – Т. VI–VII; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.

⁷ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. – С. 292–315.

К большому сожалению, еще нет монографических работ, специально посвященных *роменской культуре* Слободской Украины. Тем не менее, успешные археологические исследования харьковских ученых, В. В. Колоды главным образом, позволяют описать данную культуру на основе местного материала, что особенно важно для задач региональной истории. Как таковые, *роменские* памятники были атрибутированы и частично исследованы на протяжении второй половины XX в. Б. А. Рыбаковым, С. А. Плетневой¹, Б. А. Шрамко², что отражено в археологических отчетах.

С конца XX в. данная культура неоднократно становилась предметом исследования Средневековой археологической экспедиции ХНПУ им. Г. С. Сковороды. Так, на примере Водяного руководитель экспедиции В. В. Колода совместно с С. А. Горбаненко опубликовал статью³, посвященную земледелию *роменцев* на территории региона. Следующей коллективной статьей⁴ авторы проводят сравнительный анализ *роменского* и *салтовского* земледелия региона. В монографии С. А. Горбаненко «Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е.»⁵ приводятся в т. ч. сведения об археологических находках сельскохозяйственного назначения, сделанных учеными на территории Змиевского района.

Работа В. В. Колоды «Жилища роменского городища Водяное»⁶ дает представление о еще одной стороне интересующей нас археологической культуры. В отчетах Средневековой археологической экспедиции ХНПУ им. Г. С. Сковороды находим сведения о фортификации *роменских* городищ⁷.

Керамика *роменской культуры* на материале городища Водяное была исследована в коллективной статье В. В. и Т. А. Колоды. Данная работа представляет особый интерес, поскольку вводит в

¹ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйлова. – К., 1977. – С. 73, 77.

² Шрамко Б. А. Отчёт об археологических раскопках ХГУ им. А. М. Горького в 1952 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1953 // Архив МАЭСУ; Шрамко Б. А. Отчёт об археологических разведках и раскопках Харьковского госуниверситета в 1953 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1954 // Архив МАЭСУ и др.

³ Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 68–69.

⁴ Колода В. В. Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепровского Левобережья / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // *Stratum plus*. – 2011. – № 5. – С. 315–326.

⁵ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 117 и др.

⁶ Колода В. В. Жилища роменского городища Водяное / В. В. Колода // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Международной научной конференции 9–10 ноября 2012 года. – Х., 2012. – С. 68–69.

⁷ Колода В. В. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского госпедуниверситета в 2002 г. / В. В. Колода. – Х., 2003. – С. 2–3, 6 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды; Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции ХНПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свистун. – Х., 2004. – С. 8 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

научный оборот типологию *роменской керамики* региона, разработанную авторами¹.

Уникальной для ареала *роменской культуры* является обнаруженное на городище Мохнач *роменское жилище* с жертвенником. Открытие обстоятельно описано в специальной публикации В. В. Колоды², в которой автор дает первичную интерпретацию комплекса и его возможного культового предназначения.

По причине географической отдаленности и незначительной актуальности для западной науки, количество иностранных работ по *роменской культуре* невелико. Так, в работе Пола Магочия³ о племенах и культурах, предшествовавших образованию Киевской Руси, сказано всего несколько слов. В «Энциклопедии Украины» 1993 г. издания эта культура вообще носит устаревшее название⁴. Энциклопедические сведения в англоязычных изданиях также кратки⁵.

Перечисленные труды позволяют в достаточной мере исследовать развитие *роменской культуры* на территории Подонцовья.

Большое количество научной литературы посвящено отдельным археологическим культурам и племенам, населявшим Змиевской край в раннем средневековье. Особое внимание исследователей всегда привлекали такие вопросы, как происхождение и история славян, их быт, верования, материальная и духовная культура. Так, третий том 15-томного издания «Україна крізь віки»⁶ охватывает период от древнейших времен до рубежа I тыс. н. э., когда на территории Украины формировались славянские сообщества, которые осознали свою этническую обособленность от других соседних неславянских племен и народов. Из-за противоречивости источников – это наиболее сложный период в истории славян и наиболее запутанный, особенно, когда речь идет об истоках украинского народа. Книга, автором которой является В. Д. Баран, начинается с характеристики раннесредневековых культур, славянская и племенная принадлежность которых впервые однозначно определяется письменными источниками. Отталкиваясь от них, автор предлагает свою концепцию возникновения украинского народа и названия «Украина».

¹ Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 249–264.

² Колода В. В. Житло із жертвником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 1. – С. 42–46.

³ Magosci P. R. *A History of Ukraine* / Paul Robert Magosci. – Toronto, 1996.

⁴ *Romen-Borshcheve culture* // *Enciclopedia of Ukraine* / D. H. Struk. – Toronto; Buffalo; London, 1993. – V. 4. Ph–Sr. – P. 406.

⁵ *Severians* // *Wikipedia – the free encyclopedia*. – Access mode : <http://en.wikipedia.org/wiki/Severians>. – Access 10. 03. 2013.

⁶ *Україна крізь віки : У 15 т.* – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни.

В четвертом томе 15-томного издания «Україна крізь віки»¹, посвященном истории Древней Руси, А. П. Толочко и П. П. Толочко исследуют в т. ч. и такие вопросы, как взаимоотношения восточнославянских племен с Хазарским каганатом, роль последнего в истории нашего Отечества. Особое внимание исследователи уделили сложению древнерусской этнической общности, что немаловажно в контексте современной украинской историографии.

В книге В. В. Седова «Происхождение и ранняя история славян»² всесторонне исследуется проблема происхождения славян и начальные этапы их истории. Анализируя данные письменных источников, археологических, лингвистических, антропологических изысканий, автор последовательно рассматривает этапы формирования и расселения праславянских и славянских племен с середины I тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э.

Особую ценность при написании настоящего труда представляла работа В. В. Седова «Славяне в раннем средневековье»³, где подан значительный материал, в частности по *пеньковской археологической культуре* антов и *волынцевской культуре* северян. Интересными представляются карты из этой книги, которые наглядно показывают современный взгляд науки на этнокультурную ситуацию в ареале проживания восточных славян средневековья.

Последняя работа академика В. В. Седова «Славяне: Историко-археологическое исследование»⁴ стала своеобразным резюме, обобщившим концепции ученого, разрабатывавшиеся им в ходе длительной научной деятельности. В книге исследуется история славян с момента выделения их из древнеевропейской общности до формирования отдельных славянских этносов. Автор делает упор на междисциплинарный подход, хотя основу изложения образуют материалы археологии и истории.

Довольно интересным является исследование Ю. Ю. Моргунова «Фортификация Южной Руси X–XIII вв.»⁵. Славянское домостроительство VIII – первой половины XI вв. исследовано В. Н. Ковалевским⁶. По материалам погребений и поселений В. В. Новиков провел изучение уздечных наборов на территории Древней Руси в IX–XI вв.⁷. Не остаются без внимания и другие вопросы современ-

¹ *Україна крізь віки* : У 15 т. – К., 1998. – Т. 4. Київська Русь.

² Седов В. В. *Происхождение и ранняя история славян* / В. В. Седов. – М., 1979

³ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995.

⁴ Седов В. В. *Славяне : Историко-археологическое исследование* / В. В. Седов; Институт археологии РАН. – М., 2002.

⁵ Моргунов Ю. Ю. *Фортификация Южной Руси X–XIII вв. : дисс... д-ра ист. наук* / Ю. Ю. Моргунов. – М., 2007.

⁶ Ковалевский В. Н. *Славянские жилища VIII– первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье* : дисс... канд. ист. наук / В. Н. Ковалевский. – Воронеж, 2002.

⁷ Новиков В. В. *Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. : по материалам погребений и поселений* : дисс... канд. ист. наук / В. В. Новиков. – М., 2009.

ных ученых. Таким образом, общее развитие восточнославянских этносов, их материальной и духовной культуры, а также отдельные вопросы по данной теме создают надежный теоретический фундамент для более узких географически региональных историко-краеведческих исследований.

Самой изученной археологической культурой описываемого нами региона, без сомнения, является *салтово-маяцкая*, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это самая старшая по времени открытия археологическая культура раннего средневековья. Во-вторых, именно пограничье Степи и Лесостепи Верхнего Подонцовья является ареалом распространения эталонных древностей данной культуры. Наконец, *салтово-маяцкая культура* представляет собою остатки официальной материальной культуры Хазарского каганата, имевшего огромное значение в судьбах Восточной Европы, а коль скоро так, то представляла и представляет огромнейший интерес для историков и археологов многих стран. На рубеже XX и XXI вв. вновь возрос интерес к истории Хазарского каганата — одного из крупнейших раннесредневековых политических объединений Восточной Европы вт. пол. I тыс. н. э.

Будучи открытой в 1890 г., *салтово-маяцкая культура* изучалась многими учеными, научные труды которых заложили фундамент современного салтоведения и хазароведения. Это в первую очередь работы Н. Е. Макаренко, В. А. Городцова, В. А. Бабенко, Д. И. Багалея, Е. П. Трефильева, А. М. Покровского, А. С. Федоровского, П. С. Уварова. В середине XX в. огромную роль в изучении данной культуры сыграли исследования С. А. Семенова-Зуссера, И. И. Ляпушкина, М. И. Артамонова. Во второй половине XX в. *салтово-маяцкая культура* изучалась С. А. Плетневой, Д. Т. Березовцом, Л. Н. Гумилевым, Б. А. Шрамко, В. К. Михеевым, Д. Я. Телегиным и др. Полная историография вопроса заняла бы слишком много места, поэтому здесь мы остановимся лишь на тех исследованиях, материалы которых стали в настоящем труде ключевыми.

Историография хазар и *салтово-маяцкой культуры* во всех аспектах весьма велика, однако отношение к Хазарскому каганату в отечественной науке неоднократно менялось, от большого внимания и преувеличения исторического значения Хазарии до довольно негативного отношения к роли этого государства в истории восточных славян и Руси. На примере энциклопедических статей¹ видно,

¹ Хазары // Военный энциклопедический словарь. — М., 1986. — С. 791; Хазария // Советская историческая энциклопедия / Глав. ред. Е. М. Жуков. — М., 1974. — Т. 15. — С. 483; Хазарский каганат // Большая советская энциклопедия. — 2-е изд. / Глав. ред. Б. А. Введенский. — М., 1957. — Т. 46. — С. 23; Хазарский каганат // Советская историческая энциклопедия / Глав.

что на протяжении советского периода роль и значение Хазарии и хазар для истории этносов и стран Восточной Европы недооценивалась. Впрочем, это характерно и для западных энциклопедий¹, в т. ч. и «Энциклопедии Украины»².

Начиная со времен Российской империи, в отечественной науке господствовала теория о конфронтации хазар и восточных славян. Наиболее ярко данное положение было сформулировано в статье Б. А. Рыбакова «К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси»³. Позднее данная теория, с уже другой теоретической базой и набором аргументов, будет высказана в книге Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь»⁴. Работы последнего, касающиеся Хазарии и роли в ней иудаизма и евреев, довольно убедительно критикуются в работах А. А. Тортики⁵ и В. К. Михеева⁶. Собственно, археологический материал со всею полнотой показывает обратное – комплиментарность, взаимовлияние и мирное сожительство этносов Подонцовья⁷.

Внимание западных ученых привлекает, главным образом, вопрос о принятии Хазарским каганатом в качестве государственной религии иудаизма. Этому событию американские исследователи, как и их израильские коллеги, придают, кажется, слишком преувеличенное значение. Отметим здесь работы Д. Данлопа⁸, Е. И. Прицака⁹ и А. Кестлера¹⁰. Последний автор нашел оригинальный, но со-

ред. Е. М. Жуков. – М., 1974. – Т. 15. – С. 483–484; Хазары // Большая советская энциклопедия / Глав. ред. О. Ю. Шмидт. – М., 1935. – Т. 59. – С. 380–381; Хазары // Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. / Глав. ред. Б. А. Введенский. – М., 1957. – Т. 46. – С. 23; Хазары // Советская историческая энциклопедия / Глав. ред. Е. М. Жуков. – М., 1974. – Т. 15. – С. 484–485.

¹ Khazar (people) // Encyclopedia Britannica. – Access mode : <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/316553/Khazar>. – Access 10. 03. 2013; Khazars // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : <http://en.wikipedia.org/wiki/Khazars>. – Access 10. 03. 2013.

² Saltiv culture // Encyclopedia of Ukraine / D. H. Struk. – Toronto; Buffalo; London, 1993. – V. 4. Ph–Sr. – P. 522.

³ Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVIII. – С. 128–150.

⁴ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008.

⁵ Тортика А. А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате : к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / А. А. Тортика, В. К. Михеев // Хазары, евреи и славяне. – М.; Иерусалим, 2005. – Т. 16. – С. 175–184.

⁶ Михеев В. К. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева : опыт критического анализа / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Материалы восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер». – М., 2001. – Ч. 1. – С. 149–178.

⁷ См., напр.: Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 92–95; Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора) / В. В. Колода // Древности 2006–2008. – X., 2008. – С. 125–135; Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 72–81.

⁸ Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars / Douglas M. Dunlop. – Princeton; N. J., 1954.

⁹ Pritsak O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism / Omeljan Pritsak // Harvard Ukrainian Studies. – 1978

¹⁰ Koestler A. The Thirteenth tribe. The Khazar Empire and its Heritage / A. Koestler. – London, 1976; Кёстлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие / А. Кёстлер; науч. ред.

вершенно не научный ответ идеологии антисемитизма. По его мнению, падение Хазарского каганата породило несколько волн миграции, составивших основное ядро исповедующего иудаизм населения Восточной Европы. Поскольку этнически мигранты из Хазарии не были семитами, то несостоятелен и антисемитизм. Однако данные археологических исследований свидетельствуют, что основная масса хазарского народа оставалась языческой. Причем язычество было здесь не пережиточным явлением, а полноправной религией народных масс. И эту точку зрения разделяют российские и украинские археологи, располагающие большим фондом информации, полученной в ходе раскопок на землях бывшего Хазарского каганата.

В противовес теории конфронтации, как бы будучи другой крайностью, выступает теория, сформулированная в ряде работ американского историка украинского происхождения Е. И. Прицака (укр. *Омельян Йосипович Прицак*). Автор этой концепции, явно преувеличивая значение, мощь и роль Хазарии пытался доказать, например, основание Киева хазарами. Основываясь лишь на письменных источниках еврейского происхождения, Е. И. Прицак совместно с Н. Голбом, включали в предполагаемые границы каганата огромные территории, населенные восточнославянскими, тюркскими и финно-угорскими племенами. К большому сожалению, эта теория Е. И. Прицака стала популярна среди довольно широких слоев населения. Это нашло отражение в книге журналиста А. И. Железного «Забытая история Киева»¹ и некоторых общедоступных в Интернете исторических картах. Совершенно очевидна ошибочность столь смелых выводов. По крайней мере, границы Хазарского каганата было бы логично и правомерно отождествлять с ареалом распространения *салтово-маяцкой* археологической культуры. Предположения Н. Голба и Е. И. Прицака вызвали жесткую и справедливую критику Е. А. Мельниковой², П. П. Толочко³, А. П. Толочко⁴, В. Я. Петрухина, А. П. Новосельцева⁵, А. А. Тортика⁶.

Говоря о *салтовской* культуре, невозможно пройти мимо книги В. К. Михеева «Подонье в составе Хазарского каганата»⁷. В моногра-

А. Г. Юрченко; пер. с англ. А. Ю. Кабалкина. – СПб., 2001.

¹ Железный А. И. *Забытая история Киева* / А. И. Железный. – К., 2011.

² Мельникова Е. А. *Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси»* / Е. А. Мельникова // *История СССР*. – 1984. – № 4. – С. 201–209.

³ Толочко П. П. *Миф о хазаро-иудейском основании Киева* / П. П. Толочко // *Российская археология*. – 2001. – № 2.

⁴ Толочко А. П. Рецензия : Н. Голб, О. Прицак «Хазарские еврейские документы X в.» / А. П. Толочко // *Вопросы истории*. – 1987. – № 12. – С. 144–146.

⁵ Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа* / А. П. Новосельцев. – М., 1990. – С. 104–105.

⁶ Тортика О. О. *Євреї в Хазарському каганаті та Київській Русі* / О. О. Тортика // *Нариси з історії культури євреїв України*. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 31.

⁷ Михеев В. К. *Подонье в составе Хазарского каганата* / В. К. Михеев. – Х., 1985.

фии, которая является частью докторской диссертации¹, автор исследовал экономику оседлого населения Подонья в VIII–X вв. На основе новейших данных археологических раскопок, письменных и этнографических источников В. К. Михеев реконструировал социально-экономическую историю аланов, праболгар и угров. В книге прослеживается развитие скотоводства и земледелия, домашних промыслов, керамического ремесла, обработки черных и цветных металлов у народов, населявших наш край в раннем средневековье.

Немалую роль в изучении *салтово-маяцкой культуры* и истории Хазарского каганата сыграли труды С. А. Плетневой. Знаковым явлением стало издание книги «От кочевий к городам». В работе автор попыталась на основе методологии марксизма и формационного подхода создать теорию постепенного перехода кочевников к оседлому образу жизни и, как следствие, классовому обществу². Более полно данная концепция изложена в книге исследовательницы «Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей»³.

Отметим книгу «Хазары»⁴, второе издание которой увидело свет в 1986 г. В работе автор показала истоки, рождение, расцвет и упадок Хазарского каганата. На основе письменных источников и данных археологии С. А. Плетнева исследовала экономику Хазарии, социально-экономическое развитие населения государства. Автор рассказывает о различных сторонах жизни Хазарии: о ее длительных войнах с арабами, дипломатических поединках с Византией, строительстве городов, вторжении печенегов в конце IX в., окончательной гибели каганата после победоносного похода князя Святослава.

Еще одна книга С. А. Плетневой «Очерки хазарской археологии» посвящена археологии⁵ Хазарского каганата, северо-западная граница которого проходила по Северскому Донцу. Этот труд не только подводит итог полувекового изучения древностей Хазарии, но и ставит новые исследовательские задачи. Они связаны и со спасательными работами на уничтожаемых памятниках (что очень актуально для Змиевщины), и с публикацией огромного накопленного археологами, но неизданного материала.

Кратким компендиумом научно-исследовательской деятельности С. А. Плетневой стала книга «Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века».⁶

¹ Михеев В. К. *Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII–середина X вв.) : дис... докт. ист. наук* / В. К. Михеев. – К., 1985.

² Плетнёва С. А. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура* / С. А. Плетнёва. – М., 1967.

³ Плетнёва С. А. *Кочевники средневековья : Поиски исторических закономерностей* / С. А. Плетнёва. – М., 1982.

⁴ Плетнёва С. А. *Хазары* / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986.

⁵ Плетнёва С. А. *Очерки хазарской археологии* / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999.

⁶ Плетнёва С. А. *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века* / С. А. Плетнёва. – Воронеж, 2003.

В 2006 г. увидела свет монография А. А. Тортики «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)»¹. Данное исследование создано на основе широкого комплекса раннесредневековых арабо-персидских, хазаро-еврейских, древнерусских, скандинавских, византийских и западноевропейских источников с привлечением современного отечественного и зарубежного историографического опыта. Автор приводит интересные аналогии, рассматривает проблемы исторической географии раннесредневековой Восточной Европы. Существенно, что анализ осуществляется через призму местного исторического и археологического материала, а коль скоро так, то представляет огромный интерес для региональной истории Змиевского края.

К 2010 г. относится выход совместной работы В. В. Колоды и С. А. Горбаненко «Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне»². Монография посвящена сельскому хозяйству населения, проживавшего в лесостепной зоне на северо-западных территориях Хазарского каганата. В ней вводятся новые данные, полученные во время стационарных и лабораторных исследований наиболее изученных к настоящему времени поселений салтовской археологической культуры (середина VIII – середина X в. н. э.) на Северском Донце. Учет природно-климатических, привлечение палеоэтноботанических и археозоологических данных позволил авторам значительно дополнить, а в некоторых случаях скорректировать современные представления об уровне развития сельского хозяйства, как основе экономики носителей культуры салтовской лесостепи. Благодаря сравнительному анализу В. В. Колоды и С. А. Горбаненко делают вывод об определенном влиянии земледельческих традиций салтовского населения на соседних с ними славян: северян (*роменская культура* Днепроовского Левобережья) и донских славян (*боршевская археологическая культура*).

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовался работами блестящей плеяды советских, украинских и российских ученых-салтововедов (харьковских, в первую очередь). В последнее время появилось значительное число работ, посвященных домостроительству³, металлургии⁴, керамическому производству и керамике⁵ лесостепно-

¹ Тортика А. А. *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)* / А. А. Тортика. – Х., 2006.

² Колода В. В. *Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне* / В. В. Колода, С. А. Горбаненко. – К., 2010.

³ Савицкий Н. М. *Жилье постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : автореф. дис... канд. ист. наук* / Н. М. Савицкий. – Воронеж, 2011.

⁴ Степовой А. В. *Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : дисс... канд. ист. наук* / А. В. Степовой. – Воронеж, 2010.

⁵ Сарапулкин В. А. *Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : дисс... канд. ист. наук* / В. А. Сарапулкин. – Липецк, 2003.

го варианта *салтово-маяцкой археологической культуры*, а также др. вопросам изучения Хазарии.

Как видно из сказанного, *салтово-маяцкая культура* активно изучается и в наши дни, что, несомненно, повышает качество исторических исследований.

Говоря об истории изучения раннего средневековья на Слобожанщине, необходимо упомянуть несколько специальных работ по истории и археологии этого периода, материалы которых также нашли отражение в данном труде. В первую очередь, это книга В. В. Колоды «Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э.». Данная работа, являющаяся изданием кандидатской диссертации¹, посвящена развитию черной металлургии у населения Днепро-Донецкого междуречья во второй половине I тыс. н. э.² В ней поднимаются вопросы типологии, технологии создания и использования железорудных комплексов у племен *роменской* и *салтово-маяцкой археологических культур*, распространенных на территории данного региона. Свое исследование автор построил на основе анализа археологических памятников черной металлургии, среди которых Коробовы Хутора, Верхний Бишкин, Новая Покровка и др.

Общие и частные вопросы истории славян и Хазарского каганата раскрыты в энциклопедических изданиях, а также монографиях и сводах материалов по археологии, истории, славянскому язычеству, этнографии. В первую очередь, это десяти томная «История Украинской ССР»³, трехтомная «Археология Украинской ССР», отдельные тома «Археологии СССР» и некоторые выпуски «Свода археологических источников».

«История Украинской ССР» является энциклопедическим обобщением по истории Украины всех периодов. В рамках нашей работы особый интерес представляет первый том. Так в главе «Восточные славяне в VI–IX вв.» дается описание жизни и быта антов и северян, раскрываются вопросы социально-экономического развития славянских племен, показаны их взаимоотношения с окружающими народами.

В третьем томе «Археологии Украинской ССР»⁴ рассмотрена история и материальная культура населения территории Украины периода I – начала II тыс. н. э. Освещены вопросы этнической

¹ Колода В. В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999.

² Колода В. В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э.: дис... канд. ист. наук / В. В. Колода. – Х., 1996.

³ История Украинской ССР : В 10 т. – К., 1982. – Т. 1. Первоначальнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь (до второй половины XIII в.)

⁴ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3.

истории восточных славян и социально-экономического развития восточнославянского общества. Показано образование Древнерусского государства, его развитие до середины XIII в. Материалы I тыс. н. э. приведены по *археологическим культурам*.

Из восемнадцати томов «Археологии СССР», изданных к 2003 г., в настоящей работе используются материалы четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого. Книга «Древняя Русь: Город. Замок. Село»¹ является первым полутомом двухтомного издания, посвященного археологии Древней Руси IX–XIV вв. На массовом материале вещевых русских древностей, изученного методами многоаспектного анализа, реконструируются этапы поступательного развития основных отраслей древнерусского производства: земледелия, ремесла, добывающих промыслов, торговли. Широко рассматриваются типы древнерусских поселений – города, малые военно-административные центры, укрепленные феодальные замки, сельские поселения. Особый интерес представляет исследование городских дворов – усадеб, первичных социально-экономических ячеек древнерусских городских общин. В книге подведены итоги более чем столетнего изучения русских древностей, учтены и описаны около полутора тысяч древнерусских поселений, изучены десятки тысяч предметов жизни и труда древнерусских людей. В контексте нашей работы особый интерес представляют части книги, иллюстрирующие трансформацию *роменской культуры* северян в *древнерусскую*.

В серии «Археология СССР» вышла книга В. В. Седова «Восточные славяне в VI–XIII вв.»². Работа посвящена истории восточных славян в начале средневековья по данным археологии. По материалам из курганов, поселений и других памятников исследуются все стороны культуры восточных славян накануне и в период сложения древнерусской государственности, вопросы формирования и расселения их племенных группировок, взаимоотношения с соседями – финно-угорским, балтским, иранским и тюркским населением. Рассматривается конкретная история каждой из племенных группировок восточных славян, в т. ч. северян, населявших Змиевщину.

Шестнадцатый том «Археологии СССР»³, вышедший в 1981 г., включает археологические материалы, относящиеся к раннему и развитому средневековью и распространенные в Великой степи – от Забайкалья до низовий Дуная. Труд создан ведущими археологам

¹ Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1985. – Т. XV. Древняя Русь : Город, замок, село.

² Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. Восточные славяне в VI–XIII вв.

³ Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1981. – Т. XVIII. Степи Евразии в эпоху средневековья.

СССР под редакцией С. А. Плетневой и является сводом данных по кочевническим древностям Евразии.

Из огромного числа трудов серии «Свод археологических источников» в настоящей книге привлечены труды А. Н. Кирпичникова¹ и А. Ф. Медведева², в которых дана типология и описание вооружения славян эпохи средневековья.

Значительное количество данных приводится в продолжающемся издании «Хазарский альманах», который является одним из самых авторитетных изданий подобного уровня. Это единственный в мире специализированный научно-исследовательский сборник, направленный на освещение хазарской истории в зонах контактов и в общем контексте истории Восточной Европы в период существования Хазарского каганата. «Хазарский альманах» незаменим для реконструкции этой истории в плане изучения этногенеза, социально-экономической истории, развития государственности и торговых отношений, истории религий в регионах, входивших в состав Хазарского государства. За период 2002–2012 гг. вышли десять томов издания.

Коль скоро настоящая книга касается истории славян, то одну из глав ее мы посвятили описанию духовной культуры и верований наших предков. Учитывая вспомогательный характер данной главы, весь объем источников по восточнославянскому язычеству не был привлечен к анализу. Достаточно полная история изучения славянского язычества приведена в работе Л. С. Клейна «Воскрешение Перуна»³. Там же дан критический анализ, как отдельных трудов, так и направлений в исследовании этой темы.

Наиболее полное изучение славянского мифологического наследия было проведено выдающимся историком и фольклористом А. Н. Афанасьевым. Его книги, написанные в XIX в., до сих пор остаются непревзойденными по широте охвата источниковой базы⁴. Глубокий анализ религии и культов славянских Божеств провел во второй половине XIX в. А. С. Фаминцин, который привлек к иссле-

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1971.

² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострелы. VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966.

³ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб., 2004.

⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995; Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Издание полное / А. Н. Афанасьев. – Лондон, 1859; Афанасьев А. Н. Славянские колдуны и их свита / А. Н. Афанасьев. – М., 2009.

дованию значительный объем лингвистических, этнографических и фольклорных материалов¹. Огромную работу в исследовании поучений церкви против язычества провели в начале XX в. Н. М. Гальковский², Е. В. Аничков³. Большой вклад в изучение славянского язычества внес чешский славист Л. Нидерле, посвятивший вопросу главу своих «Славянских древностей»⁴. Следует также отметить фундаментальные труды академика Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси»⁵, книгу М. Гимбутас «Славяне. Сыны Перуна» и работы нашего современника Д. М. Дудко⁶. Вклад в изучение язычества внесли работы В. Й. Мансикки⁷, В. В. Иванова и В. Н. Топорова⁸. Очень интересна также книга Л. С. Клейна «Воскрешение Перуна»⁹, в которой предложена новая реконструкция восточнославянского язычества, оспаривающая как выводы академика Б. А. Рыбакова, так и систему В. В. Иванова – В. Н. Топорова. Перун предстает в этой реконструкции как главный Бог славян из разряда умирающих и воскресающих Божеств, схожий с Аполлоном и связанный с сексуальным культом плодородия.

Неоднозначным вкладом в изучение язычества восточных славян явился выход в свет значительного по числу привлеченных источников труда религиоведа В. Н. Войтовича «Українська міфологія»¹⁰, представляющего из себя словарь. Недостатком данной работы является упоминание и привлечение к составлению словаря т. н. Велесовой книги, которую, на наш взгляд, однозначно следует считать фальсификацией. К тому же, масса словарных статей явно относятся к периоду двоеверия или (что еще более

¹ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884.

² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – М., 1913. – Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе.

³ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков; послесл. В. Я. Петрухина. – Репринт. изд. 1914 г. – М., 2003.

⁴ Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987.

⁶ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007.

⁷ Дудко Д. М. Погребальный обряд знатных русов : этноисторические и мифологические корни / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 158–168; Дудко Д. М. Иранские элементы в славянском язычестве (история изучения) / Д. М. Дудко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 3–10; Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы : взаимодействие в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 34–46; Дудко Д. М. Славянский культ льва / Д. М. Дудко // Харьковский историко-археологический сборник. – 2009. – Вып. 5. – С. 91–102; Голубина книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008 и др.

⁸ Топоров В. Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения / В. Н. Топоров. – М., 1960. – Вып. 28. – С. 3–11; Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987; Иванов В. В. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. – К., 1980. – С. 29–32 и др.

⁹ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб., 2004.

¹⁰ Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002..

непонятно) к православному христианству. Некорректно также название книги, поскольку ко времени зарождения украинского этноса, XIV в., закончился не только языческий (мифологический) этап развития духовной культуры, но и период двоеверия.

В том случае, когда это не противоречит научности, мы сочли возможным использовать также популярные работы по славянскому язычеству. В последнее время появился ряд научно-популярных и учебных изданий, среди которых необходимо упомянуть книги А. А. Бычкова «Энциклопедия славянских Богов»¹, Ф. С. Капицы «Тайны славянских Богов»², И. В. Гордиенко-Митрофановой и В. С. Аксенова «Язычество восточных славян (VIII–X вв. н. э.)»³. Ценность этих изданий состоит в максимально полном и доступном изложении результатов многолетних исследований ученых. При критическом подходе данные книги могут послужить ценным источником для составления нарратива (повествования) о язычестве восточных славян.

Благодаря исследованиям ряда ученых, стало возможным говорить о круге языческих праздников древних славян. Практически все они имеют связь с аграрной магией и определенным набором агрономических знаний, накопленных древними славянами эмпирическим путем. Аграрная суть праздников была изучена В. Я. Проппом⁴, весенне-летний их цикл – В. К. Соколовой⁵, а зимние праздники – В. И. Чичеровым⁶.

Без внимания исследователей не остались культы отдельных Божеств⁷, устройство языческих святилищ и храмов⁸, славянская космогония⁹, значение поверий и обрядов¹⁰, периодизация развития языческой славянской религии¹¹ и мн. др. вопросы. Реконструк-

¹ Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000.

² Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М., 2008

³ Гордиенко-Митрофанова И. В. Язычество восточных славян (VIII–X вв. н. э.) / И. В. Гордиенко-Митрофанова, В. С. Аксёнов. – К., 2003

⁴ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – СПб., 1995.

⁵ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XI–нач. XX в. / В. К. Соколова. – М., 1979.

⁶ Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. / В. И. Чичеров // Труды института этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. Новая серия. – 1957. – Т. XL.

⁷ Ефименко П. О Яриле, языческом божестве русских славян / П. Ефименко. – СПб., 1868; Срезневский И. И. Роженицы у славян и других языческих народов / И. И. Срезневский. – М., 1855; Соколов М. Старорусские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование / М. Соколов. – Симбирск, 1887.

⁸ Русанова И. П. Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук. – М., 2007; Свириш К. М. Языческие святилища Восточной Европы: опыт конструктивного анализа / К. М. Свириш // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. П. А. Макаров, Е. И. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 95–96

⁹ Древнерусская космогония / Отв. ред. Г. С. Баранкова. – СПб., 2004

¹⁰ Потебня А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов / А. А. Потебня. – М., 1865; Остроумов Н. И. Свадебные обычаи в Древней Руси. Историко-этнографический очерк. – Тула, 1905.

¹¹ Николаева Н. А. Истоки славянской и евразийской мифологии / Н. А. Николаева, В. А. Сафронов. – М., 1999; Павленко Ю. В. Историчний розвиток слов'янського пантеону / Ю. В. Павленко // Старожитності Русі-України : Зб. наук. ст. – К., 1994. – С. 173–180.

цией славянского календаря занимались многие исследователи, в т. ч. и представители неоязыческих движений, имеющие ученые степени¹. Этой подтеме была посвящена наша отдельная работа². Вероятно, слабым местом в ней является определение Божеств-покровителей дней недели, вторника (Хорс) и субботы (Семаргл), поскольку ареал этих Богов иранского происхождения считается ограниченным восточнославянским регионом.

Этнокультурная и этническая история Украины освещена в коллективной работе В. Д. Барана, Л. Л. Зализняка, В. М. Зубаря и др. «Етнічна та етнокультурна історія України»³. Этнокультурным процессам в Подонцове периода раннего средневековья посвятил ряд работ В. К. Михеев. Так, в статье «Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша»⁴ были впервые выделены археологические признаки пребывания на Змиевщине представителей угорского этноса. Впервые мысль о возможности зарождения в Подонцове нового этноса высказала С. А. Плетнева⁵. В работах В. В. Колоды последовательно проводится мысль о мирном сожительстве славян и носителей *салтово-маяцких* традиций, их взаимовлиянии⁶. В статьях А. А. Тортики⁷ также высказано мнение о взаимном культурном влиянии этносов, вынужденно объединенных под властью единого государства. Попытка этнологически интерпретировать появление памятников *типа Сахновка* в Подонцове предпринята М. В. Любичевым⁸. В коллективной монографии В. С. Аксенова и В. К. Михеева «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» вопросу посвящена отдельная глава «О происхождении и этнической принадлежности погребенных в могильнике Сухая Гомольша»⁹ и др.

¹ Лозко Г. С. *Коло Свароже : Відроджені традиції* / Г. С. Лозко. – К., 2005.

² Коловрат Ю. А. Языческий месяцеслов восточных славян: летоисчисление. Календарь / Ю. А. Коловрат // Академия Тринитаризма. – М., Эл. № 77-6567, публ. 17522, 13.06.2012. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111098.htm>. – Доступ 29.01.2013 г.

³ *Етнічна та етнокультурна історія України : У 3 т.* / В. Д. Баран, Л. Л. Зализняк, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. 1.

⁴ Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша / В. К. Михеев // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 156–167.

⁵ Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии / С. А. Плетнева // Советская археология. – 1990. – № 2. – С. 77–91.

⁶ Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Р.-н.-Д., 2007. – С. 92–95; Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора) / В. В. Колода // Древности 2006–2008. – Х., 2008. – С. 125–135 и др.

⁷ Тортика О. О. Соціально-політична та військова структура населення пізнічно-західної Хозарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2004. – Вип. 14. – С. 29–40.

⁸ Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 13–27.

⁹ Аксёнов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2006. – Т. 5.

Названные труды дают возможность археологической фиксации (на уровне остатков материальной культуры) этнокультурных явлений. Это позволяет историку перейти от наблюдения к исследованию. Привлечение письменных источников о языке, культуре, обычаях и традициях (духовной культуре) местного населения и сопоставление оных с данными археологии, делает возможной попытку объяснения этногенеза, очевидно имевшего место на Змиевщине в период раннего средневековья.

Несмотря на то, что критика пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева составляет уже довольно солидную историографию¹, следует признать: на сегодняшний день именно она наиболее полно отвечает на большинство вопросов этнологии. Во всяком случае, лучше, нежели дуалистическая теория этноса Ю. В. Бромлей².

Несмотря на то, что собственно истории раннесредневековой Змиевщины посвящено весьма незначительное число работ, тем не менее, список литературы, в которой упоминаются памятники региона или затрагиваются общие и частные вопросы раннего средневековья в Восточной Европе, довольно велик. Это позволяет провести знакомство с темой нашего исследования и эмпирическое накопление первоначальных знаний о предмете и объекте изучения, а также рассмотреть некоторые теоретические аспекты.

§ 1.2. Источниковая база

Уровень изученности раннесредневекового периода истории Змиевского края во многом зависит от наличия и степени информативности вещественных источников. Каждый из этносов, проживавших в раннем средневековье на Змиевщине, оставил по себе либо письменные упоминания современников, либо остатки материальной культуры, называемые условным термином «археологическая культура». Для исследования данной темы именно материалы археологии являются основными, так как письменные источники, освещающие данный период, не дают прямых описаний Змиевщины.

¹ Янов А. Учение Льва Гумилёва / А. Янов // Свободная мысль. – 1992. – № 17. – С. 104–116; Шнирельман В. А. Евразийцы и евреи / В. А. Шнирельман // Вестник Евразии. – 2000. – № 1; Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва / Я. С. Лурье // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 167–177; Данилевский И. Читая Л. Н. Гумилёва / И. Данилевский // Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). – М., 2001. – С. 336–345; Шнирельман В. Лев Николаевич Гумилев : основатель этнологии? / В. Шнирельман, С. Панарин // Вестник Евразии. – № 3 (10). – 2000. – С. 32–33; Moskvich W. Terminology of Modern Russian : Ultrnationalism and Antisemitism / W. Moskvich // Language and Society in Post-communist Europe / Ed. by J. A. Dunn. – London, 1999. – P. 94–95.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей; посл. Н. Я. Бромлей. – Изд. 2-е, доп. – М., 2008.

Источниковой базой для написания настоящей книги послужили следующие группы и подгруппы источников.

1. Письменные сообщения раннесредневековых авторов:

- 1.1. арабо-персидская географическая и историческая литература;
- 1.2. христианская литература (русские летописи, западноевропейские латиноязычные хроники, исландские саги, работы византийских авторов; «Поучения» и «Слова» против язычества);
- 1.3. еврейско-хазарские документы.

2. Архивные материалы и археологические источники:

- 2.1. отчеты археологов о раскопках;
- 2.2. диссертации на соискание ученых степеней;
- 2.3. публикации результатов исследований археологов;
- 2.4. архивные фонды музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко;
- 2.5. фонды музеев Харьковской области.

3. Этнографические сведения:

- 3.1. сборники былин, песен, заговоров;
- 3.2. научные работы, цитирующие записи песен, заговоров и описывающие традиционные русские, украинские и белорусские обряды.

4. Данные языкознания:

- 4.1. этимологические словари славянских языков;
- 4.2. словари церковнославянского и древнерусского языков;
- 4.3. словари других языков.

Наиболее информативными и многочисленными являются работы арабских и персидских авторов, давших современным историкам сведения о славянах, русах и Хазарском каганате. В этих источниках нет прямого описания Подонцовья, однако они содержат значительный объем историко-географической и этногеографической информации о населении региона IX–X вв. Здесь мы остановимся лишь на тех трудах, которые использованы в настоящей работе. Это «Записки» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, «Книга драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда ибн-Омар ибн-Даста, «Книга стран» Ибн аль Факиха Хамадани, «Золотые копи» Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна (Аль-Масуди), «Книга путей и государств» Ибн Хордадбеха и ряд др. Все упомянутые нами труды собраны и переведены в работах А. Я. Гаркави, В. В. Бартольда и нескольких сборниках, из которых в настоящей работе использовались «Історія України в документах

і матеріалах» (первый том) и «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (том третий)¹.

При работе с арабо-персидскими письменными источниками необходимо учитывать, что географические познания этих авторов были несовершенны и опираются на устаревшую, еще античную, информацию. Описываемые географические объекты не всегда четки и понятны. Тем не менее, эта подгруппа в сочетании с другими письменными источниками, может значительно прояснить картину событий интересующего нас периода.

Славянские племена антов, часто беспокоившие своими набегами империю, заинтересовали византийских военных и историков. В первую очередь, это сообщения Менаандра², Феофилакта Симокатты³, Прокопия Кесарийского⁴ и Маврикия⁵. Работы византийцев существенным образом дополняют и поясняют данные археологии о *пеньковской культуре*. Отчасти был использован труд Иордана «О происхождении и деяниях гетов»⁶, в котором имеются сведения об антах.

Некоторой информативностью обладает исторический труд императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». В частности, в данной работе описывается один из «Климатов» Хазарии, являющийся базой земледельческого хозяйства каганата⁷.

Данные о хазарах, сообщаемые Феофаном и Никифором⁸, мало информативны в контексте настоящего исследования. Они позволяют лишь реконструировать в общих чертах взаимоотношения хазарского правительства и местного населения Днепро-Донского междуречья в конце VII – первой половине VIII вв., дают представление о хазарской администрации.

Византийские писатели упоминали о славянах лишь в тех случаях, когда те появлялись у границ империи, или когда импе-

¹ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.) / А. Я. Гаркави. – СПб., 1870; Бартольд В. В. Арабские известия о руссах / В. В. Бартольд // Сочинения. – М., 1963. – Т. 2, ч. 1; Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст.; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3.

² Грушевський М. С. Історія України-Руси : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Сохана. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку. – С. 180, 181

³ Феофилакт Симокатта. Історія / Феофилакт Симокатта. – М., 1996.

⁴ Прокопій Кесарійський. Война с готами. О постройках / Прокопій Кесарійський; пер. С. П. Кондратьєва. – М., 1996; Прокопій Кесарійський. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Прокопій Кесарійський. – Изд. 2-е, исп. и доп. – СПб., 2001; Прокопій. Слов'яни / Прокопій // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 3.

⁵ Маврикій. Слов'яни / Маврикій // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 31.

⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Иордан; вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960.

⁷ Багрянородный К. Об управлении империей / Константин Багрянородный; под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М., 1991. – С. 37, 53, 175.

⁸ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения : «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. И. С. Чичуров. – М., 1980. – С. 60–63, 68, 100–102, 129–130, 162–166

раторские войска наносили превентивные удары по славянским поселениям в пограничных землях. Жизнь внутренних областей Восточной Европы была известна византийским авторам весьма приблизительно.

Незначительную информацию могут дать латиноязычные источники западноевропейского происхождения: «Хроника Регинона Прюмского» и «Баварский географ»¹.

Ни один исторический труд, касающийся восточных славян, невозможен без приведения свидетельств древнерусских летописей, из коих мы использовали «Повесть временных лет» в Ипатьевском², Переяславском³ и Лаврентьевском⁴ списках. Частично привлечены тексты и иллюстрации Радзивиловской летописи⁵, Хроники литовской и жмойтской⁶, а также реконструированный М. Д. Приселковым текст Троицкой летописи⁷.

Городища (остатки укрепленных поселений) Змиевщины названы в Книге Большому Чертежу, представляющей из себя пояснительную записку 1627 г. к большой карте (чертежу) Московского государства. Сама карта не сохранилась, но Книга Большому Чертежу⁸ явилась ценнейшим источником знаний для историков и целеуказателем для археологов. Некоторые курганы и городища упоминает в «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» Филарет (Д. Г. Гумилевский)⁹.

Письменных источников по восточнославянскому язычеству дошло до наших времен мало. Помимо названных здесь летописей, это сообщения иностранцев (в т. ч. византийцев) и христианские «Слова» и «Поучения» против язычества. Последние собраны в одном из томов двухтомной работы Н. М. Гальковского¹⁰.

Следующая подгруппа письменных источников исходит от хазар и средневековых евреев, которые проживали на территории Хазарского каганата, или имели там свои торговые интересы, либо бывали в столице Хазарии – Итиле. К таковым источникам отно-

¹ Назаренко А. В. *Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.* / А. В. Назаренко. – М., 1993. *Повість врем'яних літ : Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з д.-рус., післяслово, комент. В. В. Яременка.* – К., 1990; *Полное собрание русских летописей.* – Т. 2. *Ипатьевская летопись.* – СПб., 1843.

² *Полное собрание русских летописей.* – Т. 41. *Летописец Переяславля-Суздальского.* – М., 1851.

³ *Полное собрание русских летописей.* – Т. 1. *Лаврентьевская летопись.* – Изд. 2-е. – Л., 1926–1928.

⁴ *Радзивиловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр : В 2 кн.* – СПб.; М., 1994. – Кн. 1. *Радзивиловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи.*

⁵ *Полное собрание русских летописей.* – Т. 32. *Хроника литовская и жмойтская.* – М., 1975.

⁶ Приселков М. Д. *Троицкая летопись : Реконструкция текста / М. Д. Приселков.* – М.; Л., 1950.

⁷ *Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной.* – М.; Л., 1950.

⁸ Филарет. *Историко-статистическое описание Харьковской епархии / Филарет (Д. Г. Гумилевский).* – Х., 1857. – Отд. IV. *Чугуевские округа военного поселения; уезды – Змиевской и Волчанский.*

¹⁰ Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский.* – М., 1913. – Т. 2. *Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе*

сятся письмо кордовского сановника Хасдая Ибн Шафрута хазарскому царю Иосифу¹; ответ последнего² (известный в двух редакциях, краткой и пространной); «Текст Шехтера» («Кембриджский документ»)³, «Киевское письмо»⁴ и «Таблица народов» из книги «Иосиппон»⁵. Анализ этих источников проводился А. Я. Гаркави⁶, П. К. Коковцовым⁷, Д. Данлопом⁸, Н. Голбом⁹, Е. И. Прицаком¹⁰, А. А. Тортикой¹¹ и др. исследователями.

Если отвлечься от сомнений в подлинности некоторых из названных документов (П. К. Коковцов), нужно отметить, что практически все они носят тенденциозный и предвзятый характер. Это обусловлено обстоятельствами их создания. Авторы их, как правило, уделяли большее внимание факту иудаизации Хазарии, а также освещали каганат, как могучее непобедимое государство. Однако иудейскую веру приняла только верхушка хазарского общества, а от могущества хазар к моменту написания упомянутых источников не осталось и следа. Их авторы пытались установить дипломатические связи с европейским еврейством, искали потенциальных союзников в борьбе с усиливающимися соседями. Все это и определило предвзятость данной подгруппы источников.

Кроме того, в контексте рассмотрения вопроса об иудаизации Хазарского каганата считаем верным присовокупить к данной подгруппе источников Библию (а именно Ветхий Завет)¹² и Шулхан Арух¹³.

Завершая обзор письменных источников, отметим, что при работе с ними мы взяли на себя лишь труд частичного (исторического) толкования текстов, т. е. соотнесение сведений с уже из-

¹ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова // Мир Гумилева. – М., 1996. – Вып. 6. Открытие Хазарии. – С. 551–560.

² Ответное письмо хазарского царя Иосифа. Пространная редакция // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 197–207; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова. – Л., 1932. – С. 84–103.

³ Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 177–184.

⁴ Киевское письмо // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 174–176.

⁵ Книга Иосиппон // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 170–176; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. / В. Я. Петрухин. – Смоленск; М., 1995. – С. 36–40.

⁶ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве / А. Я. Гаркави. – СПб., 1874.

⁷ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова. – Л., 1932.

⁸ Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars Douglas M. Dunlop. – Princeton; N. J., 1954.

⁹ Голб Н. Хазарско-еврейские документы X века / Н. Голб, О. Прицак. – М.; Иерусалим, 1997.

¹⁰ Pritsak O. The origin of Rus' / O. Pritsak. – Cambridge, Mass., 1981.

¹¹ Тортика О. О. Хазаро-еврейські документи X ст. як джерело з історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2011. – Вып. 34. – С. 45–54.

¹² Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1993.

¹³ Schulchan Aruch, order vier jüdischen Gesetzbücher, übersetzt von Heinrich George. – Lowe; Hamburg, 1837–1841.

вестными фактами, а также содержательную часть высшей (внутренней) критики.

Археологические источники, наиболее многочисленные и конкретные в исследовании заявленной нами темы, представляют особый интерес. Необходимо учитывать, что вещественные источники (подъемный материал), как таковые, не представляют интереса для историка, который не обладает необходимой методологией для их изучения. Но после того, как археологические находки пройдут стадию полевых, лабораторных и сравнительно-типологических интерпретаций, систематизированные и опубликованные, они становятся конкретным фактическим материалом для иллюстрации (или опровержения) сведений, извлекаемых историком из письменных источников. К сожалению, по многим вопросам раннего средневековья на территории Подонцовья археологические источники являются единственными. В этом случае опора только лишь на них заведомо снижает качество исторического исследования, делает его гипотетичным.

В тех случаях, когда письменные или фотографические данные о раскопках не отражены в публикациях, мы сочли уместным почерпнуть сведения в отчетах археологов. Это, в первую очередь, отчеты Б. А. Шрамко¹, В. В. Колоды², Г. Е. Свистуна, А. А. Тортики, В. К. Михеева, В. М. Ряполова, В. И. Квитковского, А. А. Лаптева³. В несколько меньшей степени использованы материалы отчетов Ю. В. Буйнова⁴, С. И. Берестнева⁵, А. Г. Дьяченко⁶. Сведения данной подгруппы источников стали значительным подспорьем при составлении свода археологических памятников региона.

Естественно, что, работая с археологическими источниками, историку необходимо знание современной теоретической базы ар-

¹ Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1969 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1970 // Архив МАЭСУ; Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1971 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1972 // Архив МАЭСУ; Шрамко Б. А. Отчёт о разведках и раскопках Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1957 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1958 // Архив МАЭСУ и др.

² Колода В. В. Отчёт о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2002 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды и др.

³ Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году / В. В. Колода, А. В. Крыганов, В. К. Михеев, В. М. Ряполов, Г. Е. Свистун, А. А. Тортика. – Х., 2005 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды; Колода В. В. Отчёт о совместных археологических разведках в 2007 г. (бассейны рек Тетлега и Большая Бабка (правые притоки Северского Донца)) / В. В. Колода, Г. Е. Свистун, В. И. Квитковский, А. А. Лаптев. – Х.; Чугуев, 2008 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды и др.

⁴ Буйнов Ю. В. Отчёт о раскопках и разведках на территории Харьковской области в 1977 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1978 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8502 и др.

⁵ Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках археологических памятников на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 году / С. И. Берестнев. – Х., 1980 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 9406; Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках памятников бронзового века в Харьковской области в 1977 году / С. И. Берестнев. – Х., 1978 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8503 и др.

⁶ Дьяченко А. Г. Отчёт о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета в 1976 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1977 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8030 и др.

хеологии. Это вызвало необходимость ознакомления с выводами, сделанными учеными в диссертационных исследованиях. В контексте настоящей работы имеют значение труды, написанные с привлечением фактического материала с территории Змиевского края. Это диссертации В. К. Михеева¹, В. В. Колоды², М. В. Любичева³, В. С. Аксенова⁴.

Значительная часть археологических источников опубликована в сообщениях, тезисах докладов, научных статьях и монографиях, что значительно облегчает работу с ними, поскольку содержит интерпретацию авторов раскопок.

Так, например, благодаря научным трудам С. А. Плетневой, Б. А. Шрамко, Г. Е. Афанасьева, В. К. Михеева, О. М. Приходнюка, В. С. Флерова, М. В. Любичева, В. С. Аксёнова, Г. Е. Кравченко, В. В. Колоды, Г. Е. Свистуна, А. А. Лаптева и др. стало возможным применение картографического метода исследования, что позволило не только представить степень заселенности региона, но и его специфические особенности для той или иной археологической культуры раннего средневековья. Именно данные археологии позволяют представить степень и качество заселенности региона, его хозяйственную эксплуатацию, характер поселений.

Вопросы топографии и планиграфии поселений *пеньковской*, *салтовской* и *роменской культур*, их плотность, равно как размеры, интерьер и вещевой комплекс жилищ, являются ценным источником для реконструкции родовых отношений, типа семьи, общины, племени и социальной структуры местного населения.

Керамика, как таковая, также является весомым историческим источником. Наличие ее вне комплексов может свидетельствовать о кратковременности пребывания носителей данной археологической культуры, привозная же (например, амфоры) — говорить о торговых связях местного населения.

Взаимное влияние *салтовских* и *славянских (роменских)* домостроительных традиций убедительно доказал в своих работах В. В. Колода⁵. Г. Е. Афанасьев, исследовавший ранее полуземляноч-

¹ Михеев В. К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII–середина X вв.) : дис... докт. ист. наук / В. К. Михеев. – К., 1985.

² Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э.: дис... канд. ист. наук / В. В. Колода. – Х., 1996.

³ Любичев М. В. Пенківська культура Дніпро-Донецького межириччя : дис... канд. іст. наук / М. В. Любичев. – Х., 1994.

⁴ Аксёнов В. С. Поховання з концем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників) : дис... канд. іст. наук / В. С. Аксёнов. – К., 2000.

⁵ Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 72–81; Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные

ные жилища на Маяцком и Ютановском комплексах, отрицает влияние традиций славянского домостроительства на домостроительство *салтово-маяцкой культуры*¹. Очевидно, что это мнение следует признать устаревшим. В диссертационном исследовании Н. М. Савицкий установил, что, домостроительство славянского населения городища Титчиха и населения Маяцкого комплекса имеет как общие, так и отличительные черты. Аланское население донской лесостепи действительно могло заимствовать «общие контуры» домостроительной традиции славян, сохранив и собственные традиционные черты (прежде всего, отопительные устройства в виде очагов). Механизм такого взаимодействия этносов, конечно, нуждается в дальнейшем изучении. В качестве гипотезы автором высказано следующее предположение. «Сближение характеристик хозяйственно-культурного типа населения указанных вариантов *салтово-маяцкой культуры* и славян способствовало появлению сходных черт материальной культуры, прежде всего в домостроительстве. Это обстоятельство облегчало и возможное заимствование некоторых элементов. Хозяйственно-культурный тип связан с природно-климатическими условиями, образом жизни, уровнем социального развития населения. Славяне *роменской и боршевской культур* и население лесостепного варианта *салтово-маяцкой культуры* находились в одной ландшафтной зоне и схожих природно-климатических условиях. Объяснение сходных элементов в домостроительстве населения лесостепного варианта *салтово-маяцкой культуры* и славян (*роменская и боршевская культуры*) следует искать не только в сфере этнокультурных контактов, но и в общности хозяйственно-культурных типов»².

Данные о раскопках могильников, их планиграфии, этническом лице погребенных, погребальном обряде опубликованы в ряде научных работ. Основную базу данных по Сухогомольшанскому и Красногорскому могильникам *салтово-маяцкой культуры* можно найти в статьях и монографиях В. К. Михеева³ и В. С. Аксёнова⁴.

отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Р.-н.-Д., 2007. – С. 92–95.

¹ Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант *салтово-маяцкой культуры*) / Г. Е. Афанасьев // Археологические открытия на новостройках. – 1987. – Вып. 2.

² Савицкий Н. М. Жилые постройки лесостепного варианта *салтово-маяцкой культуры*: автореф. дис... канд. ист. наук / Н. М. Савицкий. – Воронеж, 2011. – С. 22.

³ Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 158–173; Михеев В. К. Раскопки Сухогомольшанского могильника / В. К. Михеев, А. К. Дегтярь // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1976. – С. 364–365; Михеев В. К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса / В. К. Михеев, А. К. Дегтярь // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1974. – С. 309 и др.

⁴ Аксёнов В. С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 6–17; Аксёнов В. С. Обряд погребения с конём у населения *салтово-маяцкой культуры* (по материалам могильника у с. Красная Горка) / В. С. Аксёнов // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвящённой 90-летию XII Археологического съезда. – Х., 1992. – С. 83–84; Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов,

Материалы раскопок, отображающие этнокультурные процессы в Подонцовье, опубликованы в работах таких археологов, как В. К. Михеев¹, М. В. Любичев², В. В. Колода³, В. С. Аксенов⁴, А. А. Лаптев⁵ и др.

Вопросы религии, верований и мифологии также не обошли внимание археологов. Сакральные захоронения и связанные с ними обряды были исследованы М. В. Любичевым на поселении Нижний Бишкин II⁶. Особую ценность представляет открытие В. В. Колодой святилища (жилища с жертвенником) *роменской культуры* на Мохначанском городище⁷. Несколько работ о религии населения Подонцовья в период раннего средневековья опубликовал В. С. Аксенов⁸.

Археологические источники позволили восстановить фортификацию городищ региона, их конструктивные особенности и функциональное предназначение. В этой области отметим работы В. В. Колоды⁹ и Г. Е. Свистуна¹⁰.

Л. И. Бабенко // *Российская археология*. – 1998. – № 3. – С. 111–122 и др.

¹ Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша / В. К. Михеев // *Советская археология*. – 1982. – № 2. – С. 156–167 и др.

² Любичев М. В. Салтово-саксовские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // *Хазарский альманах*. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 277–296.

³ Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) / В. В. Колода // *Хазарский альманах*. – М., 2005. – Т. 4. – С. 216–233; Колода В. В. Розвиток слов'яно-хазарських стосунків на Дніпровському Лівобережжі / В. В. Колода // *Український історичний портал*. – Режим доступу: <http://www.history.com.ua/review/2006/n1-2006/r1/koloda.shtml>. – Доступ 22.02.2010 р.; Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.)* – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 92–95 и др.

⁴ Аксёнов В. С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / В. С. Аксёнов, А. А. Тортика // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 191–218.

⁵ Лаптев А. А. Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников / А. А. Лаптев // *Салтово-маяцка археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині*. – Х., 2011. – С. 43–49.

⁶ Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2001. – № 526: *Історія*. – Вип. 33. – С. 4–14.

⁷ Колода В. В. Житло із жертвенником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 1. – С. 42–46.

⁸ Аксёнов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // *Хазарский альманах*. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 136–144; Гордиенко-Митрофанова И. В. Язычество восточных славян (VIII–X вв. н. э.) / И. В. Гордиенко-Митрофанова, В. С. Аксёнов. – К., 2003.

⁹ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // *Археологія*. – 2007. – № 2. – С. 9–15; Колода В. В. Старожитності с. Мохнач та його округи / В. В. Колода, Т. О. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 2. – С. 42–45.

¹⁰ Свистун Г. Е. Фортификацию Кабанова городища / Г. Е. Свистун // *Харьковский археологический сборник*. – 2008. – Вып. 3. – С. 3–16; Свистун Г. Е. Фортификация Чугуевского городища / Г. Е. Свистун // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – Донецк, 2012. – Т. 9. Хазарское время. – С. 7–34; Свистун Г. Е. Конструктивні особливості салтської оборонної лінії Мохначанського городища / Г. Е. Свистун // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 2. – С. 117–119; Свистун Г. Е. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности / Г. Е. Свистун, Ю. Г. Чендеев // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2000. – № 2 / 2003. – № 1. – С. 130–135.

Значительный объем информации опубликован по быту, сельскому хозяйству и ремеслам носителей *пеньковской, роменской и салтово-маяцкой культур*¹¹.

При относительной многочисленности археологических источников (в сравнении с письменными), необходимо помнить, что данная дисциплина имеет свою узкую сферу и, как любая другая наука, ограничена уровнем развития современной методологии. «Археолог бессилен там, где ткани и меха истлели, а золотые украшения перелиты врагами в слитки»¹². Однако, будучи подтвержденными или опровергнутыми другими источниками, данные археологии могут дать наибольший результат при исследовании раннесредневекового периода интересующего нас региона. Несомненным минусом археологических источников является также их фрагментарность. Совсем незначительная часть памятников вскрыта полностью, еще не на всех памятниках проводились и проводятся стационарные раскопки. Огромное количество поднятого материала еще только ждет своей обработки и публикации.

В настоящей работе мы, как правило, опирались на ту интерпретацию археологических источников, которую высказали в своих публикациях авторы раскопок.

Интересные сведения были почерпнуты автором в архивном отделе Историко-краеведческого музея Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко. В частности, приведены данные о раскопках, в которых принимали участие учащиеся данного заведения и еще 18 школ Чугуева и Харькова¹³. Также использована информация из рукописи А. Н. Ракитянской, которая будучи руководителем краеведческого кружка, тесно сотрудничала как с учеными-археологами Харьковского университета, так и с краеведами сел Водяное и Красная Поляна¹⁴.

Археологические источники дают возможность детально проиллюстрировать конкретное содержание материальной культуры ушедших эпох и народов. В этом их основная ценность. Многое из того, что дают эти источники (проникновение антов вглубь степи,

¹¹ Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. // М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37–45; Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 68–69; Колода В. В. Землеробство салтівської культури (за матеріалами Мохначанського городища) / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Vita Antiqua. – К., 2009. – № 7–8. – С. 161–180; Колода В. В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище / В. В. Колода // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 69–78; Колода В. В. К вопросу о салтовских сундучках-ларцах / В. В. Колода // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вып. 4. – С. 5–15; Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья / В. В. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2007. – Т. 6. – С. 120–132 и др.

¹² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М., 2008. – С. 66.

¹³ АО МКЗЛ. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 1.

¹⁴ АО МКЗЛ. – Ф. 14. – Оп. 3. – Д. 1.

возникновение синкретического этноса в рамках *салтовской культуры*, региональные особенности социального развития северян), еще требует своего истолкования, осмысления и изучения.

Помимо публикаций археологических источников, иллюстративный ряд книги составили фотографии фондов музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, Змиевского краеведческого музея, Музея Боевого братства с. Соколово и Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В. Н. Каразина. Также в работе использованы авторские фотографии материалов, депонированных в научно-исследовательской археологической лаборатории ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

Значительную пользу в реконструкции исторических событий раннего средневековья, а также воссоздании духовной культуры, мифологии, обрядности, религии может дать этнография. Мы обратились к этнографическим материалам, собранным и опубликованным А. Н. Афанасьевым¹, М. А. Максимовичем², Г. О. Булашевым³, М. М. Забылиным⁴, А. А. Коринфским⁵, Ф. К. Вовком⁶.

Кроме того, календарный цикл с его обрядами, обычаями и поверьями был зафиксирован и отчасти изучен в работах русских, белорусских и украинских этнографов. Отметим работы Е. А. Грушко и Ю. М. Медведева «Русские легенды и предания»⁷, С. И. Килимника «Український рік у народних звичаях в історичному освітленні»⁸, И. И. Огиенко «Дохристиянські вірування українського народу»⁹, А. И. Воропая «Звичаї нашого народу: Етнографічний нарис»¹⁰ и Е. Н. Романова «Белорусский сборник»¹¹.

Языческие рудименты содержатся также в памятниках древнерусской литературы, Слово о полку Игореве¹², Голубиной книге¹³,

¹ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Издание полное / А. Н. Афанасьев. – Лондон, 1859; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995.

² Максимович М. Дні і місяці українського селянина / М. Максимович; пер. з рос. В. Гнатюка. – К., 2002.

³ Мифи України. За книгою Георгія Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях». – К., 2003; Українці : Народні вірування, повір'я, демонологія. – К., 1991.

⁴ Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – М., 1880.

⁵ Коринфский А. А. Народная Русь : Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский. – М., 1901.

⁶ Вовк Х. К. Студії з української етнографії та антропології / Х. К. Вовк. – К., 1995.

⁷ Грушко Е. А. Русские легенды и предания / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М., 2007.

⁸ Килимник С. Український рік у народних звичаях історичному освітленні : У 3 кн., 6 т. / С. Килимник. – Факс. вид. – К., 1994.

⁹ Огієнко І. Дохристиянські вірування українського народу / І. Огієнко. – К., 1992.

¹⁰ Воропай О. Звичаї нашого народу : Етнографічний нарис : У 2 т. / О. Воропай. – Мюнхен, 1958.

¹¹ Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи; Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 4. Сказки космогонические и культурные; Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1887. – Вып. 3. Сказки; Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Вильна, 1912. – Вып. 8–9. Быт белоруса. Словарь условных языков.

¹² Слово о полку Игореве. Фотокопія видання 1800 р. – К., 1952.

¹³ Голубиная книга. Славянская космогония / Сост. коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008.

былинах¹, летописях. Здесь интересующие нас сведения фрагментарны и, естественно, требуют критической интерпретации и сопоставления с другими источниками. Однако именно эта подгруппа составляет наибольшую ценность ввиду своей древности и аутентичности.

В былинах зачастую содержатся мотивы реальных исторических событий. Для настоящей работы имеет значение, например, былина «Илья Муромец и Жидовин», которая отражает период, когда Хазарский каганат еще представлял собой грозную в военном отношении силу².

Среди лингвистических источников, привлеченных в работу над данным исследованием, следует назвать «Этимологический словарь славянских языков»³, «Этимологический словарь русского языка»⁴, «Этимологический словарь польского языка»⁵, а также «Древнетюркский словарь»⁶. Немаловажный фактический материал почерпнут нами в работах отечественных лингвистов⁷. Наличие именно этимологической базы позволило успешно применить лингвистический метод.

Таким образом, в результате небольшого анализа был установлен круг источников по теме и степень их изученности.

§ 1.3. Методологическая, гносеологическая и теоретическая основа

В начале XXI в. наука выходит на новый уровень развития, для которого характерно взаимодействие и взаимопроникновение смежных дисциплин. Продолжают развитие ряд комплексных междисциплинарных наук, в т. ч. и краеведение, еще до недавнего времени считавшееся уделом любителей. Поэтому немаловажным является вопрос выработки новых методологических и гносеологических подходов в освещении региональной истории.

¹ Былины. – М., 1986

² Илья Муромец и Жидовин // Былины: В 25 т. / РАН; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб.; М., 2001. – Т. 2. Былины Печоры: Север Европейской России. – С. 425–426.

³ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1974. – Т. 1; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1981. – Т. 8; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1983. – Т. 10; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1984. – Т. 11

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва: В 4 т. изд. 2-е, стереотип. – М., 1986–1987.

⁵ Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. – Kraków, 2005.

⁶ Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

⁷ Трубачёв О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений / О. Н. Трубачёв // Этимология. – М., 1967; Трубачёв О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачёв. – Изд. 3-е, доп. – М., 2005; Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси, 1984 и др.

По мнению Л. Н. Хмылева, «... в системе исторического познания есть несколько основных элементов или уровней: частные исследования, концептуальный тип познания, историческая теория, методология истории. В данное время доминирующий тип научных работ – частные исследования. Обобщающие же исследования стали редкостью, одновременно затормозилась так и не набравшая силу разработка теоретико-методологических проблем. В этом и состоит основная диспропорция в структуре исторической науки»¹. С этим следует согласиться. Но ведь также верно высказывание С. М. Куделко о том, что краеведческие исследования относятся к частным². Налицо противоречие: в краеведении исторический факт присутствует в своем непосредственном окружении, а в обобщающей истории – на фоне общеисторического контекста. Для краеведения факт – основа основ, для обобщающей истории – лишь составная часть целого, которая должна вписаться в определенную схему.

Ввиду сказанного, гносеологическую основу данного исследования составляет метод диалектики и его принципы движения и развития, взаимосвязи и взаимообусловленности, причинно-следственной связи. Диалектика взаимоотношений краеведения и обобщающей истории состоит в том, что сбор краеведческих фактов есть стадия, предшествующая созданию обобщающей истории региона, первой ступенью восхождения от единичного к особенно-му, общему и всеобщему.

Настоящее исследование построено по проблемно-хронологическому принципу. Предлагаемая читателю книга имеет в своей теоретической основе принципы научного познания: историзма, объективности, социального подхода, научности и достоверности освещения исторических событий.

В частности, применение принципа историзма позволило осветить события раннего средневековья на территории Змиевского региона Слободской Украины в их историческом контексте. Обычно краеведы-аматоры представляют историю как науку идеографическую – пытаются описать исторические факты на основе их отношения к тем или иным ценностям. Однако, как верно отмечает С. М. Куделко, использование идеографического метода приводит к потере связности и закономерности исторического процесса³. Тем

¹ Хмылёв Л. Н. Структурный кризис исторической науки / Л. Н. Хмылёв // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1999. – Вып. 25. – С. 70.

² Куделко С. М. История повседневности в контексте исторического краеведения / С. М. Куделко // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы). Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.) : Сб. докладов. – Х., 2004. – С. 145.

³ Куделко С. М. Аксеологічний підхід в історико-краєзнавчих дослідженнях / С. М. Куделко // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя ХІІ Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2003 р. – Х., 2003. – С. 157–158.

не менее, с учетом вышесказанного, идеографический метод в настоящей работе использован – он позволил, основываясь на объективных фактах, развернуть перед читателем последовательное описание событий и явлений периода раннего средневековья.

Благодаря опоре на объективные факты, мы попытались рассмотреть выбранный период истории родного края во всей его многогранности и противоречивости. Принцип социального подхода позволил показать явления и процессы развития родовых, социальных и политических отношений через призму жизни населения края середина V – середина XI вв.

Исходя из поставленных в работе задач, автором были использованы общенаучные методы, а именно: критический анализ используемых источников, а также опора на результаты аналитических работ через отсылочные сноски и синтез полученного фактического материала. Также нами было использовано соединение конкретно-исторического и логико-теоретического методов, что позволило проследить различные этапы развития славянских культур региона и Хазарского государства. Применение диахронического и синхронического методов позволило реализовать одну из основных задач исследования – изложить явления, факты и события этнокультурных и этнополитических процессов раннего средневековья Подонцовья в хронологической последовательности их появления и протекания, а также выявить существующие между ними взаимосвязи и противоречия. В ряде случаев были применены компаративный, дедуктивный, индуктивный, гипотетико-дедуктивный методы, а также метод аналогии.

Наряду с общенаучными методами, в книге широко использовались специальные исторические методы исследования. К их числу относится сравнительно-исторический, при помощи которого характеризовались славянские языческие культы в их развитии. Накопление и анализ исторических фактов различных аспектов исследуемой темы проводились при помощи эмпирического анализа. Историко-генетический метод позволил выявить причины падения Хазарского каганата и перехода региона под власть Русского государства (лесостепная часть) и кочевников (степная часть). В настоящей книге все события, явления и процессы рассматриваются нами как система, т. е. не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостность. Целесообразный при таком подходе историко-системный метод позволил создать цельную комплексную картину прошлого.

Из нетрадиционных исторических методов нами был использован лингвистический. При его помощи удалось подтвердить те

сложнейшие этнокультурные процессы, которые лишь отчасти могут быть прослежены на археологическом материале.

Картографический метод позволил провести сопоставление природно-климатических особенностей региона и расположение памятников исследуемых археологических культур, что способствовало выявлению закономерностей продвижения сюда славянского населения и характерных особенностей расположения *салтовских* поселений.

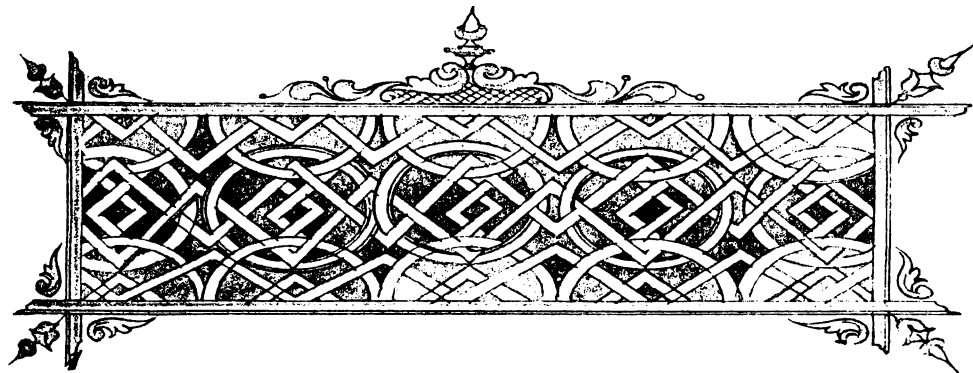
Методика настоящего исследования предполагает максимально полное привлечение археологических и письменных сведений о городищах, селищах, кочевьях, могильниках, одиночных находках (керамика, монеты, фибулы и т. п.), этносах и археологических культурах, относящихся к данному региону и периоду. Это позволяет заново проанализировать имеющиеся в научной литературе истолкования назначения каждого изучаемого объекта и его развития в заданном хронологическом диапазоне. Результаты изысканий по каждой подтеме сопоставляются с общеисторическим контекстом.

В настоящей работе цитаты из летописей и Книги Большому Чертежу приведены в орфографии древнерусского языка:

- **к** последовательно используется после гласных и в начале слова (вместо ст.-слав. **ѣ**), **ѣ** – в остальных случаях;
- **ѣ** последовательно используется вместо ст.-слав. **ѣ**;
- **ї** употребляется перед гласными, **и** – перед согласными;
- **и** последовательно используется после гласных и в начале слова, **и** – в остальных случаях;
- написание **ѣ** и **ѣ** приводится в соответствии с оригиналом, поскольку может иметь фонетическое значение или отражать смешение этих звуков в произношении времен переписывания летописи.

Ни одно исследование не может возникнуть на пустом месте, в отрыве от предшествовавших и современных научных разработок. Поэтому теоретической основой настоящей книги послужили труды А. Н. Афанасьева, С. А. Плетневой, Б. А. Рыбакова, Б. А. Шрамко, В. В. Седова, Л. Н. Гумилева, П. П. Толочко, О. В. Сухобокова, О. Н. Трубачева, В. К. Михеева, В. В. Колоды, В. С. Аксенова, М. В. Любичева, А. А. Тортики, Г. Е. Свистуна, Д. М. Дудко, С. М. Куделко, А. А. Лаптева и др.

На основе вышеуказанных принципов и методов научного исторического познания достигалась цель и реализовывались поставленные в настоящем исследовании задачи.

Ранние славяне — анты.

Пеньковская археологическая культура

(середина V — VII вв. н. э.)

Пеньковская культура: открытие, ареал распространения, периодизация. — Поселения. — Жилища и хозяйственные постройки. — Хозяйство. — Ремёсла и керамика. — Погребальные памятники. — Общественные отношения у носителей пеньковской культуры. — «Древности антов». — Этническое лицо носителей пеньковской культуры. Название и этническая принадлежность антов. — Вооружение. — Нашествие авар. Закат могущества антов.

§ 2.1. Пеньковская культура: открытие, ареал распространения, периодизация

В соответствии с письменными источниками, лесостепную часть Украины, в том числе и Подонцовья, в IV—VII вв. населяли многочисленные племена антов.

В это же время (с V в. н. э.) на огромных просторах Украины — от Дуная до Северского Донца — получают распространение похожие по своему типу древности, относящиеся к одной археологической культуре (рис. 2).

Название свое эта культура получила от с. Пеньковка Черкасской области Украины, где в 1956—1959 гг. впервые были раскопаны ее памятники, обнаруженные Кременчугской новостроечной

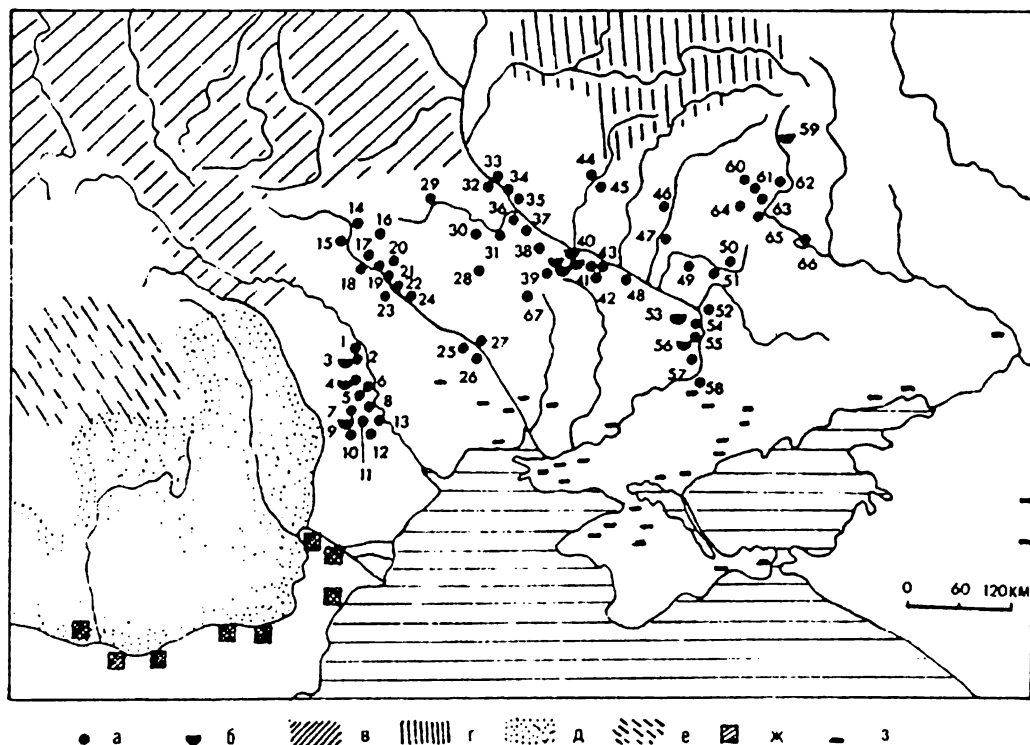

Рис. 2. Основные памятники пен'ковской культуры:

а – поселения; *б* – могильники. Арёалы: *в* – пражско-корчакской культуры; *г* – колочинской культуры; *д* – ипотешти-кындештской культуры; *е* – культуры морешти; *ж* – византийские города и крепости; *з* – памятники кочевых племен.

1 – Алчедар; 2 – Лопатна; 3 – Ханска III; 4 – Селиште (поселения I – II и могильник); 5 – Ре-ча; 6 – Бранешты; 7 – Скок; 8 – Лукашевка; 9 – Анчены; 10 – Кобуска-Веке; 11 – Стручены I – III; 12 – Костешты I – III; 13 – Ханска; 14 – Пиков; 15 – Якушин; 16 – Глинское; 17 – Самчинцы; 18 – Семенки; 19 – Кисляк; 20 – Куня; 21 – Ладыжин; 22 – Скибинцы; 23 – Балашовка; 24 – Гайворон; 25 – Ивановка; 26 – Ивановка 2; 27 – Семеновка; 28 – Кочубеевка; 29 – Белая Церковь; 30 – Вильховчик; 31 – Гута-Михайловская; 32 – Григоровка; 33 – Цибли; 34 – Домантово; 35 – Сушки; 36 – Крещатик; 37 – Будище; 38 – Стецовка; 39 – Беляевка; 40 – Великая Андрусовка (четыре могильника); 41 – Пен'ковка-Луг I; 42 – Пен'ковка-Луг II, 43 – Пен'ковка-Молочарня; 44 – Хитцы; 45 – Прогресс; 46 – Засулье; 47 – Полужорье; 48 – Дериевка; 49 – Осиповка; 50 – Чернещина; 51 – Богатое; 52 – Игрень; 53–54 – Волосское; 55 – Звонецкое; 56 – Алексеевка; 57 – Хортицы; 58 – Скелька; 59 – Дмитриевское; 60 – Липцы; 61 – Сухая Гомольша; 62 – Петровское; 63 – Задонецкое; 64 – Занки; 65 – Таранцево; 66 – Студенок; 67 – Пастырское.

экспедицией под руководством Д. Т. Березовца. Однако, как справедливо отмечает О. М. Приходнюк, начало изучения *пеньковских* древностей на Левобережье Днестра было положено исследованиями селища Задонецкое в поречье Северского Донца, проведенными экспедицией Харьковского государственного университета под руководством Б. А. Шрамко. Раскопками 1953, 1957, 1969, 1970 гг. на памятнике, кроме слоев конца I тыс. н. э., открыта хозяйственная яма, в заполнении которой обнаружена лепная биконическая и округлобокая посуда *пеньковского* облика. Найдены также бронзовая подвеска и большая цельнолитая пряжка овальных очертаний¹.

Несколько *пеньковских* поселений (Нижний Бишкин I, II, Сухая Гомольша и др.) в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в поречье Северского Донца на Змиевщине исследовал М. И. Любичев².

Изучением *пеньковской культуры* на Змиевщине занимались и занимаются В. Д. Баран, И. П. Русанова, В. В. Седов, Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Ю. В. Буйнов, В. Е. Радзиевская, О. М. Приходнюк, С. И. Берестнев, А. Г. Дьяченко, М. В. Любичев.

Традиционно хронологическими рамками *пеньковской культуры* считается период 450–700 гг. н. э. Но, по словам М. В. Любичева, в Змиевском крае нижняя хронологическая граница *пеньковской культуры* определяется концом IV – началом V вв. н. э. Подтверждением тому служит пряжка малого размера с овальной, слегка уплощенной в свободном конце дужкою без язычка, найденная в с. Задонецком. Исследователь датирует находку концом IV в. н. э.³ Верхнюю дату существования *пеньковских* древностей С. А. Плетнева на основании *пеньковских* трупосожжений Дмитровского могильника относит к концу IX в.⁴

В развитии *пеньковской культуры* выделяются (по изменениям в домостроительстве и керамическом комплексе) три периода:

- 1) ранний период – конец IV – рубеж V и VI вв. (еще существуют реликты *позднезарубинецкой* и *киевской культур*);
- 2) средний период – граница V–VI – середина VII вв. (классическая *пеньковская культура*);
- 3) поздний период – вторая половина VII – начало VIII вв. (распад *пеньковской культуры*, формирование *волынцевского* горизонта, переход *пеньковского* населения бассейна Северского Донца под власть Хазарского каганата)⁵.

¹ Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 8.

² Любичев М. В. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя : дис... канд. іст. наук / М. В. Любичев. – Х., 1994.

³ Любичев М. В. О первоначальной территории расселения антов и их продвижении к Балканскому полуострову / М. В. Любичев // Древности 1995. – Х., 1995. – С. 113.

⁴ Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 47.

⁵ Любичев М. В. Населення територій північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 28.

Территорией зарождения *пеньковской культуры* является междуречье Днепра и Северского Донца. В первой половине VI в. *пеньковские племена* проникают вдоль бассейна Северского Донца далеко вглубь степи, вплоть до впадения Жеребца. По мнению М. В. Любичева, это подтверждает мысль М. С. Грушевского о том, что в первой половине VI в. славянская колонизация захватила бассейн Дона¹. Об этом свидетельствуют, например, раскопки раннеславянского поселения Раковка, проводившиеся в 1991 г. Савинским отрядом Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета. Данное поселение расположено юго-западнее железнодорожной станции Савинцы Балаклеянского района Харьковской области в пойме левого берега Северского Донца. Руководитель раскопок М. В. Любичев отмечает, что «поселение Раковка является одним из самых ранних памятников *пеньковского* типа на Северском Донце, имеющее *поздnezарубинецкие* и *киевские* черты»².

Проникновение носителей *пеньковской культуры* в степь в конце IV–VII вв. является особенностью Днепро-Донецкого междуречья, поскольку только лишь по течениям Днепра, Орели и Северского Донца они заходили вглубь степи³.

В конце V – начале VI вв. носители *пеньковской культуры* переходят на правый берег Днепра, достигая Южного Буга, Днестра и Прута.

Проблема происхождения *пеньковской* археологической культуры, а вместе с ней и ее носителей, является ключевым вопросом в этногенезе славян. Такие исследователи, как В. Д. Баран⁴, О. М. Приходнюк⁵, М. В. Любичев⁶ выводят происхождение *пеньковской культуры* из *киевской* и *зарубинецкой культур*. Так, по словам О. М. Приходнюка, установлено, что территорией, где сформировалось первичное ядро данной культуры, являлось Среднее Поднепровье и Левобережные его территории, вплоть до Северского Донца. Истоки *пеньковского* археологического комплекса прослеживаются в *поздnezарубинецких* древностях типа Лютежа, на базе которых сформировались памятники типа Сушков II, сочетающие в себе *поздnezарубинецкие*, *пеньковские* и *колочинские* черты⁷.

¹ Любичев М. В. О первоначальной территории расселения антов и их продвижении к Балканскому полуострову / М. В. Любичев // Древности 1995. – X., 1995. – С. 114.

² Любичев М. В. Раннеславянское селение на Северском Донце / М. В. Любичев // Вестник Харьковского университета. – 1993. – № 374 : История. – Вып. 27. – С. 30, 34.

³ Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37.

⁴ Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни.

⁵ Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–XI ст. н. е. / О. М. Приходнюк. – К., 1980.

⁶ Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи : История исследования и основные проблемы изучения. Монография / М. В. Любичев. – X., 2000.

⁷ Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования)

Напротив, В. В. Седов¹, В. И. Довженюк², Г. С. Лозко³ считают предшественниками *пеньковцев* носителей *черняховской культуры*. Данные современной археологии позволяют предполагать, что *пеньковская культура* сформировалась в лесостепной части междуречья Днестра и Северского Донца в условиях кризиса и распада *черняховской культуры* на основе *киевских древностей* в конце IV – начале V вв.⁴. Действительно, основные черты *пеньковской* и *киевской культур* (топография поселений, жилищное строительство, керамические комплексы, погребальные обряды) близки между собой, что и позволяет усматривать между ними генетическую связь.

Большинство исследователей считают носителями *пеньковской археологической культуры* антов. Аргументацией такого мнения могут служить слова О. М. Приходнюка: «Археологическая локализация *пеньковской культуры* четко совпадает с территорией расселения антов»⁵. При этом О. М. Приходнюк ссылается на сообщения Иордана, который считал местом проживания антов территорию «от Данастра до Данапра»⁶, и Прокопия Кесарийского, который знал антов и на левом берегу Дуная. Особняком стоит мнение И. П. Русановой, которая считает носителей *пеньковской культуры* ираноязычными народами⁷. Наиболее вероятно, что население *пеньковской культуры* наряду с предками восточных славян включало значительное число разноэтнических славянизированных групп тюркского и иранского происхождения.

§ 2.2. Поселения

Носители *пеньковской культуры* предпочитали селиться около водоемов, на первых террасах, на возвышениях в затоках рек, на высоких мысах правых берегов, на узких террасах возле основания правых берегов. Большая часть поселений *пеньковской культуры* размещалась на низких местах около водоемов, возле легких для обработки почв.

¹ О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 72.

² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М., 1979; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995.

³ Довженюк В. И. Об этнической принадлежности населения черняховской культуры / В. И. Довженюк // Древние славяне и Киевская Русь : Сб. науч. труд. – К., 1989. – С. 6–14.

⁴ Лозко Г. С. Етнологія України. Філософсько-теоретичний та етнорелігієзнавчий аспект / Г. С. Лозко. – К., 2001.

⁵ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 25

⁶ Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–XI ст. н. е. / О. М. Приходнюк. – К., 1980

⁷ Jordanes. De origine actibusque Getarum : 35.

⁸ Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. / И. П. Русанова. – М., 1976.

В пеньковской культуре 5–7 поселений образуют территориальные группы, «гнезда», расположенные на расстоянии нескольких километров друг от друга. На Северском Донце «гнезда» образовывались 5–9 поселениями, с расстоянием между ними 2–3 км. Расстояние же между гнездами составляло 7–8 км¹. Площадь таких поселений 2–3 га (в бассейне Северского Донца – от 0,5 до 2 га), одновременно на них функционировало не более 10 жилищ, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Рядом с жилищами – хозяйственные постройки, наземные строения и ямы. На отдельных поселениях расположены хозяйственные ямы и вместе с другими сооружениями хозяйственного назначения образуют хозяйственный комплекс, который, вероятно, принадлежал всем жителям села². На селище Сухая Гомольша четыре полуземлянки располагались по линии незамкнутого кольца, перед которым практически в одной линии были вытянуты восемь хозяйственных ям. На поселении Соколово группа из девяти ям-погребов была отдалена от двух полуземлянок на расстояние 30–35 м³.

На сегодняшний день на территории исторической Змиевщины известны следующие поселения пеньковской культуры: Соколово, Нижний Бишкин I и Нижний Бишкин II, Черкасский Бишкин, Введенка (Чугуевский район), Верхний Бишкин (Первомайский район), ст. Занки (у пос. Донец), Таранцево и Горбанщина (урочища возле с. Тимченки), Сухая Гомольша, Задонецкое, раннеславянское поселение у хутора Довгали (возле с. Лиман). Пеньковская керамика обнаружена также на Змиевом (?), Мохначанском, Северском (у с. Меловая Балаклеевского района) и Коробовском городищах (рис. 3).

Относительно тонкий культурный слой на этих поселениях говорит о кратковременности их существования. Например, поселение у с. Тимченки (урочище Таранцево) существовало в пределах второй половины VII – начале VIII вв. Селища Введенка, Соколово и Сухая Гомольша относятся к концу VII – VIII вв.,⁴ т. е. представляют собой памятники типа *Сахновки*⁵. Напомним, что поселение Сухая Гомольша изначально датировалось исследователями

¹ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 25.

² Чмихов М. О. Археологія та стародавня історія України : Курс лекцій / М. О. Чмихов, Н. М. Кравченко, І. Т. Черняков. – К., 1992. – С. 315.

³ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 26.

⁴ Берестнев С. И. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 36.

⁵ Любичев М. В. Памятники типа *Сахновки* на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 18.

Рис. 3. Памятники пеньковской культуры на Змиевщине:

А – центры современных районов; Б – современные населённые пункты; В – реки; Г – водоёмы; Д – границы исторической Змиевщины; Е – границы современных районов; Ж – селища пеньковской культуры; З – могильники пеньковской культуры.

1 – Введенка; 2 – Великая Гомольша; 3 – Задонецкое; 4 – Занки; 5 – Змиево городище; 6 – Коробовы Хутора; 7 – Кочеток IV; 8 – Лиман; 9 – Мохнач (керамика на городище и грунтовое захоронение); 10 – Мохнач-II; 11 – Нижний Вишкун; 12 – Пролетарское; 13 – Северское городище; 14 – Соколово; 15 – Сухая Гомольша (селище, фибула и звено цепи); 16 – Тимченки (Таранцево); 17 – Тимченки (Горбанщина); 18 – Черкасский Вишкун.

VI–VII вв¹. К этой же группе памятников *типа Сахновки* относится поселение Нижний Бишкин II².

Одно из *пеньковских* селищ было открыто у пос. Донец, возле станции Занки в 1970 г. С. И. Воловиком, который произвел на нем небольшие разведочные работы (рис. 4)³. В «Справочнике по археологии Украины», однако, сообщается, что это селище было открыто в 1972 г. В. Е. Радзиевской⁴. В 1976 г. раскопки данного памятника начал отряд Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета под руководством А. Г. Дьяченко. Это поселение занимает песчаную дюну в урочище Якубино. Во время раскопок были выявлены жилые и хозяйственные соору-

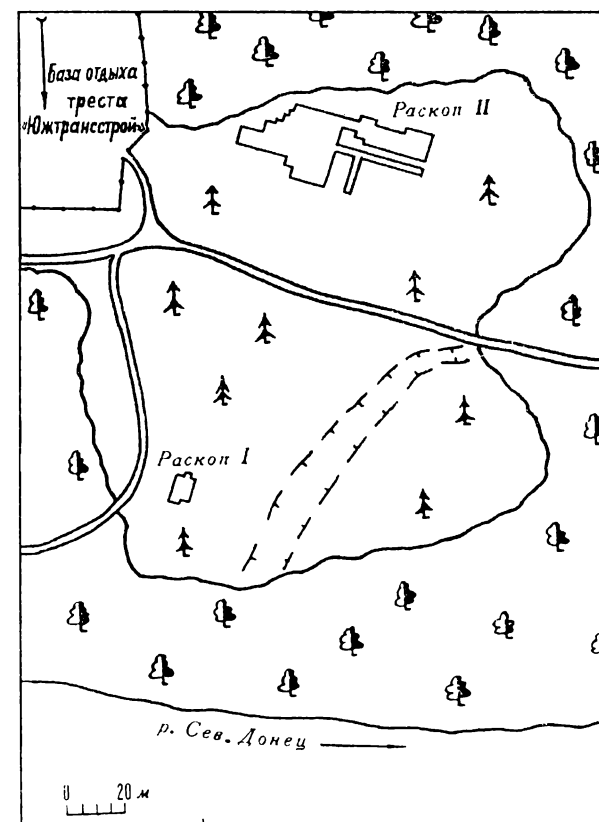

Рис. 4. План селища у ст. Занки.

хозяйственные сооружения. Раскопки данного селища с перерывами продолжались до 1989 г. Всего здесь было выявлено и исследовано 9 четырехугольных полуземлянок размерами 3,4×3,2 м и глубиной 0,4–0,7 м. У всех были очаги и ямки в центре пола, найдены также обломки бронзового литого сосуда, браслеты из серебра и бронзы, накладки от сбруйного ремня и детали железного панциря, тигли, льячки, формы для бляшек поясных гарнитуров и др⁵.

В 1977–1979 гг. С. И. Берестнев при исследованиях поселения срубной культуры у

¹ Михеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дініці / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 81.

² Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 292.

³ Михеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дініці / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 76.

⁴ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйлова. – К., 1977. – С. 74.

⁵ Дьяченко А. Г. Отчёт о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-славянской экспедиции Харьковского госуниверситета в 1976 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1977. – С. 7–10 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8030; Приходнюк О. М. Пеньківська культура (Культурно-археологічний аспект дослідження) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 146.

с. Тимченки (уроч. Таранцево) обнаружил несколько хозяйственных ям с пеньковским керамическим материалом¹. Так было обнаружено еще одно поселение пеньковцев, которое исследовалось в 1978–1980 гг. археологической экспедицией Харьковского государственного университета под руководством С. И. Берестнева. Так же, как и предыдущее, это поселение расположено на песчаной дюне, в пойме левого берега р. Мжи. На данном поселении были обнаружены остатки жилища с печью-каменкой. Пеньковский материал встречается, в основном, в радиусе 5–7 м от жилища. Находками железного трехлопастного наконечника стрелы и импортной салтовской керамики этот комплекс датирован VII–VIII вв.²

Пеньковская керамика зафиксирована также на многослойном поселении в урочище Горбанщина неподалеку от с. Тимченки. Памятник расположен на песчаном возвышении в затоке левого берега Мжи³, на расстоянии 1,1 км на юг от села. На поселении исследована площадь 535 м². Рядом с культурными остатками эпохи бронзы найдены фрагменты керамики пеньковской культуры. Они залегали в слое черного гумусированного песка мощностью 0,55–0,70 м, перекрытого сверху светло-серым наносным песком толщиной 0,10–0,15 м и подстеленного белым материковым песком. Найденная керамика состоит из фрагментов лепных горшков и дисков-сковородок. Они изготовлены из шамотированного глиняного теста. Горшки, судя по профилю верхней части, подразделяются на круглобокие и биконические. Сковородки имеют плавно или резко отогнутые бортики. Здесь же найден железный однолезвийный нож периода раннего средневековья⁴.

Раннеславянское селище Задонецкое расположено на пойменной террасе правого берега Северского Донца, напротив села, около моста на дороге в г. Змиев. Оно занимает песчаную возвышенность в пойме, которая уже на момент открытия сильно распахивалась. Данное поселение существовало в V–IX вв. Обнаружено поселение Задонецкое в 1953 г. Б. А. Шрамко, раскапывалось им в 1955,

¹ Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках памятников бронзового века в Харьковской области в 1977 году / С. И. Берестнев. – Х., 1978. – С. 12–14 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8503; Берестнев С. И. Отчёт о раскопках и разведках археологических памятников в Харьковской и Сумской областях в 1978 году / С. И. Берестнев. – Х., 1979. – С. 9 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8692; Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках археологических памятников на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 году / С. И. Берестнев. – Х., 1980. – С. 18–28 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 9406.

² Берестнев С. И. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 33

³ Берестнев С. И. Работы Левобережной лесостепной экспедиции / С. И. Берестнев // Археологические открытия 1978 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1979. – С. 301.

⁴ Любичев М. В. Нові пам'ятки пеньківської культури у верхній течії Сіверського Дінця / М. В. Любичев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 113.

1969–1970 гг¹. В 1969 г. Б. А. Шрамко исследовал здесь хозяйственную яму и глинобитную печь². В 1971 г. исследование данного поселения продолжили О. В. Сухобоков и М. П. Кучера³.

Аналогичное селище, имеющее отложения раннеславянской культуры, обнаружено в с. Лиман, возле хутора Довгали. Площадь его 200×190 м⁴.

К юго-востоку от с. Нижний Бишкин расположено селище *пеньковской культуры* Нижний Бишкин II (рис. 5: 1), которое расположено по течению Северского Донца двумя километрами ниже села, на склоне второй надпойменной террасы правого берега реки. Здесь археологические разведки проводились Ю. В. Буйновым и В. К. Михеевым в 1976 г.⁵ В 1993 г. Славянский отряд средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета производил раскопки поселения. Оно охватывает площадь около 3,5 га. Раскопками 1980 г. здесь открыто две полуземлянки с печами. В 1993 г. изучалась окраина поселения. Изучено семь хозяйственных ям. Общая исследованная площадь составила 444 м². Все комплексы и абсолютное большинство находок относятся к раннему средневековью и, судя по наличию отопительных сооружений, характерным для *волынцевской* и *роменской культур*, представляют момент перехода *пеньковской культуры* (тип *Сахновки*) в новую археологическую культуру⁶.

Поселение, относящееся к *пеньковской культуре*, обнаружено Ю. В. Буйновым в 1976 г. около с. Черкасский Бишкин. Оно расположено в 1 км к югу от села на склоне боровой террасы⁷. О. М. Приходнюк сообщает, что поселение расположено в 200 м от южной окраины села⁸. Среди интересных находок, обнаруженных здесь, следует отметить пальчатую фибулу дунайского типа, датированную VII в.⁹

¹ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 74.

² Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького в 1969 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1970. – С. 6 // Архив МАЭСУ; Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1970 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1971. – С. 19–20 // Архив МАЭСУ; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л., 1981. – С. 110.

³ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 47.

⁴ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 76–77.

⁵ Там же. – С. 77–78.

⁶ Любичев М. В. Исследование поселения Нижний Бишкин II / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 194; Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 278, 284, 290.

⁷ Буйнов Ю. В. Отчёт Предскифского отряда Скифо-славянской экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1976 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1977. – С. 25 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8211; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 80–81.

⁸ Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 146.

⁹ Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 96

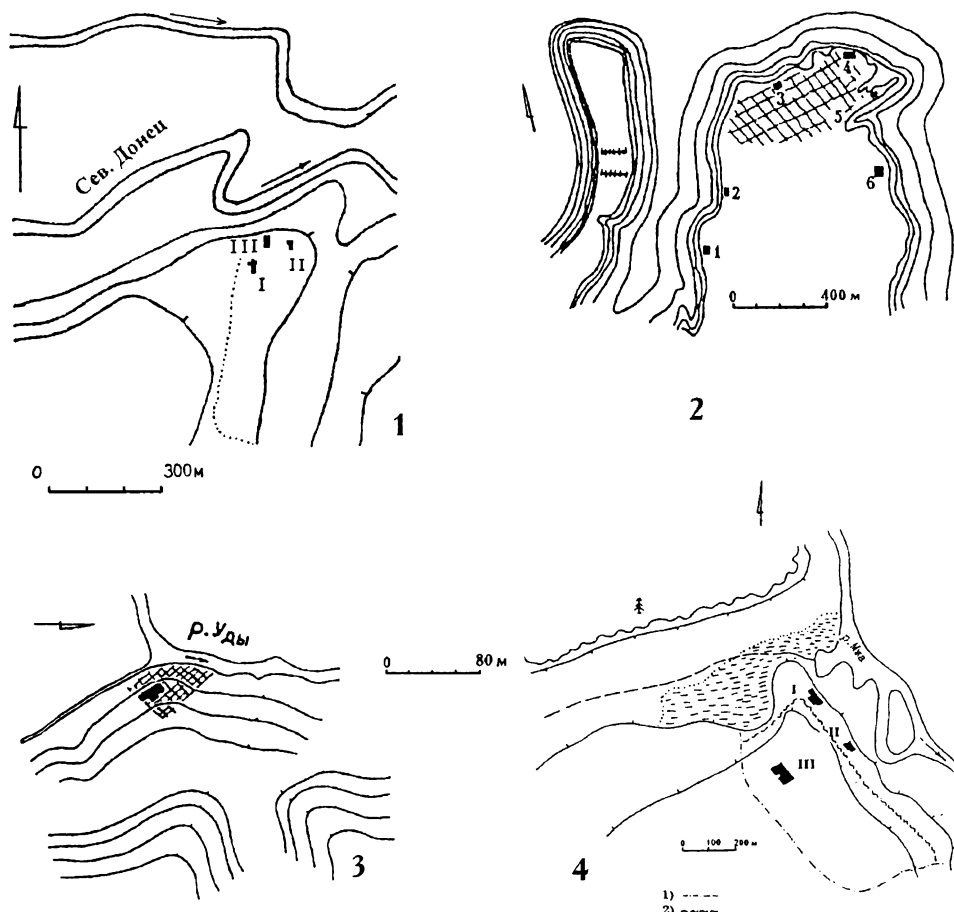

Рис. 5. Топографическое положение селищ пеньковской культуры:

1 – Нижний Бишкін II; 2 – селище Сухая Гомольша (раскоп МС-85 обозначен номером 4); 3 – Введенка; 4 – Соколово (1 – граница поселения, 2 – граница распаханной части).

В 1977 г. на многослойном поселении возле с. Сухая Гомольша (рис. 5: 2), где ранее уже были открыты объекты салтовской культуры, Средневековой экспедицией Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького проводились раскопки пеньковского поселения. Руководили раскопками В. К. Михеев и О. М. Приходнюк. Культурный слой данного поселения составлял 0,8–0,9 м. Здесь были исследованы четыре жилища и одиннадцать хозяйственных ям пеньковской культуры. На поселении найдены пеньковская и салтовская керамика (горшки, сковородки), пряслица, различные бусины, точильный брусок, проколки¹.

¹ Михеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дніці / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 75–78.

Вероятно, на протяжении незначительного времени *пеньковское* поселение существовало на территории Мохначанского городища. Во время археологических раскопок, проводившихся на рубеже XX–XXI вв., здесь были выявлены одиночные осколки лепной керамики *пеньковской культуры*¹ третьей четверти I тыс. н. э. Г. Е. Свистун и Ю. Г. Чендев предполагали, что «... до прихода *салтовцев*, на городище проживали представители *пеньковской культуры* ...»². Неподалеку от городища находится также грунтовой могильник *пеньковской культуры*. Однако отчетливые следы пребывания *пеньковцев* до последнего времени не были известны, что нашло свое отражение в научной литературе. В. В. Колода сообщал: «Ни одного раза нам не удавалось выявить *пеньковский* культурный горизонт или комплекс или синхронный этим древностям слой грунта»³. Но, по словам исследователя, ситуация изменилась в 2006 г., когда на Мохначанском городище были обнаружены хозяйственная яма и сосуд *пеньковской культуры*⁴.

Селище Введенка (рис. 5: 3) занимает небольшое возвышение на мысе, образованном правым берегом реки Уды и впадающим в нее ручьем в урочище Зеленый Лог в 700 м выше по течению от одноименного поселка Введенка (Чугуевский район Харьковской области). В этом месте высокая надпойменная терраса отступает от русла реки на 100–130 м. Введенка представляет собой многослойное поселение, имеющее размеры 60×30 м. На данном памятнике исследовано 142 м². Здесь, в частности, найдены раннесредневековая «надворная» печь-каменка, часть амфоры с ручками и горлом, биконическое пряслице, многочисленные фрагменты керамики, кусок железного шлага и др.⁵

Поселение Соколово I (рис. 5: 4) находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Мжа в урочище Лымаривка. С севера и запада поселение ограничено поймами безымянного ручья и реки. Большая часть селища распахана, задержана только часть его площади, прилегающая к реке и ручью. Площадь трех раскопов на селище составляет соответственно 140, 33, 129 м². Здесь на площади раскопа I исследованы два жилища. На площади раскопа II изучено 9 хозяйственных ям с прямыми

¹ Свистун Г. Е. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности / Г. Е. Свистун, Ю. Г. Чендев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2000. – № 2 / 2003. – № 1. – С. 132.

² Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 30.

³ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 12.

⁴ Устное сообщение В. В. Колоды.

⁵ Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 15.

стенками и ровным дном. В одном из жилищ найдены фрагменты груболепных горшков, глиняных сковородок с бортиком, точильный камень, кости животных и биконическое пряслице с орнаментом в виде треугольников из точек¹.

Вполне возможно, что пеньковское поселение существовало также неподалеку от современного Змиева. Памятник 1627 г. Книга Большому Чертежу сообщает: «Я ниже Мжа на Донцѣ, съ Крымской стороны, Змѣево городище, Змѣево курганъ тож, отъ Мжа версты съ двѣ»². По мнению В. К. Михеева и А. Г. Дьяченко данное описание полностью соответствует археологическому памятнику, известному под названием Гайдары-1 (урочище Буцура). Исследователи считают, что Змиево городище располагалось непосредственно на Змеевом кургане³. В 1927 г. на памятнике А. С. Федоровским и Н. К. Фуксом, а в конце XX в. А. В. Крыгановым, М. И. Саяным и В. В. Дидыком были найдены артефакты срубной (XVI–XII вв. до н. э.), лесостепной (середина VII – III вв. до н. э.) и черняховской культур (IV – начало V вв. н. э.)⁴. В 1927 г. фрагменты черняховской керамики были собраны также в урочище Провалье⁵. Раскопки 1993 г. показали, что Змиево городище относится к памятникам древнерусской культуры и датируется XI–XIII вв. Таким образом, на данном поселении люди селились в различные периоды истории. Нет основания отрицать, что ситуация была иной в середине V – VIII вв. Косвенным свидетельством пребывания здесь позднepenьковскогo населения могут служить найденные во время раскопок 1993 г. 17 осколков лепной керамики, не получившие точной датировки и атрибуции⁶.

Немногочисленные обломки пеньковской керамики были обнаружены на Северском городище. Данный памятник расположен на правом берегу Северского Донца, в 4 км к северо-западу от с. Меловая (Балаклеяский район) на территории современного хутора Червонный Шлях⁷.

Неподалеку от с. Великая Гомольша, на поле среди леса в урочище Добрик на площади 120×50 м собрана лепная пеньковская керамика⁸.

¹ Там же. – С. 15.

² Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 64, 74.

³ Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 158.

⁴ Там же. – С. 145, 146, 156.

⁵ Історія міст і сіл УРСР : У 26 т. / Під загаль. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. – С. 450.

⁶ Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 150.

⁷ Колода В. В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце / В. В. Колода // Древности 2005. – Х., 2005. – С. 187, 189, 190.

⁸ Шрамко Б. А. Отчёт о разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции ХГУ / Б. А. Шрамко. – Х., 1968. – С. 31 // Архив МАЭСУ.

Рис. 6. Фрагментарные части пеньковской керамики.

Непродолжительное и мало интенсивное пребывание *пеньковского* населения на городище фиксируется в Мохначе редкими фрагментами лепной керамики (рис. 6) и единственной небольшой хозяйственной ямкой конца V – середины VIII вв. *Пеньковские* артефакты обнаружены при исследовании восточной части укреплений Мохначанского городища¹. Такая же керамика (VI – первой половины VIII вв.) собрана и на селище Мохнач-П в 2009 г.²

На поселении у с. Пролетарское, расположенном в пойме правого берега Мжи, собрана лепная *пеньковская* керамика – биконические фрагменты, сковороды, пряслица³.

Совсем недавно были опубликованы сведения о существовании *пеньковского* поселения VI – начала VII вв. на таком археологическом памятнике, как Коробовское городище⁴. Однако единичные находки фрагментов лепной керамики *пеньковской культуры* при полном отсутствии здесь *пеньковских* комплексов свидетельствуют о том, что немногочисленные представители этой культуры лишь временно использовали территорию городища, а, возможно, и остатков оборонительных линий скифского времени⁵.

Поселение Кочеток-IV (Чугуевский район), согласно отчету об археологических разведках И. П. Костюченко в 1949 г., расположено «На левом берегу Северского Донца... За лесом на сером песке, который распахивается, на возвышенном всхолмлении (дюне)». Дневник исследователя дополняет локализацию: «...на

¹ Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 118.

² Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач / В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні. 2011. – К., 2012. – С. 436.

³ Буйнов Ю. В. Отчёт о раскопках и разведках на территории Харьковской области в 1977 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1978. – С. 8 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8502

⁴ Горбаненко С. А. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. О. Пашкевич // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 83

⁵ Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 118.

север от с. Кочеток через Донец». В 1921 г. памятник посещал А. С. Федоровский, в 1925 г. – Н. В. Сибилев. В 1964 г. поселение осмотрел Е. В. Пузаков, который назвал его «Тильманов Лиман-1». В 1987 г. поселение было открыто еще раз Ю. В. Буйновым и А. К. Дегтярем. Исследователи указали площадь поселения (3 000–4 000 м²) и отметили наличие повреждения бульдозером. В отслоении был зафиксирован культурный слой мощностью 0,1–0,5 м. Под названием «Кочеток, пункт 1» памятник был определен как содержащий отложения *бондарихинской* и *пеньковской* археологических культур¹.

Все *пеньковские* поселения Подонцовья носят кратковременный характер, что может говорить о типе земледелия. Вероятно, с истощением земли, *пеньковцы* расчищали от леса новые площади и переносили свои поселения ближе к новым угодьям.

§ 2.3. Жилища и хозяйственные постройки

Жилища и хозяйственные постройки *пеньковцев* изучены пока еще недостаточно. На селищах жилища располагались полукругом, рядами или отдельно. На *пеньковских* поселениях прослежено три домостроительные традиции. К жилищам первого типа относятся столбовые или срубные полуземлянки с очагом и центральным столбом. Ко второму – строения с печью-каменкой в углу. К третьему типу принадлежат кочевнические юртообразные жилища и созданные на их основе полуземлянки. В раннем периоде господствует полуквадратная полуземлянка с очагом. На среднем этапе развития культуры преобладают полуземлянки с печами-каменками.

Пеньковские жилища представляли собою четырехугольные полуземлянки площадью от 4,75 до 25 м². Стенки котлованов, опущенных в грунт на глубину от 0,6 до 1,8 м, главным образом вертикальные. Пол был тщательно снивелирован и утрамбован. В некоторых жилищах прослежен вход в виде выступающих за периметр котлованов входных приямков шириною до 1 м².

По конструктивным особенностям стен полуземлянки делятся на каркасные и срубные. В первом случае по углам и вдоль стен прослеживается 8–12 ямок от столбов диаметром 0,15–0,30 и глубиной 0,25–0,40 м от уровня пола. Реже бывают две или четыре ямки от столбов. В одних случаях ямки вертикальных опор вплот-

¹ Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченко / О. О. Лаптев // *Древности*–2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 279.

² *Археология Украинской ССР* : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 155.

ную примыкали к стенкам котлована, а в других – находились на расстоянии 10–12 см от него¹. Принято считать, что ямки в центре *пеньковских* жилищ определяют место расположения центрального столба, усиливающего (подпирающего) коньковый прогон кровли. Однако, по словам О. М. Приходнюка, расчеты показали, что такая опора в небольших полуземлянках не была нужна. Исследователь считает, что, скорее всего, такая ямка не имеет отношения к центральной опоре перекрытия. К тому же, она не всегда расположена в центре постройки, а несколько сдвинута в сторону печи².

Полуземлянки, где отсутствовали ямки от вертикальных опор, имели срубную конструкцию стен. Венцы сруба укладывались в углубление на уровне пола и наращивались до необходимого уровня.

Срубы рубились «в обло» или «в лапу». Предполагается, что наземная часть сруба имела высоту 1,5–2 м. При столбовой конструкции плахи укладывались горизонтально вдоль стен котлована и крепились кольями или путем впуска концов в пазы стояков. Крыши жилищ имели деревянные каркасы, которые покрывались соломой или камышом. На поселении Перебыковцы исследованы остатки двускатной крыши, которая была сооружена из жердей, перекрытых сверху слоем глины³.

Интерьер *пеньковского* жилища неприхотлив. В домах обычно устраивались лишь пристенные лавки. Пол в подавляющем большинстве построек был утрамбованным, материковым. Не исключено, что в некоторых жилищах он выстилался деревянными плахами, но проследить это при раскопках не представлялось возможным. В каждом жилище был вход, но в основной части построек его изучить не удалось. Нужно полагать, что для спуска в полуземлянки устраивались деревянные лестницы. В ряде жилищ напротив печей вырезались прямоугольные или овальные выемки шириной 0,5–0,8 м, выступающие за пределы котлованов на 0,3–0,4 м. Некоторые из них опускались до уровня пола жилища, и в таких случаях, видимо, для спуска в полуземлянку устраивались деревянные лестницы. Иногда же ступеньки лестницы входа вырезались в материке⁴.

Тщательное изучение стратиграфии ранних славянских землянок, построенных на Украине, показывает, что они существовали недолго. Д. Т. Березовец установил, что землянки могли простоять не более 15–20 лет, а каждые 6–7 лет им был необходим капи-

¹ Там же. – С. 155.

² Приходнюк О. М. Новые данные о Пеньковской культуре в Среднем Поднепровье / О. М. Приходнюк // *Раннеславянский мир. Материалы и исследования*. – М., 1990. – С. 77.

³ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 69.

⁴ Там же. – С. 71.

тальный ремонт. В каждом жилище могли разместиться семьи не более чем из шести или семи человек; как только число жильцов увеличивалось, приходилось строить новое жилище¹.

Иллюстрацией пеньковского жилища могут служить два жилища, исследованные на селище Соколово I. Пятна их котлованов зафиксированы на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности. Жилище 1, перекрывающее собой жилище 2, имеет прямоугольную в плане форму, размеры стен $4 \times 3,6 \times 3,2$ м и ориентировано длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. Заполнение котлована – темно-углистое, найдены следы обгоревшего перекрытия в виде круглых в сечении жердин диаметром 3–10 см. Пол жилища находился на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности. В углах постройки прослежены столбовые ямы диаметром 25–30 см, а в центре жилища располагалась яма диаметром 30 см и глубиной 20 см. В северной стороне котлована жилища прослежена ступенька высотой 10 см от уровня пола. В юго-западном углу размещались остатки глинобитной печи из песчаника, скрепленного и обмазанного глиной. Пол печи покоился на полу жилища. Печь размерами $0,8 \times 0,7$ м была удалена от западной стенки на 30 см и от южной на 15 см. Жилище 2 перерезано жилищем 1 в северной части. Оно имеет прямоугольную форму и размеры стен $4,1 \times 4 \times 3,4 \times 3$ м, ориентировано по линии север – юг. Пол находился на глубине 0,9 м².

На пеньковском поселении у с. Сухая Гомольша было четыре жилища (рис. 7). Жилище № 2 (рис. 8: 1), например, представляло собой полуземлянку прямоугольной формы с округленными углами размером $4 \times 3,5$ м и глубиной 1,2 м от современной поверхности. Сооружение было ориентировано по сторонам света. Стены котлована были вертикальными, материковый пол сnivelирован и хорошо утрамбован. В северном углу, на некотором расстоянии от стен котлована, находилась четырехугольная в плане печь-каменка размером $1 \times 0,8$ м с челюстями шириной 0,2 м с южной стороны. Камни печи, по-видимому, скреплялись глиной, между камнями прослеживались следы глиняного раствора. Пол печи также был подмощен глиной. Внутри жилища, а также за их пределами располагались хозяйственные ямы³.

Необходимо отметить, что вначале жилища пеньковской культуры отапливались очагом, располагавшимся в центре или углу

¹ Гимбутас М. *Славяне. Сыны Перуна* / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 106.

² Любичев М. В. *Памятники типа Сахновки на Северском Донце* / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2002. – № 566 : *Історія*. – Вип. 34. – С. 16.

³ Міхеев В. К. *Пеньківське поселення на Сіверському Дінці* / В. К. Міхеев, О. М. Приходнюк // *Археологія*. – 1986. – № 54. – С. 75.

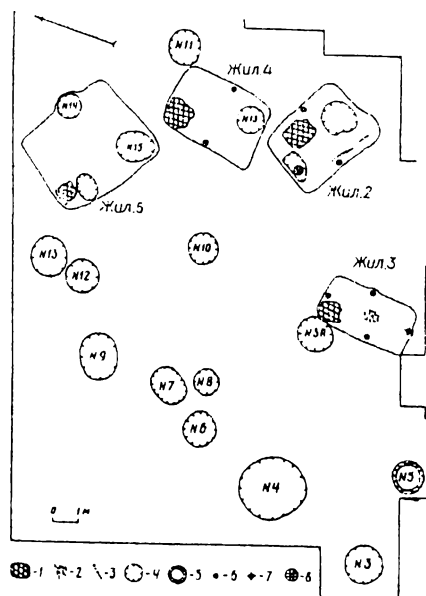

Рис. 7. Общий план раскопа на поселении Сухая Гомольша:

1 — печи-каменки; 2 — зола и угли; 3 — перегоревшая колода; 4 — хозяйственные ямы; 5 — яма с обмазанными глиной стенами; 6 — ямы от столбов; 7 — место находки жертвенной пищи; 8 — хозяйственная глина.

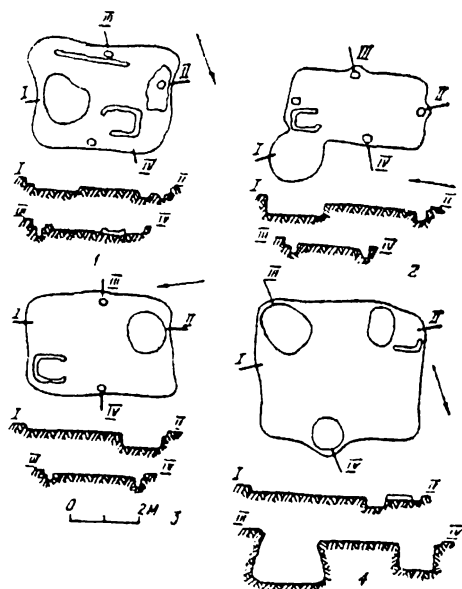

Рис. 8. Планы и разрезы пеньковских полуземлянок из Сухой Гомольши:

1 — жилище № 2; 2 — жилище № 3; 3 — жилище № 4; 4 — жилище № 5.

сооружения. Печи-каменки появились позднее, под влиянием носителей *пражской культуры*. В 1978 г. археологами Харьковского госуниверситета проводились раскопки *пеньковского* поселения в урочище Таранцево у с. Тимченки. Здесь были найдены, в частности, остатки двух печей. Печь, связанная с ямой № 1, находилась на глубине 0,2 м и в момент исследования представляла собой скопление кусков обожженного песчаника на площади $1,5 \times 1,0$ м. Камни лежали непосредственно на линзе прокаленного песка, на глубине 0,5 м. Там же встречены древесные угольки, обломки кальцинированных костей, мелкие фрагменты пережженной керамики. С юга к развалу печи примыкала предпечная яма овальной формы размерами $2,7 \times 1,7$ и глубиной 1 м. В заполнении ямы найдены фрагменты стенок грубошамотированных лепных сосудов, обломки обожженного песчаника, кальцинированные кости и пряслице. Аналогичным образом выглядела печь, связанная с ямой № 8¹.

¹ Берестнев С. И. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археология Славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991. — С. 33.

Жилище В (раскоп 2) *пеньковской культуры* было исследовано около с. Занки Славянским отрядом Скифо-Славянской экспедиции ХГУ в 1977 г. Жилище наземного типа имело углубленный пол и состояло из трех частей: прямоугольной основной части, ориентированной по линии север – юг, к которой с юга примыкали выступы построек. Западная пристройка образует сени перед входом в жилище, а восточная является внутренним хозяйственным помещением. Наибольшая длинна жилища 6,5 м, наибольшая ширина – 5,5 м. С южной стороны напротив входа, находился очаг из камней песчаника с предпечной ямой. Очажный пол выложен песчаником с ровно отесанной поверхностью. В восточной пристройке была колоколовидная хозяйственная яма. В северо-восточной части жилища вдоль стенки прослежен материковый выступ лежанки шириною 0,9 м и длиной 2,5 м, возвышавшийся над полом на 0,3 м¹.

Для *пеньковских* древностей Днепровского лесостепного Левобережья (и Змиевщины, в частности) характерны небольшие поселения с бессистемно расположенными жилищами и постройками хозяйственного назначения. Среди 18 исследованных полужемлянок третьей фазы встречаются как квадратные, так и прямоугольные постройки, ориентированные углами или стенами по сторонам света. В большинстве это срубные дома (72,2 %). Лишь на поселениях Сушки, Богородичное и Сухая Гомольша раскопано 5 жилищ (27,8 %) с ямками по углам и в центре каждой из стен, что говорит о каркасном домостроительстве. На этих же поселениях в шести полужемлянках расчищены печи-каменки (33,3 %). У всех остальных *пеньковских* жилищ Левобережья Днепра отсутствовали выраженные следы отопительных сооружений (61,1 %) и только в некоторых обнаружены очаги (5,6 %). Наибольшее распространение получили полужемлянки средних размеров площадью 10–20 м² (61,1 %), хотя встречаются небольшие постройки площадью до 10 м² (22,2 %) и большие – более 20 м² (16,7 %)².

Таким образом, очевидно, что традиции домостроительства носителей *пеньковской археологической культуры* нуждаются в дальнейших всесторонних исследованиях.

¹ Дьяченко А. Г. Исследования славянских памятников в бассейне Северского Донца / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1978. – С. 322–333.

² Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 61.

§ 2.4. Хозяйство

Во многих случаях поблизости *пеньковских* поселений находились болота и пойменные луга, очень удобные для земледелия, которое и было основой хозяйства *пеньковцев*.

На протяжении долгого времени в археологической науке господствовала точка зрения, постулировавшая, что носители *пеньковской культуры* занимались плужным земледелием. Как доказательство этого приводились находки железных наральников и чересел. Например, у с. Тимченки был найден широколезвийный наральник с несомкнутой втулкой. Его длина 17 см, ширина рабочей части 11 см, верхней части втулки – 9 см¹. На поселении Занки было найдено черешковое чересло V–VII вв². Однако на сегодняшний день наличие у *пеньковцев* плужного земледелия опровергнуто. Во-первых, *пеньковцы* обрабатывали супесь пойменных лугов и, соответственно, в железных наральниках не нуждались. Во-вторых, все известные наральники найдены на многослойных поселениях, а потому, учитывая тонкость культурного слоя *пеньковской культуры*, могут принадлежать как предшествовавшим, так и последующим археологическим культурам³. Поэтому можно говорить о мотыжном характере земледелия *пеньковских* племен. Доказательством тому служат мотыга VIII в., найденная в Коробовых Хуторах и мотыга V–VII вв. из с. Тимченки⁴.

В результате палеоботанических исследований было установлено, что в состав культур, выращиваемых *пеньковцами*, входили пшеница, просо, ячмень, рожь, горох *Pisum sativum* L., овес *Avena sativa* L. Например, отпечатки зерен проса, использовавшихся в качестве подсыпки деревянной подставки при производстве сосудов, зафиксированы на некоторых их днищах из Сухой Гомольши. Кроме того, на днищах горшков из Раковки и Сухой Гомольши зафиксированы отпечатки ячменя *Hordeum vulgare* L. и ржи *Secale cereale* L.⁵ Перечисленные культуры имеют различные циклы вызревания, что наводит на мысль об использовании *пеньковцами* севооборотов. Помимо названных культур, *пеньковское* население Змиевщины выращивало пшеницу различных со-

¹ Берестнев С. И. Новые данные о памятниках *пеньковской культуры* в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 36.

² Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 118.

³ Устное сообщение М. В. Любичева.

⁴ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 118.

⁵ Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 41.

птов *Triticum diccocon L.*, *Triticum aestivum L.* и просо *Panicum miliaceum L.*¹ По-видимому, чередовались посевы озимых и яровых культур.

Для сбора зерновых культур использовались серпы. На селище Введенка найдена часть железного серпа. Его длина 18 см, наибольшая ширина 1,8 см². Использовались также железные косы-горбуши с загнутой пятой. Одна из таких кос найдена на селище у ст. Занки³. Косы крепились к держакам с помощью колец и окутий, экземпляры которых найдены на поселениях Богатое и Нижний Бишкин I⁴.

Помол зерна производился на ручных мельницах, которые повсеместно встречаются при раскопках пеньковских поселений. Часть нижнего камня такой мельницы («низ» или «постав») найдена в яме № 7 поселения Нижний Бишкин I⁵. Муку и зерно на поселениях сохраняли в специально сделанных для этой цели хозяйственных ямах. Чаще всего встречаются овальные в плане сооружения с суженными ко дну или цилиндрическими стенками, иногда колоколовидные. Если зерно было влажным, то накануне загрузки в яму его подсушивали. Для этого использовали массивные глиняные жаровни, классифицируемые как миски варианта А вида 3 этого типа керамики. Они имеют диаметр до 40–50 см и высоту бортика до 7 см⁶. Муку засыпали в большие горшки – корчаги. Эти сосуды сохранялись в ямах, амбарах или жилищах.

Кроме жилищ, на пеньковских поселениях исследовались постройки хозяйственного назначения. Хозяйственные постройки четырехугольных очертаний с углубленной в грунт основной площадью 5–30 м² использовались как амбары.

Немаловажную роль в хозяйстве пеньковцев играло скотоводство. При проведении раскопок было выявлено большое число костей коров *Bos taurus taurus L.* (на разных поселениях от 40 до 50 %), лошадей *Equus ferus caballus L.* (5–20 %), свиней *Sus scrofa domesticus L.* (7–20 %), овец *Ovis aries L.* и коз *Capra aegagrus hircus L.* (8–10 %)⁷. Основную часть стада составлял крупный ро-

¹ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е./ С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 124.

² Любичев М. В. Памятники типа Сахиовки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 15

³ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 28.

⁴ Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 42.

⁵ Там же. – С. 42.

⁶ Там же. – С. 42.

⁷ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е./ С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 127.

гатый скот, который был одновременно и тягловой силой. Скотоводство носило приселищный характер¹.

Вспомогательными отраслями хозяйства у *пеньковского* населения были рыбная ловля и охота. Достаточно часто в раскопах *пеньковских* поселений встречаются кости рыб и рыболовные крючки, позволяющие сделать вывод о существовании рыбной ловли. О существовании охоты свидетельствуют кости диких животных: лесной куницы *Martēs martēs* L., кабана *Sūs scrōfa* L., болотной черепахи *Emys orbiculāris* L., лося *Alcēs alcēs* L., благородного оленя *Cervus elaphus* L. Среди общего количества остеологического материала кости диких животных составляют от 15 до 20 %².

Характерной особенностью хозяйства *пеньковцев* было то, что в летнее время они приготавливали пищу в «летних» или «надворных» печах, которые располагались вне построек, т. е. под открытым небом. Одна из таких «летних» печей-каменок была найдена на селище Введенка. Она зафиксирована на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности. Печь сооружена на бугорке из материковой глины высотой 0,1 м от уровня материка. Высота печки составила 0,4 м. Печь отличалась размерами 1,15×0,9 м, и ее остатки вытянуты по линии запад – восток. Устье топки обращено на юг. Сама печь сложена из песчаника и обожженной глины, скрепляющий раствор не применялся. Наиболее крупные камни находились ближе к поду печи, который вымазан глиной³.

Сказанное выше свидетельствует о натуральном еще типе хозяйства носителей *пеньковской культуры*.

§ 2.5. Ремесла и керамика

Одним из наиболее развитых ремесел носителей *пеньковской культуры* являлась металлургия. Археолог В. В. Колода отмечает, что «в третьей четверти I тыс. н. э. у славян Днепро-Донецкого междуречья имело место самостоятельное производство железа для удовлетворения собственных хозяйственных и бытовых нужд. Это подтверждается наличием остатков черной металлургии на памятниках как *пеньковской*, так и *волынцевской культур*»⁴ (рис. 9).

¹ Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. // М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 43.

² Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 127.

³ Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 15

⁴ Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 41–42

В пеньковских памятниках очень часто встречаются кованые изделия, а также кузнечный инструмент – зубила, пробойники, кувалды. Технический уровень этих изделий говорит об их ремесленном, а не промышленном производстве. Однако в это время у племен пеньковской культуры уже начался процесс отделения металлургического производства от кузнечной обработки металла и превращение их в самостоятельные отрасли ремесла.

Неподалеку от с. Гайворон (Кировоградская область Украины) был найден 21 сыродутный горн. Это свидетельствует об углублении общественного разделения труда и специализации производства. Еще один горн (разрушенный) был обнаружен О. М. Приходнюком в с. Сушки в 1980 г. Горны этого типа имели овальную или круглую форму пода с размерами 40–60 см. Кверху они несколько сужались. Общая высота таких сооружений составляла 50–60 см. Их стенки изготавливались из песчано-глиняной смеси. Использовали их многократно, о чем говорит наличие устья и многослойная шлаковая кору́ста на стенках. Происхождение этих горнов уходит в римское время, когда они были известны как для Восточной Европы – *зарубинецкий* тип, так и для Центральной Европы¹.

Среди находок у с. Тимченки (урочище Таранцево) следует выделить железные изделия. На поселении найден килевидный трехлопастный (с плечиками) наконечник стрелы. Его общая длина 68 мм, длина боевой головки 48 мм, ширина 12 мм. Подобные наконечники из с. Зимного В. В. Аулих, ссылаясь на аварские могиль-

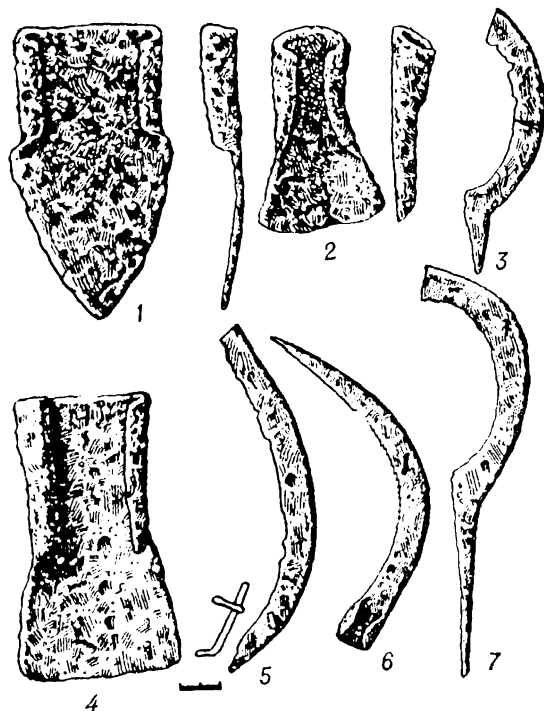

Рис. 9. Железные орудия пеньковской культуры:

1 – Любимовская Забора; 2 – Чернещина; 3 – Зеленянка; 4 – Тягинская Забора; 5 – Кочубеевка; 6 – Бельск; 7 – Семенки.

¹ Там же. – С 35.

ники Подунавья, датировал VI–VIII вв¹. Наличие здесь данного наконечника, возможно, является иллюстрацией аварского нашествия (§ 2.11). Однако, по А. Ф. Медведеву, этот тип наконечников стрел бытует в VII–IX вв. Похожий наконечник, найденный у с. Лагери в кургане № 29, Н. А. Мажитов отнес к VII–VIII вв. В урочище Таранцево найдена также часть антропозооморфной фибулы, в селище у ст. Занки – обломок косы-горбуши с загнутой пяткой².

На *пеньковских* памятниках нередко встречаются изделия из меди, бронзы и серебра. Поскольку работа с металлами требовала специфических навыков, то, возможно, что сельское ювелирное, кузнечное и металлургическое производство было сконцентрировано в одних руках.

Судя по имеющимся находкам, основным приемом работы с цветным металлом было литье. Именно в этой технике изготовлены пальчатые фибулы, височные кольца, антропоморфные изображения и др. Были известны *пеньковским* ювелирамковка, обпиловка, шлифовка и тиснение.

В результате технологического анализа железных изделий Пастырского городища, установлено, что большинство их отковано целиком из железа или стали без дополнительных приемов повышения качества орудий. На ряде инструментов выявлена цементация и термическая обработка рабочих частей. Ножницы для резки металла, обнаруженные в кузнице, термообработаны (закалены и отпущены) и имели наварные стальные лезвия³. Металлографическое изучение кузнечной продукции из раскопок *пеньковских* селищ Кочубеевка, Луг I и Луг II, Семенки, Стецивка, Ханска II и Хуча показало, что кузнецы в совершенстве владели техникойковки железа и сырцової стали в горячем состоянии, широко употреблялась тепловая обработка, но цементация изделий применялась сравнительно редко. Случаи изготовления орудий с наварными стальными лезвиями единичны. Наследование *пеньковским* населением производственных достижений предшествующего периода несомненно⁴.

В VIII в. в лесостепной части бассейна Северского Донца (ареале распространения *пеньковской культуры*) появляются племена

¹ Берестнев С. И. Новые данные о памятниках *пеньковской культуры* в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 35.

² Дьяченко А. Г. Раскопки селища Занки / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1986 года / Отв. В. П. Шилов. – М., 1988. – С. 276; Любичев М. В. Населения території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 27, 28.

³ Гопак В. Д. Техника кузнечного дела у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днепро-Днестровское междуречье) / В. Д. Гопак // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 46–56.

⁴ Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. / Г. А. Вознесенская // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 61–65.

алан, с которыми в нашем регионе связываются памятники *салтово-маяцкой культуры*. В ряде работ отмечена синхронность *пеньковских*, *роменских* и *салтовских* памятников, а также их совместной дислокации¹. В этой связи В. В. Колодой было высказано предположение о воздействии чернометаллургических традиций *салтовских* лесостепных племен на население *пеньковской культуры*².

Наиболее распространенным и хорошо технически оснащенным

было ткачество, о чем свидетельствует большое количество найденных пряслиц (рис. 10 и 11).

Также племена *пеньковской культуры* занимались обработкой камня, кости, дерева. На селище возле с. Тимченки (уроч. Таранцево) найдены остатки бронзовой антропоморфной фибулы, грузило, бочонковидное и биконическое пряслица. Из камня изготовлялись жерновые камни, точильные бруски, литейные формочки. Костяные поделки представлены иглами, проколками (рис. 11), гребнями. Из стекла изготовлялись бусы, из глины – пряслица³.

Керамика *пеньковской культуры*, одна из наиболее массовых категорий находок, представлена лепной посудой (столовая, кухонная, для сохранения продуктов). Посуда изготовлялась из глины с большой примесью шамота, иногда снаружи заглаживалась травой. Черенок довольно толстый (0,8–1,5 см), в изломе чаще двухслойный.

Типологию *пеньковской керамики* разработал О. М. Приходнюк (рис. 12)⁴. Ниже мы приводим ее полностью.

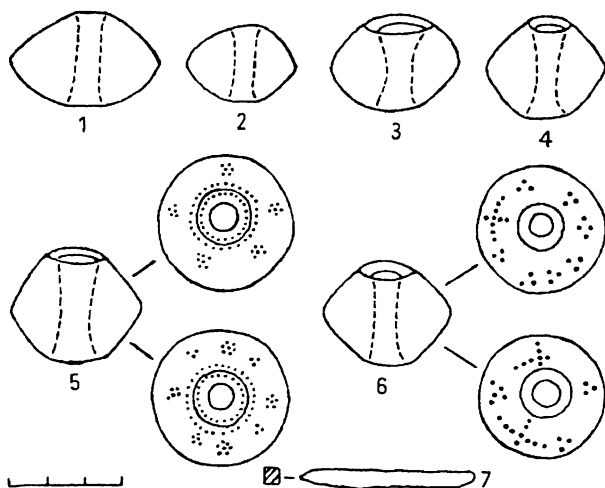

Рис. 10. Биконические пряслица *пеньковской культуры* из селища у ст. Занки.

Находки из комплексов: 1 – из заполнения полуземлянки «А»; 2–7 – из заполнения полуземлянки «Б».

¹ См., напр.: Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 43–50 и др.

² Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 37.

³ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 27, 28.

⁴ Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 33–35.

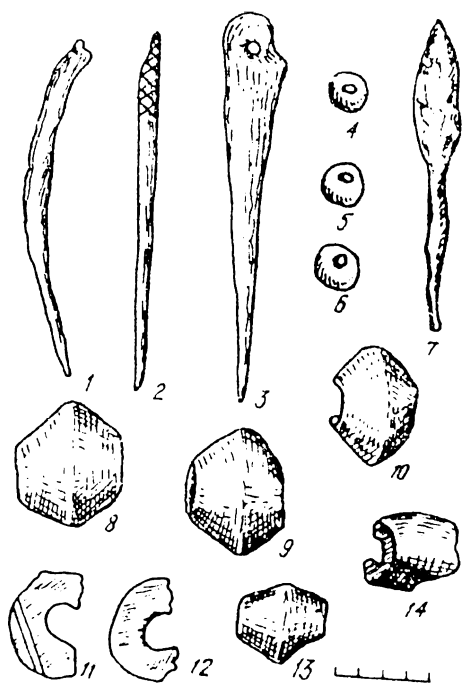

Рис. 11. Находки пеньковской культуры из Сухой Гомольши:

1-3 — иглы; 4-6 — бусины; 7 — наконечник стрелы; 8-10, 13, 14 — пряслища; 11, 12 — плоские пряслища, изготовленные из осколков амфор.

невыделенный округленный венчик и овальное ребро на середине высоты. Диаметр венчика всегда больше диаметра дна. Под венчиком иногда встречается налепной валик, шишечки, полумесяцы. Биконические горшки обнаружены на всех *пеньковских* памятниках.

Второй тип включает приземистые с округленным корпусом кухонные горшки с максимальным расширением в середине корпуса. Их высота достигает 18–28 см, а диаметр 14–23 см. У горшков второго типа более или менее отогнут наружу венчик, диаметр которого немного больше диаметра дна. Они представлены на памятниках от Днепровского лесостепного Левобережья до Нижнего Подунавья. Встречаются на Змиевщине.

Третий тип представлен стройными горшками средних размеров высотой 20–30 см с округленным, максимально расширенным корпусом (диаметр 14–22 см) на середине высоты. Венчик выделен или слегка отогнут наружу. Его диаметр чуть больше или

К *первому типу* относится биконическая посуда. Это кухонные горшки стройных пропорций высотой от 18 до 32 см с перегибом корпуса на середине высоты, диаметр которого достигает 12–23 см. Окружность венчика почти равна диаметру дна. Разновидностью этой посуды являются менее стройные горшки высотой 16–30 см с не таким четким ребром на середине или верхней части изделий, диаметр которого достигает 14–24 см. Окружность венчика всегда больше окружности дна. По форме, пропорциям и профилировке к ним относятся большие зерновики — корчаги высотой 46–56 см. Под краем венчика встречается трех- или четырехугольный в поперечном сечении налепной валик. Менее распространены кухонные приземистые изделия средних размеров высотой 18–26 см и диаметром 16–24 см. У них не-

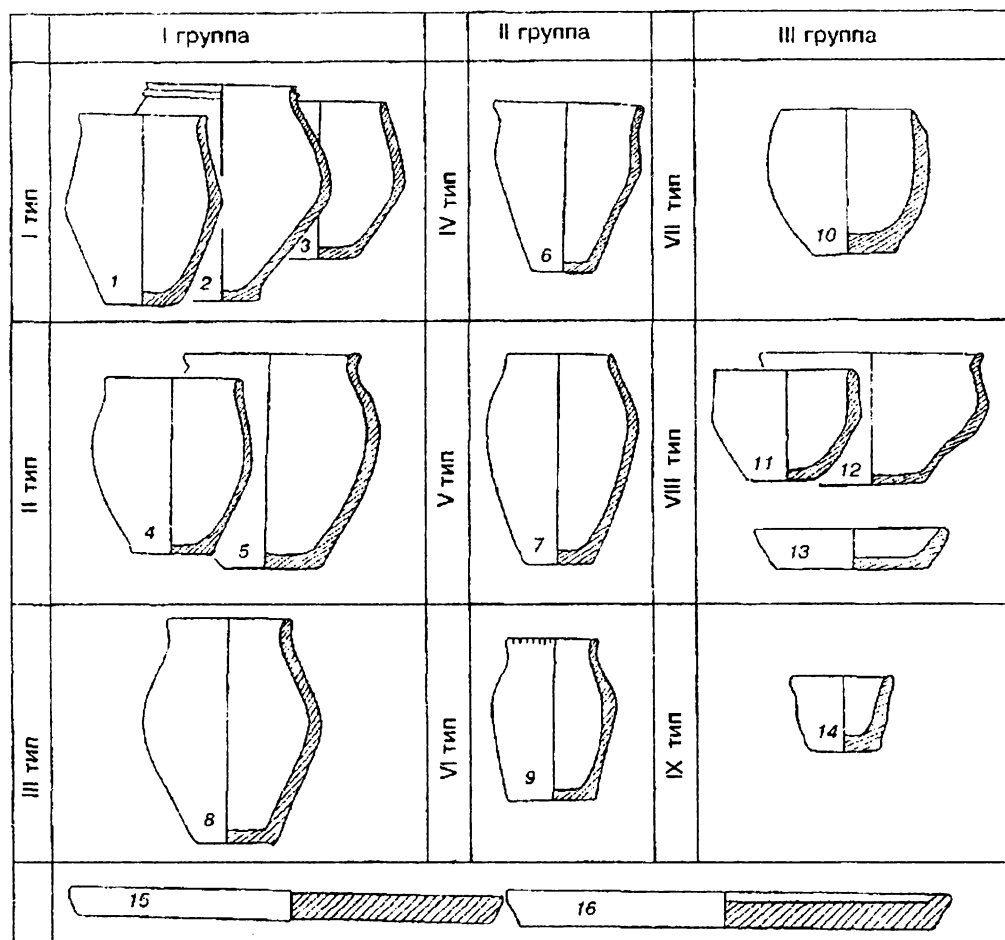

Рис. 12. Типы пеньковской керамики.

равен окружности дна. Эти горшки известны на всей *пеньковской* территории.

К *четвертому типу* отнесены горшки тюльпанообразной формы высотой 16–20 и диаметром 12–15 см с открытой горловиной без плечиков и шейки. Венчик слегка отогнут наружу. Иногда оттянутый валик помещен на середине высоты. Диаметр венчика больше диаметра дна. Чаще всего они встречаются на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья (в т. ч. Змиевского края) и спорадически на памятниках Среднего Поднепровья и Южного Побужья. Такие формы наиболее типичны для *колочинской* группы древностей.

Пятый тип посуды представлен горшками стройных пропорций высотой 15–33 см с суженной нижней частью и максимально расширенным диаметром 12–24 см на верхней трети высоты. У них

хорошо выражены плечики, а венчик вертикальный или отогнут наружу. На *пеньковских* территориях они чаще всего встречаются на памятниках Среднего Поднепровья, Южного Побужья и Прутско-Днестровского междуречья. Эта посуда идентична *пражским* горшкам, определяющим облик керамического набора данной группы славянских древностей.

Шестой тип представлен горшками баночных форм высотой 20–22 см и диаметром корпуса 14–15 см с пологими плечиками и довольно высоким, отогнутым наружу венчиком. Придонная часть расширена. Такие изделия встречаются на территории Прутско-Днестровского междуречья. Они являются наиболее типичными в культуре *Ипотешти-Кындешт-Чурел*, распространенной в Придунайской Олтении.

К седьмому типу отнесены горшки различных пропорций высотой от 15 до 28 см и диаметром 17–20 см с расширенной верхней и суженной придонной частью. Невыделенный венчик у них загнут вовнутрь. Такие формы встречаются в *раннепеньковских* комплексах на всей территории их распространения.

На наиболее ранних поселениях первой фазы из Роищ и Богородичного найдены изделия с широкой шейкой и максимальным расширением в верхней части (преимущественно зерновики). Классический корпус переходит в пологое или угловатое плечико.

На *пеньковских* памятниках встречаются миски различных профилировок высотой от 5 до 10 и диаметром 10–16 см. Диаметр венчика всегда больше высоты изделий. Встречаются миски: биконические с ребром на середине или верхней части корпуса с невыделенным или отогнутым наружу венчиком; округлобокие с отогнутым венчиком; цилиндрические с невыделенным или отогнутым наружу краем; сковородовидные изделия с расширяющимися к невыделенному венчику ровными стенками. Миски встречаются на всех территориях *пеньковского* ареала.

Среди керамических наборов иногда попадаются небольшие сосуды высотой 9–12 и диаметром 8–11 см с почти вертикальными или слегка выпуклыми стенками. Венчик у них едва намечен или не выделен. Такие формы обнаружены на всех *пеньковских* территориях.

Характерными для *пеньковской культуры* являются плоские диски и сковороды диаметром 14–26 см. Диски бывают без закраинки и с небольшой закраинкой. У сковород высота бортиков 1–1,5 см, они вертикальные или слегка отогнуты наружу (рис. 12: 15, 16). Такие изделия повсеместно встречаются при раскопках *пеньковских* памятников. Они считаются одной из наиболее ярких черт славянских культур второй половины I тыс. н. э.

По словам О. М. Приходнюка, лепную *пеньковскую* посуду в целом можно отнести к трем неравноценным в количественном отношении группам. К первой — наиболее многочисленные традиционные формы керамики, встречающиеся на всех без исключения территориях распространения культуры (1–3 тип), их истоки прослеживаются в предшествующих культурах первой половины I тыс. н. э. с территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Ко второй — керамические формы, заимствованные у контактирующих синхронных археологических культур (4–6 тип). Они встречаются в небольших количествах в пределах локальных регионов *пеньковских* древностей. К третьей группе исследователем отнесены немногочисленные керамические формы, воспринятые от предшествующих *черняховских* древностей (горшки с загнутым вовнутрь краем, миски, кружковидные сосудики). Встречаются они, главным образом, на *раннепеньковских* памятниках.

Среди *пеньковских* керамических наборов первой и второй фаз известны фрагменты гончарной керамики *черняховского* облика. Это обломки серолощенных мисок, изготовленных из тщательно отмученной глины с мелкими примесями. Реже встречаются шершавые экземпляры от кухонных горшков. Более поздние наборы включают *пастырскую* и *канцерскую* посуду. Иногда встречаются обломки амфор с густыми рифлениями по корпусу.

Кроме бытовой посуды из глины, *пеньковцами* изготавливались прясла, тигли, льячки и другие изделия. Прясла встречены почти

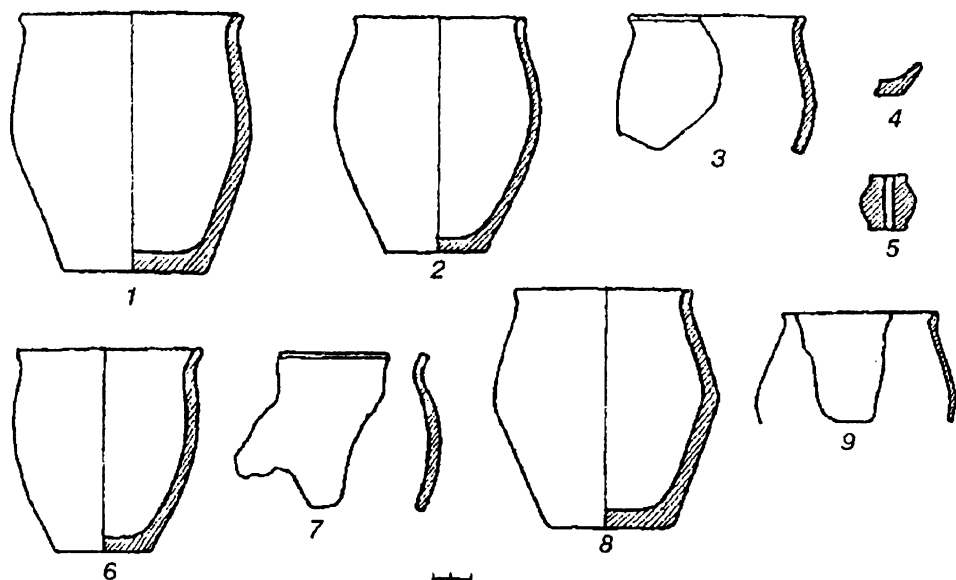

Рис. 13. Пеньковская лепная керамика из Тимченков.

на всех раскапывающихся поселениях. Они бывают биконической, цилиндроконической, округлой и дисковатой формы. Большинство прясел вылеплены из цельного кусочка глины с примесями песка в тесте. Поверхность изделий неровная, хотя встречаются подлощенные экземпляры, иногда орнаментированные наколами, треугольниками, свастиками и т. п. Дисковидные грузики для веретена изготавливались из стенок сосудов. Диаметр прясел от 2 до 5, диаметр отверстия около 0,5 см. На поселении из Роищ найдены уплощенные прясла биконической формы с тщательно обработанной, сглаженной поверхностью и хорошо выраженным оттянутым ребром.

На территории Змиевского края найдены также слабообожженные сосуды, изготовленные из рыхлой комковатой глины с растительной примесью. При раскопках у с. Тимченки (урочище

Таранцево) обнаружены сосуды (рис. 13; 14: 7), на днищах которых сохранились отпечатки травы или соломы, которыми были покрыты поверхности подставок, использовавшихся в роли поворотного столика. На одном из днищ с внутренней стороны прослежены следы выбивания – вмятина в центре и расходящиеся от нее волнообразные утолщения¹. Самым массовым материалом при раскопках на поселении у ст. Занки была лепная керамика (рис. 14: 3; 15). Это фрагменты и почти целые формы горшков и сковород. Очень редко здесь попадались миски и диски. Посуда из Занок толстостенная, с небрежно обработанной бугристой поверхностью. В глиняном тесте встречается шамот и песок. Подавляющее большинство изделий не орнаментировано².

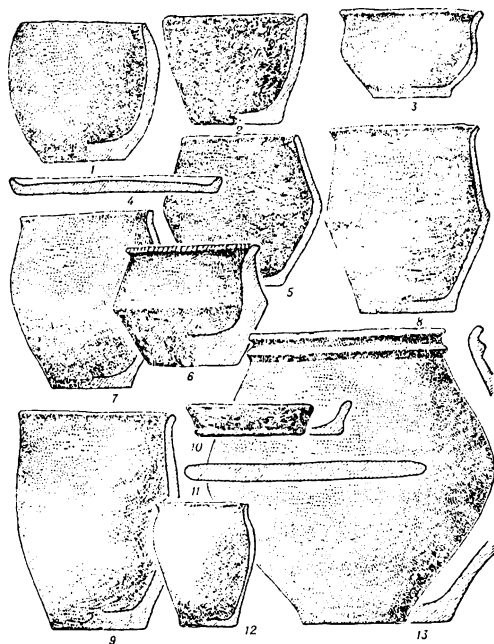

Рис. 14. Керамика пеньковской культуры:

1 – Завадовка; 2 – Прогресс; 3 – Занки; 4 – Сухая Гомольша; 5, 9 – Семениха; 6 – Сурская Забора; 7 – ур. Таранцево (с. Тимченки); 8 – Хитцы; 10 – Цыбли; 11 – Осиповка; 12 – Тростянец; 13 – Кочубеевка.

¹ Берестнев С. И. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 36

² Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 30.

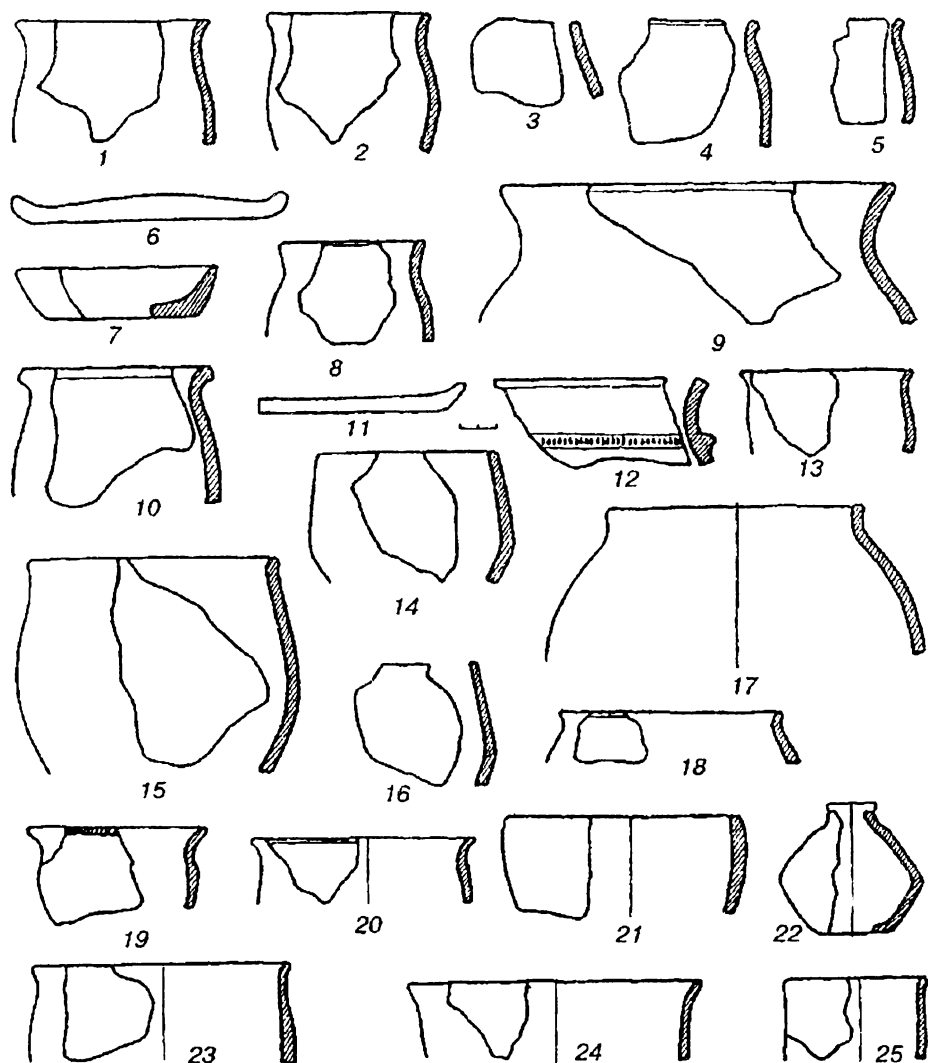

Рис. 15. Пеньковская лепная керамика из Занок.

Некоторое своеобразие прослеживается в облике *пеньковского* керамического набора с территории Днепроовского лесостепного Левобережья. В среднем насчитывается 6 % горшков тюльпановидных форм 4-го типа, встречающихся на остальных территориях *пеньковского* ареала значительно реже. Как и в *раннепеньковских* комплексах, среди *пеньковской* посуды на Левобережье Днепра преобладают биконические сосуды 1-го типа (40,4 %). Второе место по численности занимают округлобокие горшки 2-го типа (29,2 %). На других территориях округлобокая посуда становится наиболее многочисленной среди *пеньковских* керамических форм на второй

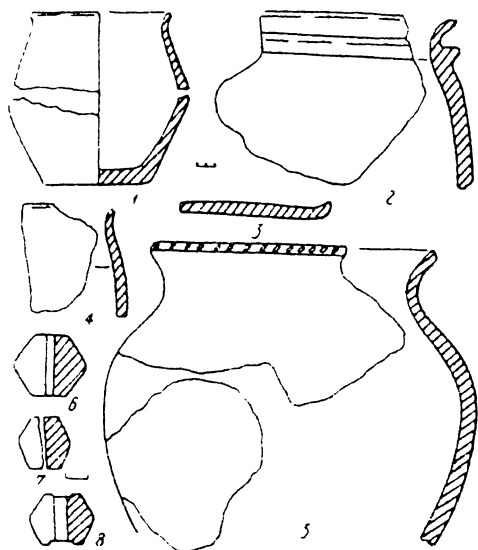

Рис. 16. Образцы пеньковской керамики из Сухой Гомольши:

1, 2, 4, 5 – осколки лепных горшков;
3 – осколок глиняной сковородки;
6-8 – пряслица.

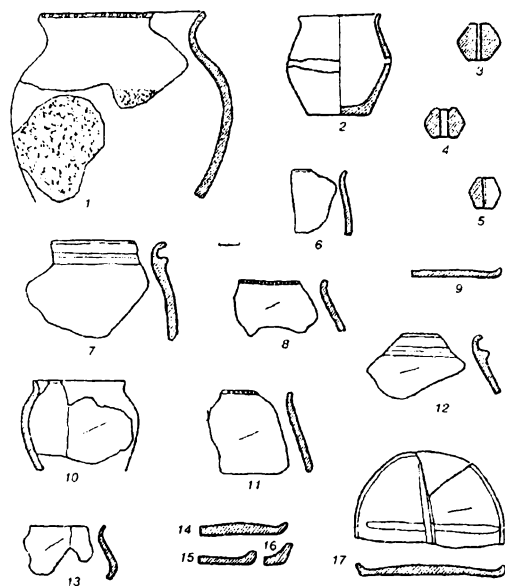

Рис. 17. Пеньковская лепная керамика из Сухой Гомольши.

фазе развития. Высокий процент биконической и тюльпано-видной керамики на Левобережье Днепра О. М. Приходнюк объясняет тем, что население *пеньковской культуры* данного региона, оставаясь на своих исконных местах обитания, в большей мере сохранили специфику в керамическом производстве, традиции которой прослеживаются в предшествующей культуре *киевского типа*. Наличие значительного числа тюльпановидных сосудов было вызвано еще и влиянием населения *колочинской культуры*, тесно контактировавшего с пеньковскими племенами Днепровского лесостепного Левобережья¹.

Несмотря на общность ведущих черт материальной культуры, в среде *пеньковских* древностей прослеживаются некоторые локальные отличия. Считается, что специфической чертой *пеньковской* керамики междуречья Днепра и Северского Донца является то, что основной примесью в тесте служил шамот. Кроме того, эти наборы отличаются низким процентом горшков 5-го типа (1,5 %), близких по форме и профилировке к пражской посуде².

¹ Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 61–62.

² Там же. – С. 63.

§ 2.6. Погребальные памятники

Погребальные памятники *пеньковской культуры* представлены исключительно грунтовыми могильниками. Ни *пеньковское* население, ни его прямые потомки совсем не знали курганного обряда. Могильные памятники *пеньковской культуры* обнаружены и исследованы пока в немногих пунктах. Могильники устраивались в нескольких сотнях метров от поселений и занимали как возвышенные, так и более низкие участки местности. Иногда захоронения встречаются и непосредственно на поселениях¹.

Для данной культуры типичен обряд трупосожжения на стоне с последующим помещением кальцинированных костей в неглубокие цилиндрические ямки диаметром 0,4–0,6 и глубиной 0,3–0,5 м от современной поверхности. Встречаются урновые и ямные могилы. Ямные погребения, как правило, безынвентарные; в урновых встречаются ритуальные горшки, бронзовые трапецевидные, спиральные подвески, пронизи, браслеты, сплавленные стеклянные бусы и т. п.²

В районах, примыкавших к степи, иногда встречаются погребения с ингумацией, сопровождающиеся материалом, типичным для *пеньковской культуры*. Их наличие, как и юртообразные жилища в степной зоне Украины, связывают с влиянием кочевников. Но есть все основания считать, что *пеньковские* погребения с ингумацией были распространены и в лесостепной части Змиевщины, поскольку одно из таких погребений было обнаружено возле с. Мохнач.

16 августа 1996 г. в Харьковский исторический музей (ХИМ) поступило сообщение от Л. Ф. Федотовой, что на ее дачном участке при рытье погреба были обнаружены человеческие кости, бусы, бронзовые украшения. Выехавшие на следующий день сотрудники Отдела археологии и Сектора охраны памятников археологии ХИМ, произвели подробный осмотр места находки и опросили хозяйку участка. Разрушенное погребение (рис. 18) расположено на краю плато правого коренного берега Северского Донца в двух км к югу от с. Мохнач. При зачистке стенок и дна ямы, вырытой под погреб, удалось частично проследить остатки погребального сооружения, что позволило восстановить его конструкцию. Захоронение было совершено в грунтовой яме с подбоем. Входной колодец, форму и размеры которого установить не удалось, имел несколько ступенек. Подбой примыкал ко входному колодцу с северо-западной стороны и был ориентирован, как, вероятно, и

¹ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 74.

² Там же. – С. 74.

сам колодец, почти строго по линии северо-восток – юго-запад. По сообщению хозяйки участка, костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Большинство вещей было найдено в районе черепа, грудной клетки и пояса¹.

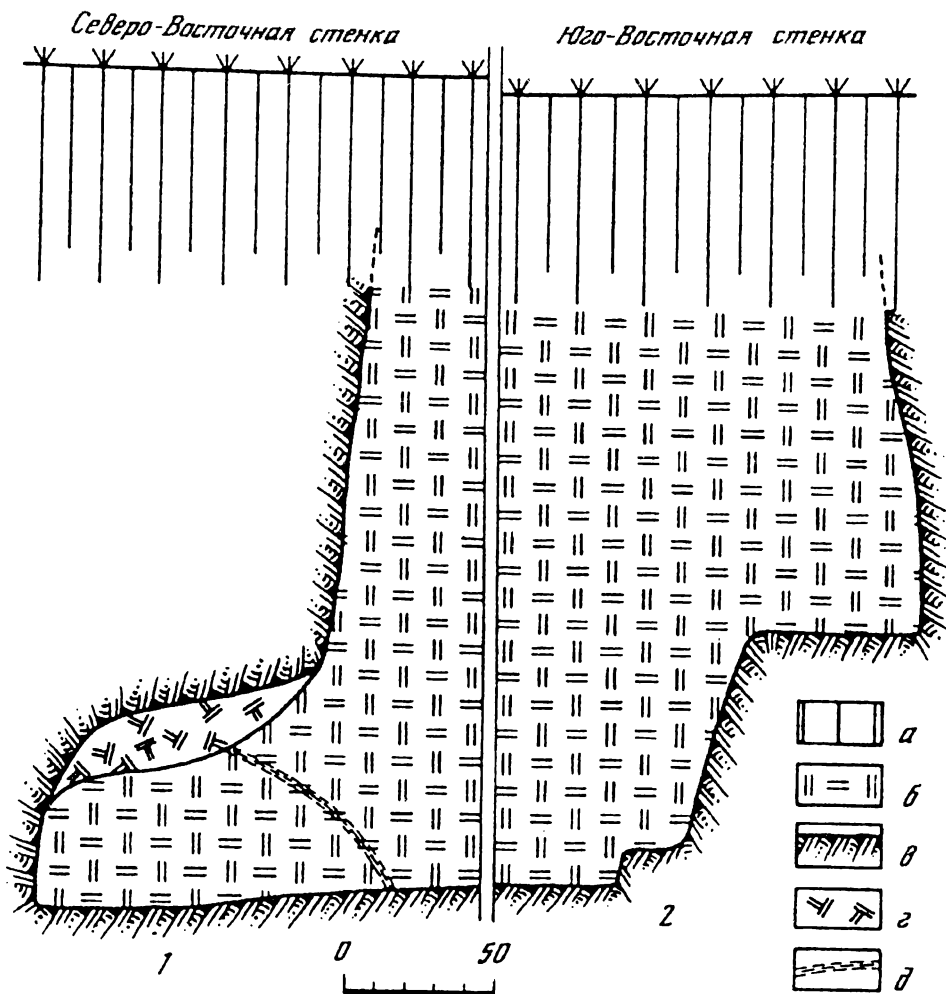

Рис. 18. Профиль стенок ямы погребения у с. Мохнач:

1 – северо-восточная стенка; 2 – юго-восточная стенка; а – чернозём; б – засыпка могильной ямы; в – материк; г – обрушившийся свод подбоя; д – древесный тлен.

Захоронение сопровождалось богатейшим погребальным инвентарем (рис. 19; 20). В состав инвентаря входили: односпи-

¹ Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111.

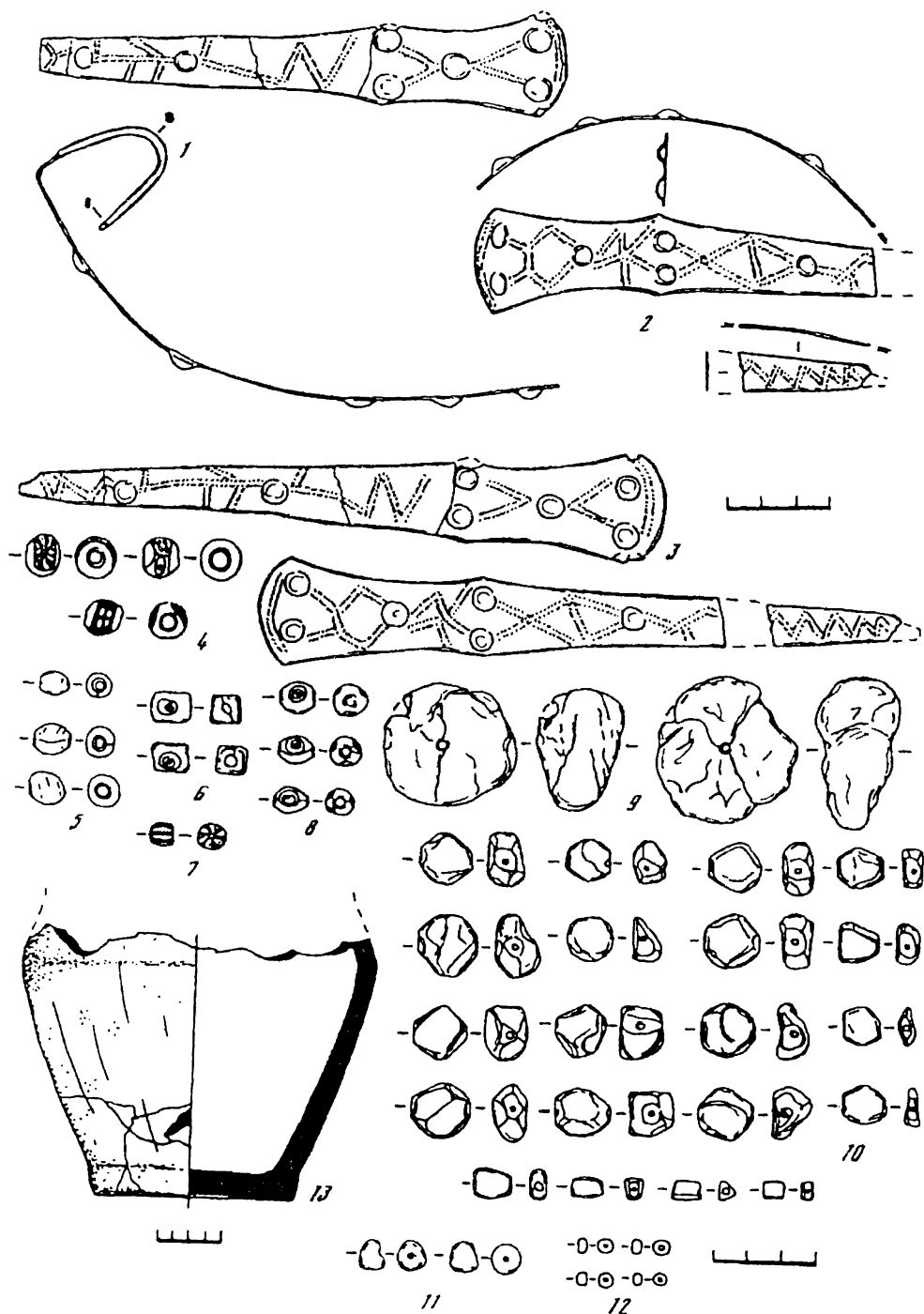

Рис. 19. Находки из погребения у с. Мохнач:

1-3 — бронза; 4-8, 12 — стекло; 9, 10 — янтарь, 11 — роговик; 13 — глина.

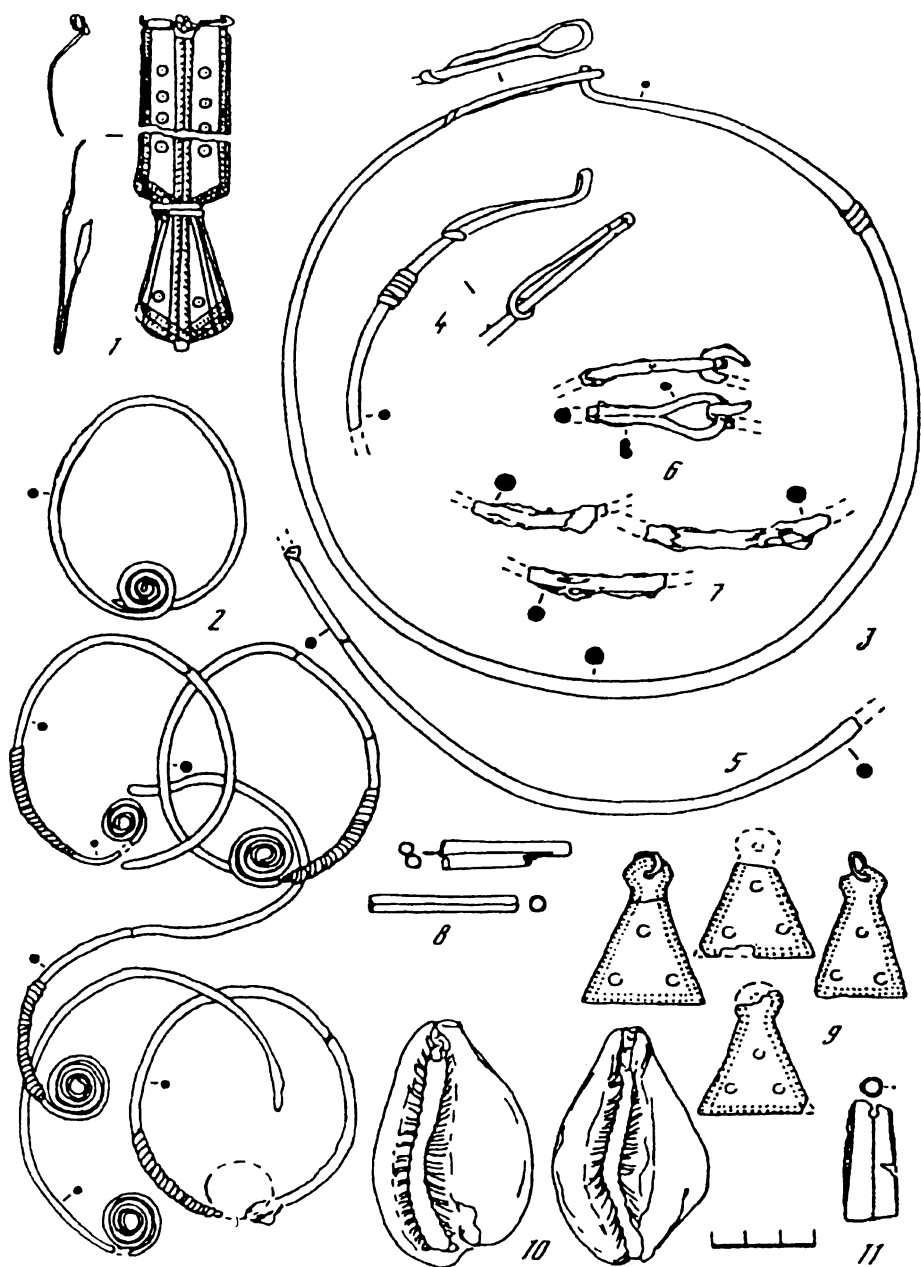

Рис. 20. Находки из погребения у с. Мохнач:

1-5, 8, 9, 11 – бронза; 6,7 – железо; 10 – раковины.

ральные височные кольца (6 экземпляров), шейная проволоочная гривна, фрагменты проволоочной гривны, литые бронзовые пальчатые фибулы «днепровского» типа, бронзовая широкопластин-

чатая подвязная шарнирная фибула, нагрудная цепь, трапециевидные подвязки с полукруглой верхней частью, морские раковины, бронзовые литые бляхи-пуговицы, бронзовые конические колокольчики, трапециевидная бронзовая подвеска с чеканным орнаментом по краям, полые трубочки-пронизки, перстень, бронзовая пряжка, бронзовые штампованные бляшки, бронзовый наконечник пояса, бусины, бисер, бронзовые пластины¹.

Также в состав погребального инвентаря входил глиняный горшок, разбитый, по-видимому, при проведении земляных работ рабочими. По составу теста, технологии изготовления и внешнему виду данный сосуд полностью соответствует керамике с лесостепных памятников Днепро-Донецкого междуречья V–VII вв. н. э.²

Весь погребальный инвентарь представлял собой полный комплект одного женского наряда (рис. 21). Данный наряд, вероятно, был праздничным, применявшимся только в ритуальных случаях: рождение, свадьба, похороны. По найденным вещам исследователи датировали это погребение в рамках от VI–VII до середины VII в. н. э.³

В. С. Аксенов и Л. И. Бабенко считают, что погребение у с. Мохнач указывает на наличие в *пеньковской культуре* иноэтнического, а именно, сармато-аланского компонента⁴. Открытие данного погребения свидетельствует о более глубоком, чем это считалось ранее, проникновении сармато-аланских элементов культуры в среду славянского населения.

Рис. 21. Реконструкция женского костюма по материалам погребения у с. Мохнач (худ. Ю. Е. Титинюк).

¹ Там же. — С. 112–117.

² Там же. — С. 117–118.

³ Там же. — С. 119.

⁴ Там же. — С. 120.

§ 2.7. Общественные отношения у носителей *пеньковской культуры*

Отношения, бытовавшие в среде носителей *пеньковской культуры*, реконструируются по данным о площади жилищ, планиграфии поселений, конструкции погребальных сооружений, составу погребального инвентаря. В конце V – начале VI вв. *пеньковцы* расселились от Северского Донца (на востоке) до Днестра и низовий Дуная (на западе).

Изучение планировки поселений *пеньковской культуры*, их структуры позволяют сложить представление о характере общины носителей этой культуры. *Пеньковские* поселения фиксируют переход от семейной к территориальной общине. Поселения из 5–7 подворий-хозяйств составляли отдельную структурную единицу, которую можно считать соседской общиной. 3–5 подворий-хозяйств могут рассматриваться как единый двор патриархальной семьи, находящейся в процессе распада. Большое поселение из 30 жилищ образовывало общину, но она могла состоять из семей, живущих в нескольких поселениях одного «гнезда». Группа поселений «гнезда» означает расселение рода, его сегментацию на отдельные семьи. Патриархальная многосемейная община переживала стадию разложения и перехода от многосемейной (родовой) общины к соседской¹. Ряд исследователей (Я. Г. Риер, А. П. Моця, Н. М. Кравченко) придерживаются иного мнения. Они считают, что общину V–VII вв. уместнее отнести к земледельческой или пракрестыанской. А переход к соседской общине начался с VIII–IX вв.².

Таким образом, племена *пеньковской культуры* находились на стадии разложения родовой общины. Племенная верхушка и дружинники *пеньковцев* обогащались во время военных походов и за счет возрастающей эксплуатации общинников.

В соответствии с письменными источниками, в конце V – начале VI вв. анты, которых, вероятно можно отождествить с *пеньковцами*, совершили ряд крупных походов на Римскую империю. По сообщению Иордана, склавины и анты страдали под ударами византийцев и шли к ним в рабство. Картина изменилась после того, как склавинские племена в 530 г. разбили римского военачальника из Фракии магистра Хильбудия, который по предположению Б. А. Ры-

¹ Любичев М. В. *Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.)* / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 33.

² Риер Я. Г. *К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы : Сравнительный анализ археологических данных* / Я. Г. Риер // *Российская археология*. – 1996. – № 1. – С. 115.

бакова также был антом¹. Этот военачальник довольно успешно защищал границы империи от нападений склавинов. В одной из битв со склавиными магистр Хильбудий погиб. Приграничные византийские города вновь стали страдать от грабежей, чинимых склавиными. Спустя некоторое время, один греческий пленник, живший среди антов, рассказал своему хозяину, что Хильбудий не умер, а живет у склавинов в качестве пленника, хотя склавины не знают, кто он. Ант выкупил этого «Хильбудия», привел его к себе и стал расспрашивать, действительно ли тот – знаменитый византийский воевода. Выкупленный ответил, что он вообще не грек, а ант, и только называется Хильбудием, к склавиным же попал во время минувшей войны. Хозяин ему не поверил и представил землякам дело по-своему. Анты, собравшись на вече, повелели Псевдо-Хильбудию не признаваться в том, кто он на самом деле. В это время византийский император Юстиниан приглашал антов заселить полуразрушенный город Туррис на берегу Дуная и оборонять границу от гуннов. Анты дали предварительное согласие с тем лишь условием, чтобы среди них продолжал жить разысканный ими «Хильбудий». Он же должен был вести переговоры в Константинополе. Однако по дороге в столицу империи Псевдо-Хильбудий был схвачен византийским военачальником Нарсезом. Как обманщика, самозванца заковали в цепи. Переговоры императора с антами прервались.

После указанных событий славяне стали нападать на южный берег Дуная в поисках пленных и добычи. Это случилось в 527 и 534 гг. Свою «Гетику» Иордан заканчивает упоминанием о «постоянных нападениях болгар, антов и склавинов». Об этом же говорит в своей «Тайной истории» Прокопий Кесарийский². Скорее всего, анты всегда бывали участниками чужих походов. Лишь один раз, говоря об антах, Прокопий упоминает о походе именно антов на Фракию в царствование Юстиниана.

Письменные источники подтверждаются данными археологии. В состав наборов некоторых *пеньковских* кладов входили предметы византийского происхождения, которые, скорее всего, являлись военной добычей, а не попали на наши земли благодаря торговле. По мнению Г. В. Бейдина и М. Н. Григорьянца, слабое развитие торговли и ремесел у носителей *пеньковской культуры*, как и слабое развитие экономических связей по всей Восточной Европе, подтверждается ничтожным количеством найденных византийских монет VI – начала VIII вв. на территории лесостепной части Украины³.

¹ Рыбаков Б. А. *Древняя Русь : Сказания. Былины. Летописи* / Б. А. Рыбаков. – М., 1963. – С. 34.

² Прокопий Кесарийский. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Прокопий Кесарийский. – Изд. 2-е, исп. и доп. – СПб., 2001. – С. 291, 310, 322.

³ Бейдин Г. В. *Клады и монеты Харьковщины* / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. – С. 43.

§ 2.8. «Древности антов»

Важной составляющей в изучении *пеньковской культуры* являются богатые клады V–VII вв., известные в научной литературе под названием «*древности антов*» (по определению А. А. Спицына), или «*древности русов*» (по Б. А. Рыбакову). Эти древности представляют собой клады, состоящие из фибул различного типа: пальчатых (рис. 22), зоо- и антропоморфных. Данные клады распространены в украинской Лесостепи от Роси до Северского Донца и прилегающей к ней лесной полосе (рис. 23). Широкую известность получили Колосковский, Валуйский, Цепляевский, Козиевский, Новоодесский, Харьевский клады (рис. 24). Большая часть кладов находится в пределах ареала распространения *пеньковской археологической культуры*.

Область «древностей русов», вслед за Б. А. Рыбаковым, принято подразделять на два района: западный – Киево-Полтавский (или Поросский) с центром на реке Роси и восточный – Курско-Харьковский¹, в котором расположена и территория Змиевщины. К кругу «антских древностей» следует отнести часть антропозоо-

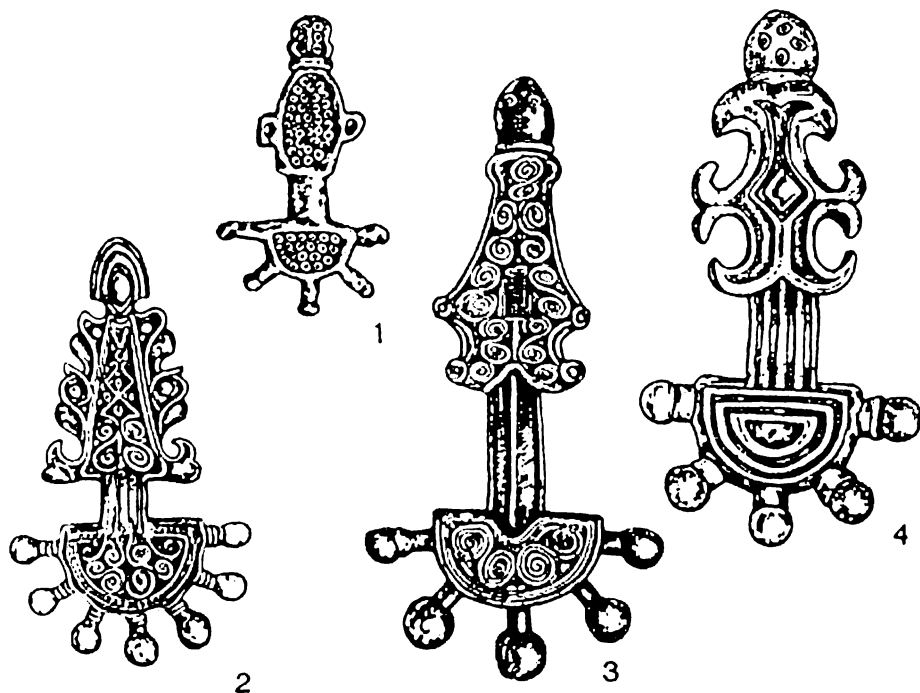

Рис. 22. Пальчатые фибулы пеньковской культуры.

¹ Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 64; Этно-культурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. – С. 88.

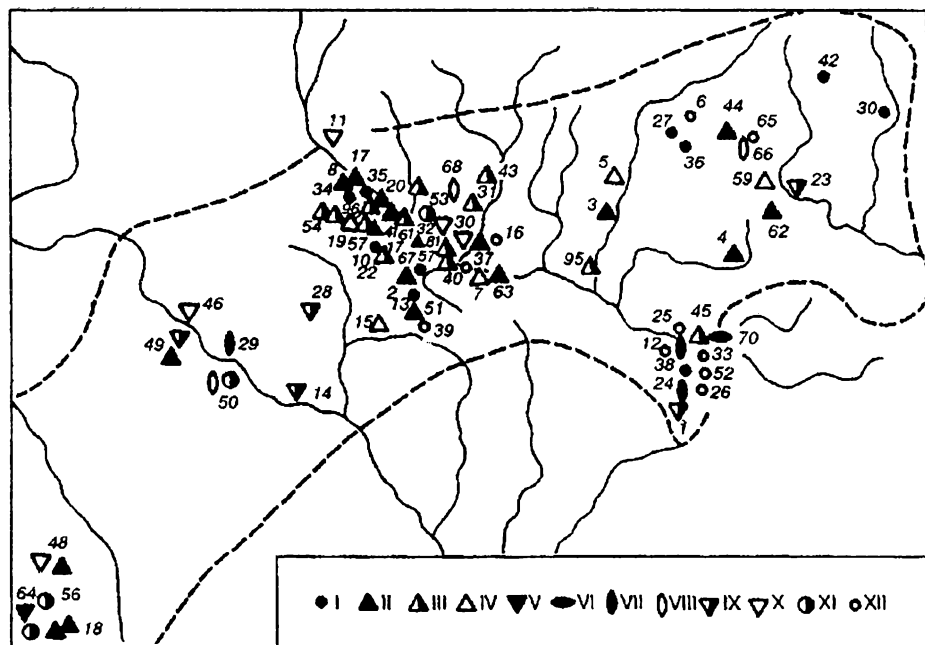

Рис. 23. Схема распространения металлических ювелирных изделий ареала пеньковской культуры (с сокращениями):

23 – Задонецкое (кольцо-подвеска); 59 – Тимченки (зоо-антропоморфная фибула); 62 – Черкасский Бишкін (пальчатая фибула).

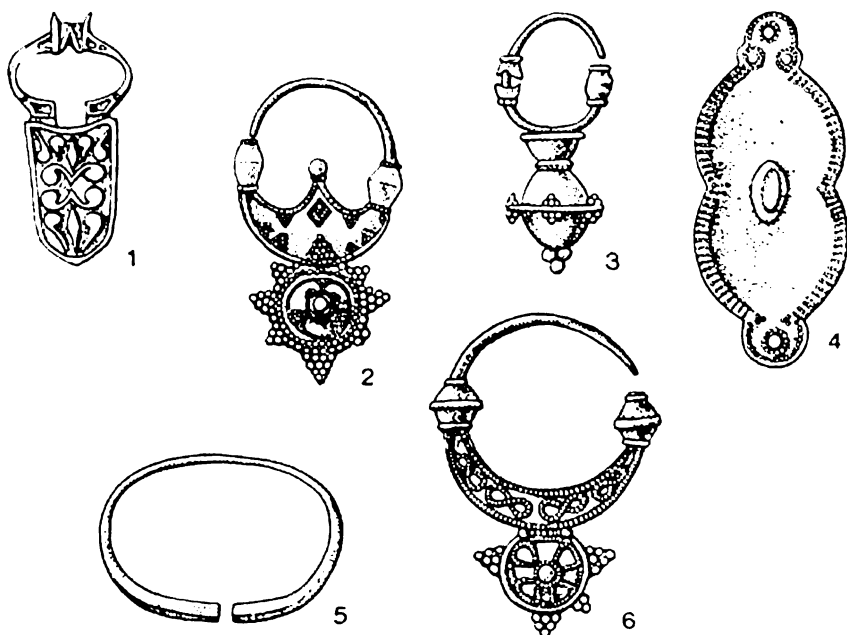

Рис. 24. Серебряные украшения Харивского клада.

морфной фибулы, найденной в уроч. Таранцево возле с. Тимченки (рис. 25: 3)¹. Украшения из круга «антских кладов» найдены на поселении Мохнач в грунтовом погребении с ингумацией (рис. 26)².

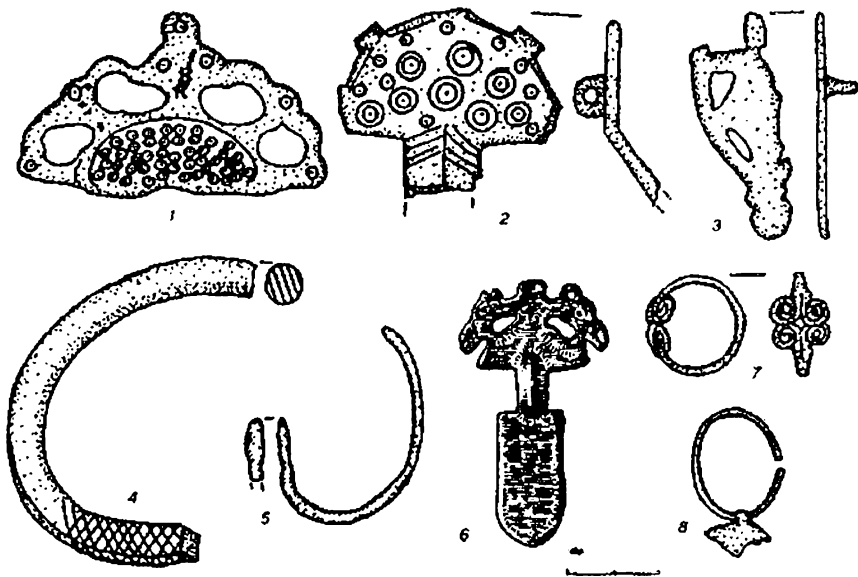

Рис. 25. Пеньковские ювелирные изделия (с сокращениями):

3 – зоо-антропоморфная подвеска из с. Тимченки; 8 – подвеска из с. Задонецкое.

Крупная бронзовая овальная пряжка V в. н. э. обнаружена вместе с типично пеньковской керамикой на селище Задонецкое на Северском Донце³. В 1976 г. В с. Черкасский Бишкин была найдена пальчатая фибула дунайского типа, датируемая VII в. (рис. 27: 1)⁴.

Клады подобного рода впервые интерпретировал А. А. Спицын, определив их как «древности антов»⁵. Однако Б. А. Рыбаков, проанализировав письменные источники и рассмотрев набор ювелирных украшений, пришел к выводу, что «область пальчатых фибул и других вещей VI–VII вв., выделенных А. А. Спицыным, настолько полно совпадает с Приднепровской Русью, что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что Русь – часть антов»⁶.

¹ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 27.

² Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111–122.

³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 81.

⁴ Любичев М. В. Контакты славян днепро-донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 96.

⁵ Спицын А. А. Древности антов / А. А. Спицын // Сборник Отдела русского языка и словесности АН СССР. – М., 1928.

⁶ Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 42.

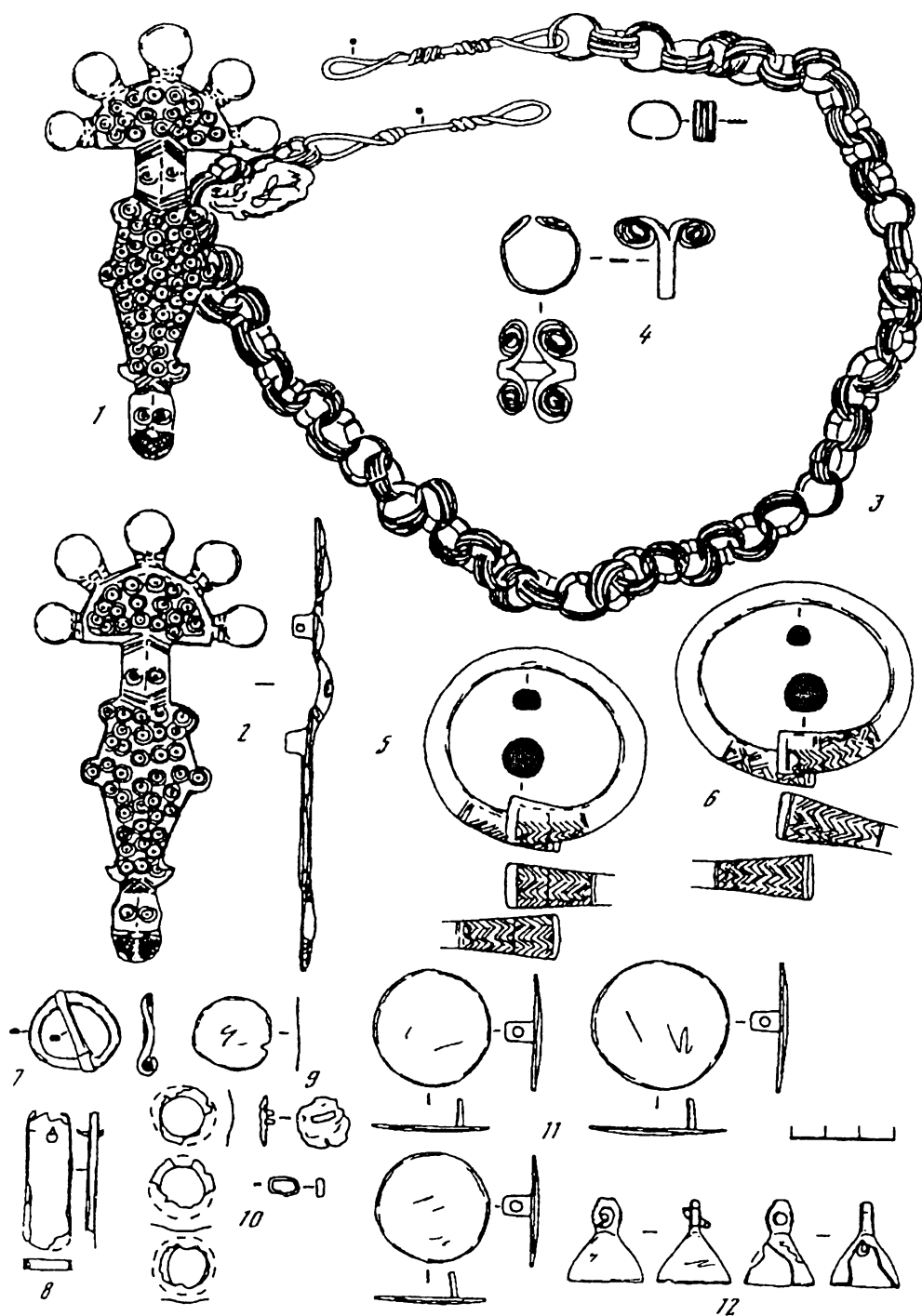

Рис. 26. Находки из погребения у с. Мохнач: 1-12 – бронза.

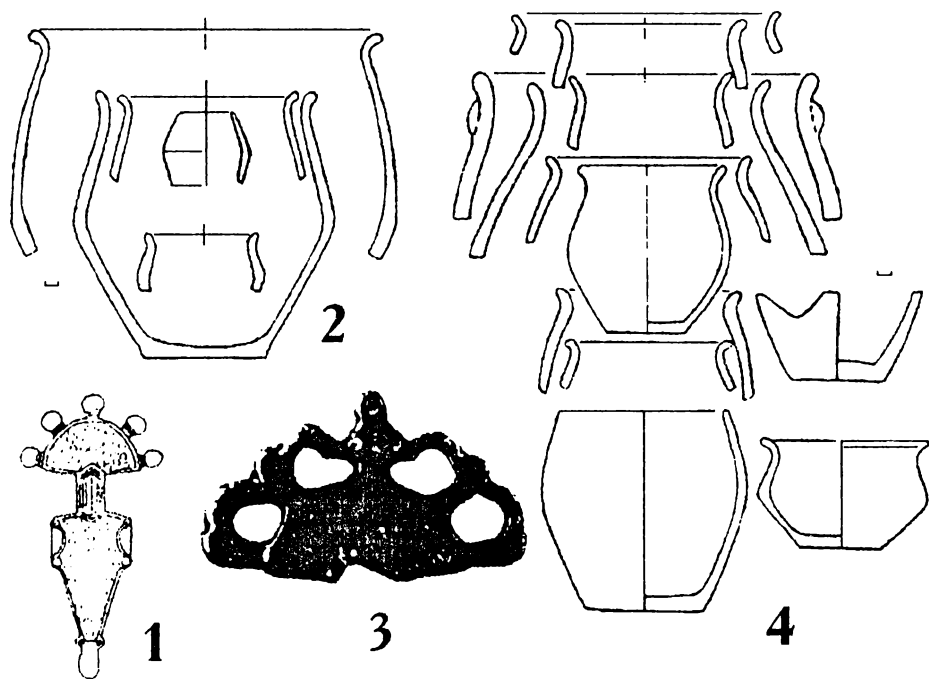

Рис. 27. Материалы пеньковской культуры:

1 – пальчиковая фибула; 2, 4 – керамика с поселений Северского Донца; 3 – часть фибулы из Восточного Бельского городища с древнегреческими буквами.

Позже, в работе «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.», Б. А. Рыбаков утверждает, что богатство кладов круга «антских древностей» может свидетельствовать о мощи и могуществе воинственных русов, которые в V–VI вв. вытесняют древние имена славянских (антских) племен – полян, древлян, полочан, северян и др., а в VI–VII вв. начали поглощать другие племенные союзы. По мнению исследователя, область летописной «Русской земли» (в узком понимании термина «Русь») совпадают с ареалом кладов «богатой дружинной культуры»¹. Происхождение этнонима «русь» Б. А. Рыбаков выводит из названия племени росомонов, которые по Иордану были союзниками готского короля Германариха. Даже имя неверной жены Германариха – Сванильды, чье имя в переводе с готского означает «лебедь» – исследователь сопоставляет с легендарной Лыбедью, сестрой Кия, Щека и Хорива². При этом имена братьев Сванильды, Сара и Аммия Б. А. Рыбаков опускает,

¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982. – С. 85–88.

² Там же. – С. 86.

поскольку найти им славянские соответствия весьма затруднительно. Подобная трактовка «Гетики» Иордана и слабо аргументированная гипотеза о росах-русах представляются нам ошибочными.

Независимо от интерпретации, бесспорным является то, что клады преимущественно принадлежали представителям военной верхушки славян и были накоплены ими в процессе военных действий, в том числе против Византии. В своих работах Й. Вернер и Б. А. Рыбаков доказали местное производство пальчиковых фибул¹. О славянской их принадлежности высказывался также А. М. Тальгрэн, полагавший, что их распространение отражает славянское расселение начала средневековья². Славянские фибулы с масковидной головкой и производные от них довольно четко отличаются от фибул различных средневековых групп германцев. К тому же, германцы римского и раннесредневекового периода носили по две фибулы, тогда как славяне преимущественно носили их по одной. Выводы Б. А. Рыбакова и Й. Вернера, сделанные в 40–50-х гг. XX в., не раз подтвердились раскопками *пеньковских* памятников в последующие десятилетия.

Картография пальчатых фибул (рис. 28; 29; 30) показывает, что они были характерны не для всех славянских племенных группировок третьей четверти I тыс. н. э., а только для антов³.

Основная часть этих находок происходит из ареала *пеньковской культуры*. Здесь они неоднократно встречены в культурных напластованиях целого ряда поселений (Бельск, Волосское, Данчены, Кизлевский, Майорка, Селиште, Сурская Забора, Ханска II и др.), в том числе на селищах Майорка, Сурская Забора, Ханска II и Селиште (рис. 31) обнаружены в закрытых комплексах – в полуземляночных постройках⁴.

Известны находки фибул и на Змиевщине. В 1969 г. в археологическую экспедицию ХГУ, проводившую раскопки у с. Сухой Гомольши, поступила бронзовая фибула (рис. 32: 1), найденная в с. Нижний Бишкин.

Поскольку нижний горизонт селища Нижний Бишкин I относится к *пеньковской культуре* (о чем говорит керамика), то В. К. Михеев по месту находки и бытования датировал данную фибулу VI – VII вв. Фибула массивная. Ее длина равна 14,3 см. Глянцевая поверхность украшения покрыта ровной, местами бле-

¹ См.: Рыбаков Б. А. *Ремесло Древней Руси* /Б. А. Рыбаков. – М., 1948; Werner J. *Slawisch Bugelfibeln des 7. Jahrhunderts* // J. Werner // *Reineske Festschrift*. – Mainz, 1950. – S. 150–172.

² Tallgren A. M. *Enameled Ornaments in the Valley of the Desna* / A. M. Tallgren // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. – Helsinki, 1937. – Т. XI. – Р. 154 (В кн.: Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* /В. В. Седов. – М., 1995. – С. 84).

³ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* /В. В. Седов. – М., 1995. – С. 84.

⁴ Там же. – С. 84.

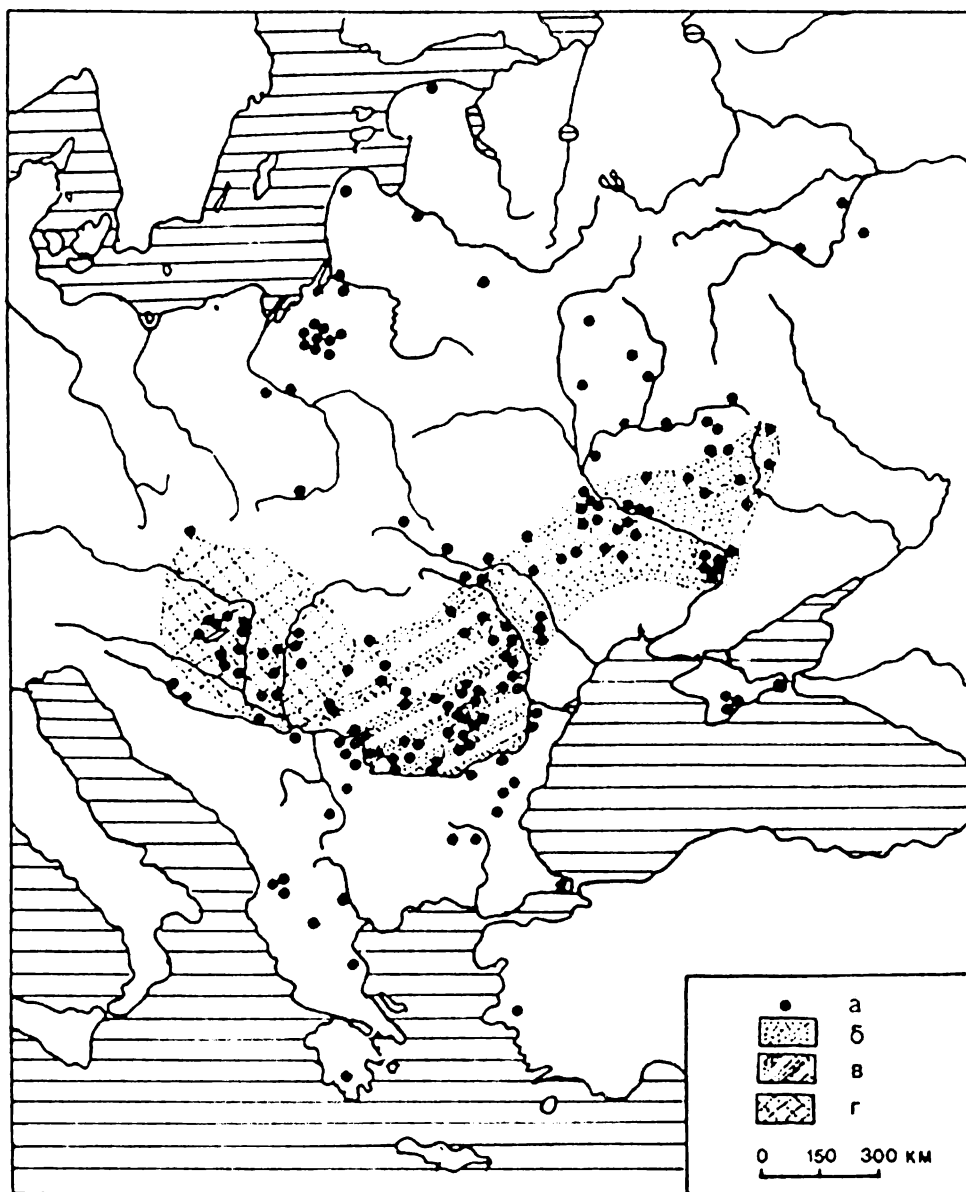

Рис. 28. Общее распространение славянских (антских) пальчатых фибул:

а – места находок фибул; *б* – коренной ареал антов (пеньковская культура); *в* – область активного антского расселения (ипотешти-кындейшская культура); *г* – ареал аварской культуры.

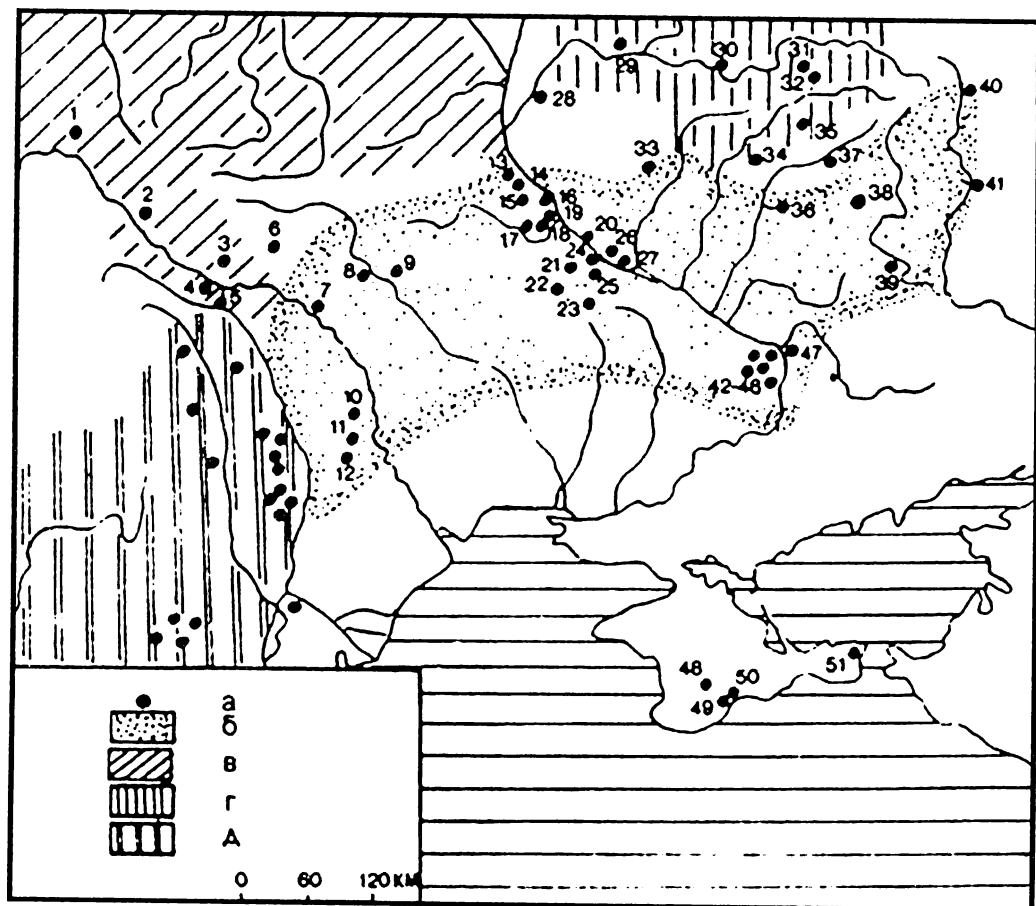

Рис. 29. Распространение антских пальчатых фибул в Северном Причерноморье:

а – памятники с находками фибул. Ареалы культур: б – пеньковской; в – пражско-корчаковской; г – колочинской; д – ипотешти-кындейской.
 1 – Черепин; 2 – Демьянов; 3 – Горошев; 4 – Рашков III; 5 – Черновка; 6 – Великая Слобода; 7 – Бернашевка; 8 – Семенки; 9 – Чуков; 10 – Селиште; 11 – Ханска; 12 – Данчены; 13 – Веремья; 14 – Дударь; 15 – Букрин; 16 – Княжья Гора; 17 – Мартыновка; 18 – Малый Ржавец; 19 – Пекари; 20 – Лебиховка; 21 – Черкасы; 22 – Балаклея; 23 – Пастырское; 24 – Чигирин; 25 – Хацки; 26 – Градижск; 27 – Пляж; 28 – Новоселье; 29 – Мена; 30 – Харивка; 31 – Казачья Локня; 32 – Суджа; 33 – Поставмуки; 34 – Бельское городище; 35 – Малая Рыбница; 36 – Козиевка; 37 – Смородинка; 38 – Харьков; 39 – Черкасский Биштин; 40 – Углы; 41 – Колосково; 42 – Волосское; 43 – Березовка; 44 – Майорка; 45 – Сурская Забора; 46 – Звонецкое; 47 – Изрень-Подкова; 48 – Суук-Су; 49 – Артек; 50 – Лучистое; 51 – Керчь.

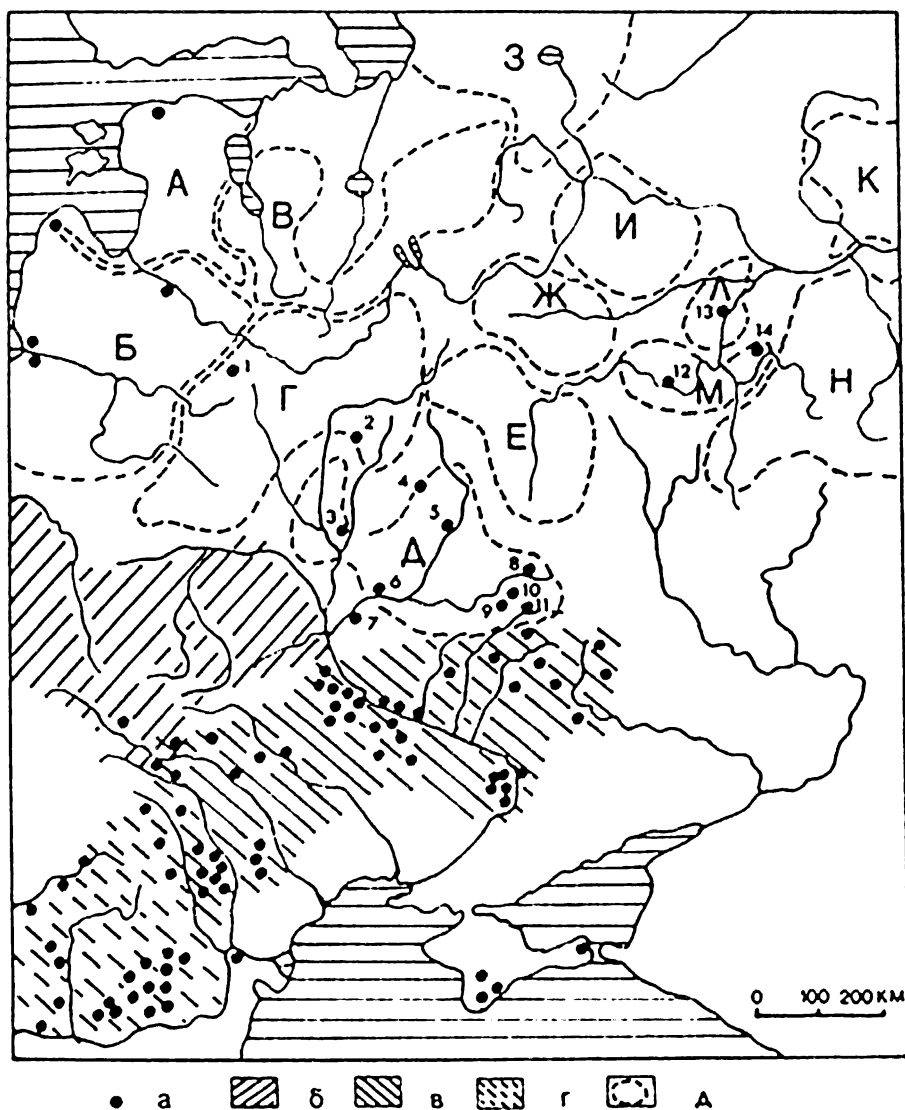

Рис. 30. Распространение антских пальчатых фибул в лесной зоне Восточной Европы:

а – памятники с находками фибул. Ареалы культур: *б* – пражско-корчаковской; *в* – пен'ковской; *г* – ипотешти-кындештской; *д* – археологические ареалы лесной зоны (А – эсто-ливских племен; Б – летто-литовских племен; В – культуры псковских длинных курганов; Г – тушемлинско-банцеровской культуры; Д – колочинской культуры; Е – мощинской культуры; Ж – позднейдяковской культуры; З – веси; И – мери; К – марийцев; Л – муромы; М – рязанско-окских могильников; Н – мордвы. Ареалы; З – Почерчены по несколько более поздним данным).

1 – Микольцы; 2 – Никодимово; 3 – Гомель; 4 – Мужиново; 5 – Трубчевск; 6 – Мена; 7 – Новоселье; 8 – Курск; 9 – Гапоново; 10 – Казачья Локня; 11 – Сужда; 12 – Кузьминский могильник; 13 – Подболотня; 14 – Шокшово.

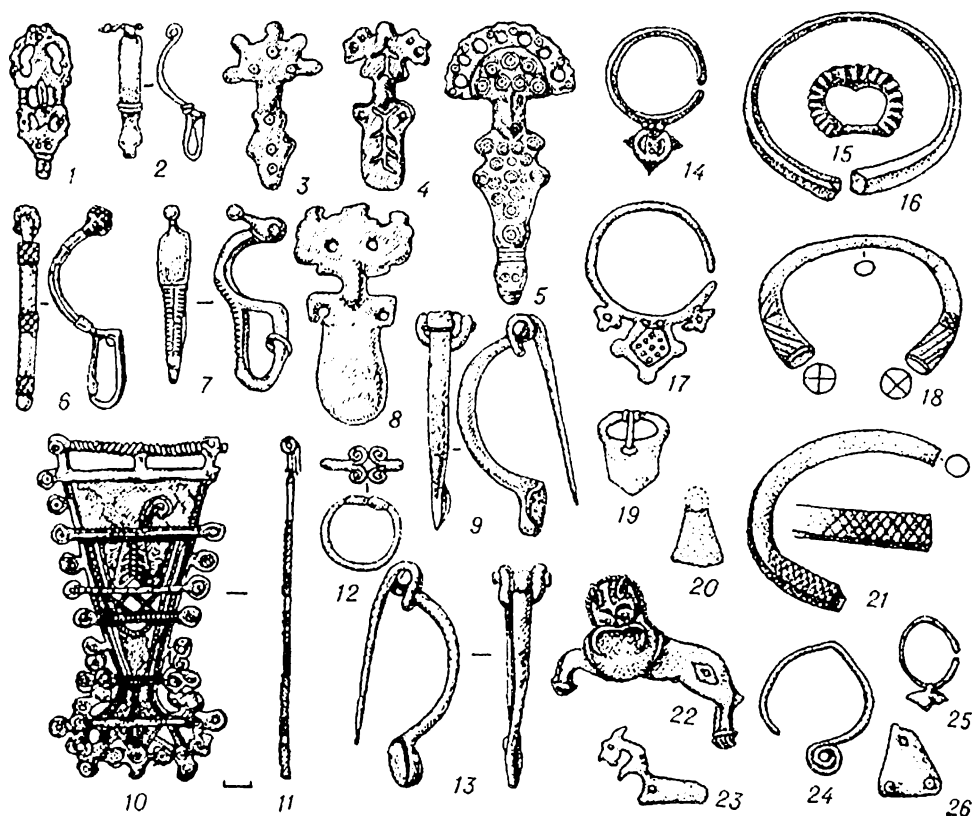

Рис. 31. Фибулы, украшения и предметы личного убора пеньковской культуры:

1, 15 – Большая Андрусовка; 2, 3, 6, 7, 10, 11, 19, 26 – Сурская Забора; 4, 5 – Майорка; 8 – Молочарня; 9 – Звонецкая; 12 – Сушки; 13 – Куня; 14 – Гайворон; 16, 22 – Скибинцы; 17, 23, 24 – Тягинская Забора; 21 – Донецкое; 25 – Задонецкое.

стоящей патиной бурого и зеленого цвета. Такую же окраску имеет тыльная сторона изделия, но она шероховатая, с мелкими наплывами металла. Сам металл светло-желтого цвета. Очевидно, фибула была отлита по восковой модели. Корпус фибулы слегка изогнут. По середине корпуса заметно продольное ребро. Две перекладки длиной 4,4 и 4,3 см делят корпус на три неравные части: верхняя – 5,6 см, среднюю – 2,8 см и нижнюю – 4,5 см. Верхняя часть фибулы шириной 8,2 см снабжена тремя поперечными выступами для крепления пружины. Боковые имеют по одному отверстию, а средний – три отверстия: для оси, скрепляющей насаженную на нее пружину с корпусом, для тетивы пружины в виде петли и для иглы. Последняя амортизировалась при помощи пружины с петлей. Верхний щиток фибулы имеет фигурную прорезь, разделенную зигзаго-

образной перемычкой на две части. Средняя часть фибулы, выделенная перекладинами, отмечена явственным продольным ребром и имеет различную ширину основания. Нижняя часть оформлена в виде ромба, в центре которого расположено прорезное отверстие, а по трем углам размещены кресты с шаровидными концами и круглыми отверстиями в центре. Эмалевое декорирование отсутствует. По всей видимости, ее не было вообще, так как ячейки для нее отсутствуют, и их место занимают сквозные прорезы. В одно из таких отверстий продето звено бронзовой цепочки. По внешнему облику фибула не создает впечатления той особой грузности, которая характерна для перекладчатых украшений такого типа¹.

Не менее интересной находкой является бронзовое звено цепи (рис. 32: 2), обнаруженное в погребении 247 Сухогомольшанского могильника. Длина звена равна 11 см, наибольшая ширина у концов 2,45 см в средней части — 1,85 см. Звено симметричное. Концы оформлены в виде прямоугольных рамок, верхние перекладки которых частично стерлись при ношении о соединительные кольца.

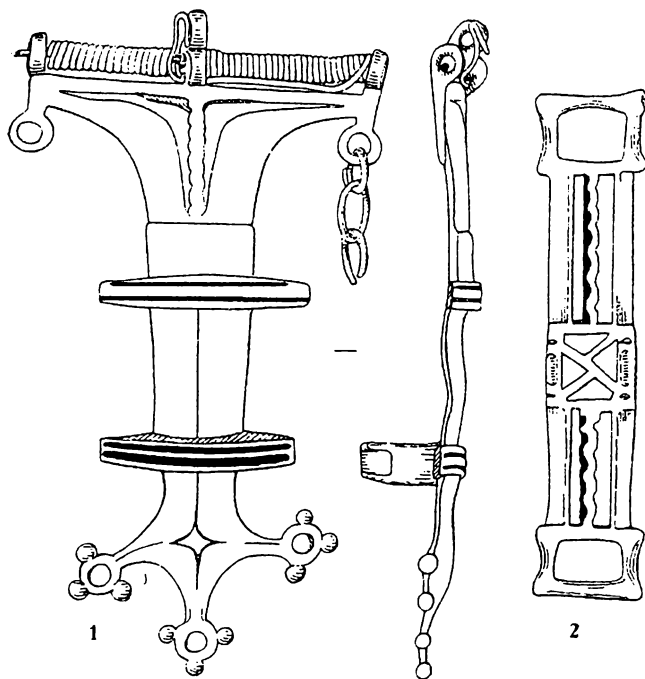

Рис. 32. Фибула из с. Нижний Бишкин (1) и звено цепи из с. Сухая Гомольша (2).

Хранятся в Харьковском историческом музее.

В центре рамчатого корпуса расположен квадрат, разделенный на четыре части лучами-перемычками. Квадрат соединен с рамками-петлями двумя прямыми и одной зигзагообразной перемычками. Характер поверхности металла одинаков с бишkinsкой фибулой. Прорезы в звене эмалью не украшались. И бишkinsкая фибула, и сухогомольшанское звено относятся к кругу вещей с эмалью, но без эмалевого декорирования².

¹ Михеев В. К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине / В. К. Михеев // Советская археология. — 1983. — № 3. — С. 212.

² Там же. — С. 212, 213.

В хронологическом отношении интересна находка бронзового перстня из Сушков. Он изготовлен из двух спаянных проволочек, концы которых загнуты в спираль таким образом, что образуют с лицевой стороны четыре разъединенных завитка. Аналогичные изделия в Центральной Европе известны на могильниках в Базилей-Кляингюнинген и в Смолине, где они датируются концом V в. Один из них найден в погребении второй половины VII в. н. э., обнаруженном вблизи с. Мохнач¹.

Более северные находки антских фибул происходят из памятников *тушемлинско-банцеровской культуры* – Никодимово на пограничье Могилевщины и Смоленщины и Микольцы близ оз. Мястра в бассейне верховьев Вилии. Культурные элементы (полуземляночные жилища с печами-каменками типично славянского интерьера, каменные жернова, высокие биконические пряслица, железные шпоры и др.), свидетельствующие о начавшейся инфильтрации славянского населения в земли днепровских балтов, как уже отмечалось в археологической литературе, фиксируются, начиная с VI в. Находки пальчатых фибул указывают на то, что расселение малых групп славян среди днепровских балтов осуществлялось из антского региона².

Клады из курско-харьковского региона, судя по найденным с ними монетам Юстиниана (527–565 гг.) и Хосрова I (531–579 гг.), следует датировать VI в³.

§ 2.9. Этническое лицо носителей *пеньковской культуры*. Название и этническая принадлежность антов

На сегодняшний день большинство исследователей считают, что носителей *пеньковской культуры* следует отождествлять с антами⁴. По сообщениям письменных источников, анты были необычайно многочисленным народом. Все византийские авторы сходи-

¹ Приходнюк О. М. *Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования)* / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 46.

² Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 88.

³ Рыбаков Б. А. *Древние русы* / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 68.

⁴ См., напр.: Рыбаков Б. А. *Древние русы* / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 23–104; *Україна крізь віки* : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. *Давні слов'яни*. – С. 51–55; Седов В. В. *Древнерусская народность. Анты* / В. В. Седов // *Возрождение державы. – Режим доступа* : http://derzava.com/art_desc.php?aid=154. – Доступ 21. 06. 2008 г.; Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 68–94; Любичев М. В. *Земледельцы славян Днепра Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э.* / М. В. Любичев // *Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37–45; История Украинской ССР* : В 10 т. – К., 1982. – Т. 1. *Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества, Киевская Русь (до второй половины XIII в.)*. – С. 279.

лись на том, что они проживали на огромной территории. Однако, в соответствии с археологическими данными, количество носителей *пеньковской культуры* было незначительным. Это несоответствие является одной из причин, не позволяющих безоговорочно отождествить *пеньковцев* с антами.

Тем не менее, носители *пеньковской археологической культуры*, несомненно, были славянами. Славянскую принадлежность основных типов *пеньковской керамики* определяет ее преемственность со славянской посудой последующих VIII–IX вв.

Особенности керамики¹, погребального обряда² и сакральных памятников³ свидетельствуют об иранской принадлежности некоторой части *пеньковцев*. Эту мысль подтверждают как письменные источники, так и данные археологии. Описывая племена венедов (т. е. славян), Тацит говорит, что они смешиваются с сарматами⁴. Наглядной иллюстрацией этого сообщения являются погребения, аналогичные обнаруженному недалеко от с. Мохнач (см. § 2.7).

В пользу интерпретации *пеньковских древностей* как славянских говорит материальная культура. Еще в 1953 г. Б. А. Рыбаков вывел единую линию развития женских височных колец: от антских двуспиральных к северянским односпиральным. В окрестностях Змиева (хут. Зайцев, у с. Задонецкое) найдено одно из таких односпиральных колец-подвесок (рис. 25: 8; 31: 25)⁵. Говоря о славянском племенном союзе V–VII вв., Б. А. Рыбаков утверждает: «создалась своеобразная и устойчивая материальная культура, частично сохраненная и в XI–XII вв. (северянские височные кольца)»⁶. Ареалы височных колец VI–VII вв. и колец XI–XII вв. совпадают. Близкими являются не только височные кольца, но и весь женский головной убор (рис. 33)⁷.

К тому же, антов и северян роднят погребальные обычаи. Маврикий сообщает «скромность их [антских] женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь»⁸. Арабские письменные источники X в. буквально то же говорят о северянках. Например,

¹ См.: Михеев В. К. *Пеньківське поселення на Сіверському Дінці* / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк / *Археологія*. – 1986. – № 54. – С. 81.

² См.: Аксёнов В. С. *Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач* / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // *Российская археология*. – 1998. – № 3. – С. 111–123.

³ См.: Любичев М. В. *Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья* / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2001. – № 526 : *Історія*. – Вип. 33. – С. 6–7.

⁴ *Publius Cornelius Tacitus. De origine, situ, moribus ac populis Germanorum* : XLVI.

⁵ Рыбаков Б. А. *Древние русы* / Б. А. Рыбаков // *Советская археология*. – 1953. – Т. XVII. – С. 90.

⁶ Там же. – С. 60.

⁷ Там же. – С. 68.

⁸ Маврикий. *Слов'яни* / Маврикий // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. *Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст.* – С. 31.

ибн-Даст в «Книге драгоценных сокровищ» пишет: «если у покойного было три жены и одна из них утверждает, что она [особенно] любила его, то приносит она к трупу два столба, и их забивают торчком в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посредине веревку, становятся на лавочку, и конец этой веревки [жена] завязывает вокруг своей шеи. Когда она так сделала, лавочку убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока задохнется и умрет, а после смерти ее бросают в огонь, где она и сгорает»¹. Аль-Масуди уточняет: «когда умирает мужчина, с ним сжигается его жена, а когда умирает ... холостой, то его женят после смерти. Женщины их хотят быть сожжены, чтобы войти с ними <т. е. с мужьями. – Прим. авт.> в рай»².

Вопрос о названии антов тесно связан с определением их этнической принадлежности. На официальность этого этнонима указывают титулы *Ἀντικός*, *Anticus*, которые принимали византийские императоры после побед над антами. В некоторых письменных источниках I в. н. э. племенное название «анты» встречается среди названий народов Закавказья. На одной надписи из Боспора III в. (270-е гг.), среди имен прочих боспорян, упомянут *Αντας Παλι...* (*Палиос* или *Палиου*). У сарматов засвидетельствованы личные имена *Ант* и *Хорват*, которые во II–IV вв. н. э. употреблялись даже сарматами, обитавшими далеко на юге, в Танаисе³ и Пантикапее⁴. Это дало основания считать, что, заселяя

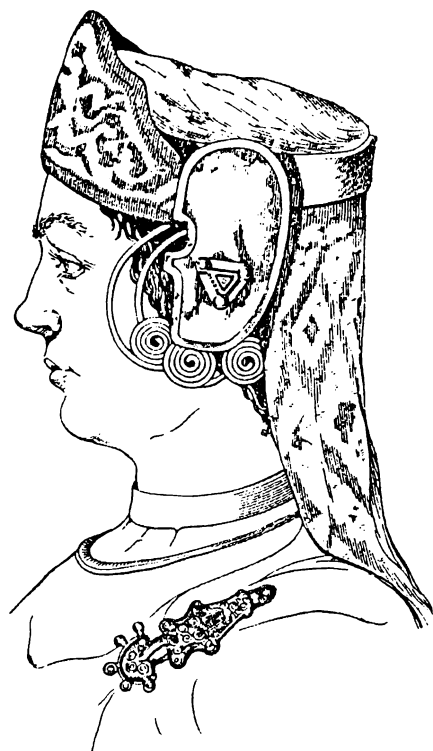

Рис. 33. Убранство антской женщины.

Реконструкция головного убора из Мартыновского клада.

¹ З «Книги дороговцінних скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

² З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Алі ібн-Хусейна (Аль-Масуди) // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 67.

³ Танаис – 1) древнегреческое название р. Дон; 2) древнегреческий город-колония в устье Дона.

⁴ Пантикапей – древнегреческий город-колония в Крыму (совр. Керчь) – столица Боспорского царства, существовавшего в V в. до н. э. – IV в. н. э. на востоке Крымского и западе Таманского полуостровов.

Немецкими учеными А. Виртом, А. Ольриком, Г. Шутте было высказано довольно оригинальное предположение о северокавказских корнях антов. В частности, проводились параллели с современными черкесами¹. Г. В. Вернадский сводил *ант* к *ас* — «осетин»². В последнее время подобное мнение поддержала Н. О. Котова. Ее гипотеза основывается на том, что в гидронимах Украины часто встречаются названия абхазо-адыгейского происхождения, а значит, носители этих языков могли соседствовать с антами. Н. О. Котова указывает, что: «Слово “ант” сопоставляется с адыгейским “антхер”, что означает принадлежность к “материнскому роду”»³.

Б. А. Рыбаков считал, что «термин “анты” является диалектным видоизменением общеславянского наименования “венеты”. Западное произношения дает ...формы: “венеды”, “венды”, “винды”; восточное – более мягкие формы: “венеты”, “вятичи”, (из *вѣты* – *венты*)»⁵. Исследователь поясняет: «отпадение начального [в], столь обычное в русской географической номенклатуре (например, *вѣвѣть* – *Ѱвѣть*) и отверждение носового звука, чуждого латинскому и греческому языкам, привело к тому, что из слова “венеты”, “*вѣты*” образовалось слово “анты”»⁶. При этом Б. А. Рыбаков утверждает, что древнее общеславянское имя «венеты» сохранилось за одним из восточнославянских племен до XII в. – *вѣтичи*⁷.

Тем не менее, попытки объяснить происхождение этнонима «анты» на материале славянских языков следует признать не достаточно аргументированными. На наш взгляд, следует считать верным предположение об иранских корнях данного этнонима.

⁷ Древнеславянская буква ѡ «юс малый» произносилась как носовой звук [э].

М. С. Грушевский объяснял «анты» как «пограничные люди, те, что живут на краю», считая это прямой связью с современными украинцами: «Анты могут соответствовать только восточной группе <славян>... Анты – представители тех племен, что создали ту этнографическую общность, которую теперь называем украинской»¹. Такое же мнение выражает Ф. П. Филин, указывая на санскритские (древнеиндийские) параллели: др.-инд. *antas* «предел, конец», *antuas* – «задний, крайний»; ср. также осетинское *att'iya* – «задний, находящийся позади»². Сюда же санскритское *antara* – «внутренний», что соответствует древнеболгарскому *антаръ* – «внутренний». Эту точку зрения разделяют многие ученые, в том числе О. Н. Трубачев³. То есть, анты – окраинные жители. И действительно, они заселяли юго-восточную окраинную территорию славянского мира и в римское время, и в начале средневековой поры. Полное семантическое соответствие при этом наблюдается с названием Украины, откуда современный этноним *украинцы*. По всей видимости, такое название славянским племенам дали жившие на пограничье с ними ираноязычные сарматские племена. Вполне может быть, что иранское название славянского этноса является отражением того ирано-славянского симбиоза, который имел место во времена *черняховской культуры*, как это предполагает В. В. Седов⁴. По мнению других исследователей, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, О. В. Сухобокова, славяно-иранский контакт происходил здесь еще ранее – в начале раннего железного века⁵.

Своеобразие *пеньковской культуры* говорит о некоторой этнографической специфике антов. Есть основания полагать, что анты (рис. 34) составляли особую диалектную группу позднепраславянского языка. Полная характеристика антского диалекта затруднительна, но допустима мысль о том, что он выделялся среди остальных праславянских диалектных образований, прежде всего, наличием большого числа иранизмов. В великорусском, белорусском и украинском языках имеется ряд слов иранского происхождения. Ср., например: слав. *ѣкира*, но *топоръ* (от иран. *tabar*), слав. *добро*, но *хорошо* (от иран. *x'araz* «добрый, хороший»), слав. *пысъ*, но *собака* (ср., мид. *spraka*) и т. д.

¹ Грушевський М. С. *Історія України-Руси* : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку ХІ віку. – С. 176.

² Филин Ф. П. *Образование языка восточных славян* / Ф. П. Филин. – М., 1962. – С. 60.

³ Трубачев О. Н. *Лингвистическая периферия древнейшего славянства : Индоарийцы в Северном Причерноморье* / О. Н. Трубачев // *Вопросы языкознания*. – 1977. – № 6. – С. 25.

⁴ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 82; Седов В. В. *Происхождение и ранняя история славян* / В. В. Седов. – М., 1979. – С. 98–100; Седов В. В. *Древнерусская народность. Анты* / В. В. Седов // *Возрождение державы*. – Режим доступа : http://derzava.com/art_desc.php?aid=154. – Доступ 21. 06. 2008 г.

⁵ Сухобоков О. В. *Дніпровське Лісопестове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.* / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 55.

Рис. 34. Внешний вид мужской и женской (княжеской) одежды антов.

По материалам Мартыновского клада (V–VI вв.). Реконструкция П. Л. Корниенко и О. М. Приходнюка при научной консультации О. А. Брайчевской, художник П. Л. Корниенко.

положения. В. И. Абаев также допускал, что результатом скифо-сарматского воздействия были появление в восточнославянском языке генитива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским языком в перфектирующей функции превербов². Воздействием иранцев объясняет В. Н. Топоров происхождение беспредложного 'локатива-датива'³. Эти фонетические и грамматические особенности в славянском мире являются региональными. Их географическое распространение допускает мысль о зарожде-

Иранское воздействие проявилось не только в лексике, но и в фонетике. Согласно В. И. Абаеву, изменение взрывного [g], свойственного праславянскому языку, в задненебный фрикативный [h], что фиксируется в ряде славянских языков, обусловлено скифо-сарматским воздействием. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждал, что в формировании юго-восточного славянства (в частности, будущих украинских и южнорусских говоров) должен был участвовать скифо-сарматский субстрат¹. Сопоставление ареала фрикативного [h] в славянских языках с регионами, заселенными антами и их прямыми потомками, определенно говорит в пользу этого по-

¹ Абаев В. И. О происхождении фонемы γ (h) в славянском языке / В. И. Абаев // Проблемы индоевропейского языкознания. – М., 1964. – С. 115–121.

² Абаев В. И. Превербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания / В. И. Абаев. – М., 1964. – С. 90–99.

³ Топоров В. Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения / В. Н. Топоров. – М., 1960. – Вып. 28. – С. 3–11; Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В. Н. Топоров // Славянский и балканский фольклор. – М., 1989. – С. 23–60.

нии их в антском диалекте праславянского языка¹. Некоторые исследователи считают, что с иранским миром Северного Причерноморья связано также расширение славянского языческого пантеона – включение в его состав Хорса и Семаргла².

Иранский инфильтрат в восточнославянском этническом массиве, по-видимому, был довольно значительным. Как убедительно показал А. Калмыков, даже среди русских военачальников, подписавших в X в. договор с Византией, были лица с именами иранского происхождения – *Алвадъ, Гфанздръ, Нстръ, Фрастѣнъ* (*Прастѣнъ, Прасѣтѣнъ*), *Фирстѣнъ, Фиртанъ* и др³. Часть этнонимов восточных славян также имеют иранские корни. Таковы *сърбы, хорваты, сѣверо*, возможно, *русь*⁴.

Византийский историк Прокопий Кесарийский в середине VI в. отмечает, что анты и склавины разговаривали на одном языке, у них был одинаковый быт, общие обычаи и вера. Прокопий Кесарийский подчеркивал, что даже имя у склавинов и антов было вначале одно⁵. Здесь же историк дает классическое описание внешности антов и склавинов: «*Εὐμήκεῖς τε γὰρ καὶ ἄλλοι διαφερόντως εἰσὶν ἅπαντες, τὰ δὲ σώματα καὶ τὰς κόμας οὔτε λευκοὶ ἐς ἄγαν ἤξανθοί εἰσιν οὔτε πῆ ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται ἀλλ' ὑπέρυθοι εἰσὶν ἅπαντες*»⁶. Вместе с тем, из исторических источников очевидно, что анты как-то выделялись среди прочих славян, поскольку они называются наравне с такими этническими группами того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы каким-то образом отличали анта (рис. 35) от склавина даже среди наемников империи.

Благодаря письменным источникам исторической науке известны имена некоторых антских вождей (князей): Боз (слав. *Божъ*),

¹ Седов В. В. Диалектно-племенная дифференциация славян в начале средневековья по данным археологии // В. В. Седов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. – М., 1988. – С. 173–175.

² Абаев В. И. Преверб и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания / В. И. Абаев. – М., 1964. – С. 90–99; Абаев В. И. Дохристианская религия алан / В. И. Абаев // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1961. – С. 5–7.

³ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М., 1979. – С. 99; Скляренко В. Г. Русь и варяги: Историко-этимологические исследования / В. Г. Скляренко. – К., 2006. – С. 70.

⁴ Иванов В. В. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. – К., 1980. – С. 29–32; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза / Г. А. Хабургаев. – М., 1979. – С. 98; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М., 1979. – С. 99. Согласно О. Н. Трубачеву, сербы – индоарийский этноним, вошедший в праславянскую среду где-то в Южном Побужье (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М., 1981. – Вып. 8. – С. 181).

⁵ Прокопій Кесарійський. Слов'яни / Прокопій Кесарійський // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – 1939. – С. 30.

⁶ «Все эти люди высокого роста и чрезвычайно сильные. Цвет лица у них не совсем белый, волосы не русые и не переходят в чёрные, а рыжеватые, и к тому же – у всех». Греч. текст цит. по кн.: Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку. – С. 306.

Рис. 35. Внешний вид мужской и женской одежды антов.

Реконструкция З. Васиной.

(позднескифским или сарматским), что подтверждало бы мысль о частичной инфильтрации иранского элемента в славянский этнос.

Также следует предполагать наличие в составе носителей *пеньковской культуры* тюркского населения. Об этом свидетельствуют юртообразные жилища в степной части *пеньковского* ареала и ременная гарнитура.

Сказанное выше можно свести к следующему:

- 1) в письменных источниках термином «анты» называются племена, нападавшие с территории Северного Причерноморья на империю;
- 2) антов следует, по-видимому, отождествлять со славянским этническим массивом, но с большой примесью иранского и, возможно, тюркского, компонента;
- 3) этимология этнонима «анты» имеет две трактовки: а) иранскую (наиболее вероятную) — «анты» < индоиран. Ant — «крайний,

Ардагаст (слав. Родоґоґѣ), Пирагаст (слав. Пироґоґѣ)¹, Келагаст (слав. Келоґоґѣ)², Мусокій (слав. Мѹсоґій). Агафий упоминает анта по имени Дабрагез (слав. Доґроґоґѣ?), который был военным трибуном и командовал одной из эскадр византийского флота. Известен также Усигард (слав. Ыґґороґѣ), игравший значительную роль в военной и административной службе Византии. Менандр повествует о Мезамире (слав. Мѣґґамиґѣ)³. К этим историческим персоналиям следует, по-видимому, прибавить и упоминаемого Прокопием Кесарийским Хильбудия. Б. А. Рыбаков пишет, что это имя «некоторые ученые реконструируют — “Хвильнеґѣ”»⁴. Все имена, несомненно, славянские. Затруднения вызывает только имя Дабрагез, могущее быть иранским

¹ Феофилакт Симокатта. История / Феофилакт Симокатта. — М., 1996. — С. 19, 168 и др.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Иордан; вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской. — М., 1960. — С. 213.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. — М., 1995. — Т. 2. VII–IX вв. — С. 317.

⁴ Рыбаков Б. А. Древняя Русь : Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. — М., 1963. — С. 34.

окраинный»; б) славянскую – «анты» < влты (ср.: влтичи) < венты < лат. *venedi*;

4) *пеньковская археологическая культура*, отражая материальную культуру той части славян, иранцев (сарматов) и тюрков, которые в конце IV – начале VIII вв. проживали в лесостепной зоне Украины и находились в процессе культурного и языкового взаимодействия, может быть, отчасти, соотнесена с антами;

5) *пеньковская культура* имеет отношение к последующим археологическим культурам славян лесостепной части Днепровского Левобережья.

§ 2.10. Вооружение

Со времени войн антов с Византией начинается история русского оружия, да и вообще всего военного дела у восточных славян. Конечно же, оружие, как таковое, было у наших предков и раньше, но применение его носило исключительно оборонительный характер. Авторы «Археологии СССР» отмечают, что «большинство форм и видов оружия IX–X вв. не имеют местных корней в культуре предшествующей поры. Объясняется это тем, что боевые средства славян VI–VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период»¹.

Оружие до-киевских славян, судя по письменным свидетельствам современников, было весьма примитивным. Как писал, может быть, с долей преувеличения, Иоанн Эфесский в 584 г., славяне «даже не знали, что такое настоящее оружие, за исключением двух или трех дротиков». Однако тот же автор отмечает, что славяне довольно быстро обогатились военным опытом, захватили много византийского оружия и «обучились воевать более, чем ромеи»². Данные языковедения подтверждают умение славян учиться военному делу.

Славяне заимствовали военные навыки и вооружение в разные времена и у разных народов. Частое обновление комплекса вооружения приводило к отмиранию старых (индоевропейских, протославянских, праславянских, славянских) терминов для обозначения того или иного вида оружия и возникновению слов-заимствований. Славянское слово *броня*, «панцирь», является заимствованием древневерхненемецкого *brunja* (ср.: нем. *brünne*), которое происходит от кельтского *bruinne* – «грудь». По мнению Л. Нидерле, это прямо

¹Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1985. – Т. XV. Древняя Русь : Город, замок, село. – С. 320.

²Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1971. – С. 70.

свидетельствует о заимствовании данного вида вооружения от германцев в каролингскую эпоху¹. Имеется запрещение Карла Великого от 805 г. на продажу славянам оружия и брони (в латинском тексте *armā et bruniās*)². Ст.-слав. *шлѣмъ* (др.-рус. *шломъ*), «шлем», — название германского происхождения: ср. гот. *hilms*. Слово *мечъ* (от гот. *mēkeis*) также восходит ко временам тесного общения славян с готами. То, что все эти германизмы появились во времена противостояния славян и готов, подтверждается славянским словом *хъса* — «набег», происходящим от готского *hansa* — «военный отряд»³.

Трудно представить, что до соприкосновения с восточногерманскими племенами готов у славян вообще не было мечей. А. Н. Кирпичников по этому поводу высказывается довольно категорично: «В славянских памятниках, предшествовавших образованию Древнерусского государства, мечей не встречено, поэтому с большим основанием можно рассматривать мечи, появившиеся на русской почве в последней четверти I тыс. н. э., как новое явление в материальной культуре страны. К тому же, эти последние заметно отличаются от своих восточноевропейских предшественников середины I тыс. н. э.»⁴. Думается, что мечи у славян все-таки были. Но, по-видимому, они были архаичны по технологии изготовления, параметрам, а значит и по тактике их применения. Поэтому, встретив у готов более прогрессивный тип меча, славяне заимствовали его вместе с готским названием.

Из общеиндоевропейской эпохи в славянских языках остался только один термин для предмета вооружения: *щитъ* (из и.-е. **skeito-m* «щит»). Сравните: лат. *scūtum* (из и.-е. **skeuto-m* «щит») ⁵, гот. *skildus* (из и.-е. **skelto-m* «щит»). Это объясняется тем, что щит во все времена имел одну и ту же тактику применения и технологию изготовления.

Прокопий Кесарийский вспоминал, что, «вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами»⁶. Маврикий добавлял к этому, что «каждый <ант. — Прим. авт.> вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты,

¹ Нидерле Л. *Славянские древности* / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. — М., 2000. — С. 386.

² Кирпичников А. Н. *Древнерусское оружие. Выпуск 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.* / А. Н. Кирпичников // *Свод археологических источников*. — Вып. Е1-36. — М., 1971. — С. 11.

³ Гимбутас М. *Славяне. Сыны Перуна* / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. — М., 2007. — С. 93.

⁴ Кирпичников А. Н. *Древнерусское оружие. Выпуск 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.* / А. Н. Кирпичников // *Свод археологических источников*. — Вып. Е1-36. — М., 1966. — С. 22.

⁵ *Индоевропейские формы слов даны по книге: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования* / Ю. В. Откупщиков. — Л., 1967. — С. 175.

⁶ Прокопій. *Слов'яни / Прокопій // Історія України в документах і матеріалах*. — К., 1939. — Т. 1. *Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст.* — С. 30.

прочные, но трудно переносимые [с места на место]. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или [не воспользуется] другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела. Главное же – они не знали страха в бою и пренебрегали смертью»¹. К сожалению, археологические источники бедны на предметы вооружения. Нам пока не известен ни один экземпляр меча или остатков щита, хотя славянские воины ими пользовались. Только благодаря находкам на городище Зимно, на Волыни, исследованном В. В. Аулихом, мы обладаем некоторым количеством наконечников копий, дротиков и стрел.

Лук и стрелы употреблялись на территории Восточной Европы, начиная с эпохи мезолита. В I тыс. до н. э. вместе со скифами здесь появился сложный лук, который сразу получил широкое распространение в южной степной и лесостепной полосе. Конструкция такого лука хорошо известна. Он имел деревянную основу и девять костяных накладок. На каждом конце лука было по две накладки с вырезами для тетивы и по одной между ними. Несомненно, что деревянная основа лука была склеена из двух планок разных пород дерева и усилена сухожилиями по спинке лука. Костяные детали скрепляли все детали сложного лука, их концы для прочности обматывались по клею сухожильными нитями, как это прослежено на древнерусских луках XII–XIII вв. Длина такого лука составляла 165 см².

С VI в. н. э., а возможно, и раньше, судя по письменным источникам, славяне уже пользовались сложным луком. В археологических источниках о его наличии свидетельствуют, к сожалению, лишь наконечники стрел. Этих изделий несколько больше, чем наконечников копий: они встречены в единичных экземплярах на большинстве славянских поселений Украины V–VIII вв. н. э. Например, трехлопастные наконечники стрел гуннского типа обнаружены на селище Занки, а на поселении Богатое найдена большая трехлопастная стрела «аварского» типа. В Богатом, Сухой Гомольше и Семенках встречены плоские черешковые наконечники с удлиненным ланцетовидным пером³. Исключение составляет городище Зимно, где их найдено 36 штук.

¹ Маврикий. *Слов'яни* / Маврикий // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. *Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст.* – С. 31.

² Медведев А. Ф. *Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел. VIII–XIV вв.* / А. Ф. Медведев // *Свод археологических источников*. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 7.

³ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 79.

Согласно классификации А. Ф. Медведева, наконечники стрел разделяются на черенковые и втульчатые. Первые составляют большинство и являются типично восточноевропейскими. Вторые характерны для западноевропейских народов и на нашей территории встречены в относительно большом количестве лишь на славянских памятниках в западных регионах Украины. Так, на городище Зимно они составляют 32 % от всего количества найденных наконечников стрел¹.

По форме острия черенковые наконечники делятся на несколько типов (рис. 36):

1. С трехлопастным пером (аварские). Длина от 5 до 8 см. Некоторые имеют фигурные вырезы в месте перехода лопастей в черенок. Такие наконечники наиболее распространены на памятниках славян V–VII вв.
2. С пером листовидной формы. Некоторые экземпляры из Зимно имеют форму пера, близкую к биконической. В разрезе перо линзовидное. Длина от 5 до 11 см. Наконечники этого типа тоже широко известны на славянских памятниках от VI до XII вв.
3. С пером треугольной формы. Некоторые имеют подтреугольную форму. Длина от 1,3 до 3 см. Распространены в равной степени на памятниках *пражской, пеньковской культур, древностях Луки-Райковецкой*.
4. С плоским двухкрыльчатым пером. Длина 7,4 см. На славянских памятниках встречается очень редко (Зимно, Хотомель).

Одним экземпляром представлен черешковый наконечник с кинжаловидным пером длиной 10,3 см, наконечник с поперечно срезанным и легко закругленным пером, длиной 5,5 см (Зимно), килевидный наконечник с отверстием в лопастях, а также наконечник-срезень (Хотомель).

Втульчатые наконечники стрел также делятся на несколько типов по форме пера.

1. Двухкрыльчатые. В разрезе имеют треугольную форму. Длина от 5 до 5,4 см.
2. Ромбовидные. Разрез пера линзовидный. Длина от 10 до 13 см.
3. Листовидные. Разрез пера линзовидный. Длина от 6 до 11 см.

¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 53 и далее.

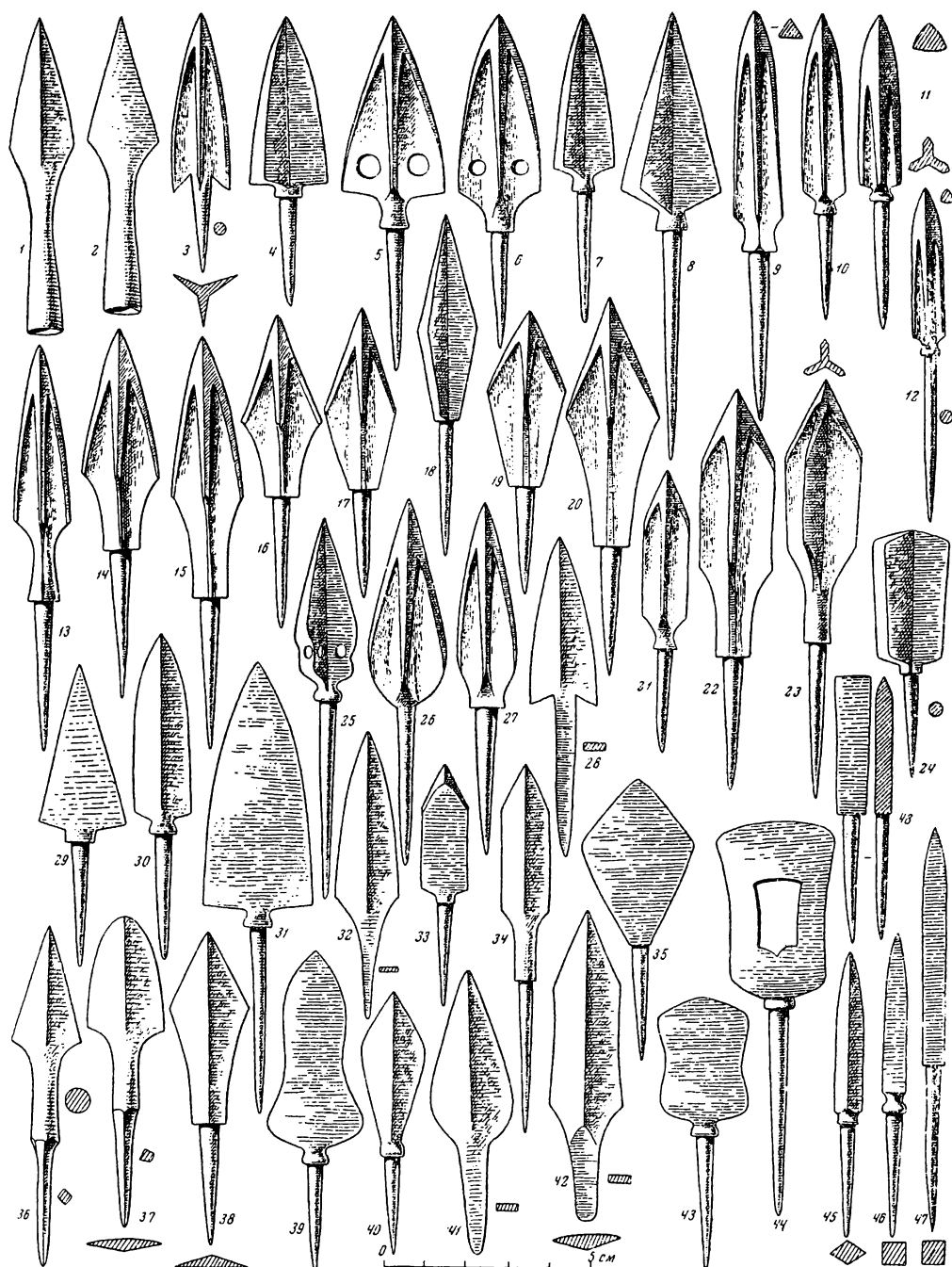

Рис. 36. Железные наконечники стрел VI–VIII вв.

Все три типа наконечников стрел имеют широкие аналогии на славянских памятниках Восточной и Центральной Европы V–X вв. н. э. В 1986 г. на *пеньковском* поселении Занки во время раскопок, проводившихся Славяно-русской экспедицией Белгородского пединститута, в жилище Е был найден наконечник стрелы листовидной формы¹.

Еще несколько втульчатых наконечников, найденных на городище в Зимно, не укладывается в описанные формы (с клиновидным, узким, листовидным и коротким ромбическим пером).

По мнению В. В. Аулиха, эти наконечники стрел являются вторичными, то есть переработанными из какого-то испорченного экземпляра на возможную для употребления форму.

Начиная с VI в., исторические свидетельства показывают, что копьё было в руках славянского воина главным и типичным средством борьбы. Славяне VI–VII вв. воевали снаряженные двумя-тремя копьями. Это оружие было тогда легким, метательным. Византийские полководцы даже рекомендовали славянские дротики своим пехотинцам, «не умеющим стрелять из лука, или на случай, если стрел не хватит»².

Наконечников копий, происходящих из ареала *пражской, пеньковской и колочинской культур*, известно больше двух десятков экземпляров. Из них 17 из городища Зимно, 3 копья VIII–IX вв. из Пеньковки³. Из поселений Луг I и Волосское происходят ланцевидные наконечники копий с массивной втулкой⁴.

Наконечники копий делятся, в основном, на два типа. Основными являются изделия с узкой втулкой и вытянутым листовидным пером. Посередине грани пера проходят хорошо выделенные ребра. Длина наконечников от 25 до 30 см. Такие наконечники являются наиболее характерными для славянских памятников VI–VIII вв.⁵ Восточной Европы (Зимно, Хотомель, Пеньковка, Колочин). Все эти лавролистные или двушипные копья оказались небольшими, легкими и действительно могли годиться не только для удара, но и для метанья⁶.

Второй тип составляют наконечники с массивной конической втулкой и узким двусторонним кинжаловидным пером, линзовидным в разрезе. У основания втулки размещено ушко для крепления к древку. Длина изделий до 25 см (Зимно). Исследователи относят

¹ Дьяченко А. Г. Раскопки селища Занки / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1986 года / Отв. В. П. Шилов. – М., 1988. – С. 275–276.

² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 6.

³ Там же. – С. 6.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 79.

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 6.

⁶ Там же. – С. 27, 33.

наконечники такой формы к кочевому населению, поскольку они встречаются в аварских могильниках.

Наконечники дротиков надставлены тремя экземплярами из городища Зимно. От наконечников копий они отличаются несколько меньшими размерами (длина до 15 см), причем большая половина приходится на втулку. Втулка округлая, перо листовидное, с несколько выделяющимся ребром, и в разрезе имеет форму приплюснутого ромба.

На городище Зимно найдено также оружие рукопашного боя. Это чекан, изготовленный из железа. Чекан – топор, тыльная часть обуха которого снабжена молоточком, – относится к специально боевым. Он имеет небольшой обух и длинное узкое лезвие. Длина изделия 9,5 см. Железные чеканы появились в Восточной Европе в составе скифского вооружения в VI в. до н. э. Позднее они встречаются у сармато-аланских племен. Письменные источники упоминают топоры в качестве боевого оружия славян с VIII в. Несколько экземплярами представлены боевые топоры. Все они относятся к так называемому широколезвийнолопатовому типу. Топоры упомянутого типа широко распространены на восточнославянских землях уже с первой половины I тыс. н. э.

Предметы конского снаряжения *пеньковской культуры* сравнительно немногочисленны. Простые железные удила найдены на селищах Семенки и Ханска¹. Это позволяет сделать вывод о том, что «славянские воины V–VII вв. – это пехотинцы»². Об этом же свидетельствуют данные языкознания, ибо славянское слово *вѣтази* «рыцарь, воин-всадник, богатырь» происходит от герм. *viking* или *hvetinger*³, т. е. является заимствованием.

§ 2.11. Нашествие авар. Закат могущества антов

В середине VI в., в 550-х гг., анты встречаются с новой кочевой ордой – аварами. Византийский историк Менаандр сообщает, что авары начали разорять земли антов. Для выкупа взятых в плен земляков, анты выслали выдающегося мужа Межамира. Но когда он стал гордо говорить с аварами, этим воспользовался болгарский посол Котрагир⁴. Он посоветовал аварскому кагану убить Межами-

¹ Там же. – С. 6.

² Аксёнов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – К.; Х., 2006. – Т. 5. – С. 176; Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 93.

³ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 93.

⁴ У Менаандра: «Μεζάρηρον τὸν Ἰδαρίδιον, Κελαγαστοῦ ἀδελφόν». Греч. текст цит. по кн.: Грушевський М. С. *Історія України-Руси* : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку. – С. 180.

ра¹, т. к. тот был способен организовать вооруженное сопротивление антов. Авары послушались совета болгарского посла и убили Межамира.

К 580 гг. относится еще одно упоминание об антах. Аварский каган вместе с придунайскими склавиными и лангобардами напал на византийские земли. Император вынужден был нанять антов для вторжения их в земли придунайских склавинов. Анты сожгли весь склавинский край и забрали все их имущество.

В 602 г. византийцы начали войну против союзных аварам склавинских племен. Авары оказали поддержку склавиным и вынуждены были вступить в конфликт с антами. Склавины состояли в союзе с аварами, и, быть может, были зависимы от них. Анты же были целиком независимы, и аварское войско без особой радости встретило приказ кагана идти войной на антов. Тем не менее, предводительствуемые царем Апсихом, авары нанесли сокрушительное поражение антам. К началу VII в. союз последних утратил свое единство, а сами анты перестали упоминаться в письменных источниках.

Естественно, что после поражения, нанесенного аварами, анты не могли исчезнуть внезапно и бесследно. После варварских разгромов начала VII в. антского племенного образования, носители *пеньковской культуры* некоторое время сохраняли общность материальных признаков – она прослеживается на этапе *Сахновки* на всех территориях предшествовавшего *пеньковского ареала* (рис. 37)².

Влияние авар прослеживается отчасти на языковом материале. Так праслав. *хор҃жгы «знамя» (отсюда рус. хор҃уга) происходит от маньчж. хого҃го ~ хого҃гу «сильный, могущественный, величественный, воинственный, храбрый». По мнению Е. А. Хелимского, слово это было принесено аварами задолго до монгольского нашествия³. У сербов, хорватов, видимо, в Великой Моравии (а также у болгар) правители отдельных областей именовались тюркскими титулами *жупанъ* и *ганъ*⁴.

Лишь постепенно *пеньковская культура* была поглощена более сильными этническими массивами. На территории Левобережья это были племена *волынцевских древностей*, на Правобережье –

¹ У Менандра: «Μεζάνηρον τὸν Ἰθαρίσιον, Κελαγαστοῦ ἀδελφόν». Греч. текст цит. по кн.: Грушевский М. С. *Історія України-Руси* : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку. – С. 180.

² Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. – С. 93.

³ Хелимский Е. А. *Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология* / Е. А. Хелимский // *Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов* (Любляна, 15–21 августа 2003). – Гамбург, 2003.

⁴ *Свод древнейших письменных известий о славянах*. – М., 1995. – Т. 2. VII–IX вв. – С. 430–433.

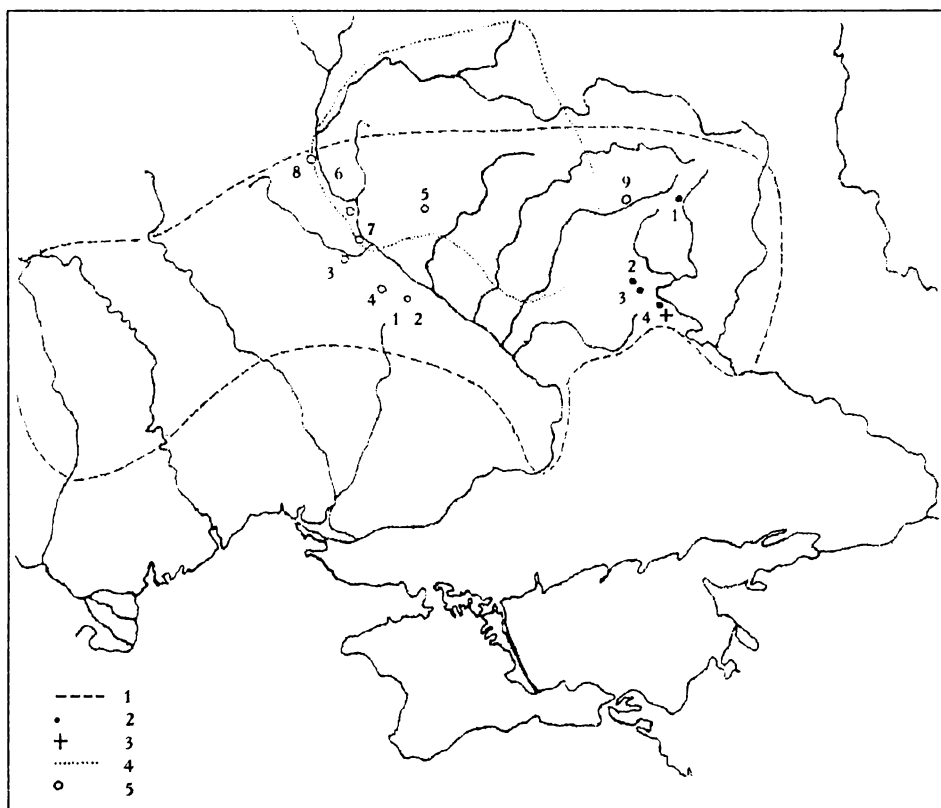

Рис. 37. Поселение Нижний Бишкин II в ареале пеньковской культуры, его отношение к сахновским памятникам и к волынцевскому горизонту:

1 – ареал пеньковской культуры; 2 – сахновские памятники на Северском Донце (1 – Шос-сейное, 2 – Таранцево, 3 – Соколово, 4 – Сухая Гомольша [раскоп МС-85]); 3 – поселение Нижний Бишкин II; 4 – ареал волынцевского горизонта; 5 – сахновские памятники западнее Северского Донца (1 – Луг I, 2 – Луг II, 3 – Сахновка, 4 – Стецовка, 5 – Хитцы [жилища 1, 10, 12], 6 – Монастырёк, 7 – Канев, 8 – Ходосовка, 9 – Рябовка).

племена памятников Луки-Райковецкой. Волынцевская культура, в свою очередь, сменяется роменской. На поселении Сухая Гомольша исследователями отмечено влияние со стороны кочевников, что проявляется в наличии пальцевых вмятин и насечек на краю венчиков некоторых горшков⁵. По словам М. В. Любичева, сахновские памятники (селища Введенка, Сухая Гомольша, Соколово I) «отражают движение переселенцев с Днепровского Правобережья, их переплетение с местными (колочинско-пеньковскими) элементами. ... На определенном участке Днепро-Донецкого междуречья

⁵ Міхеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Міхеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 81.

формируется *волынцевский* культурно-исторический горизонт, а восточнее его ареала, на Донце, памятников с характерной *волынцевской* керамикой пока не обнаружено»¹. При этом отмечен факт вживания славян-*пеньковцев* в среду Северо-Западной Хазарии (рис. 38)². Поэтому перед сегодняшними исследователями стоит вопрос: какая археологическая культура образуется на Змиевщине в условиях присутствия с середины VIII в. *салтовского* населения?

Так или иначе, *пеньковская культура* не исчезла бесследно, ее элементы органически вписались (иногда в трансформированном виде) в последующие культуры Восточноевропейской лесостепи.

В. К. Михеев отмечает, что на территории Змиевского края *пеньковские, роменские и салтовские* памятники сосуществуют на протяжении 300 лет, с VIII – по X вв.³. С. А. Плетнева, на основании *пеньковских* трупосожжений Дмитровского могильника, относит верхнюю дату существования *пеньковских* древностей к концу IX в.⁴. Вполне может быть, что здесь, на периферии ареала *пеньковской* археологической культуры, анты сохранили самобытные черты вплоть до образования Древнерусского государства.

¹ Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 18.

² Любичев М. В. Контакты славян Днipro-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – X., 1994. – С. 96.

³ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть I) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго Востока. – Воронеж, 1991. – С. 44.

⁴ Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 47.

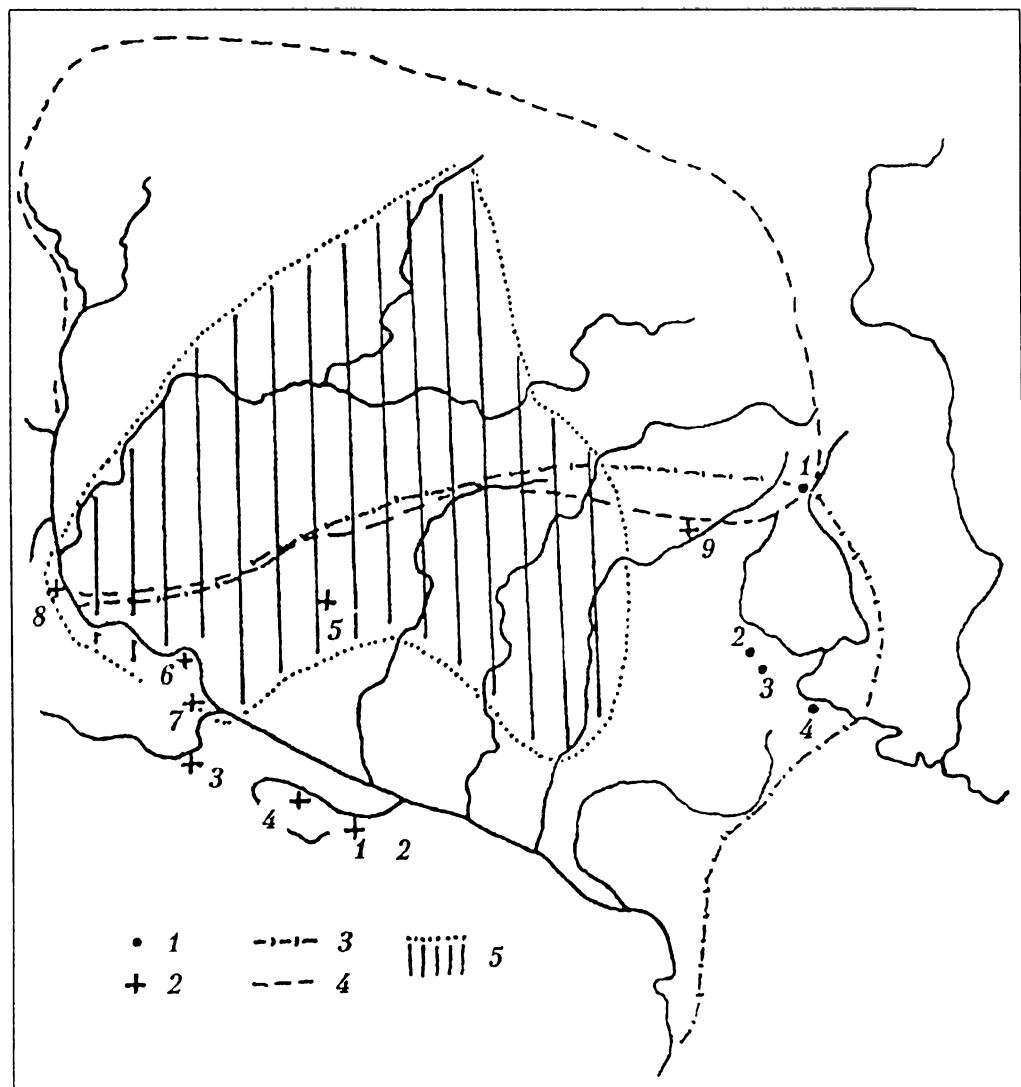
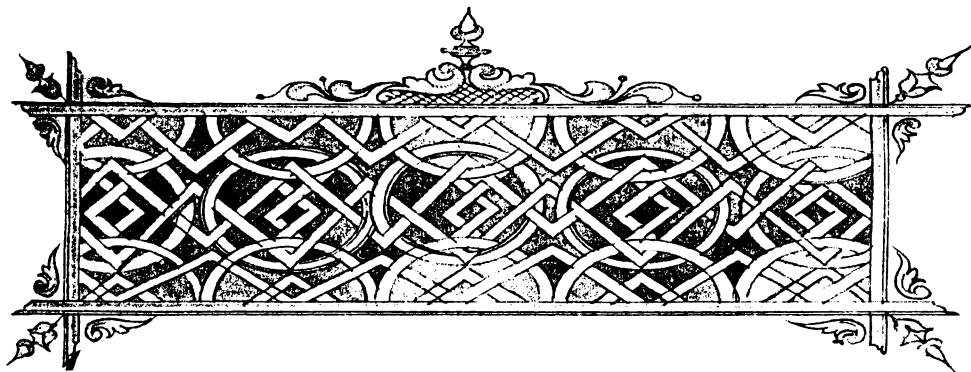

Рис. 38. Элементы этнокультурной ситуации в Днепро-Донецкой лесостепи второй половины VII – VIII вв.:

1 – сахновские памятники на Северском Донце: 1 – Шоссейное; 2 – Таранцево (Тимченки); 3 – Соколово; 4 – Сухая Гомольша (раскоп МС-85). 2 – сахновские памятники западнее Северского Донца: 1 – Луг I; 2 – Луг II; 3 – Сахновка; 4 – Стецовка; 5 – Хитцы (жилища 1, 10, 12); 6 – Мононастырь; 7 – Канев; 8 – Ходосовка; 9 – Рябовка. 3 – ареал пеньковской культуры. 4 – ареал колочинской культуры. 5 – ареал волынцевского типа памятников.

Формирование племенного союза северян. Волынцевская археологическая культура (середина VII - середина VIII вв.)

Волынцевская культура: открытие, периодизация, происхождение, ареал распространения. – Поселения, жилища и хозяйственные постройки. – Хозяйство. – Ремесла и керамика. – Орудия труда, украшения, предметы быта и вооружения. – Погребальный обряд и верования волынцевского населения. Могильники. – общественно-политическое развитие. – Происхождение волынцевской культуры и этническое лицо ее носителей. – Трансформация волынцевской культуры.

§ 3.1. Волынцевская культура: открытие, периодизация, ареал распространения.

В конце XIX в. крестьяне с. Малые Будки, Ромненского уезда Полтавской губернии выпалили на поле несколько глиняных горшков различной формы и величины со жжеными костями. Горшки залегали на глубине 0,2–0,25 м от поверхности. Большая часть выпавших сосудов погибла, и лишь один из них попал к любителю старины В. Ф. Беспальчеву. В 1906 г. место, где обнаружены сосуды, было подвергнуто обследованию Н. Е. Макаренко. На поле было заложено 17 траншей и найден еще ряд сосудов, также заполненных костями. Так была открыта новая археологическая

культура. Название свое она получила от поселения и могильника возле с. Волынцево (Сумская область Украины), которые были открыты и исследованы Д. Т. Березовцом в 1948 г.¹

В Днепровском Левобережье до рубежа VII и VIII вв. существовали две основные культурные группы. Лесостепные земли принадлежали населению *пеньковской культуры* (*сахновская* стадия), более северные области (поречье Сейма и Подесенье) заселяли племена *колочинской культуры* (рис. 39). Около рубежа названных столетий эволюционное развитие этих культур было прервано, что обусловлено вторжением сравнительно большой массы нового населения. Миграция последнего затронула и небольшую часть *пращско-корчакского* ареала (в VIII в. здесь получила распространение культура типа *Луки-Райковецкой*) в правобережной части Киевского Поднепровья. По-видимому, пришлые племена ассимилировали местное население, которое восприняло культуру пришельцев, дополнив ее своими культурно-бытовыми элементами².

Во второй половине I тыс. н. э. на территории Днепровского Левобережья распространяются памятники генетически связанных между собой *волынцевской* и *роменской* археологических культур, которые, подобно вышеперечисленным, репрезентируют славянское население раннего средневековья.

Основной территорией *волынцевской культуры* является Подесенье с бассейном Сейма и верхние течения Сулы, Псла и Ворсклы, где выявлено наибольшее количество этих древностей (рис. 40). Крайние западные *волынцевские* поселения известны и на правом берегу Днепра в округе Киева³. Предполагалось, что на юго-востоке ареал этой культуры охватывает часть бассейна Северского Донца⁴. Здесь вплотную соприкасались территории *волынцевской* и *салтовской культур*. Между племенами-носителями этих древностей устанавливаются довольно активные контакты. Большое количество *салтовских* вещей распространяется по *волынцевскому* ареалу. В то же время на ряде памятников *салтовской культуры* (Дмитровское, Жовтнево, Саркел) встречена *волынцевская* керамика. Последняя, по всей вероятности, отражает наличие сравнительно небольших групп *волынцевского* населения в *салтовском* ареале.

¹ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках *волынцевского* типа / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1959. – Т. XXIX–XXX. – С. 59, 62.

² Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 186.

³ Петрашенко В. А. *Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье* / В. А. Петрашенко // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». – К., 1990. – С. 45–50.

⁴ Дьяченко А. Г. О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н. э. (по материалам селища Занки) / А. Г. Дьяченко // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 21–24.

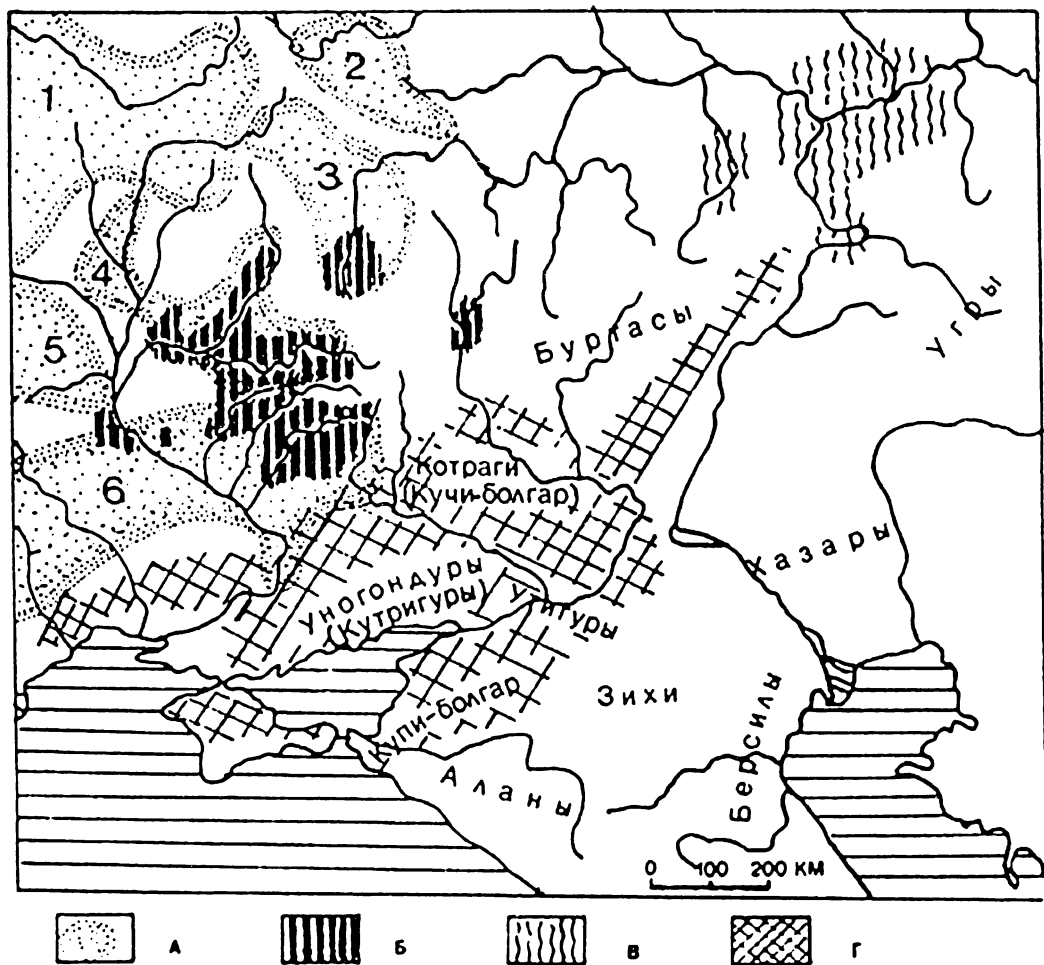

Рис. 39. Юго-Восточная Европа накануне становления волынцевской культуры:

а – ареалы археологических культур в Поднепровье накануне и в период становления волынцевской культуры (1 – тушемлинско-банцеровской; 2 – позднелышанской; 3 – мощинской; 4 – колочинской; 5 – пражско-корчакской; 6 – пенковской); *б* – распространение волынцевских древностей; *в* – ареал именковской культуры; *г* – ареал болгарских племен и направление их миграции на среднюю Волгу.

В научной литературе первоначально обсуждались два основных мнения о сущности и датировке волынцевских древностей. Согласно Д. Т. Березовцу, они составляют особую, предшествовавшую роменской, славянскую культуру, датируемую VII–VIII вв. И. И. Ляпушкин полагал, что волынцевские древности синхронны роменским и, таким образом, относятся к VIII–X вв.¹

¹ Березовец Д. Т. Харівський скарб / Д. Т. Березовець // Археологія. – 1952. – Т. VI. – С. 109–119.

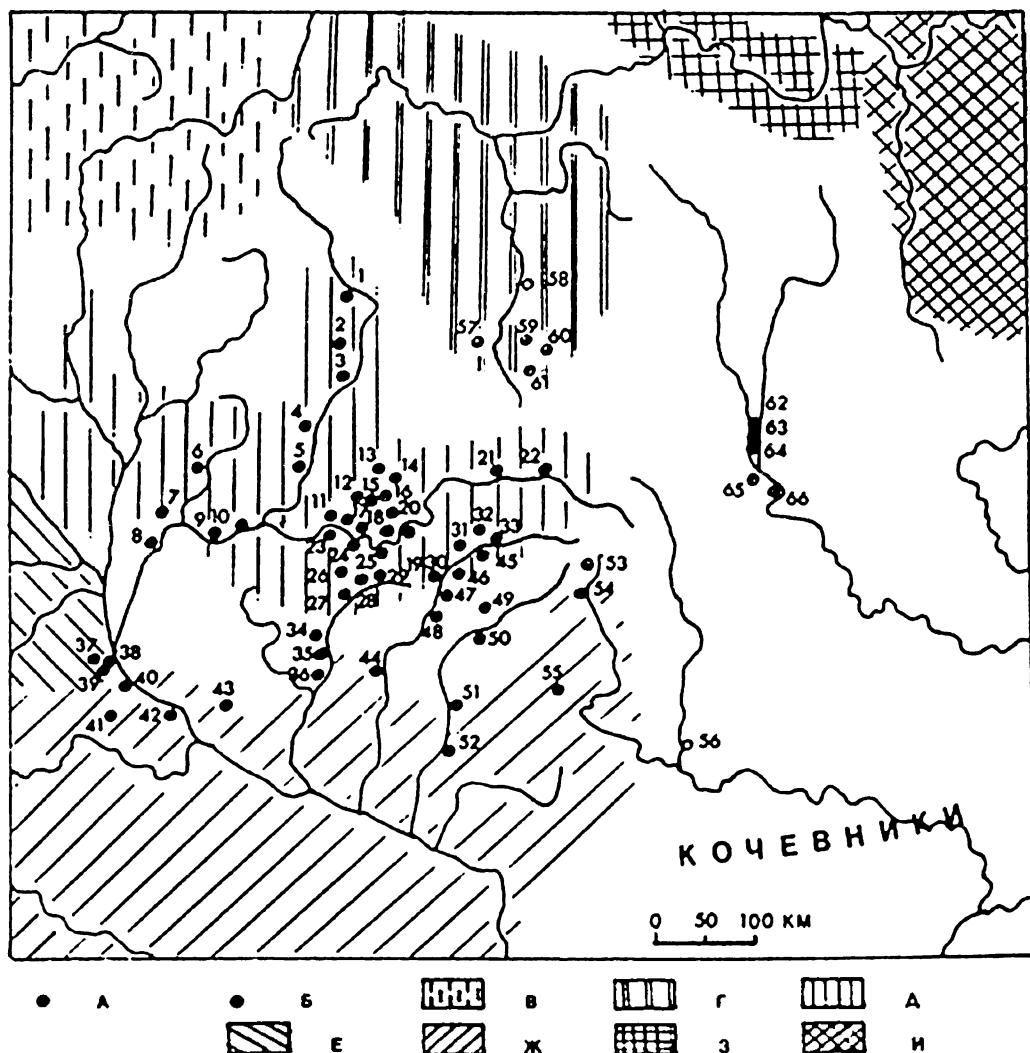

Рис. 40. Распространение памятников волынцевской культуры (по В. В. Седову):

а – памятники волынцевской культуры; б – окские и донские памятники с волынцевскими материалами. Ареалы культур: в – смоленско-полоцких длинных курганов; г – мощинской; д – колочинской; е – пражско-корчакской; ж – пеньковской; з – рязанско-окских могильников; и – мордвы.

Примечание автора. На представленной карте под номером 55 обозначен памятник, подписанный в книге В. В. Седова как «Занки». Это неверно. Судя по карте, здесь показано с. Тимченки. Занки расположены на левобережье Дона.

В настоящее время существование *волынцевской культуры* (отдельной от *роменской*) уже не вызывает каких-либо возражений. По времени она предшествует *роменской*. О. В. Сухобоков обратил внимание на то, что в составе Харивского клада имеются пастовые бусы с очковым орнаментом, датируемые V–VII вв.¹, и бронзовые трапецевидные привески того же времени. Исходя из этого, исследователь счел возможным датировать памятники *волынцевского* типа VII–VIII вв.².

В конце 80-х гг. XX в. ранние горизонты *волынцевской культуры* были объектами специального анализа С. П. Юренко³ и О. А. Щегловой. Согласно изысканиям С. П. Юренко, наиболее раннему периоду развития рассматриваемых древностей свойственно сочетание округлобоких сосудов с горшками ребристых форм. Время вещевых находок, сопровождающих эту керамику, определяется VII в. В этой связи исследовательница склонна датировать ранний горизонт *волынцевской культуры* концом VI – началом VII в. Своеобразный набор глиняной посуды выделяет средний этап *волынцевской культуры*. Многочисленные украшения, сопровождающие эту керамику, позволили С. П. Юренко определить время этого периода VII в. и рубежом VII и VIII столетий. Поздний горизонт *волынцевской культуры* характеризуется также специфическим комплексом керамики, украшениями и другими находками, которые датируют его VIII в.

О. А. Щеглова, обстоятельно проанализировав материалы раскопок поселений Волынцево, Ходосовка и Вовки, показала, что наиболее ранние культурные напластования рассматриваемой культуры характеризуются сочетанием лепной посуды *волынцевского* облика с керамикой, которая была распространена в третьей четверти I тыс. н. э. в том же регионе. При этом на поселениях Вовки и Ходосовка местными формами оказываются округлобокие и биконические горшки, прямые аналогии которым находятся в материалах позднего этапа *пеньковской культуры*, а в Волынцеве – цилиндрико-конические и тюльпановидные сосуды, сопоставимые с *колочинскими* древностями⁴.

¹ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках *волынцевского* типа / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1959. – Т. XXIX – XXX. – С. 58–84.

² Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (*роменская культура* и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 55–57.

³ Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья в VII–VIII вв. н. э. (*волынцевская культура*) / С. П. Юренко // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. – К., 1988. – Т. 4. – С. 247, 248.

⁴ Щеглова О. А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников *волынцевского* типа / О. А. Щеглова // Краткие сообщения института археологии АН СССР. – 1986. – Вып. 187. – С. 15–23; Щеглова О. А. Волынцевский горизонт поселения Вовки / О. А. Щеглова // Краткие сообщения института археологии АН СССР. – 1987. – Вып. 190. – С. 43–48.

Близость отдельных форм лепной керамики наиболее ранних *волынцевских* комплексов характерным формам посуды *пеньковской культуры* отмечалась ранее Е. А. Горюновым. В. А. Петрашенко устанавливает несомненное участие *пеньковских древностей* (на *сахновской* стадии) в генезисе *волынцевской культуры* на материалах правобережной части Среднего Поднепровья. Исследовательница полагает, что «*сахновские* и *волынцевские* древности Правобережья можно рассматривать как один культурно-хронологический тип», не исключая при этом миграцию в этот регион носителей *волынцевской культуры*¹. О наличии в керамической коллекции поселения у с. Волинцево сосудов *колочинских* типов писал еще Д. Т. Березовец².

В итоге материалы ранних горизонтов напластований поселений *волынцевской культуры* дают все основания утверждать, что в ее становлении самое активное участие приняло местное население Днепровского левобережного региона, представленное *пеньковскими* древностями (на *сахновском* этапе) в южной части и *колочинскими* в северной. Впрочем, вероятно, накануне становления *волынцевской культуры* имело место некоторое перемещение носителей *пеньковского* населения в северном направлении. Этот процесс отражает появление памятников с *пеньковской керамикой* в Подесенье, на Сейме и верхнем Псле. В этой связи можно полагать, что основу субстратного населения носителей *волынцевских* древностей составили потомки *антов* – племена *пеньковской культуры*. На селищах Вовки, Беседовка, Хитцы, Роище, Ходосовка, Обухов 2 в керамических комплексах *волынцевской культуры* выявляются достоверно *пеньковские* формы. В свою очередь, на некоторых *пеньковских* поселениях (Крещатик) представлены типичные для *волынцевских* древностей горшки с вертикальными венчиками. Все это, безусловно, свидетельствует не только о контактах пришлого населения с *пеньковским*, но и о метисации переселенцев с *аборигенами*. Постепенно *пеньковские* традиции стираются, *волынцевская* керамика становится доминирующей. Исключительно мирные взаимоотношения между пришлым и *пеньковским* населением и скорая аккультурация *аборигенов* допускают мысль о возможной принадлежности этих групп племен к единой этноязыковой общности – восточным славянам.

¹ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л., 1981. – С. 54, 90; Петрашенко В. А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье / В. А. Петрашенко // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». – К., 1990. – С. 47–50.

² Березовец Д. Т. Новые раскопки в с. Волинцево / Д. Т. Березовец // Археологические исследования на Украине. – 1967. – Вып. 1. – С. 169.

§ 3.2. Поселения, жилища и хозяйственные постройки *волынцевской культуры*

Поселения *волынцевской культуры* располагались, как правило, на понижающихся участках надпойменных террас и всхолмлениях в пойменных долинах. Кроме того, для этих поселений характерно отсутствие оборонительных сооружений.

О планировке *волынцевских* поселений судить трудно, в связи с недостаточностью источниковой базы. Судя по наблюдениям, поселение у с. Волынцево, например, какой-либо специальной планировки не имело.

Ранее считалось, что в бассейне Северского Донца открыто несколько памятников *волынцевской культуры*. О. В. Сухобоков относил к таковым поселения, расположенные у с. Задонецкое и Пересечное (Дергачевский район Харьковской области). По его мнению, «хорошо датированные вещи с этих памятников позволяют предполагать существование жизни на них в VII–VIII вв.»¹. А. Г. Дьяченко относит к *волынцевской культуре* один из горизонтов многослойного поселения в Занках². Расположено оно на левом берегу Северского Донца. В археологические сезоны 1976–1977 гг. и 1984–1989 гг. была вскрыта площадь около 7 500 м², исследовано 35 полуземлянок и другие комплексы, относящиеся к *позднезарубинецкой, киевской, пеньковской и волынцевской культурам*³. Если интерпретация верна, то можно говорить о преемственности развития славянских культур региона в римское и раннесредневековое время.

Отметим однако, что памятники середины VII – середины VIII вв. на Змиевщине вряд ли верно относить к *волынцевской культуре*. По словам М. В. Любичева, типично *волынцевская* керамика в бассейне Северского Донца не обнаружена⁴, хотя печи, характерные для *волынцевских* и *роменских* жилищ, известны по материалам раскопок поселения Нижний Бишкин II, относящегося к *типу Сахновка*⁵. *Сахновские* памятники Змиевщины свидетель-

¹ Сухобоков О. В. *Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники)* / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 18.

² Дьяченко А. Г. О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н.э. (по материалам селища Занки) / А. Г. Дьяченко // *Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции)*. – Воронеж, 1993. – С. 21–24; Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 188, 197.

³ Дьяченко А. Г. Отчёт о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-словаанской экспедиции Харьковского государственного университета в 1976 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1977. – С. 1–15 // *Архив Института археологии НАН Украины*. – № 8030; Приходнюк О. М. *Пеньковская культура (культурно-археологический аспект исследования)* / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 146.

⁴ Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2002. – № 566 : *Історія*. – Вип. 34. – С. 18.

⁵ Любичев М. В. *Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце* / М. В. Любичев // *Хазарский альманах*. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 284, 290.

ствуют о движении переселенцев с Днепровского Правобережья, их переплетение с местными, *пеньковскими* элементами. М. В. Любичев считает, что «*сахновский* этап отражает начало формирования новой культуры» (рис. 41)¹. Сказанное означает, что вопрос окончательной интерпретации поселений середины VII – середины VIII вв. на Змиевщине требует дальнейшего тщательного изучения. Несомненной является только их славянская принадлежность, о чем подробнее будет сказано ниже.

Жилища волынцевской культуры в основном представляли собой полуземлянки. В конструктивном отношении они делятся на срубные и столбовые, причем последние преобладают. Размеры жилищ составляли от 12 до 36 м. Независимо от размеров жилищ и их конструкции, все они опущены на 0,2–0,4 м ниже уровня материка. Полы либо имели вид уграмбованной площадки из материковой глины², иногда с подсыпкой речного песка, либо делались из известковой массы, смешанной с песком (как на поселении Волынцево). В полуземлянках столбовой конструкции при расчистке пола прослеживаются ямки от кольев, находившихся в 15–30 см друг от друга, и более крупные ямки от опорных столбов, располагавшихся посередине и по углам. В числе других конструктивных деталей можно назвать остатки входа в виде ступенек или полого опускающейся аппарели.

Важной частью внутреннего устройства жилища являлась печь, вырезавшаяся из материкового сланца, если углубленная часть жилища сооружалась в лессовом грунте или из специально заготовленной т. н. спондиловой глины², если котлован жилища выкапывался в песчаной почве. Так, например, в одном из жилищ на поселении Волынцево была обнаружена печь, вырезанная в массиве специально заготовленной спондиловой глины. Обычно печь стояла в одном из углов северной части жилища. Свод печи выкладывался из специально заготовленных глиняных вальков разнообразной формы. Для ремонта прохудившейся печи применялись конусы, представлявшие собой конусовидные кирпичи, использовавшиеся для затыкания прожженных в печи дыр.

На Волынцевском поселении в ряде случаев выявлены оригинальные детали устройства печей в виде лейкообразной, заполненной чистым речным песком ямки, на которую потом намазывался под (по-украински, *черен*). Это благоприятствовало большей теплоемкости. Другой деталью является глиняный диск с отверстием, в котором можно усматривать своеобразную съем-

¹ Там же. – С. 293

² О значении термина *спондиловая глина* см. ниже, в терминологическом словаре.

Рис. 41. Этнокультурная ситуация в Днепро-Донецком междуречье VII – начала VIII вв.:

----- ареал пеньковской культуры;

..... ареал волынцевской культуры;

- - - - - ареал салтовской культуры;

● – памятники, на которых отмечены салтово-пеньковские контакты или позднепеньковские памятники:

1, 2 – Нижний Бишкін; 1, 2, 3 – Сухая Гомольша; 4 – Соколово; 5 – Пятницкое; 6 – Тимченки; 7 – Шоссейное; 8 – Дмитриевский могильник; 9 – Богородичное (жилище 2, яма 24).

■ – салтовские могильники и отдельные погребения по обряду трупосожжения:

1 – Сухая Гомольша; 2 – Новопокровка; 3 – Тополи; 4 – Кочеток.

▲ – Салтовские поселения в глубине волынцевского ареала:

1 – Вовки; 2 – Белоконы; 3 – Лаврики; 4 – Чередники.

✚ – юртообразные сооружения кочевников на пеньковских и волынцевских поселениях:

1 – Чернечина; 2 – Богатое; 3 – Осиповка; 4 – Битица.

ную конфорку для установления посуды различного диаметра на верхнее отверстие печи¹.

Стены жилищ срубной конструкции складывались из бревен толщиной 0,25–0,3 м, нередко обтесанных с внутренней стороны и скрепленных по углам.

Хозяйственные и производственные сооружения представлены различными ямами, расположенными обычно внутри жилищ и, редко, за их пределами. Ямы имеют цилиндрическую и конусовидную форму, в плане они круглые. Ямы углублены ниже пола на 0,2–1,2 м, их верхний диаметр 0,4–1,3 м. Изнутри стены ям, вырытых в супесчаном грунте или культурном слое, обмазывались глиной и нередко имеют следы обжига. Ямы-хранилища закрывались деревянными крышками².

Известны и наземные хозяйственные постройки. Это прямоугольные в плане сооружения, углубленные на 0,15–0,2 м от уровня древнего горизонта, размерами около 16 м². Пол таких построек состоял из слоя плотно утрамбованной глины, толщиной до 2–4 см, лежавшем на черноземе. Стены сооружались из плетневого каркаса, обмазанного глиной, о чем свидетельствуют завалы глины по границам площадки пола. В постройках иногда встречаются глубокие (до 1,5 м) зерновые ямы с обмазанными глиной и обожженными стенками³.

§ 3.3. Хозяйство

Топография поселений и весь облик материальной культуры отчетливо свидетельствуют о преимущественно земледельческом характере *волынцевского* населения.

О древности земледелия у славян говорят данные археологии и лингвистики. Вся основная хлеборобская терминология у восточных славян имеет общеславянский (а иногда – балтославянский или даже индоевропейский) характер. К таковым терминам относятся «пшеница», «просо», «ячмень», «рожь», «плуг», «рало», «борона»⁴. На земледельческий характер древнеславянской экономики указывают и названия месяцев в славянских языках, отражающие сезонные фазы сельскохозяйственного цикла⁵. Расшифровкой раннеславянского (*черняховской культуры*) календаря, изображенного на гадательной чаре (чаше) из с. Лепесовки (рис. 42), занимался

¹ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 20.

² Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 196.

³ Там же. – С. 197.

⁴ Історія селянства Української РСР : У 2 т. – К., 1967. – Т. 1. Від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. – С. 20.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 168–175, 664.

Б. А. Рыбаков. Так, например, березозол (апрель) обозначен ралом, поскольку именно в этом месяце в Поднепровье начинается пахота¹.

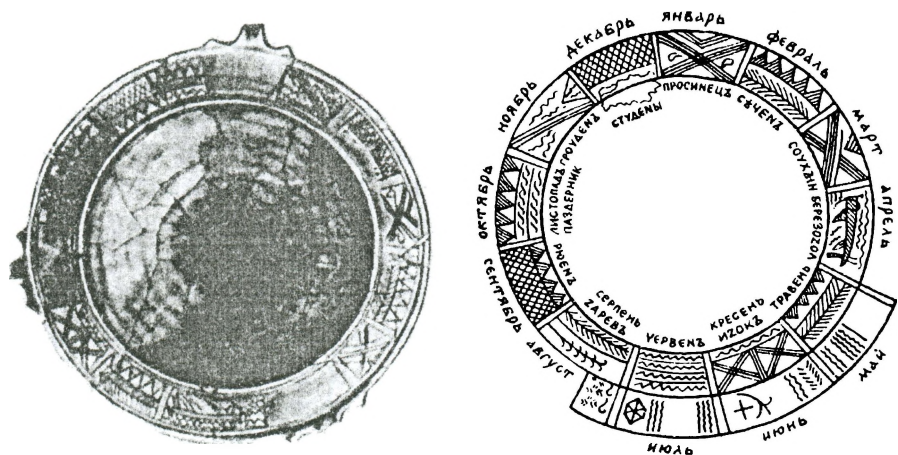

Рис. 42. Донце гадательной чары из с. Лепесовки и расшифровка её календарного значения, выполненная Б. А. Рыбаковым.

На данном календаре, относящемся к черняховской археологической культуре, наглядно представлены славянские названия месяцев, отражающие особенности сельскохозяйственной деятельности славян.

На протяжении первой половины и середины I тыс. н. э. в хозяйственном развитии славян произошли существенные изменения. Главным из них было начало отделения ремесла от сельского хозяйства. Из общей массы земледельческо-скотоводческого населения выделяются специалисты-ремесленники – металлурги, ювелиры, кузнецы. Авторы «Історії селянства Української РСР» утверждали, что «в середине I тыс. н. э. рало сменяется плугом, в это же время появляется плуг с череслом. Новое орудие обработки почвы давало возможность вспахивать тяжелые степные грунты»². Позднее эту же мысль высказал Б. А. Рыбаков: «Судя по находкам чересла, и наральников, предназначенных для горизонтальной вспашки плужного типа, племена черняховской культуры знали рало с полозом (пзлѣгомъ) и плужным ножом»³. Напомним при этом, что в контексте данной работы Б. А. Рыбаков считал носителями черняховской культуры раннеславянские племена. Относительно недавно об открытых на волынцевских памятниках деталей от плуга – череслах – высказалась Н. М. Кравченко⁴.

¹ Там же. – С. 165–170.

² Історія селянства Української РСР : У 2 т. – К., 1967. – Т. 1. Від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. – С. 20, 21.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 169.

⁴ Чмихов М. О. Археологія та стародавня історія України : Курс лекцій / М. О. Чмихов, Н. М. Кравченко, І. Т. Черняков. – К., 1992. – С. 333.

Среди находок на *волынцевских* памятниках известны орудия обработки почвы и уборки урожая: узко- и широколезвийные наральники, серпы, косы-горбуши. О конструкции орудия обработки почвы дает представление плуг с Токаревского торфяника (Сумская область)¹.

На многих поселениях исследовались зерновые ямы-хранилища. По материалам раскопок О. В. Сухобоков восстановил следующий ассортимент растений, культивировавшихся населением *волынцевской культуры*: просо *Panicum miliaceum L.*, яровая и озимая пшеница различных сортов *Triticum monococcum L.*, *Triticum dicoccon L.*, *Triticum aestivum L.*, рожь *Secale cereale L.*, ячмень *Hordeum vulgare L.*, горох *Pisum sativum L.*, полба *Triticum spelta L.*, конопля *Cannabis sativa L.*². С. А. Горбаненко включает в данный список овес *Avena sativa L.*³. Из приведенного перечня культурных растений сомнения может вызывать только выращивание озимой пшеницы.

Костные материалы, собранные при исследовании поселений, говорят о том, что животноводство было второй важной отраслью хозяйства. На долю домашних животных приходится около 80 % остеологической коллекции. Разводили преимущественно крупный рогатый скот (36 %), что свидетельствует о преимуществе мясомолочного направления и использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы⁴.

Дополнительными отраслями хозяйственной деятельности были охота, рыбная ловля и бортничество. Охотились преимущественно на кабана *Sus scrofa L.*, оленя *Cervus elaphus L.*, лося *Alces alces L.*, кости которых составляют приблизительно 50 % костей, найденных на поселениях⁵.

В целом, *волынцевское* хозяйство немногим отличалось от уровня развития хозяйств других славянских культур.

§ 3.4. Ремесла и керамика

Значительного развития у населения *волынцевской культуры* достигли различные ремесла. В наибольшей степени это касается металлургии. Как отмечает Г. А. Вознесенская, период VII–VIII вв. был у славян Восточной Европы началом подъема железнотделитель-

¹ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 28.

² Там же. – С. 28.

³ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 124

⁴ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 28.

⁵ Там же. – С. 29.

ного производства¹. У племен *волынцевской культуры* имело место самостоятельное производство железа для удовлетворения собственных хозяйственных и бытовых нужд. Это подтверждается наличием остатков черной металлургии на памятниках данной культуры, среди которых выделяются три пункта, где производилось железо – селища Волынцево, Ходосовка и городище Битица-1. Характерной особенностью *волынцевских* поселений является то, что к собственно *волынцевским* железным изделиям относятся только орудия труда. Оружие и предметы снаряжения носят *салтовский* характер, что говорит о влиянии на население *волынцевской культуры* традиций Хазарского каганата.

Наиболее ранним из железопроизводственных пунктов является сооружение № 12 на селище Волынцево. Подобно *волынцевским* жилищам, оно представляло собой полуземлянку, но значительно больших размеров. По материалам раскопок Д. Т. Березовца, размеры постройки № 12 составляли 4,6×9 м при глубине 1,1 м. В ней открыты три печи, из которых только одна была бытовой. В заполнении остальных печей найдено множество кусков железного шлака. Необычно толстые стенки печей (до 40 см) и их обожженность дает основания усматривать в них остатки горнов для производства железа².

Особый интерес представляет печь, расположенная в юго-восточном углу сооружения № 12 и повернутая лежаче к центру. Под ее был углублен на 0,5 м ниже уровня пола. Перед печью располагалась яма глубиной 0,5 м, заполненная железным шлаком. Сохранившаяся часть печи была вылеплена из материковой глины. Верхний край ее остатков располагается на высоте 15 см над уровнем пола. Сохранившаяся высота сооружения составляла 0,65 м, но поскольку наземная часть печи была разрушена, то можно предполагать, что она была выше³.

Исходя из приведенного описания, харьковский археолог В. В. Колода в своей работе «Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э.» склоняется к мнению, что данная печь являла собой либо горн шахтного типа с заглубленной нижней частью, либо, вероятнее всего, ямный горн с невысокой шахтой-калошником⁴.

Мастерская, аналогичная сооружению № 12 на селище Волынцево, открыта на Ходосовском поселении – постройка № 4. Здесь

¹ Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. / Г. А. Вознесенская // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 64.

² Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 197.

³ Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 38.

⁴ Там же. – С. 38–40.

обнаружены две печи и одна обожженная глиняная площадка на глиняном останце. В городище Битица-1 горнов не обнаружено, но многочисленные находки руды, кусочков кричного железа и шлака говорят о производстве железа¹.

В кузнечных изделиях широко применялась технология цементации и сваривания стальных полос. Бытовые предметы, изготовленные по этой технологии, представлены ножами, лезвиями, пинцетами, пряжками; оружие – наконечниками копий и дротиков, обивкой щита и кусками кольчуги².

Металлические предметы на *волынцевских* памятниках представлены орудиями труда (узко- и широколопастные наральники, серпы, косы, топоры), оружием и доспехами (наконечники копий и стрел, оковка щита, обрывки кольчуги), бытовыми предметами (ножи, бритва, пинцеты), пряжками. Коллекция изделий из цветных металлов состоит преимущественно из украшений (рис. 43). Среди них имеются провололочные височные кольца, браслеты с расплюснутыми концами, перстни, серебряные антропоморфные и иные бляшки, бубенчики. Наиболее яркий комплекс украшений представлен в Харивском кладе, который находился в *волынцевском* сосуде и включал золотые и серебряные серьги, шейные гривны, антропоморфные фибулы, плоские подвески, серебряную цепь и детали поясного набора³.

Ювелирное ремесло засвидетельствовано находками льячек и тиглей, а также инструментов для обработки цветных металлов.

Костяные изделия представлены проколками, кочедыками и амулетами. Встречены также стеклянные бусы и многочисленные глиняные пряслица.

Керамика памятников *волынцевской культуры* (рис. 44) представлена разнообразными, по форме горшками (60 %), мисками (около 20 %), сковородками (18 %) и кружками. По технологии изготовления *волынцевская* керамика делится на гончарную (5–10 %)⁴ и лепную (по разным подсчетам от 80 до 95 %)⁵.

Гончарная посуда выделяется высоким качеством и богатой орнаментацией (рис. 45). Она представлена двумя типами сосудов. Первый тип гончарной посуды – это корчаги приземистых пропорций с широкой горловиной, образованной вертикальным венчиком

¹ Там же. – С. 41.

² Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. – С. 99.

³ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 25; Седов В. В. Славяне в ранньому середньовіччі / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 192.

⁴ Археологія Української ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 198.

⁵ По подсчётам авторов «Археології Української ССР» лепная керамика составляет 90–95 % (Археологія Української ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 198). В. В. Седов приводит цифру 80–90 % (Седов В. В. Славяне в ранньому середньовіччі / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 189).

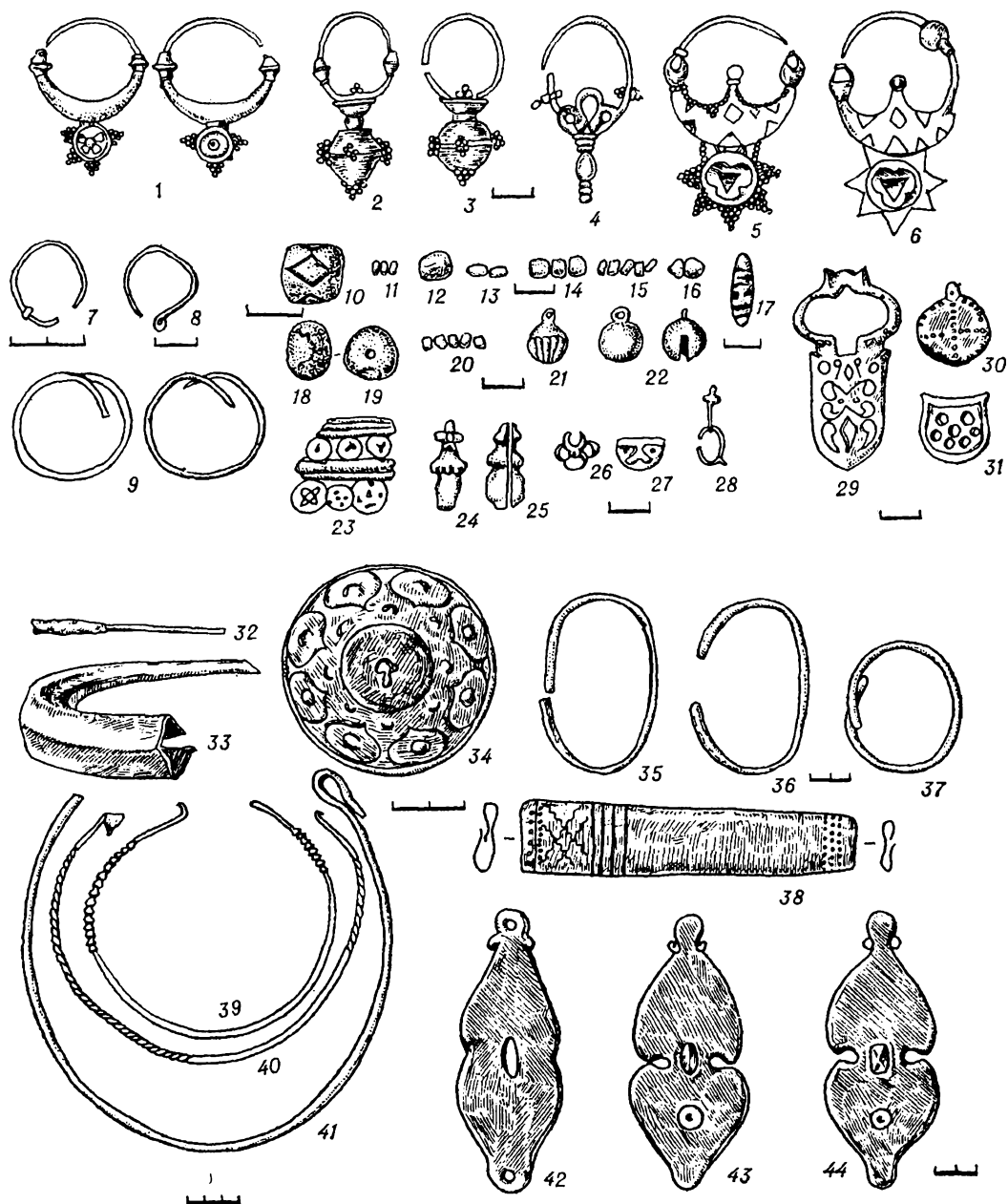

Рис. 43. Украшения из памятников волынцевской культуры:

1-3, 5-6, 9-29, 31, 33, 35-37, 39-44 – Харивка; 4 – Витица; 7, 17, 24-25, 30 – Новотроицкое; 10, 11-16, 18-20 – Малые Будки; 8, 21, 22, 32, 38 – Во-
лынцево; 26-28 – Ходосовка; 34 – Опошня.

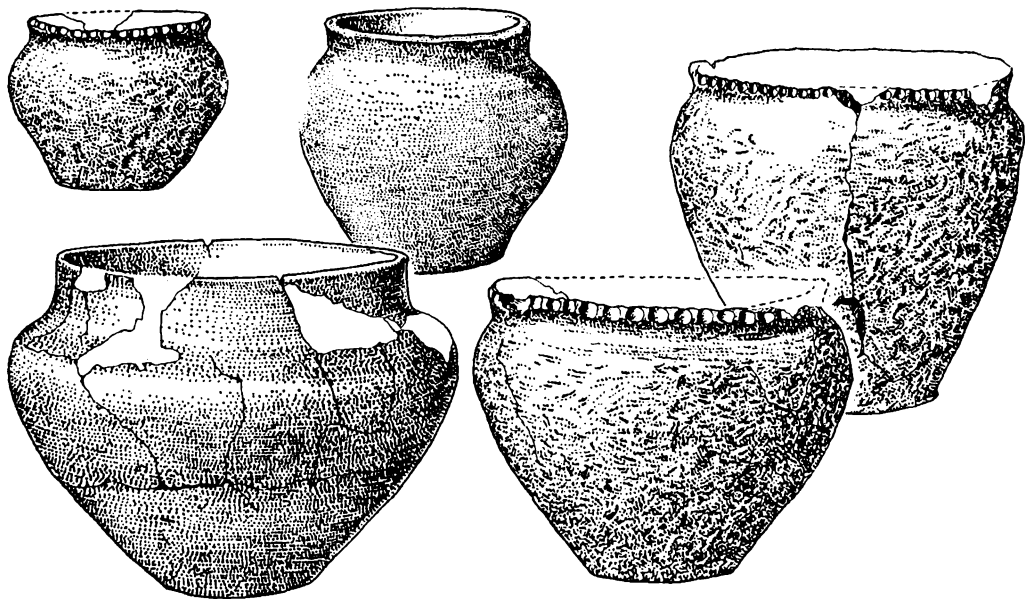

Рис. 44. Керамика волынцевской культуры VIII в. из поселения и могильника уроч. Стан возле с. Волынцево.

и резко выпуклыми плечиками. Второй тип – импортные амфоры и кувшины. Посуда изготовлялась из хорошо вымешанной глины с примесью песка в тесте. Гладкая поверхность черного или темно-коричневого цвета орнаментировалась фризом лощеных или врезных волнистых и горизонтальных линий, между которыми помещались косые отпечатки гребенчатого штампа. Среди гончарной посуды следует назвать *салтовские* сероглиняные лощеные кувшины, а также красноглиняные амфоры с зональным мелким рифлением поверхности. Следует отметить, что первый тип гончарной посуды изготавливался на Битицком городище, относящемся к *волынцевской культуре*. Однако мастера, ее изготавливавшие, не были славянами. Скорее всего, это были либо наемные носители *салтовской* традиции, либо плененные славянами мастера.

Лепная керамика делится на три типа. Первый представлен горшками с невысоким отогнутым венчиком, плавными плечиками, почти ровными стенками и грубой шероховатой поверхностью. К ним относятся и сосуды слаборасчлененной почти банковидной формы. Обычно они орнаментированы пальцево-ногтевыми защипами по срезу венчика.

Ко второму типу относятся сосуды с заглаженной, иногда ангобированной, поверхностью. Это глубокие сосуды с широкой гор-

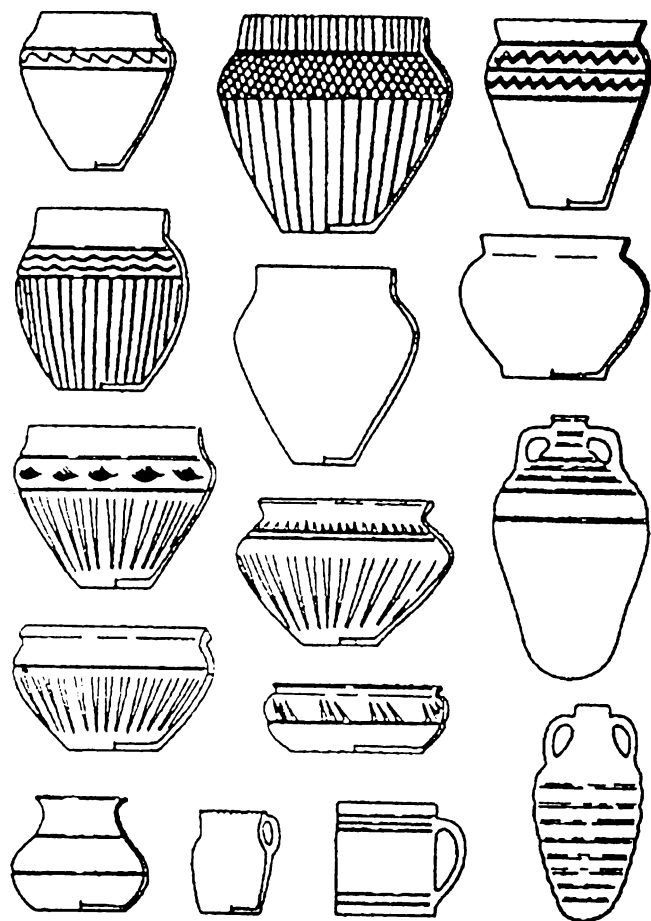

Рис. 45. Гончарная посуда и амфоры
волынцевской культуры по О. В. Сухобокову
и С. П. Юренко.

ловиной, нешироким отогнутым венчиком, конусовидным корпусом и узким дном; глубокие миски и сковородки, орнаментированные аккуратными пальцевыми вдавлениями по венчикам и бортикам. Тесто этих сосудов с более тонкой примесью, она не выступает на поверхности.

Третий тип включает горшки с вертикальным или слегка наклоненным вовнутрь венчиком, крутыми плечиками и прямыми стенками. Поверхность залощена, орнамент отсутствует.

В состав керамического комплекса *волынцевских* памятников входит посуда, ближайшие аналоги которой встречаются среди поселений *пень-*

ковской культуры. Это горшки стройных пропорций с наибольшим расширением корпуса в верхней трети. О. М. Приходнюк относит их к третьему типу *пеньковского* комплекса. Помимо описанных, встречаются формы, близкие к *киевской культуре*¹. Большинство лепной керамики изготовлено из теста, в состав которого входит и крупнотолченный шамот. Поэтому поверхность сосудов неровная, бугристая. Обжиг неравномерный; преобладает грязно-бурый или темно-серый цвет внешней поверхности, в изломе – черный.

К числу керамических изделий относятся также пряслица различных форм: биконические с узким отверстием, усеченно-

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 199.

биконические с широким отверстием, изготовленные из стенок амфор и гончарных сосудов.

Особую группу керамики составляют амфоры – двуручные круглодонные сосуды так называемого *салтовского* типа, с характерным бороздчатым туловом, красно-оранжевой поверхностью, иногда со светлым ангобом. Такая посуда в VIII–IX вв. была широко распространена в Донском регионе и Крыму и поступала в *волынцевский* ареал, нужно полагать, как в результате торговых операций, так и этнокультурных контактов. Процент *салтовской* керамики в разных местах *волынцевской* территории весьма различен, в южных, пограничных с *салтовским*, регионах он довольно велик: на поселении Вовки – 21 % от общего числа керамики¹, столько же на Битицком городище.

§ 3.5. Орудия труда, украшения, предметы быта и вооружения

На поселениях *волынцевского* типа найдено значительное количество орудий труда, соответствующих роду занятий и хозяйственной деятельности носителей данной культуры.

Среди сельскохозяйственных орудий встречаются узколопастные наральники, обломки серпов и кос-горбуш, зернотерки и обломки жерновов. В большом количестве встречаются сточенные железные ножи с прямой спинкой, железные и костяные шилья, костяные проколки-кочедыки, разнообразные точильные бруски. В культурном слое и жилищах найдены калачевидные кресала, дужки от ведер, туалетные пинцеты, железные и бронзовые пряжки.

Из украшений *волынцевской культуры* известны мозаичные, стеклянные многочастные и пастовые бусины, антропоморфные бляшки от поясного набора (Ходосовка), бронзовые и серебряные проволочные браслеты с расплюснутыми концами (Волынцево, Харивский клад). Были найдены серьга из каплевидной стеклянной бусины с впаянной в нее бронзовой проволокой, обломок *раннесалтовского* зеркала.

Находки вооружения на *волынцевских* памятниках немногочисленны. До недавнего времени такие одиночные экземпляры наконечников стрел аварского типа, обрывков кольчуг, пряжки были известны по материалам раскопок Д. Т. Березовца на грунтовом могильнике возле с. Волынцево. Исследование Волынцевского поселения (1980–1981 гг.) и особенно Битицкого городища (1985–

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 191.

1989 гг.) намного расширили ассортимент находок, в результате чего сегодняшняя историческая наука владеет практически всей номенклатурой боевой и защитной экипировки воина: наконечники стрел, копий, сулиц, дротиков, кистень, булава, сабля, кинжал, удила и стремяна, щит, поясные и сбруйные пряжки (рис. 46).

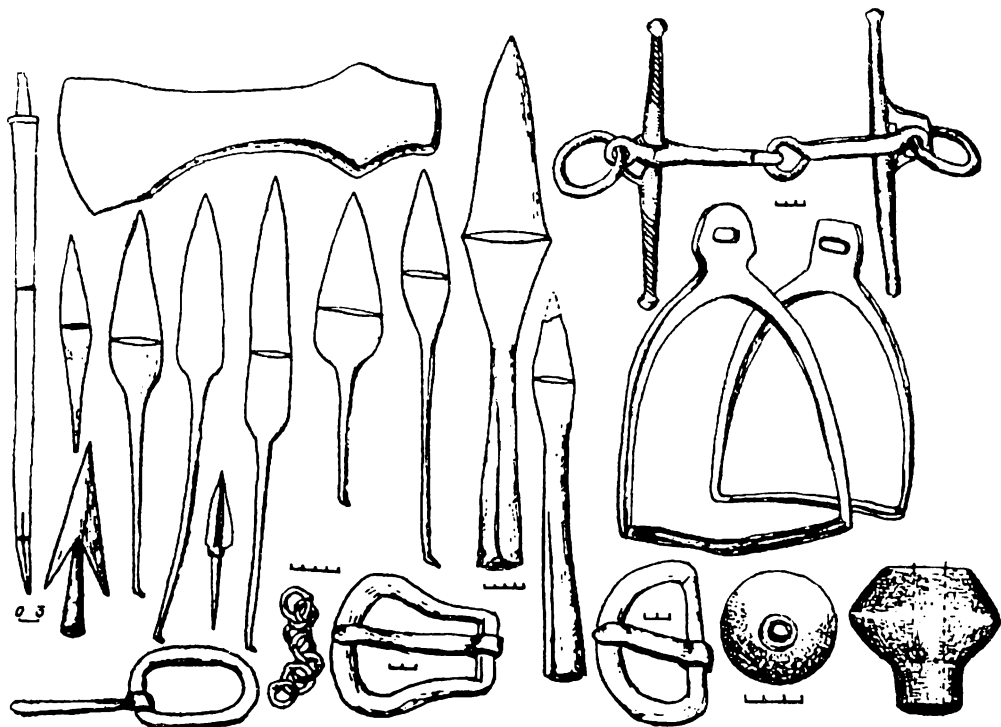

Рис. 46. Предметы вооружения и снаряжения волынцевской культуры, городище Битица I.

Как уже было отмечено выше, в отличие от орудий труда предметы вооружения, обнаруживаемые на *волынцевских* поселениях, сходны с *салтовскими*.

О. В. Сухобоков считает, что славянские племена *волынцевской культуры* вместе с другими восточнославянскими племенами Среднего Поднепровья, создали суперсоюз, называвшийся, по мнению исследователя, Русью. *Волынцевцы* вместе с другими славянами приняли участие в балканских войнах VI–VII вв. и колонизации Балкан¹.

Все вышесказанное свидетельствует о существовании у носителей *волынцевской культуры* развитой племенной организации, наличии дружин и военных отрядов.

¹ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 55

§ 3.6. Погребальный обряд и верования волынцевского населения. Могильники.

Могильные древности *волынцевской культуры* немногочисленны и в основных чертах сближаются с погребальными обычаями населения памятников *пеньковско-колочинского круга*, с одной стороны, и памятниками *роменской культуры* – с другой¹. В последней дальнейшее развитие *волынцевских* традиций погребального обряда прослеживается довольно четко.

Волынцевские могильники не имеют каких-либо внешних признаков и содержат преимущественно урновые захоронения по обряду трупосожжения на стороне. Захоронения совершались в поверхностных ямках и прикапывались дерновым слоем. Наиболее обследован могильник близ Волынцевского поселения, открытый Д. Т. Березовцом. Это бескурганный могильник без всяких внешних признаков, с урновыми захоронениями остатков трупосожжений на стороне. Могильник протяженностью 35–40 м, и ширину 50–70 м расположен на северном краю останца и на плато к западу от него. В нем раскопано 17 погребений, состоявших из урн с прахом и стравниц, устанавливавшихся на специально расчищенных в слое дерна площадках (погребения № 2, № 3). Сосуды в погребениях образовывали линию, вытянутую с востока на запад (погребения № 1–5), причем урны всегда ставились с восточной стороны. По наблюдениям Т. Д. Березовца, гончарная и имитирующая ее посуда ни разу не встречена в одном и том же погребении. Наряду с тем, подражающие гончарным сосуды никогда не использовались в качестве стравниц².

Вместе с прахом покойного в урны помещали и предметы убора: пастовые и стеклянные бусины различных цветов, бронзовые браслеты с расплюснутыми несомкнутыми концами. Отсутствие на некоторых украшениях следов огня, а также наличие в погребениях остатков кольчуги и ножен от меча, позволяют высказать предположение о символическом значении сопровождающего инвентаря.

Трупосожжения производились на стороне, на специально сооружавшихся бревенчатых площадках. Две из них обнаружены во время раскопок Сосницкого могильника. На площадках найдены кальцинированные человеческие кости, оплавленные стеклянные бусы и другие предметы убора.

Иногда урновые захоронения ограждались толстыми кольями. Остатки подобных оградок были обнаружены на глубине 0,2–0,25 м

¹ *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. – С. 119.

² *Археология Украинской ССР* : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 197.

от современной поверхности на погребениях, открытых Н. Е. Макаренко возле сел Малые Будки и Константинов¹.

Обряд трупосожжения появляется почти одновременно с обособлением славян от общеиндоевропейского массива в XV в. до н. э. и, сосуществуя в той или иной мере с ингумацией, он бытует у славян двадцать семь столетий, вплоть до эпохи Владимира Мономаха².

Связь погребального обряда, связанного с горшком для приготовления пищи, раскрыл Б. А. Рыбаков. По представлениям праславян, после трупосожжения душа предка отлетает в ирий (рай); прах предков передается Матери Сырой Земле, источнику благ земледельцев. Вместилище праха – горшок для приготовления пищи – связывал воедино идею культа предков и волшебное содействие предка благополучию живых, ибо жертвенные подношения (кутья, каши и т. п.) Богу Неба и предкам совершались именно в горшках³.

Языческий характер верований *волынцевского* населения подтверждается многочисленными находками. К культовым предметам, обнаруженным на *волынцевских поселениях* Роище и Волынцево, относятся просверленные клыки медведя и астрагалы⁴.

§ 3.7. Общественно-политическое развитие

Социальные отношения у населения *волынцевской культуры* находились на этапе сложения феодализма, чему соответствует переход от родовой общины к территориальной. Членов этой общины необходимо, по-видимому, рассматривать как земледельцев-общинников, обладающих коллективной собственностью на землю, но обрабатывают ее силами индивидуальной семьи, что является основой хозяйственной жизни общины. Данная мысль подтверждается размерами жилищ (12–25 м²), удовлетворяющих потребности индивидуальной семьи с хозяйственными ямами в них. На *волынцевских* поселениях отсутствуют скопления хозяйственных помещений в определенных местах, что является характерным для поселений раннего времени⁵.

Имущественное и, очевидно, социальное неравенство хорошо фиксируется в инвентаре отдельных жилищ (значительное количество гончарной и амфорной посуды), и в некоторых захоронениях могильника (наиболее богатые, по наблюдениям Д. Т. Березовца,

¹ Там же. – С. 197.

² Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 84.

³ Там же. – С. 82–84.

⁴ *Археология Украинской ССР* : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 199.

⁵ Сухобоков О. В. *Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.* / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 28–29.

находились в его нижней части). Именно в этих погребениях найдены предметы вооружения и снаряжения, а также украшения¹.

На имущественную дифференциацию указывает и сам факт существования кладов; анализ находок говорит о том, что ювелиры ориентировались на разные слои общества, при этом более роскошные и ценные изделия предназначались представителям социальной верхушки, которые обладали средствами для их приобретения².

Наличие в *волынцевском* обществе обособленных отраслей хозяйства и развитых отраслей ремесла содействовали внутреннему обмену путем меновой торговли. Мена осуществлялась во время земледельческих праздников в местах межобщинных и межплеменных культовых отправок. Вместе с тем, наличие имущественной и социальной дифференциации позволяет допустить существование производства на заказ, что приводит к возникновению элементов денежно-весовой системы, наличие которой является необходимым условием рыночных отношений³.

Судя по данным археологии, племена *волынцевской культуры* вели активную торговлю с *салтовцами*. Об этом говорят найденные в Киселевке и Битице-1 *салтовских* украшений, обломка зеркала (Сосницкое поселение), амфор, серьги *салтовского* типа из каплевидной стеклянной бусины с впаянной в нее бронзовой проволокой и др.

На культурные и торговые контакты *волынцевского* и *салтовского* населения указывает также наличие группы двуручных круглодонных амфор, *салтовского* типа, известных из Подонья и Крыма⁴.

Предметами вывоза из восточнославянских областей в южные и восточные страны были преимущественно продукты сельского хозяйства и промыслов – меха, кожа, воск, мед, хлеб. Вывозились и рабы, о чем есть упоминания в некоторых письменных источниках⁵.

М. Гимбутас отмечает, что между VII и IX вв. сложилась тенденция к большой концентрации населения в определенных центрах, что привело к усилению разделения труда, увеличению благосостояния и усложнению административной системы, призванной контролировать новые образования⁶.

О. В. Сухобоков считает, что «можно говорить о сложной структуре социальных отношений в среде населения *волынцевских* памятников, где были не только условия для выделения военной знати, но и институт военной дружины. Последняя могла функцио-

¹ Там же. – С. 29.

² Там же. – С. 29.

³ Там же. – С. 28.

⁴ Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. – С. 98.

⁵ История Украинской ССР : В 10 т. – К., 1982. – Т. 1. Первоэтнообщинный строй и зарождение классового общества, Киевская Русь (до второй половины XIII в.). – С. 290

⁶ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 178.

ровать только на уровне организации общин в племена или союзы племен»¹. Исследователь присоединяется к мнению Б. А. Рыбакова и М. И. Артамонова о существовании северянского союза (считая *волынцевцев* северянами) как минимум с рубежа VI–VII вв. При этом, по особенностям гончарной керамики (§ 3.4) и вооружения (§ 3.5), мы вправе предполагать наличие в среде *волынцевского* населения носителей *салтовских* традиций.

Социальная организация у славян была типично индоевропейской и близкой к той, что описал Геродот в V в. до н. э. у фракийцев и Тацит в I–II вв. н. э. у германцев. Славянское общество раннего средневековья состояло из «князей, знати, свободно рожденных, освобожденных и рабов». Несколько семей и их родственники объединялись в род, возглавляемый родовым князем, который был военным предводителем. Большая часть вопросов решалась на совете старейшин. Роды объединялись в племена, центрами которых были укрепленные поселения, подобные Битице I, расположенные на вершинах холмов. Обычно в подобных укреплениях размещались общественные учреждения и жили представители знати, в чьих руках были сосредоточены денежные средства, военная и административная власть².

Объединение небольших родовых общин вокруг замка означало следующую фазу территориальной и социальной организации. Естественным следствием этого процесса стало создание у восточных славян в VI–VIII вв. племенных союзов – государственных объединений, известных в исторической литературе под названием «летописных племен», или «племенных княжений»³. На их основе в IX в. образовалось Древнерусское государство – Киевская Русь.

Древнейшие письменные памятники Киевской Руси содержат сведения о развитой сословной иерархии феодального общества, которая могла сложиться только на протяжении длительного времени; ее формирование происходило уже в VII–VIII вв.⁴

§ 3.8. Происхождение *волынцевской* культуры и этническое лицо ее носителей

Вопросы генезиса (происхождения) *волынцевской* археологической культуры, установление ее генетических связей и установле-

¹ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 29–30.

² Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 74–175.

³ История Украинской ССР : В 10 т. – К., 1982. – Т. 1. Первоначальнообщинный строй и зарождение классового общества, Киевская Русь (до второй половины XIII в.). – С. 176–177.

⁴ Там же. – С. 291.

ние этнической принадлежности ее носителей являются одними из важнейших в археологической и исторической науках. Это тем более важно в контексте нашей работы, т. к. потомки *волынцевских* племен, носители *роменской* археологической культуры, заселили в X в. территорию Змиевского края.

В научной литературе по этому поводу высказаны различные мнения. Д. Т. Березовец определял этническое лицо *волынцевцев* как, безусловно, славянское¹. И. И. Ляпушкин первоначально полагал, что это было особое славянское племя, вошедшее в состав северян, а в более поздних работах, отмечая этническую неоднородность его, воздерживался от конкретных решений².

Некоторые формы *волынцевской* керамики обнаруживают сходство со столовой посудой *салтовской культуры*, имеющей также преимущественно черную или темно-коричневую поверхность и лощение в виде вертикальных или перекрещивающихся полос. В этой связи М. И. Артамонов относил *волынцевские* древности к болгарскому племени кутригуров, будто бы ассимилированному славянами³. Однако в целом, *волынцевская* керамика существенно отличается от *салтовской*, поэтому с гипотезой М. И. Артамонова согласиться невозможно. Высказывалась также мысль о принадлежности *волынцевских* древностей славянизированному местному населению, ираноязычному или родственному алано-болгарам *салтовской культуры*⁴. Ныне все эти положения и догадки имеют только историографический интерес.

Славянская идентификация *волынцевских* древностей не подлежит сомнению: она имеет множество схожих черт с *пражско-корчакской*, *пеньковской* и, отчасти, *киевской культурами*. Этногенетические процессы, происходившие на Левобережной Украине, позволяют проследить данные археологии. Во второй главе мы уже сказали о том, что *пеньковская культура* была поглощена более сильными этническими массивами. В конце VII в. эволюционное развитие обитавших на Днепровском Левобережье племен прерывается военной экспансией новых групп славян-переселенцев. Судя по резкой смене состава украшений и обилию невостребованных кладов, в ходе столкновений погибла или бежала верхушка

¹ Березовец Д. Т. Археологические памятники летописных северян / Д. Т. Березовец // Краткие сообщения института археологии УССР. – 1952. – Вып. 2. – С. 25, 26

² Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1959. – Т. XXIX–XXX. – С. 58–84; Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – Вып. 104. – С. 215–217, 356, 357; Ляпушкин И. И. Славянские памятники Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1968. – Вып. 162. – С. 62.

³ Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья / М. И. Артамонов // Доклады Географического общества СССР. – 1970. – Т. 15. – С. 29–31.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 192.

местного общества. Оставшееся местное население, в основном, смешалось с пришельцами, которые были близки ему по уровню общественного развития. Эти переселенцы, вероятно, пришли из Нижнего Подунавья, опустошаемого походами византийцев и охваченного междоусобной смутой¹.

Есть все основания предполагать под этими массивами племена склавинов – носителей *пражско-корчацкой культуры*, которые проживали на правобережной части Украины². Подтверждением этого может служить следующее.

В отличие от предыдущих *пеньковских* памятников, где производство железа находилось вне помещения, *волынцевские* памятники дают примеры черной металлургии в постройках-мастерских. Данное обстоятельство характерно и для памятников *пражско-корчацкой культуры* Поднестровья и бассейна Южного Буга. К тому же, ремесленные мастерские *волынцевской культуры*, как и синхронные им мастерские *пражско-корчацкой культуры* Днепровского Правобережья, несут многопрофильный характер³.

Практически все *волынцевские* печи вырезаны в материковом останце или в массиве специально принесенной т. н. спондиловой глины, если материк для этого не подходил. На предыдущих *пеньковских* поселениях такие печи не найдены. Однако такой тип печи характерен для *пражско-корчацкой культуры* западных окраин Волыни⁴.

То, что носители *волынцевской культуры* являются выходцами с Правобережья, подтверждается и типом *волынцевских* жилищ. Наличие в черте жилищ подвальных ям и пристенных выступов – прилавок, характерно также для славянских поселений Западно-Побужья еще с *позднечерняховских* времен⁵.

Волынцевские погребения представляют собой урновые трупосожжения. То есть, в отличие от Правобережья, где процесс вытеснения грунтовых погребений курганными в VII–VIII вв. набрал интенсивности, славянское население Левобережья на протяжении всего *волынцевского* периода курганных погребений не знало. Это говорит о том, что склавинское население переходит на Днепровское Левобережье в конце VII в. на этапе перехода от *пражско-*

¹ Шпилёв А. Г. Курский край во времена Хазарского каганата. VIII–X век / А. Г. Шпилёв // Курский государственный областной музей. – Режим доступа : <http://kgoma-museum.ru/back.html?p=6>. – Доступ 18. 06. 2008 г.

² Есть и другие мнения. О. М. Приходнюк, например, связывает носителей *пражско-корчацкой культуры* (наряду с *пеньковцами* и *количинцами*) с антами. См.: Приходнюк О. М. Відносини слов'ян із тюркомовами світом / О. М. Приходнюк // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України : Зб. наук. праць. – К., 2003. – С. 128.

³ Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 41, 42.

⁴ Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. – С. 96–97.

⁵ Там же. – С. 97.

корчакской культуры к памятникам типа *Сахновка*¹. Локальным (местным) признаком *волынцевских* трупосожжений является наличие рядом с урнами так называемых *стравниц*, которых нет ни в *пеньковской* культуре *антов*, ни в *пражско-корчакской* культуре *склавинов*. В. Д. Баран видит в этом влияние «славянской части носителей *черняховской культуры*», оговаривая, однако, что «это только предположение, хотя и возможное»². С этим, по-видимому, необходимо согласиться. М. В. Любичев, отмечая полиэтничность *черняховской культуры*, утверждает, что в ее состав входили «поздние скифы, сарматы, германцы. В контактной *киевско-черняховской* зоне в состав *черняховских* общин вливались и отдельные славянские элементы»³.

Иного взгляда в вопросе происхождения *волынцевской культуры* придерживался В. В. Седов. По его мнению, создателями *волынцевской культуры* были выходцы из Самарского Поволжья – носители *именьковской культуры*⁴. В. В. Седов считал, что собранные к настоящему времени материалы по *именьковской культуре* Среднего Поволжья дают основания предполагать, что ее формирование происходило в результате миграций населения сначала из *пшеворской* среды Волыни и Поднестровья, а затем в условиях гуннского нашествия из *черняховского* ареала. В результате на рубеже IV и V вв. в землях Среднего Поволжья образовался крупный массив славянского населения⁵. Исследователем отмечена близость керамики и могильников *именьковской* и *волынцевской культур*. «Сопоставление обрядности и глиняной посуды Рождественского могильника, принадлежащего к *именьковской культуре*, с материалами *Волынцевского* могильника и поселения, произведенное А. П. Смирновым, стало основанием для предположения о родственности населения Волго-Камья и Среднего Поднепровья. О. А. Щеглова, анализируя *волынцевские* древности, отмечала, что поиски прототипа характерного для них горшка с вертикальным высоким венчиком “уводят в *именьковскую культуру* VII в.”»⁶. Свою гипотезу В. В. Седов пытался доказать наличием совершенной гончарной посуды как на памятниках *волынцевской*, так и *именьковской культур*. В последнее время гипотезу В. В. Седова всецело поддержал О. М. Приходнюк⁷.

¹ Там же. – С. 97.

² Там же. – С. 98.

³ Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: История исследования и основные проблемы изучения. Монография / М. В. Любичев. – Х., 2000. – С. 139.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 194–195.

⁵ Там же. – С. 193.

⁶ Там же. – С. 194.

⁷ Приходнюк О. М. Відносини слов'ян із тюркомовним світом / О. М. Приходнюк // Старожитності І тисячоліття нашої ери на території України : Зб. наук. праць. – К., 2003. – С. 133.

В. Д. Баран категорически отвергает *именьковские* корни *волынцевской культуры*. В частности, он пишет: «во всех культурах, носители которых находились в сфере влияния Хазарского каганата, такая посуда присутствует. Из этого следует, что он является этническим признаком только для *салтово-маяцкой культуры*. На памятниках других культур, в т. ч. *волынцевско-роменской* и *именьковской*, – это импорт»¹.

Действительно, носители *салтово-маяцких* культурных традиций оказали значительное влияние на *волынцевскую культуру*. Период второй половины VII – начала VIII вв. отмечен переходом населения бассейна Северского Донца под власть Хазарского каганата, археологическим соответствием которого и является *салтовская культура*. Этот процесс не мог не отразиться на носителях *волынцевской культуры*, чья гончарная посуда характеризуется высокими технологическими качествами и причудливым пролощенным орнаментированием. *Волынцевская* посуда не имеет местных традиций в среде раннесредневековых славянских древностей. Скорее всего, производство такой керамики привнесено на *волынцевские* поселения из региона *салтовской культуры*. Своеобразием *салтовских* черт определяются форма и орнаментация гончарной посуды с высоким вертикальным венчиком, четко выделенными высокими плечиками и конически срезанным внизу корпусом. Поверхность гладкая, нередко сглаженная, орнаментирована пролощенными, реже врезными вертикальными линиями или горизонтальной пролощенной сеткой².

Таким образом, с большой долей вероятности мы можем считать этническим ядром *волынцевской культуры* племени склавянов, которые в конце VII в. переселились на Днепровское Левобережье. По утверждению А. Г. Шпилева «славяне-переселенцы с Днепровского Правобережья были носителями этнонима севериты»³. Безусловно, славянская по принадлежности, *волынцевская культура* была осложнена инокультурными влияниями субстратного характера, что говорит об этнической неоднородности населения Днепровского Левобережья во второй половине I тыс. н. э.⁴ Географически историческая земля Севера соответствует основному ареалу *волынцевской культуры*; носители последней, очевидно, и назывались этим этнонимом. Последний, по всей вероятности, вос-

¹ *Етнічна та етнокультурна історія України : У 3 т. / В. Д. Баран, Л. Л. Залізняк, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. 1. – С. 260.*

² *Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. – С. 98.*

³ Шпилёв А. Г. Курский край во времена Хазарского каганата. VIII–X век / А. Г. Шпилёв // Курский государственный областной музей. – Режим доступа : <http://kgoma-museum.ru/back.html?р=6>. – Доступ 18. 06. 2008 г.

⁴ *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. – С. 125.*

ходит ко временам, когда в Севернопричерноморских землях имел место славяно-иранский симбиоз, и название одного из иранских племен перешло в славянскую этнонимику. Анализ водных названий Днепровского лесостепного Левобережья, проведенный исследователями (В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, О. С. Стрижак), показывает, что дославянским населением здесь были балты и иранцы (рис. 47). Гидронимия свидетельствует о длительности пребывания в южной части северянского региона иранского этнического компонента, о том, что славяне застали здесь ираноязычное население и жили с ним какое-то время на одной территории. Известны гидронимы рек Сев и Сава¹.

Дальнейшая трансформация *волынцевской культуры* (см. § 3.9), а также взаимодействие ее носителей с другими племенами, привели к сложению того союза племен, который известен нам из письменных источников, как *ѣвѣро*. Б. А. Рыбаков утверждал: «Сложение Северского племенного союза можно относить к значительной древности; имя северян (правильнее *ѣвѣра*) звучит в «саварах» Птолемея»². Позже, византийский хронист Феофан упоминает племя северян, жившее в конце VII в. вблизи Дуная³.

Исходя из вышесказанного, следует рассматривать памятники *волынцевской культуры* как археологический эквивалент культуры северян *предроменского* времени (середина VII–середина VIII вв.).

§ 3.9. Трансформация *волынцевской культуры*

К середине VIII в. *волынцевские* древности сменяются *роменскими*. При этом близость обеих культур настолько разительна, что некоторые ученые предлагали вообще не выделять *волынцевские* древности в отдельную культуру⁴. Сравнительное сопоставление *волынцевских* и *роменских* древностей приводит к мысли об их культурной и генетической близости во всех основных элементах, и это отчетливо проявляется в дальнейшем развитии *роменской культуры*. В этой связи О. В. Сухобоков считает возможным рассматривать *волынцевскую* и *роменскую культуры* как единую – *волынцевско-роменскую*, предлагая именовать ее *северянской*.

¹ Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. Восточные славяне в VI–XIII вв. – С. 138.

² Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 70.

³ История Украинской ССР : В 10 т. – К., 1982. – Т. 1. Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества, Киевская Русь (до второй половины XIII в.). – С. 295.

⁴ См., напр.: Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992; Етнічна та етнокультурна історія України : у 3 т. / В. Д. Баран, Л. Л. Залізник, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. I.

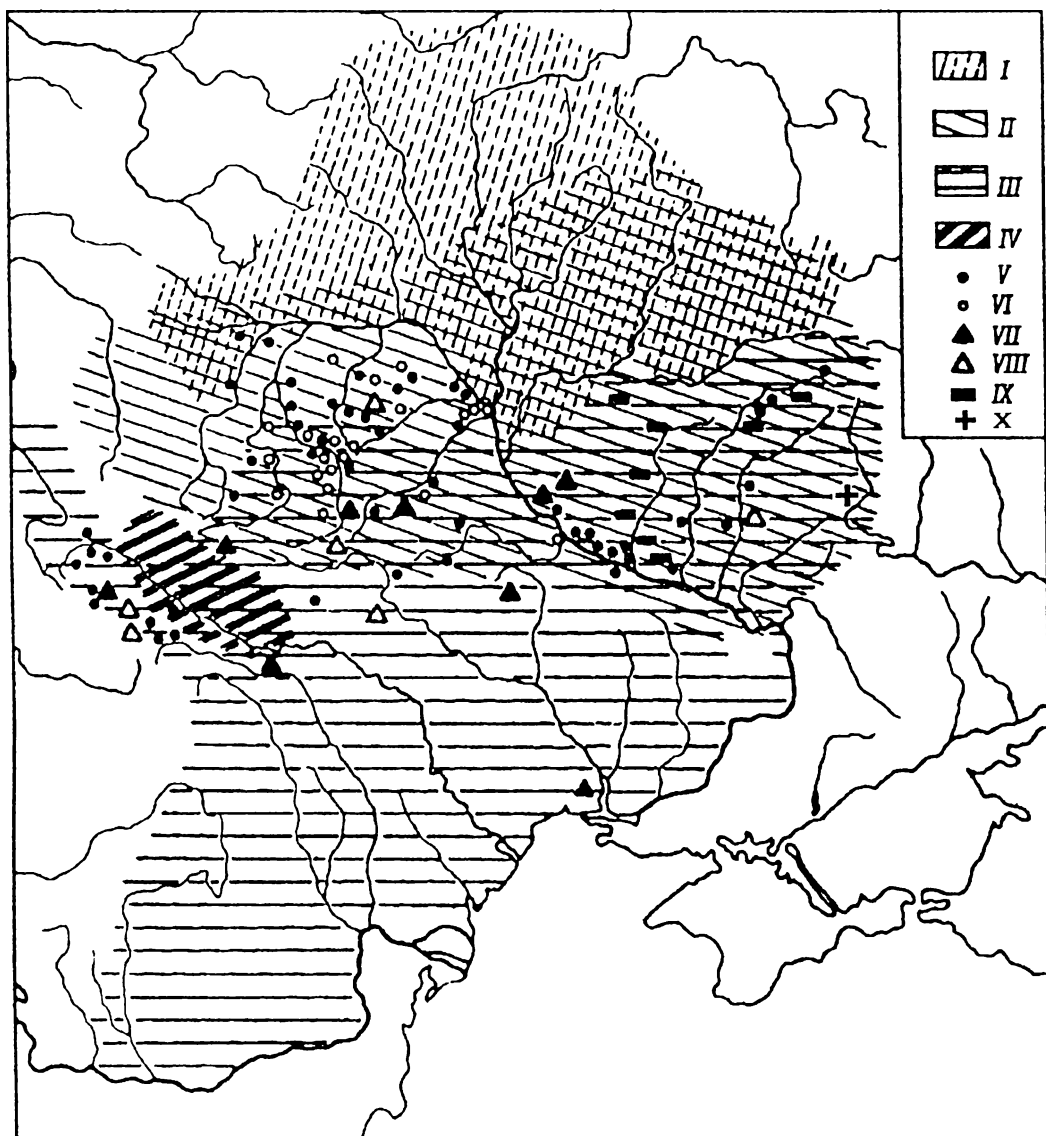

Рис. 47. Карта-схема распространения архаичных гидронимов и археологических культур первой половины I-го тыс. н. э. в Восточной Европе (по В. Д. Барану):

*I – район сплошного распространения балтских гидронимов; II – заруби-
нецкие древности; III – черняховские древности; IV – липецкие древно-
сти; V – славянские гидронимы; VI – балтские гидронимы; VII – фракий-
ские гидронимы; VIII – германские гидронимы; IX – иранские гидронимы;
X – месторасположение современного г. Змиева.*

Однако сам характер *волынцевских* памятников говорит против их включения в число древностей *роменской культуры*. Для *волынцевских* древностей характерны определенные устойчивые признаки, свойственные археологической культуре.

Можно считать, что *роменская культура* является продолжением *волынцевской*, ее развитием в новых условиях. Действительно, эти культуры имеют ряд типологических и хронологических различий. Отличительные черты прослеживаются в характере и топографии поселений, погребальном обряде, керамическом комплексе. Однако все различия *волынцевской* и *роменской культур* могут быть объяснены объективными внешними факторами.

В середине VIII в. для восточных славян возник фактор внешней опасности – в Северном Причерноморье набирал силу Хазарский каганат. Племена алан, населявших северную окраину Хазарии, начали активно осваивать Лесостепь. Реакцией славянского населения на хазарскую угрозу явилось перемещение неукрепленных поселений из пойм и со склонов берегов рек (что характерно для *волынцевской культуры*) на крутые останцы коренных берегов рек (что характерно для *роменской культуры*). При этом *роменские* поселения хорошо укреплены и зачастую основываются на древних скифских городищах. К тому же, в начале VIII в. климат Украины стал более влажным, что сделало невозможным дальнейшее существование поселений в поймах рек.

Относительно изменения погребального обряда, следует сказать, что различия эти касаются не только ареалов распространения *волынцевской* и *роменской культур*, но и всей территории проживания славянских племен. Процесс смены грунтовых могильников курганными, по-видимому, отражает определенные закономерности в социальном и идеологическом развитии славянского общества. Для объяснения данного процесса было бы перспективно вести исследования в области славянского язычества этого периода. Возникновение курганных захоронений у восточных славян в VI–XIII вв. Б. А. Рыбаков, вслед за В. О. Ключевским, связывает с миграциями славянских племен: «внук умирал не там, где дед». С уходом славян на новые места поселения некрополи оставались беззащитными. Новые люди могли осквернить чужих для них предков. Поэтому с приходом на Левобережье носителей *пражско-корчакской культуры* возникает идея захоронения праха под большими округлыми насыпями, именовавшимися в древнерусском языке *могила* (или с метатезой *гомыла*)¹. В немалой степени

¹ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 102. Об этимологии слова *могила* см.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1986. – Т. 2. Е–муж. – С. 634.

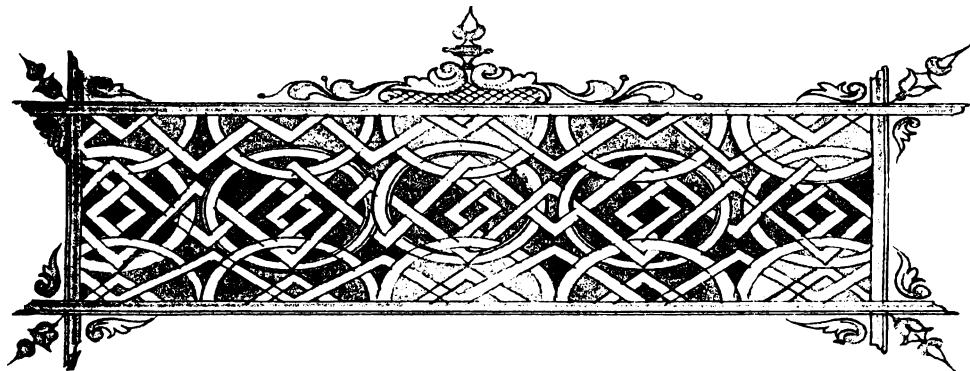
поспособствовала возникновению нового обряда захоронения агрессия Хазарского каганата. Неудачная война на Кавказе вынудила хазар перенести военную экспансию на северо-западные рубежи каганата в земли славян.

Изменения в керамическом комплексе также произошли под влиянием объективных обстоятельств. В лесостепной части Днепро-провского Левобережья на основе *волынцевских* древностей получает развитие *роменская культура*. Лепная керамика *волынцевских* памятников всесторонне сопоставлялась с глиняной посудой *роменской культуры* С. П. Юренко и А. А. Узяновым. В результате была установлена преемственность традиций изготовления посуды населения, оставившего *волынцевские* памятники, и достоверно славянского. О. А. Щеглова, характеризуя *волынцевские* древности, выделяет поздний этап их эволюции, в котором *волынцевская* гончарная посуда замещается лепными подражаниями ей и получают распространение сосуды с типично *роменским* орнаментом. Жилища с таким составом керамики принадлежат к заключительному этапу развития *волынцевской культуры*, вплотную смыкающемуся с *раннероменским* периодом. Форма характерного *волынцевского* горшка (с цилиндрическим горлом и высокими плечиками) приживается в Днепро-провском Левобережье, становится весьма распространенной на памятниках *роменской культуры* и существует вплоть до XI в., когда лепную посуду окончательно вытеснила гончарная керамика¹.

Волынцевская культура представляла собой археологическое выражение материальной культуры славянского населения Днепро-провского Левобережья середины VII – середины VIII вв.² Переход от одной культуры к другой был постепенным и, по-видимому, протекал в разных регионах неравномерно. Наиболее поздние *волынцевские* древности датируются началом IX в., а наиболее ранние *роменские* – концом VIII в.

¹ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 198–199.

² Сухобоков О. В. *Украинское Днепро-провское Левобережье в VII–XIII вв.* / О. В. Сухобоков // *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов*. – К., 1988. – Т. 2. – С. 307–313.

Племенной союз северян. Роменская археологическая культура (середина VIII - начало XI вв.)

Роменская культура: открытие, периодизация, ареал распространения. – Поселения. – Жилища и хозяйственные постройки. – Хозяйство и орудия труда. – Развитие ремесел. – Керамика. – Предметы вооружения и снаряжения. – Торговля. – Погребальный обряд. – Этническое лицо носителей роменской культуры. – Быт, обычаи и культура северян. – Общественно-политическое развитие северян. – Трансформация роменской культуры.

§ 4.1. Роменская культура: открытие, периодизация, ареал распространения

В середине VIII в. волынцевская культура сменяется новой, типологически похожей культурой, получившей название *роменской*. Сравнительное сопоставление *волынцевских* и *роменских* древностей приводит к мысли об их культурной и генетической близости во всех основных элементах, и это отчетливо проявляется в дальнейшем развитии *роменской культуры*.

В археологической литературе распространено мнение, согласно которому при формировании *роменской культуры* в земли Днепровского лесостепного Левобережья имел место значительный приток славянского населения с территории *луки-райковецкой культуры*. И. И. Ляпушкин в результате сопоставления *роменских*

и *луки-райковецких* древностей пришел к заключению, что «славяне проникли в область Левобережья около VIII в. из западных (правобережных) районов. Откуда конкретно и какими путями шло это проникновение, сказать сейчас трудно»¹. Несмотря на то, что многое из построений И. И. Ляпушкина по истории славянского населения Днепровского Левобережья не нашло подтверждения в дальнейших раскопках, все же следует допустить, что инфильтрация славянского населения с запада действительно имела место. Иначе невозможно объяснить распространение в *роменском* ареале новой погребальной обрядности. На смену захоронениям в грунтовых могильниках в IX–X вв. постепенно распространяется курганный обряд.

Однако приток новых групп славянского населения в Днепровское лесостепное Левобережье не имел большого значения в формировании *роменской культуры*. Местное славянское население, представленное *волынцевскими* древностями, было более значительным и более активным в становлении новой культуры.

Название свое *роменская культура* получила от группы городищ, которые были открыты и исследованы Н. Е. Макаренко в 1901 г. в районе г. Ромны нынешней Сумской области Украины.

Ареал *роменской культуры* охватывает верхнее и среднее течение Ворсклы, Псла и Сулы, целиком бассейн Сейма, а также поречье Десны от устья Сейма до Снопоти. Отдельные *роменские* поселения известны и на р. Ипуть. На юго-востоке ее территория захватывает окраины бассейна Северского Донца (рис. 48). Северо-восточная и восточная граница *роменской культуры* проходит по водоразделам Днепра с Окой и Доном. Сопоставление этого ареала с распространением северянских курганов XI–XII вв., выделенных по важнейшему этнографическому признаку (спиральным височным кольцам), обнаруживает значительные совпадения. В этой связи, можно предполагать, что *роменские* памятники, как и более ранние *волынцевские*, являются древностями известного по летописям племенного образования сзверь или северян. Выдающийся славист конца XIX – начала XX вв. Любор Нидерле предполагал, что северяне, по-видимому, основали все славянские колонии, которые уже в VI в. упоминаются на Северском Донце и Дону².

¹ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – Вып. 104. – С. 356–366.

² Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000. – С. 174.

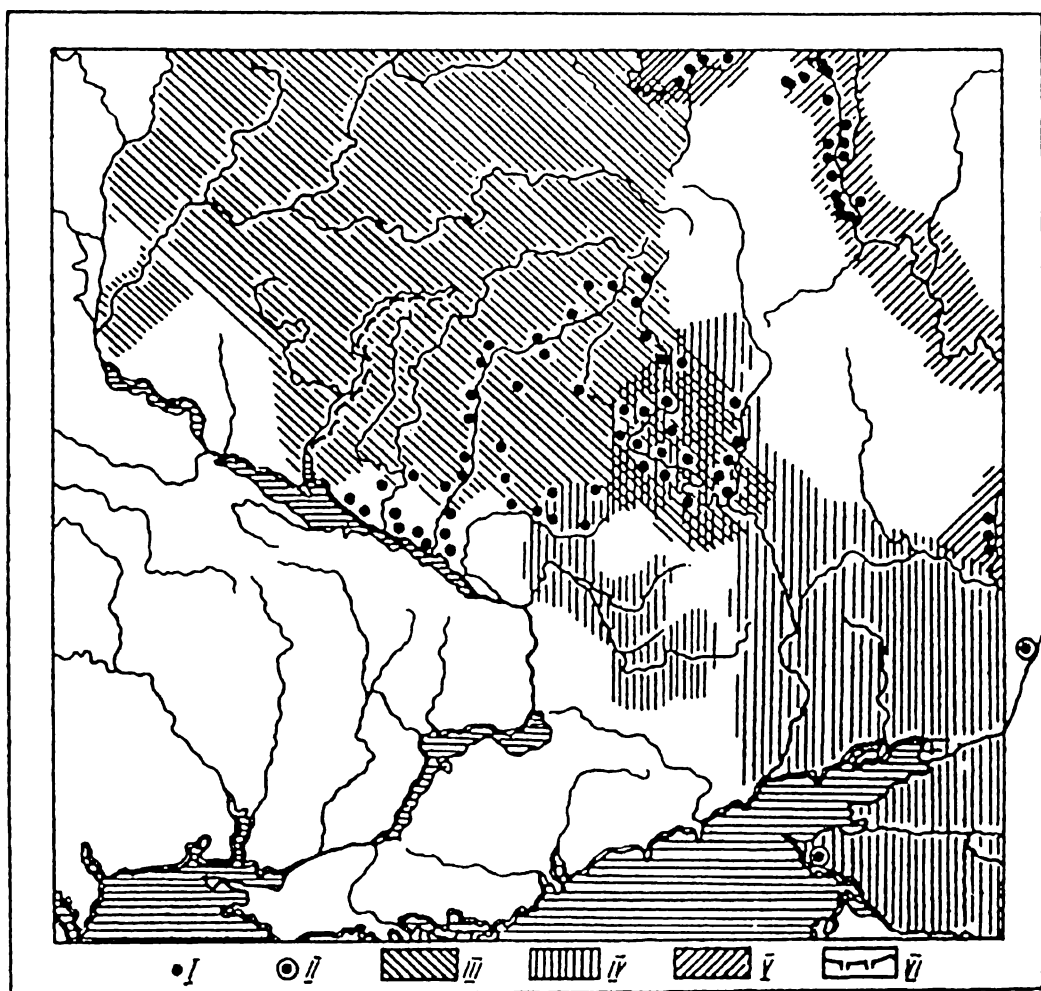

Рис. 48. Днепровское Левобережье в VIII – середина XIII вв.
(по О. В. Сухобокову):

I – древнерусские поселения на восток от р. Сулы; *II* – древнерусские города (Белая Вежа, Тмутаракань); *III* – ареал волынцевско-роменской культуры; *IV* – ареал салтово-маяцкой культуры; *V* – ареал боршевской культуры; *VI* – Посульская оборонная линия укреплений.

Примечание автора. На представленной карте отчётливо видно, что территория Подонцовья являлась ареалом как роменской, так и салтовской археологических культур. Местоположение Тмутаракани указано здесь неверно, она расположена южнее – на Таманском полуострове.

Особенностями *роменских* памятников в бассейне Северского Донца являются:

- проявления *пеньковских* черт в керамическом комплексе Донецкого и Хорошевского городищ;
- более тесные, нежели в других регионах, связи с населением *салтово-маяцкой культуры* и другими степными группами населения;
- собственное производство раннегончарной керамики, преимущественно, горшков с высоким вертикальным венчиком¹.

К тому же, здесь, на Змиевщине, славянские древности представлены *пеньковскими* артефактами (в т. ч. *типа Сахновки*), а позже – *роменскими*, минуя *волынцевскую* стадию. Во всяком случае, *волынцевская* керамика в бассейне Северского Донца пока не прослежена².

§ 4.2. Поселения

В отличие от *волынцевских*, поселения *роменцев* размещались, главным образом, на высоких правых коренных берегах рек Десны, Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы и Северского Донца, в местах, господствующих над местностью.

Для создания своих поселений северяне использовали мысы, образованные поймами рек и впадающими в них балками. Такой выбор свидетельствует о стремлении жителей максимально использовать рельеф местности для защиты от нападений и контроля над господствующими высотами. Детально вопрос о закономерностях размещения *роменских* поселений рассмотрел А. В. Кашкин. Эти закономерности суть следующие:

- 1) памятники *роменской культуры* начинают появляться на определенном расстоянии от истоков реки;
- 2) *роменцы* предпочитали селиться на средних и малых реках третьего и четвертого порядка;
- 3) *роменские* поселения явно тяготеют к зонам лесных серых почв и пойм рек с пойменно-луговыми почвами³.

¹ Приймак В. В. Регіональні особливості роменської культури / В. В. Приймак // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1999. – Ч. 1. – С. 13.

² Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 18.

³ Кашкин А. В. Географические поселения поселений роменской культуры / А. В. Кашкин // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 44.

Похожую мысль ранее высказывал О. В. Сухобоков: «... севе-
ряне (носители *роменской* археологической культуры) не расселя-
лись южнее нижней границы подзолистых почв и сплошной лес-
ной растительности»¹. Это подтверждает и сообщение летописи о
северянах: «живаху въ лѣтѣ ...»².

По своему характеру поселения конца I тыс. н. э. относятся
к категории городищ. Нередко для своих поселений *роменцы* ис-
пользовали небольшие городища скифского времени, расположен-
ные на мысах с крутыми склонами и укреплениями в виде валов и
рвов с напольной стороны.

Роменские городища представляют собой не столько искус-
ственные, сколько естественные убежища. Обычным приемом уси-
ления естественной крутизны склонов мыса было эскапирование
верхней части обрыва, что достигалось путем зачистки склона на
высоту 5–10 м. В результате образовывалась площадка шириною
2–3 м. Площадка городища отделялась от плато оборонительной
линией из рва и вала. Высота вала достигала 6 м от уровня гори-
зонта. Иногда укрепленная линия защищала поселение не только с
напольной стороны, но и по периметру. Форма городища зависела
от рельефа береговых мысов³.

Большинство *роменских* поселений состоит из городища и
примыкающего к нему с напольной стороны селища, размеры
которого иногда значительно превосходят укрепленную часть
поселения, составляя с ним единое целое. Обычная площадь го-
родищ менее 0,5 га, а площадь поселений достигает 10–12 га.
Населенные пункты этой эпохи развивались гнездовым методом:
вокруг «материнского» крупного поселения образовывались более
мелкие. Для *роменских* городищ характерно расположение «гнез-
дами» по 2–7 поселений, расположенных на расстоянии 2–5 км
одно от другого⁴.

На сегодняшний день на территории Змиевщины выявлены
следующие *роменские* поселения: Водяное, Змиево городище (?),
Мохнач, Коробовы Хутора, Новостройка Дымарей (Артюховка),
Кочеток-IV, Малиновка, Новая Покровка-II (рис. 49).

В с. Артюховка, в урочище Новостройка Дымарей, обнаружено
раннеславянское поселение⁵.

¹ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественни-
ки) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 6.

² Повість врем'яних літ : Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово,
коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 20/21; Полное собрание русских летописей. – СПб.,
1846. – Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – С. 6.

³ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 201.

⁴ Там же. – С. 202.

⁵ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко,
В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 72.

Рис. 49. Памятники роменской культуры на Змиевщине:

А – центры современных районов; Б – современные населённые пункты; В – реки; Г – водоёмы; Д – границы исторической Змиевщины; Е – границы современных районов; Ж – селища роменской культуры, З – городища роменской культуры.

1 – Артюховка (Новостройка Дымарей); 2 – Водяновское городище; 3 – Змиево городище (предположительно); 4 – Коробовы Хутора; 5 – Кочеток-IV; 6 – Малиновка; 7 – Мохнач; 8 – Ново-Покровка-II; 9 – Донецкое городище.

Как уже сказано выше, во второй главе, в памятнике 1627 г. Книга Большому Чертежу упоминается Змиево городище (рис. 50)¹. По мнению В. К. Михеева и А. Г. Дьяченко, данное описание полностью соответствует археологическому памятнику, известному

¹ Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.: Л., 1950. – С. 64, 74.

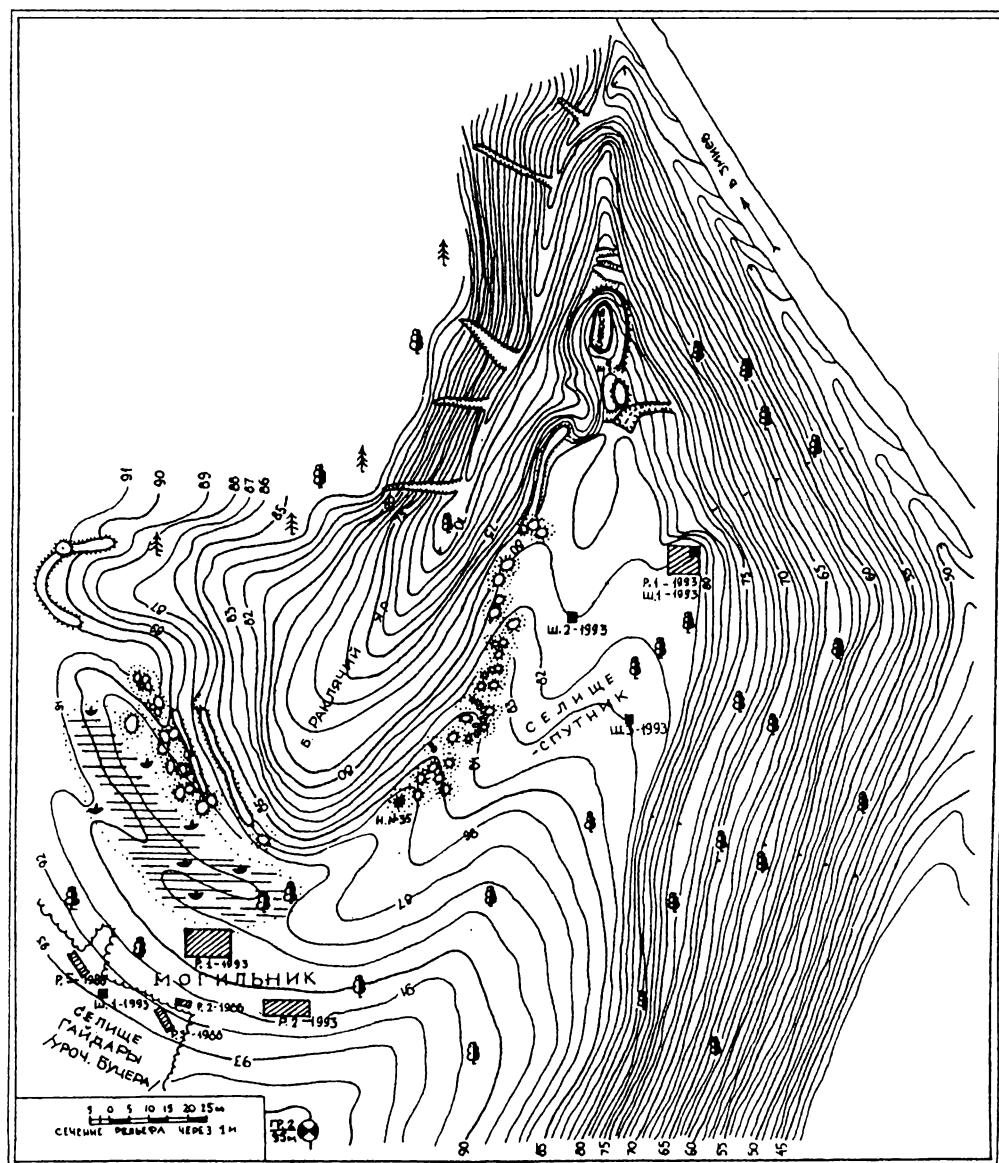

Рис. 50. Топографический план Змиева городища (Гайдары-1, урочище Буцура).

Съёмка А. Г. Дьяченко 1993 г.

под названием Гайдары-1 (урочище Буцура). Исследователи считают, что Змиево городище располагалось непосредственно на Змеевом кургане (рис. 51)¹. В ходе археологических раскопок 1993 г.

¹ Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 158.

Рис. 51. Змиево городище. Современный вид.

была установлена структура поселения и его датировка (XII – середина XIII вв.). Здесь четко выделены крепость, селище и могильник. Мыс, где находилось городище, ограничен с двух сторон глубоким оврагом и крутым склоном берега, а с напольной стороны – валом, который сильно распахан. Данное городище было обнаружено Б. А. Шрамко в 1954 г.¹ Оно расположено в 2,2 км к югу от современного Змиева, в 120 м к северо-западу от моста через Северский Донец. Поселение, находившееся здесь, получило название Гайдары-1 (урочище Буцура). Как во время раскопок, проводившихся в 1988 г. В. В. Дидыком, так и во время раскопок 1993 г., проводившихся Славяно-русской археологической экспедицией Харьковского государственного института культуры (ныне Академия культуры) под руководством А. Г. Дьяченко с участием студентов-практикантов Харьковского госуниверситета (ныне ХНУ им. В. Н. Каразина) под руководством М. В. Любичева, на территории памятника было обнаружено 17 осколков лепной керамики, не получивших точной датировки и атрибуции². А. Г. Дьяченко

¹ Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины : Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73.

² Дьяченко А. Г. *Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змиев*

относил данные осколки к *роменской культуре*¹. Позднее он отказался от подобного их истолкования, признав свои выводы ошибочными².

Крепость Змиева городища занимает северо-восточный отрог мысообразной части склона речной долины, образованный берегом и узкою приводораздельной долиной Раклячий Яр глубиной 10–11 м. Западный склон долины прорезан оврагами³. Змиевская крепость имела треугольную конфигурацию, повторявшую очертания отрога, и возвышалась над поймой Донца на 25–27 м. Склон со стороны балки составлял 30°, со стороны берега 25–27°. С южной (напольной) стороны крепость окружали вал и рвы. Современная ширина рвов 2–3 м, глубина – 0,5 м. Сохранившийся в юго-восточном углу городища фрагмент вала имеет длину поперек площадки до 2 м, ширину в подошве 5 м, высоту 0,6 м⁴. С запада крепость была дополнительно прикрыта довольно широкой в то время речкой Буцерой (другие ее названия – Байцуровка, Змейка, Буцура), которая затрудняла нападение противника с напольной стороны.

В с. Мохнач, наряду с другими археологическими памятниками, открыто городище (рис. 52), расположенное на дюнах левого берега Северского Донца у северной окраины села. Размеры городища 800×300 м. Оно было настолько значительным, что даже спустя несколько сот лет упоминалось в Книге Большому Чертежу 1627 г. Впервые данное городище исследовал В. В. Пассек. Раскопки Б. А. Рыбакова в 1950 г., а также Б. А. Шрамко и С. А. Плетневой в 1953–1954 гг. показали многослойность Мохначанского городища. Наряду с отложениями скифской эпохи и *салтовской культуры*, здесь имеется значительный слой *роменской культуры*⁵.

В X в. *салтовское* население Мохначанского городища сменяется племенами северян – носителями *роменской археологической культуры*. В соответствии с имеющимися археологическими материалами, *роменский* период истории данного городища датируется X – XI вв. Приход сюда восточнославянского населения был обусловлен общим ослаблением Хазарии в X в. и усилением пере-

курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 150, 156.

¹ Дьяченко А. Г. К истории заселения юго-восточных окраин Руси в 12–16 вв. / А. Г. Дьяченко // *История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья / Тезисы докладов и сообщений 2-ой межвузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья*. – Воронеж, 1991. – С. 27.

² Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 156.

³ Там же. – С. 146.

⁴ Там же. – С. 146, 148.

⁵ Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины : Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 77.

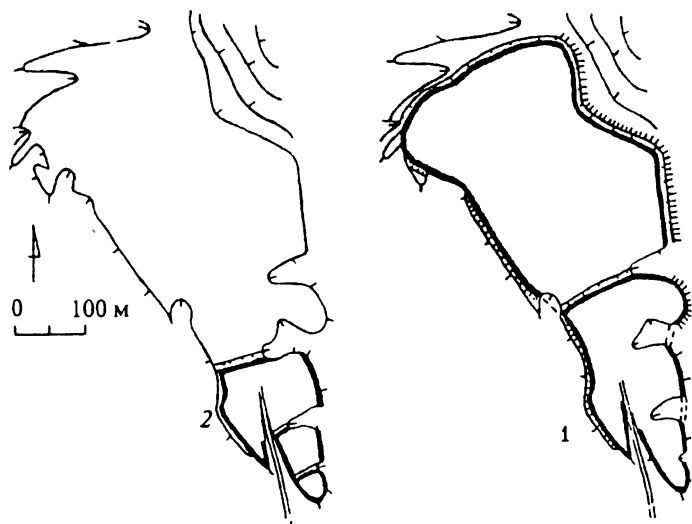

Рис. 52. Мохначанское городище:

1 – салтовского периода (VIII–IX вв.); 2 – роменского периода (X–XI вв.).

построили три новые поперечные линии обороны, отсекая еще меньшие участки южной оконечности мыса и увязывая их с остатками салтовских оборонных сооружений, располагавшихся по периметру. Все три линии фортификационных сооружений построены в широтном направлении, с опорой на яры, врезающиеся в мыс со стороны заплавы³.

В 1999–2001 гг. здесь проводила раскопки Средневековая экспедиция ХГПУ им. Г. С. Сковороды. Зафиксирован тот факт, что с X в. наблюдается смешение культурных традиций славян предгосударственного периода и населения салтово-маяцкой археологической культуры⁴. Руководитель экспедиции В. В. Колода отмечает: «С приходом северянской группы часть салтовского населения осталась и влилась в новую общность. Об этом свидетельствуют данные хозяйства, домостроительства и интерьера, предметы быта и элементы фортификации»⁵.

Городище Водяное находится в Змиевском районе между селами Водяное и Красная Поляна в урочище Холодный Яр на одном из господствующих мысов, который на 50 м возвышается над поймой правого берега реки Уды (рис. 53; 54).

¹ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 12.

² Там же. – С. 13.

³ Там же. – С. 13.

⁴ Археологічна лабораторія // Історичний факультет ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. – Режим доступу : <http://istoricheskiy.se.ua.net/archeology>. – Доступ 27. 05. 2008 г.

⁵ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 13.

селенческой активности славян с целью освоения новых территорий. Количество переселившихся сюда северян было невелико. Об этом говорит уменьшение площади городища. Также сократилось количество окружавших городище селищ: с 13 в салтовский период¹, до 1 во время господства роменцев². Славяне по-

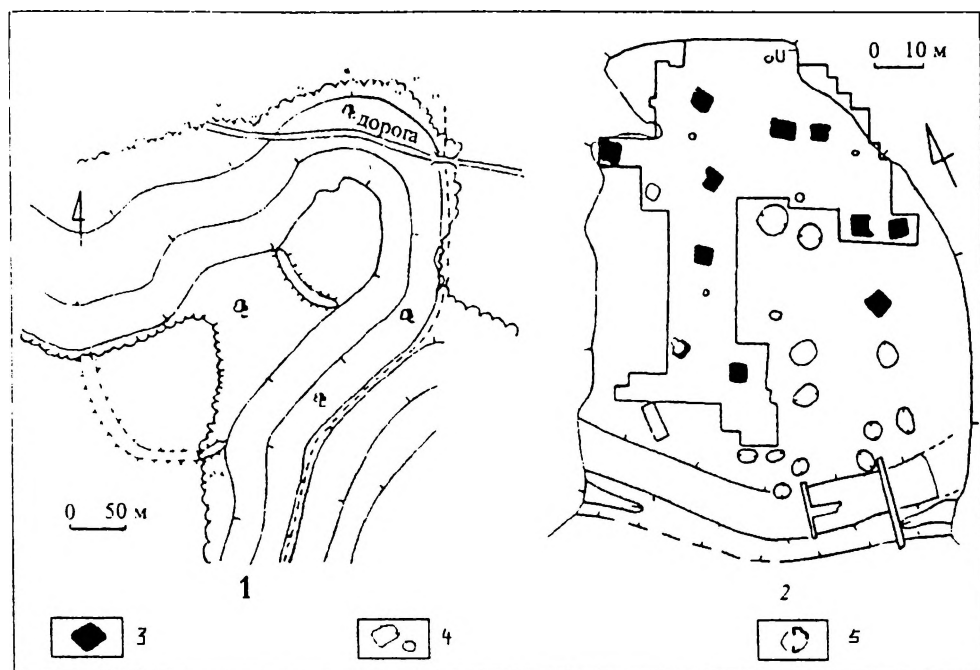

Рис. 53. Городище Водяное:

1 – план памятника (по Б. А. Шрамко с уточнениями); 2 – план раскопов северного (роменского) двора; 3 – жилище; 4 – хозяйственная яма; 5 – впадина.

Рис. 54. Современный вид на Водяновское городище с восточной стороны.

Относительно обстоятельств открытия городища Водяное А. Н. Ракитянская в своих краеведческих записках сообщает: «Два студента братья Воыненко на охоте обнаружили городище между с. Водяное и хут. Гудимовым. Об этом было сообщено археологам. Изучением занимались ученые силы археологического музея»¹. Мыс с напольной стороны огражден валами и рвами. Площадь городища 2,54 га. Исследованием данного поселения занимались многие выдающиеся археологи: Н. К. Фукс (1930 г.), И. И. Ляпушкин (1948 г.), Б. А. Рыбаков (1950 г.) и Б. А. Шрамко (1952 г.). Раскопки, проводившиеся в 1952 г. Б. А. Шрамко, показали наличие двух археологических пластов – скифского и раннеславянского – *роменского*². К началу ХХІ в. большая часть памятника засажена многолетним лесом. Распашкой практически уничтожен внешний вал (лишь его восточная оконечность просматривается в современной лесопосадке). Значительно нивелированы и внутренние оборонительные сооружения: практически невозможно определить место воротного проезда на раннесредневековую часть городища, которая, по замечанию Б. А. Шрамко, находилась в западной стороне вала. Новые исследования памятника (2002–2003 гг.) были проведены Средневековой экспедицией ХНПУ им. Г. С. Сковороды под руководством В. В. и Т. А. Колоды. За два полевых сезона была изучена сплошным раскопом значительная площадь на средневековом дворе городища (около 2 500 м²), что составляет его большую половину. Это позволило изучить 9 заглубленных жилищ (вместе с тем, что исследовал Б. А. Шрамко), и ряд хозяйственных комплексов, среди которых можно выделить погребя, хозяйственные ямы, служебные постройки и открытые отопительные устройства. Здесь обнаружены разнообразные артефакты, которые позволили с большой долей вероятности восстановить историю памятника³. В ходе работ экспедицией было уточнено датирование данного памятника – VIII – началом XI вв.⁴. Наибольший интерес вызывает северная часть городища, отгороженная валом в конце VIII – начале IX вв. н. э. Именно в этот период сюда приходят представители восточнославянского племени северян. К настоящему моменту на северной части памятника исследовано ²/₃ всей площади. В общей

¹ АО МКЗЛ. – Ф. 14. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 4 об.

² Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины: Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73; Колода В. В. *Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині* / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // *Археологія*. – 2004. – № 3. – С. 68–69.

³ Колода В. В. *Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине* / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 250.

⁴ Колода В. В. *Отчёт о работе отдельного отряда Средневековой археологической экспедиции по исследованию «скифского двора» на городище Водяное в 2003 г.* / В. В. Колода, Д. С. Гречко. – Х., 2004. – С. 2–3, 6 // *НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды*.

сложности, здесь выявлено 11 полуземляночных жилищ, несколько хозяйственных построек, остатки печей (рис. 55)¹. С тыльной стороны Водяновское городище защищено земляным валом, длина которого от одного склона к другому достигает 72 м. Перед внешней стороной вала был глубокий ров. С других сторон городище защищено крутыми склонами².

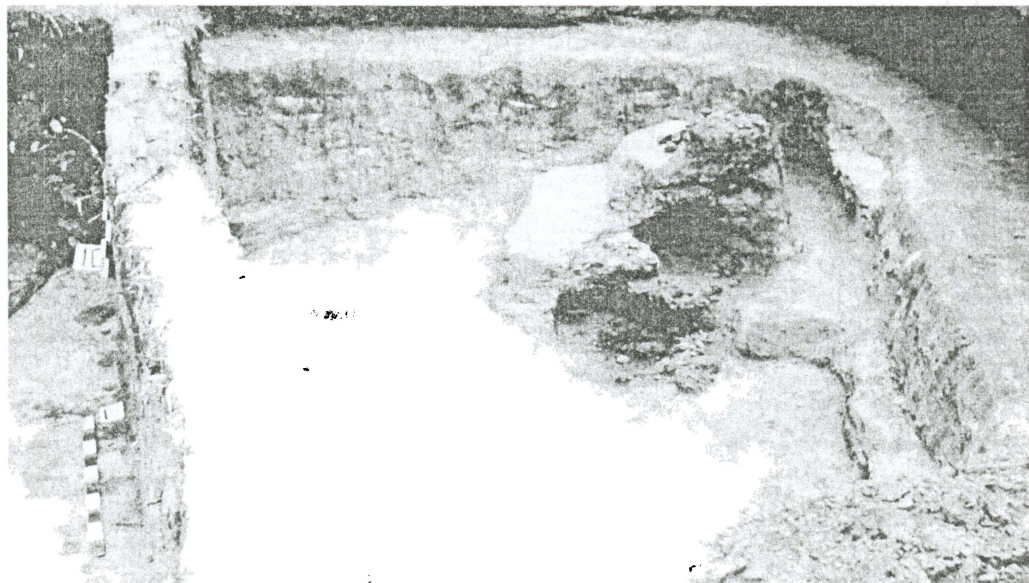

Рис. 55. Остатки печи на Водяновском городище.

В конце I тыс. н. э. на Водяном, под защитой скифского вала возникает северянское поселение. Позднее, вероятно после конфликта с представителями *салтово-маяцкой* археологической культуры, славяне (*роменская* археологическая культура) создают здесь вторую линию обороны, ограничивая северную оконечность мыса площадью чуть более 0,5 га. Это подтверждается наличием *роменского* культурного слоя под оборонительным валом раннесредневекового городища. Плотная застройка площади *роменскими* жилищами, отсутствие синхронных славянских селищ в округе, наличие обширного *салтовского* селища в 1 км к востоку от городища, а также близкая граница Хазарии свидетельствуют, во-первых, об интенсивной хозяйственной деятельности северян в указанное время на данной территории, а во-вторых, о непростой этнополитической ситуации на славяно-хазарском пограничье в целом. Следует

¹ Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году / В. В. Колода, А. В. Крыжанов, В. К. Михеев, В. М. Ряполов, Г. Е. Свистун, А. А. Тортика. – Х., 2005. – С. 87 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды

² Скирда В. В. Из глубины веков : К истории города Харькова / В. В. Скирда, Б. П. Зайцев, А. Ф. Парамонов. – Х., 2004. – С. 41.

етить, что период наиболее интенсивного бытового и фортификационного строительства на городище Водяное приходится на X – ало XI вв. В этом убеждает наличие значительного количества фрагментов гончарной посуды в керамическом комплексе памятника¹. Подтверждает это и находка железного втульчатого топора (рис. 56). По морфологическим данным, его следует отнести к типу I по классификации А. Н. Кирпичникова, который датирует эту группу топоров X–XI вв.².

Рис. 56. Топор и навершие дротика роменской культуры, Водяновское городище.

Еще одно *роменское* городище располагалось неподалеку от Коловых Хуторов. В 2004 г. Средневековой археологической экспедицией ХГПУ им. Г. С. Сковороды здесь выявлена славянская дьба (IX–X вв.), которая представляет древности племени северной нашей территории. В состав усадьбы входило небольшое (9 м²), почти квадратное заглубленное жилище, хозяйственная прямоугольная постройка, открытый очаг и ряд хозяйственных ям.

Из приведенных данных видно, что носители *роменской культуры*³ довольно широко расселились на территории современного

1. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине // Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 250–251.

2. Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1985. – Т. XV. Древняя : Город, замок, село. – С. 310–311.

3. Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 134; Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки сівщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченко / О. О. Лаптев // *Древности*– 2012. – Х., . – Вып. 11. – С. 279.

Змиевского района. То же можно сказать и о землях, исторически относящихся к Змиевщине.

Поселение Кочеток-IV расположено на север от с. Кочеток Чугуевского района, на левом берегу Северского Донца, на возвышенном всхолмлении (дюне). В 1921 г. памятник посещал А. С. Федоровский, в 1925 г. – Н. В. Сибилев. В 1964 г. – Е. В. Пузаков, который назвал его «Тильманов Лиман-1». На распаханной территории археолог собрал в т. ч. материалы *роменской культуры*.

В ходе разведок 1949 г. археолог И. П. Костюченко у с. Малиновка обнаружил восемь поселений¹, одно из которых определено как *роменское*².

Поселение *роменской культуры* Ново-Покровка-II располагалось на левом берегу Уд (песчаная надзаплавная терраса), на север от Подовского озера возле летней кошары и силосных ям, в урочище Поды. Сейчас этот памятник под огородами частных домовладений по улице Леонтьева, на склоне вдоль Подовского озера. Площадь неизвестна³.

Проанализировав картографию *роменских* поселений, можно сделать два вывода. Во-первых, *роменское* население продвигалось на юг вдоль Северского Донца. Во-вторых, славянское присутствие во времена Хазарского каганата (середина VIII – середина X вв.) снизилось, по сравнению с предыдущим, антским, периодом.

§ 4.3. Жилища и хозяйственные постройки

Жилища носителей *роменской культуры* представляли собой полуземлянки (рис. 57). Такими же были хозяйственные постройки и бани. В «Книге драгоценных сокровищ» (30-е гг. X в.) ибн-Даст пишет: «Холод в их стране бывает такой сильный, что каждый из них выкапывает себе в земле что-то подобное погребу, к которому приделывают деревянную остроконечную кровлю, наподобие [кровли] христианской церкви, и на кровлю накладывают земли. В такие погреба переселяются со всей семьей и, взяв немного дров и камней, зажигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до наибольшей меры, поливают их водой, отчего расходится пар, который так нагревает жилье, что сбрасывают уже одежду»⁴. Это сообщение полностью подтверждает-

¹ Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини розвідках 1949 р. І. П. Костюченко / О. О. Лаптев // *Древности-2012*. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280–281.

² Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 135.

³ Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченко / О. О. Лаптев // *Древности-2012*. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 282.

⁴ З «Книги дорожніх скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

ся вещественными источниками. По данным археологии, жилища *роменцев* представляли собою деревянные полуземлянки (рис. 58) с печами, построенными из камня и глины. Они углублены в материк или предшествовавшие напластования культурного слоя на 0,5–1,2 м от поверхности. В плане эти жилища четырехугольные и занимают площадь от 9–12 до 20–25 м²; стены полуземлянок отвесные, ориентированы по линии северо-восток – юго-запад и северо-запад – юго-восток. Колебания ориентировки не превышают 15°¹.

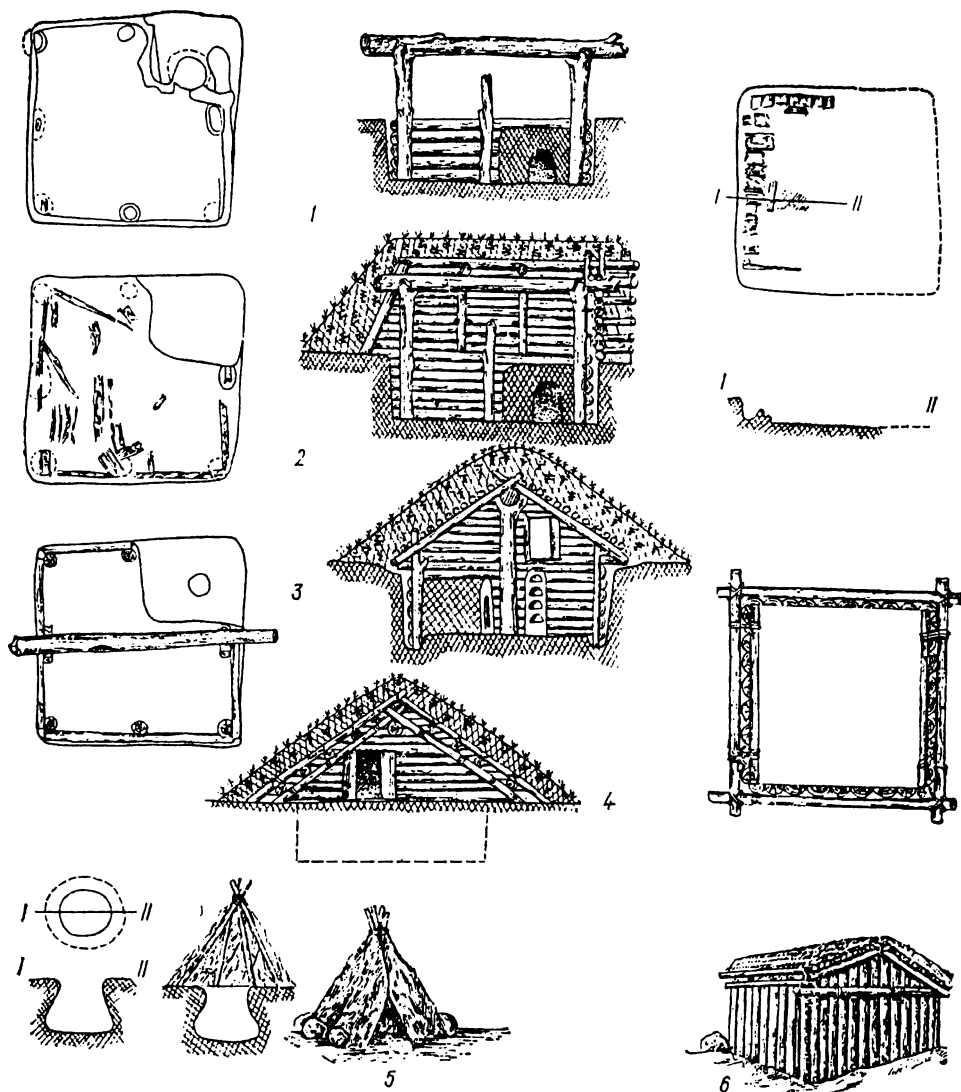

Рис. 57. Реконструкция жилых (1–4) и хозяйственных (5–6) построек на поселениях роменского типа (по И. И. Ляпушкину).

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 202.

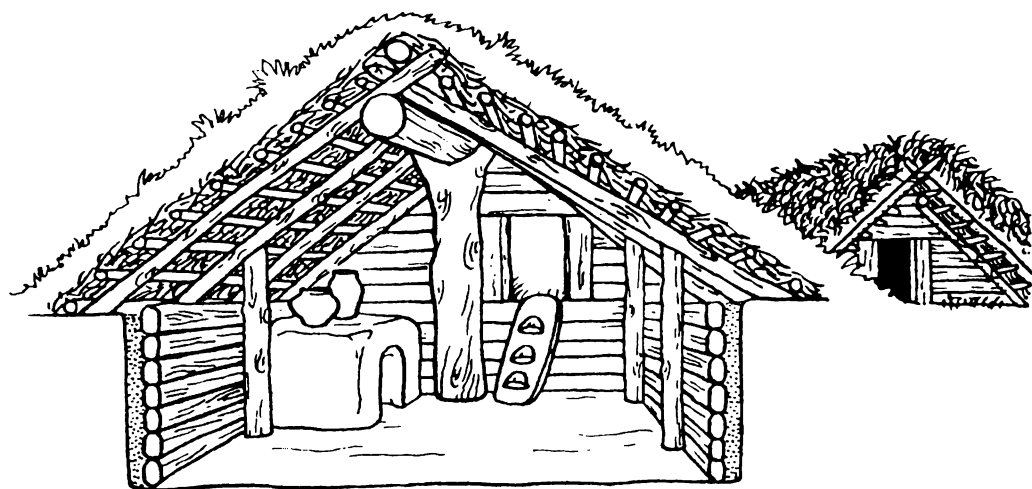

Рис. 58. Землянки столбовой конструкции из с. Новотроицкое. Внутренний вид и вид снаружи. Реконструкция.

Стены углубленной части жилищ облицовывались деревянными плахами, укреплявшимися системой стояков или плетнем, обмазанным глиной. Вместе с тем, *роменским* жилищам присущи и срубные конструкции. На Волокитинском городище при зачистке обрыва в материковой глине удалось проследить остатки угла сруба в виде соединенных накрест бревен толщиной 25 и 30 см. Размеры срубной полуземлянки составляли 3,4 м в длину и 1,45–1,60 м в глубину¹.

Крыша жилищ *роменского* типа была невысокой двускатной. Об этом говорят ямки от больших столбов, располагавшихся по линии, параллельной длинной оси жилища. Эти столбы должны были поддерживать князевую слегу.

Печь находилась в одном из углов (рис. 59) и представляла собой кубовидный или удлиненный останец размерами 1,2–1,7×1,5×1–1,3 м, в котором вырезалось овальное или прямоугольное отверстие топки (0,5×0,5–0,7 м) с арочными сводами высотой 0,4–0,6 м. В короткой стороне останца прорезывалась топка. На верхней плоскости печи проделывали дымоход диаметром 0,3–0,4 м и более. По предположению П. А. Раппопорта, отверстие в своде использовалось для установки горшков с пищей, в то время как дым выходил через топку и вытягивался в волоковое окно².

¹ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 68.

² Там же. – С. 70.

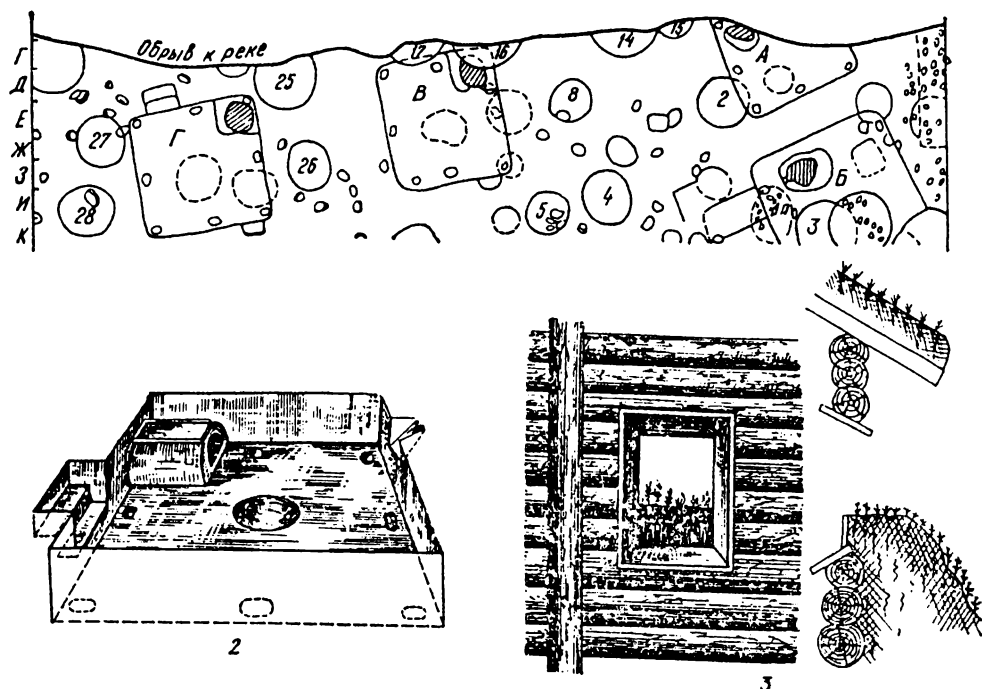

Рис. 59. Реконструкция деталей роменского жилища по материалам Донецкого городища:

1 – план раскопа (раскопки Б. А. Шрамко); 2 – нижняя часть жилища (реконструкция Б. А. Шрамко); 3 – оконный проём в жилище.

Из других деталей интерьера роменского жилища следует называть «прилавки» или «лежанки». Они представляют собой останцы, специально вырезавшиеся в материковой глине вдоль стен полуземлянок. В жилищах с остатками ремесленного производства «прилавки», по предположению И. И. Ляпушкина, служили своеобразными верстаками. Д. Т. Березовец считает эти «прилавки» «лежанками», считая их спальную мебелью.

Кроме собственно жилищ, роменское подворье имело многочисленные хозяйственные постройки. Например, в 2002–2003 гг. на Водяновском городище, помимо углубленных жилищ, было выявлено несколько хозяйственных ям, погребков и дополнительных отопительных устройств¹.

Хозяйственные сооружения на роменских поселениях представлены колоколовидными в разрезе ямами-хранилищами. Иногда они встречаются в пределах жилища, но чаще вне его. О значении

¹ Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 69.

этих сооружений говорит древнерусский термин «житная яма», т. е. они служили для хранения зерна. Размеры их колеблются в пределах 0,5–1,5 м по верхнему диаметру, 0,7–2,0 м по нижнему; глубина ям также была различной: 0,9–2,5–3 м. Стенки ям на роменских городищах обмазывались глиной. Очень часто стены несут следы закопченности, что говорит о применении профилактических мер против вредителей. По-видимому, ямы имели над собой какие-то деревянные конструкции, служившие кровлей¹.

Среди хозяйственных сооружений на роменских городищах выявлены также наземные. Так, на Новотроицком городище удалось проследить остатки прямоугольной в плане постройки наземного типа, размерами 2–4×2–3 м, стены которых представляли собой вертикально стоящие впритык плахи шириной до 0,3 м².

Домостроительные традиции носителей роменской археологической культуры оказывали значительное воздействие на неславянское население региона. На Верхнесалтовском селище, где, кроме славян, проживали аланы и кочевые тюрко-болгары, у 66 % жилищ прослежена каркасно-столбовая или срубная конструкция стен, свойственная роменскому домостроительству. У 39 % этих жилищ была двускатная крыша, что также следует отнести к славянским признакам³.

Примером домостроительства роменской культуры могут служить жилища, исследованные на Водяновском городище. Первое из них было раскопано в 1951 г. Б. А. Шрамко. В дальнейшем, на протяжении 2002–2003 гг., исследование жилищ вела Средневековая экспедиция ХНПУ им. Г. С. Сковороды. Данная экспедиция изучила ≈2 500 м², что составляет более половины средневековой части памятника⁴.

Большинство из них (≈64 %) имеют квадратную форму котлована. Они заглублены в супесчаный грунт на 1,0–1,65 м, однако глубина половины из них (≈55 %) составляет 1,5–1,65 м. Площадь котлована в среднем составляет 17 м², при этом, минимальное значение составляет 8,4 м², а максимальное – 23,5 м². Конструкция стен традиционна для роменских жилых построек: каркасно-столбовая с применением плах толщиной до 0,1 м и срубная (средний Ø = 0,15 м) в приблизительном соотношении 1 : 1. Форма кры-

¹ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 71.

² Там же. – С. 71.

³ Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 74–75

⁴ Колода В. В. Жилища роменського городища Водяное / В. В. Колода // Проблеми історії та археології України. Матеріали VIII Міжнародної научної конференції 9–10 листопада 2012 року. – Х., 2012. – С. 69.

ши, как правило, не поддается реконструкции, но там, где ямки от столбовых опор позволяют это предположить, можно говорить, скорее всего, об односкатной кровле и, как исключении, о двускатной. Лишь в трех помещениях отчетливо прослеживается вход, а еще в 4 – предположительно. В одном случае зафиксированы сени (навес), единой – внутренняя хозяйственная яма. В половине котлованов зафиксированы материковые полочки-останцы, большинство из которых связаны с уровнем крепления стен жилого пространства¹.

Подавляющая часть построек *роменцев* на Водяновском городище (80 %) оснащена единственным обогревательным устройством. В двух случаях их фиксируется два. Практически все они размещались в углу (в одном случае – у стены). 10 отопительных устройств – это печи различной конструкции: четыре печи имели условно кубическую форму и были вырезаны из материкового останца; две печи были глинобитными сводчатыми и располагались на полочке-останце; по одному разу встретились – печь-камин, глинобитная с добавлением камня на останце или на полу, глиняная на искусственно сформированном глиняном останце. Половина печей несут на себе явные следы ремонта или перестройки².

В половине случаев при изучении печей и в одном случае при расчистке очага археологами были зафиксированы глиняные вальки и конусы различных размеров, которые, по мнению В. В. Колоды, использовались как материал для изготовления или ремонта отопительных устройств³.

Три очага имели различную форму и конструкцию: в нише на уровне пола, углубленная ямка треугольной формы, на материковом останце с приочажной ямой⁴. По нашему мнению, у *роменского* населения очагами отапливались жилища беднейших общинников. На эту мысль наводит очевидная примитивность и простота его устройства. Но с учетом местной специфики возможно и другое объяснение. Поскольку заселение Подонцовья было довольно рискованным, то сюда мигрировали, в первую очередь, молодые люди предприимчивого характера. Лишь освоившись здесь и убедившись в относительной безопасности жизни, они могли обзаводиться семьями. Поэтому вполне логично предположить, что жилища с очаговым отоплением принадлежали именно таким первопоселенцам.

Подводя итог исследованию *роменских* жилищ на Водяновском городище, В. В. Колода констатирует, что «в целом, на рассматри-

¹ Там же. – С. 69.

² Там же. – С. 69.

³ Там же. – С. 69.

⁴ Там же. – С. 69.

ваемом памятнике представлено практически все разнообразие вариантов жилищного домостроительства и интерьера, свойственного *роменским* (северянским) памятникам Северского Донца. В этом заключается одна из особенностей городища Водяное»¹.

§ 4.4. Хозяйство и орудия труда

Основной отраслью хозяйства у славян в это время было плужное земледелие. При этом, как утверждают В. В. Колода и С. А. Горбаненко, «памятники свидетельствуют о преимуществе переложной системы земледелия»². К этим памятникам относятся многочисленные находки: обломки жерновов, железные мотыги, ямы для сохранения зерна и др. В частности, на Водяновском городище Средневековой экспедицией ХГПУ им. Г. С. Сковороды на протяжении полевых сезонов 2002–2003 гг. были найдены: два наральника и топор, три чересла, мотыги³.

С изменением климатических условий в конце I тыс. н. э. (начало периода увлажнения), а также в результате совершенствования орудий обработки почвы и техники земледелия появляется необходимость и возможность освоения суходольных территорий. Известно, что при полевом земледелии, почва в процессе непрерывной экстенсивной эксплуатации теряет плодородность. Вместе с тем, известно, что земля улучшается, если ее правильно обрабатывать. Этому условию отчасти отвечала переложная система земледелия. Наличие на Змиевщине свободных и удобных земель благоприятствовало применению этой системы в условиях лесостепного ландшафта. Сроки пребывания участков под перелогом имеют тенденцию к сокращению, что, естественно, приводит к двуполью, а с сокращением срока перелога до одного года – к трехполью⁴.

О. В. Сухобоков допускает, что уже в I тыс. н. э. на территории Левобережной Украины применялось двуполье. Например, автор X в. Ибрагим Ибн-Якуб сообщает, что славяне сеют дважды в год – летом (озимые) и весной (яровые)⁵. О двуполье косвенно говорят сообщения летописи о вымерзании хлебов во время весенних и осенних заморозков. Двупольный севооборот подтверждается также находками среди семян ржи озимых сорняков.

¹ Там же. – С. 69

² Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 75.

³ Там же. – С. 69, 70–71, 72.

⁴ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 97.

⁵ Там же. – С. 97.

В VIII–IX вв. в южной части восточнославянских земель при вспашке почв широко применялись широколопастные наральники с плечиками, изготовленные из одного куска железа, длиной 16–22 см при ширине лопасти 8–12 см и ширине втулки 6–8 см. Использовались также и узколопастные наральники. Один из них был найден на Волынцевском городище¹. Он выкован из одного куска железа и имеет следующие параметры: длина (4,7 см) и средняя ширина втулки (6 см) составляют около $\frac{1}{2}$ общей длины наконечника (14 см). Наибольшая ширина лопасти (6 см) приходится на ее верхнюю часть и почти равняется ширине втулки². Два наральника были найдены на городище Водяное, один – на Мохначанском городище. Наконечники их приблизительно одинаковы по форме и пропорциям. Общая длина составляет 16,5 и 18 см: втулки – 5 и 5,5 см; лезвия – 11,5 и 12,5 см; ширина втулки – 6 и 5,5 см; лезвия – 10 см. Эти наральники по классификации Ю. А. Краснова датируются второй половиной I – началом II тыс. н. э.³

Судя по тому, что *роменцы* использовали два типа наральников – узкие и широкие – следует сделать вывод о том, что у северян существовало развитое плужное земледелие: на различных почвах применяли различные наральники. О том, что на протяжении VIII–X вв. шел интенсивный процесс развития плужного земледелия, говорит массовая вырубка лесов, относящаяся к данному периоду времени, и чересла. Черешковые чересла были найдены на Водяновском и Мохначанском городищах⁴. При этом подсечное земледелие, несмотря на широкое употребление плуга и чересел, еще не утратило своего значения и использовалось для подготовки дополнительных площадок на случай неурожая, войн, увеличения дани и т. п. Сельскохозяйственная деятельность северян давала возможность производить не только необходимый, но и прибавочный продукт.

Для обработки земли применялись мотыжки со втулкой, широко распространенные также среди *салтово-маяцкого* населения. Они небольшие (длина 7,5–8, ширина 2,5–3,5 см), крепились на кривой деревянной ручке. Ими взрыхливали землю, рубили корни деревьев, выкорчевывали пни⁵.

Находки злаков и их отпечатков на гончарных изделиях свидетельствуют о широком ассортименте сельскохозяйственных куль-

¹ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 291–292.

² Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е./ С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 117

³ Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко// Археологія. – 2004. – № 3. – С. 70.

⁴ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е./ С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 118.

⁵ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 292.

тур, известных нашим предкам. Они выращивали несколько сортов пшеницы *Triticum diccocon L.*, *Triticum aestivum L.*, *Triticum durum L.* и рожь *Secale cereale L.*, а также просо *Panicum miliaceum L.*, ячмень *Hordeum vulgare L.*, полбу *Triticum spelta L.*, овес *Avena sativa L.*, вику *Vicia L.*, горох *Pisum sativum L.*, коноплю *Cannabis sativa L.*, лен *Linum sativa L.*¹. Например, на керамике из городища в с. Водяное было выявлено 22 отпечатка зерен: проса (6), пшеницы голозернистой (3), пшеницы пленочной (1), ржи (6), ячменя (5), овса (1), а также один отпечаток гороха². Все это свидетельствует об оседлости северян, живших на землях Змиевщины.

Основным орудием уборки урожая являлся серп, достигший к середине I тыс. н. э. совершенной формы, близкой к серпам эпохи Киевской Руси и современным. Длина серпов колеблется от 20 до 30 см, длина рукояти составляет 10,5–14 см. В VIII–IX вв. такие серпы на Левобережной Украине встречаются на памятниках во-лынцевской и роменской культур³.

Зерна перемалывали в муку. На Водяновском городище в 1999–2000 гг. были обнаружены и фрагменты орудий переработки урожая: остатки зернотерок и легких ручных ротационных жерновов, каменный пест⁴. Такие орудия имеются в собраниях Змиевского краеведческого музея (рис. 60).

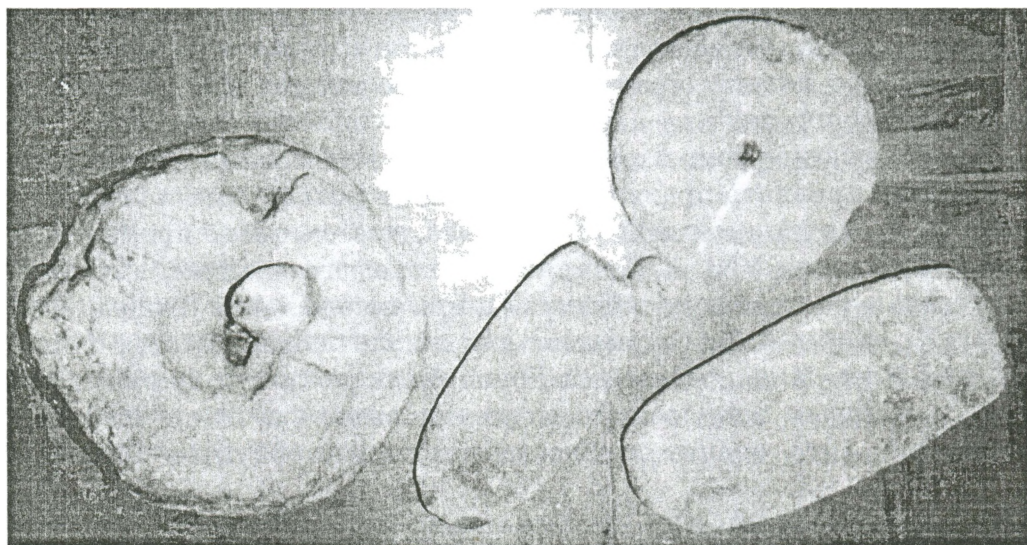

Рис. 60. Каменные жернова и зернотёрки.

¹ Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. – С. 124.

² Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 72.

³ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 292.

⁴ Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 74.

Племена *роменской культуры*, подобно другим восточнославянским племенам, занимались скотоводством. Разводили лошадей *Equus ferus caballus L.*, свиней *Sūs scrōfa domesticus L.*, коз *Capra aegagrus hircus L.*, овец *Ovis aries L.* и, главным образом, крупный рогатый скот. Кости коров (быков) *Bōs taurus taurus L.* составляют от 40 до 50 % количества остеологического материала, свиней – 27 %. Животноводство было приселищным. Разводили свиней, коз¹. Ибн-Дауд отмечает: «они пасут свиней подобно овцам»². В остеологическом материале из *роменских* жилищ Мохнача X – начала XI вв. преобладают кости домашних животных, особенно крупного рогатого скота. Значительно меньше представлены кости мелкого рогатого скота и свиней. Находки остатков лошади и собаки практически единичны. Сказанное, по мнению В. В. Колоды и Г. Н. Фоменко, свидетельствует о мясомолочном направлении в скотоводстве местного направления, а также об использовании в качестве тягловой силы волов, а не лошадей³.

Засвидетельствовано содержание домашней птицы – курей *Gallus gallus domesticus L.*⁴

Заготовка сена на зиму производилась при помощи кос-горбуш. Они выковывались из толстой, клиновидного сечения пластины. Длина клинков кос по прямой от 30 до 50 см, ширина лезвий от 5 до 4 см. Косы в средней части слабо изогнуты, конец черенка загнут крючком для более прочного крепления с рукояткой при помощи железного кольца, экземпляр которого найден при раскопках Битицкого городища⁵.

Немаловажную роль в жизни *роменского* населения играла охота. Следует признать правильность выводов российских исследователей Е. Е. Антипиной и С. П. Маслова, что охотный промысел у восточных славян VIII–XIII вв. не был вспомогательным, а составлял отдельную отрасль хозяйства⁶. Природные условия Змиевщины в VIII–XI вв. были благоприятны для жизни людей. Берега таких рек, как Уды, Мжа, Северский Донец были покрыты густыми лесами, в которых водилось много диких зверей и птиц. Поэтому естественно, что значительным источником продуктов питания

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 207.

² З «Книги дорожних скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Дауда // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

³ Колода В. В. Остеологические материалы из славянских жилищ на городище Мохнач / В. В. Колода, Г. Н. Фоменко // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию ХНУ им. В. Н. Каразина. 4–6 ноября 2004 года. – Х., 2004. – С. 82–83.

⁴ Там же. – С. 84.

⁵ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 292.

⁶ Антипина Е. Е. К вопросу организации охотничьего промысла в Древней Руси / Е. Е. Антипина, С. П. Маслов // Археология. – 1994. – № 1. – С. 60–71.

являлись присваивающие отрасли хозяйства: охота, рыболовство, бортничество и собирательство. Кости диких животных занимают второе место, составляя от 20 до 25 % по количеству всех костных остатков и около 30–40 % по числу особей¹. При сопоставлении костей различных видов животных можно видеть, что значительное место занимали остатки крупных животных: лося *Alcēs alcēs L.*, медведя *Ursus arctos L.*, оленя *Cervus elaphus L.*, кабана *Sūs scrōfa domesticus L.*, косули *Capreolus capreolus L.* Кости этих животных сильно раздроблены, что говорит об их употреблении в пищу. На роменских жилищах в Мохначе обнаружены останки молодого бобра *Castor fiber L.*, сома *Silūrus glanis L.*, рог оленя *Cervus elaphus L.*²

О. В. Сухобоков предполагает, что орудиями охоты служили лук и стрелы, копье, рогатины, различные самоловные орудия (тенета, сети, ловушка, капканы и др.)³.

Еще одной составляющей хозяйства племен роменской культуры был рыбный промысел. Среди археологических находок встречаются металлические безбородчатые и бородчатые крючки, остроги, пешни, выявленные на многих памятниках. Крючки были весьма разнообразны, что объясняется специализацией в рыбной ловле. Рыбу добывали также одно- и трезубыми острогами, насаженными на древко. Массивные долотообразные инструменты-пешни свидетельствуют о ловле рыбы в зимнее время (рис. 61)⁴.

Судя по письменным источникам X в., славяне занимались пчеловодством. «Из дерева изготавливают они что-то подобное горшкам, в которых помещаются у них и улья для пчел, и мед пчелиный хранится. Это зовется у них сидж, и один горшок содержит в себе около десяти кружек его»⁵.

Таким образом, к концу I тыс. н. э. славянское население Левобережной Украины, в т. ч. и Змиевщины, уже обладало весьма развитым хозяйством, состоявшим из таких отраслей и промыслов, как земледелие, скотоводство, бортничество, пчеловодство, охота, рыбная ловля. Прогрессивная система земледелия с применением севооборота, сложившаяся накануне образования Древнерусского государства, способствовала становлению его экономической базы.

¹ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 122.

² Колода В. В. Osteологические материалы из славянских жилищ на городище Мохнач / В. В. Колода, Г. Н. Фоменко // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию ХНУ им. В. Н. Каразина. 4–6 ноября 2004 года. – Х., 2004. – С. 84

³ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 122.

⁴ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 292–293.

⁵ З «Книги дорожничних скарибів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

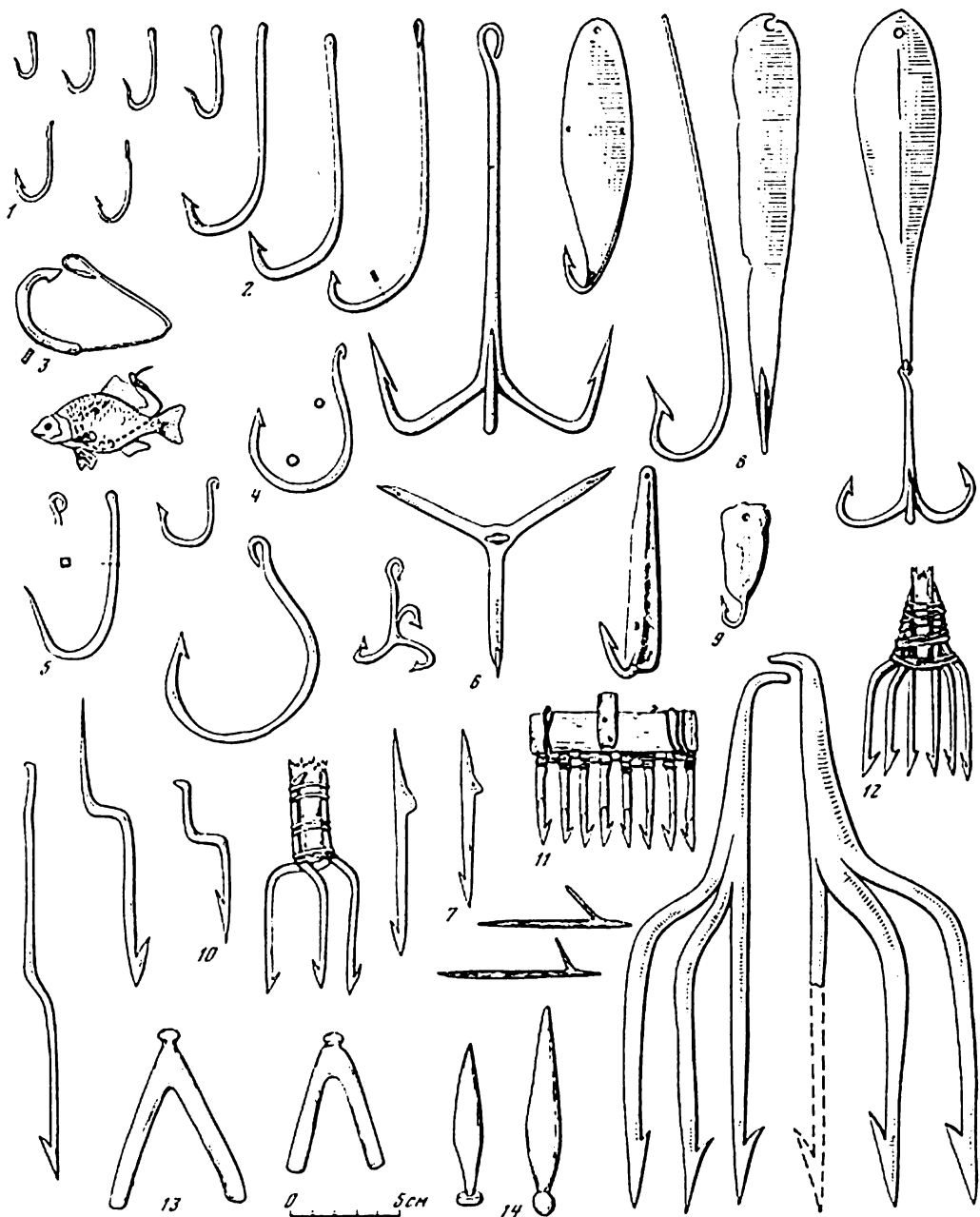

Рис. 61. Орудия рыбной ловли роменской и древнерусской археологических культур:

1 – крючки для ловли рыб удочкой; 2-6 – крючки для ловли рыб жерлицами и донками; 7 – деревянные горловые крючки; 8 – блесна-дорожка; 9 – блесна для подлёдного лова; 10 – составные остроги I типа; 11 – остроги II типа; 12 – составные остроги III типа; 13 – деревянные рогульки-жерлицы; 14 – поплавки для удочек.

§ 4.5. Развитие ремесел

В период VIII–XI вв. у славянского населения Змиевского края отмечен рост социально-экономического развития, увеличение размеров поселений. В связи с этим увеличивается количество орудий труда. Они становятся более разнообразными. Все это способствовало активному развитию ремесел: металлургического, деревообрабатывающего, костерезного, ткацкого и др.

В первую очередь следует отметить значительное развитие у *роменцев* черной металлургии (рис. 62). На Коробовском городище во время небольших археологических раскопок средневекового культурного слоя вместе с *роменской* керамикой найден чернометаллургический шлак и обломок наружного неоплакованного конца глиняного сопла. Его внутренний диаметр составляет 3–3,5 см. Небольшие углубления на нем способствовали лучшему соединению его с кожаным рукавом от мехов. По мнению В. В. Колоды, такие остатки свидетельствуют об использовании искусственного дутья при получении железа¹. На Мохначанском городище найдена наковальня. На Водяновском городище в 2003 г. были найдены фрагменты отплакованных стенок железоплавильного горна и несколько кусков чернометаллургического шлака². Известны также и другие орудия металлообработки: кузнечные клещи, пробойники, молотки, напильники, ножницы для резания жести.

Железо выплавляли в горнах ямного типа. Славянские кузнецы Левобережья владели приемами горячей и холоднойковки, кузнечной сварки, цементации и другими приемами, что позволяло получать продукцию довольно высокого качества. Из 20 ножей, выявленных в культурном слое городища Титчиха, 11 железных. У 3 на железную основу наварена стальная полоса; 4 ножа изготовлены из стали; у 2 клинок изготовлен при помощи сварки трех полос металла – стальной в центре и железных по бокам. Некоторые железные ножи подвергались цементации³.

К продукции черной металлургии относятся также шилья, калачевидное кресало, гвозди, железные дужки и ушки от деревянных ведер, бритвы, оковки для сапог, одежные и поясные пряжки.

Есть данные об обработке цветных металлов. На основании изучения различных украшений можно говорить о развитом ювелирном ремесле. Мастера-ювелиры знали литье, штамповку по

¹ Колода В. В. *Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э.* / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 44.

² Колода В. В. *Отчёт о работе отдельного отряда Средневековой археологической экспедиции по исследованию «скифского двора» на городище Водяное в 2003 г.* / В. В. Колода, Д. С. Гречко. – Х., 2004. – С. 10 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.

³ *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* – К., 1990. – С. 295.

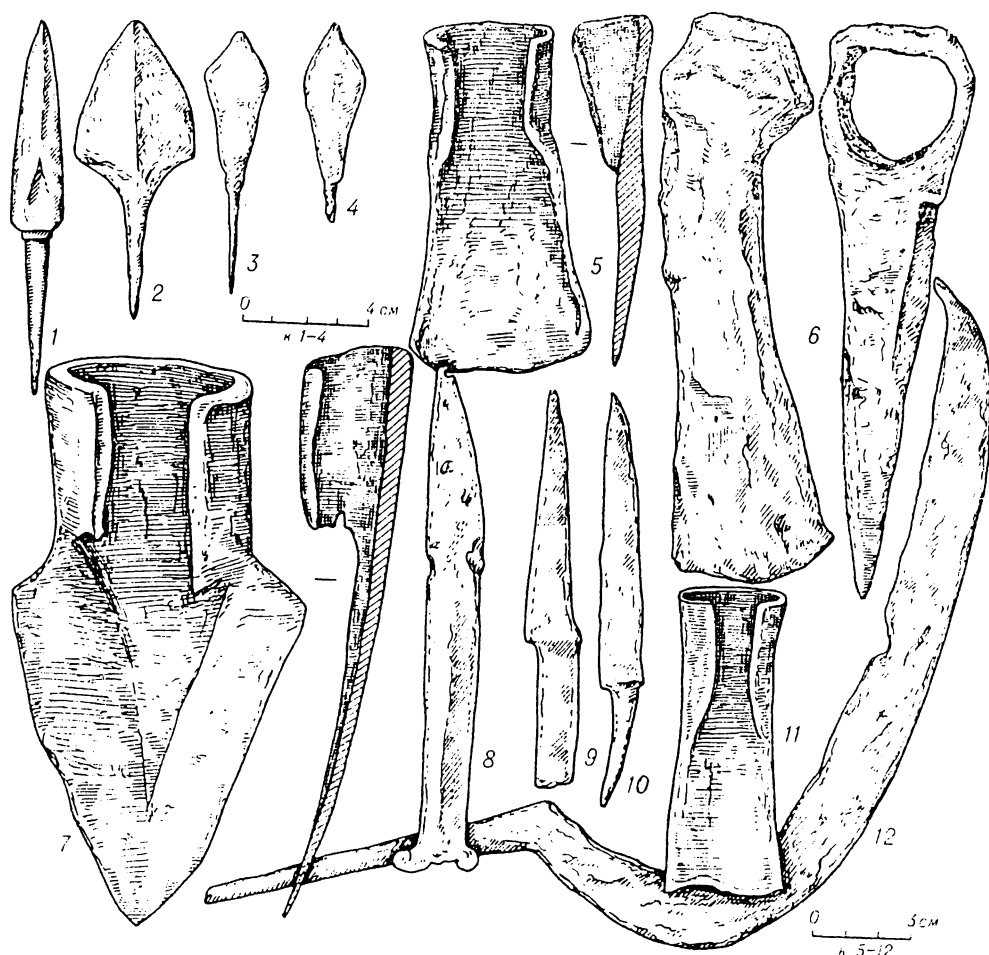

Рис. 62. Железные изделия роменской культуры:

1-4 – наконечники стрел; 5, 11 – тѣсла; 6 – топор; 7 – наральник; 8-10 – ножи; 12 – серп.

матрицам, пуансон, паяние, сварку различных металлов, спайку пластин в торец, резание ножницами и т. п. Подобное разнообразие технологических приемов требует особых навыков и умений, что свидетельствует о специализации ремесленников, возможной при выделении ремесла в отдельную отрасль¹.

Тем не менее, сравнение развития славянской и хазарской черной металлургии позволяет исследователям сделать вывод, что по уровню организации производства и степени его отделенности от общего хозяйственного комплекса племени салтовской культуры

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 207.

опережали *роменцев*¹. В своем исследовании В. В. Колода приходит к выводу, что у славянского населения Змиевщины процесс развития черной металлургии шел несколько медленнее, чем у их соседей на Правобережье Днепра. Железопроизводство изучаемых племен в значительной степени находилось на уровне удовлетворения потребностей отдельной общины. Такое положение вещей, однако, не снижало технической оснащенности восточных славян железными орудиями труда, что происходило, прежде всего, благодаря развитию кузнечной обработки. Некоторое же отставание в организации чернометаллургического дела В. В. Колода связывает со сложностями исторического развития славян и хозяйственного освоения или междуречья Днепра и Дона².

К предметам бытового обихода, созданными ремесленниками, следует отнести также украшения, представление о которых дают клады и погребения этого периода. Из украшений известны серебряные и бронзовые пластинчатые доспехи, шейные гривны, височные кольца, проволочные браслеты, стеклянные и пастовые бусы, серебряные и бронзовые перстни, сережки и подвески *салтовского* типа (рис. 63). Арабский дипломат ибн-Фадлан, описывая виденных им в 20-х гг. X в. русов, сообщает о том, что «лучшее украшение у них – зеленые бусы из глины, – из тех бус, которые бывают на кораблях; они стараются изо всех сил достать их, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают ими ожерелья своих жен»³.

Найдены бронзовая гривна, изготовленная из крученного прутка, стеклянные посеребренные и позолоченные многочастные бусы. В погребениях обнаружены северянские височные спиралевидные кольца, серебряные антропо- и зооморфные бляшки и пряжка *салтовского* типа. Обычной деталью одежды были бронзовые посеребренные бубенчики и литые бронзовые пуговицы. В период VIII–X вв. в ювелирном искусстве получил развитие геометрический стиль.

Большинство украшений изготовлялось при помощи литья – самого распространенного приема обработки цветных металлов как VIII–XI вв., так и в эпоху Древней Руси. Б. А. Рыбаковым определены его разнообразные приемы: в жестких литейных формах, изготовленных из глины; литье по восковой модели с сохранением, или потерей формы и т. д.⁴

¹ Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 136.

² Там же. – С. 146.

³ З «записки» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 65.

⁴ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 297.

При строительстве и производстве предметов быта основным материалом являлось дерево. Эпоху средневековья у славян мы вправе назвать деревянным веком. Среди ремесленных орудий наиболее многочисленны деревообрабатывающие инструменты, как то: топоры, тесла, скобели, сверла, стамески, ложки, молотки, долота, поперечные пилы. Универсальным орудием труда и оружием являются узколезвийные, проушные топоры со щеками на обухе. Аналогичные по форме и размерам топоры известны в синхронной салтово-маяцкой культуре.

О существовании камнеобрабатывающего ремесла свидетельствуют находки точильных камней, зернотерок, жерновов, тиглей. Жернова изготавливались чаще всего из кварцита (Поднепровье) или песчано-глинистого известняка (Подонье); точильные камни – из песчаника и сланца.

Женщины занимались прядением шерсти и льна. Прядение предполагает наличие ткачества. Развитое скотоводство *роменского* хозяйства обеспечивало потребности в сырье для изготовления обуви, теплой верхней одежды и т. п. В этой отрасли домашнего производства значительную роль играла также охота, поставляя шкуры и меха для кожевенного и скорняжного ремесел. О широком развитии этих видов домашних промыслов свидетельствуют археологические находки: костяные скребки и скобели, острия и проколки, кочедыки.

§ 4.6. Керамика

Ведущую категорию находок на *роменских* памятниках составляет глиняная посуда, преимущественно лепная. Например, *роменская* посуда, собранная археологами на Водяновском городище в 2003 г., распределяется таким образом: 87 % – лепная посуда, гончарная – 3 % (остальные 10 % керамики представляют другие культуры)¹. По назначению и технологии изготовления керамика делится на две большие группы – кухонную и столовую. Впервые типологию керамики *роменской* археологической культуры предложил И. И. Ляпушкин². Она основывалась на материалах полностью исследованного им городища Новотроицкое и может до сегодняшнего дня служить отправной точкой для типологических исследований по *роменской* керамике с любого памятника указан-

¹ Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свистун. – Х., 2004. – С. 12 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

² Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое : О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1958. – № 74. – С. 32–46.

ной археологической культуры. Верность предложенной автором типологической схемы подтверждают и обобщающие работы такого исследователя *роменских* древностей, как О. В. Сухобоков. Он с успехом применил ее, разлив и дополнив новыми данными с изученных им памятников¹. Новый, более точный, подход (на материалах Правобережья Среднего Поднепровья) предложила в своем исследовании В. А. Петрашенко².

К первой группе относятся горшки, миски, сковородки. Керамика первой группы подразделяется на четыре подгруппы, из которых наиболее многочисленной является первая подгруппа горшковидных сосудов, разделенная, в свою очередь, на четыре типа.

Первый тип составляют кухонные горшки с выпуклым корпусом, невысоким отогнутым венчиком, с диаметром горла меньше высоты сосуда и диаметром дна, составляющим $\frac{1}{2}$ диаметра горловины. В тесте значительные примеси шамота или дресвы, толщина стенок 1 см. Цвет поверхности темно-бурый, в изломе черный. Сосуды этого типа орнаментировались по краю венчика, плечикам и корпусу отпечатками гребенчатого штампа, палочки, обмотанной шнурком, насечкою, зацепами в различных сочетаниях. Иногда применялись и другие орнаментальные мотивы, вроде врезной горизонтальной и волнистой линии в разнообразных комбинациях³.

Для второго типа характерна широкая горловина, слабо выраженные венчик и плечики, коническая форма корпуса и дно, диаметр которого составляет $\frac{1}{3}$ диаметра горловины. По тесту и цвету черепка сосуды аналогичны горшкам первого типа. Орнаментировался только срез венчика и теми же приемами, что и венчики сосудов первого типа⁴.

Сосуды третьего типа также имеют широкую горловину, слабо выраженные венчик и плечики, округловыпуклый корпус и широкое дно, близкое соотношение ширины и высоты. Орнаментировался только край венчика⁵.

Горшки четвертого типа отличаются от описанных выше цилиндрическим венчиком (до 7 см высотой), слегка наклоненным внутрь. Плечики сосудов иногда резко выражены, в других случаях плавно переходят в конический корпус. Пропорции горшков неустойчивы. Отличает их также более совершенная технология —

¹ Сухобоков О. В. *Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники)* / О. В. Сухобоков. — К., 1975. — С. 75–83; Сухобоков О. В. *Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.* / О. В. Сухобоков. — К., 1992. — С. 42–45.

² Петрашенко В. О. *Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я.* / В. О. Петрашенко. — К., 1992.

³ *Археология Украинской ССР : В 3 т.* — К., 1985. — Т. 3. — С. 204–205.

⁴ Там же. — С. 205.

⁵ Там же. — С. 205.

изготовлены они из относительно чистой глины, поверхность гладкая, обжиг лучшего качества. В некоторых случаях поверхность покрывалась сплошным или частичным лощением. Наряду с использованием лощения в виде вертикальных полос, применялись обычные *роменские* приемы орнаментации. При этом край венчика не орнаментировался, а отпечатки гусеничного штампа наносились по плечикам¹.

Сосуды второй подгруппы представлены мисками с широким горлом, диаметр которого значительно превышал высоту сосуда. В составе теста более мелкие примеси шамота или дресвы, поэтому поверхность мисок гладкая и ровная. Орнаментировался срез венчика, иногда плечики.

Третья подгруппа представлена сковородками с высоким (до 4–5 см) бортиком диаметром 20–25 см. Бортик имеет наклон наружу, реже – вовнутрь. Нередко срез бортика орнаментирован отпечатками гусеничного штампа, насечками или пальцевыми вдавлениями. Иногда по дну сковородок с внутренней стороны наносился крест. К этой же подгруппе следует отнести и противни, которые очень часто монтировались на своде печи. Такого рода противни, бортик которых достигал 10–14 см, толщиной до 5 см и размером 60–80 см, известны на *волынцевских* и ранних *роменских* поселениях².

К четвертой подгруппе относятся кувшиновидные сосуды, представленные фрагментарно.

Вторую группу составляют средневековые амфоры из Среднего Причерноморья, Приазовья и Крыма, а также гончарная посуда *салтово-маяцкого* круга. Как пример, гончарная посуда из Коробовых Хуторов, покрытая линейно-волнистым орнаментом. На донышке одной такой посуды стоит клеймо в виде креста, вписанного в квадрат. Л. Н. Строков ошибочно относил данную посуду к славянской³. На городище Водяное выявлено некоторое количество привозной гончарной *салтовской* керамики, которая составляет около 1 % от всей массы остатков посуды. Это обломки гофрированных амфор крымского производства и фрагменты орнаментированной столовой посуды⁴.

Вышеприведенное описание *роменской* керамики является общепризнанным и усредненным. Однако, учитывая особенности освоения славянами Подонцовья, имеет смысл оговорить специфику местной керамики. Типологию и классификацию *роменской* ке-

¹ Там же. – С. 205.

² Там же. – С. 205.

³ Строков Л. Н. Коробові Хутори / Л. Н. Строков. – Х., 1971. – С. 6.

⁴ Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 263.

рамики (рис. 64) с городища Водяное разработали В. В. и Т. А. Колода. Ввиду недоступности этой публикации¹ для широкого круга исследователей, а также учитывая крайнюю важность результатов данной работы, приводим здесь данную типологию с незначительными сокращениями.

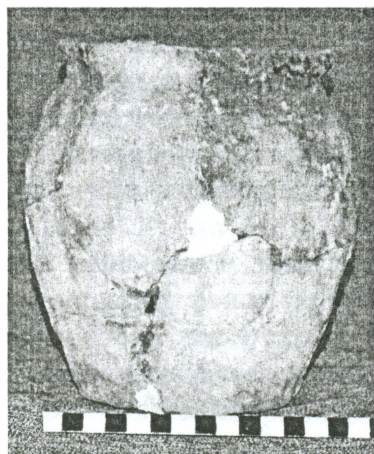

Рис. 64. Горшки роменской культуры с территории Змиевского района.

Горшки²

Эта категория посуды представлена двумя группами, каждая из которых разделяется на типы. Для первой из групп соотношение изделий различных типов приблизительно одинаково. Подавляю-

¹ То же. — С. 249–264.

² Там же. — С. 254–260.

щее большинство сосудов этой типологической группы (ГІ-Т1) – лепные (рис. 65; 68: 1; 70: 1, 2), но есть и изготовленные с использованием гончарного круга (рис. 68: 4). Изделия второго типа этой же группы горшков (ГІ-Т2) также преимущественно лепные (рис. 65; 68: 5; 70: 6) и, в меньшей степени, – гончарные. Среди горшков второй группы, несмотря на их общую малочисленность, также можно выделить два типа, которые представлены лишь лепными изделиями: ГІІ-Т1 (рис. 67: 3) и ГІІ-Т2 (рис. 67: 1, 2; 68: 2).

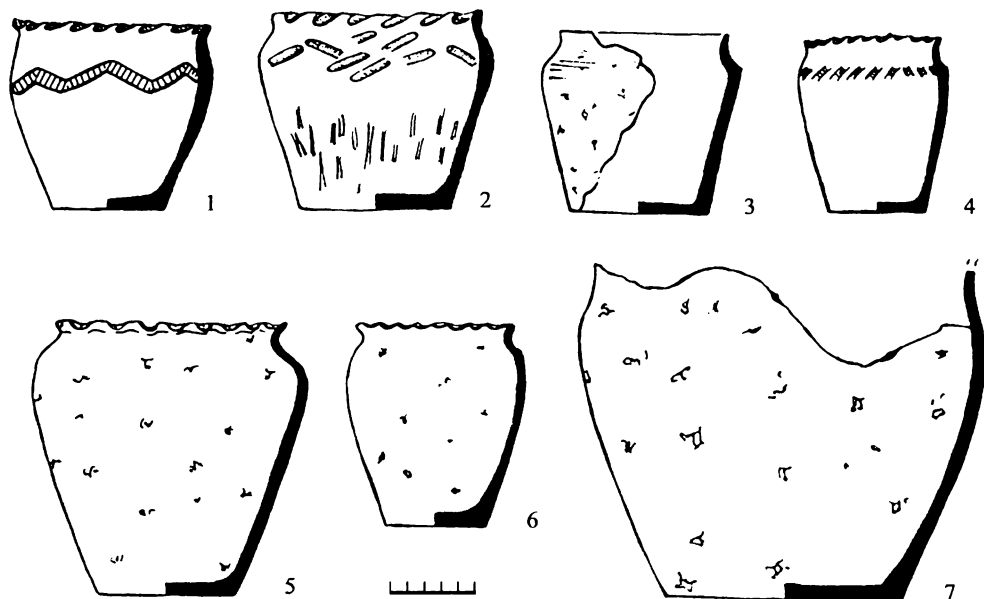

Рис. 65. Горшки роменской культуры первой группы первого типа, ГІ-Т1 (по В. В. и Т. А. Колоде).

Тесто горшков также не одинаково. В подавляющем большинстве оно лепное, со значительным количеством шамота различной величины, что проявляется как в лепных, так и гончарных сосудах. Однако заметны некоторые отличия в тесте у отдельных типов изделий. Крупный шамот (размерами граней от 0,5 до 1,0 см) характерен для рыхлого теста сосудов ГІ-Т1 и всех сосудов ГІІ. У последних тесто несколько плотнее, с явным добавлением песка (создатели посуды сознательно увеличивали долю отощителей для уменьшения усадки высоко вытянутых сосудов). Наличие шамота создавало бугристую поверхность, на которой нередко прослеживаются следы заглаживания травой. По словам В. В. и Т. А. Колоды, создается впечатление, что иногда их делали намеренно выразительными, придавая им характер орнамента (рис. 65: 2;

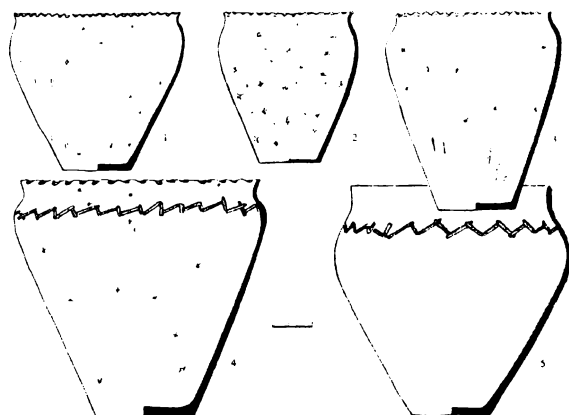

Рис. 66. Горшки роменской культуры первой группы второго типа, ГІ–Т2 (по В. В. и Т. А. Колоде).

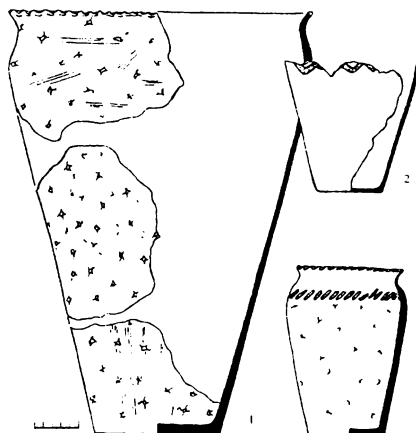

Рис. 67. Горшки роменской культуры второй группы, ГІІ (по В. В. и Т. А. Колоде).

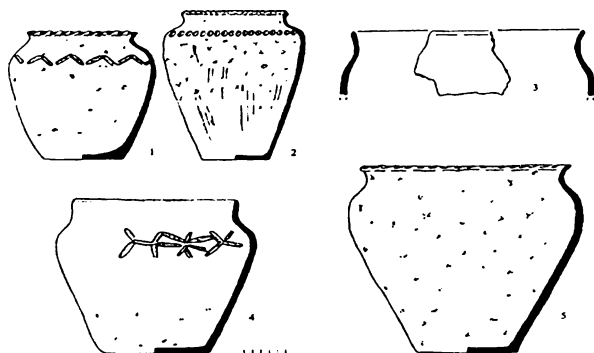

Рис. 68. Набор сосудов роменской культуры из комплекса № 10 городища Водяное.

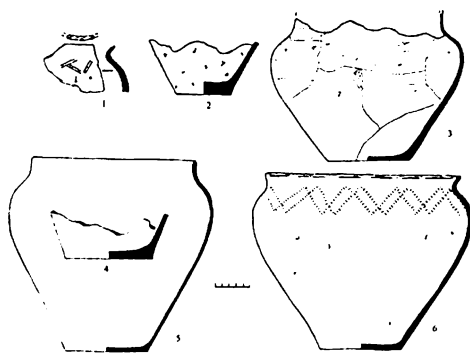

Рис. 69. Набор сосудов роменской культуры из комплекса № 13 городища Водяное.

67: 1; 68: 2). В одном случае величина фракций шамота превышала упомянутый показатель, что привело к значительному растрескиванию поверхности готового изделия. Исключительно редко в качестве примеси использовалась кварцевая дресва.

В отличие от вышеописанных, сосуды ГІ–Т2 имеют, как правило, мелкий шамот (0,3–0,5 см и меньше), иногда шамот полностью заменен песком. Тесто их более плотное, поверхность более гладкая и ровная, а толщина черепка явно тоньше, чем у остальных горшков. Большинство обломков гончарной роменской посуды изготовлены именно из такого теста. Однако, на внешней поверхности гончар-

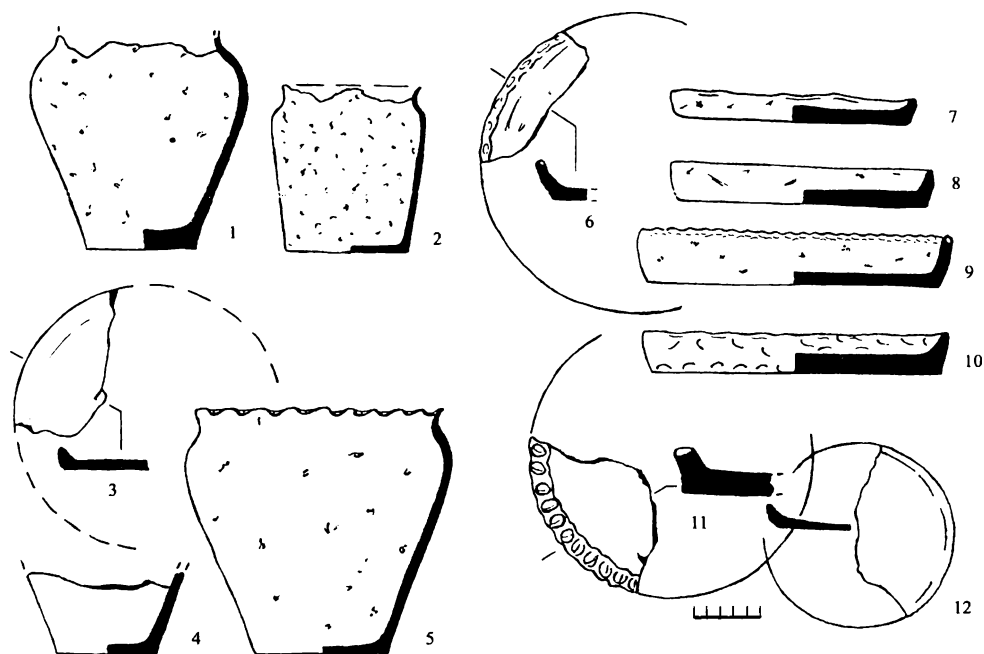

Рис. 70. Посуда роменской культуры с городища Водяное:

1-2 – набор сосудов из комплекса № 14; 3-5 – набор сосудов из комплекса № 17; 6-12 – ско-вородки из раскопа.

ных сосудов иногда видны нарочитые следы заглаживания пучком травы, которые ни чем иным, кроме как декором, назвать трудно. Еще в одном случае прослеживаются явные прочерченные горизонтальные линии (длиной 3–10 см) на внешней поверхности в верхней части сосуда (рис. 69: 3), что, вероятно, связано с использованием гончарного круга для формирования тела изделия. Эти линии – не что иное, как своеобразные «трассы», прочерченные мелкими фракциями шамота, которые присутствовали в традиционном для роменцев шамотированном тесте (здесь уместно сравнение с аналогичными следами на керамике в черняховской культуре).

Обжиг горшков нельзя назвать качественным. Цвет внешней поверхности сосудов ГІ и большинства изделий ГІ серо-коричневый, а изнутри и на изломе – черный. Все это свидетельствует об отсутствии специализированных гончарных горнов и о домашнем, печном или очажном обжиге сосудов при довольно низкой температуре (как правило, она не превышала 700–800°). Отдельные тонкостенные лепные горшки и подавляющее число гончарных фрагментов типологической группы ГІ-Т2 по степени обжига при-

ближаются к терракотовому цвету на своей внешней поверхности, а иногда и на внутренней, но на изломе они все равно не имеют сквозной пропеченности. Более качественный обжиг связан здесь не с использованием специальных ремесленных сооружений (горнов), а с более качественным тестом и, главное, с меньшей толщиной обжигаемого изделия.

В формировании тела горшков проявляется использование всех трех вариантов оформления их верхней части. Вариант «А» проявляется лишь в горшках первой группы. Он присутствует в ее вариантах ГІ-Т1-А в лепном (рис. 65: 14; 70: 1, 2) и гончарном (рис. 68: 3, 4) исполнении, а также в варианте ГІ-Т2-А – лепные (рис. 66: 3, 5) и гончарные (рис. 69: 3, 5) сосуды. Немало их представлено и в неполных формах горшков как лепных, так и изготовленных при помощи медленного примитивного гончарного круга (рис. 68: 3). Варианты «Б» и «В» использовались при создании обеих групп горшков, но лишь в лепном исполнении. К варианту ГІ-Т1-Б В. В. и Т. А. Колода уверенно относят несколько целых экземпляров (рис. 65: 5, 6; 68: 1), равно как и к вариантам ГІ-Т2-Б (рис. 66: 1, 2, 4; 68: 5; 69: 6; 70: 5) и ГІІ-Б (рис. 67: 1, 3). Кроме того, в раскопах городища Водяное найдено большое количество верхних частей лепных сосудов варианта «Б» (без отнесения к какой-либо группе или типу) – (рис. 69: 1). Вариант «В» самый малочисленный. К нему можно отнести горшок ГІ-Т1-В (рис. 65: 7) и верхнюю часть еще одного сосуда этой категории без определения группы и типа. Некоторые изделия этого круга затруднительно отнести к какому-либо варианту в связи с повреждением их верхней части.

Орнаментация горшков городища Водяное весьма традиционна для памятников *роменской культуры*. Это были пальцевые и палочные вдавления, а также разнообразные отпечатки веревочного (крайне редко – гребенчатого) штампа. Некоторые сосуды вообще не имели орнамента. В целом, по элементам орнамента и композиции водяновские сосуды выглядят значительно беднее известной орнаментальной палитры *роменской культуры*. Отличаются они по своим основным элементам и от орнаментации синхронных сосудов Поднепровья.

Как правило, орнаментации подвергались край венчика и плечико (верхняя часть тулова). Имеющиеся в распоряжении ученых данные свидетельствуют о нижеследующей орнаментации сосудов на городище Водяное. Для украшения края венчика чаще всего использовали косые отпечатки веревочного штампа или пальцевые вдавления, крайне редко использовались косые отпечатки окру-

глой палочки. Четверть сосудов (исключительно венчики варианта «А», преимущественно П-Т2 и гончарные) вообще не имели орнамента по краю венчика. Численно подавляющим элементом орнаментации плечика были оттиски веревочного («гусеничного») штампа в различных его комбинациях (о чем чуть ниже), что составляло 41,8 % от исследованных в данной работе. Технологически и формально к этой группе можно отнести сосуд, плечико и край венчика которого украшено оттисками редкого гребенчатого штампа (рис. 69: 6). Один из сосудов был украшен по плечику рядом пальцевых вдавлений, которые сочетались с аналогичными вдавлениями по краю венчика (рис. 68: 2). Более половины горшков (55,8 %) всех групп, типов и вариантов вообще не имели украшений на тулове, что говорит о преимущественно, утилитарном, а не эстетическом отношении к керамике. Орнаментальные композиции с использованием зубчатого штампа разнообразны: ряд косых параллельных линий (рис. 65: 4; 67: 3); различные варианты зубчатой ломаной линии (рис. 68: 1; 66: 4, 5; 67: 2; 68: 1; 69: 1, 6), ряды разнонаправленных косых отпечатков. По одному разу отмечены такие композиции из отпечатков штампа: косой крест, хаотичный рисунок и, (условно) «звездный ряд» (рис. 68: 4).

Край венчика в четверти случаев оставался без орнамента. Изредка он украшался вдавлениями округлой палочки. Однако, в качестве украшения края венчика господствовали пальцевые вдавления и косые отпечатки штампа, составляющие 30,2 % и 32,6 % соответственно.

Из полученных данных видно, что есть две устойчивые традиции в украшении сосудов жителями поселения Водяное. Наиболее популярен был горшок, в котором край венчика мог орнаментироваться пальцевыми или палочными вдавлениями, или оставаться неукрашенным. Несколько менее популярным был сосуд, в котором ряд косых или ломаная линия отпечатков штампа по плечику дополнялась, как правило, косыми отпечатками этого же штампа по отогнутому краю венчика. Иное сочетание орнаментации может считаться случайным или свидетельствовать о поиске мастерами новых возможностей для удовлетворения эстетических потребностей (своих или заказчика). Стоит обратить внимание на то, что немалая доля горшков (14 %) были абсолютно не орнаментированы.

Поливариантность использования горшков в быту раннесредневекового *роменского* населения Подонцовья объясняет их численное превосходство над остальными категориями посуды. Это доказывается как многочисленностью их групп, типов и вариантов, так и тем, что именно горшки, а не иные категории сосудов начали из-

готовавливать на гончарном круге, желая улучшить качество столь необходимых в быту изделий. Если принять во внимание, что гончарная керамика является более прогрессивной по сравнению с лепной, а любая механизация труда на стадии ее усвоения всегда изначально ведет к некоторому упрощению формы и сокращению орнаментации (усиление тенденции к стандартизации), то следует признать, что наиболее прогрессивными формами являются горшки ГІ-Т2-А. Именно они имеют более качественное тесто, наиболее простой в изготовлении вертикальный венчик без украшений и редкую орнаментацию тулова.

Наиболее простой в лепном изготовлении была банкообразная форма горшка ГІ-Т1. Увеличение личных потребностей населения решалось за счет увеличения параметров сосуда при сохранении общих пропорций (сохраняется тип) или наращиванием высоты (ГІІ). Эти сосуды имеют весьма архаичный вид, который сочетается с наиболее низкокачественным тестом и обжигом. Минимальные эстетические запросы к посуде удовлетворялись зигзагообразной формой верхней части и несложным традиционным орнаментом. В дальнейшем (в настоящий момент без уточнения хронологии), совершенствование и типологическое развитие горшечного производства шло параллельно по двум направлениям. Первое – это изменение формы горшка за счет уменьшения его дна (возможно, здесь сыграло свою роль наличие печей с отверстием для помещения сосудов сверху). Второе – повышение качества теста (уменьшение размеров шамота, замена его песком, более качественное вымешивание и пр.), что позволило уменьшить толщину стенок изделия и увеличить их пропекаемость во время обжига. Таким образом, появляются горшки ГІ-Т2 во всех его вариантах, без отказа от предыдущих групп и типов изделий (ГІ-Т1 и ГІІ). На последнем этапе существования *роменского* гончарного производства (конец X – начало XI вв.) происходят дальнейшие изменения. В связи с постепенным переходом к гончарному кругу, исходя не столько из опыта, сколько из необходимости освоения новых технологических традиций, мастера отдают предпочтение горшкам ГІ-Т2-А, в котором оба ранее обозначенных направления развития соединились с упрощенной формой вертикального венчика. Последний, в силу более высокого качества теста и обжига стал изготовливаться более высоким (до 5–6 см), увеличивая полезный объем горшка. Орнаментальные традиции в некоторой степени сохраняются, но увеличивается число неорнаментированных (рис. 68: 3; 69: 3, 4) и минимально орнаментированных сосудов (рис. 68: 4), а также появляются новые орнаментальные мотивы и композиции.

*Миски*¹

К этой категории посуды В. В. и Т. А. Колода относят изделия, у которых диаметр верхней части тулова (венчика, шейки, плечика) превышает высоту. На данном памятнике исследователям удалось уверенно выявить остатки лишь трех изделий этой категории (рис. 71), каждый из которых относится к отдельному типу. Вполне вероятно, что в реальности мисок было больше, но степень фрагментированности изделий по причине некачественного теста создавала значительные помехи для их выделения. Дополнительные трудности состояли и в определенном сходстве профилей венчиков мисок и горшков.

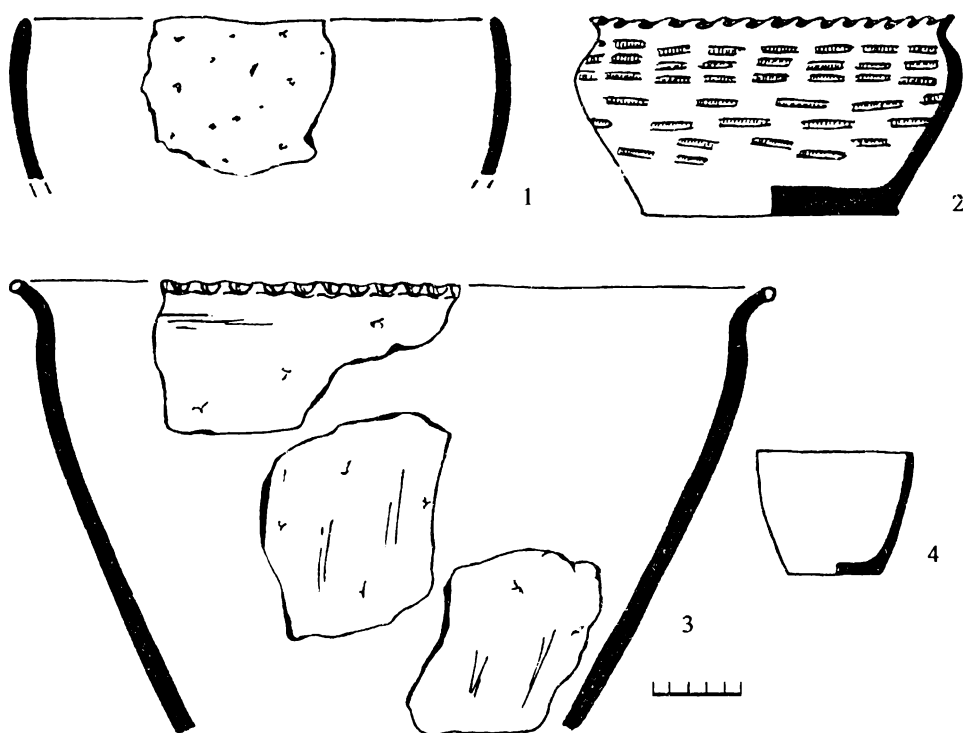

Рис. 71. Миски и солонка роменской культуры с городища Водяное.

В связи с малочисленностью анализируемых водяновских артефактов исследователи вынужденно видоизменили предложенную выше классификацию, не нарушая основного принципа. Если для выделения групп и типов горшков авторы классификации основывались на соотношении метрических данных высоты и диаметров (плечико, дно), то здесь это невозможно в связи с недостаточностью материала. Основой для выделения типа мисок В. В. и Т. А. Коло-

¹ Там же. — С. 260.

да предлагают использовать не взаимоотношение вышеупомянутых метрических показателей, а форму венчика, которую в отношении горшков применяли для выявления вариантов горшка. Таким образом, исследователи, пропуская две таксономические категории своей классификации, сохраняют ее общий принцип и соотношение в предлагаемой дискретной системе.

Первый тип мисок (Т1) характеризуется практически вертикальным, слегка согнутым внутрь венчиком с закругленным краем (рис. 71: 1). К сожалению, нижняя часть изделия не выявлена. Миски второго типа (Т2) имеют отогнутый наружу венчик, явны выраженную шейку и плечико, диаметр которого превышает диаметр венчика (рис. 71: 2). В целом, эта миска похожа на весьма приземистый горшок. Она украшена косыми отпечатками веревочного штампа по краю венчика и горизонтальными практически по всему тулову. Орнаментальная композиция последнего распадается на два яруса: на плечике эти отпечатки упорядочены в ряды (как по горизонтали, так и по вертикали), в нижней части тулова сохраняется лишь принцип горизонтального нанесения оттиска при мало упорядоченном общем рисунке. Еще один тип мисок (Т3) имеет явно коническую форму со слабопрофилированным венчиком и относительно большую высоту тела (рис. 71: 3). Единственный экземпляр украшен пальцевыми вдавлениями по отогнутому краю, в его нижней части видны следы явного вертикального заглаживания травой.

Глиняное тесто мисок рыхлое, плохо промешанное, оно имеет явные добавки среднего шамота (до 0,5 см). Все они изготовлены без использования гончарного круга. Обжиг некачественный. Внешняя поверхность изделий имеет серо-коричневый и темно-серый цвет. Изнутри и на изломе черепок черный. Полученные данные свидетельствуют о том, что миски у *роменского* населения городища Водяного не играли значительной роли в быту, а были вспомогательной категорией посуды. По своему происхождению они, скорее всего, связаны с горшками. Об этом свидетельствует сходный состав теста, степень обжига и формы венчиков.

Сковородки¹

Эта категория посуды имеет явно выраженные характеристики: широкое плоское дно и незначительный бортик по периметру (рис. 70: 3, 7–12). Они выявлены в несколько большем количестве, чем миски, что свидетельствует о большей потребности в них, как в специализированной категории посуды. Их диаметр различен:

¹ Там же. – С. 260–263.

от 14,5 до 24 см, как и толщина дна (0,7–1,5 см). Тесто сковородок хорошо вымешанное, плотное, но имеет некоторые отличия, позволяющие разделить эти изделия на две условные группы. Те изделия, у которых тонкое дно, практически не имели шамота, а в качестве остоителя глины здесь использовался речной песок (рис. 70: 3, 12). У большинства в тесте присутствовал средний шамот (0,3–0,5 см). В связи с тем, что отсутствие шамота и замена его песком, а также тонкостенность изделия являются характерной чертой гончарных горшков на данном памятнике, В. В. и Т. А. Колода допускают, что при изготовлении первой условной группы сковородок использовался примитивный гончарный круг. В пользу этого свидетельствует и отсутствие на них орнамента. Последний иногда встречается на шамотированных изделиях этой категории (рис. 70: 6, 9, 11). О явно ручном изготовлении толстостенных сковородок говорит и находка одной из них (рис. 70: 10); здесь на внешней поверхности видны явные следы работы пальцами при формировании тела изделия.

Особую категорию посуды на рассматриваемом памятнике представляет единственная солонка (название условное). Это небольшая по объему посуда баночной формы, не пригодная для использования в качестве тары или кухонного сосуда (рис. 71: 4). Его объем (0,2 л) слишком мал даже для одной порции пищи (0,5 л). Поэтому данный сосуд мог использоваться для чего-то особого: соль, иные специи, мед, лекарственный отвар и пр. Его трудно отнести к культовым предметам, так как в нем нет подобия реальному изделию¹.

В целом, проанализированная коллекция роменской посуды как по категориям и типам сосудов, так и по технологии их создания и орнаментации аналогична материалам с иных памятников этой культуры. На Водяном лишь отсутствуют глиняные лепные кувшины, которые в незначительном количестве известны на городище Новотроицкое. На сегодняшний день неизвестны факты находок такой категории посуды, как плошка-солонка с городища Водяное².

Среди глиняных изделий встречаются пряслица усеченно-биконической формы, реже – изготовленные из стенок гончарной салтовской посуды и амфор. Вместе с тем, на некоторых городищах в роменских слоях исследователи отмечают наличие шиферных пряслиц. Сюда же можно причислить «хлебцы», фигурки животных, свистульки и т. п. Так, например, в святилище Мохначанского городища была обнаружена глиняная фигурка сурка³.

¹ Там же. – С. 263.

² Там же. – С. 263.

³ Колода В. В. Житло із жертвником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 1. – С. 45.

§ 4.7. Предметы вооружения и снаряжения

Предметы вооружения и снаряжения населения *роменской культуры* составляют особую группу предметов из железа. Разнообразие видов вооружения соответствует стадии сложения у *роменцев* племенного союза и отражает наличие у них воинского сословия. Ибн-Даст, сообщая, что оружие славян «состоит из дротиков, щитов и копий; другого оружия не знают»¹, был, очевидно, недостаточно осведомлен в данном вопросе. По словам А. В. Комар и О. В. Сухобокова, «Довольно полно представить комплекс вооружения славян мы можем только на примере северян Битицы, где найдена сабля *салтовского* типа с наплывом вместо перекрестья, кистень, булава, небольшой железный щит, боевые топоры, наконечники стрел, копий и особенно много дротиков. Судя по находкам снаряжения коня, только часть северянских воинов были пешими, другую, очевидно, небольшую, часть, как и в аланском войске составляла легкая конница»².

Говоря о вооружении северян *роменского* периода, следует отметить, что до X в. прослеживается сильное влияние *салтовско-маяцкой культуры*, позднее появляются образцы оружия, схожие с вооружением дружинников Киевской Руси. Подобное влияние объясняется постепенным ослаблением Хазарии и ростом могущества Русского государства в данном регионе.

Наиболее многочисленны наконечники стрел (рис. 62: 1–4), типологическая схема которых разработана А. Ф. Медведевым. Наконечники стрел изготавливались из железа и предназначались для разового применения. Повышенная твердость наконечника достигалась за счет наклепа. Некоторые из них подвергались закалке. Почти все они черенковые, за исключением нескольких экземпляров втульчатых. Более распространены черенковые наконечники стрел, которые по характеру поперечного сечения пера делятся на плоские и граненные. Наконечники первого типа в разрезе имеют вид сильно сплющенного ромба или линзы. У наконечников второго типа граненное острие в сечении имеет форму плоского треугольника. Наиболее распространенными и простыми являются ромбические наконечники с расширением в средней и нижней частях пера³.

¹ З «Книги дорожочинних скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

² Зорин А. В. Русы и северяне. Из истории военного противостояния / А. В. Зорин // X legio. Боевая техника древности. – Режим доступа : http://www.xlegio.ru/armies/zorin/russ_war.htm. – Доступ 18. 06. 2008 г.

³ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 301.

Среди наконечников стрел отмечены находки трехлопастных образцов *салтовского* типа, а с конца X в. наблюдается появление стрел, характерных уже для Руси. Подобная смена приоритетов прослеживается в тот период и в иных видах вооружения. Влияние каганата слабеет, Русь же усиливает свою экспансию на Левобережье Днепра¹.

Сложный лук, о котором мы уже сказали выше, во второй главе, в IX–X вв. стал господствующей формой лука у всех восточнославянских племен. Лук и стрелы, по определению А. Ф. Медведева, были основным и важнейшим оружием дальнего боя. Почти все более или менее значительные битвы не обходились без лучников и начинались с перестрелки. Как правило, впереди войска и с флагов в походном порядке находились стрелки, вооруженные луками. Они охраняли войско от внезапного налета противника².

Клинковое оружие в ареале *роменской культуры* представлено редкими образцами мечей, сабель и палашей. Известен обломок меча, сабля раннего типа из *роменского* слоя Донецкого городища (ст. Карачевка, Октябрьский район г. Харькова)³. Клинок меча рейнского типа происходит с городища Хитцы, сабли и обломки сабельных клинков встречаются на городищах Битицком, Донецком, Новотроицком, а также на Гочевском курганном могильнике (Курская область, Россия). Хотя могильник и относится к более поздней эпохе XI–XII вв., тенденции, прослеживаемые в происходящем оттуда комплексе вооружения, явно уходят корнями в более ранний период хазарского влияния. Это, в первую очередь, относится к клинковому оружию (рис. 72)⁴.

Крайне редкие находки мечей на Днепровском Левобережье объясняются, помимо иных причин, еще и тем влиянием, что оказывали хазары на своих данников – славян, в том числе и в области вооружения. Для хазар же из клинкового оружия были характерны в первую очередь сабли и палаши. А. В. Комар и О. В. Сухобоков отмечают: «*Салтовские* клинки VIII–X вв. в литературе традиционно называются «саблями», хотя, безусловно, по своей конструкции и боевыми качествам они все еще ближе к палашам.

¹ Зорин А. В. Русы и северяне. Из истории военного противостояния / А. В. Зорин // X legio. Боевая техника древности. – Режим доступа : http://www.xlegio.ru/armies/zorin/russ_war.htm. – Доступ 18. 06. 2008 г.

² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 8.

³ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. – С. 308. Данный меч по классификации А. Н. Кирпичникова относится к типу Т-1 (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 24).

⁴ Зорин А. В. Русы и северяне. Из истории военного противостояния / А. В. Зорин // X legio. Боевая техника древности. – Режим доступа : http://www.xlegio.ru/armies/zorin/russ_war.htm. – Доступ 18. 06. 2008 г.

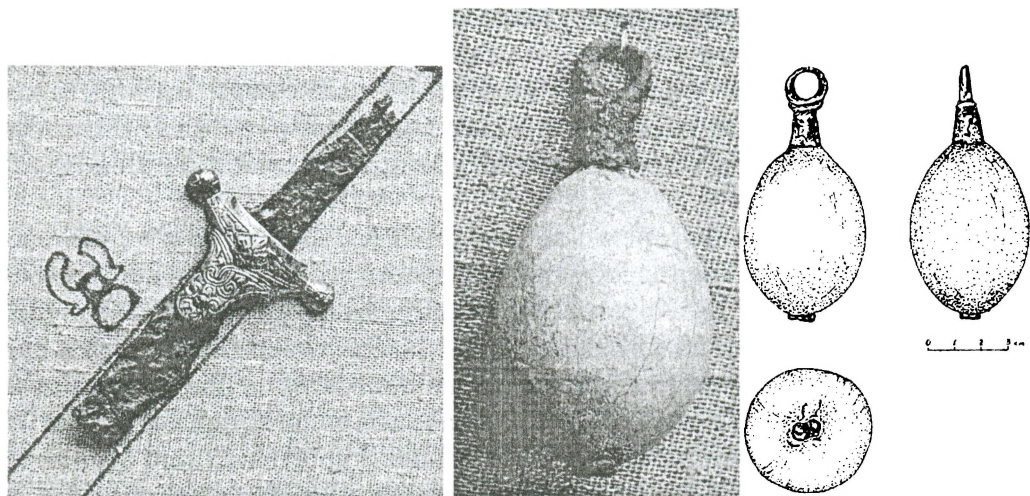

Рис. 72. Оружие роменской культуры из Гочевского курганного могильника (Россия):

Палаш из кургана № 1 (слева) и костяной кистень (справа) из раскопок Г. Ю. Стародубцева, 1994 г.

Единственным критерием отнесения их к саблям является кривизна лезвия, которая у большинства экземпляров едва заметна и лишь у некоторых достигает кривизны слабовыгнутых сабель. Возникновение палашей стало следствием поисков повышения эффективности клинкового оружия в условиях верхового боя. Применение лишь одной режущей поверхности делало первый шаг в этом направлении – уменьшало вес клинка, что автоматически повышало его маневренность»¹.

Сабли впервые появились в евразийских степях в VII–VIII вв. Как отмечает А. Н. Кирпичников, «сабля могла родиться только в среде воинов-всадников, действовавших на просторе; по своему назначению сабля – оружие маневренной конной борьбы»². Появление сабель в ареале распространения *роменской культуры* следует считать несомненным влиянием Хазарского каганата.

Среди предметов вооружения, встречаемых на северянских поселениях, следует отметить также кистени (рис. 72), булавы, наконечники копий и дротиков (рис. 56; 73). Железные наконечники копий представлены двумя экземплярами из Волынцевского и Билицкого поселений. На последнем обнаружены также наконечники черенковых дротиков листовидной формы (раскопки 1988 г.), булава (в 1989 г.), железный кистень (1988 г.)³.

¹ Там же.

² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 61.

³ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 295.

Рис. 73. Наконечник копья роменской культуры.

Найден среди остатков сгоревшей хозяйственной постройки на городище Люшинка (Львовский район, Курской области, Россия).

Особой, метательной, разновидностью копья была сулица. Различные виды сулиц (дротиков) были популярны в эпоху Великого переселения народов. Для бойца сулица служила вспомогательным оружием, ибо тактическое применение ее ограничено периодом сближения противников.

По поводу применения боевых топоров славянами А. Н. Кирпичников пишет, что хотя «письменные источники упоминают топоры в качестве боевого оружия славян с VIII в.», тем не менее, «кажется, что все разнообразие форм русских топоров создано в IX – X вв., в эпоху бурного развития материальной культуры страны»¹. В 2003 г. на городище Водяное был найден топор, относящийся к VIII типу древнерусских топоров по классификации А. Н. Кирпичникова (рис. 56). Такие топоры сочетали в себе черты орудия труда и оружия. Временем их бытования были X–XI вв.²

Особо следует отметить единичные экземпляры ножей, отличающихся от остальных большими размерами и утолщением на месте перехода лезвия к черенку или же наличием на одной стороне лезвия (ближе к спинке) узкой выемки – дола. Авторы раскопок относят такие ножи к боевым³. Несколько железных черешковых ножей разной степени сохранности были найдены на Водяновском городище (рис. 74)⁴.

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – С. 27, 28.

² Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун. – Х., 2004. – С. 9–10 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.

³ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 295.

⁴ Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун. – Х., 2004. – С. 9–10 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.

Рис. 74. Рукоятка ножа роменской культуры, Мохначанское городище.

Кистень — ударное оружие. По своему виду это гиря, соединенная с рукояткой цепью или кожаным ремешком. Древнейшие находки восточноевропейских кистеней связаны с кочевым Юго-Востоком. Они встречаются в Нижнем Поволжье и Подонье и датируются IV–IX вв.

А. Н. Кирпичников предположил, что к восточным славянам кистени проникли именно из этих областей¹. А. В. Зорин подтвердил данное предположение, уточнив, что к населению *роменской культуры* кистени пришли из Хазарии². Такой кистень использовался лишь всадниками. Применение кистеня в быстротечных конных схватках оправдано легкостью и подвижностью этого оружия. Ловкий и внезапный удар мог поразить или оглушить противника. Кистень, как и булава, был вспомогательным средством борьбы, к которому прибегали, когда нельзя было действовать основными видами оружия, — во время неожиданных столкновений и в рукопашных схватках.

Наиболее распространенный тип среди кистеней — костяные, яйцевидной формы, с железным стержнем внутри. Характерные экземпляры этого типа, изготовленные из лосиного рога, были найдены в погребениях Гочевского курганного могильника (Беловский район Курской области, Россия). Один из них обнаружен при раскопках Д. Я. Самоквасова (курган № 51), второй — экспедицией Г. Ю. Стародубцева (курган № 30). Следует отметить и тот факт, что оба костяных «кавалерийских» кистеня были встречены в курганах, содержащих женские погребения³.

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. — Вып. Е1-36. — М., 1966. — С. 59.

² Зорин А. В. Русы и северяне. Из истории военного противостояния / А. В. Зорин // X legio. Боевая техника древности. — Режим доступа: http://www.xlegio.ru/armies/zorin/russ_war.htm. — Доступ 18. 06. 2008 г.

³ Там же.

К защитному вооружению воина VIII–XI вв. относятся шлемы (рис. 75), кольчуги и щиты. По отзыву Прокопия Кесарийского, славяне VI в. еще не имели защитной одежды. Первые упоминания о доспехе относятся к началу VII в. А. Н. Кирпичников утверждает: «Распространение доспеха начинается с момента организации войска и государства»¹. А такой момент начал складываться у племен *роменской археологической культуры*, пребывавших на стадии создания племенного союза (см. об этом в § 4.13).

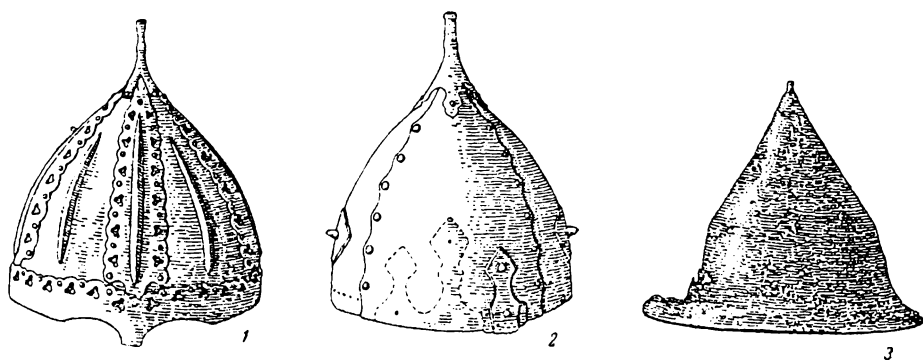

Рис. 75. Шлемы X–XI вв.:

1 – Гнёздово; 2 – Чернигов; 3 – Европейская Россия.

Первые отчетливые свидетельства об отечественных кольчугах относятся к начальной поре раннефеодальной государственности. Ибн-Русте, писавший в 903–913 гг., отмечает, что у славянского царя были «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги»².

Письменные источники подтверждаются данными археологии. Кольчуги на восточнославянской территории обнаруживаются довольно рано, а именно в погребениях VIII–IX вв. Например, в погребении у с. Волынцево в 1948 г. Д. Т. Березовцом был найден обрывок кольчуги, состоявший из 37 колец³. Однако в этом комплексе нет оружия, скорее всего, и часть кольчужной ткани представляет собой мужской заупокойный дар. В самих захоронениях кольчуга появляется лишь в X в⁴. Обрывки кольчуги в 70 колец найдены в захоронении у с. Волынцево. Остатки кольчуг выявлены также на городищах Титчиха и Битица⁵.

К более позднему времени (XI–XII вв.) относится кольчуга, найденная на Мохначанском городище (рис. 76). Обстоятельства

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1971. – С. 7

² Там же. – С. 7.

³ Там же. – С. 9, 80.

⁴ Там же. – С. 9, 80.

⁵ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 302.

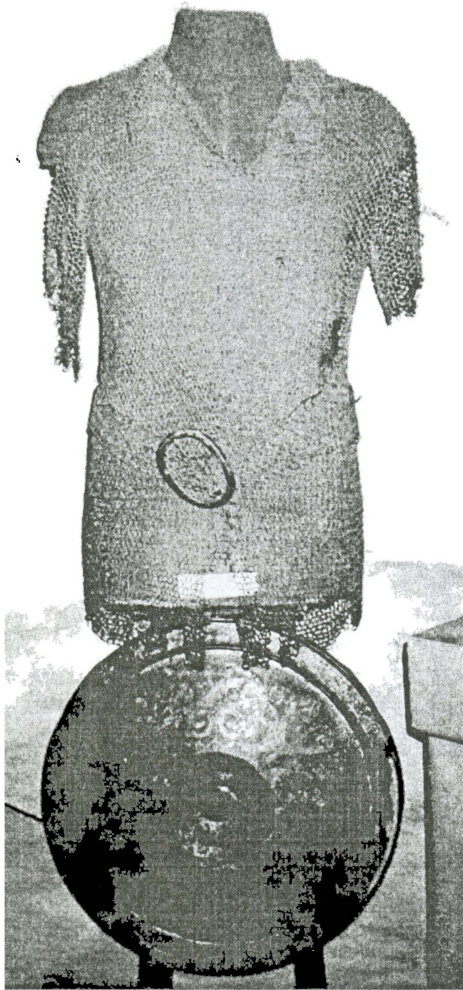

Рис. 76. Кольчуга и щит
XI–XII вв., с. Мохнач.

находки таковы. Как сообщает М. И. Саяный, в 1972 г. под с. Мохнач учеником местной школы И. Грошовым были обнаружены остатки русского воина, кольчуга, шлем и меч. Все это было передано в местную школу. В дальнейшем при неизвестных обстоятельствах шлем и меч пропали, а кольчугу забрал домой учитель истории А. Шемет, который через много лет передал ее в Змиевской краеведческий музей¹. В более ранней работе М. И. Саяный относит авторство находки другому лицу².

Обломок щита найден в Волынцево. Железный щит, найденный на Битицком городище в 1988 г., представляет собой круг диаметром 27 см и толщиной 1,2 см со штырьком в центре для крепления петли. Железный щит со следами серебрения найден на Мохначанском городище (рис. 76).

Снаряжение всадника и его коня представлено пряжками прямоугольной и дугообразной форм, удилами, стременами, шполами. На Битицком городище представлен почти полный набор предметов конской экипировки, за исключением деталей седел.

Относительно военной организации у носителей *роменской культуры* А. В. Григорьев говорит следующее: «В IX – первой половине XI в. предметы, связанные с военным делом, довольно равномерно распределяются по самым разным памятникам... Можно предположить, что значительная часть носителей *роменской культуры*... была вооружена. В то же время воины, вероятно, не были

Саяный М. І. Випадкові археологічні знахідки / М. І. Саяний // Вісті Зміївщини. – 2010. – 8 травня. – С. 2.

В книге «Зміївщина – Слобожанщини перлина» писалось, що кольчуга була «знайдена М. Гордієнком» (Саяний М. І. Зміївщина – Слобожанщини перлина / М. І. Саяний. – Х., 2009. – 13).

профессионалами и не составляли постоянного войска. Наиболее сложные виды их вооружения были импортными и поступали с территорий каганата, а на позднем этапе еще и со стороны Руси»¹.

§ 4.8. Торговля

Наличие развитого сельского хозяйства наряду с обособленными отраслями ремесла способствовали развитию внутреннего обмена, а также торговли.

Существование внешнеторговых связей подтверждается находками кладов восточных монет и предметов импорта, поступавших не только с территории Хазарского каганата, но и из весьма далеких стран. Осколки посуды, которую находят на *роменских* поселениях, говорят о том, что северяне вели обмен с аланскими племенами, которые жили поблизости. В обмен на хлеб, лен, а также кожу, меха, мед, воск и прочие продукты местного производства, жители славянских поселений получали от купцов украшения в виде ожерелий из стекла, сердолика и др. С юга привозили в амфорах вино или растительное масло.

Кроме того, ведение славянами активной торговли подтверждается письменными источниками. Неизвестный автор «Книги стран», составление которой относится к X в., сообщает: «Относительно славянских купцов, то они возят меха лисиц и меха выдр из отдаленнейших концов Славонии...»². Арабский купец, географ и историк Аль-Масуди, живший в 20–30-х гг. X в., сообщает, что между русами есть «купцы, которые имеют сношения с областью булгар»³. И далее: «Русы состоят из многих народов, которые разделяются на отдельные племена. Среди них есть племя Лудана, — наиболее многочисленное из них; они путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию, и Хазар»⁴.

О торговых связях славян с восточными странами (Хазарским каганатом, Арабским халифатом, Персией) свидетельствуют, кроме всего прочего, и монеты. О знакомстве славянского населения Змиевщины VIII–XI вв. с персидской монетой свидетельствует серебряная драхма, найденная в с. Гайдары. Драхма отчеканена на-

¹ Григорьев А. В. Северская земля в VIII–начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — С. 145.

² З «Книги країн» // Історія України в документах і матеріалах. — К., 1939. — Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. — С. 64.

³ З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Алі ібн-Хусейна (Аль-Масуди) // Історія України в документах і матеріалах. — К., 1939. — Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. — С. 67.

⁴ Там же. В дано́м тексті под Андалусією розуміється арабське державство в Іспанії, под Румією — Рим, под Кустантинією — Візантія, а под Хазаром — Хазарський каганат. — Прим. авт.

местником Табаристана (Иран) Омаром в 780 г.¹ На персидских драхмах изображались голова царя и жертвенник огню. В изображении жертвенника на монете отражена древняя религия персов – зороастризм, одним из признаков которой является поклонение огню. Зороастризм, быть может, проникал и в местную, славянскую среду, так как Аль-Масуди сообщает, что среди славян встречаются и огнепоклонники².

В кон. I тыс. н. э. у славян развиваются связи с арабскими странами. Результатом этого было проникновение в кон. VIII–X вв. в восточнославянские земли арабских дирхемов; они обнаружены в значительном количестве в виде отдельных находок и кладов. Распространение арабских монет на Дону, Северском Донце, Днепре, а также на Волге, Оке и в бассейне Волхова дает представление о направлениях торговых путей. В кон. VIII–X вв. Северский Донец был одним из самых оживленных торговых путей³. Например, на городище Мохнач в 2000 г. при исследовании жилища, относящегося к *роменской культуре*, был найден фрагмент серебряного арабского дирхема⁴. Хотя А. А. Тортика считает необходимым «пересмотреть распространенное представление о развитии т. н. «восточной торговли» в бассейне Северского Донца в VIII–X вв.»⁵.

§ 4.9. Погребальный обряд

Основным похоронным обрядом у *роменцев* было трупосожжение под курганом – это подтверждается данными летописей и археологии. Иногда встречается и обряд трупоположения. В «Повести временных лет», там, где речь идет о северянах, погребальный обряд описывается следующим образом: «И аще кто умрѣше, творѣху тризну надъ нимъ, и посемъ творѣху кладу велику, и възложатъ на кладу мертвѣца и сѣжнѣху, и посемъ, събравше кости, вложѣху въ <...> сосудъ малъ и поставѣху на столпѣ на пѣтехъ...»⁶. Летописец подчеркивает, что данный обычай

¹ Скирда В. В. Из глубины веков: К истории города Харькова / В. В. Скирда, Б. П. Зайцев, А. Ф. Парамонов. – Х., 2004. – С. 41.

² З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна (Аль-Масуди) // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 66.

³ Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000. – С. 387, 393.

⁴ Колода В. В. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2001. – С. 6 // НИЯЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

⁵ Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 110.

⁶ «А если кто умрѣт, то делают тризну над ним, и после этого делают погребальный костёр, и, положив на погребальный костёр мертвеца, сжигают. И после того, собрав кости, вкладывают в малый сосуд и ставят на столпы-домовины у дороги». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком)* / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 22/23.

языческий: «Он же обычан твораху и кривичи и прочїи поганїи, не вѣдоуще закона Божїа, но твораху сами себѣ законъ...»¹. Ибн-Даст в «Книге драгоценных сокровищ» (30-е гг. X в.) сообщает, что когда у славян кто-нибудь умирает, то женщины «царапают себе ножом руки и лицо», но уже «при сожжении покойников придаются буйному веселью, проявляя тем свою радость по поводу милости, сделанной ему [покойному] Богом»². Собираение праха и установка урны, согласно ибн-Дасту происходит на второй день после сожжения³. Арабский купец, географ и историк X в. Аль-Масуди уточняет, что славяне и русы «сжигают своих мертвецов с их скотом, оружием и украшениями» (рис. 77; 80)⁴.

Рис. 77. Поясной набор роменской культуры, Водяновское городище.

То буйное веселье и радость, о которых пишет ибн-Даст, в научной литературе называется тризной. Под тризной следует понимать ритуальные боевые игры, ристания, особые обряды, призванные отогнать смерть от оставшихся в живых. Словом *кѣда* у славян обозначался погребальный либо жертвенный костер, выложенный кругом. В древнерусских переводах греческих текстов словом *кѣда* передаются греческие слова *βαμός* – «горящий жертвенный алтарь», *πῦρ* – «огонь», *σφαῖρα* – «круг».

Летописный *столпъ (стѣлѣ)* представлял собой домовину – сооружение над могилой в виде небольшого домика, сторожки, ке-

¹ «эти же обычай совершают ... [как] и прочие язычники». Там же. – С. 22/23.

² З «Книги дорогоценныхъ скарбїв» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

³ Там же. – С. 69.

⁴ З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Алі ібн-Хусейна (Аль-Масуді) // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 67.

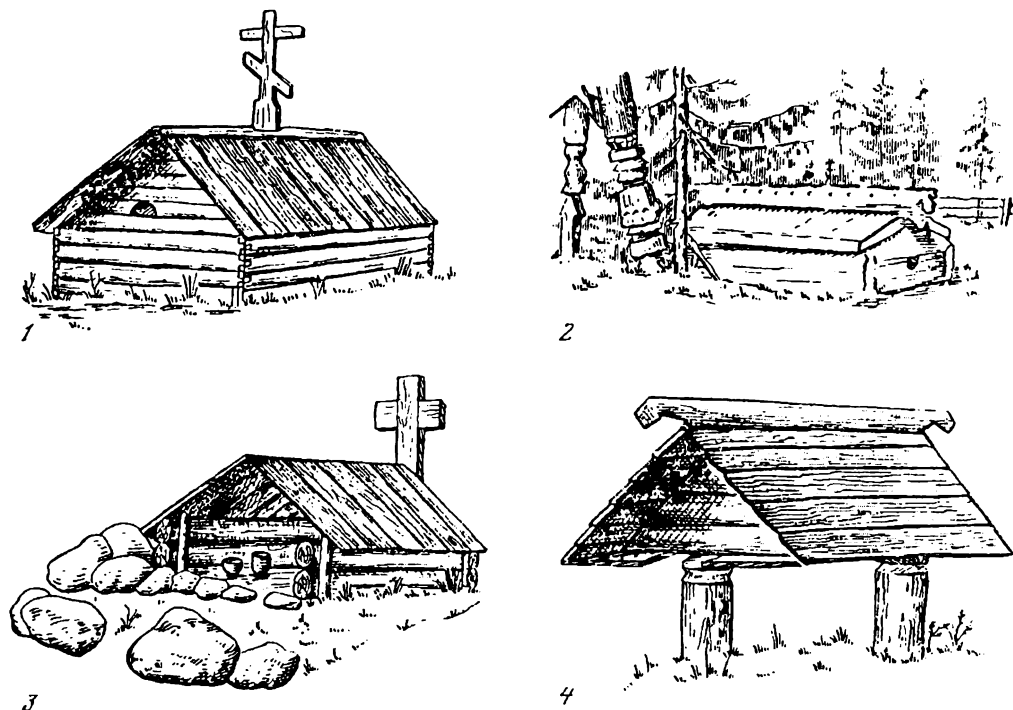

Рис. 78. Погребальные домовины (летописные «столпы»):

1 – Солотча (г. Рязань), 2 – Север; 3 – Карелия; 4 – Лехтинский район, хут. Рию-Варнка.

льи. Подобные домовины-столпы бытовали в России еще в XIX в. (рис. 78)¹.

Очень схожи с летописными столпами поморские голбцы. «Голбец – поморское деревянное надгробие, в виде «домика» с окошком и столбом с крышей и встроенной в него иконкой «выговского литья» (рис. 79). Вообще, обряд похорон у поморов существенно отличался от обрядов других восточнославянских этносов и, наверное, содержит в себе множество восточнославянских черт дохристианского периода. Так, по достижении тридцатилетнего возраста каждый помор делал себе гроб, который хранил обычно на повети или чердаке до самой смерти. Кроме того, полагалось шить себе саван (каждый шил его собственными руками). После смерти и «отпевания» гроб с покойником выносили из дома через поветьи «нижни вороцца» в хлеву (выносить через входную дверь было плохой приметой). На кладбище гроб несли на жердях <вероятно, отголосок погребальных саней. – Прим. авт.>. По пути на кладбище обязательно нужно было перенести гроб через ручей или речку

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 86–92.

<аналогия с рекой Стикс. – Прим. авт.>. На столе, где в избе лежал покойник, клали камень, который лежал сорок дней после похорон, после чего камень закапывали на улице перед домом. Посещая кладбище, родственники приносили к окошку в гробнице еду, окуривали могилы дымом (грели покойников), били глиняную посуду, оборачивали столбы голбцов полотенцами – все это отголоски дохристианских жертвоприношений у поморов»¹.

Рис. 79. Поморские голбцы (летописные «столпы»).

Письменные источники подтверждаются данными археологии. Еще Д. Я. Самоквасовым была открыта группа могильников с трупопожжением на стороне и лепными урнами, поставленными в верхней части и насыпи. Сами могильники имели вид полусферических насыпей высотой 1,5–3 м и диаметром 5–12 м. В верхнюю часть насыпи помещались лепные горшки с прахом сожженного на стороне и личными вещами умершего, со следами действия огня.

Погребальный обряд богатых и знатных славян несколько отличался от вышеописанного. Ибн-Фадлан сообщает: «... у богатого же они собирают его имущество и делят его на три части: треть дают семье, за треть кроят ему [погребальные] одеяния и за треть поку-

¹ Особенности культуры поморов // Официальный Сайт Общины Поморов. – Режим доступа : <http://pomorland.narod.ru/culture/>. – Доступ. 25. 09. 2008 г.

пают горячительный напиток, который они пьют в тот день, когда девушка его убивает себя и сжигается вместе со своим хозяином ... Когда же умирает у них повелитель, то семья его говорит девушкам и мальчикам: «кто из вас умрет с ним?» И кто-то из них говорит: «я». Когда он так сказал, то это уже обязательно для него, ему никак нельзя отказаться, и даже если бы он хотел, это не допускается; чаще делают это девушки»¹. Несколько иначе об этом говорит ибн-Даст: «если у покойного было три жены, и одна из них утверждает, что она [особенно] любила его, то приносит она к трупам два столба, и их забивают торчком в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посередине веревку, становятся на лавочку, и конец этой веревки [жена] завязывает вокруг своей шеи. Когда она так сделала, лавочку убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока задохнется и умрет, а после смерти ее бросают в огонь, где она и сгорает»². Аль-Масуди уточняет: «когда умирает мужчина, с ним сжигается его жена, а когда умирает ... холостой, то его женят после смерти. Женщины их хотят быть сожжены, чтобы войти с ними <т. е. с мужьями. – Прим. авт.> в рай»³.

В соответствии с культом предков, славяне поминали своих умерших сородичей. О поклонении умершим предкам говорит Аль-Масуди⁴. В «Книге драгоценных сокровищ» (30-е гг. X в.) ибн-Даст сообщает об этом более подробно. «Через год после смерти человека берут горшков двадцать меда, иногда немного больше, иногда немного меньше, и несут их на ту горку, где собирается семья покойного, едят, пьют и потом расходятся»⁵. Т. е. мы видим тот поминальный обряд, который, в общих чертах, сохранился у восточнославянских народов до наших дней.

Описанный погребальный обряд – трупосожжение под курганом – не является господствующим на всей территории распространения *роменской культуры*: известны и могильники с иным обрядом; при этом в одних и тех же могильниках сосуществует несколько обрядов (трупосожжение на стороне, на месте насыпи, трупоположение и т. д.). Вместе с тем, необходимо отметить существование и бескурганных погребений с захоронением остатков кремации в неглубоких ямках. Таковые известны на Северском Донце. Например, Б. А. Шрамко на Донецком городище в *роменском слое*

¹ З «записки» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада // *Історія України в документах і матеріалах.* – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 66.

² З «Книги дорожніх скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // *Історія України в документах і матеріалах.* – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

³ З «Промивальні Золота» Абуль-Хасана Алі ібн-Хусейна (Аль-Масуди) // *Історія України в документах і матеріалах.* – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 67.

⁴ Там же. – С. 66.

⁵ З «Книги дорожніх скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // *Історія України в документах і матеріалах.* – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

обнаружил одно бескурганное погребение в ямке, куда были ссыпаны пережженные кости вместе с углями погребального костра¹.

В IX–XI вв. происходит существенный перелом в религиозном сознании наших предков – они отказываются от сожжения и переходят к ингумации, к простому трупоположению. Хоронили покойников головой на запад. Смысл такого трупоположения был в том, что глаза умершего были обращены на восток, на восход солнца, т. е. при ожидаемом воскресении, погребенный увидит солнце в момент восхода. В качестве сопроводительного инвентаря (т. н. «милодаров») в могилу умершего клали оружие, украшения, пищу. Причины смены погребального обряда пока не выяснены. Исследователи лишь сходятся во мнении, что связывать данные изменения с введением христианства не следует, ибо захоронения IX–X вв. с ингумацией не соответствуют церковному канону².

§ 4.10. Этническое лицо носителей роменской культуры

На сегодняшний день достоверно установлено, что хронология и территория распространения *роменских* древностей четко совпадают со временем и зоной расселения восточнославянского племени северян. В «Повести временных лет» обычно употребляется термин *сѣверъ*, *сѣвере*. Лишь дважды – под 884 и 885 гг. – встречается написание *сѣверани*, *сѣверны* и под 1024 г. – *северани*³. А. А. Шахматов в реконструкции «Повести временных лет» счел необходимым под 884 и 885 гг. исправить названные термины на основное – *сѣверъ*.

Из летописей известно, что восточнославянские племена северян расселились по рекам Десне, Сейму и Суле. В русском летописании XVI – XVII вв. и украинских источниках XVII в. для обозначения обширной территории, прилегающей к Десне и Сейму, применяется термин *Сѣверъ* или *Сѣверъ* (равнозначно Северской земле). На картах России XVI–XVII вв. эта область обозначается как «Severia»⁴. Однако, как утверждает Б. А. Шрамко, «некоторые другие данные позволяют считать, что северяне довольно рано, по крайней мере с VIII в., жили в верхнем течении Псла, Ворсклы и Донца»⁵.

¹ Сухобоков О. В. *Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники)* / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 74.

² См. об этом: Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 111; Рыбаков Б. А. *Радзімічы* / Б. А. Рыбаков. – Мн., 1932. – С. 123; Богомилыч В. В. *Причины изменения погребального обряда радимичей* / В. В. Богомилыч // *Древности Белоруссии и Литвы*. – Мн., 1982.

³ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье* / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 197.

⁴ Там же. – С. 197.

⁵ Шрамко Б. А. *Древности Северского Донца* / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. – С. 293.

В 1947 г. Б. А. Рыбаков, сопоставив различные письменные источники и известные в то время археологические материалы, пришел к выводу, что северянские поселения охватывали на юго-востоке верхнее течение Ворсклы и Северского Донца. Позже, на основе анализа текста и карты 1154 г., составленных арабским географом Мохаммедом аль Идриси, Б. А. Рыбаков высказал предположение, что рекою Русией у Идриси назван Северский Донец, а страной Ниварией – область расселения северян¹. Вышесказанное является одним из аргументов того, что лесостепная часть бассейна Северского Донца входила в число территорий, которые в эпоху раннего средневековья были заселены славянами.

Можно предположить, что в сложении племенного союза северян принимали участие остатки иранского (сарматского) населения края, ибо объяснение этнонима *сѣверъ* по созвучию со стороной света, хотя и распространено в литературе, неубедительно. Наиболее авторитетным представляется иранский источник этого термина (*sēu-*, *sēw-* «чёрный»). В. В. Иванов и В. Н. Топоров полагают, что рассматриваемый этноним мог быть связан с индоиранским *saurya-*, имеющим различные пространственные значения². Это дает основание предполагать, что имя северян может быть увязано с племенами меланхленов («черных плащей»), описанными Геродотом³. По предположению В. В. Седова, *сѣверъ* первоначально имела племенная группа ираноязычного населения, обитавшая в Днепровском лесостепном Левобережье. Это население растворилось среди славян, которые и восприняли старый этноним⁴. Неясным является лишь время этого события.

Подобные заимствования иранской лексики были характерны не только для названий племен, но и для топонимов. В одной из своих работ мы уже высказывали гипотезу о том, что название города Змиева семантически может восходить к скифской эпохе⁵.

Помимо северян, носителей *роменской* археологической культуры, в VIII–X вв. на территории Змиевщины проживали представители еще нескольких этнокультурных общностей. В первую очередь, это носители *пеньковской культуры* (ср. рис. 33 и 80). В это же время здесь проживали племена алан, болгар и угров (венгров),

¹ См., напр.: Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. / Б. А. Рыбаков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. – 1952. – Т. XLIII. – С. 19.

² Иванов В. В. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. – К., 1980. – С. 29–32.

³ Геродот. История : IV. 20–21, 107.

⁴ Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. Восточные славяне в VI–XIII вв. – С. 138

⁵ Коловрат Ю. А. Змиево городище : Краткий краеведческий очерк / Ю. А. Коловрат. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Змиев, 2009. – С. 51–52

представленные салтово-маяцкой культурой (см. главу 6)¹.

Характерной особенностью Змиевщины было то, что соседство славян с аланами и болгарами проходило достаточно мирно. Как убедительно показал В. В. Колода, в соответствии с последними данными археологии, следует признать, что господствовавшая в дореволюционной и советской историографии «конфронтационная» теория отношений восточных славян и Руси с Хазарией, нуждается в значительной корректировке. На славянско-хазарском пограничье, каковым являлись берега Северского Донца, изначальное противостояние двух культур и двух миров перерастает в сосуществование, из которого позже возникает сотрудничество. Материалы таких памятников как Водяновское, Мохначанское, Коробовское и Верхнесалтовское городища, однозначно свидетельствуют о взаимопроникновении культур отдельных этносов и начале формирования синкретического по своему происхождению и культуре населению. Процесс формирования нового этноса был прерван дестабилизацией этнополитической обстановки, в результате вторжения на территорию Левобережной Лесостепи половецких орд².

Рис. 80. Украшения северянской женщины (по В. В. Седову).

Сравните височные кольца с аналогичными украшениями антской женщины (рис. 33).

§ 4.11. Быт, обычаи и культура северян

Быт, обычаи и культура северян, населявших лесостепную часть Змиевщины, отчасти описаны Нестором Летописцем: «Я Ра-

¹ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 44.

² Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 79–80.

димичи, и вятичи и Севере одинъ обычай имаху: живаху въ лѣсѣ, якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословие въ нихъ предъ отци и предъ снохамн, и браци не бываху въ нихъ, но игрища межн селы, и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся вѣстовыкыя пѣсни, и тоу ѹмыкаху жены собѣ, съ неимже кто свѣщевашеся»¹.

Данный пассаж летописца позволил А. Л. Шлёцеру и Н. М. Карамзину сделать неверный вывод о первоначальной дикости восточнославянских племен. Эта мысль активно поддерживалась в историографии царского и (по инерции) советского времени. Необходимо учитывать, что Нестор Летописец был христианином, а потому повествование его ангажировано религиозными воззрениями автора. Относительно «нечистой» еды можно предположить, что таковой Нестор считает скоромную пищу, употреблявшуюся во время поста. Возможно также, что северяне Змиевщины употребляли в пищу сурков, что подтверждается находками костей этого животного на Мохначанском городище². Впервые мысль о религиозной ангажированности летописца была высказана еще Д. Я. Самоквасовым³.

По описанию летописи можно сделать вывод, что, в отличие от полян, северяне сохранили свои языческие верования и этнические обычаи. Этот вывод подтверждается археологическими данными. Исследователями неоднократно отмечалась архаичность *роменской* и *боршевской культур*⁴. Обычно эту архаичность поясняют как результат угнетения указанных восточнославянских племен Хазарским каганатом. Однако следует согласиться с В. В. Колодой, который на материалах своих раскопок показал, что «изначальное противостояние славян и населения каганата перерастает в сосуществование, из которого постепенно возникает сотрудничество»⁵.

Языческие браки у восточных славян совершались у воды. Об этом свидетельствуют данные этнографии. В первой половине XIX в. у старообрядцев достаточно было свадебному поезду трижды объехать вокруг озера, чтобы считать брак свершенным. Сюда же следует отнести обычай обливать молодоженов водою после

¹ «А радимичи, и вятичи, и северяне имели одинаковые обычаи: жили в лесу, подобно зверям, ели всё нечистое, и [было] срамословие у них перед отцами, и перед снохами; и браков не бывало у них, но игрища между селами. И сходились на игрища, на пляски, и [на пение] всяких бесовских песен; и ту [девицу] умыкали себе в жены, с которой прежде сговорились; имеют же по две и по три жены». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка.* – К., 1990. – С. 20/21–22/23

² Колода В. В. Житло із жертівником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України.* – 2001. – Ч. 1. – С. 42–46.

³ Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам / Д. Я. Самоквасов. – М., 1908. – С. 94.

⁴ *Археология Украинской ССР: В 3 т.* – К., 1985. – Т. 3. – С. 212; *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. – С. 134.

⁵ Колода В. В. *Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця* / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України.* – 2005. – № 1–2. – С. 79.

венчания. Бытовал на Руси также обычай, когда жених и невеста клялись друг другу в супружеской верности возле колодца¹.

Поэтому архаичность *роменских* древностей и консерватизм древних обрядов и верований северян, на наш взгляд, напрямую не связаны с «хазарским гнетом», а имеют иную причину. Оживленный торговый путь, проходивший в это время вдоль Северского Донца, не вносил, тем не менее, в уклад жизни северян новые веяния. Христианизаторское влияние с Поднепровья в восточном ареале северян было слабым. Мусульманство восточных купцов и иудаизм Хазарии также не получили широкого распространения. Единственными, кто был близок *роменцам* по уровню духовной культуры, были язычники-аланы, с которыми у северян Змиевщины и возник своеобразный симбиоз. Отражением этого симбиоза можно, вероятно, считать Мохначанское святилище.

Вышеприведенный фрагмент «Повести временных лет» рассказывает о брачных обычаях различных племен Киевской Руси. То срамословие, о котором говорит летописец – это не примитивный мат. Думаем, что в данном контексте подразумеваются песни брачного, свадебного цикла. Эти песни носили достаточно натуралистичный эротический характер и потому кажутся христианину Нестору срамословием. Необходимо отметить, что подобные церемониальные песни, именуемые «соромницькими», сохранились на Украине вплоть до кон. XVIII – нач. XIX вв. Выдающийся украинский этнограф и антрополог Федор Волк (Ф. К. Волков) первым из этнографов приводит эти песни в своей работе «Студії з української етнографії та антропології».

Думаем, что именно такие песни Нестор и называет «срамословия ... *предъ отъци и предъ снохами*». Многие этнографы, изучавшие украинский фольклор, так же как и Нестор, считали подобные песни неприличием, о чем Федор Волк пишет: «Это вакхическо-эротическое настроение ... древние авторы ... старательно избегали в своих описаниях»².

Когда Нестор говорит об отсутствии свадеб у вятичей, северян и радимичей, то имеет в виду отсутствие христианского венчания. Свадьба, конечно же, была и заключалась, как пишет сам летописец, в умыкании невесты по предварительному сговору.

Целью многоженства всегда было как можно большее число детей, в которых заключалась экономическая мощь рода, его процветание. Поэтому славяне, при наличии соответствующих мате-

¹Остроумов Н. И. Свадебные обычаи в Древней Руси. Историко-этнографический очерк / Н. И. Остроумов. – Тула, 1905. – С. 10–12

²Волк Х. К. Студії з української етнографії та антропології / Х. К. Волк. – К., 1995. – С. 206.

риальных средств, обзаводились несколькими женами. Христианское ханжество летописца видит в многоженстве нечто, подобное современной «шведской семье», что, несомненно, не так. В Переяславском списке «Повести временных лет» рассказ об игрищах межн сел, по сравнению с Ипатьевским списком, более пространен. В частности, Переяславский список сообщает, что северяне, вятичи и радимичи «бращи не возлюбивши, но игрища межн сѣлъ, и тѣмъ слагахуся, ршщуще на плаганиа познаваху, которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣнїе имать, и отъ очного взоренїа, и отъ обнаженїа мышца и отъ прѣстѣ ршчныхъ показанїа, и отъ прѣстней даралаганїа на прѣсты чинамъ, тажъ потомъ целованїа съ лобзанїемъ и плоти съ сердцемъ, раждегшиа слагахуся, иныхъ поимавше, а другихъ, поругавше, мѣтаху на насмѣянїе до смерти. Имашутъ же и двѣ и по три жены»¹. Верно предположить, что у радимичей, вятичей и северян считалось нормой для женщин заключать брак после возникновения сексуальных отношений, ибо вряд ли какая-либо женщина хотела стать предметом насмешек. Вышесказанное является неоспоримым фактом высокой морали, присущей перечисленным восточнославянским племенам.

Свадебный обряд северян, сопровождавшийся хороводами (плаганными) и ритуальными языческими песнопениями, по видимому, был весьма красочным. Относительно плаганий и вѣтовыкыхъ пѣсней «Книга драгоценных сокровищ» ибн-Даста сообщает: «есть у них разные лютни, гусли и сопелки. Их сопелки два локтя длинной, лютня же их восьмиструнная» (рис. 81)². Прилагательное «вѣтовыкыа», употребленное в летописи, следует понимать как «языческие», так как для Церкви характерно приравнивание всех без исключения языческих Богов к силам зла: чертям, бесам, демонам.

Славист Л. Нидерле, исследуя вопрос о музыке славян, говорит следующее: «Ни один вид развлечения славяне не любили так, как песню, пляску и музыку. Еще и ныне славянин любит пение, он поет в радости, и в печали, во время работы и отдыха. Тысячелетия тому назад пели постоянно, вероятно, больше, чем теперь, на свадьбах и на похоронах, на общественных и семейных празднествах» (рис. 82)³.

¹ «Браков [христианских] не любили, но [практиковали] игрища между сѣлъ; во время танца становилось известно, какая женщина или девушка имеет плотское влечение к юношам; там взаимно дразнили друг друга чувства и сердце взглядами глаз, обнажением определённых частей тела, игрой пальцев, обменом перстней, объятьями и множественными поцелуями; после чего, разведшись, совокуплялись; иных [женщин] после этого брали [в жёны], а других, переспав с ними, бросали на насмешку до самой смерти. Имеют же по две, и по три жены...». Полное собрание русских летописей. — Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского. — М., 1851. — С. 3-4.

² «З «Книги дороговичнихъ скорбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. — К., 1939. — Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII-XIII ст. — С. 69.

³ Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. — М., 2000. — С. 446.

Рис. 81. Древнерусские музыканты и скоморохи.

О характере этих древних песен и плясок нам ничего не известно. По современным песням славян до сих пор не удалось создать представление об основах праславянской музыки. Нам не известна ни ее форма, ни тональность и такт, но, возможно, гармония тонов и минорная тональность современной народной музыки уже праславянские. Древние песни были чаще всего хоровые, но в отдельных случаях возникали уже первые любовные песни. Были ли в те древние времена у славян также свои героико-эпические песни, прославляющие князей и героев, достоверно не доказано. Одна-

Рис. 82. Праздничное женское убранство северянок (роменская археологическая культура). Реконструкция З. Васиной.

ко весьма вероятно, что на празднествах, в частности во время пиршеств на княжеском дворе, специальные певцы пели такие панегирические песни. К ним относился, по-видимому, и мифический Боян кон. XI – нач. XII в., о котором неоднократно упоминается в «Слове о полку Игореве» и который воспевал славу и печаль русской земли в боях с половцами, перебирая при этом струны лютни. Вообще же, русские былины и южнославянские эпические песни засвидетельствованы только в более поздние времена¹.

Но если мы так и не можем ничего сказать о характере славянских песен и плясок, то нам достаточно известны музыкальные инструменты, на которых играли славяне в X и XI вв. или которые им были, по крайней мере, известны. На празднествах, а также на свадьбах и похоронах обычным инструментальным аккомпанементом был оркестр из четырех инструментов, которые следует считать инструментальной основой славянской музыки: труба, свирель, бубен и гусли. Это была музыка – слав. *гудьба, гудьняк* – в подлинном смысле слова. Славянская литература XI и XII вв. подтверждает эту типичность характера славянской музыки целым рядом свидетельств ... В них неизменно встречаются упомянутые четыре основных инструмента².

Сказанное в данном параграфе полностью развенчивает миф о дикости восточнославянских племен. Наоборот – духовная культура северян, как видно из источников, была весьма яркой и богатой.

§ 4.12. Общественно-политическое развитие

Общественно-политическое развитие северян раскрывает структура их поселений. Изменились земельные отношения: патриархальные «малые» поселения *пражско-пеньковского* типа сменяются «большими» (с дворами, уличным планированием). Эти «большие» поселения можно отождествить с соседской общиной. Структура отдельного поселения VIII–X вв. свидетельствует о возникновении домохозяйств – «дворов» с закреплением за оными участками земли. В связи с этим Н. М. Кравченко, кажется ошибочно, утверждает, что «возникновение в это время укрепленных поселений – городищ – является свидетельством зарождения земельной собственности»³. Хотя городища, как таковые, известны и для более ранних времен.

¹ Там же. – С. 447–448.

² Там же. – С. 448.

³ Чмихов М. О. *Археологія та стародавня історія України : Курс лекцій / М. О. Чмихов, Н. М. Кравченко, І. Т. Черняков. – К., 1992. – С. 335.*

Роменские поселения северян VIII–X вв. отражают «вервь» или «мир» переходного периода от родовой общины к территориальной, выступающей позднее в качестве юридического субъекта «Русской Правды». Многочисленные клады, а также ювелирные изделия, явно изготовленные на заказ, говорят о том, что в обществе северян уже произошло значительное расслоение.

Многосторонний процесс распада родовых отношений приводил к упрочнению связей между «мирами», а укрепление власти общинной верхушки способствовало объединению общин в племена, племен – в союзы. На археологическом материале это подтверждается наличием гнезд *роменских* городищ, которые группировались вокруг одного, известного позднее в источниках как летописный город. Таковыми являются Воргол, Рыльск, Путивль, Курск, Донец¹. Семьи северян, по-видимому, были небольшими. В посудный набор малой семьи *роменцев* входило от двух до пяти горшков, иногда дополненные сковородой².

Небольшие племена со своими князьями, объединялись в союзы племен, которые летопись называет «княжениями», а лиц, которые их возглавляли, – князьями. Одним из таких союзов были летописные *славяны*, первые сведения о которых в недатированной части «Повести временных лет» академик Б. А. Рыбаков отнес к VI в³.

Однако не все исследователи поддерживают гипотезу о сложении у северян одного племенного союза. В частности, В. В. Приймак на основе пространственного анализа, учета особенностей материальной культуры и свидетельств письменных источников обосновывает подразделение *роменской культуры* на три группы – западных северян (Подесенье), сеймичей (бассейн р. Сейм) и восточных северян (бассейны Северского Донца, Ворсклы, Псла, Сулы). Исследователь предполагает, что на территории расселения северян возникло три племенных союза. Центром западносеверянского княжения он предполагает Радичевский археологический комплекс, сеймичевского – Курск. Относительно восточных северян, В. В. Приймак говорит нижеследующее. «...»столицы", которая превосходила бы по своим масштабам каждый из региональных центров (очевидно, малых племен), выделить не удастся. Учитывая это обстоятельство, можно допустить, что у восточных северян племенной союз или не сложился по каким-либо внутренним причинам, или, что вероятнее, сначала Хазарский каганат, а потом «Русская земля»

¹ Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 47.

² Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 264.

³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь : Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. – М., 1963. – С. 219–236

стремились не допустить его образования и по этой причине целенаправленно мешали объективному процессу его организационного завершения»¹. Исследователь предполагает в качестве административного центра восточных северян Хорошевское городище, где концентрировалась и перераспределялась северянская дань, взимаемая хазарами. Позднее эта роль перешла к Переяславу.

Змиевские городища и селища *роменской культуры* располагались на юго-западной границе славянского мира в пределах контактной зоны с населением Хазарского каганата. Заселение бассейна Северского Донца было опасным и рискованным предприятием. Поэтому переселение северян в наш регион не было планомерным и организованным. В. В. Колода предполагает, что в Подонцовье переселялись не цельными родовыми общинами, а скорее всего, переселенцами были выходцы из различных *роменских* общин. По мнению исследователя, этот факт обусловил формирование на городище Водяное соседской, а не родовой общины, что и зафиксировано в особенностях местного домостроительства северян². А коль скоро так, то мы вправе сделать вывод, что общественное развитие северян в бассейне Северского Донца было более прогрессивным, нежели в других областях расселения их.

§ 4.13. Трансформация *роменской культуры*

Трансформация *роменской культуры* происходила на протяжении X–XI вв., т. е. в позднем периоде ее развития. Возникнув в результате непрерывного развития местного населения, *роменская культура* явилась прямым продолжением раннеславянских *позд-незарубинецкой, киевской, пеньковской и волынцевской культур*. Памятники *роменской культуры* хронологически и генетически увязываются с древностями эпохи сложения Русского государства. Северяне, вместе с другими славянскими племенами консолидируются в относительно единое этническое образование – возникает древнерусская народность³.

Считается,¹ что присоединение северян к Киевскому государству было добровольным. В «Археологии Украинской ССР» говорится: «ни письменные, ни археологические источники не дают оснований говорить о каких-то военных столкновениях между

¹ Приймак В. В. *Регіональні особливості роменської культури* / В. В. Приймак // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 1999. – Ч. 1. – С. 11, 17.

² Колода В. В. *Жилища роменського городища Водяное* / В. В. Колода // *Проблеми історії і археології України. Матеріали VIII Міжнародної научної конференції 9–10 листопада 2012 року*. – Х., 2012. – С. 69.

³ Толочко П. П. *Чи існувала давньоруська народність* / П. П. Толочко // *Археологія*. – 1991. – № 3. – С. 56.

ними. Сообщение летописи о походе князя Святослава на северян следует, и это очевидно, рассматривать как демонстрацию военной мощи Русской державы, что и вызвало отпадение их от Хазарского каганата и присоединение к другим восточнославянским племенам, объединявшимся вокруг киевского политического центра Руси»¹. Отметим, однако, что отношения русов (т. е. варягов и полян, основавших Киевскую Русь) и славян не могут рассматриваться так однозначно. Например, ибн-Даст, который в своей «Книге драгоценных сокровищ» четко различает славян и русов, пишет о последних следующее: «Они имеют царя, который называется хакан-Рус. Они совершают набеги на славян, подплывают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их [славян] в полон, отвозят в Хазарию и Булгарию и продают там»². Л. Н. Гумилев высказал предположение, что «богатая и воинственная Северская земля была независима от Киева»³. По мнению В. В. Колоды, к моменту похода князя Святослава на Хазарский каганат северяне сами преодолели зависимость от хазар, о чем свидетельствуют черты *роменской культуры*, в сравнении с *волынцевскими*⁴.

Процесс интеграции *роменской культуры* с *древнерусской культурой* Киевской Руси был достаточно продолжительным (рис. 83). Например, на Змиевщине своеобразные *роменские* черты могильников и поселений сохранялись вплоть до XI в.

Населенные племенами северян, земли Змиевщины были надежным заслоном, ограждавшим от нападения кочевников на территорию Русской державы. Только ценой кровопролитной борьбы и гибели большинства *роменских* городищ, печенеги, а позднее и половцы, получили доступ в Киевское Поднепровье.

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 212

² З «Книги дорогоцінних скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 70.

³ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь /Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 282.

⁴ Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 79.

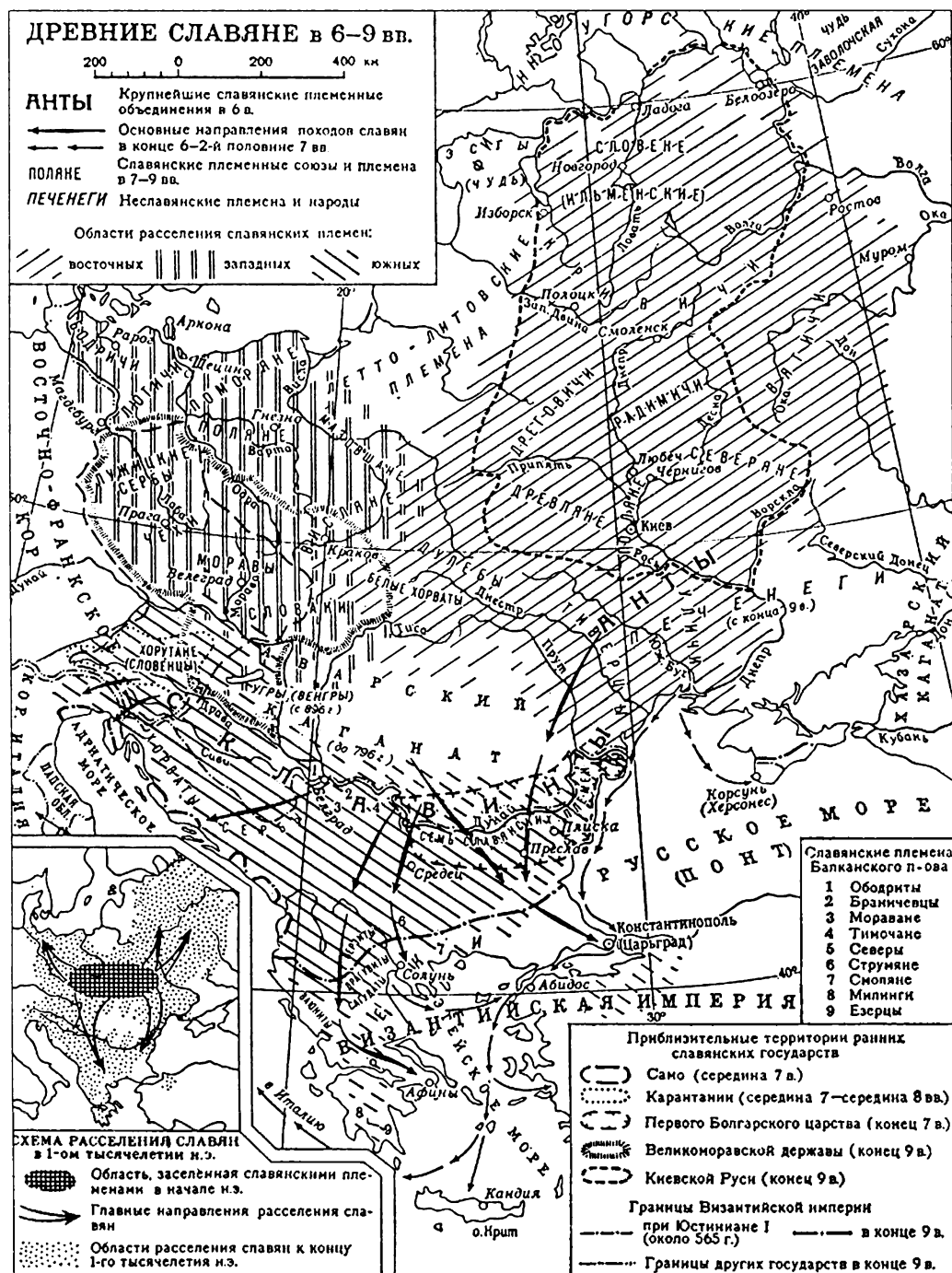
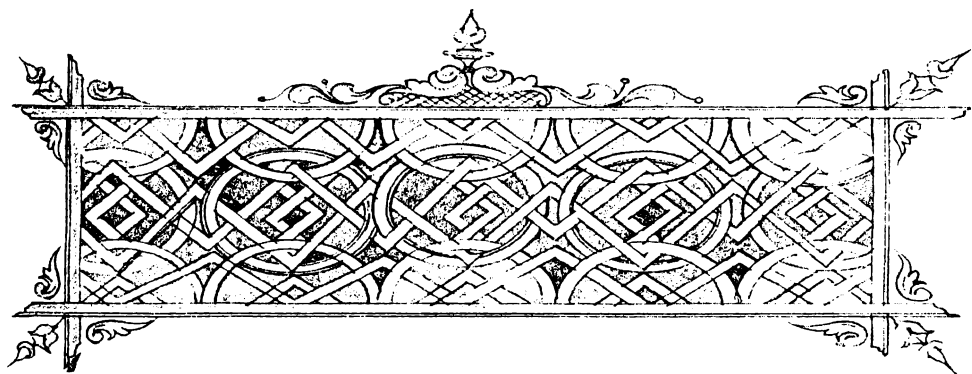

Рис. 83. Этнополитическая схема. Славяне в VI—IX вв.

Мифология восточных славян в период раннего средневековья (с привлечением материалов раскопок в бассейне Северского Донца)

Роль язычества в жизни восточных славян. – Общие заметки о мифологических воззрениях славян. – Сакральные захоронения и остатки закладных жертв в Подонцове. – Магические предметы: астрагалы и клыки. – Обереги. – Святилища и храмы восточных славян. – Жрецы и жертвоприношения. – Славянские Боги. – Мифологические персонажи (прибоги). – Летоисчисление и праздники восточных славян.

§ 5.1. Роль язычества в жизни восточных славян

О славянах Аль-Масуди сообщает: «Славяне делятся на много народов; некоторые из них христиане, между ними есть также язычники, так же как и солнцепоклонники. Большая часть их племен – язычники, которые сжигают своих мертвецов и поклоняются им. Они имеют много городов, также церкви, где вешают колокола, в которые бьют молотом подобно тому, как

у нас христиане бьют деревянной колотушкой по доске»¹. Примечательна характеристика, данная мусульманином Аль-Масуди язычеству. Он пишет, что в столице Хазарии, Итиле, «было семь судей: двое из них для мусульман, двое для хазар – эти судят по закону Торы, двое для тамошних христиан – эти судят по закону Евангелия, один же из них для славян, русов и других язычников, – он судит по законам язычества, то есть по закону разума»².

Первые письменные сведения о достоверно славянской религии относятся к началу раннего средневековья. Прокопий Кесарийский сообщает о верованиях антов следующее: «Они считают, что один только Бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным либо болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести Богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки и нимф, и всякие другие Божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания»³.

Относительно того, кого из верховных славянских Богов Прокопий Кесарийский называл «единым», общего мнения нет. Б. А. Рыбаков указывал, что теоним Род является однокоренным со словом *родия* – «шаровая молния», поэтому Рода можно считать «творцом молний»⁴. А поскольку Род является Творцом земного и высшего миров, прародителем Богов и людей, то вполне может быть, что именно он и являлся «владыкой над всеми». По мнению других исследователей, М. С. Грушевского, в частности, в «едином Боге» следует усматривать непосредственного Отца Богов – Сварога. Он не был «творцом молний», однако, как воплощение космического огня, может быть к ним причастен. Летописи сообщают, что во времена царствования Сварога «*спадша кльщѣ съ небесѣ, нача ковати оружъж...*»⁵. Славянская мифология подтверждает это преданием о том, что Сварог научил людей обрабатывать металлы. Данный

¹ З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна (Аль-Масуди) // *Історія України в документах і матеріалах.* – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 66–67.

² Там же. – С. 67.

³ Прокопій. *Слов'яни* / Прокопій // *Історія України в документах і матеріалах.* – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 30.

⁴ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 248–249.

⁵ «упали с неба клещи, [люди] начали ковать оружие». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком)* / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 464/465.

фрагмент летописи позволяет предположить, что мифологическая эра Сварога может соответствовать исторической эпохе энеолита и бронзового века. Род предшествовал Сварогу – возникновение его культа нужно относить ко временам неолита. В то же время русские летописи называют верховным Богом Киевской Руси Перуна. Таким образом, роль «владыки над всеми» в антский период отводилась, скорее всего, Перуну. Этого же мнения придерживается Ю. В. Павленко¹.

Без сомнения, определяющим фактором в идеологии славянства было язычество. Все остальные проявления духовной культуры, а также зависимые от нее элементы материальной культуры и искусства во многом были определены языческим мировоззрением.

Учитывая многочисленность трактовок самого термина *язычество*, определимся – в настоящей работе под язычеством мы будем подразумевать восточнославянское многобожие, т. е. комплекс дохристианских верований, распространенных в относительно однородной этнической среде.

Язычество восточных славян, насколько оно известно современной науке, во многом соответствует реконструкции общеиндоевропейской мифологической системы. К началу раннего средневековья языческие воззрения славян прошли долгий путь развития: от примитивных анималистических и тотемистических верований к развитому пантеону с красочной и многогранной обрядностью.

По словам Б. А. Рыбакова, главным, первенствующим в религиозных действиях древнего славянина-земледельца было обращение к Природе, к макрокосму во всех его проявлениях, так как именно от этого зависело его существование². При этом, не следует обращение язычников к природе считать лишь слепым поклонением ее силам. «Создалась очень пустая и бессодержательная формула: «славяне обожествляли природу и верили в леших, русалок, водяных и домовых»...»³. Скорее верно следующее: в явлениях живой и неживой природы (в творении) язычники видели эманацию, проявление Бога (Творца).

Приступая к рассмотрению мифологии восточных славян, следует отметить некоторые моменты. В отличие от целостных мифологических систем Древней Эллады или Индии, мифология которых сохранилась в почти полном виде, наши знания о мифологии славян крайне фрагментарны. Поэтому основным методом в из-

¹ Павленко Ю. В. *Историчний розвиток слов'янського пантеону* / Ю. В. Павленко // *Старожитності Русі-України* : Зб. наук. ст. – К., 1994. – С. 178.

² Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 133.

³ Рыбаков Б. А. *Русалии и бог Симаргл-Перепплут* / Б. А. Рыбаков // *Советская археология*. – 1967. – № 2. – С. 91.

учении религии, культов и духовной культуры славян является сопоставление данных сравнительно-исторической мифологии, этнографии, археологии и письменных свидетельств современников, а также волшебных сказок, в которых в упрощенной форме переданы древние мифы.

§ 5.2. Общие заметки о мифологических воззрениях славян

В свете достижений истории, этнографии и сравнительно-исторической мифологии мы можем утверждать о том, что мифологические представления славян о мироустройстве соответствуют, в целом, воззрениям других индоевропейских народов: индийцев, германцев, греков и др.

В соответствии с общеиндоевропейскими представлениями, в центре мира находится Мировая гора, на вершине которой произрастает Мировое дерево. Подобная картина мира славян прочно закрепилась в классической формуле магических заговоров:

«На морѣ, на океанѣ,
На островѣ, на Буяниѣ
Стоитъ гора.
На той горѣ лежитъ
Кѣль-горичъ Ялатырь-камень
На томъ камнѣ дѣвъ стоитъ ...».

Как убедительно показали в своей работе В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе, в мифологии индоевропейцев части Мирового дерева четко соотносятся с частями мироздания: крона – Вышний мир Богов, Небеса; ствол – Срединный мир людей и животных; корни – хтонический, подводно-подземный мир¹. В соответствии с трехчастной структурой мира, было устроено общество древних индоевропейцев и средневековых славян: волхвы (жрецы и хранители знаний), воины во главе с князьями и общинники. Впервые трехчастность индоевропейских обществ раскрыл французский исследователь Ж. Дюмезиль². По трем уровням бытия распределялись Боги и их священные животные³.

¹ Гамкрелидзе Т. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры* : В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси, 1984. – Ч. 2. – С. 490.

² Дюмезиль Ж. *Верховные Боги индоевропейцев* / Ж. Дюмезиль. – М., 1986

³ Гамкрелидзе Т. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры* : В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси, 1984. – Ч. 2. – С. 489–500.

Можем предполагать, что славяне обладали весьма древней (восходящей, по-видимому, к общеевропейским временам) и развитой системой представлений о загробной жизни. В соответствии со славянской мифологией, после смерти души праведников отправляются в ирий (рай). Судя по данным сравнительно-исторического языкознания, ирий в мифологии индоевропейских народов – это пастбище душ, где предводительствует Бог Велес. Сравните, с одной стороны: хетт. *wellu* – «луг», др.-греч. (ῥ)ἡλύσιος λεϊών «(в)елисейские поля» (потусторонний мир, где по представлениям древних греков пребывали души умерших), др.-исл. *valhöll* «вальхалла», лит. *vėlė* «душа умершего», лтш. *veļu laiks* «день поминовения предков», тох. А *walu* «мертвый», лув. *Ulant* – «мертвый», др.-англ. *wæl* «оставшийся на поле боя труп». С другой стороны, имя Бога: слав. *Вѣлесъ*, лит. *Velnias*, *Vielona*, лтш. *Velns*, *Vels*, др.-инд. *Vṛtrá*, *Valá*, *Váruṇa*¹.

По всей видимости, у славян был и второй, более высокий рай – Сварга. Само слово *Сварга* этимологически связано со Сваргом – отцом Богов². И Сварог, и сварга – явное наследие тесного общения праславянской и индоиранской ветвей индоевропейской культурно-исторической языковой общности³. В древнеиндийской (ведической) мифологии Сварга – это местопребывание чертогов Бога Громовника – Индры (славянское его имя – Перун). Во Сваргу попадают только души героев или души воинов, павших в бою⁴.

Души грешников после смерти попадают в пекло. Отметим, что языческое пекло существенным образом отличается от иудейско-христианского ада. Господствует в пекле Бог Пек (Пекун, Пекленец), которого в этой роли в фольклоре часто подменяют Чернобог (Чёрт) или Кощей Бессмертный. В пекле грешники пребывают не вечно, а столько, сколько необходимо для очищения души от грехов. Пек очищает душу огнем и выбивает из нее грехи молотом на наковальне. В этой связи напомним, что еще А. Н. Афанасьев сравнивал римского Вулкана и греческого Гефеста с Чернобогом⁵. Такое представление об очистительной силе огня было весьма распространено на Руси еще долго после крещения (старообрядцы, спасавшиеся от преследования официальных властей, сжигались

¹ Иванов В. В. *Индоевропейская мифология* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 530.

² Багдасаров Р. В. *Мистика огненного креста* / Р. В. Багдасаров. – Изд. 3-е, доп. и исп. – М., 2005. – С. 36; Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002. – С. 457–458.

³ Дудко Д. М. *Иранские элементы в славянском язычестве (история изучения)* / Д. М. Дудко // *Археология Славянского Юго-Востока*. – Воронеж, 1991. – С. 5–6.

⁴ Гринцер П. А. *Сварга* / П. А. Гринцер // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 419–420.

⁵ Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов* : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 3. – С. 3.

с целью скорейшего попадания в Царство Небесное). По поверьям западных славян, очищенная в пекельном огне душа в виде искры вылетала на волю, где ее подхватывала Богиня Жива и вкладывала в живот беременной женщине¹. Учитывая, что такие же представления свойственны и древнеиндийской (ведической) мифологии, можно предполагать общиндоевропейские корни идеи реинкарнации, т. е. религиозно-философского учения о циклическом перевоплощении души. После смерти душа, недостаточно чистая для того, чтобы попасть в рай, и недостаточно грешная, чтобы попасть в преисподнюю, вновь воплощается на земле в теле какого-либо живого существа.

Славянская космогония состоит из двух мифов. В одном из них говорится о сотворении мира из тела великана-первобога. Во втором мифе мир творят два Творца-демиурга.

Миф о творении Богами мира или его элементов из тела великана-первобога следует признать общиндоевропейским. Сравните древнеиндийский миф о Пуруше² и скандинавский миф об Имире³. У славян этот мотив нашел отражение в Голубиной книге. В ней, в частности, говорится что, Род или Дажьбог создает мир из частей своего тела:

Свет – из духа (лица, очей, сердца);

Солнце – из лица (груди);

Месяц – из груди;

Звезды – из риз (очей, речей);

Зори – из очей (риз, солнца);

Ночи – из дум (волос, сапог);

Росу – из слёз;

Ветры – из духа (дыхания, кровей);

Громы – из речей (глаголов);

Дождь – из слёз (мыслей)⁴.

Второй славянский миф о творении мира зафиксирован многочисленными этнографическими сборами в Украине, Белоруссии и России. Здесь представлены два Творца-демиурга: собственно Бог и его антипод – Бес. В соответствии с данным мифом, изначально в полной пустоте существовало хрустальное мировое яйцо, внутри которого в тумане спал Бог. По прошествии времени туман рассеялся, влага осела вниз, а воздух поднялся вверх. Так образовались воздушное пространство и мировой океан. Проснувшись, Бог уви-

¹ Бычков А. Жива / А. Бычков // Мифы и магия индоевропейцев. – 2000. – Вып. 9. – С. 69–70.

² См.: Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Избранные гимны / Т. Я. Елизаренкова. – М., 1972. – С. 259–261

³ См.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А. Корсуна. – М., 1975. – С. 183–190; Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой; под ред. М. И. Стеблин-Каменского. – Л., 1970. – С. 14–26.

⁴ Голубиная книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008. – С. 33–35.

дел вокруг себя пустоту. Но всюду, куда падал его взор, загоралась звезда. Со временем весь хрустальный купол неба оказался усеян звездами. При зыбком свете звезд Бог взглянул на свое отражение в водной глади моря-океана и решил оживить его. Но так как отражение было зеркальным, то и новое Божество, Бес, оказалось во всем противоположно Богу. В некоторых вариантах мифа говорится о том, что между небом и водою сами собой выросли два дуба, державшиеся на силе Божией. Из желудей этих деревьев вылупились два гоголя (разновидность дикой утки). В других вариантах гоголями стали Бог и Бес. Птицы-демиурги стали нырять на дно и доставать со дна ил и песок, которыми скрепляли опавшие с дубов листья и веточки. Так возникла земля. По замыслу Бога земля должна была быть равнинной, но Бес решил дотраивать землю по собственному промыслу: нырнув на дно, он набрал полный рот ила, но тот стал увеличиваться в размерах, так что Бес был вынужден выплюнуть ил на строящуюся землю. Из этой выплюнутой Бесом земли образовались горы и скалы. Бог рассердился на Беса за то, что тот мешает строить землю, выломал один из священных дубов и, сделав из него дубину, загнал Беса под землю. Чтобы земля держалась на плаву, Бог создал Мирового змея о трех головах, который и держит на себе земную твердь. (Сравните этот мотив со скандинавским змеем глубин – Йормунгандом). Так закончился первый этап творения¹.

Языческое мировоззрение славян четко прослеживается на археологическом материале. К сакральным находкам относятся: 1) сакральные захоронения животных и остатки закладных жертв, 2) астрагалы и ожерелья из клыков священных животных-хищников, 3) амулеты-обереги, 4) остатки древних святилищ и хоромов (языческих храмов).

§ 5.3. Сакральные захоронения и остатки закладных жертв в Подонцовье

На территории Змиевщины исследован ряд сакральных памятников. Это ритуальные погребения животных на *пеньковских* поселениях в Занках, Сухой Гомольше, Нижнем Бишките (рис. 84 и 85).

¹ См. записи данного мифа в различных вариантах: Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. – С. 1–7, 153–154; Голубиная книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008. – С. 219–258; Українці : Народні вірування, повір'я, демонологія. – К., 1991. – С. 51–53, 62–63; Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 14–15; Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 406.

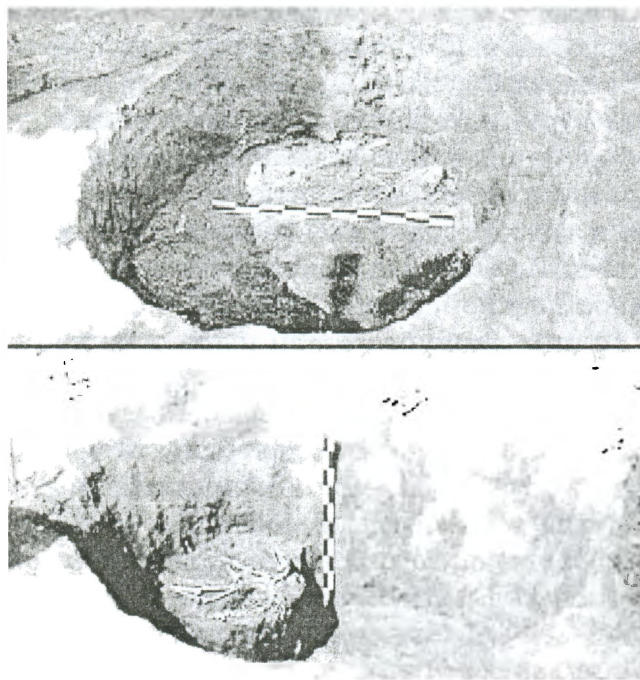

Рис. 84. Сакральные погребения собак:

в яме № 5 селища Сухая Гомольша (вверху) и в яме № 7 селища Нижний Бишкин II (внизу).

(№№ 3, 4, 6, 7, 8, 9, 12, 13) вытянуты в линию перед жилищами. Яма № 11 находится непосредственно возле угла жилища № 4. Яма же № 5 с захоронением собаки расположена особняком, вне линии ям и дальше от крайнего жилища № 3¹.

На поселении Нижний Бишкин I в восточной части ямы № 5 был сделан подбой, в который на половину длины был положен костяк собаки мордой к стене. Яма отличалась округлой в плане формой, диаметром 1,5 м, глубиной дна 1,95 м от уровня современной поверхности. Здесь, в отличие от подобного комплекса в Сухой Гомольше, для собаки сделан подбой, она лежит не вдоль стенки ямы, а упирается мордой в стенку подбоя².

Собака занимала важнейшее место у земледельческих народов индоевропейской семьи: кельтов, германцев, лесостепных скифов. Она сопровождала человека на охоте, охраняла посевы от вытаптывания дикими животными, охраняла домашнюю скотину. По Гомеру, собака бесстыдна, однако она – священное животное

Первая подгруппа сакральных комплексов включает в себя погребения собак. На селище Сухая Гомольша костяк собаки в анатомическом порядке залегал вдоль стенки ямы № 5. Сама яма была круглой в плане, имела диаметр 1,2 м и глубину 1 м от уровня современной поверхности. О сакральности данного погребения говорит его расположение. Полуземляночные жилища № 2, 3, 4, 5 образуют полукруг, в центре которого находится яма № 10. Остальные ямы

¹ Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 4.

² Там же. – С. 4–5.

Бога врачевания Асклепия. У кельтов собака – животное Богов, спутник Бога-целителя Ноденса¹. Аналогичные сакральные погребения собак встречаются также у населения салтово-маяцкой культуры, где собака сопровождает покойника в загробный мир.

Вторую подгруппу сакральных памятников составляют ритуальные погребения черепах. На селище Нижний Бишкин I в западной части ямы № 2 на материковом уступе высотой 0,6 м от уровня дна находился панцирь черепахи. Второй панцирь лежал в подбое, сделанном в стенке западной части ямы. На дне ямы, в северной и восточной частях, вне анатомического порядка располагались кости двух собак. Яма № 2 имела круглую в плане форму (1,9×1,7 м), глубину 1,3 м от уровня современной поверхности. Подобное погребение имеется на этом же селище в яме № 14, которая имела округлую форму (1,4×1,45 м) и глубину дна 1,9 м от уровня современной поверхности. В западной части ямы находился подбой, где располагались части панциря черепахи. В северо-восточной части подбоя лежали кости собаки вне анатомического порядка. Панцирь черепахи располагался на уступе высотой 0,25 м от уровня дна ямы. Эти сакральные комплексы находились на расстоянии 5,5–6,5 м от жилища № 1. Именно к его северо-западному углу примыкала описанная выше яма № 5².

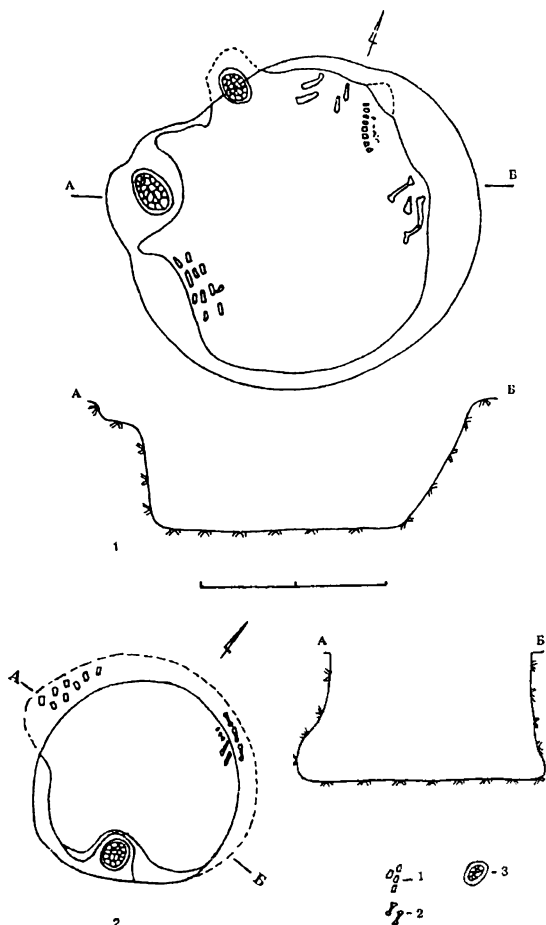

Рис. 85. Планы и профили ям 2 (1), 14 (2) поселения Нижний Бишкин I с погребениями собак и панцирей черепах.

¹ Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.:СПб., 2005. – С. 206–207.

² Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья // М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 6.

Черепаша – символ воды, луны, женского начала, времени, бессмертия¹. По представлениям древних индийцев, черепаха находится в основе мироздания: она держит трех слонов, на которых покоится земная твердь.

Размещение целых черепаш или их панцирей в погребальных сооружениях является характерным для сарматских племен от Поднепровья до Поволжья. Это заставляет предположить, что на территории Змиевщины обычай погребения черепаш или их панцирей связан с присутствием иранцев. Этот обычай прослеживается и у носителей *салтово-маяцкой культуры*, например, на могильнике Красная Горка (Балаклеяский район)².

К следующей подгруппе сакральных памятников относятся погребения частей коня. На многослойном селище Занки, где имеются *позднезарубинецкие* и *пеньковские* комплексы, в яме № 101 найдены слегка обгоревшие кости конечностей и череп лошади³.

Ритуальное жертвоприношение коня зафиксировано у многих индоевропейских народов. Например, римский обряд октябрьского коня (*equus october*), индийская ашвамедха (*aśvamedha*) и др. Конь в мифопоэтических представлениях индоевропейцев связывался с Мировым деревом. В скандинавской мифологии Мировое дерево называется Иггдрасиль «конь Игга» (Игг – прозвище Бога Одина). В Древней Индии Мировое дерево называется Ашваттха – «лошадиная стоянка»⁴. Однако в наибольшей степени конь связывался с небесными и солнечными Божествами. Божественные близнецы, чей культ является общеиндоевропейским, в индийской мифологии носят название Ашвины – «всадники».

К ритуалу жертвоприношения следует, по-видимому, отнести найденные в жилище № 3 на поселении Сухая Гомольша кости коровы, зарытые под одну из опор⁵. Это погребение может отражать ритуал закладной жертвы, когда для прочности (благополучия, долговечности) новооснованного строения под стены его закапывают принесенное в жертву Богам животное.

Подводя итог описанию сакральных погребений животных, оговорим следующее. Все три подгруппы захоронений связаны, и это на наш взгляд очевидно, с тремя уровнями мироздания. Первый уровень – верхний мир Богов, Небеса. Второй уровень – срединный мир людей, животных, растений. Третий уровень – хтонический,

¹ *Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* – М.: СПб., 2005. – С. 209

² Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.* – 2001. – № 526 : *Історія.* – Вип. 33. – С. 7.

³ Там же. – С. 8.

⁴ *Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* – М.: СПб., 2005. – С. 192–193.

⁵ Міхєєв В. К. *Пеньківське поселення на Сіверському Дінці* / В. К. Міхєєв, О. М. Приходнюк // *Археологія.* – 1986. – № 54. – С. 79

связанный с подземным и подводным мирами. Такое представление о мироздании характерно для всех индоевропейских народов, в т. ч. для иранцев и славян.

Поскольку конь в мифопоэтической символике индоевропейцев связан с солярными культами¹, то ритуальные погребения коней следует интерпретировать, очевидно, как жертвоприношения одному из солнечных Божеств – Сварогу, Хорсу, Божьим сыновьям.

Погребения собаки являются жертвами, предназначенными, по нашему мнению, Богу Ярилу. В двоеверческих представлениях образ Ярила был перекрыт христианским святым Юрием, которого, по народным поверьям, сопровождали хорты (хортъ – славянское слово, обозначающее как собаку, так и волка).

Жертвоприношения черепах следует считать предназначенными для кого-то из хтонических Божеств – Даны, Мокоши, Велеса.

Необходимо сказать, что погребения лошадиных и собачьих черепов и костей ног обнаруживаются в местах расположения праславянских святынь. Например, захоронения, подобные нижебишкинским, были обнаружены на поселении Пожарная Балка, на берегу Ворсклы в районе Полтавы, которое датируется VI–VII вв. до н. э.² Поэтому в случае целенаправленных поисков, возможно обнаружение славянских языческих культовых центров и на территории Змиевского края.

§ 5.4. Магические предметы:

астргалы и клыки, обереги

Следующую категорию сакральных находок составляют астргалы, представляющие собой позвонки животных. К сакральным культовым предметам они относятся по следующим соображениям. В отличие от простых костей, которые археологи находят в мусорных ямах вместе с прочими отходами кухни, астргалы находят в жилищах наряду с другими предметами повседневного быта. Это дает основание одним исследователям считать астргалы игральными костями, другие видят в них принадлежность гадательного набора (по аналогии с германскими рунами и китайским гаданием на лопатках жертвенных животных).

В погребениях славянских археологических культур часто встречаются просверленные клыки медведя (рис. 86), волка и собаки, лисы, заячьи кости, металлические амулеты-привески, кото-

¹ См.: *Археология СССР с древнейших времён до средневековья* : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. *Восточные славяне в VI–XIII вв.* – С. 267.

² Гимбутас М. *Славяне. Сыны Перуна* / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 194.

рые можно истолковать как обереги. В бассейне Северского Донца (Курская область России) известны сделанные из медвежьего клыка подвески с вырезанным улыбающимся лицом, обнаруженные во время раскопок поселения у с. Липино (Октябрьский район), а также Большого Горнальского (Суджанский район), Ратского (Курский район) и Капыстичанского (Рыльский район) городищ¹. Клыки-амулеты были найдены археологами в *пеньковских* захоронениях у с. Червонный Шлях.

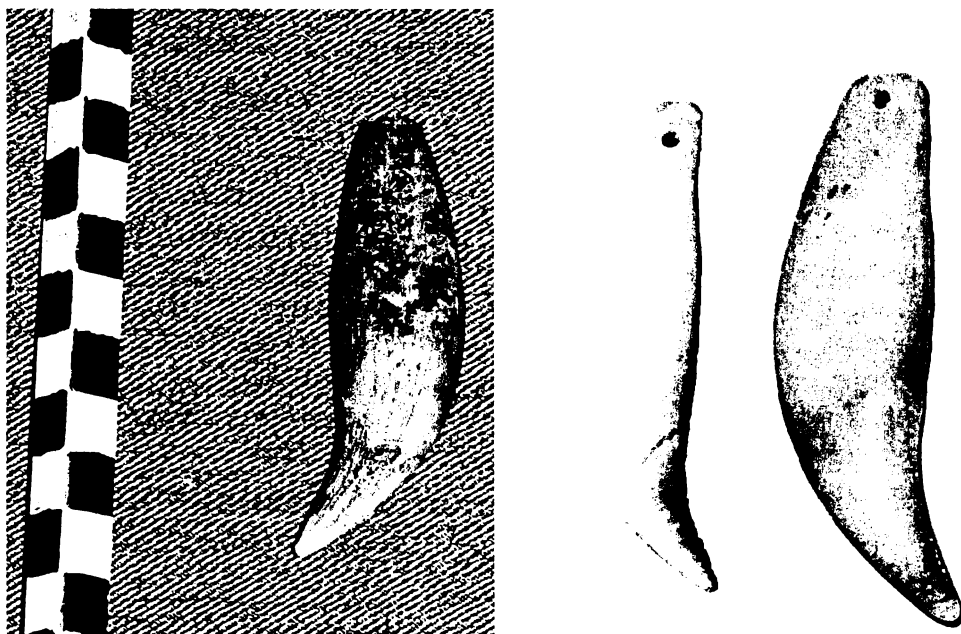

Рис. 86. Клыки медведя, использовавшиеся как амулет:

1 – Водяновское городище, роменская культура (из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, фото автора 2013 г.); 2 – материалы раскопок 1988–1989 гг. на Северском городище, пеньковская культура (из собраний Музея археологии и этнографии Слободской Украины, фото автора 2008 г.).

Значительную часть сакральных находок составляют металлические украшения-привески, однозначно трактуемые исследователями как обереги (рис. 87; 88; 89). Среди этих амулетов встречаются изображения птицы, топора, ножа, ложки, и т. д. Значительную часть оберегов составляют амулеты в виде зверей. Символику славянских оберегов-привесок раскрыл Б. А. Рыбаков².

¹ Шпилёв А. Г. Курский край во времена Хазарского каганата. VIII–X век / А. Г. Шпилёв // Курский государственный областной музей. – Режим доступа: <http://kgoma-museum.ru/back.html?р=6>. – Доступ 18. 06. 2008 г.

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 540–549.

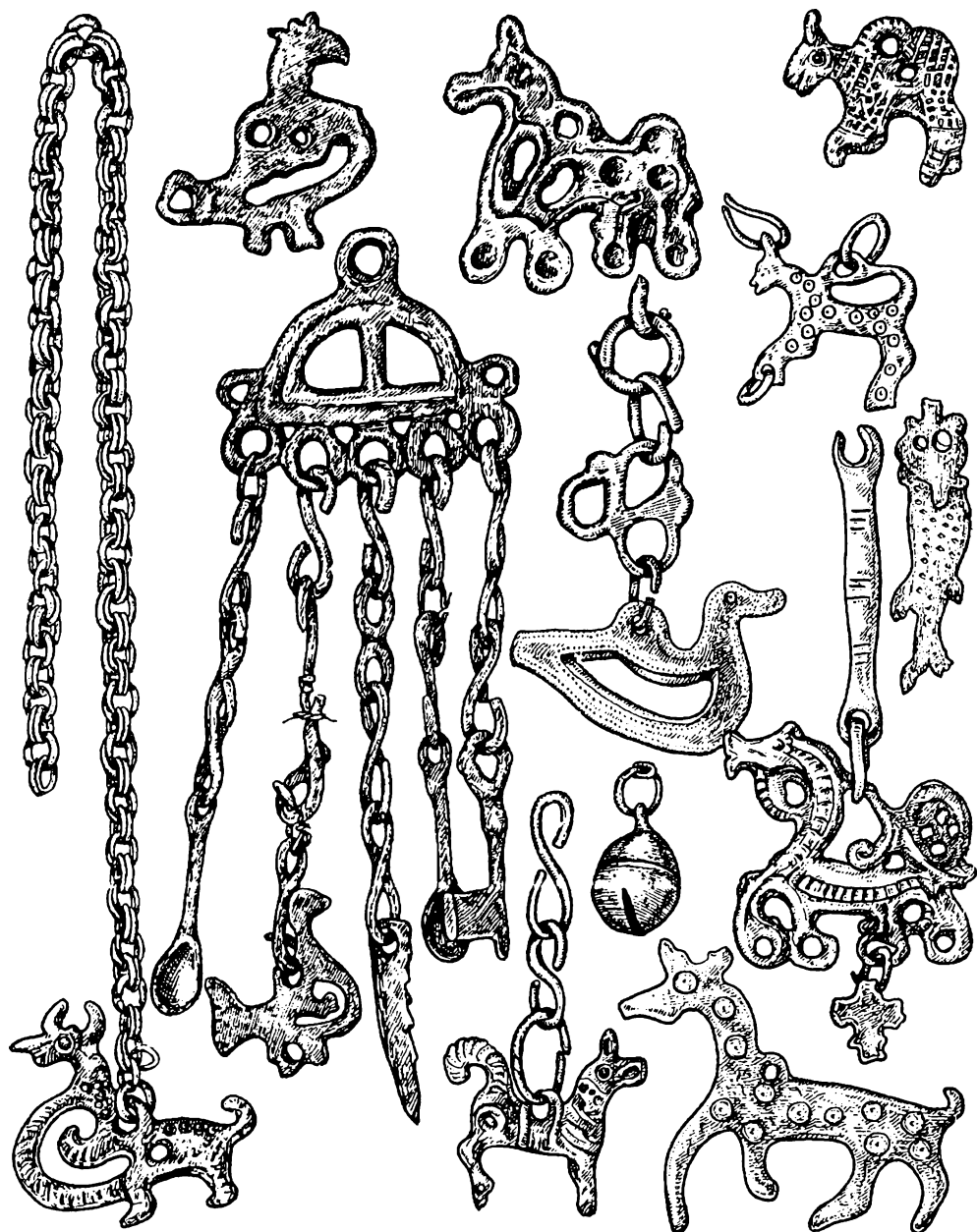

Рис. 87. Обереги XI–XII вв.

Топоры и ножи явно предназначены для защиты и охраны, так как являются символами Бога-воителя Перуна¹.

¹ См.: Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / В. П. Даркевич // Советская археология. – 1961. – № 4.

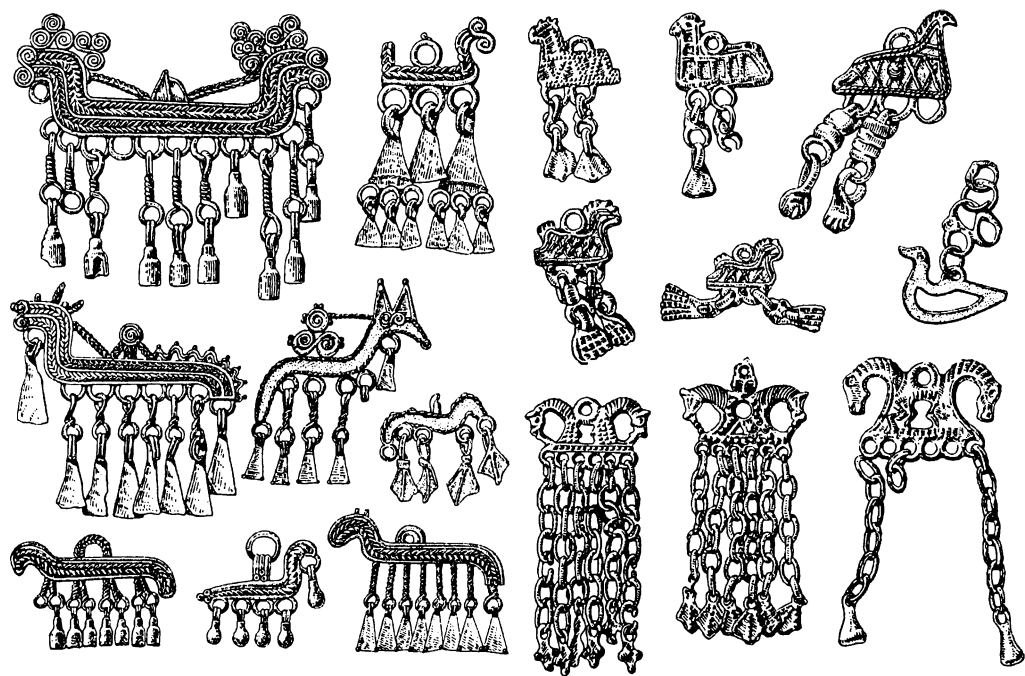

Рис. 88. Зооморфные украшения-обереги X–XIV вв.

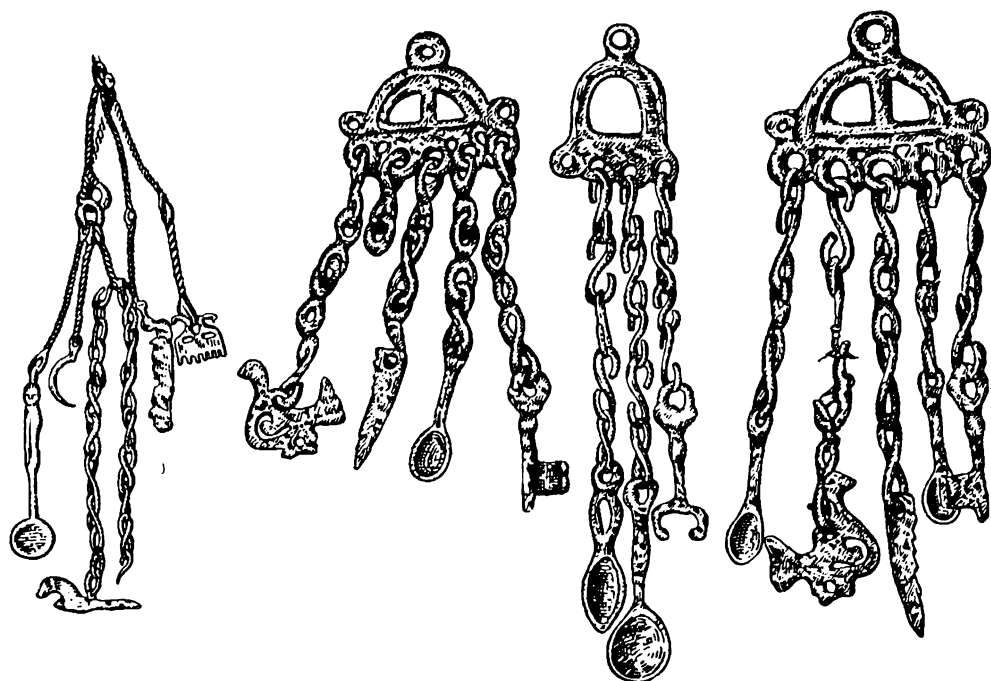

Рис. 89. Амулеты-обереги с символами защиты.

Птица. Такие обереги предназначались в подарок молодоженам в качестве пожелания многодетности. К такому выводу приходим, исходя из того, что на амулетах птица изображена, чаще всего, как бы сидящая на гнезде.

Рыба в наборах оберегов заменяет птицу. Роль рыбы как символа благополучия рода, богатства и многодетности убедительно показал М. М. Маковский¹.

Ложка – символ сытости и благополучия. Иногда ложки украшены символом солнца – кружком с точкой в середине или солнечными кружками, окруженными извивами плетенки (таких кружков всегда семь).

Гребень, как правило, бронзовый, увенчан изображением двух голов животных (коней?). Амулеты в виде гребня призваны охранять владельца от болезней.

Челюсти, по-видимому, заменили собой ношение реальных ожерелий из клыков животных.

Ключ – сохранность имущества семьи (рода).

§ 5.5. Святилища и храмы восточных славян

Вопрос о характере и устройстве языческих святилищ восточнославянских племен давно интересовал исследователей. Некоторые исследователи проводили аналогию с культовыми сооружениями балтийских славян, предполагая наличие специальных храмовых построек у восточных славян. Другие ученые утверждали, что восточные славяне-язычники не воздвигали культовых сооружений, а совершали моления, обряды и гадания в овине, у роц или возле ручьев (рис. 90).

Данные современной исторической науки позволяют предположить наличие у восточных славян как святилищ открытого типа, так и святилищ, устроенных внутри специальных сооружений, т. е. храмов². Местами ежегодных молений были высокие холмы, горы. Известны также многочисленные урочища, носящие названия «святое озеро», «святая роца», «красная горка» и т. д.

Все культовые центры восточных славян по своему значению можно подразделить на три группы: союзные, племенные и поселенческие. Племенные святилища славян устраивались на высоких местах: горах, всхолмлениях. Таковы святилища в Ржавин-

¹ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М., 1996. – С. 285–289.

² Шенников А. А. О языческих храмах у восточных славян / А. А. Шенников // Язычество восточных славян: Сб. науч. труд. – Л., 1990. – С. 43–59; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 486–503.

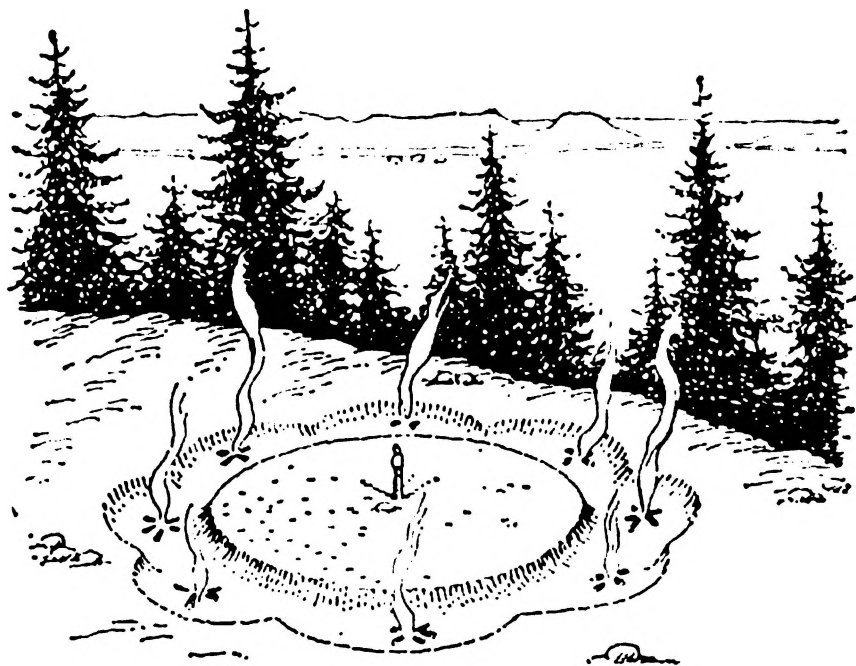

Рис. 90. Языческое святилище (реконструкция).

ском лесу (Северная Буковина), Каневское святилище (на Днепре), святилище Перуна в Новгороде Великом (Перынский холм), летописное святилище в Киеве, созданное князем Владимиром, и т. д.

На сегодняшний день можно предполагать также существование у северян трех региональных культовых центров. Если принять утверждение В. В. Приймака о делении племенного союза северян на три региональные группы¹, то можно предположить, что эти группы отражали три племени.

Помимо союзных и племенных святилищ, на каждом восточнославянском поселении существовали свои, местные культовые центры.

Главным местом языческого святилища было капище. Основу капища составляли капи – статуи, изображавшие Богов (рис. 91). Как правило, статуи Богов изготавливались славянами из дерева, значительно реже – из камня. Капь представляла собой столб, на котором вырезалось лицо и присущий данному Божеству атрибут: кольцо, меч, рог и т. д. Сверху капь была увенчана княжеской шапкой.

Описание капища славян и русов, а также ритуала жертвоприношения имеется у ибн-Фадлана, который видел славянско-русских купцов, спускавшихся вниз по течению Волги для тор-

¹ Приймак В. В. *Регіональні особливості роменської культури* / В. В. Приймак // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 1999. – Ч. 1. – С. 11.

говли в Хазарии. «Когда их суда прибывают к якорному месту, каждый из них выходит, имея при себе хлеб, мясо, молоко, лук и горячительный напиток, подходит к высоко поставленному столбу, который имеет лицо, подобное человеческому, а вокруг него маленькие изображения; позади этих изображений вставлены в землю высокие столбы. Он же подходит к большому изображению, простирается пред ним и говорит: “О, Господь! Я пришел издалека, со мною девушек столько-то и столько-то голов, соболей — столько-то и столько-то шкур”, пока не вспомнит все, что привез с собой из своего товара. Потом говорит: “Этот дар принес я Тебе», и оставляет принесенное им перед столбом, говоря: “Желаю, чтобы Ты мне дал покупателя с динарами и дирхе-

Рис. 91. Збручский идол (вид с четырёх сторон), найденный в реке Збруч.

мами, который купил бы у меня все, что желаю [продать], и не перечил бы мне ни в чем, что бы я ему ни сказал”; потом уходит. Когда с продажей бывает трудно, время [торгов] длится долго, он возвращается с другим подарком во второй раз и в третий, и если желаемое им все еще не свершается, он приносит одному из тех малых изображений дар и просит его о заступничестве, говоря: “Это жены Господа нашего и его дочери”, и он не проминает ни одного изображения, которого не просил бы и не умолял бы о заступничестве и не поклонялся бы ему униженно. Часто же продажа бывает легкой, и, когда он продает, говорит: “Господь мой выполнил мое желание, надо вознаградить его за это”. И берет он определенное количество скота и овец, убивает их, часть мяса раздает бедным, а остальное приносит и бросает перед большим столбом и малыми, окружающими его, и вешает головы скотины и овец на столбы, вставленные в землю...»¹. Подобный

¹ З «записки» Ахмеда ібн-Фадлана ібн-Аббаса ібн-Рашида ібн-Хаммада // Історія України в документах і матеріалах. — К., 1939. — Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. — С. 65.

обряд жертвоприношения описывает и ибн-Даст: «Все они идо-лопоклонники. Наиболее сеют они просо. Во время жатвы берут они просяные зерна в ковши, поднимают их к небу и говорят: “Господи, Ты, который доставлял нам еду доселе, дай и теперь нам ее вдоволь”»¹.

Капи ограждались валами и рвами. Помимо самих капей, в комплекс святилища входил жертвенник, носивший название *түбенца* (от *түбкә* – «жертва Богам») и крада, т. е. огненные ограды над рвами. Летопись сообщает: «Уставилъ на ток мѣсце и ѿфундовалъ Гермонтъ попы поганскіе и вворожитовъ, которые бы могли офѣн Богомъ своимъ отпраовати, огонь тежъ вѣчный зъ дубовыхъ дровъ на тыхъ жегнищахъ завше день и ночь горѣлъ на хвалу Перкунуи Богу, которого мнимали громами, бликавницами и огнемъ владѣти...»². Возможно, в некоторых местах на месте святилищ возводились языческие храмы – хоромы³.

Помимо союзного и племенных святилищ, на каждом восточнославянском поселении существовали свои, местные культовые центры. В этой связи следует отметить, что в круге *роменских* древностей культовые комплексы до недавнего времени не были выявлены археологами. Ситуация изменилась в самом конце XX – начале XXI вв. после проведения Средневековой археологической экспедицией ХГПУ им. Г. С. Сковороды очередных стационарных исследований Мохначанского городища. Среди найденных объектов внимание археологов привлек жилищный комплекс «В», в котором, наряду с остатками разнохарактерных бытовых вещей и орудий труда, были обнаружены остатки жертвенника (рис. 92)⁴.

Указанное жилище располагалось в южной части городища, на средней части мыса. Оно представляло собой квадратное в плане строение, углубленное в грунт и ориентированное по сторонам света. В средней его части между двумя столбовыми ямками размещался грунтовый останец с жертвенником. В плане он имел вид неправильного овала размерами 85×40–45 см. Его нижняя часть была грунтовой. Она состояла из грунтового останца, верхний край которого находился на 15 см выше уровня пола. Верх жертвенника был выполнен из смешанного грунта (чернозем с глиной) мощностью 25 см. Между этими двумя слоями была пепельно-угольная

¹ З «Книги дороговцихъ скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69

² «Установил в том месте и определил Гермонт священников языческих и ворожбитов, которые могли бы службы Богам своим отправлять; также огонь вечный из дубовых дров на тех кострищах всегда денно и ношно горел во славу Перуну Богу, которого считали властителем молний и огня». Полное собрание русских летописей. – Т. 32. Хроника литовская и жмойтская. – М., 1975. – С. 31.

³ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 226–228.

⁴ Колода В. В. Житло із жертвеником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 1. – С. 42.

прослойка, толщиной 1–2 см. Поверх указанных трех слоев лежал плотный черноземный грунт в 20–25 см¹.

Сверху искусственного фундамента, на глубине 125–130 см, выявлены множественные осколки глиняной жертвенной площадки. По своим размерам они не превышали 25–250 см. Площадка была слабо обожжена и имела толщину 2–3 см. На ее внешней поверхности четко прослеживался орнамент, созданный по еще сырой глине чередованием отпечатков стеблей камыша. Остатки глиняной площадки сохранились не по всей ее поверхности, а в восточной части отсутствовали вообще. Здесь на глубине 130–140 см выявлено скопление рваного камня. В западной части жертвенника, поверх остатков глиняной площадки были найдены остатки двух лепных горшков *роменской культуры*. Рядом с ними находилась часть верхней челюсти сурка².

В заполнении жилища, неподалеку от жертвенника, на глубине 120 см была найдена глиняная статуэтка сурка (рис. 93). На самом жертвеннике лежал кусок чернометаллургического шлака. Здесь же, на 20 см выше жертвенника, находились фрагменты левой и правой частей нижней челюсти свиньи, а также зубы (моляры) коровы, еще не выпедшие из своих лунок.

Вне данного жилищного комплекса, на *роменской* части Мохначанского городища, найдено пять черепов и несколько отдельных зу-

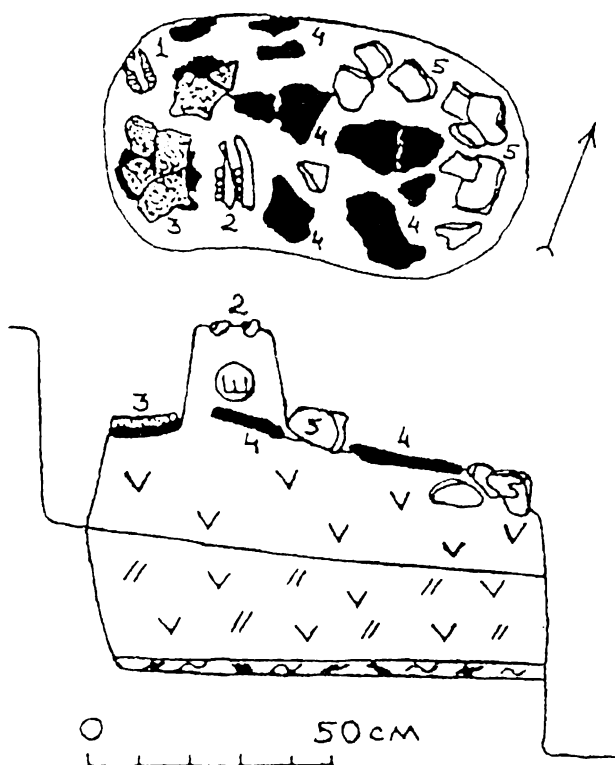

Рис. 92. Жертвенник Мохначанского городища:

1 – челюсть сурка; 2 – челюсть свиньи; 3 – обломки керамики; 4 – остатки глиняной поверхности жертвенника; 5 – камни.

¹ Там же. – С. 43.

² Там же. – С. 43.

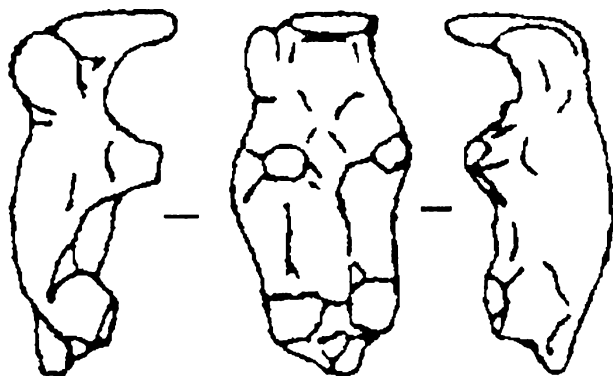

Рис. 93. Статуэтка сурка.

бов сурка. В связи с этим, руководителем раскопок В. В. Колодой высказана гипотеза об «определенном локальном культе» сурка на данной территории¹. Думаем, что сурок в данном случае служил лишь основным жертвенным животным. Статуэтка сурка могла быть заменителем в случае отсутствия у жертвователя

возможности принести в дар Богу настоящую тушку животного². В этой связи сравните глиняные хлебцы, культовые фигурки животных, птиц и Божеств (?), обнаруженные на святилищах скифской *лесостепной культуры* (середина VII–III вв. до н. э.), соотносимой большинством современных ученых с меланхленами³. Примерами могут служить жертвенник Люботинского городища, обнаруженный у с. Караван⁴, а также жертвенник Бельского городища⁵.

На наш взгляд, можно говорить об опосредованной связи между *лесостепной* и *роменской* археологическими культурами. Во-первых, Б. А. Шрамко реконструировал обряд жертвоприношения у племен Подонцовья скифского времени и установил, что данный обряд идентичен славянскому! Это полностью подтверждается данными южнославянской этнографии⁶. Во-вторых, исследователь обнаружил у жертвенника Бельского городища глиняное блюдо с двумя фигурками птиц⁷. Эта находка, по нашему мнению, ярко иллюстрирует вышеприведенный славянский миф о творении мира двумя демиургами-гоголями (см. § 5.2). Имеются и другие аргументы, на которых мы не будем останавливаться, т. к. это выходит за рамки данной книги.

¹ Там же. – С. 45.

² Эта мысль не нова. См.: Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке / Б. А. Шрамко // Советская археология. – 1957. – № 1. – С. 198.

³ См., напр.: Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. – С. 233–234; Бандуровский А. В. Курганы скифского времени (северодонецкий вариант) / А. В. Бандуровский, Ю. В. Буйнов. – К., 2000. – С. 119–123 и др.

⁴ Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке / Б. А. Шрамко // Советская археология. – 1957. – № 1. – С. 178–198; Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 59–60.

⁵ Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б. А. Шрамко. – К., 1987. – С. 130–138.

⁶ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. – С. 206.

⁷ Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б. А. Шрамко. – К., 1987. – С. 136.

Культовый характер данной постройки несомненен. Функционировал Мохначанский культовый центр в конце X – первой половине XI вв. н. э., т. е. в то время, когда Мохначанское городище было населено северянами¹. Таким образом, можно говорить о том, что на территории Змиевщины впервые обнаружено восточнославянское святилище, относящееся к *роменской археологической культуре* северян.

§ 5.6. Жрецы и жертвоприношения

Говоря о язычестве восточных славян, следует затронуть вопрос о роли жрецов. Традиционное в науке название славянских жрецов – волхвы.

В отличие от римлян, кельтов, иранцев и индийцев, у славян не развился институт жреческих коллегий. Однако жрецы, как особое сословие, у славянских племен, несомненно, были. В составе племенной знати должны были быть люди, разрабатывавшие, хранившие и совершенствовавшие систему обрядов, знавшие или создававшие тексты молений и песнопений, мелодии напевов, формулы обращения к Богам. Одной из важнейших функций жрецов было ведение календаря: определение дней молений, праздников, аграрно-магических обрядов и т. п. Сюда же следует отнести умение изготавливать обереги, лечебные снадобья из трав, обладание огромным количеством заговоров, навыки различных типов гадания.

Мелкие жертвоприношения, бытовые и магические обряды исполнялись главой рода. Жреческие функции сельского или племенного уровня совершались волхвами. «По сумме знаний простой сельский волхв должен был приближаться к современному профессору этнографии с тою лишь разницей, что этнограф должен долго выискивать полузабытые пережитки, а древний колдун, вероятно, получал многое от своих учителей»².

Есть все основания предполагать, что на племенном уровне роль верховного волхва выполнял князь. Этимология славянского слова *князь* сочетает в себе функции военного вождя и жреца. Сравните: чеш. *kněz* «князь» и *kněž* «жрец»; пол. *książe* «князь» и *ksiądz* «жрец». В княжеском кургане Черная Могила наряду с другими вещами обнаружены предметы культового назначения (бронзовый идол, жертвенный нож, гадальные кости). В славянском ареале найдены жреческие ножи с волютообразными рукоятями³.

¹ Колода В. В. *Житло із жертвником на Мохначанському городищі* / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 1. – С. 46.

² Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 302.

³ Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. *Восточные славяне в VI–XIII вв.* – С. 268.

В итоге обзора сведений XI–XIV вв., мы располагаем данными о разрядах людей, причастных к языческому культу (рис. 94).

Мужчины		Женщины
Волхвы	Хранильники	Волхвы (от ед. ч. волхва)
Волшебники	Потворники	Ведьмы
Облакогонители	Кошунники	Чародейки
Жрецы	Баяны	Чаровницы
Ведуны	Кудесники	Обавницы
Чародеи	Кобники	Наузницы
Чаровники	---	Потворы, потворницы

Рис. 94. Категории восточнославянских жрецов (по Б. А. Рыбакову).

Все зафиксированные археологами жертвы относятся к категории кровавых, т. к. все животные, вне зависимости от цели жертвоприношения, убивались. В 1986 г. на *пеньковском* поселении Занки во время раскопок, проводившихся Славяно-русской экспедицией Белгородского пединститута, в яме 101 были найдены остатки жертвоприношения – слегка обожженные кости конечностей и череп лошади¹.

Были у славян также не кровавые, фругиальные, жертвы: злаки, мед, фрукты и овощи. Об этом говорят письменные источники. Например, в «Слове Христолюбца» читаем: «...ставать лише трапези кутинны...»². Их приносил, как правило, глава семьи, рода. Кровавые жертвоприношения совершали родовые и племенные князья или великие князья племенных союзов. Такое распределение жреческих функций было определено экономической целесообразностью – принесение целого коня или коровы в жертву было слишком дорого для одной семьи.

На поселениях в Занках, Сухой Гомольше и Нижнем Бишкине найдены предметы с изображением свастик, крестов, рунических символов (рис. 95), композиций из точек или черточек³.

Руны как разновидность письма бытовали в эпоху средневековья у балтийских славян. По мнению исследователей, западные славяне позаимствовали руны у германцев. Вполне допустимо, что

¹ Дьяченко А. Г. Раскопки селища Занки / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1986 года / Отв. ред. В. П. Шилов. – М., 1988. – С. 275–276.

² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 7–8.

³ Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 35.

на территорию Змиевщины руны были также принесены готами (носителями черняховской археологической культуры), а позднее переняты славянами в качестве магических символов. Единый источник рунической символики у западных и восточных славян может подтверждаться схожестью самих рун. Кроме того, славянам, несомненно, были знакомы тюркские руны (салтово-маяцкая археологическая культура). По мнению И. В. Гордиенко-Митрофановой и В. С. Аксёнова, «предметы, найденные при археологических раскопках, и исторические документы доказывают существование у славян собственной рунической письменности» (рис. 96)¹.

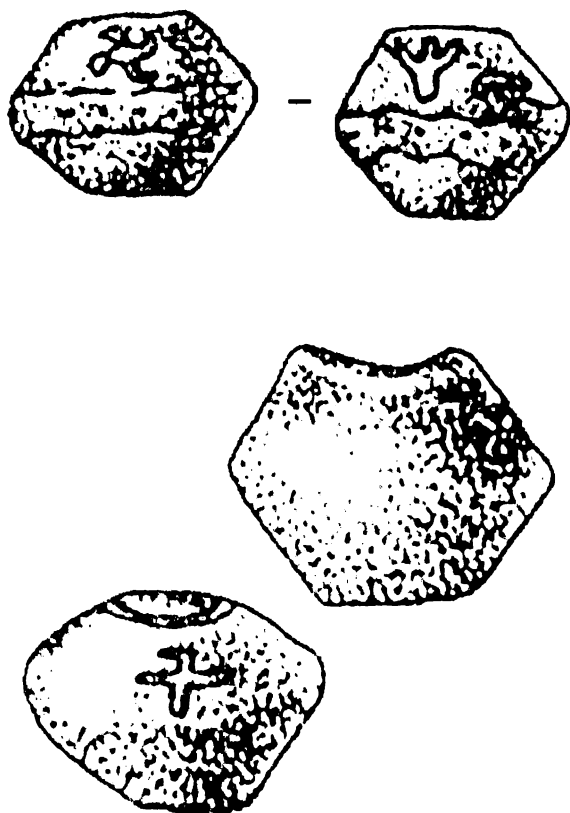

Рис. 95. Биконические пряслица пенковской культуры со свастическими и руническими символами.

Временем проникновения в славянскую среду рун является период вхождения славянских племен в более или менее устойчивые государственные образования: Гетику (III – IV вв. н. э.) и Хазарию (VIII – X вв. н. э.). Фарх ад-дин Мубарак-шах в «Книге генеалогий» 1206 г. сообщает: «И у хазар есть письмо, заимствованное от русских, и некоторые народы Рума², которые близки им, пишут этим письмом и называют их РУМ-И-РУС, и они пишут слева направо и буквы друг с другом не соединяются, и букв не больше, чем двадцать одна»³. Скорее всего, речь идет о германских рунах, принесенных на наши земли русами-викингами.

¹ Гордиенко-Митрофанова И. В. Язычество восточных славян (VIII–X вв. н. э.) / И. В. Гордиенко-Митрофанова, В. С. Аксёнов. – К., 2003. – С. 39.

² ... Рум – в арабских источниках название Рима, т. е. Византийской (Восточной Римской) империи.
³ Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVIII. – С. 132

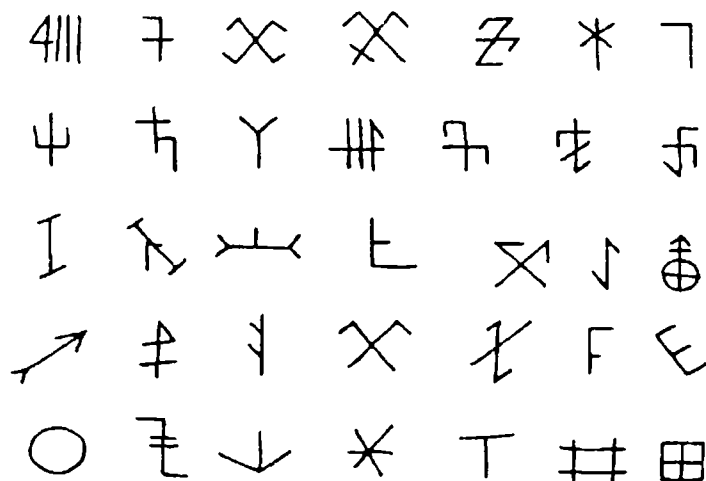

Рис. 96. Славянские руны.

Особый интерес представляют два биконических пряслица, найденные в 1976 г. на селище Занки в жилище «Б» (рис. 10). Они орнаментированы точечными наколами, которые образуют композиционные пары из 5 и 8 знаков.

Повторяемость

сюжета и некоторые различия между знаками позволяют говорить об определенной системе, имеющей какое-то смысловое значение¹. Найденное на селище Введенка биконическое пряслице с лощеной поверхностью также имеет орнамент в виде кривых, волнистых линий из точек².

Все найденные на Змиевщине предметы с изображением свастики, крестов, рунических символов, композиций из точек или черточек явно носят магический и аграрно-календарный характер и свидетельствуют о наличии у *пеньковского* населения нашего края солярных и аграрных культов, известных по более поздним источникам. По мнению Б. А. Рыбакова, анты обладали календарем. Для фиксации наблюдений жрецами была придумана целая система знаков³. Возможно, именно о таких знаках говорит болгарский писатель IX–X вв., черноризец Храбр: «Прѣжде ꙗко словѣне не имѣху кнѣзѣ, но чрътами и рѣзами чѣтаху и гатаху погани ꙗще»⁴.

Исследование описанных в этом параграфе находок может дать значительные результаты в изучении языческой веры и духовной культуры восточных славян.

¹ Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // *Археология Славянского Юго-Востока*. – Воронеж, 1991. – С. 31.

² Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2002. – № 566 : *Історія*. – Вип. 34. – С. 15.

³ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 295.

⁴ «ибо раньше славяне не имели книг, но чертами и резами читали и гадали, будучи язычниками». Цит. по: Иеромонах Алипий (Гаманович). *Грамматика церковно-славянского языка* / Иеромонах Алипий (Гаманович). – Репринт. изд. 1964 г. – М., 1991. – С. 4; *Введение христианства на Руси* / Отв. ред. А. Д. Сухов. – М., 1987. – С. 135, 139.

§ 5.7. Славянские Боги

Сложение славянского пантеона (боговщины), отличного от пантеонов других индоевропейских этнических групп, следует относить к эпохе бронзового века (*белогрудовско-чернолесская этнокультурная общность, тишинецко-комаровская культура*)¹. Пантеон славян имел трехуровневую структуру: Небеса, Срединный мир и Нижний (подземно-подводный) мир.

К Небесному уровню относились Род, Сварог и Стрибог.

На уровне срединного мира мифопоэтическое сознание славян располагало детей Небесных Богов, связанных с повседневной жизнью природы и человека. Это, в первую очередь, Дажьбог, Перун, Огонь Сварожич, Лада, Вий, Дети Бога (Близнецы), Хорс, Месяц, Авсень, Семаргл, Спас и ряд др.

К хтоническим, подземным и подводным Божествам славянского пантеона следует относить Велеса, Мокошь, Дану, Ящера. Типологически к этой же группе Божеств относятся Чернобог, Бес и Пек.

В железном веке в пантеоне славян происходит трансформация, обусловленная изменениями в общественно-политической жизни славян лесостепной части Украины. На первый план выдвигается Бог упорядоченного космоса – Сварог. Повышается значение Богов Срединного мира, связанных с ведущими социальными и производственными функциями: Дажьбога, Перуна, Лады. Великое переселение народов и связанные с ним новые процессы (инфильтрация в славянскую среду иноэтнических элементов, привнесение модели т. н. германского способа производства и др.) привели к возникновению различий в пантеонах различных славянских групп: венедов, антов и склавинов. Культы древних Богов обособляются, становятся автономными и самодостаточными. То или иное Божество приобретает черты главного и центрального для конкретной территории.

К моменту возникновения у восточных славян государственных образований заканчивается борьба между воинским сословием (князьями, вителями) и жречеством (волхвами). Заканчивается она победой воинского сословия. Предметом спора в этой борьбе, начиная с общеиндоевропейских времен, был вопрос о главенстве сословий и их влиянии на общество. На первое место в пантеоне выдвигается Перун – покровитель воинов. Велес, покровитель волхвов, оттесняется на второй план настолько, что при создании князем Владимиром государственного пантеона Руси места для данного Божества вообще не нашлось.

¹ Павлинко Ю. В. *Історичний розвиток слов'янського пантеону* / Ю. В. Павлинко // *Старожитності Русі-України* : Зб. наук. ст. – К., 1994. – С. 175.

Среди языческих Богов раннего средневековья намечается две группы. Одни из них, такие как Перун и Велес, были распространены во всем славянском мире. Эти теонимы имеют глубокое индоевропейское начало. Другую группу образуют Божества, имеющие локальное значение, и оказывается, что имена тех из них, которые известны лишь в восточноевропейском регионе, считаются иранизмами. По мнению В. И. Абаева, известные по русским летописям Хорс (Хорьгъ, Хрогъ) и Симаргл (варианты написания в летописях *Сѣмаргъ, Смарыгъ, Сѣмарыгъ*) имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствованные от иранского населения Северного Причерноморья¹. Тот же исследователь обратил внимание на то, что украинский Вий этимологически и семантически восходит к иранскому Богу ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vayuuka-sūra*, названный Геродотом)². Обнаруживаются также семантические и этимологические параллели между восточнославянским Божеством Родом и осетинским *Naf* – «Род»³. В языческом пантеоне западнославянского ареала Божества иранского происхождения неизвестны. В. В. Седов считает, что иранские Божества могли быть восприняты юго-восточной частью славян только в условиях славяно-иранского симбиоза, когда формировалась антская диалектно-племенная группировка⁴.

По мнению выдающегося слависта конца XIX – начала XX вв. Л. Нидерле, к общеславянским Богам относятся Сварог, Дажьбог, Перун и Велес (Волос). Сугубо восточнославянскими исследователь считает Стрибога, Хорса, Мокошь, Семаргла и Трояна⁵. Однако сегодня, благодаря достижениям ряда смежных наук (истории, археологии, этнографии, мифологии), мы можем значительно расширить перечень как обще-, так и восточнославянских Божеств.

Род, по-видимому, изначально был верховным Божеством славян, находившимся на Небесах. Судя по этнографическим данным, Род был Божеством Вселенной⁶ и отцом Богов и людей, был ответственен за сферу плодородия. Автор одного из антиязыческих поучений укоряет христиан за то, что они веруют в Рода, который, по их мнению, находясь на Небесах, мечет на землю камни, из которых рождаются люди⁷. Это Божество ассоциировалось с пращурами,

¹ Абаев В. И. Провербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // *Проблемы индоевропейского языкознания* / В. И. Абаев. – М., 1964. – С. 90–99.

² Абаев В. И. Дохристианская религия алан / В. И. Абаев // *XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР*. – М., 1961. – С. 5–7.

³ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М., 1965. – С. 110, 111.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 83.

⁵ Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000. – С. 307, 309, 310, 311.

⁶ Рыбаков В. А. Язычество Древней Руси / В. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 247.

⁷ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 179.

предками славян. Общеславянский теоним Род¹ восходит к индоевропейскому слову *ōrdhu-s «потомок». По словам В. В. Иванова и В. Н. Топорова, в славянском Роде отразился индоевропейский культ – рода, как собрания потомков¹.

Рода вспоминали на второй день после зимнего солнцеворота, 26 декабря. В этот день на Руси женщины приносили в церковь хлебы и пироги². Роду совершались особые жертвоприношения едой: кашей, хлебами, сырами, питьем (медом). В приготовлении кушаний для этого Бога принимали участие женщины, что, возможно, восходит к общеиндоевропейской эпохе (ср. характерные упоминания лувийского hardu- и производных от него слов в текстах обрядов, совершавшихся жрицами)³.

Иконография Рода проста. Статуи, его изображающие, представляли собой увенчанный княжеской шапкой столб с вырезанным лицом (рис. 97). Никаких дополнительных атрибутов не было. В домашних условиях статуя заменялась снопом пшеницы – дедухом. В соответствии с данными этнографии, осенью молодые девушки наряжают дедушку, вносят в дом и сажают за стол, дают ему питье и еду. Затем прячут в гумно до следующего урожая. Плодородную функцию данного Божества подтверждают такие слова, как *урожай, родник, народ, рождение, природа, рдяный, бодрый, «красный»* (в значении «спелый, созревший») и т. д.

Верховенство Рода в пантеоне славянской части индоевропейцев следует, по-видимому, относить к эпохе неолита. Изображение Рода фаллическое, а усиление значения отца в жизни человека, как и наступление эпохи патриархата, относятся к позднему неолиту.

Как Бога Творца, Рода могли называть просто Бог. К такому выводу пришел А. С. Фаминцин⁴, поскольку во время подписания договора с византийцами в 945 г. русичи клялись Богом и Перуном. Однако, скорее всего, это не так. Некоторые русы (варяги) были христианами. И необходимо также помнить, что подписывали договор две стороны: византийцы (христиане) и представители Руси (язычники).

Рис. 97. Бог Род.

¹ Иванов В. В. Род / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 384–385

² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 456.

³ Иванов В. В. Род / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 385.

⁴ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 124

Сварог связывался со спокойным ясным небом. Второе его имя, *дѣнь*, происходит от индоевропейского корня *d̥jeu-s «светлый день, ясное небо»¹. Поэтому символом данного Божества была золотая свастика (卐) – знак катящегося по небу солнца². Само имя *Сварога* соответствует др.-инд. *svarga* – «Небеса, Вышний мир Богов». Сварог в мифопоэтических воззрениях индоевропейцев и их потомков, славян, представлялся как Отец Богов. Сравните: др.-греч. Ζεύς Πατήρ, лат. *Diēspiter* и *Jūpiter*, иллир. Δειπάτιρος, др.-инд. *Dyaus Pitar*, лтш. *Debess tēvs* «Небо-Отец» и др. В славянском переводе хроники Иоанна Малалы говорится, что Дажьбог – сын Сварогов³. Сравните также имя Бога огня – Огнь Сварожич. Как интересно подметил Н. М. Гальковский, теоним «Сварог» содержит суффикс -огъ, который обозначает нечто сотворенное (ср. др.-рус.: *пир-огъ*, *твор-огъ*)⁴. Это может указывать на то, что данное Божество само было сотворено Высшим Богом.

Ипатьевская летопись сообщает о событиях, произошедших во времена царствования Сварога следующее: «...спадоша клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Далее повествуется, что Сварог «...законъ постави женамъ за кдннъ мужъ посагати и ходити говеници, а нже преликы дѣици казнити повелѣваше...»⁵. Это позволило исследователям считать Сварога олицетворением космического огня и устройтелем Мирового порядка – лада.

Возможно, что теоним Лад, которым обозначался муж Богини Лады, был эпитетом Сварога. В этом случае правы те из ученых, кто считает Ладу супругой Сварога. И действительно, в великорусской песне «Идет кузнец из кузницы» девушка просит кузнеца с тремя молотами (Сварога?) сковать ей подвенечный убор: золотой венец, перстень и булавку. Т. е. просит устроить брак⁶. В песнях многих славянских народов упоминается Бог по имени Лад, Ладо, который является покровителем любви, веселья, семьи и брака. Почитали Лада с 25 мая по 25 июня. В жертву ему приносили белого петуха⁷.

¹ Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси* : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 10, 11; Фаминцин А. С. *Божества древних славян* / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 125.

² Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002. – С. 457–458; Багдасаров Р. В. *Мистика огненного креста* / Р. В. Багдасаров. – Изд. 3-е, доп. И исп. – М., 2005. – С. 36.

³ Иванов В. В. *Сварог* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 420.

⁴ Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси* : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 17.

⁵ «... упали с неба клещи, [люди] начали ковать оружие». «закон установил для женщин, чтоб выходили замуж за одного мужчину и вели себя сдержано, прелюбодействующих же велел казнить». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком)* / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 464/465

⁶ Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси* : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 17.

⁷ Фаминцин А. С. *Божества древних славян* / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 253–259.

Древние славяне, а возможно, и индоевропейцы, представляли Сварога в образе быка, у западных славян — человека с головой быка (рис. 98). В Белой Руси даже православные иконописцы изображали Бога с рогами¹. Символизм подобной иконографии следующий. Бог мыслился подателем богатств, а единственным богатством человека древности и средневековья был скот, дававший еду, одежду и служивший средством передвижения и земледелия. К тому же, в период сложения индоевропейской и праславянской мифологической системы в зодиаке господствовало созвездие Тельца (т. е. в нем пребывала точка весеннего равноденствия)².

Мифологическую эру Дья Сварога следует, очевидно, соотносить с исторической эпохой энеолита и бронзового века, когда люди научились обрабатывать металлы, и возникла моногамная патриархальная семья.

Стрибог, как и Сварог, относится к Небесному уровню. Изначально, теоним *Стрибогъ* был у праславян эпитетом Бога Отца, ибо имя это происходит от индоевропейского **pt̥r̥-ei-deiwo-s* «Отец-Бог»³, где слово *deiwo-s «Бог» было заменено на славянское *-богъ*. Однако в ходе дальнейшего развития славянской мифологии данный эпитет Небесного Божества выделился в отдельный культ, ставший персонификацией грозного неба, бури, грозной, темной стихии. Связь Стрибога с ветрами несомненна. В диалекте моравских чехов слово *stri* означает ветер, приносящий непогоду⁴. В «Слове о полку Игореве» читаем: «*Се вѣтрѣн, Стрибожнѣ внуци вѣитѣ съ моря стрѣлами*»⁵.

Рис. 98. Западнославянское изображение Сварога на монете.

¹ Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. — Витебск, 1891. — Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. — С. 159.

² Чмихов М. О. Археологія та стародавня історія України : Курс лекцій / М. О. Чмихов, Н. М. Кравченко, І. Т. Черняков. — К., 1992. — С. 241–251.

³ Ср.: слав. стрый «дядя, брат отца» (при латинском *patruus*), укр. стрийна «тётя, сестра отца»

⁴ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. — Х., 1916. — Т. 1. — С. 31.

⁵ «Вот ветры, Стрибожнѣ внуци вѣитѣ съ моря стрѣлами». Слово о полку Игореве. Фотокопия видання 1800 року. — К., 1952. — С. 12.

После крещения Руси культ Стрибога был перекрыт культом святого Касьяна. В результате проведенного сравнительно-исторического анализа, К. Миллинг выяснил, что функции Стрибога совпадают с таковыми у Касьяна: «Мы вправе заключить, что «народно-христианский» Касьян является прямым наследником древнерусского языческого Стрибога и его образ (как и различные индоевропейские параллели) может и должен быть использован для реконструкции образа Стрибога»¹. По мнению исследователя: 1) Стрибог повелевает ветрами; 2) Стрибог покровительствует войне и воинской касте; 3) Стрибог – Бог смерти; своим уничтожающим взглядом он, по выражению «Слова», «веет душу из тела» и разрушает Вселенную в конце мирового цикла; 4) Стрибог – страж «Иного мира», не пускающий туда недостойных; 5) Стрибог покровительствует мертвым, в том числе «заложным» покойникам и всякой «нечисти»; 6) Стрибог состоит в антагонистических отношениях с Дажьбогом, что проявляется в мифе о Солнечном затмении².

Боги Сварог и Стрибог ассоциировались со жреческим сословием и считались ответственными за магико-юридические аспекты космического бытия. При этом Ю. В. Павленко необоснованно усматривает в паре Сварог-Стрибог аналог древнеиндийской ведической пары Митра-Варуна³. Последние, на наш взгляд, более соотносятся с Дажьбогом и Велесом, о чем будет сказано ниже.

Перун. Древний индоевропейский Бог громовержец, в период раннего железного века прочно занял в пантеоне славян ведущее место. Вероятно, его Прокопий Кесарийский, говоря о верховном Боге антов, называет «творцом молний, владыкой над всеми»⁴.

Возникновение данного культа восходит к эпохе индоевропейской культурно-языковой общности. Мнение некоторых исследователей о позднем возникновении культа Перуна у восточных славян следует признать ошибочным. Так, например, Б. А. Рыбаков считал, что «могло произойти отщепление образа бога грозы ... от давнего земледельческого божества Рода ...», «... культ Перуна, имеющий архаичное индоевропейское происхождение, в дальнейшем был характерен главным образом для балтийских и славянских племен»⁵. Последнее утверждение исследователь основывал на работе В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Исследования в области

¹ Миллинг К. Стрибог и святой Касьян в индоевропейском контексте / К. Миллинг // История Змиевского края. – Змиев. – 02.10.2011. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-131>, <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-132>. – Доступ 18. 11. 2011 г.

² Там же.

³ Павленко Ю. В. Историчний розвиток слов'янського пантеону / Ю. В. Павленко // Старожитності Русі-України : Зб. наук. ст. – К., 1994. – С. 175.

⁴ Прокопій. Слов'яни / Прокопій // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 30.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 422, 436.

славянских древностей»¹. Это неверно. Несколько позже, тот же В. В. Иванов в сотрудничестве с Т. В. Гамкрелидзе убедительно доказал общеиндоевропейский характер не только имен, но и самих культов Бога Неба (и.-е. *Djew-s-r̥et̥er > слав. Дѣи) и Бога Громовника (и.-е. *Perkʷ-uno-s > слав. Перунъ)². Для других индоевропейских народов Бог Громовник был характерен не меньше, чем для балтов и славян. Сравните, например, образы древнегреческого Зевса, германского Тора, индийского Индры и др. Различны только имена данного Божества, суть его у разных народов одинакова, т. к. все они восходят к одному архетипу.

Бог Перун был предводителем воинов, Богом-защитником, подателем плодородия, Божеством грозы и молнии. Согласно древнерусскому источнику, Перунов много (Перунъ ксть многъ), что относилось к наличию нескольких сезонных ипостасей Перуна³. У славян, как и у других индоевропейских народов, Перуну был посвящен четверг⁴.

По мифопоэтическим представлениям индоевропейцев обиталищем Перуна была высокая гора. Связь Перуна с горою подтверждается данными лингвистики, поскольку данный теоним связан, возможно, с и.-е. *regh₂n- «гора». На горе росло священное дерево этого Бога – дуб. Сравните: лат. quercus «дуб» (из и.-е. *perkus), гот. faiguni «скала», хетт. peruna- «скала», др.-инд. Parvata – «гора»⁵. Теоним Перунъ, как и сам культ, имеет массу соответствий в языческих религиях других народов индоевропейской семьи. Сравните: лит. Perkūnas, лтш. Perkons, прус. Rēkuns, др.-исл. Fjorgyn «Фьоргун (мать громовержца Тора)», др.-инд. Parjanya- «Парджанья» (имя Бога и одновременно грозовой тучи), хетт. Pirwa- «Пирва, Бог грозы», кельт. (P)erkunia⁶.

Символом Перуна был шестилучевой крест – т. н. громовой знак (*) Б. А. Рыбаков предположил связь этого знака со снежинкой, у которой, как известно, при любой форме всегда шесть лучей. По мнению исследователя, это прямо указывает на местопребывание Перуна – заснеженную вершину горы⁷.

¹ Иванов В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1974. – С. 4–30.

² Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историкотипологический анализ праязыка и протокультуры : В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов – Тбилиси, 1984. – Ч. 2. – С. 791–794.

³ Иванов В. В. Перун / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 307.

⁴ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 98.

⁵ Николаев С. Л. Балто-славянские исследования. 1985 / С. Л. Николаев, А. Б. Страхов / От. ред. В. В. Иванов. – М., 1987. – Т. 6. – С. 160.

⁶ Иванов В. В. Индоевропейская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 530.

⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 455–456

В Болгарии цветок *iris germānica* имеет название перуника. У него шесть лепестков (громовой знак), поросших золотыми волосками (символ молнии). Но здесь, скорее всего, мы имеем дело с созвучием. Более интересна и аргументирована, на наш взгляд, гипотеза Д. Н. Вовка. Исследователь считает, что святилища славян с восемью «лепестками», отходящими от неглубокого рва, символизируют цветок дуба *Quercus robur*. Во-первых, желуди были едой архаичных людей и пищей кабанов (священное животное Перуна). Во-вторых, капи Громовержца на Руси изготавливались из дуба. И, наконец, как считает Д. Н. Вовк, желудь (лат. *juglans* «жёлудь» < *Ju/piter/* «Юпитер» + *glans* «головка») имеет ярко выраженную фаллическую символику¹. Плодородная (фаллическая) функция Перуна у славян доказана на этнографическом² и археологическом³ материалах (рис. 99). Таким образом, следует согласиться с Д. Н. Вовком в том, что святилища Перуна, имевшие восьмилучевую структуру крады (рва вокруг собственно святилища), символизируют цветок дуба *Quercus robur*.

Рис. 99. Громовник Перун (с характерными атрибутами – щитом, жёлудем, обнажёнными половыми органами).

Перун ездит по небу на своей золотой колеснице, запряженной парой коней (по некоторым вариантам – козлов): черным и белым. Его одежды имеют те же цвета. Вооружен Перун луком и стрелами (др.-рус. о стрѣлѣ громныи, пол. *strzala Piorunowa*), а также каменным или медным (бронзовым, железным) мечом или секирой. А. Н. Афанасьев и Н. М. Гальковский сообщают: «Перун,

¹ Вовк Д. Н. Символика языческих святилищ Киевской Руси и её связь с флорой ареала обитания славян / Д. Н. Вовк // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вып. 10. – С. 61–62.

² Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб., 2004.

³ Забашта Р. В. «Перунові дуби» / Р. В. Забашта, О. М. Пошивайло // Археологія. – 1992. – № 2. – С. 57–69..

по преданию, сохранившемуся у белорусов, в левой руке носит колчан стрел, а в правой – лук; пущенная им стрела поражает тех, в кого бывает направлена, и производит пожары. Белорусские поселяне убеждены, что на месте пожара, произведенного ударом молнии (и вообще после грозы) можно находить чудесную стрелку. И в других местностях России доселе живо поверье о громовой стрелке. По этому поверью, стрелы громовые, ниспадая из туч, входят далеко в глубь земли; а через три или семь лет возвращаются на ее поверхность в виде черного или темно-серого продолговатого камешка: это – или сосульки, образующиеся в песках от удара молнии и сварки песка, или белемниты, известные в народе под именем “громовых стрелок” и почитаемые за верное предохранительное средство против ударов грозы и пожаров. То же поверье известно в Сербии»¹. У восточных славян встречается также и другая иконография Громовника: нагой всадник на коне, поражающий копьем Змия². Перуна представляли в виде зрелого мужа с седыми волосами и золотой (медной) бородой. По древнерусскому описанию «...голова кго серебряна, а шѣзъ золотъ...»³. Для сравнения: германский аналог Перуна, Тор, имеет рыжую бороду, как и литовский Перкунас.

Главной функцией Перуна является ежегодная победа над Змием (рис. 100). В общеиндоевропейскую эпоху противником Перуна был Велес (см. ниже), однако у славян произошло расщепление данного культа на два мифологических персонажа: собственно Бога Велеса и противника Перуна – Змия. В различных традициях т. н. основной (змиеборческий) миф имеет свои особенности. Общая канва мифа такова: Змий похищает у Перуна скот, воду, Солнце и даже жену Громовника. Прячась от преследования, Змий оборачивается камнем, деревом, змеей, человеком и т. д. Перун поражает его молнией, возвращая себе скот и жену и водворяя Солнце на место. После этого на землю проливается плодотворящий дождь⁴. Уста-

¹ Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 125–126; Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси*: В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 20.

² Иванов В. В. *Перун* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 307; Бычков А. А. *Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян)* / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 213.

³ *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком)* / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 132/133.

⁴ Романов Е. Р. *Белорусский сборник* / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 4. *Сказки космогонические и культурные*. – С. 155–158; Иванов В. В. *Индоевропейская мифология* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 530; Иванов В. В. *Перкунас* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 304; Иванов В. В. *Перун* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 306–307; Иванов В. В. *Велс* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 229; Иванов В. В. *Велняс* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. – М.,

Рис. 100. Барельефное изображение Святого Никиты, побивающего беса (т. н. Никита-бесогон). В данном образе ярко запечатлён культ громовержца Перуна, поражающего молнией (перуновой стрелой) Змия.

новлено, что аналог славянского Перуна, индийский Бог Индра, совершает змиеборческий подвиг ежегодно¹. Сезонный характер данного Божества подтверждается и славянским преданием о том, что Перун отправляется спать поздней осенью, просыпаясь только в момент первого весеннего грома².

Змиеборческий миф был самым распространенным мотивом среди народов индоевропейской семьи, что нашло свое отражение в многочисленных реминисценциях (пересказах). Сравните, герой германского эпоса «Песнь о Нибелунгах», Зигфрид, бьется с драконом, древнерусские былинные Добрыня Никитич и Илья Муромец побеждают змия, Геракл в одном из своих подвигов убивает Гидру. Наконец, отголоски этого древнего мифа мы встречаем в образе святого Георгия христиан³.

Праздник Перуна отмечали 20 июля. В этот день ему приносили в жертву быка или тура, дикого быка (позднее, данный обряд был перенесен на святого Илью), вепря (либо свинью) или красного петуха. Долгое время считалось, что священным животным Перуна был вепрь. Доказательством тому служили обнаруженные стволы дубов с воткнутыми в них челюстями вепрей. Известны три таких находки, поднятых со дна Десны. Это дубы 1909 г., 1975 г. и 1978 или 1979 гг., датируемые второй половиной IX – концом X вв.

1987. – Т. 1. – С. 228; Иванов В. В. Велес / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 227.

¹ Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. – М., 1989. – С. 497–498

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 55.

³ См., напр.: Блаватский В. Д. О змиеборце в русской былинке / В. Д. Блаватский // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 317–321.

Однако, как убедительно показали Р. В. Забашта и А. Н. Пошивайло, все челюсти, вставленные в дубовые стволы, принадлежали самкам свиньи в возрасте 2–3 лет. По мнению авторов, это свидетельствует о глубоких аграрных корнях славян-язычников второй половины IX – конца X вв. и подтверждает плодородную функцию Перуна, его огромное значение для земледельцев¹. О плодородной функции Перуна говорит также то, что древние авторы изображали его в виде обнаженного мужчины красного цвета с копьем и щитом. Таковым данное Божество предстает в Радзивилловской летописи (рис. 101).

Дажьбог – древнее Божество природы, солнечности, белого света, податель благ. При этом следует отметить, что Дажьбог олицетворял «свет, не имеющий видимого источника, как эманация Божества, творящего мир»². Именно такой свет и был предметом поклонения средневековых язычников. В «Повести временных лет» сказано: «Голнце царя, сынъ Свароговъ, кже кѣтъ Дажьбогъ...»³. Имя Дажьбог сопоставимо с древнеиндийским *dagh* – «день», персидским *dagh* – «палить, испекать», а также литовским *dağa* – «урожай», «жара». У сербов Дабог был Богом плодов и злаков.

По мнению Б. А. Рыбакова, соответствием Дажьбога у других индоевропейских народов можно считать греческого Аполлона и, может быть, скифского Гойтосира⁴, упоминаемого Геродотом⁵. Главным иконографическим атрибутом данного Божества был ритон – турий рог, рог изобилия. Священным животным Дажьбога, как и у Аполлона, был волк. Судя по изображению на блажковской фибуле, Дажьбога сопровождают лебеди⁶. Это является параллелью древнегреческому Аполлону, который ежегодно улетает к гиперборейцам на колеснице, запряженной лебедями⁷. У скифов известен солнечный всадник на грифоне. Герой русских сказок летает на громадной птице Гриб или Ногай (др.-рус. *ногъ* «гриф»). В Древней Руси и Болгарии в XII–XIII вв. были популярны изображения Александра Македонского, летящего на грифонах. Как показал Б. А. Рыбаков, греческий царь заменил здесь языческого Дажьбога (рис. 102; 103: 1)⁸. По мнению Д. М. Дудко, изображение

¹ Забашта Р. В. «Перунові дуби» / Р. В. Забашта, О. М. Пошивайло // Археологія. – 1992. – № 2. – С. 57–58, 60, 63.

² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 455.

³ Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В.В. Яременка. – К., 1990. – С. 464/465.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 70, 444.

⁵ Геродот. История : IV. 59.

⁶ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 200–203.

⁷ Там же. – С. 569, 572.

⁸ Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М.: Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 35; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 538–652.

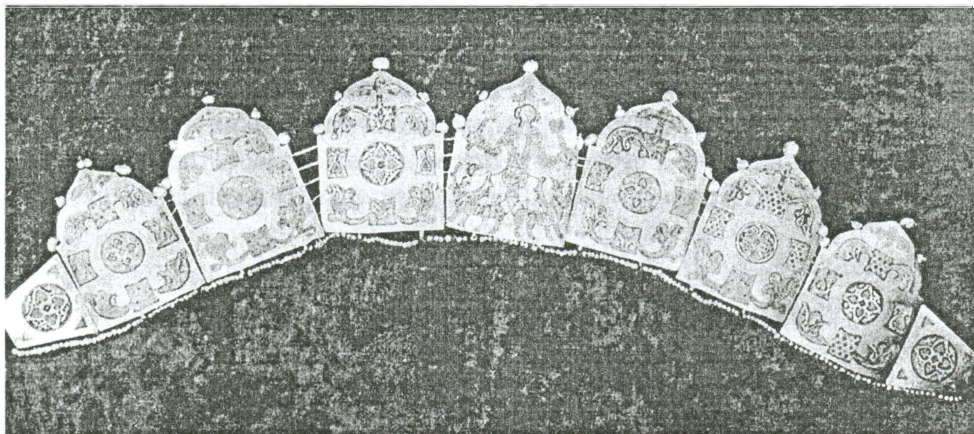
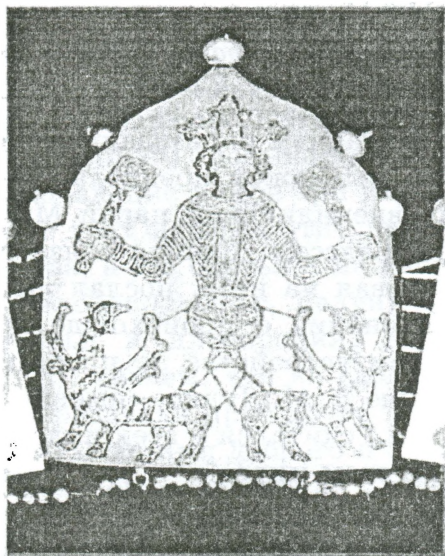

Рис. 102. Дажьбог на княжеской диадеме из с. Сахновка.
В руках Божества русальские жезлы – символ плодородия.

1

2

Рис. 103. Дажьбог:

1 – увеличенный фрагмент с сахновской диадемы; 2 – книжное изображение.

Дажьбога передает одна из бронзовых фигурок VII в., найденных в районе г. Велестино в Фессалии (Италия)¹.

По сообщению «Повести временных лет», во времена царствования Дажьбога «лиди по лунѣ чтаху, а друзѣи деньми лѣтъ чтаху, двои бо на десять мѣсаци число потомъ ѡвѣдаша отнележе начаши человекѣи дань давати

¹ Дудко Д. М. Раннеславянские культовые фигурки из Фессалии и их мифологическая семантика / Д. М. Дудко // Харьковский археологический сборник. – 2008. – Вып. 3. – С. 88; Дудко Д. М. Раннеславянское изображение божества с надписью из Фессалии / Д. М. Дудко // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вып. 4. – С. 69.

царств»¹. Иначе говоря, в мифологическую эру Дажьбога возник двенадцатимесячный солнечный календарь и основы государства.

По-видимому, Дажьбог был весьма почитаем в среде славян, ибо, судя по данным этнографии, упоминания о нем сохранились до XIX в. В одной из свадебных песен, записанной на Винничине, рассказывается о встрече свадебного князя с Дажьбогом:

*«Межи трьома дорогами, рано-рано,
Межи трьома дорогами, ранесенько,
Там здивався князь з Дажбогом, рано-рано,
Там здивався князь з Дажбогом, ранесенько.
– Ой ти, Боже, ти, Дажбоже, рано-рано,
Зверни ж мені доріженьки, ранесенько.
Бо ти Богом рік од року, рано-рано,
Бо ти Богом рік од року, ранесенько,
А я князем раз на віку, рано-рано.
А я князем раз на віку, ранесенько.
Раз на віку в неділеньку, рано-рано,
Раз на віку в неділеньку, ранесенько»².*

В народной среде наибольшим почитанием пользовались Велес и Дажьбог. По некоторым аналогиям мы можем предполагать семантическое соответствие между древнеиндийской парой Митра-Варуна и славянскими Дажьбогом и Велесом. Данная связь подтверждается тем, что Дажьбог, пребывая на небе, послал людям т. н. «Голубиную книгу», дающую знание о происхождении и устройстве мира и общества. При этом устройстве не простом, а справедливым. По верному утверждению Д. М. Дудко, «именно Бог солнца (Митра, Бальдр, Дажьбог и т. д.) считался у всех индоевропейцев защитником справедливости в этом мире»³.

Возникновение мифов о Дажьбоге следует относить, по-видимому, еще к периоду раннего железного века. Описывая скифов-пахарей (сколотов), в которых Б. А. Рыбаков усматривал праславян, Геродот сообщает следующее: «По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой, еще необитаемой тогда, страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена ... Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша.

¹ «по луне или днями вели летоисчисление, потом же узнали двенадцать месяцев <т. е. солнечный календарь> и начали люди давать дань царям». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 464/465.*

² Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002. – С. 124.

³ Голубиния книга. *Славянская космогония* / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008. – С. 22–23.

Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему»¹. И далее: «от Липоксаиса... произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев, царя, племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами², т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами»³. Колаксай делит Скифию между своими сыновьями на отдельные царства. В наибольшем из них хранятся эти золотые реликвии: ярмо, секира, чаша и плуг.

Таргитая и секиру мы вполне можем соотнести с воинским словом скифов, Липоксая и чашу – со жречеством, Арпоксая и ярмо – со скотоводами, а плуг – с земледельцами. Сколотские Таргитай и Липоксай – это славянские Сварог и Дажьбог⁴.

У славян данный миф сохранился в сказке «Три царства». Герой ее, младший из трех братьев, носящий солярное имя (Иван Зорькин, Зоревик, Световик и т. п.) и рожденный на рассвете, вместе с солнцем, добывает в верхнем или нижнем мире три яйца, заключающие в себе три царства: медное, серебряное и золотое, а также трех царевен этих царств. Он женится на царевне золотого царства, а его братья – на двух остальных⁵.

Белобог (Белбог, Белун) – Бог белого дня, счастья, богатства, здоровья и плодородия. В «Славянской хронике» Гельмольда (XII в.) читаем, что на своих пирах и празднествах наши пращурь передавали друг другу по кругу чашу, провозглашая молитву-заклятье во имя доброго и злого Богов⁶.

Белобог – защитник людей от зла, он постоянно борется с Чернобогом. Символами Белобога являются огненный меч, щит и сокол. Данные атрибуты позволили российскому исследователю Д. А. Гаврилову сопоставлять Белобога со скандинавским Хеймдаллем и западнославянским Свентовитом⁷.

По словам А. С. Фаминцина, у белорусов о Белобоге сохранились живые предания, в которых Божество выступает под именем

¹ Геродот. История : IV. 5.

² Академик Б. А. Рыбаков считал этноним сколоты древним названием праславян. См., напр.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 15–16, 40–72; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков. – М., 2010. – С. 202 и далее.

³ Геродот. История : IV. 6.

⁴ Голубина книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 20.

⁶ Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 28.

⁷ Гаврилов Д. А. Хеймдалль: Белбог против Чернобога / Д. А. Гаврилов // Мифы и магия индоевропейцев. – 2000. – Вып. 9. – С. 40–49.

Белун. Он представлялся старцем с длинной белой бородой в белых одеждах и с посохом в руке. Белун одаривает людей богатством, выводит заблудившихся путников из леса¹.

Огнь Сварожич – сын Сварога, Бог огненной стихии на земле².

Начиная с индоевропейских времен, различали два вида огня: женский и мужской. Мужской огонь связывался с понятием четырехугольного очага, женский – круглого. Мужской огонь у славян назывался *огнь* (ср.: лат. *ignis*, др.-инд. *agní*, лит. *ugnis*, лтш. *uguns*), женский – *ватра* (ср.: алб. *vatrë*, др.-инд. *atharvan* «жрец (Бога огня)», иран. *avar*).

Местом поклонения данному Божеству служил овин. Почитая огонь, славяне разводили многочисленные неугасимые костры, горевшие в святилищах многих Богов.

У древних славян огонь являлся непременным компонентом погребального обряда. Славяне считали, что, сгорая, умерший переходит в иной мир, где продолжает свою прежнюю жизнь.

В XIX в. для защиты от болезней и эпидемий добывали т. н. «живой огонь», т. е. тот, который возник от удара молнии, трения дерева или удара кремня. Через «живой огонь» прогоняли скотину, затем через него проходили здоровые люди, в конце же переносили больных.

Лада – одна из двух Рожаниц по реконструкции Б. А. Рыбакова (вторая – ее дочь Леля). Исторические и историко-этнографические материалы XV–XVII вв. изображают Ладу как Богиню брака и семейного благополучия. В соответствии с этнографическими материалами XVIII–XIX вв., Лада называется матерью, святым Божеством или приравнивается Богу в весенних молениях о дожде и урожае³. М. В. Ломоносов справедливо сравнивал Ладу с Венерой.

Органичное соединение и аграрного Божества, и покровительницы брака наблюдается во всем обильном фольклорном материале, содержащем имя Лады. От имени Лады есть много производных:

- ладовать (Волынь) – славить свадьбу;
- ладковать (Волынь) – славить свадьбу;
- ладковать (Рязань, Тула) – сватать;
- лады (Калуга) – помолвка;
- ладины (Осташков) – сговор;
- ладканья (Западная Украина) – свадебная песня;
- ладование – пение весенних песен;

¹ Фаминцин А. С. *Божества древних славян* / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 141.

² Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси* : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 17; Фаминцин А. С. *Божества древних славян* / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 146.

³ Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян* / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 400.

ладовицы – исполнительницы весенних песен;
ладованье – песни на юрьев день;
ладуванье (Болгария) – гадание о женихе;
ладино хорó, ладино коло (Болгария) – весенние хороводы¹.

Празднования в честь Лады проводились весной (1 мая) и в первую половину лета («зеленые святки» в диапазоне: середина мая – середина июня). В целом, обряды и песни, связанные с Ладой, охватывают март, апрель, май и июнь. Они не исполняются зимой (за исключением гаданий о женихе) и не исполняются в момент окончательного созревания колосьев и жатвы (июль – август). Нет их и во время праздников в честь урожая. Первые песни в году с обращением к Ладе поются во время закликания весны². В романе А. М. Горького «Дело Артамоновых» полностью описан обряд поклонения Ладе, сохранявшийся в конце XIX в.

Леля (Лель, Ляля) – дочь Лады, вторая из Рожаниц. Богиня весны и пробуждающейся природы. Поэтому ее античным соответствием можно считать греческую Персефону и римскую Прозерпину. Леля представлялась юной девушкой с венком из весенних цветов на голове.

Священной птицей Лели, по-видимому, являлся аист (по-украински – лелéка), приносящий детей. От имени данного Божества образовано и название детской колыбели – люлька. Бережное, нежное отношение к ребенку передается в русском языке глаголом *лелеать*. самого ребенка-грудничка также называют *лялей*. Это подтверждает предположение о том, что в паре Рожаниц Лели отводилась роль дочери.

Праздник в честь Рожаниц справляли весной – 22–23 апреля. В этот день приносили жертвы растительными и молочными продуктами, которые торжественно с молитвами съедали на священном пиру, а затем всю ночь жгли костры: огромный, в честь Лады и вокруг него двенадцать меньшего размера – по числу месяцев года³.

Полель (Полеля, Лель) – Бог брака и покровитель супругов – сын Сварога и Лады, брат Богини весны Лели.

Полель считался покровителем бортников, а позже, пасечников. Он содействует цветению растений и размножению животных. Кроме того, это Божество является покровителем искусств, певцов и музыкантов. Согласно украинским поверьям, Полель вырастил на земле клён, из древесины которого изготовил волшебную лиру, подаренную людям.

¹ Там же. – С. 400–401.

² Там же. – С. 401.

³ Семёнова М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия / М. Семёнова. – СПб., 2007. – С. 40–41.

Чествование Полеля, как и его сестры, Лели, происходило 22–23 апреля.

Вий, известный современному читателю по одноименному рассказу Н. В. Гоголя, этимологически и семантически восходит к иранскому Богу ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vayuka-sūra* «Ваю могучий», названный Геродотом)¹. Данное Божество находит соответствия в индоевропейском мире. Сравните: лит. *Vejorats* «господь ветра», авест. и др.-инд. *Vayu*.

Образ Бога Вия дошел до этнографов в сильно искаженном христианской демонологией виде.

Месяц, Красно Солнце, Денница. Месяц – Божество времени, олицетворенное в Луне. Имя и культ Месяца восходят ко временам индоевропейской общности (и.-е. *mē-n-s: др.-греч. *μήν*, лит. *mėnuo*, слав. *мѣсяцъ*)².

Солнце, в отличие от Месяца (рис. 104), представлялось славянам в образе прекрасной девы, которая была Божьей дочкой. А. С. Фаминцин сообщает, что на Руси почитали Матушку Красно Солнце³.

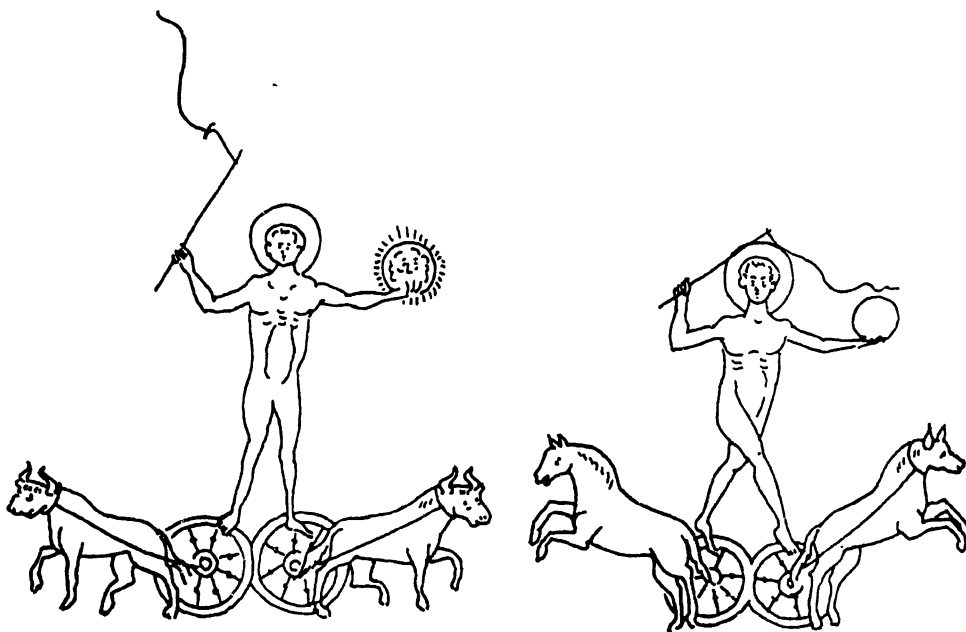

Рис. 104. Солнце-царь и Месяц на своих колесницах (по рисунку в Годуновской Псалтири 1397 г., л. 420).

¹ Абаев В. И. *Дохристианская религия алан* / В. И. Абаев // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1961. – С. 5–7.

² Иванов В. В. *Индоевропейская мифология* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 529.

³ Фаминцин А. С. *Божества древних славян* / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 104, 281.

Денница – славянская персонификация утренней зори, Божество аналогичное древнегреческому Астрею, римской Авроре. Вместе со звездами, Денница прислуживает Солнцу и ухаживает за его белыми конями¹. В сербской песне поется:

«... И Денницу верную молила:
“О, Деннице, сестрице!
Поддай мне светлости твоей
Для молодости моей” ...»².

Достоверных славянских мифов о Месяце не сохранилось. Лишь в балтийской мифологии фрагментарно сохранился индоевропейский миф о небесной свадьбе. Дочь Солнца и Месяц вступают в брак, но Месяц изменяет супруге с Денницей, утренней звездой (в других вариантах – с Зарей). За этот грех Громовержец Перун наказывает Месяц, разрубая его напополам³. О любви Месяца и Денницы свидетельствует белорусская песня:

«Перебор-Месячек, перебор!
Все звездочки перебрал,
Одну себе звездочку выбрал:
Хоть она маленькая, да ясненькая,
Меж всеми звездочками значненькая»⁴.

Ярило (Ярила, зап.-слав. Яровит, Геровит, серб.-хорв. Јаріло) – Бог, пробуждающий природу. Имя его происходит от корня *яр-* «ярый, неистовый, сильный» и связано с представлениями о весеннем плодородии. Ср.: рус. *ярый, яровой*, укр. *ярь* «весна», *ярній* «весенний, молодой, полный сил, страстный». В одном из гимнов, написанном от первого лица, говорится: «Я покрыл равнины травой и деревья листвой. Я приношу полям урожай, а скоту приплод»⁵. Плодородную функцию Ярила подтверждают данные украинской этнографии:

«Волочився Ярило по всьому світу,
Полю жито родив, людям – діток плодив.
А де він ногою – там жито копою,
А де він походить – колос уродить...»⁶.

То же у белорусов:

¹ Там же. – С. 104

² Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 130.

³ Иванов В. В. Индоевропейская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 529.

⁴ Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 131.

⁵ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 198.

⁶ Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 598.

*«А гдзе ж йон нагою –
Там жыто капою,
А гдзе ж йон ні зырне –
Там колас зацьвице!»¹*

На Украине Ярила встречали веснянками:

*«Подай, Ярило, ключі і замки
Одімкнути красну весну,
Красну весну, тепле літечко,
Тепле літечко, спіле житечко!»²*

Иконография Ярила сохранилась в белорусском фольклоре – это едущий на лошади босоногий всадник, одетый в белый плащ. На голове у него венок из диких цветов, в левой руке он держит пучок пшеничных колосьев. По другим вариантам в правой руке Ярило держит колосья, в левой – человеческую голову³. Велико-русский этнографический материал дополняет описание облика Ярила – это мужчина с огромным фаллосом⁴.

В Костроме долгое время существовал обряд «похорон Ярила». Данный обряд заключался в том, что какой-нибудь нищий или бедняк брал на себя поручение хоронить куклу мужчины с чрезвычайно развитыми принадлежностями мужского пола, положенную в маленький гробик. При этом женщины, принимавшие участие в обряде, провожали гробик и нелицемерно плакали. Б. А. Рыбаков раскрыл символизм похорон Ярила. По мнению исследователя, Ярило символизирует посеянное весной зерно. К моменту «похорон» зерно, дав побеги и пустив корни, отмирает, породив новую жизнь – колос. Ярая сила Ярила становится ненужной, и его хоронят до следующей весны⁵.

Характерно, что у западных славян Яровит считался Богом войны. Подобная трансформация образов свойственна и другим индоевропейским традициям. Например, у италийцев Марс (Маворс, Мамерс) также изначально был Богом производящих сил природы, в классическую же эпоху почитался исключительно как Бог войны. Т. е. сексуальная ярость в мифопоэтическом сознании индоевропейских народов, в том числе и славян, вполне соотносится с яростью воинской. В этой связи небезынтересно вспомнить,

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 223.

² Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 614.

³ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 220–221.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 420

⁵ Там же. – С. 420.

что древнегреческое слово *φαλλος* изначально обозначало наступательное оружие (копье, дротик, стрелу).

Праздник в честь Ярила отмечался 4 июня. Позже этот день был привязан к христианской пасхалии и праздновался в различное время, на седьмой четверг после Пасхи, откуда его второе название – Семик. Приурочивание Ярилова дня в древности и раннем средневековье к 4 июня убедительно доказал Б. А. Рыбаков. Во-первых, эта дата зафиксирована на одном из календарных (юлианских) сосудов *черняховской культуры*. Во-вторых, праздник Ярилы 4 июня был подробно описан в 1763 г. в Воронеже. На городскую площадь стекались горожане, а окрестные сельские жители устраивали подобие ярмарки. Люди заранее готовились к этому дню, как к великому празднику. На месте позорища (т. е. того места, куда приходили позреть, посмотреть) избирался миром человек, которого обвязывали лентами, цветами и обвешивали колокольчиками. На голову ему надевали большой колпак, в руки давали позвонки (бубенчики). В таком наряде под именем Ярила он, пляшучи, ходил по площади в сопровождении толпы. Это празднество сопровождалось плясками, лакомством, пьянством, кулачным боем. В-третьих, данный рассказ можно дополнить сообщением Сефрида, который в 1121 г. посетил город Пириц, принадлежавший поморским славянам. Он пишет, что народ справлял сей праздник играми, сладострастными телодвижениями, песнями и диким криком¹.

К Ярилову дню красили яйца, готовили караваи, пекли пироги. С раннего утра дом украшали ветвями березы – семицким деревом. Главным же обрядом данного праздника было завивание венков. Нарядно одевшись, девушки шли в лес. Там выбирали березу, наклоняли ветви к земле и сплетали с травой, чтобы жизненная сила передалась земле. Венки завивали на кончиках ветвей, не ломая их. Через несколько дней девушки отделяли эти венки от березы и шли с ними к реке, где гадали о суженых: куда поплывет венок – там и судьба. Утонет венок – в этот год девушка не выйдет замуж. Хорошим знаком считалось, если венок поплывет против течения².

Женою или женской ипостасью Ярила была **Яровица**. О ней есть упоминание в одном из заговоров, где Яровица представляется как одна из лихорадок-трясовиц (? любовная лихорадка): «отъ всакѣи скорби, отъ Огнанни, и отъ Гнѣтен, и отъ Коркѣши, и отъ Травовицы и отъ черной Плавовицы, и отъ Бладовицы и отъ Шровицы»³.

¹ Рыбаков Б. А. *Русалии и бог Симаргл-Переплут* / Б. А. Рыбаков // *Советская археология*. – 1967. – № 2. – С. 102.

² Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002. – С. 469.

³ Соколов М. *Старорусские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование* / М. Соколов. – Симбирск, 1887. – С. 112.

Спас – Бог урожая. Характер и время спасовых празднований позволяют говорить о существовании в пантеоне славян особого культа Бога урожая, условно именуемого нами Спас.

Характерным для празднований урожая является освящение фруктов (а в дохристианские времена, надо полагать, принесение их в жертву). Первое почитание Спаса приходится на 1 августа и называется Спасов день, или Зажинки. Начиналась уборка яровых хлебов. В это время славяне ходили всем селом к реке или озеру освящать воду, купаться и купать скотину, дабы очистится и обезопасится от болезней. На протяжении недели проводились гадания о предстоящей осенней погоде.

Второй приход Спаса (Обжинки) в поздние времена был перенесен христианской церковью на день Преображения Господня 6 августа, но, судя по реконструкции славянского календаря Б. А. Рыбакова, изначально этот праздник отмечался 7 августа. В этот день, именовавшийся Средним или Великим Спасом, освящались груши, мед, рожь и пшеница, яблоки. В эту же пору из свежесрезанных колосьев изготавливался т. н. сноп-рай. Считалось, что в нем Спас общался с душами умерших предков. К этому дню завершали уборку яровых и сеяли озимые хлеба.

После третьего почитания Спаса (16 августа), который называли третьим, или Малым, завершались празднования в честь урожая. К этому времени, как правило, заканчивали обмолот зерна.

Существование в боговщине славян культа Спаса свидетельствует о глубоких земледельческих традициях наших предков.

Магура, дочь Перуна, в представлениях славян была прекрасной крылатой девой, осеняющей своими крыльями сражающихся воинов. Павшему на поле боя, она дает испытать из своей чаши в виде черепа, целует его, и душа воина отлетает в ирий (рай)¹. Здесь уместно провести параллель с германскими валькириями и дочерью Зевса Афиной. Славянский, не заимствованный, характер Магуры подтверждается тем, что в западно-украинских диалектах слово *магура* означает «мелкий дождь», что соответствует бытующему на Змиевщине диалектизму *мрячка, мжичка*.

Возможно, что почитание дочери Перуна Перуницы (Летеницы, молнии), проводившееся 22 июля, посвящено Магуре.

Дети Дыя (Близнецы). Можем предполагать, что в пантеон славян входили Божественные близнецы (рис. 105), чей культ характерен для всех индоевропейских народов (ср.: др.-греч. Διοσκούροι «Диоскуры», др.-инд. Аśvínā «Ашвины», лтш. Dieva dēli «дети Бога»

¹ Магура // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Магура>. – Доступ 18. 12. 2009 г.

и др.). Божественные близнецы были ответственны за сферу аграрного плодородия, являлись помощниками и защитниками людей. Им характерна также целительская функция¹. На материальном уровне данное парное Божество ассоциировалось с восходом и закатом.

Письменные источники не сохранили славянских имен Сыновей Бога, но культ близнецов сохранился на Руси вплоть до эпохи двоеверия XI–XIII вв. Частично функция славянских Близнецов отражена в культе святых Козьмы и Демьяна. Это подтверждается совпадением летнего праздника этих святых (14 июля) с днем чествования Бога Неба Сварога – отца Близнецов. Этим святым молятся об исцелении различных болезней². Рудименты веры в Божественных близнецов присутствуют также в искусственно созданном христианской церковью культе Глеба и Бориса, где Глеб покровительствует целительству, а Борис – прибыли. Борис и Глеб в народных поверьях связаны с земледелием и плодородием. Функционально эти две пары святых соответствуют роли Божественных близнецов у других индоевропейских народов. Как убедительно показал Б. А. Рыбаков, день памяти Глеба и Бориса, 2 мая, был древним общеевропейским праздником весны, посвященным молодым всходам³, что еще раз подтверждает ответственность данного парного Божества за сферу аграрного плодородия⁴. 1–2 мая у римлян и германцев был праздником майского дерева (лат. *arbor majālis*, нем. *Maibaum*)⁵. На христианских иконах Борис и Глеб изображены в зеленых одеждах (символ плодородия), а на иконе «Борис и Глеб на конях» они

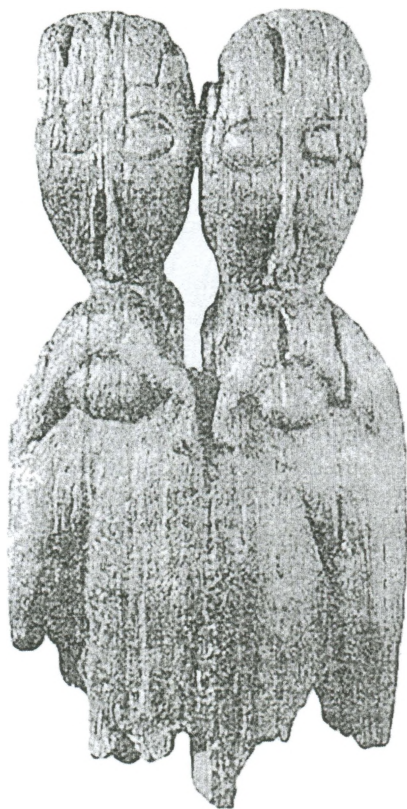

Рис. 105. Близнецное Божество, которое Б. А. Рыбаков ассоциировал с Рожаницами.

¹ Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. – М., 1989. – С. 758.

² Иванов В. В. Авесень / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 29; Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М., 2008. – С. 234.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 672.

⁴ Там же. – С. 186–187.

⁵ Там же. – С. 672–673.

Рис. 106. Борис и Глеб на конях. Икона 1340 г. (Великий Новгород)

практически ничем не отличаются от древнеиндийских Апвинов (рис. 106).

В украинском фольклоре с Борисом и Глебом нередко связана древняя легенда о происхождении Змиевых валов. Борис и Глеб (в иных вариантах – Кузьма и Демьян) рисуются сказочными витязями-кузнецами, побеждающими Змия¹. Победенного дракона братья впрягают в плуг и пропахивают на нем стоверстные борозды – Змиевы валы Киевщины и Переяславщины (территория Змиевского края после распада Киевской Руси отошла к Переяславскому княжеству).

Авсень (Усень, Баусень, Овсень, Усень, Таусень, зап.-слав. Ютербог) изначально был Божеством утреннего рассвета. Культ данного Божества восходит к общеиндоевропейским временам. Особенностью славянской мифологической традиции является то, что Авсень представлялся прекрасным юношей, в то

время как в других индоевропейских язычествах это Божество женского пола. Ср.: др.-инд. Uṣas, др.-греч. Ἥως, лат. Aurōra, др.-глл. Eastre, лит. Aušra, лтш. Ūsiņš. Имя Авсень восходит к и.-е. глаголу *aus- «рассветать»². В мифологии восточных славян Авнь – Божество, связанное с началом нового солнечного цикла и годородием.

В более позднее время Авсень выступает как Бог нового года, связи с чем появляется его второе имя – Усень (от др.-рус. усьнъ – «синеватый», однокоренного с названием января – просянцъ). С приходом Авсеня прибавляется день и начинается светлая часть года. В цикле народных песен посвященных данному Богу

Рыбаков В. А. Язычество древних славян / В. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 530–541.
Иванов В. В. Индоевропейская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 529.

говорится, что он, приехав на коне, строит мост, по которому идут все годовые праздники¹. Кони являются атрибутом данного Божества².

Авсенью приносили в жертву петуха, которого резали в конюшне, мясо варили и ели без участия женщин. Принося жертву, ему посылали молитву с просьбой охранения от волков, т. к. Авсень считался покровителем свиней³.

Поскольку приезд Авсенья обозначал начало празднования нового сельскохозяйственного года, с чествованием его начинался цикл обрядов, связанных с плодородием земли. Поэтому Авсень старались всячески задобрить: его торжественно встречали, угощали специально приготовленными блюдами – блинами, лепешками, кашей, пирогами, свиными ножками⁴.

Обрядовые песни исполняли дети. 1 января они ходили поздравлять односельчан, несли лукошко с зерном (пшеницей, овсом), пели и бросали зерна через стол в красный угол. Хозяйка одаривала детей, и они переходили в следующий дом. Пример такой песни приведен в книге Ф. С. Капицы:

*«Авсень, Авсень!
Поддай брусень!
На что брусень?
Косу точить.
На что косу?
Траву косить.
На что траву?
Коров кормить.
На что коров?
Молоко доить.
На что молоко?
Ребят кормить.
На что ребят?
Им пашню пахать,
Перележни ломать»⁵.*

Связь Авсенья с плодородием в новом году подтверждается следующей песней:

¹ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 43; Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М., 2008. – С. 19–20.

² Иванов В. В. Авсень / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 29.

³ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминци. – СПб., 1884. – С. 246–247.

⁴ Там же – С. 247

⁵ Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М., 2008. – С. 20.

«Ой, Авсень, ой Коляда!
 Дома ли хозяин?
 Его дома нету!
 Он уехал в поле,
 Пшеницу сеять.
 Сейся, сейся, пшеница,
 Колос колосистый.
 Колос колосистый, верно верни сто»¹.

Хорс (варианты в источниках — Хѣръзъ, Хѣръзъ, Хѣръзъ, Хѣръзъ, Хѣръзъ, Хѣръзъ, Хѣръзъ²), как убедительно показал Б. А. Рыбаков, олицетворял собой солнечный свет, был персонификацией солнечного диска. Но, вероятно, Хорс наделялся также некоторыми воинскими чертами. В апокрифической «Беседе трех святителей» читаем: «отчего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная кста: бланнскій старецъ Перуѣнъ и Хоръзъ жидовинъ — два кста ангела молніина»³.

Имя Хорс лингвисты связывают с авест. h'are xsæte и пехл. x'aret «солнце сияющее» либо «солнце-царь»⁴, А. А. Потемня связывал теоним Хорс с осет. х'арз — «хороший». В. И. Абаев пришел к выводу, что известный по русским летописям Хорс (Хѣръзъ, Хѣръзъ) имеет скифо-сарматское начало и должен рассматриваться как заимствованный от иранского населения Северного Причерноморья⁵. В. В. Седов считал, что заимствование культа Хорса произошло во времена постулируемого им славяно-иранского симбиоза, который, по мнению исследователя, относился ко времени черняховской археологической культуры (II–IV вв. н. э.)⁶. Учитывая, что славянское Хорс (Хѣръзъ, Хѣръзъ) находит параллель только с осетинским хог/хур, М. А. Васильев сделал вывод о том, что имя Хорса было заимствовано славянами у сармато-аланов. Такого же мнения придерживается Д. М. Дудко⁷. Выдающийся славист Л. Нидерле относил заимствование культа Хорса к эпохе раннего средневековья. В своей работе «Славянские древности» Л. Нидерле пишет:

¹ Русские народные песни : Песенник. — М., 1989. — С. 10–11.

² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. — Х., 1916. — Т. 1. — С. 23; Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. — СПб., 1884. — С. 200–201.

³ «Отчего был сотворен гром? Василий сказал: «есть два громовых ангела: языческий старец Перун и Хорс жидовин — два молниевых ангела». Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М., 1995. — Т. 1. — С. 127.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. — Изд. 2-е, стереотип. — М., 1987. — Т. 4. Т-ящур. — С. 267–268.

⁵ Абаев В. И. Провербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания / В. И. Абаев. — М., 1964. — С. 90–99.

⁶ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. — М., 1995. — С. 83.

⁷ Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. — М.; Иерусалим, 2004. — Т. 2. — С. 36.

«Имя Хорс, или Хръсъ, неславянское и образовалось, скорее всего, из иранского и древнееврейского *khoreš*, *kheresé* (пехлев. *khoršed*) – «солнце»»¹. Учитывая тот, факт, что в древнерусской литературе Хорс именуется жидовином, следует признать, заимствование данного культа относится к эпохе раннего средневековья, когда территорию Змиевщины населяли и славянские племена северян, и иранские племена алан. Аланы были подданными Хазарского каганата, государственной религией которого была «вера жидовская» – иудаизм. Потому и Хорс называется жидовином.

Есть и другая точка зрения. Исследуя данный вопрос, Б. А. Рыбаков выдвинул целый ряд слов, однокоренных с теонимом Хорс. Сравните: др.-греч. *χόρος* – «круглый светильник», «хорос», др.-греч. *χωρά* – «сельская округа», рус. *хорошумъ* – «круглый ритуальный пирог-курник», *хороводъ* хороводъ – «круговой танец», *хоромы* (первоначальное значение «круговая застройка»)². Такие параллели говорят о том, что культ Хорса, возникнув в среде предков иранцев, проникал к их ближайшим соседям, каковыми, судя по приведенному лексическому ряду, следует считать славян и греков. Это приводит нас к мысли о том, что славяно-иранский симбиоз имел место в эпоху энеолита. Исследователь пишет: «По всей вероятности, при анализе причин несомненного сходства слов, обозначающих Божество у славян и у индо-иранцев, необходимо учесть древнее и долгое соседство, восходящее к эпохе первых земледельцев Европы V–III тыс. до н. э.»³. Б. А. Горнунг выделил такое понятие, как древнейшая юго-восточная зона индоевропейского языкового единства, с которой, на наш взгляд, и следует связывать возникновение однокоренных слов у вышеупомянутых народов.

По мнению некоторых исследователей Хорс – Бог Луны и ночного света. В качестве аргумента сторонники данной гипотезы приводят цитату из «Слова о полку Игореве»: «Всеславъ князь въ ночь вѣкомъ рыскаше; изъ Кыя доискаше до къръ Тмугтаракана; великомъ Хрѣсови вѣкомъ пѣть прерыскаше»⁴. Но эта цитата, на наш взгляд, только подтверждает солнечную природу Хорса. Ведь солнце в своем небесном пути движется с востока на запад, в то время как Всеслав рыскал волком с севера на юго-восток (от Киева к Тмутаракани), пересекая, таким образом, путь Хорса. По всей видимости, у славян существовало поверье, запрещающее перебегать путь солнцу.

¹ Нидерле Л. *Славянские древности* / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000. – С. 312.

² Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян* / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 434.

³ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 439.

⁴ «Всеслав князь по ночам как волк рыскал; из Киева добежал до Тмутаракани [ещё] до петохов; великому Хорсу волком путь пересекал». *Слово о полку Игореве*. Фотокопия видання 1800 року. – К., 1952. – С. 36, 70.

В древней болгарской поэме «Легенда о дочке Шана» 882 г. упоминается Хурса – Божество огня и кузнечного дела:

*«Остерегались все
Перебегать путь Хурсе –
Иначе сила оружья
Исчезала, а без нее – смерть»¹.*

Символом солнца у славян был косой крест (X)². Исходя из вышеприведенных вариантов имени данного Божества, можем предполагать, что название кириллической буквы Х «хѣръ» (из хѣръгъ) связано с теонимом Хорс (Хорсѣ, Хѣръсѣ).

С Хорсом связано также представление о белоснежном коне – именуемого Хорсалкой. Вероятно, имя Хорсалка имеет общий корень с англ. horse «конь». Известен обряд, когда чучело лошади, именуемое Хорсалкой³, обносили вокруг села, а потом бросали в воду или сжигали. Данный обряд называется «водить кобылку» и, по-видимому, имеет целью защиту села от влияния злых сил или болезней. Сюда же относятся многочисленные обычаи и поверья, связанные с конским черепом, который отвращает непогоду, оберегает плотины и др⁴.

Таким образом, Хорс – это Божество, проявляющее себя в образе солнца, оберегающего и защищающего.

Морена (Марена, Марана) – Богиня весеннего плодородия, связанная с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы и с обрядами закличания дождя⁵.

Славянский миф о Морене блестяще реконструировал Б. А. Рыбаков⁶. Уточнил данную реконструкцию харьковский исследователь Д. М. Дудко⁷. Морена является весенней Богиней плодородия. Подземный Бог Пек (Чернобог, Кощей) похищает ее и увозит в свое подземное царство, где она на протяжении осени и зимы превращается в Божество смерти. Весною Дажьбог выводит Морену в земной мир, после чего та вновь становится Богиней весны. Верность реконструкции этого мифа подтверждается данными этнографии. В западнославянском весеннем обряде чучело Мораны (смерти) разрывают, а из его остатков сооружают чучело Весны и торжественно вносят его в село. Данный миф проиллюстрирован на серебряной оковке турьего рога из Черной Могилы (рис. 107).

¹ Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 565.

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 168, 171.

³ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 211.

⁴ Там же. – С. 201–202, 209–211.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 341–343.

⁶ Там же. – С. 341–343.

⁷ Дудко Д. М. Погребальный обряд знатных руссов: этноисторические и мифологические корни / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 158–168.

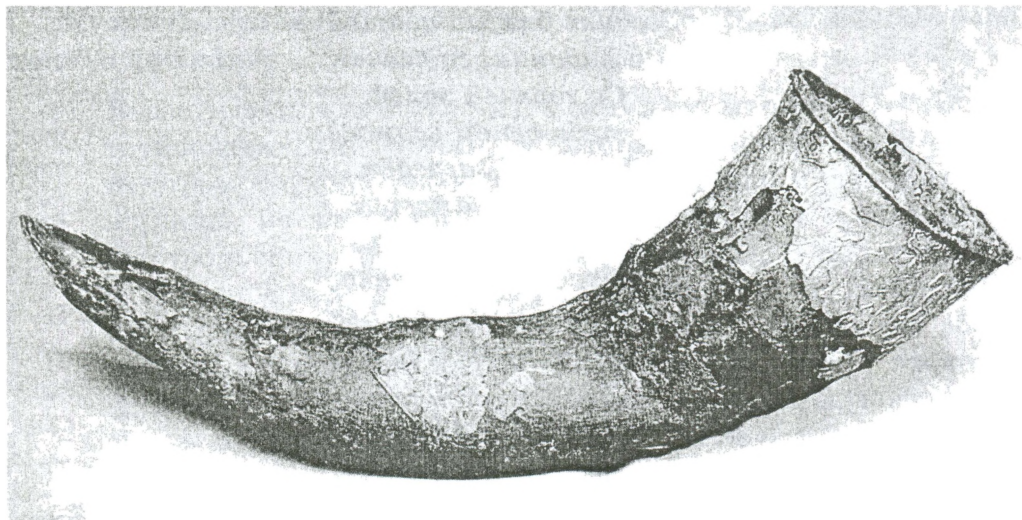

Рис. 107. Турий рог из Чёрной Могилы, где на серебряной оковке изображена сцена освобождения Дажьбогом Мораны и смерть Кощея Бессмертного.

В Украине накануне Купальского праздника сооружают из соломки куклу, называемую Купалой, одевая ее в женское платье, плахту и венок из цветов. Затем рубают деревце (черноклен, вербу, вишню или тополь), украшают его лентами, венками и устанавливают на месте игрищ. Это деревце называют Мореной; под ним ставят Купалу, а рядом – дары. Вокруг Морены водят хороводы. После чего разжигают огонь, через который девушки и юноши прыгают парами, держа в руках куклу Купалы. На следующий день и куклу, и Морену приносят к реке, срывают с них украшения и топят в воде.

Морену почитали дважды в год: первый раз – 1 марта, когда Морена возвращается из подземного полона и прогоняет Зимумару; и в ночь летнего солнцестояния, когда ее приносят в жертву (топят) подземному Богу.

Чур (Щур, Цур) – домашний дух, хранитель рода. Считается, что его местопребыванием является чурка – полено, которым растапливают печь¹. Славяне почитали Чура хранителем собственности, преумножителем богатств рода:

*«Смерть, ты Коровья Смерть!
Выходи из нашего села,
Из закутья, из двора
В нашем селе*

¹ Цур // Українська Радянська Енциклопедія : У 17 т. – К., 1964. – Т. 16. – С. 62.

*Ходит Власий святой¹
 Со ладоном, со свечой,
 Со горячей золой.
 Мы тебя огнем всожжём,
 Кочергой загребём,
 Помелом заметём
 И попелом забьём!
 Не ходи в наше село;
 Чур наших коровушек,
 Чур наших бурёнушек,
 Рыжих, лысых,
 Белосисих, беловымьих,
 Криворогих, однорогих!»²*

Несомненна также связь Чура с культом предков: сравните, производное от этого теонима слово *prapciurys* «предок».

Велес (Волос), как и большинство славянских Богов, восходит ко временам общеиндоевропейской общности. Сравните однокоренные Велесу теонимы и эпитеты Богов: лит. *Velnius, Vielona*; лтш. *Velns, Vels*; др.-инд. *Vṛtrá, Valá, Váruṇa*, а также *Völs* «волосатый» — прозвище германского Бога Одина³. По ряду признаков (близость к воде, покровительство поэзии) есть все основания отождествлять индийского Варуна и славянского Велеса. Поскольку в Ригведе Варуна и Индра (индийское имя Перуна) называются вседержителями⁴, то можно сделать вывод о том, что Велес был верховным Богом хаоса, т. е. до начала создания упорядоченного мира — космоса. Позднее, в мифологическую эпоху космоса, он был вытеснен культом Бога Отца — Сварога, которого, в свою очередь, сменил Перун. В Ригведе данное Божество носит имя Варуна Асур. Славянский Велес также имеет двусложное имя — Вел-ес. Вторая часть соотносится с Асурой, равно как со старым кельтским Богом Есусом и старонорвежским Асиром⁵.

Восточные славяне представляли Велеса в образе медведя⁶. Лапы, когти и голова медведя считалась волшебным оберегом у многих народов, в т. ч. и у славян.

¹ Изначально, надо полагать, Бог Велес. — Прим. авт.

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М., 1995. — Т. 1. — С. 355–356.

³ Сакральный календарь друидов. CALENDARIA. — М., 2004. — С. 182–183.

⁴ Топоров В. Н. Варуна / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М., 1987. — Т. 1. — С. 217.

⁵ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. — М., 2007. — С. 205
⁶ Иванов В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М., 1974. — С. 57–59.

Култ Велеса весьма многогранен. Данное Божество имеет множество функций:

1. Велес – податель богатства. Вспомните многочисленные восточнославянские сказки, в которых медведь одаривает богатством трудолюбивую девочку, случайно попавшую в его жилище. Во владении Велеса находится скот – основное богатство в эпоху древности и средневековья. В тексте торгового договора между Русью и Византией от 907 г. Волос выступает как поручитель со стороны русичей¹. Во время уборки урожая на поле оставляли «Велесову бородку» – несколько несжатых стеблей хлебных злаков, обвязанных лентой. Этот обряд, будучи жертвоприношением Велесу, должен был обеспечить урожай следующего года.
2. Велес – Бог потустороннего мира. В представлении древних индоевропейцев, загробный мир – это пастбище душ. Сравните, кетт. wellu «луг», др.-греч. (ῥ)ήλυσιος λαίμων «(в)елисейские поля» (потусторонний мир, где, по представлениям древних греков, пребывали души умерших), др.-исл. valhøll – «вальхалла», лит. vėlė – «душа умершего», лтш. veļu laiks – «день поминовения предков», тох. A walu – «мертвый», лув. Ulant – «мертвый», др.-англ. wæl – «оставшийся на поле боя труп».
3. Велес – покровитель поэзии и магии. В «Слове о полку Игореве» древний певец Боян назван Велесовым внуком². Здесь образ Велеса перекликается с германским Одином, принесшим Богам мед поэзии³. Прозвище Одина, Völs, «волосатый»⁴, является этимологической параллелью к теониму Велес. Литовский Велняс и индийский Варуна также связаны с музыкой и танцами, мудростью⁵.
4. Велес, как повелитель загробного мира, связан с властью и собственностью; сравните: тох. A wäl – «царь», тох. B walo – «царь», слав. *вѣлѣти*, рус. *вѣлѣти*, словац. last – «собственность».

Как уже было отмечено выше, славяне представляли Велеса в образе медведя (у западных славян – человек с медвежьей головой). Это подтверждается данными археологии. Так, например, среди культовых предметов, обнаруженных на *волынцевских*

¹ *Повість врем'яних літ : Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка.* – К., 1990. – С. 46/47.

² *Слово о полку Игореве. Фотокопія видання 1800 року.* – К., 1952. – С. 7.

³ *Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 289*

⁴ *Сакральный календарь друидов. CALENDARIA* – М., 2004. – С. 182–183.

⁵ *Иванов В. В. Велняс / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 228; Топоров В. Н. Варуна / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 217.*

поселениях Роище и Волынцево, имеются просверленные клыки медведя и астрагалы¹. Просверленные клыки медведя, несомненно, выполняли роль оберегов. О широком распространении культа медведя у восточных славян свидетельствуют многие археологические находки: ритуальные захоронения медведя, амулеты из медвежьих когтей, медвежьи лапы, клыки. Подобные артефакты прослеживаются во всем восточнославянском мире: от курганов Верхнего Поволжья и Приладожья до городищ Волынцево и Тушемля (VII–VIII вв., Смоленская область, Россия)². Медведь был священным животным у всех индоевропейских народов. Верили, что если съесть кусочек его мяса, то приобретешь его силу. В Великой Руси крестьяне вешали в конюшне медвежью голову, окуривали дом медвежьей шерстью, заказывали вожака с медведем, прося его провести медведя вокруг двора³. У греков медведь – священное животное Артемиды. У кельтов медведь – эмблема воинской доблести. Имя короля Артура (латинская транскрипция Arthōrius) выводят от др.-греч. αρθός – «медведь»⁴.

Богу Велесу были посвящены два праздника: 6 декабря и 11 февраля. Надо полагать, что здесь мы имеем дело с хронологическими рамками особого почитания данного Божества.

Семаргл (варианты в источниках – Сѣмаргъ, Сѣмаргъ, Сѣмургъ, Сѣмаргъ⁵) на протяжении всего христианского периода истории Руси был самым загадочным Божеством. Уже переписчики XIII–XIV вв. не знали, как точно пишется данный теоним. Поэтому современной науке известны несколько его вариантов. В «Слове христолюбца» (по списку XIV в.) данное имя было вообще воспринято переписчиком как два разных: «веруище ... и въ Сѣма, и въ Рыгла». Последнее обстоятельство позволило некоторым исследователям говорить о наличии в пантеоне восточных славян двух различных Богов: Сема и Рыгла⁶.

Попытки понять функцию данного Божества предпринимались неоднократно. Как правило, для этого использовались этимологические методы. Нестор Летописец, а позднее Памва Беринда в книге «Лексикон» 1627 г. поясняли данный теоним как «сѣмь» и «ергла»⁷. Та же мысль была высказана магистром славистики

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 199.

² Соколова З. П. Культ животных в религиях / З. П. Соколова. – М., 1972. – С. 84.

³ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 178–179.

⁴ Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: СПб., 2005. – С. 201

⁵ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 31.

⁶ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – М., 1913. – Т. 2. Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. – С. 41.

⁷ Лозко Г. С. Коло Свароже : Відроджені традиції / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 50.

Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре». По его мнению, *Сѣмаргъ* – это Семиярило. Его культ исследователь приурочивал к летнему солнцестоянию¹. Эту трактовку высказывал и А. С. Фаминцин². Действительно, наибольшая сила солнца проявляется в середине лета, когда светило не только греет Землю своими животворящими лучами, но и сжигает, опалает растительность. Н. М. Гальковский³, К. В. Тревер⁴ и Б. А. Рыбаков⁵ связывали Симаргла с позднеиранским Сенмурвом – крылатым псом. Иранский характер Семаргла признавал также В. И. Абаев⁶. Хотя при этом Б. А. Рыбаков оговаривал, что данное Божество «... родственно литовскому Пергрубю, «размножающему растения». В этнографических сборах ему, по всей видимости, соответствует Ярило, известный у западных славян в средние века (*Hierovitus*)»⁷.

Однако все эти мнения нуждаются в некоторой корректировке и упорядочении. Во-первых, ни один из многочисленных иранских вариантов имени Сенмурва не совпадает с русской формой⁸. В лингвистике существует довольно стройная и аргументированная теория звуковых переходов. В соответствии с данной теорией, ни один из вариантов имен Семаргла не может быть возведен к иранскому Сенмурву. Кроме того, славянский Семаргл и иранский Сенмурв не могут быть возведены к единому индоевропейскому архетипу⁹. Во-вторых, ни одно из славянских Божеств, считающихся иранскими, не приведено в перечне собственно иранских (скифских) Богов¹⁰.

Имя Семаргла, очевидно, состоит из двух частей. Первый корень (*сѣм-*, *сьм-*, *см-*) может восходить к слав. *сѣма* либо *сѣмь*. Второй корень (*-ргъ*, *-ргь*), так же как и имя индийского Бога Рудры, восходит к индоевропейскому прилагательному **rudhlō-s* – «неистовый, яростный». Б. А. Рыбаков в своей статье «Русалии и бог Симаргл-Переплут» весьма аргументировано доказал несомненную

¹ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – Репринт. изд. – М., 1993. – С. 597–598.

² Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 227.

³ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 33.

⁴ Тревер К. В. Собака-птица : Сенмурв и Паскудж / К. В. Тревер // Из истории докапиталистической формации. – М.; Л., 1933. – С. 324–325.

⁵ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 94; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 415.

⁶ Абаев В. И. Превреты и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания / В. И. Абаев. – М., 1964. – С. 90–99.

⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 444.

⁸ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 436.

⁹ О звуковых переходах см., напр.: Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения пострапических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b-ç) / В. М. Иллич-Свитыч. – М., 1971. – С. 157–159; Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков / А. Н. Савченко. – М., 1974. – С. 79–89; Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка / И. М. Тронский. – М., 1960.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 432.

связь данного Божества с русалками и празднеством русалий¹. Зная, что русальская обрядность посвящена животворящим силам природы и идее плодородия, мы можем констатировать ответственность Семаргла именно за сферу аграрного плодородия.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров расшифровывают Семаргла как «Sēdmōr(o)golv», т. е. «Семиглав», что, скорее всего, неверно. На наш взгляд, учитывая происхождение звуков славянского языка, теоним Семаргл восходит к и.-е. *Sēmōrīgļū². Попытки сопоставить Семаргла с западнославянским Руевитом (Ругевитом), имевшим семь голов, предпринимались еще А. С. Фаминциным. В частности, исследователь приводит лингвистические аргументы: чеш. rujnu означает «пылающий, горячий, страстный», а серб. рујан – «темно-красный»³.

Скорее всего, правильным следует считать написание данного теонима как *Сѣмар҃гль* «семь пылающих, горячих месяцев». Вторая часть этого имени позволяет считать Семаргла аналогом индийского Рудры, который является Богом бури, воплощением разрушительной силы, но одновременно был исцелителем, связанным с идеей плодородия и жизни⁴. По всей видимости, Семаргл был воплощением солнца, дарующего жизнь растительности в период семи яровых месяцев. Таким образом, данное Божество не имеет никакого отношения к иранской собакоптите Сенмурву, а является одним из солярных Божеств славянского пантеона.

Учитывая смешанный (солнечно-водный) характер плодородной функции Семаргла, мы должны предполагать и его соответствующий вид. Следует признать верной расшифровку иконографии Семаргла, сделанную Б. А. Рыбаковым – существо с хвостом, двумя лапами и двумя крыльями (рис. 108). Однако неверна трактовка этого изображения: действительно, хорты являются священными животными Ярила, а волки – Дажьбога. Связь с солнечной стихией очевидна. Но где же связь со стихией воды? Специально Богу Семарглу был посвящен праздник Семик. В этом празднике, как и во всей русальской обрядности, большую роль играет зелень, культ воды (почитание русалок, взаимное обливание водой, «плещевания» и т. д.). Отправление культа Семаргла было связано с питьем из рога, плесканием в водоеме и пении специальных языческих песен⁵. Русалки считались подательницами росы и влаги на поля. У

¹ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 91–116.

² Иванов В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1965. – С. 25.

³ О происхождении славянских звуков см., напр.: Біленька-Свистович Л. В. Церковнослов'янська мова / Л. В. Біленька-Свистович, Н. Р. Рибак. – К., 2000. – С. 80, 86–87, 89.

⁴ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 187.

⁵ Ригведа. Мандалы I – IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. – М., 1989. – С. 761.

пса связи с влагой и росой быть не может. Поэтому Семаргл – это не крылатый пес, а дракон. Он может и взлетать к солнечным Небесам, и погружаться в водные глубины.

Можем с большой долей вероятности считать, что Семаргл был наиболее почитаем северянами. Во-первых, на колтах, обнаруженных на территории расселения северян (бассейны рек Сейма, Псла, верховья Оки), изображены, как правило, те существа, которых Б. А. Рыбаков называет семарглами¹. Во-вторых, напомним, что река Сейм до XVII в. называлась Семь. Учитывая водно-плодородную функцию Семаргла, можно предположить, что данное Божество особо почиталось северянами, проживающими в бассейне Сейма (Семи). Предполагаем, что сама суть Божества не была заимствована славянами, поскольку посвященные Семарглу празднества – Русалии – являются общеславянскими, а, возможно, и общеиндоевропейскими². Раннее исчезновение упоминаний Семаргла в летописях и поучениях против язычества следует, на наш взгляд, связывать с сугубо северянским ареалом распространения данного теонима.

Макошь (Мокошь) многими исследователями связывается с культом Матери Сырой Земли³. У чехов Мокошь – Богиня дождя и сырости. К ее помощи прибегали во время засухи⁴. В тесной связи с Мокошью были особые дүхи – вилы, обеспечивающие орошение нив росой.

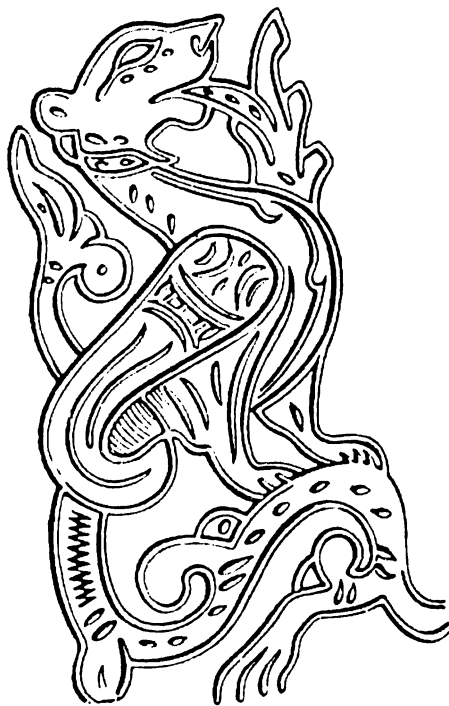

Рис. 108. Предположительное изображение Семаргла (по Б. А. Рыбакову).

¹ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 620.

² Рыбаков Б. А. *Русалии и бог Симаргл-Переплут* / Б. А. Рыбаков // *Советская археология*. – 1967. – № 2. – С. 101; Иванов В. В. *Мокошь* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 169; Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 444.

³ Иванов В. В. *Мокошь* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 169; Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 444.

⁴ Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси* : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 33.

Б. А. Рыбаков считал, что имя этого Божества состоит из двух корней: первый, вероятно, означает «мать», второй компонент имени связан с русскими словами *кошелек*, *кошара* – «загон для овец», *лукошко*. Сюда же относится украинское слово *кошик* – «корзина»¹.

Однако более верно мнение М. Гимбутас, которая отметила связь Мокоши с прядением, ткачеством и гаданием, ср. и.-е. *mokos – «прядение»². Между прядением и гаданием прямая связь – во всех индоевропейских традициях человеческая судьба представляется нитью, которую прядут Богини судьбы: норны у германцев, парки у римлян, мойры у греков, суденицы у славян. Если предположена М. Гимбутас связь Мокоши с и.-е. *mokos – «прядение» верна, то правильной будет мысль об общеиндоевропейском характере данного Божества. В этом случае возможно возвести слав. *Мокошь* к и.-е. *Mokosī.

В жертву Мокоши приносили первые снопы льна и первые вытканые куски ткани. В конце XIX в. украинские пряжи, приступая к работе, совершали обряд мокриды – бросали в колодец куски кудели³. По сообщению Н. М. Гальковского, треба (жертва) Мокоши заключалась в том, что при стрижке овец кладут на ночь несколько клочков шерсти⁴.

Днем, посвященным Мокоши, считается пятница. Известно о том, что в древности на Руси почитались 12 пятниц⁵. Позднее, в эпоху двоеверия образ Мокоши перекроет святая Параскева, чье имя в переводе с греческого означает пятница. В начале лета, в первую теплую пятницу, устраиваются Мокрины – праздник в честь Богини Мокоши. В этот день славянские женщины и девушки купались в реке и обливали водой парней и мужчин⁶. В антиязыческой христианской литературе данный обряд носит название «плещеваний».

Иконография Мокоши известна по довольно многочисленным образцам великорусской вышивки. При этом выделяются два ее типа. В вышивках, связанных с весенним циклом обрядов, Богиня воздевает руки к небу, к верховному Божеству – Сварогу, с мольбой о солнце и дожде для только что посеянных семян. В вышивках купальской тематики Мокошь изображалась с руками, опущенными к земле. В обоих типах иконографии Макошь сопро-

¹ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 437

² Гимбутас М. *Славяне. Сыны Перуна* / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 206.

³ Капица Ф. С. *Тайны славянских богов* / Ф. С. Капица. – М., 2008. – С. 79–80..

⁴ Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси* : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 33

⁵ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 437–438; Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян* / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 388–392.

⁶ Киреевский И. Р. *Мифы древних славян* / И. Р. Киреевский. – Х., 2006. – С. 55.

вождаема либо русалками (у восточных славян русалка – птица с головою женщины), либо конями, либо всадниками (рис. 109).

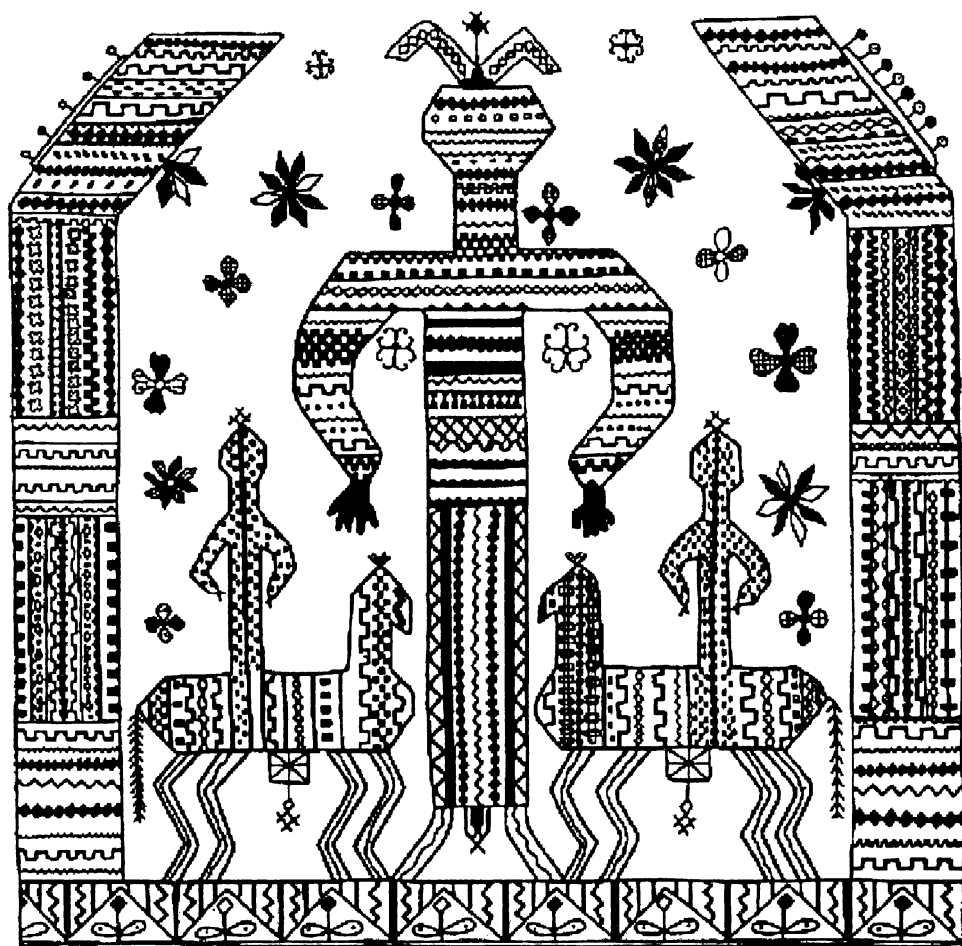

Рис. 109. Макошь на великорусской вышивке, приуроченной к купальским празднествам (по Б. А. Рыбакову).

Л. С. Клейн небезосновательно усматривает в данной вышивке Богиню Волзь (Солнце-деву) и Близнецов – Детей Бога. Это находит прямые параллели в балтской мифологии: Близнецы ухаживают за своей сестрой – Солнцем. См.: Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб., 2004. – С. 85.

Современный исследователь славянского язычества Д. М. Дудко считает, что антропоморфные фигурки фессалийской коллекции представляют два мифологических образа: Дажьбога – Бога солнца и Мокошь-Живу (Великую Богиню), связанную с влагой и пло-

дородим. При этом исследователь полагает последнюю матерью Дажьбога¹. Во всех рассмотренных исследователем случаях, речь, по его мнению, может идти об иранских элементах в славянском образе Великой Богини, не заимствуя образа в целом².

М. Гимбутас предполагала также, что культ Мокоши (в образе Святой Макрины) перешел в культ Девы Марии³.

Дана – Богиня воды. Само имя ее происходит от и.-е. *dhon – «вода». Сравните с названиями европейских рек: Днепр, Дон, Донец, Днестр, Дунай. К этому же корню восходит имя греческого Бога воды и землетрясений Посейдона (из и.-е. *Poti-dhon – «повелитель вод»). К этому же семантическому ряду следует относить сына Посейдона – Даная, который по греческой мифологии был отцом 50 данаид – духов источников и колодезей.

Несомненным соответствием славянской Дане является др.-инд. Дану (dānu – «влага»), мать противника Бога Громовника, Вритры, и ряда других демонов.

В наиболее архаичных украинских колядках и щедровках Богиня Дана своими широкими и прозрачными водами омывает вечнозеленое Древо жизни (Мировое дерево?). День Даны праздновался 6 января.

Бес (слав. бѣс) является производным от индоевропейского *bhoi-dho-s – «вызывающий страх, ужас»⁴. В соответствии с данными этнографии, можно предполагать, что Бес мыслился славянам как антагонист Сварога. При этом он также был участником сотворения видимого мира (см. § 5. 2). Сварог создал Землю равнинной, но из-за вмешательства Беса на ней появились горы, болота, холмы и овраги⁵. Во время всемирного потопа Бес всячески пытался помешать спасению людей.

Чернобог (Чёрт) олицетворял злые силы, враждебные по отношению к человеку. Его противопоставляли Белобогу.

У славян было двойственное воззрение на мир, что выразилось в поклонении как Белобогу, так и Чернобогу, представителям света и тьмы, добра и зла. В Хронике Гельмольда (XII в.) читаем: «est autem Slāvōrum mirabilis error, nam in conviviiis et compotātiōnibus suis potēram circumferunt, in quam cōferunt nōn dicām consecrātiōnes, sed execrātiōnis verba,

¹ Дудко Д. М. Раннеславянские культовые фигурки из Фессалии и их мифологическая семантика / Д. М. Дудко // Харьковский археологический сборник. – Х., 2008. – Вып. 3. – С. 88

² Дудко Д. М. Иранские (скифо-сармато-аланские) элементы в славянском образе Великой Богини / Д. М. Дудко // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2012. – Вып. 10. – С. 56.

³ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини : мир Древней Европы / М. Гимбутас. – М., 2006. – С. 51.

⁴ Иванов В. В. Бесы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 169.

⁵ Мифи України. За книгою Георгія Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях». – К., 2003. – С. 51–53, 62–63; Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. – С. 1–7.

sub nōmine deōrum boni scilicet atque māli, omnem prospēram fortūnam ā bonō deō, adversam ā mālo dirīgi profitēntes; ideo etiam mālum deum sua lingūa dibol sīve Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant»¹.

Название *Чернобог* встречается в топонимике как западных, так и восточных славян. Его именем был назван ряд горных вершин и больших холмов. Например, на Украине известны названия Чёртова гора, Чертица, Чёртова пещера, река Чертовец и др. В различных вариантах, особенно поздних, Чернобог известен как Черный Бог, Чернт, Чёрт (слав. Чѣнтъ от чѣрънъ «чёрный»)². Этимологическим соответствием славянского Чернобога являются индийский Kṛṣṇa – «Кришна» и кельтский Cernunnos «Цернуннос».

По мнению славян, Чернобогом вершились все черные дела. Примером может служить легенда о церкви княгини Ольги. По преданию княгиня Ольга, крестившись, построила себе церковь на краю отвесного утеса между Овручем и Житомиром. Многие язычники покинули своих древних Богов и стали поклоняться Христу. Только при помощи Чернобога Перун, Стрибог и Велес сумели низринуть церковь с высоты утеса в пучину реки.

Пек (Пекленец, Пекун, Кощей Бессмертный) – Бог пекла. По восточнославянским представлениям, Пек – сын Чернобога и Мары³, по западнославянским – сын Живы и Хамбога (вероятно, аналог восточнославянского Сварога), брат Перуна и Водана⁴.

Исследуя былинку о Михайле Пóтыке⁵, Б. А. Рыбаков блестяще реконструировал славянский миф о похищении Пеком (Кощеем Бессмертным) Богини весны – Морены. Став женой Пека, она превращается в подземное Божество зимы и смерти⁶. Весною герой, в котором Д. М. Дудко усматривает Дажьбога⁷, освобождает Морену из пекла, и она вновь становится Богиней весны. Сходство данного сюжета с древнегреческим мифом о похищении Персефоны Аидом говорит не о хорошем знании волхвами древнегреческой мифологии, как считал Б. А. Рыбаков, а о едином, общеиндоевропейском, происхождении приведенного здесь мифа.

¹ «Удивительно суеверие славян, ибо они на своих празднествах и пирах обносят круговую чашу, возглашая над нею слова, не скажу, благословения, но проклятия, во имя Богов добро-го и злого, так как ожидают от доброго Бога счастливой доли, а от злого – несчастливой; поэтому злого Бога даже называют на своем языке дьяволом или чёрным Богом (Чернобог)». Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 47–48.

² Чернобог // *Українська Радянська Енциклопедія*: У 16 т. – К., 1964. – Т. 16. – С. 212; Чорт // *Українська Радянська Енциклопедія*: У 16 т. – К., 1964. – Т. 16. – С. 221.

³ Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002. – С. 357.

⁴ Бычков А. Жива / А. А. Бычков // *Мифы и магия индоевропейцев*. – М., 2000. – Вып. 9. – С. 67.

⁵ См., напр.: Былины. – М., 1986. – С. 136–168.

⁶ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 317–329.

⁷ См.: Дудко Д. М. *Погребальный обряд знатных руссов: этноисторические и мифологические корни* / Д. М. Дудко // *Хазарский альманах*. – М., 2005. – Т. 4. – С. 158–168.

Мара (Маруха, Марана) – в славянской мифологии Божество зла, вражды, болезней и смерти. Мара – дочь Чернобога, сеющая на земле раздоры, ложь и недуги. Днем она невидима, а ночью творит свои темные дела. Подмышкой она носит мертвую голову. По поверьям, Мара ходит под окнами домов и выкрикивает имена хозяев: тот, кто откликнется – умирает. От совокупления со Змеем Мара породила множество злых духов, приносящих людям многочисленные болезни, душевные страдания и смерть. Среди ее многочисленных дочерей Огня, Зараза, Желтуха, Короста, Мана, Морока и др.¹

Ящер (водяной, водяной хозяин, водяник) – славянское Божество воды, подводный царь. В отличие от других индоевропейских традиций, славянское Божество воды представлялось темным, черным и явно враждебным человеку. В жертву ему приносились черные петухи и козлы. Семантически славянскому водяному соответствуют древнегреческий Посейдон, римский Нептун, индоиранский Апам Напат².

Культ ящера-дракона хорошо прослежен на новгородском археологическом материале: ковшах, украшенных головами драконов, гусях, креслах с драконами, корабельных веслах, гусях и концах стропил с мордами ящеров. При этом новгородский дракон (ящер, змий) имел крылья, т. е. был связан как с водной, так и с воздушной стихией³.

Для того, чтобы гребля (плотина) стояла крепко и болотный дядько (водяной) не разорял ее в половодье, на Украине закапывают в ней кобылью голову. А. Н. Афанасьев подробно описывает жертвоприношение коня водяному хозяину: «крестьяне покупают миром лошадь, три дня откармливают ее хлебом, потом надевают два жернова, голову обмазывают медом, в гриву вплетают красные ленты и в полночь опускают в прорубь или топят среди реки». В жертву Водянику приносились и человеческие жертвы⁴.

Небезынтересна связь водяного с пчелами. По русскому поверью, пчелы первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедом и брошенной в болото; рыбаки закинули невода в болото и вытащили оттуда пчелиный рой; от этого роя и расплодились пчелы по всему свету. Устраивая пасеку, пчеловод, для успеха своего дела, жертвует водяному лучший улей; иногда топят этот улей в болоте, а иногда оставляет на пасеке: в первом случае

¹ Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002. – С. 287–289.

² Иванов В. В. *Водяной* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 240–241.

³ Василенко В. М. *Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах* / В. М. Василенко // *Древняя Русь и славяне*. – М., 1978. – С. 330, 331.

⁴ Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси* / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 272, 276–277.

водяной умножает пчел и дарует обилие сотов, а в последнем охраняет заведение от всякого вреда¹.

На Руси существует поверье, что, плывя по воде, не должно поминать зайца, потому что этого не любит водяной.

В былине о Садко упомянуто имя супруги Ящера – это царица Белорыбца.

Переplут (ст.-слав. *Περπλυτς*) – Божество богатства: сопутствует земледелию (подаёт полям влагу) и торговле. Этимологически сопоставимо с древнегреческим Плутоном, сыном Деметры, и словом *πλοῦτος* – «богатство». Сюда же латинское *perpluō* – «протекать внутрь» (о дожде). Связь данного Бога с морем можем усматривать в том, что Переplут упоминается в «Словах» против язычества вместе с берегинями². Возможно, само имя его восходит к старославянскому *переplыти*.

Б. А. Рыбаков считал, что теоним Переplут является вторым, более понятным славянам, именем Семаргла. Однако, ввиду несостоятельности трактовки Семаргла как аналога иранской собакоптицы Сенмурва, данное мнение необходимо признать ошибочным.

Кульτ Переplута проявлялся в чтении языческих мифов («бесчинном говоре»), танцах («верчениях»), плескании в воде («плещеваниях») и питье из турьего рога. Семантически близким к русскому Переplуту является литовский Пергрубий, Бог растительной и плодоносящей силы. По сообщению М. Стротковского (XI в.), жертвоприношения Пергрубию совершались следующим образом. Жрец-вуршкайт держит в правой руке чашу, наполненную пивом, и поет хвалу ему: «О, всемогущий Боже наш, Пергрубий! Ты прогоняешь неприятную зиму и размножаешь растения, цветы и травы. Мы просим тебя, умножай хлеб наш засеянный и который мы еще будем сеять, чтобы рос он колосисто...». Сопоставив культы Переplута и Пергрубия, Б. А. Рыбаков сделал следующий вывод: «Жрецы с чашами в руках, хороводы и пляски в честь Бога плодородия – все это хорошо представлено как в древнерусских поучениях, так и в гравировке тех русальных браслетов, против владельцев которых эти поучения были направлены»³.

Таким образом, Переplут – Бог растительной и плодоносящей силы, подающий полям влагу и, как следствие, людям – богатый урожай.

¹Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 193.

²Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 8.

³Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переplут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 115.

Прия – Богиня любви, брака, весны и плодоношения. Сравните однокоренные слова: *приязненность*, *приятель*; сюда же украинское *сприяти* «содействовать». Теоним *Прия* является однокоренным с санскритским (древнеиндийским) *pri* – «любить», *prijas* – «любимый человек» и авестийским *fri* – «любить». В «*Māter verbōrum*» *Прия* названа Афродитою¹.

Еще А. Н. Афанасьевым была отмечена параллель между славянской Прией (Сивой) и германской Фреей². Исследователь пишет: «Носясь над землею, она рассыпает на нее обилие своих даров, поит ее росой и дождями и воспитывает жатвы. Как Богиня, творящая земные урожаи, как супруга небесного Бога, носителя молний и проливателя дождей, она мало-помалу слилась в народном сознании с плодородящею матерью Землею, супругой Неба. Яков Гримм совершенно верно указал на лингвистическое сродство имени *Прия* с скр. *matā Prithīvi*. Другое название *Сива*, созвучное со словами *сеять*, *посев*, скрепило эту связь чарующей силой языка; в глоссах «*Māter verbōrum*» *Siva* объясняется: «*dea frūmenti, Cērēs*». Она научила возделывать землю, сеять, жать и обрабатывать лен. В этом новом отождествлении золотые волосы Богини, первоначально означавшие яркий блеск весеннего солнца, сделались метафорой зрелых, т. е. желтеющих колосьев на нивах земледельца; в золотистых волнах жатв греки и римляне видели волосы *Деметры* или *Цереры*; блестящее ожерелье *Фрей*, названное *Brisingamen* (ср.: *brising* – огонь, возжигаемый на Иванов день), переходит в представление наряда, носимого богинею Землею, т. е. *lardhar men*: в летнюю половину года она красуется в своем роскошном уборе, а на зиму снимает его и погружается в сон»³.

Суд (Усуд) – Божество судьбы. Суд управляет судьбой человека от его рождения. В дни, когда он рассыпает в своем дворце золото, рождаются богатые, когда же он рассыпает черепки – рождаются бедняки. С этим же Божеством связаны суденицы (см. ниже)⁴.

Этимологически славянское *iz-dŭ-* соответствует имени древнегреческой Богини *Фемиды* (Θεμίδ-), что говорит об общих, индоевропейских, корнях данного Божества. В. В. Иванов и В. Н. Топоров считают персонифицированное воплощение Суда архаизмом славянской мифологической предправовой традиции, воспроизводящей существенные черты общеиндоевропейской⁵.

¹ Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / В. А. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 115.*

² Там же. – С. 70.

³ Там же. – С. 70.

⁴ Иванов В. В. *Суд* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 471.*

⁵ Там же. – С. 471.

Жива (Мильда, Красопани, Дидилия, Дева) – Богиня жизни и мировой любви. У А. Н. Афанасьева Жива – Богиня весны¹.

Жива всегда изображается обнаженной. В ее руках – виноград, плоды и цветы. Талию ее обвивает семицветная радуга, волосы увиты миртом пополам с красными розами. Жива путешествует в волшебной повозке, в которую впряжены пара голубей и пара лебедей. Спутницами Живы являются Чувственность, Очарование и Любовь. В руках они держат яблоко, которое передают друг другу (рис. 110)².

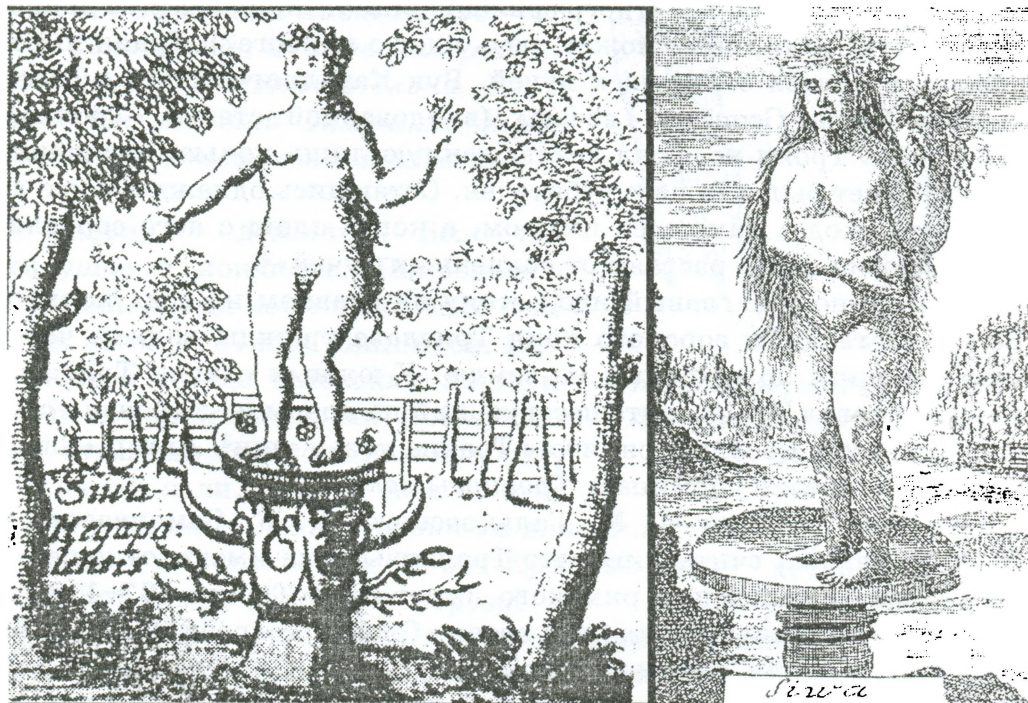

Рис. 110. Жива по Вестфалену (слева) и по Монфокоу (справа).

Большое святилище Живы существовало в полабском городе Ратибор (совр. Рацибуж, Польша), где Богиню чтили «веселием и невоздержанием». Ее идол был украшен золотом и серебром. День Живы праздновался в первых числах мая. В жертву ей приносили фрукты, цветы, хлеб и пиво³.

По верованиям славян, после смерти человека Жива отправляет души праведников в ирий (рай)⁴.

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 51.

² Бычков А. Жива / А. А. Бычков // Мифы и магия индоевропейцев. – М., 2000. – Вып. 9. – С. 66–69.

³ Там же. – С. 69.

⁴ Там же. – С. 70.

Троян (Тригла, Триглав) – мифологический персонаж, сходный с древнеиндийским Пурушей и скандинавским Имиром. В соответствии с западнославянским мифом Бог обезглавил великана Триглу. Из шеи первой отрубленной головы потекла черная кровь – из этой крови возник Черный Бог. Из второй шеи потекла белая кровь – возник Белый Бог. Когда же была отрублена третья голова – полилась кровь красного цвета. Из нее появился Хамбог, призванный объединить два противоположных начала – Черного и Белого Богов¹. Скорее всего, под Хамбогом следует понимать Сва-рога. Южнославянская этнография дополняет иконографию данного Божества (или, быть может, речь идет о прибоге?). Троян имеет крылья и боится солнечных лучей. Вук Караджич пишет в своем «Lexicon Serbico-Germánico-Latinum» (в словарной статье «Троян»), что король Троян посещал возлюбленную лишь ночью, поскольку дневной свет был для него губителен. Оставшись однажды у нее до утра, он, уходя, накрылся плащом, а когда плащ с него сорвали, «он, подобно льду, растаял от солнечных лучей»².

В Щечине трехглавый идол стоял на главном из трех холмов. Во время гадания вороного коня Триглава трижды водили через девять копий, положенных на землю. У южных славян Триглаву соответствовал Троян, путешествующий по ночам из-за боязни солнечного света. Сообщается, что у Траяна козы уши³. Автор «Слова о полку Игореве» упоминает *Трояновы века*.

Вопреки мнению Н. М. Гальковского, Д. С. Самоквасова и Б. А. Рыбакова, считавших, что Трояновы века имеют отношение ко временам правления римского императора Траяна (97–117 гг. н. э.)⁴, мы склонны думать, что автор «Слова» подразумевал мифологическую эпоху Триглава (Трояна).

Баган – Бог домашней скотины, который изображался в виде человека с головой барана (рис. 111). Баган присматривал за стадами рогатого скота. А. Н. Афанасьев указывал на семантическую близость теонима Баган и таких слов, как рус. *богатство*, укр. *багаття*, белорус. *багатые*. Баган сохраняет скотину от болезненных припадков и умножает приплод, а в случае своего гнева делает самок бесплодными или убивает ягнят и телят при самом их рождении. Белорусы отделяли для него в хлевах особое место и устраи-

¹ Там же. – С. 68.

² Краузе Э. Славянские ключи к нордическому мифу / Э. Краузе; пер. с нем. Е. С. Лазарева. – М., 2012. – С. 275.

³ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 9.

⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982. – С. 36–37; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 11–12, 15; Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам / Д. Я. Самоквасов. – М., 1908. – С. 88.

вали маленькие ясли: здесь было его домашнее святилище. Сеном из его яслей как целебным лекарством кормили отелившуюся корову¹.

В архиве АН Белорусской ССР имеются опросные листы 1924 г. по Бобруйскому уезду. Один из них особенно интересен:

Опросный лист № 405

Село Ясень, Осиповский район

«Есць у Далідовіча ікона. Бог у выглядзе рагатай дамашняй жывелы, як заборонец хатняй жывелы...»².

Вазила — домашнее Божество, живущее в конюшне. Покровитель лошадей. Когда кони пребывали в табуне, отгонял от них хищников. Изображался в виде человека с лошадиными копытами и ушами. В конюшне ему отводили стойло в дальнем углу и ставили ясли. Сено и овес из этих яслей считались лекарственными для лошадей³.

Мороз (Морозко, Дед Мороз Красный Нос) — древний славянский Бог зимы, холодов и морозов⁴.

В некоторых вариантах восточнославянских сказок о Северном Ветре, наделяющем мужика чудесными дарами, место этого Ветра и его братьев занимают Морозы. Посеял мужик дикушу (гречку); она взошла, зазеленела. Раз вышел мужик в поле, смотрит — дикуша прибита, примята: «какой бы это злодей натворил!» Воротился домой, рассказал про свое горе жене, а она его в толчки: «это, говорит, Мороз натворил: ступай, найди его и взыщи убытки!» Мужик пошел в лес и заплутал, туда-сюда — выбрался кое-как на тропинку, и привела его эта тропинка к ледяной избушке: стоит

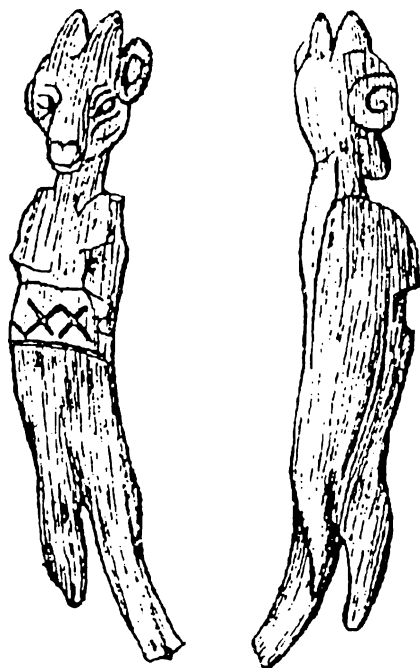

Рис. 111. Предположительное изображение Багана (по А. А. Бычкову).

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М., 1995. — Т. 2. — С. 40.

² Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. — М., 2000. — С. 36.

³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М., 1995. — Т. 2. — С. 40.

⁴ Иванов В. В. Мороз / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М., 1987. — Т. 2. — С. 176.

избушка – вся снегом усыпана, сосульками убрана. Постучался в дверь, вылезает к нему старик – весь белый. Это был Мороз, он дарит мужику скатерть-самобранку и дубинку-самобой. В некоторых сказках, наравне с богатырями, олицетворяющими разные грозные явления, упоминается Мороз-Трескун или Студеней; его дуновение производит сильную стужу, иней и сосульки представляются его слюнями, а снежные облака – волосами. Морозко, говорят крестьяне, – низенький старичок с длинной седой бородою. Зимой бегают он по полям и улицам и стучит: от его стука начинаются трескучие морозы и сковываются реки льдами. Если ударит он в угол избы, то непременно бревно треснет. В деревнях существует обычай, указывающий, что могучие силы природы до сих пор представляются народному воображению живыми существами. У великорусов накануне Рождества и на Велик день глава семьи брал ложку кутьи или киселя, выходил на порог сеней, или влезал на печь и, просунув голову в волоковое окно, говорил: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть»; «Мороз, Мороз! Не бей наш овес, лен да конопля в землю вколоти». То же у украинцев: «Морозе, Морозе! Йди до нас куті їсти, та не поморозь нашої гречки»¹.

Народная загадка изображает Мороза в виде могучего богатыря, равного силами Самсону: «сам Самсон, сам мост мостил – без топора, без клинья, без подклинья». Сказочный эпос представляет змея похитителем красавицы – Солнца, которую заключает он в железном замке, т. е. прячет ее за снежными облаками и зимними туманами. Но если, с одной стороны, змей, в качестве владыки зимних туманов и морозов, отождествляется с баснословным кузнецом – строителем ледяных мостов и железных замков, то, с другой стороны, под иным углом поэтического воззрения, тот же змей, как дожденосная туча, подчиняется на зиму неодолимой силе кузнеца-Мороза, который сковывает его железными цепями².

К образу данного Божества обращались Н. А. Некрасов (поэма «Мороз, Красный нос», 1864 г.) и А. Н. Островский (пьеса «Снегурочка», 1873 г.)³. Дед Мороз – единственное языческое Божество, чей культ был неосознанно реставрирован советской властью. После запрета отмечать в СССР христианское Рождество, когда святой Николай приносил детям подарки, возникла необходимость замещения данного праздника. Таковым стал Новый год. 28 декабря 1935 г. был фактически отменен запрет на украшение елки, только

¹ Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 160–161.

² Там же. – С. 296–297.

³ См., напр.: Некрасов Н. А. *Сочинения* / Н. А. Некрасов. – М., 1950. – С. 90–103; Островский А. Н. *Избранные пьесы*: В 2 т. / А. Н. Островский. – М., 1972. – Т. 2. – С. 224–329.

теперь она стала не рождественской, а новогодней¹. Вместо святого Николая подарки стал раздавать Дед Мороз.

Естественно, что в эпоху древности и средневековья Мороз не был столь благосклонен к людям, чья жизнь проходила в постоянной борьбе с голодом и холодом, т. е. морозом. Но, по всей видимости, данное Божество и дальше будет восприниматься восточными славянами как добродушный дедушка, поощряющий детскую благодетель. Пример Мороза показателен – процесс развития язычества непрерывен, и трансформация культов является его естественным явлением.

§ 5.8. Мифологические персонажи (прибоги)

Окружающий мир в мифопоэтическом сознании славянина был населен, помимо собственно Богов, многочисленными духами. Каждый водоем имел своего водяного, лес – лешего, дом – домового, овин – овинника и т. д. Поля, реки, деревья имели свою душу. Среди главнейших персонажей славянской мифологии следует выделить следующих.

Алконост (алконст, алконос) – ирийская (райская) птица грусти и печали. Образ ее восходит, скорее всего, к древнегреческому мифу об Алкионе, бросившейся в море и превращенной Богами в зимородка. Алконост несет яйца на берегу моря и, погружая их в глубину моря, делает его спокойным на шесть (по другим данным – на семь) дней. Человек, услышавший пение этой птицы, забывает обо всем на свете. Алконост изображается на русских лубочных картинах полуженщиной-полуптицей с большими разноцветными перьями (крыльями), человеческими руками и телом. Девичья голова, осененная короной и ореолом, в который иногда помещена краткая надпись. В руках держит райские цветы или развернутый свиток с объяснительной надписью. В некоторых описаниях Алконоста упоминается река Евфратий как место его обитания².

Сирий (от греч. Σειρῆνες, ср. сирена) – ирийская (райская) птица с женской головой и змеиным хвостом; птица радости, удачи, славы (рис. 112). Пленяет людей своим пением, являющегося образцом божественного слова. Слышать Сирина может только счастливый, радостный человек. Не всякому человеку удастся видеть Сирина, ибо улетает эта птица также быстро, как слава и удача³.

¹ Постышев П. *Давайте нарядим ёлку!* // П. Постышев // *Правда*. – 1935. – 28 декабря.

² Токарев С. А. *Алконост* / С. А. Токарев // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 60; *Алконост* // *Википедия* – свободная энциклопедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Алконост>. – Доступ 14. 12. 2009 г.

³ Иванов В. В. *Сирий* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 438.

Рис. 112. Птица Сирия.

два хвоста (рис. 113). Славянское слово *берегиня* этимологически восходит к слову *кърегъ* – «берег». Вероятно, берегини были хранительницами водоемов, поскольку к семантическому ряду *кърегиня-кърегъ* присоединяются слова *кърегти* – «беречь» и *оърегъ* – «оберег, амулет». В Софийской рукописи № 1262 говорится, что берегинь тридевять сестриц².

Гамаюн – ирийская (райская) птица, называемая вещей. Летает в поднебесье, живет в море. Изображали птицу Гамаюн с женским лицом и грудью, взлетающей из морских глубин. Считалось, если кричит птица Гамаюн, счастье пророчит¹.

Берегини – духи рек и водоемов. Представлялись славянам в виде длинноволосых девушек, нижняя часть тела которых являла собою рыбий хвост или

Рис. 113. Славянские берегини (т. н. «фараонки»). Фрагменты причели. Горьковская область. Вторая половина XIX в.

¹ Гамаюн // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гамаюн>. – Доступ 15. 12. 2009 г.

² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 8.

Русалки – духи места (полей, холмов, лесных полян), аналогичные древнегреческим нимфам. Славянские русалки – это птицы с девичьим лицом. Вот как описывает их болгарский этнограф Д. Маринов: «Русалки суть женские существа – очень красивые девушки с длинными косами и крыльями» (рис. 114). Русалки, как водяные духи, наделены зелеными косами, подобно римским Божествам рек и финскому царю волн (Ahto), которые представлялись с травяными бородами; т. е. зелень, растущая по берегам рек и источников, рассматривалась, как волосы водяных Богов и Богинь¹. Они живут на краю света и приходят

Рис. 114. Изображения русалок на предметах древнерусского искусства.

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 71.

только раз в году весною и в нужное время орошают дождем хлебородные нивы. Они выливают росу из рога, и хлеб начинает колоситься.

По данным белорусской этнографии, русалки внешним видом – женщины с большими грудями и длинными волосами: «у іх жаночкае ўсё, толькі цыцкі большія-большія, аж страшна, да валосы доўгія»¹.

Весною русалки слетают в земной лес, где любят сидеть на ветвях и петь песни (вспомним пушкинские строки «...русалка на ветвях сидит»). Русалки на Зеленой (Греной, Граной, Семицкой) неделе катаются на ветвях, играют в лесу, крича: «гутата-гуляля»². Характерно, что такая передача звуков, издаваемых русалками, встречается по всей Белой Руси. Растительная символика на древнерусских изображениях русалок и этимология их названия связывает русалок с Русалиями – праздником растительности.

Славянские предания загадывания загадок приписывают бабеге, русалкам и вилам; как лужицкая полудница наказывает смертью того, кто не сумеет отвечать на ее мудреные вопросы, так и восточнославянские русалки готовы зачекотать всякого, кто не решит заданной ими загадки³.

Вилы (самовилы, самодивы) у сербов – красивые крылатые девы, живущие обычно вдалеке от людей у воды. Они могут превращаться в лебедя, в сокола, в волка и змею. Вилы приносят людям счастье. Вильской травой считается ковыль *Stippa pennata* L. А. Н. Веселовский усматривал общность вил с восточнославянскими русалками и римскими виолами-манами⁴. Действительно, в стихе о Егории Храбром (который в эпоху двоеверия заместил собой Бога Ярила) сказано, что у его сестер (русалок) «власы, как ковыль-травы» или «как камыш травы»⁵. Поэтому мы вполне вправе говорить о том, что *вила* и *русалка* – названия одного и того же мифологического персонажа.

Рождаются вилы от трав или от росы. В хорватской сказке указывается на целебную росу, которую дают вилы (облачные девы): «i dosle su vile i spominjale su se, da bi ov človek znal da bi zorjino rosum (росою на зоре) oči namazal, mam bi pregledal». Восточные славяне в день

¹ Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. – С. 139, 140.

² Там же. – С. 139, 140.

³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 13.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 582.

⁵ Голубиная книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008. – С. 345; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 71.

Ярила и на Купалу собирают росу, как спасительное средство от глазных болезней, и моют ею хворые очи при чтении заговора¹.

Вилы и русалки любят песни, музыку и пляски; музы, в первоначальном своем значении, были не более, как облачные певички и танцовщицы. Волнение рек и моря русское предание объясняет пляскою водяных. По мнению украинцев, когда заиграет (т. е. взбалуется) море, из его бездн выступают морские духи и поют песни, а люди приходят к берегам, слушают их и сами научаются песням. Словаки догадываются, что человека научили песням небесные вихри и шумящие дубравы:

*Zpävanky, gde ste sa vy vzale?
Či ste z neba padly, či ste rasly v gai?*²

В «Поучениях» против язычества сообщается, что количество вил тридевять³.

Полкан – славянское название кентавра, полуконя-получеловека. Упоминания о кентаврах в русской письменной традиции начинаются с XI в. Помимо славян, полканы были известны древнегреческой и скифской мифологиям, что, по-видимому, может говорить об индоевропейских мотивах данного персонажа или очень тесных связях индоиранской, древнегреческой и праславянской ветвей индоевропейских народов.

Имя Полкан имеет позднее происхождение⁴, но как мифологический персонаж оно, несомненно, древнее. Известны многочисленные изображения кентавров, например, на стенах Дмитриевского собора во Владимире (1194 г.) или на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (XII в.)⁵.

Кентавра крылатого называли Китоврас. Он приобретает крылья, причем последние располагаются не в области плечевого пояса лошади (как у некоторых парфянских изображений), а за спиной человеческого торса⁶. В колдовских стихах Полкан – спаситель «солнцевой девы» от змея. Такой кентавр обычно изображался в короне (Новгород, 1336 г.)⁷.

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 86.

² Там же. – С. 165.

³ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 37.

⁴ Имя Полкан восходит к итальянскому Pulicane – персонажу романа, который в XVIII в. перекочевал на Русь в виде лубочной сказки «Повесть о Бове Королевиче». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1987. – Т. 4. Т-ящур. – С. 311.

⁵ Полкан // Славянские Боги. – Режим доступа: <http://fenomens.narod.ru/religiya/sbsl.htm#Polkan>. – Доступ 12. 12. 2009 г.

⁶ Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. – С. 370–375, 746–747.
⁷ Гандхарвы // Мифологическая энциклопедия. – Режим доступа: <http://myfholology.narod.ru/monsters/gandharvy.html>. – Доступ 12. 12. 2009 г.

Бесы – злые духи. Данный образ практически полностью слился с образом чертей, и семантическая разница между этими двумя категориями демонов уже не видна. Но таковая несомненно была. Подобно тому, как слово *чёрт* восходит к Чернобогу, слово *бес* восходит к Бесу – Божеству-антагонисту Сварога. Вероятно, бесами назывались злые духи, произошедшие от Беса¹.

Черти – в восточнославянской мифологии вообще все злые духи. Имеют облик людей с рогами, копытами, хвостами и свиными рылами. По славянским поверьям, черти живут в болоте, берлоге или под землею. Данный образ дошел до наших времен в очень искаженном христианской демонологией виде. Этимологически слово *чёрт* восходит к Чернобогу, поэтому можно предположить, что изначально черти были помощниками (или детьми?) данного Божества².

Рис. 115. Птица Ног.

Ног (ногуй, нагай, игон, гриб) – древнерусское название грифа (рис. 115). Это птица огромных размеров и сверхъестественной силы, вьет гнездо на двенадцати дубах, на корм птенцам дает быка. В славянской мифологии, как позднее в сказках, с Ногом связан полет героя мифа (сказки) по воздуху³.

Див (в источниках также дива, самодива) – славянское название грифона, существа с крыльями и головой орла, телом и лапами льва и змеиным хвостом (рис. 116). Судя по этимологии имени, Див был свя-

зан с Дием – Богом Неба. Здесь уместно отметить, что древние греки называли грифона собакой Зевса, который, как известно, является соответствием Дыя⁴.

¹ Иванов В. В. Бесы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 169–170.

² Иванов В. В. Черт / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 625.

³ Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 34–46

⁴ Иванов В. В. Див / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 376–377.

А. Н. Афанасьев утверждал, что «у славян див означает великана, дракона, т. е. темную тучу»¹. Див упоминается в «Слове о полку Игореве», где он, сидя на дереве, кыхчет – предупреждает князя о печальном конце похода.

Семарглы (более верное, по нашему мнению, название – семаргличи). Мифические существа, очень часто

встречающиеся на произведениях древнерусского искусства, особенно в регионе расселения племенного союза северян². По внешнему виду – это геральдические драконы, змеевидные существа с крыльями и двумя лапами. Б. А. Рыбаков называет их семарглами по аналогии с одноименным Божеством, считая их собакоптицами, идентичными иранскому Сенмурву³. Это несомненная ошибка. Семаргл упомянут в летописи как Божество, поэтому не может быть во множественном числе, как не может быть велесов, сварогов, перунов и т. д.

Волоты (асилки, осилки) – Старшие Боги; великаны, олицетворявшие неуправляемые, неистовые силы стихий, которые правили миром во времена Хаоса, до создания Младшими Богами упорядоченного мироздания – Космоса. Характерно, что одно из славянских названий волотов – асилки – семантически и этимологически тождественно древнеиндийским асурам и скандинавским асам, славянским соответствием которых и являются. По мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, слово *асилки* восходит к индоевропейскому *ак- – «камень», «каменное небо»⁴.

В восточнославянской мифологии были известны такие волоты, как братья Горыня, Дубыня, Усыня, которые олицетворяли неистовство природных стихий, соответственно: огня, земли и воды.

Рис. 116. Див – грифон.

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 65.

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 620.

³ См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987; Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 91–116.

⁴ Иванов В. В. Асилки / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 112–113.

Сюда же, вероятно следует отнести персонификацию фаз солнца – сказочных братьев Вечорку, Зорьку и Полуночку.

Древняя, языческая по происхождению, «Голубиная книга» написана в форме диалога между Волотом и Велесом. Здесь Волот – представитель, возможно, последний, могучей расы, когда-то владевшей миром. В данном памятнике древнерусской литературы Волот задает собеседнику, Богу знаний Велесу, космогонические вопросы, испытывая тем самым его мудрость¹.

Древеницы – духи деревьев, их души. Представлялись в виде прекрасных дев. Когда дерево засыхает или бывает срублено, древеница погибает, поэтому древние славяне старались рубить деревья зимою, когда древеницы спят.

Волосыни (Волосожа́р, Стожа́ры, Власоже́лы, Бабы, Весожа́ры, Висожа́ры, Стожа́ры) – в мифологии славян образ созвездия Плеяд². Согласно древним преданиям, женщины одного из родов во время нападения врагов превратились в созвездие, дабы не быть плененными. Нам представляется интересной этимологическая связь Волосынь с Богом Велесом (Волосом). Может быть, что именно этот Бог превратил спасающихся славянок в созвездие?

Кикимора (Шипимора) – злой дух дома, антипод домового (иногда, его жена). Злой дух в виде маленькой гадкой старушки, постоянно делающий пакости людям и домовому. Кикимора враждебна мужчинам. Может вредить домашним животным, например, курам³.

Леший (лесовик, лесовой, лешак, боровик) – дух, воплощение леса, как части пространства, враждебной человеку. В представлениях восточных славян – старик с заостренной головой, на груди его имеется кость в виде топора, обе ноги – левые. Леший весь покрыт шерстью. С данным персонажем связано множество народных поверий⁴.

Лесавки – лесные духи, дети Кикиморы болотной и лешего. Описываются как бледные очень высокие девушки с длинными черными волосами. Они нагими, либо в белых грубых рубахах, подвязанных осокой, бегают по глухим лесам, напевая песни. Могут заманить заплутавшего путника в непроходимую глубь леса и оставить одного на погибель. У лесавок имеется три груди с отравленным молоком. Их излюбленное дело – кража младенцев, они забирают их ночью из люльки и закармливают их до смерти⁵.

¹ Голубиная книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008. – С. 23–27.
² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1986. – Т. 1. А–Д. – С. 343.

³ Иванов В. В. Кикимора / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 648.

⁴ Иванов В. В. Леший / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 52.

⁵ Лесавки // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лесавки>. – Доступ 15. 12. 2009 г

Мавки (мевки) – в восточнославянской мифологии злые духи мертвых людей, враждебные человеку, часто смертоносные. В мавок превращаются умершие преждевременной смертью дети. Мавки спереди имеют человечье тело, а сзади нет, поэтому видны их внутренности. Само слово мавки происходит от др.-рус. *навъ*¹.

Навь (навки, навье, навы) – злые духи умерших чужих людей, враждебные человеку. Нави представлялись духами, существами без плоти. Встреча с навьями грозит смертью. Избежать встречи с навью можно, если чтить память умерших родственников. Делали это в Навий день (последний четверг Великого поста)².

Суденицы – духи судьбы у славян, аналогичные римским паркам, скандинавским норнам и древнегреческим мойрам. Три сестры приходят в полночь на третий день после рождения ребенка и нарекают ему судьбу. Одна из сестер предсказывает время смерти, вторая – физические недостатки, третья – события жизни³.

Рожаницы – девы судьбы, плодородия, женской силы⁴. Их культ восходит ко временам матриархата и связан с культом женского плодородия. Они присутствуют при рождении детей и определяют их судьбу. Рожаниц было две или три, позднее – семь, по-видимому, в соответствии с днями недели. В жертву Рожаницам приносили хлеб, сыр, в их честь пили мед и посвящали первые срезанные волосы детей⁵. Б. А. Рыбаков считал Рожаницами Ладу (мать) и Лелю (деву, дочь)⁶.

§ 5.9. Летосчисление, календарь и языческие праздники восточных славян

Языческим праздникам восточных славян посвящено достаточно большое число научных и научно-популярных работ, где дано детальное их описание. Здесь же, учитывая вспомогательную роль настоящей главы, приводится лишь краткий очерк о летоисчислении и праздниках раннесредневековых славян.

Затрагивая вопрос о праздниках славянской языческой религии, необходимо несколько слов сказать о календаре (месячье,

¹ Иванов В. В. *Мавки* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 87.

² Иванов В. В. *Навь* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. М., 1987. – Т. 2. – С. 195.

³ Иванов В. В. *Суд* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 471.

⁴ Срезневский И. И. *Роженицы у славян и других языческих народов* / И. И. Срезневский. – М., 1855. – С. 11–13.

⁵ Там же. – С. 16, 23, 24.

⁶ Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян* / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 400–402.

месяцеслове) и системе летосчисления, бытовавшей у славян до принятия христианства.

Источники не сохранили достоверных сведений, позволяющих предполагать наличие собственной эры у восточных славян в дохристианское время. В этом нет ничего удивительного. Время в миропонимании язычника было циклическим, замкнутым в годовом круге. Циклическими были праздники славян, циклическими же были и деяния Богов. Например, индийский Бог Индра, являющийся ведийским аналогом славянского Перуна¹, совершает свой змиеборческий подвиг ежегодно². Таким же ежегодным является приход Ярила и его похороны в конце вегетативного периода зерна³. Г. С. Лозко закономерно пришла к выводу об отсутствии собственного летоисчисления у славян⁴. По мнению А. П. и П. П. Толочко, понятие линейности времени, характерное для христианской цивилизации, пришло на Русь только после принятия христианства⁵. Если эта мысль верна, а нет оснований в этом сомневаться, то очевидна мысль, что собственного летоисчисления у славян-язычников вообще не было. Не потому, что наличие летоисчисления требует определенных знаний, а из-за отсутствия в нем необходимости.

Допетровской Руси было присуще летосчисление от «сотворения мира», явно привнесенное христианством. В современной старообрядческой Церкви оно имеет название «от Адама». Таковых эр было несколько: антиохийская, наиболее древняя, ведущая счет времени от 5969 г. до н. э.; александрийская (от 5493 г. до н. э.); болгарская (от 5504 г. до н. э.); Секста Юлия Африканского (от 5500 г. до н. э.); византийская (от 5508 г. до н. э.)⁶. Исследователи отмечают, что изначально на Русь из Болгарии (Дунайской) проникла александрийская, а затем антиохийская эра. Таковыми пользовались в IX – первой половине X вв.⁷ Позднее установилась устойчивая традиция использования византийской эры от «сотворения мира». Очевидно, что во времена введения христианства и в период двоеверия (по Б. А. Рыбакову XI–XIII вв.) восточные славяне использовали эру от «сотворения мира».

По мнению И. А. Климишина, восточные славяне выработали свою собственную систему счета времени, названия месяцев и дней недели задолго до принятия христианства. В основе этого счета ле-

¹ Потебня А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов / А. А. Потебня. – М., 1865. – С. 3; Иванов В. В. Индра / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 533.

² Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. – М., 1989. – С. 497–498.

³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 420.

⁴ Лозко Г. С. Коло Свароже : Відроджені традиції / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 84.

⁵ Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 4. Київська Русь. – С. 116.

⁶ Чмихов М. О. Від яйця-райця до ідеї Спасителя / М. О. Чмихов. – К., 2001. – С. 368, 396–397.

⁷ Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 4. Київська Русь. – С. 321.

жала ритмичная смена фаз Луны. Действительно, судя по летописям, смены фаз Луны¹ фиксировались на Руси весьма тщательно: «Болице акы молодъ мѣсѣцъ» (1065 г.), ко младъ мѣсѣцъ двои днѣ (1321 г.), яко же бываеъ мѣсѣцъ 4 дни (1140 г.)² и др.

Исходя из приведенного, можно уверенно предположить, что славянская неделя (седмица) состояла из семи дней (за семь дней месяц появляется и увеличивается до первой четверти; следующие семь дней – нарастает до полнолуния; еще через семь – уменьшется до последней четверти; и, наконец, последние семь дней месяц совсем убывает). Исследователи считают, что впервые такая единица времени, как седмица, появилась за несколько тысячелетий до нашей эры³. Однако та седмица, которая известна в историческое время и засвидетельствована источниками, по всей видимости, была заимствована у древних римлян. Доказательством тому служат данные о Богах-покровителях дней седмицы и название одного из дней – субботы. Л. С. Хренов утверждает, что названия дней недели пришли на Русь из Болгарии (Дунайской)⁴.

Седмица начиналась праздничным днем – неделей (днем неделания, праздности). Этот день был посвящен солнцу. По словам Н. М. Гальковского, неделя почиталась на Руси в образе женщины (Солнца)⁵. А. С. Фаминцин сообщал, что на Руси почитали Матушку Красно Солнце⁶. Б. А. Рыбаков почему-то считал этот день посвященным Дажьбогу, т. е. мужскому солнечному Божеству⁷.

Четверг, четвертый после недели день. Практически все исследователи единодушны во мнении, что данный день был посвящен Перуну⁸. Здесь уместна аналогия с англ. Thursday «день (Громовержца) Тора».

Пятница, пятый после недели день. Здесь также мы практически не встречаем разногласий между историками, фольклористами, этнографами и мифологами. Пятница – день Мокоши (Макоши, Макуши)⁹, которая по праву считается главнейшей из

¹ Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1985. – С. 254.

² Присёлков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста / М. Д. Присёлков. – М.; Л., 1950. – С. 143, 206, 375.

³ Хренов Л. С. Время и календарь / Л. С. Хренов, И. Я. Голуб. – М., 1989. – С. 61.

⁴ Там же. – С. 63.

⁵ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. – С. 101.

⁶ Фаминцин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцин. – СПб., 1884. – С. 104, 281.

⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 659–660.

⁸ Иванов В. В. Перкунас / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 304; Лозко Г. С. Коло Свароже : Відроджені традиції / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 72; Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 366; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 417.

⁹ Иванов В. В. Мокошь / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 169; Лозко Г. С. Коло Свароже : Відроджені традиції / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 72; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 658–659; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 380;

восточнославянских Богинь. Пятница так же, как и неделя, была весьма почитаемым днем. В каждый месяц одна из пятниц была священной. По данным этнографии известно, что на Руси долгое время после крещения праздновались 12 пятниц¹.

1 пятница

На первой неделе великого поста. Кто в эту пятницу постится, тот наглой (внезапной) смертью не умрет.

2 пятница

Перед Благовещеньем. Кто в эту пятницу постится, будет избавлен от напрасного убийства (вариант – от меча).

3 пятница

На страстной неделе (или перед Вербным воскресеньем). Кто в эту пятницу постится, от неприятеля (вариант – от нечистого духа) сохранен будет.

4 пятница

Перед Вознесением. Кто в эту пятницу постится, от утопления спасен будет (вариант – от недугов).

5 пятница

Перед Троицей. Кто в эту пятницу постится, от острого меча (вариант – от смертного греха) сохранен будет.

6 пятница

Перед рождеством Иоанна Предтечи. Кто в эту пятницу постится, от недостатка и бедности (вариант – от потопа) сохранен будет.

7 пятница

Перед днем святого Ильи. Кто в эту пятницу постится, от смерти, причиненной молнией, спасен будет.

8 пятница

Перед успением Богородицы. Кто в эту пятницу постится, от великого смертного греха (варианты – от хинти; от сушения и трясовицы) сохранен будет.

9 пятница

Перед днем святых Козьмы и Демьяна или перед Петром и Павлом. Кто в эту пятницу постится, от нужды и печали (вариант – от всякой гадины) сохранен будет.

10 пятница

Перед Воздвиженьем (варианты – перед Введением во храм, перед архистратигом Михаилом, перед святым апостолом Матфеем). Кто в эту пятницу постится, «тот человек в пути и в дому от

Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М., 2008. – С. 314.

¹ Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 388–392.

мечтания дьявола сохранен будет» (вариант – увидит свое имя на престоле у Богородицы).

11 пятница

Перед Рождеством Христовым (вариант – перед Николаем Чудотворцем). Кто в эту пятницу постится, тот при смерти своей увидит Богородицу, через один час явится она к нему (святой Николай избавит от неприятельской руки).

12 пятница

Перед Богоявлением. Кто в эту пятницу постится, «тот человек у самого Господа Иисуса Христа написан будет в животных книгах» (т. е. книге вечной жизни)¹.

О Богах-покровителях других дней седмицы достоверных этнографических или иных данных не сохранилось. Но пользуясь методом аналогии, мы можем восстановить, кто из Богов покровительствовал понедельнику, вторнику, среде и субботе.

Первым, шедшим после недели днем, был понедельник. У римлян этот день был посвящен Луне (лат. *diēs Lunae*). Поэтому мы склоняемся к мнению Г. С. Лозко, которая справедливо отводит понедельник Месяцу (он же – Числобог)².

Вторник – второй после недели день седмицы. У римлян вторник – день Марса (лат. *diēs Martis*). Таким образом, в славянском пантеоне необходимо подобрать соответствие Богу войны. Претендентов здесь три: Перун, Хорс (зап.-слав. Харевит) и Ярило (зап.-слав. Яровит). Перуну посвящен четверг. На первый взгляд, наиболее подходящим здесь может быть Ярило-Яровит. У восточных славян Ярило – Бог половой страсти, плодородия и размножения³. То, что образ Ярила был впоследствии перекрыт св. Георгием⁴, позволяет наделять данное Божество некоторыми воинскими чертами. Точно такую же трансформацию прошел и культ Марса, который под именем Маворса или Мамерса у итальянских племен был ответственен за половую сферу⁵. Однако связь с Ярилом кажущаяся. Ибо славяне заимствовали римскую седмицу, а не итальянскую, т. е. в то время, когда Марс был известен исключительно как Божество войны. Поэтому, вероятнее всего, у славян вторник был днем Хорса-Харевита. Во-первых, у западных славян Харевит известен как Бог войны. В его храме висел огромный щит (сим-

¹ Романов Е. Р. *Белорусский сборник* / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. – С. 264–266.

² Лозко Г. С. *Коло Свароже: Відроджені традиції* / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 71.

³ Ярило // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 686.

⁴ Там же. – С. 687.

⁵ Иванов В. В. *Индоевропейская мифология* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 531.

волика воина-защитника), выносимый жителями в случае начала военных действий¹. Во-вторых, как было сказано выше, Хорс – это Божество, проявляющее себя в образе солнца оберегающего и защищающего. Исходя из вышесказанного, следует думать, что у славян вторник был посвящен Хорсу-Харевиту.

Среда, средний день седмицы. Само название этого дня говорит о том, что славянская седмица начиналась с недели, т. к. только в этом случае среда может быть действительно средним днем. У римлян этот день был посвящен Меркурию (лат. *diēs Mercurii*). Общеизвестно, что Меркурий покровительствовал торговле. Здесь сразу же вспоминаются торговые договоры русских князей с Византией, где русы клянутся Перуном и скотским Богом Волосом². Необходимо согласиться с Г. С. Лозко, считающей среду днем Велеса³. В. В. Иванов и В. Н. Топоров убедительно показали, что Велес-Волос связан с богатством, покровительствует скоту⁴. Юный Меркурий-Гермес начинал с похищения коров у Аполлона⁵. Поэтому именно Велеса-Волоса можно считать аналогом Меркурия.

Суббота (др.-рус. *ѡбота*, ст.-слав. *ѡбота*, зап.-слав. *sobota*) – последний день седмицы. Пожалуй, суббота вызывает наибольшие затруднения в определении славянского Божества-покровителя. Этот день седмицы никогда не имел собственного славянского названия, что служит еще одним аргументом в пользу заимствования славянами семидневной седмицы у римлян. У последних в семидневной неделе только один день имел особое название – «суббота» (др.-евр. *šabbath* – «отдых, покой»). Идея Б. А. Рыбакова о происхождении слова *ѡбота* из слав. *ѡбѣтѣ*, необоснованна с точки зрения лингвистики. В данном корне (*бѣт-*, *бѣт-*, *бѣд-*) такой звуковой переход (*ы* > *о*) попросту невозможен. По М. Фасмеру, формы на *со-* происходят из ср.-лат. *sabbatum*, формы на *сж-* – из ср.-греч. *σάββατον*⁶. Суббота у римлян была днем Сатурна. Это весьма затрудняет подбор славянского соответствия. Изначально Сатурн был итальянским Божеством посевов, научившим людей земледелию. Но с вовлечением в итальянско-римскую мифологию греческих мифов, Сатурн стал ассоциироваться с Кроносом, проглотившим своих детей. Сатурн считался также

¹ Бычков А. А. *Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян)* / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 300–301.

² *Повість врем'яних літ : Літопис (За Іпатським списком)* / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 46/47.

³ Лозко Г. С. *Коло Свароже : Відроджені традиції* / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 72.

⁴ Иванов В. В. *Индоевропейская мифология* / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия* : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 530.

⁵ Грейвс Р. *Мифы Древней Греции* / Р. Грейвс; пер. с англ. К. П. Лукьяненко; под ред. А. А. Тахо-Годи. – М., 1992. – С. 44.

⁶ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1987. – Т. 3. *Муза-Сят*. – С. 752.

царем золотого века¹. Как убедительно показал Б. А. Рыбаков, у восточных славян Божеством посевов был Семаргл². По-видимому, именно ему славяне посвящали седьмой день седмицы.

О. В. Лосева установила, что самыми ранними восточнославянскими письменными источниками, содержащими сведения о дохристианском календаре, являются месяцесловы. Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. называет январь *просинцемъ* (л. 256), а август – *заревомъ* (л. 210 об.). Архангельское Евангелие 1092 г. именует сентябрь *ринномъ* (л. 123), а Юрьевское Евангелие 1119–1128 гг. октябрь – *листопадомъ* (л. 207). Древнейший из месяцесловов, перечисляющий славянские названия всех 12 месяцев (*риннъ, листопадъ, грудень, студень, просинецъ, сѣчень, березозолъ, травень, изокъ, червень, заревъ, вересень*), сохранился в составе Одесского Евангелия XII в. Другие месяцесловы XI–XII вв. используют уже исключительно римские названия месяцев. Из 26 месяцесловов Евангелий и Апостолов XIII – рубежа XIII–XIV вв. только в шести встречается славянская календарная номенклатура. Причем все 12 названий дает лишь одна рукопись. Из 116 месяцесловов Евангелий XIV – нач. XV вв. славянские названия месяцев указаны в 22 рукописях. В Апостолах славянские названия встречаются значительно чаще (в 16 из 24 рукописей XIV – начало XV вв.)³. Анализ и сопоставление указанных источников позволили И. А. Климишину и Л. С. Хренову выделить древнерусские названия месяцев (рис. 117). Эти названия и порядок их следования несколько отличаются от реконструкции Б. А. Рыбакова⁴.

Значения названий месяцев довольно прозрачны. Они отражают сезонные изменения в природе и хозяйственную деятельность славян. *Сѣчень* – месяц, в который проводили подсеку (вырубку) леса под новое поле. *Лютый* – стоят лютые морозы. *Березозолъ* – время сжигания срубленных деревьев и удобрения полей золой. *Цвѣтень* – месяц цветения. *Травень* – месяц активного роста трав. *Липень* – месяц цветения липы. *Серпень* – пора уборки хлебов, когда главным орудием был серп. *Вересень* – месяц цветения вереска. *Листопадъ* – опадают листья. *Грудень* – комья грязи на дорогах замерзают в грудки. *Студень* – становится студено.

О типе славянского календаря летопись сообщает: «по *лунѣ чтаху*, а *дрѹзѣи* деньми *лѣтъ чтаху*, двои бо на десять мѣсаци число потомъ *мѣѣдаша*, отне...

¹ Штаерман Е. М. Сатурн / Е. М. Штаерман // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 417.

² Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 91–116.

³ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. / О. В. Лосева. – М., 2001. – С. 26–27.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 167.

№	Древнерусские названия	Современные названия		
		Белорусские	Украинские	Белорусские
1.	Березозолъ	Март	Березень	Сакавік
2.	Цвѣтъень	Апрель	Квітень	Красавік
3.	Тавень	Май	Травень	Май
4.	Червень	Июнь	Червень	Чэрвень
5.	Липень	Июль	Липень	Ліпень
6.	Серпень	Август	Серпень	Жнівень
7.	Вересень	Сентябрь	Вересень	Верасень
8.	Листопадъ	Октябрь	Жовтень	Кастрычнік
9.	Грудень	Ноябрь	Листопад	Лістапад
10.	Студень	Декабрь	Грудень	Снежань
11.	Сѣчень	Январь	Січень	Студзень
12.	Лютый	Февраль	Лютый	Люты

Рис. 117. Сравнительная таблица древнерусских и современных восточнославянских названий месяцев.

леже начаша человекѣи данѣ давати царемъ»¹. Из сообщения летописи видно, что изначально использовался лунный, а затем солнечный (юлианский, надо полагать) календарь. Однако необходимо признать также существование переходного лунно-солнечного календаря.

Месяцы славяне отмеряли по луне. Однако, будучи земледельцами, они должны были внимательно отслеживать сезонную смену времен года, а это возможно только при помощи солнечного календаря. Лунный год (354 дня) короче солнечного (365,25 дней). Поэтому в своих календарных расчетах славяне были вынуждены регулярно вставлять дополнительный 13-й месяц. Такого рода расчеты мы видим в сочинении XII в. Кирика Новгородца². Казалось бы, Кирик – монах, и поэтому в его учении речь может идти о сугубо христианской пасхалии. Однако, в рукописи Кирик говорит о «книжных» месяцах, подразумевая, по-видимому, месяцы юлианского календаря. Если же считать месяц в 4 недели, то, по мнению монаха, в году будет 13 месяцев и один день. Вѣдомо да кѣтъ, шко въ кданомъ лѣтѣ книжныхъ мѣсцевъ 12, а небесныхъ лунъ нходитъ 12, а накоеждо лѣто оставитъ 11 днѣи и въ тѣхъ днѣхъ на 4 лѣто приходитъ луна 13³. Данная цитата позволила Н. В. Степанову сделать вывод, что дополнительный 13-й месяц на Руси вставлялся «на 4-е лето включительного счета», что составляло 7 месяцев за 21 год. И. А. Климишин полагает, что

¹ «По луне или днями вели летоисчисление, потом же узнали двенадцать месяцев <т. е. солнечный календарь> и начали люди давать дань царям». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка.* – К., 1990. – С. 464/465.

² Кирик Новгородец. Учение иже ведати человеку числа лет. Фотокопия со списка рукописи. – В кн.: Зубов В. П. Примечания к наставлению, как человеку познатьсчисление лет» Кирика Новгородца / В. П. Зубов // *Историко-математические исследования.* – 1953. – Вып. IV.

³ «Известно, что в каждом году 12 книжных месяцев, а лун бывает 12, и каждый год остается 11 дней; и из тех дней на 4-й год образуется 13-я луна». Там же. – Л. 344 об.

вставка эта производилась чаще, в соответствии с требованиями 19-летнего цикла¹. Как назывался этот вставочный месяц, и в какую часть годового круга его вставляли, остается неизвестным.

С введением эры от «сотворения мира» новый год (новолетье) стали начинать с 1 марта. Но это сугубо церковная традиция. Все события языческого, а по сути своей аграрного, календаря должны были быть значащими для земледельца. Поэтому новый год лунно-солнечного календаря начинался в первое полнолуние после весеннего равноденствия, когда воскресала от зимнего сна природа².

Новый год солнечного (юлианского) календаря наступал после Зимних Святков. Б. А. Рыбаков раскрыл суть данного празднества: «Зимние Святки были длительным (двенадцатидневным) заклинательным комплексом, во время которого подводились итоги прошедшему (исполнение эпических сказаний) и производились заклинания на все 12 месяцев предстоящего года: «слава хлебу», гадания о замужестве и т. д.»³. Конечно, такие действия характерны всем празднествам вплоть до самого Купалы (летний солнцеворот). Но наиболее ранние обряды в отношении будущего урожая относятся именно к Зимним Святкам. Выше уже отмечалась новогодняя семантика дня Авсенья – 1 января. Особенно характерны здесь моления к Авсеню, его задабривание для нового урожая, исполнение песен, где говорится, что Авсень, приехав на коне, строит мост, по которому идут все годовые праздники и т. д. Поэтому, скорее всего, накануне крещения Новый год на Руси начинался с 1 января. По мнению Я. И. Проппа, новый год солнечного календаря начинался с зимнего солнцеворота⁴, т. е. опять-таки в период зимних Святков.

Вопрос о славянском календаре и праздниках в свое время был детально разработан Б. А. Рыбаковым⁵. Основой для реконструкции календаря древних славян послужили культовые сосуды черняховской археологической культуры, обнаруженные у сёл Лепесовка, Черняхов, Ромашки, Войсковое и Каменка. Несмотря на позднейшую, во многом справедливую, критику⁶, реконструкцию

¹ Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1985. – С. 257.

² Лозко Г. С. Коло Свароже : Відроджені традиції / Г. С. Лозко. – К., 2005. – С. 79; Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1985. – С. 259–260; Хренов Л. С. Время и календарь / Л. С. Хренов, И. Я. Голуб. – М., 1989. – С. 61.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 664.

⁴ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – СПб., 1995. – С. 24

⁵ Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян / Б. А. Рыбаков. // Советская археология. – 1962. – № 4. – С. 66–89; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 164–194; Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 91–116.

⁶ Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура / М. Б. Щукин // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1977. – Вып. 18. – С. 79–91; Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб., 2004. – С. 68 и далее.

календаря, выполненную Б. А. Рыбаковым, следует признать правильной относительно восточнославянского язычества. Аргументы этой точки зрения были изложены нами в отдельной работе¹. Весенне-летним праздникам восточных славян посвящена монография В. К. Соколовой². Зимние праздники восточных славян изучены в докторской диссертации В. И. Чичерова, изданной в 1957 г.³ Помимо того, языческим праздникам славян посвящено достаточно много других исследований и популярной литературы⁴. Поэтому здесь мы оговорим лишь некоторые стороны данного вопроса.

Наиболее значимыми праздниками у славян, как и у других индоевропейских народов, были дни зимнего и летнего солнцеворотов, весеннее и осеннее равноденствие. Хотя последнее не отмечено в этнографии какими-либо особыми ритуалами⁵. Вероятно, 25 сентября проводились праздник урожая и возжигание нового огня. Это подвигло некоторых исследователей связывать данный праздник с днем Святовита. Аргументом служит описание празднества в храме этого Бога у западных славян. Святовит изображался с турьим рогом и мечом в руках. По данным немецких хронистов, рог наполнялся вином, и по его убыли судили о погоде. В действительности, вино – не славянский напиток. Поэтому рог Святовита должен был заполняться медом или пивом, которые всегда были у славян ритуальными напитками. Символически считалось, что рог наполнен живой водой. Заполняя рог, Святовита благодарили за добрый урожай. На осеннем празднике урожая, жрец прятался за большой пирог и спрашивал – видят ли его? Люди отвечали, что не видят. Тогда жрец желал, чтобы и в следующем году его не было видно (за столь большим пирогом).

По словам Л. Нидерле, наиболее почитаемым у славян «... было солнце, оказывавшее решающее значение на жизнь и хозяйство древних славян. Отсюда и возникло ведущее значение солнечных Богов и годовых празднеств, связанных с определенными временами года, особенно началом весны, когда солнце оживляет природу,

¹ Коловрат Ю. А. *Языческий месяцеслов восточных славян: летоисчисление. Календарь* / Ю. А. Коловрат // *Харьковский историко-археологический сборник*. – Х., 2011. – Вып. 9. – С. 28–44.

² Соколова В. К. *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX веков* / В. К. Соколова. – М., 1979.

³ Чичеров В. И. *Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.* / В. И. Чичеров // *Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*. – 1957. – Т. XL.

⁴ См.: Вовк Х. К. *Студії з української етнографії та антропології* / Х. К. Вовк. – К., 1995; Войтович В. *Українська міфологія* / В. Войтович. – К., 2002; Капица Ф. С. *Тайны славянских богов* / Ф. С. Капица. – М., 2008; Лозко Г. С. *Коло Свароже: Відроджені традиції* / Г. С. Лозко. – К., 2005; Скурятівський В. Т. *Дідух: Свята українського народу* В. Т. Скурятівський. – К., 1995; Українці: *Народні вірування, повір'я, демонологія*. – К., 1991 и др.

⁵ Чичеров В. И. *Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX вв.* / В. И. Чичеров // *Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*. – 1957. – Т. XL.

затем периодом летней и осенней уборки урожая, которым солнце, по представлению славян-язычников, завершало свои хозяйственные функции»¹.

ЯЗЫЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Березозол (март)

Начало весенних песен в честь Лады

1 марта – начало закликаний Весны. Этот же день, согласно А. Ф. Некрыловой, считался днем Кикиморы².

9 марта – Жаворонки. Праздник возвращения перелетных птиц.

24 марта – Масляница, день весеннего равноденствия.

Цветень (апрель)

22 апреля – Ляльник, день Лели.

23 апреля – Ярило Вешний, первый выгон скота. Молитвы о будущих посевах.

Травень (май)

1 мая – Ладин день.

2 мая – Глеба и Бориса, день молодых всходов.

Червень (июнь)

4 июня – Ярилов день.

19–24 июня – Русалии (Зеленая седмица).

24 июня – Купало, летнее солнцестояние. Праздник огня и воды.

Завершение весенних песен в часть Лады

Липень (июль)

20 июля – Перунов день.

22 июля – Перуницын день (Летенница). Почитание Перуницы-молнии – дочери Перуна.

27 июля – Паликопа (Паликопна). Чуров день.

Серпень (август)

1 августа – Зажинки. Медовый Спас.

7 августа – Обжинки. Окончание уборки яровых хлебов. Яблочный Спас.

16 августа – Хлебный Спас.

¹ Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000. – С. 326–327

² Круглый год / Сост. А. Ф. Некрылова. – М., 1989. – С. 119.

Вересень (сентябрь)

1 сентября – День Огня Сварожича. Возжигание нового огня.

8–9 сентября – День Рожаниц.

25 сентября – Праздник урожая. Осеннее равноденствие.

Листопад (октябрь)

28 октября – День Мокоши.

Грудень (ноябрь)

1 ноября – День Сварога. Праздник кузнецов.

8 ноября – Поминальная (Родительская) седмица.

Студень (декабрь)

6 декабря – Велесов день.

7 декабря – Закливание Доли.

Начало Зимних Святков

25 декабря – Коляда. Рождество Трисветлого Солнца Божича.

Зимнее солнцестояние.

26 декабря – Родов день. «Бабьи каши».

31 декабря – Щедрый вечер. Канун Нового года. Гадания об урожае нового года.

Сечень (январь)

1 января – Авсеньев день. Моления о будущем урожае.

6 января – Данин день. Водосвятье.

Конец Зимних Святков***Лютый (февраль)***

11 февраля – Волосов день.

Праздники в часть отдельных Божеств уже описаны выше. Также упомянуто нами почитание двенадцати пятниц и недели (воскресенья). Ниже мы приведем сжатое описание великих славянских праздников.

Масленица

Масленица (укр. Колодій, бел. Комоедзицы) в древности и средневековье приходилась на весеннее равноденствие, 24 марта.

Исследователи издавна понимали, что Масленица – это языческий по своей природе праздник, и некоторые догадывались, что

первоначально он приходился на другую дату, но был вытеснен Великим постом. Чему праздник был посвящен – единства мнений нет. Так, Л. С. Клейн в своей работе по реконструкции славянского язычества считает, что Масленица – сугубо великорусский праздник, ответвившийся от Купальского празднества под давлением христианской пасхалии и вытесненный последней к февралю¹. Такая точка зрения – явная ошибка. Как убедительно показали в ряде работ этнографы, и русская Масленица, и украинский Колодий, и белорусская Комоедица в основе своей – это проводы на тот свет Зимы. Собственно с этим согласен и Л. С. Клейн². Основным и наиболее архаичным действием здесь является сожжение либо разрывание чучела, которое у различных славянских народов именуется Марой, Мораной, Мореной и символизирует зиму. В Силезии из тряпья и соломы делали большую куклу Мажану (полаб. *Mažena*) и ходили с ней по деревне, а в масленичный понедельник сжигали или топили ее (иногда зажженной бросали в воду). То же видим у чехов и поляков³.

Кроме того, непонятно: зачем нужно было ответвлять масленичные обряды от купальских, если Купало все-таки отмечался? Ссылка Л. С. Клейна на церковные запреты крайне неубедительна, т. к. согласно Стоглаву, народ вообще мало считался с подобными запретами. Но Л. С. Клейн идет еще дальше: «Масленица – это не старый языческий праздник, сохранившийся у христиан, а праздник новый, на новом месте календаря, лишь сформированный из языческих обрядов, из компонентов языческих праздников, отмечавшихся в другие дни»⁴. Кто, как и когда сформировал обряды «нового» праздника? Ведь волхвов в это время уже не было. По какому принципу подбирались обряды? И самое главное, каким образом «новая» обрядность возникла во всем великорусском ареале? Кто научил народ «новому»? Чем объяснить рудиментарный обряд уничтожения чучела зимы, сохранившийся в различном виде у большинства славянских народов? Очевидно, что построение Л. С. Клейна искусственно.

Весеннее равноденствие отмечали все народы Европы⁵. Отмечали его и славяне. Единственным великим праздником весны этнографы зафиксировали только Масленицу (о Великом дне скажем ниже). Поэтому именно ее и следует увязать с весенним равноден-

¹ Клейн Л. С. *Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества* / Л. С. Клейн. – СПб., 2004. – С. 281, 307–308, 310–311.

² Там же. – С. 287.

³ Соколова В. К. *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX – нач. XX в.* / В. К. Соколова. – М., 1979. – С. 35.

⁴ Клейн Л. С. *Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества* / Л. С. Клейн. – СПб., 2004. – С. 312.

⁵ Пропп В. Я. *Русские аграрные праздники* / В. Я. Пропп. – СПб., 1995. – С. 23.

Рис. 118. Чучело Мораны.

Реконструкция Масляницы в пос. Комсомольском (Змиевской район). Фото В. А. Данилюк 2013 г.

пущенными волосами, которое затем бросали в реку или сжигали в неделю (воскресенье) за городом¹.

Масленичные обряды (вареники, езда на тройках, лотерея с призами на высоком столбе) использовались для культурного отдыха советских колхозников Лимана, Задонецкого и Генеевки в середине XX в.². Активное возрождение праздника мы видим и в наши дни (рис. 118).

Великдень

Как и во всех прочих языческих праздниках, в основе Великого дня были аграрные интересы земледельцев. В. К. Соколова сумела вычленил из наносной христианско-пасхальной обрядности обря-

ствием. Обряд уничтожения чучела Зимы-Мары следует считать для этого праздника первоначальным. А блины у великорусов, колодки у украинцев и печеньекомы у белорусов суть поздние явления, возникшие после распада древнерусской народности, т. е. после XIV в. К тому же, к середине XIX в. масленичные обряды рудиментарно сохранились у украинцев. А. В. Терещенко писал, что на Украине в некоторых местах носили по улице с пением обрядовое чучело, которое сопровождали дети, крича и бросая в него снежные комья. В других районах на саях возили Масленицу — деревянное изображение с рас-

¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX — нач. XX в. / В. К. Соколова. — М., 1979. — С. 116–117.

² Прощай, зимонько-зима! // Будівник комунізму. — 1971. — 4 березня. — С. 4.

ды языческие, не могущие иметь отношения к Пасхе. Великдень у славян был праздником хлеба.

Великдень (Великий день) наименее изучен историками и этнографами, т. к. полностью совпадает с православной пасхой. По этой причине древние языческие элементы данного празднества наиболее активно вытеснялись церковниками. По своей сути Великдень – это Новый год по старому лунно-солнечному календарю. Но главная составляющая Великдня – аграрная магия и культ поминания предков.

В этнографических сборах указывается, что ритуальной пищей в этот день были кулич, вареные яйца. У украинцев и белорусов в данный перечень входил еще и поросенок (символ плодородия). При этом поросенка клали ногами вверх. Центральное место в великоденной обрядности занимало окрашенное яйцо. Его не только ели первым, дарили, обменивались. Крашенке приписывались магические свойства. Например, в Слободской Украине бытовало представление, что первое яйцо, вынутое из краски или полученное в дар, способно потушить пожар. Следует лишь трижды обойти горящий дом. А если умыться водою, в которую были опущены крашенка и деньги, то это принесет здоровье и красоту¹.

Характерными, но очень рано вышедшими из широкого бытования обрядами Великдня были зажигание костров или смоляных бочек и обливание водой. М. А. Максимович сообщает, что на Украине обливание девок водой происходило в великий понедельник². Также обязательным атрибутом праздника было вождение хороводов. В науке давно утвердилось мнение, что весенние хороводы некогда являлись существенной частью аграрно-магического обрядового действия. Движение по кругу символизирует движение солнца³.

В распорядок Великдня входило также посещение кладбища на первый или второй день, т. е. в великий понедельник или великий вторник. С собою брали крашенные яйца. Характерным отличием юга восточнославянских земель (совр. Украина) является Навский Великдень, отмечавшийся в великий четверг. Здесь также этнографы фиксируют поминание предков. В землях северян считалось, что в Навский Великдень работать нельзя, ибо вырастет «мертвая косточка» (нарост на теле). Отдельные реликты Навского Великдня отмечены у белорусов⁴.

¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX – нач. XX в. / В. К. Соколова. – М., 1979. – С. 110–112.

² Максимович М. Дні і місяці українського селянина / М. Максимович; пер. з рос. В. Гнатюка. – К., 2002. – С. 35.

³ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX – нач. XX в. / В. К. Соколова. – М., 1979. – С. 35.

⁴ Там же. – С. 120–121.

Радуница

Радуница – основной поминальный день. У великорусов и украинцев это вторник после великоденной седмицы (недели). На Украине этот праздник носит название «проводы». Согласно поверью, души умерших, вышедшие на землю в Великдень, находились на ней до следующего понедельника. Ритуал Радуницы у восточных славян древности и средневековья реконструирован благодаря согласному свидетельству украинской, белоруской и великоруской этнографии.

Наиболее подробно описаны «проводы» у П. П. Чубинского. Угощение предкам готовили накануне, завязывали в узелки и шли с ним на кладбище, где происходила общая трапеза. На могилу клали три или четыре яйца, после поминовения глава рода разбивал их и отдавал старцу, приговаривая:

*Помолись, дідуню,
За умершого татуню,
За умершую мамуню,
І за сеструню.*

Часть скорлупок и косточки ритуального поросенка бросали на могилу со словами: «Тут моя родинонька, тут моя мати, тут хутко буду і я спочивати». Затем выливали рюмку вина и приговаривали: «Їжте, пийте, виринайте и нас грішних споминайте». Иногда бросали на могилу яйца и говорили: «Святі родителі, ходіте до нас хліба й солі їсти». После этого закусывали и обращались к умершим родным: «Наші рідняки, не поминайте лихом! Чим хата багата, тим і рада». Домой шли уже подвыпившими, а заканчивалось все попойкой. Примерно также отмечали Радуницу и белорусы. И. М. Снегирев писал, что они поливали могилы водкой и медом, закусывали и призывали родителей: «Святыя радзіцелі, хадзіте к нам хлеба-солі кушаць!» По окончании трапезы говорили: «Моі радзітелі, выбачайце, не дзівіцеся, чем хата багата, тем і рада»¹.

Ритуал поминовения предков имеет ту древнюю основу, которую мы описали в § 4.9. Это – тризна. Древность обряда усматривается в том, что после поминовения и плачей обычно начиналось шумное веселье с песнями и плясками. Особенно ярко это проявлялось там, где дольше хранились старые традиции (Белоруссия, Сибирь).

¹ Там же. – С. 120–121.

Русалии

Русалии (Русальная седмица, Зеленые святки) отмечались в период 19–24 июня. Позднее этот праздник был закрыт христианским подвижным праздником – Троициным днем (седьмое воскресенье после Пасхи) и стал подвижным.

Русалии у восточных славян были кульминационной точкой народных языческих празднеств. Все виды искусства проявлялись в них полной мерой: музыка, пение, танцы, военные игры, театрализованные действия, проводившиеся иногда в масках (скуратах). Участники русалий, как можно думать, делились на простых зрителей и на специальных людей, выполнявших главные разделы игры-обряда, подобно тому, как в современной болгарской деревне торжественное празднование Нового года еще в первой половине XX в. выполнялось двенадцатью старцами в огромных масках и специальных одеждах¹.

Б. А. Рыбаков в свое время блестяще реконструировал ход русалий. Русалии – это собрание большого количества людей, одетых в праздничные яркие одежды. Сбор проходит в городе около храма ночью. Организаторами действия являлись скоморохи, музыканты и гуслиры. Скоморохи, одетые в маски, показывали зрителям некий мифологический сюжет, связанный с темой данного праздника. Затем выделялись плясуньи, которые к скоморохам не принадлежали и, по-видимому, избирались из красивейших девушек села (города). На долю зрителей оставалось пение языческих гимнов (*пѣнїи бѣговскѣ*), пересказ языческих мифов (*говорѣ бѣзчинный*), обряд ритуального омовения в водоеме (*плещиванїи*) и наблюдение за происходящим (*позорованїи*). Здесь же производились обряды, подобные, кажется, похоронам чучел Костромы, Кострубонька или фаллической куклы Ярила².

Верили, что в эти дни молодым парням и девушкам нельзя ходить поодиночке, ибо полевые русалки могли зачекотать до смерти. Купаться считалось опасным. Поэтому на протяжении русальной седмицы девушки носили при себе любисток *Levisticum officinale* W. D. J. Koch, так как по поверьям он отпугивает русалок, парни с этой же целью носили полынь.

В Центральном Полесье проводился такой обряд: девушки избирали из своей среды самую красивую русалкой, украшая ее только зелеными ветвями и цветами. Взявшись за руки, становились вокруг нее, а потом с песнями водили ее по полям, лугам и лесам. Учитывая, что русалки даруют полям необходимую влагу,

¹ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переplут /Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 96.

² Там же. – С. 99.

можем утверждать, что целью такого вождения русалки было сообщение полям и лугам необходимой плодородной силы. Такие вождения продолжались до полночи. Парни в этом обряде участия не принимали, чтобы не прогневить русалку. При выборе наилучшей девушки соревновались в отгадывании загадок. Выше мы уже говорили о том, что русалки и вилы очень любят загадки. Во многих мифологических сюжетах загадки загадывают именно русалки:

*«Ой біжить, біжить мала дівонька,
А за єю русалонька.
– Ти послухай мене, красна панночко,
Загадаю тобі три загадоньки,
Як угадаєш – до батька пуцу,
Не угадаєш – до себе візьму:
– Ой що росте без коріння,
А що біжить без повода,
А що цвіте без цвіту?
– Камінь росте без коріння,
Вода біжить без повода,
Папороть цвіте без цвіту»¹.*

Судя по этнографическим данным, русалкам совершались жертвоприношения. На протяжении всей русальной седмицы на Волынском Полесье после обеда оставляют на столе хлеб, масло, ставят ведро с водой и вешают свежее льняное полотенце.

Купало

Купало, праздник летнего солнцестояния, отмечался 24 июня (дата историческая, сейчас летнее солнцестояние происходит 22–23 июня). Купальские обряды во всем повторяют русальскую обрядность, но сохраняют свои специфические черты праздника летнего солнцеворота: костры на берегах рек, костры на вершинах гор, своеобразная солнечная колесница с двумя колесами (ср.: в масленичных обрядах используется только одно колесо). Девушки, взяв передние колеса от телеги, садятся на ось, а прочие, схватившись за оглобли, возят по селению, а потом по полям с песнями до утренней зари. Еще одним характерным моментом Купалы является вера в целебную силу купальской росы, которой умываются для здоровья.

Купало – праздник союза воды и огня (солнца), апогей производящих сил природы. Еще днем юноши срубают молодую вербу *Salix L.*, а девушки наряжают ее лентами и цветами. Такое дерево

¹ Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 450–451.

называется Купалой. Вокруг этого дерева водят хороводы и поют довольно специфические песни, речь в которых идет либо о скором расставании, либо об утопленнице. В западной части славянства купают и топят в реке соломенное чучело Морены.

Вечеру возжигался живой (полученный путем трения) огонь, на берегах рек устраивались костры. Хороводы и пения заканчивались перепрыгиванием через костер молодых, образовавшихся в этом году, пар. В языческое время данный обряд служил своеобразной помолвкой. Если девушка во время прыжка не отымала руку, то это служило знаком согласия.

После совместной трапезы парни и девушки устраивали состязание, где юноши пытались украсть купальское дерево, а девушки его отбивали. В конце концов, дерево поджигали и топили в реке.

Здесь же происходил обряд пускания венка. Купальский венок имел довольно большие размеры и сплетался из полевых цветов, главным из которых был марьянник дубравный, иначе иван-да-марья *Melampyrum nemorosum* L. Юноши же свивали венки из ржи *Secale cereale* L. Когда после прыжка через костер девушки прыгают в воду, то по направлению поплывшего венка судят: откуда ждать сватов.

После прыжков через костер и купаний в реке пары расходились по лесу, по-видимому, предаваясь любовным утехам, ибо теперь свадьба была неизбежна. Характерно, что молодницы, утратившие свое девство, к прыжкам через костер не допускались¹. Одиноким еще парни и девушки пели песни и купались в реке, собирали лечебные травы.

В общем, по разрозненным и обрывочным этнографическим данным восстанавливается следующий порядок купальского обряда:

- 1) плетение венков, обряжение Купалы (Морены);
- 2) вождение по селу солнечной колесницы (зажженных колес);
- 3) возжигание костров на берегах водоемов;
- 4) прыжки через костер и последующее купание;
- 5) утопление Купалы (Морены);
- 6) пускание венков, песни, собирание трав, купание;
- 7) умывание целебной купальской росой.

6 июля 2010 г. Змиевской районный Дом культуры при участии Домов культуры Генеевки, Чемужовки, Лимана, Первомайского и санатория «Елочка» провели в с. Генеевка этнографическую реконструкцию праздника Купала (рис. 119)².

¹ Максимович М. Дні і місяці українського селянина / М. Максимович; пер. з рос. В. Гнатюка. – К., 2002. – С. 103

² Логвіна Т. Купальська ніч – чарівна ніч, коли щастя на землі ходить / Т. Логвіна // Вісті

Рис. 119. Реконструкция Купальских празднеств в с. Генеевка.

Заканчивая описание русалий, отметим, что данный цикл праздников является общеславянским, а быть может, и общеевропейским, аграрным праздником, связанным с плодородием полей, молениями о дожде и рождении новых колосьев.

КОЛЯДА

Рождество Трисветлого Солнца Божича, или Коляда – это праздник зимнего солнцеворота (солнцестояния), который отмечался 25 декабря (дата историческая, сейчас зимнее солнцестояние происходит 23 декабря). Этим праздником открывался двенадцатидневный цикл Зимних Святков, представлявших собой заклинательный комплекс, во время которого подводились итоги прошедшему (исполнение эпических сказаний) и производились заклинания на все двенадцать месяцев предстоящего года: «слава хлебу», гадания о замужестве и т. д.

Характерными чертами Коляды являются ряжение и пение колядок. Во время ряжения одеваются тулупы шерстью наверх, одеваются звериные маски, проводятся шумные карнавальные пляски в домах и на улицах. Ряжутся в коня, медведя, козу, гуся, журавля. Во время собраний поют самые разнообразные песни из всего годового репертуара. Многие эпизоды зимних игрищ тоже восходят к разным обрядам разных месяцев года. Судя по всему, 12 праздничных дней посвящались 12 месяцам года, поскольку в

упомянутых игрищах встречаются элементы почти всех обрядов, которые предстоит выполнить в будущем году.

26 декабря – Родов день (народное название – «Бабы капи»). На второй день после зимнего солнцеворота на Руси женщины приносили в церковь хлебы и пироги¹. Роду совершались особые жертвоприношения едой: кашей, хлебами, сырами, питьем (медом). С этого дня гадают о погоде на предстоящие двенадцать месяцев. 26 декабря соответствует январю, 27 – февралю и т. д.

27 декабря – гадания о погоде февраля.

28 декабря – гадания о погоде марта.

29 декабря – гадания о погоде апреля.

30 декабря – гадания о погоде мая, а также гадания по внутренностям животных.

31 декабря – Щедрый вечер. Канун Нового года. Гадания об урожае нового года и погоде в июне.

1 января – Авсеньев день. Моления о будущем урожае. Гадания о погоде июля.

2 января – заговоры от болезней. Гадания о погоде августа.

3 января – гадания о погоде сентября.

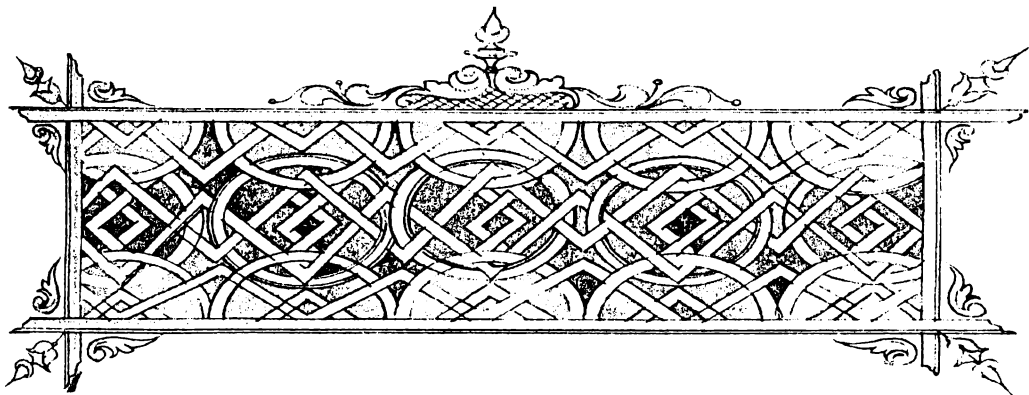
4 января – гадания о погоде октября.

5 января – Голодная кутья. Гадания о погоде ноября.

6 января – Данин день. Водосвятъе. Кутейник. Поминование предков. Завершал собою цикл зимних русалий. Гадания о погоде декабря. В этот день также проводятся знаменитые гадания на воде о замужестве.

Таковы, вкратце, языческие верования восточных славян в эпоху раннего средневековья. Великие языческие праздники в своей этнографическо-фольклорной форме дожили до наших дней.

¹ Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян* / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 456.

Северо-запад Хазарского каганата.

Салтово-маяцкая археологическая культура (начало VIII в. - середина X в.)

Образование Хазарского каганата. – Салтово-маяцкая культура: открытие, периодизация, ареал распространения. – Поселения. – Жилища и хозяйственные постройки. – Хозяйство. – Ремесла. – Гончарное ремесло и керамика. – Орудия труда и украшения. – Погребальный обряд и могильники. – Войско Хазарского каганата и предметы вооружения салтово-маяцкой культуры. – Торговля и данничество. – Политическое и социальное устройство Хазарского каганата. – Этнический состав Северо-Западной Хазарии. – Религии Хазарского каганата. – Гибель Хазарского каганата. Распад салтово-маяцкой культуры.

1

§ 6.1. Образование Хазарского каганата

Начале VIII в. племена набирающего силу Хазарского каганата достигают лесостепной части Левобережной Украины. Археологическим соответствием этих племен была культура, получившая название *салтово-маяцкой*, или *салтовской*. Соприкосновение *салтовцев* со славянами, носителями *пеньковской*, *волынцевской* и *роменской культуры*, не могло и не прошло бесследно

для последних. Выше этот вопрос уже был затронут. В данной главе мы рассмотрим его более подробно.

Начало хазарской истории связано с занятием гуннами в 370 г. прикаспийских и донских степей. Обитавшие там ираноязычные племена алан были либо истреблены, либо присоединены к гуннским ордам. После этого гунны, продолжив свое продвижение по восточноевропейским степям, опустошили Приазовье, Причерноморье, ворвались в Центральную Европу и, спустя несколько десятилетий, осели в Паннонии. Была создана огромная, но весьма рыхлая в политическом и этническом отношении империя. В зависимости от гуннов оказались многие, совершенно различные этнические группы: от аланских племен на востоке до германских племен на западе. Отголоски этого сохранились в германском эпосе «Песнь о нибелунгах», где предводитель гуннов Аттила упоминается под именем Этцель¹. Поражение гуннов в битве на Каталунских полях в июне 451 г. остановило их продвижение на Запад и фактически спасло европейскую цивилизацию от уничтожения. После смерти Аттилы в 454 г. империя гуннов распалась, и в восточноевропейских степях начался новый виток развития кочевых народов.

Среди множества кочевых племен восточноевропейских степей, упоминаемых византийскими и закавказскими хрониками, следует назвать берсилов, савиров, аваров, болгар и хазар. Все эти племена были тюркоязычными. Как пишет исследовательница истории кочевых народов С. А. Плетнева: «Тюркологи давно установили, что язык болгар относится к группе западных тюркских языков, следовательно, и хазарский язык являлся западно-тюркским»².

Колыбелью хазар были прикаспийские степи Северного Предкавказья. Необходимо отметить, что при описании событий в восточноевропейских степях VI в. восточные и византийские авторы чаще упоминают имя «савиры», а не «хазары». Хотя уже в это время хазары представляли собой значительную силу, принимая постоянное участие в ирано-византийских войнах.

Во второй половине VI в. на Азиатском континенте возникла новая держава тюрков – каганат, возглавленный одним из самых сильных тюркских родов – Ашина. В ходе борьбы с государством эфталитов (555–567 гг.) Тюркский каганат окреп и вышел на международную арену. Во время ведения завоевательных войн в Закавказье внутри каганата возникла междоусобная борьба, которая

¹ *Песнь о нибелунгах* / Пер. с нем. Ю. Корнеева, Н. Сигал. – М., 1997. – С. 311

² Плетнёва С. А. *Хазары* / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 14.

привела к краху тюркской державы. На ее развалинах возникли новые государства: Великая Болгария (в Прикубанье) и Хазария (в прикаспийских степях).

Хазары считали себя прямыми наследниками Тюркского каганата, своего правителя называли каганом. Кроме того, Хазарский каганат возглавил все тот же тюркский род Ашина, основавший здесь новую династию. В силу того, что этнически болгары были очень близки хазарам, ослабевшая Великая Болгария была включена в состав Хазарии. Часть болгар откочевала за Дунай, где была подчинена славянами, оставив после себя лишь название современного государства. Таким образом, возникла феодальная кочевая империя племен, возглавленная хазарским (тюркским) родом Ашина и номинально управляемая каганом, происходящим всегда из этого рода.

Начался стремительный рост Хазарского каганата. В конце VII в. хазары захватили Северное Причерноморье и часть степного Крыма. К началу VIII в. феодальная кочевая империя племен, возглавляемая хазарами, занимала степи и предгорья Дагестана и Прикубанья, приазовские степи, частично степи Северного Причерноморья и большую часть Крыма, включая отстраивающиеся приморские города. Экспансия каганата перекинулась в закавказский регион.

Однако рост Хазарии (рис. 120) был прерван вторжением в Закавказье арабов в 640 г. Арабо-хазарские войны длились до середины VIII в. В 737 г. хазарское войско потерпело сокрушительное поражение и каган, ради подписания мирного договора и сохранения престола, был вынужден принять ислам. Хазария сыграла большую роль в истории восточноевропейских стран; фактически, она явилась щитом, заслонившим их от арабов. В настоящее время благодаря 5-томной работе Е. И. Прицака «Происхождение Руси»¹ считается, что Хазарский каганат занимал огромную территорию. Это получило свое отражение в современной картографии. Однако это не так. Правильнее, на наш взгляд, соотносить территорию Хазарии с ареалом распространения *салтово-маяцкой культуры* (рис. 121). Гипотеза Н. Голба и Е. И. Прицака о том, что Киев был основан хазарами и входил в состав каганата, вызвала жесткую и справедливую критику Е. А. Мельниковой², П. П. Толочко³, А. П. Толоч-

¹ См.: Pritsak O. *The origin of Rus'* / O. Pritsak. – Cambridge; Mass., 1981; Прицак О. *Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг)* / О. Прицак. – К., 1997. – Т. 1; Прицак О. *Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія* / О. Прицак. – К., 2003. – Т. 2; Голб Н. *Хазарско-еврейские документы X века* / Н. Голб, О. Прицак. – М.; Иерусалим, 1997.

² Мельникова Е. А. *Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси»* / Е. А. Мельникова // *История СССР*. – 1984. – № 4. – С. 201–209.

³ Толочко П. П. *Миф о хазаро-иудейском основании Киева* / П. П. Толочко // *Российская археология*. – 2001. – № 2.

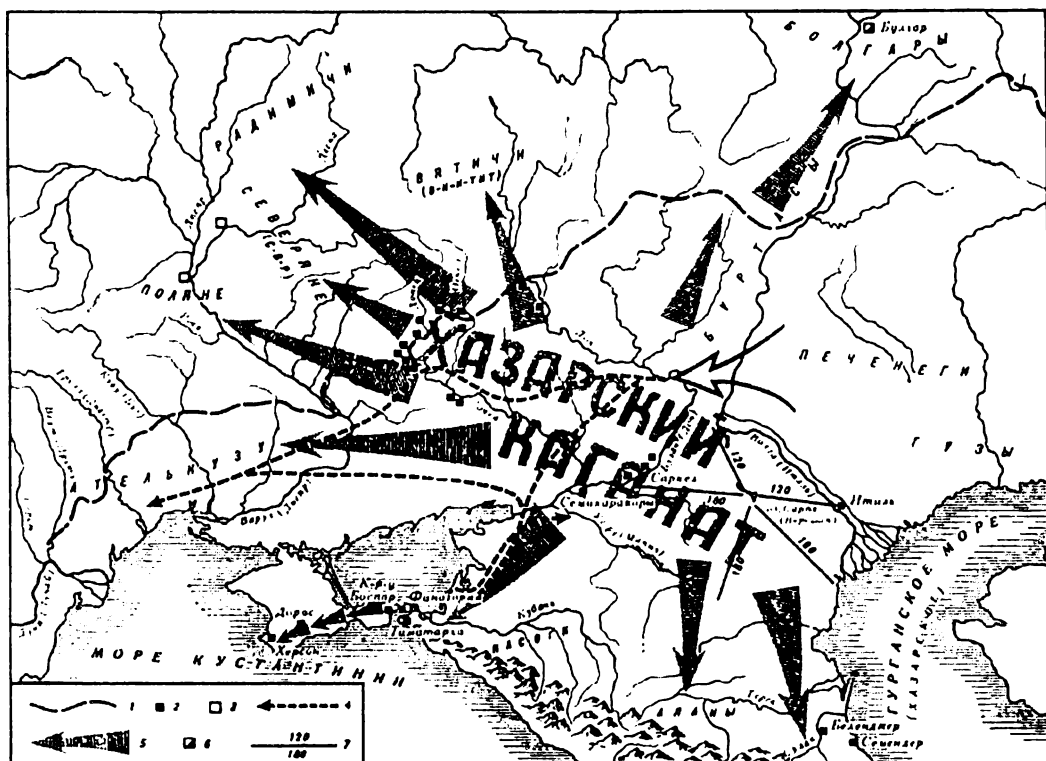

Рис. 120. Хазария в VIII–IX вв.

ко¹, В. Я. Петрухина, А. П. Новосельцева². Мысль о Киеве, как форпосте Хазарии, высказал в последнее время С. Г. Кляшторный³. Но по мнению А. А. Тортики, нет оснований считать Киев городом, находившимся в составе Хазарского каганата⁴.

Длительная война с арабами тяжелее всего отразилась на экономике молодого Хазарского государства. Арабы неоднократно вторгались в Хазарию, разоряли и грабили города, жгли поселения, вытаптывали нивы и виноградники, угоняли скот с зимовищ, а население, как правило, обращали в рабство. Все это привело к тому, что уже во время арабо-хазарских войн началось настойчивое переселение алан, болгар и самих хазар на север – на широкие и обильные пастбища волжских, донских и донецких степей. Часть болгарских племен откочевала вместе с аланами в Прика-

¹ Толочко А. П. Рецензия: Н. Голб, О. Прицак «Хазарские еврейские документы X в.» / А. П. Толочко // Вопросы истории. – 1987. – № 12. – С. 144–146.

² Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. – М., 1990. – С. 104–105.

³ Кляшторный С. Г. Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов / С. Г. Кляшторный // Хазарский альманах. – К.; Х., 2010. – Т. 8. – С. 227–235.

⁴ Тортика О. О. Еврей в Хазарском каганате та Київській Русі / О. О. Тортика // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 31.

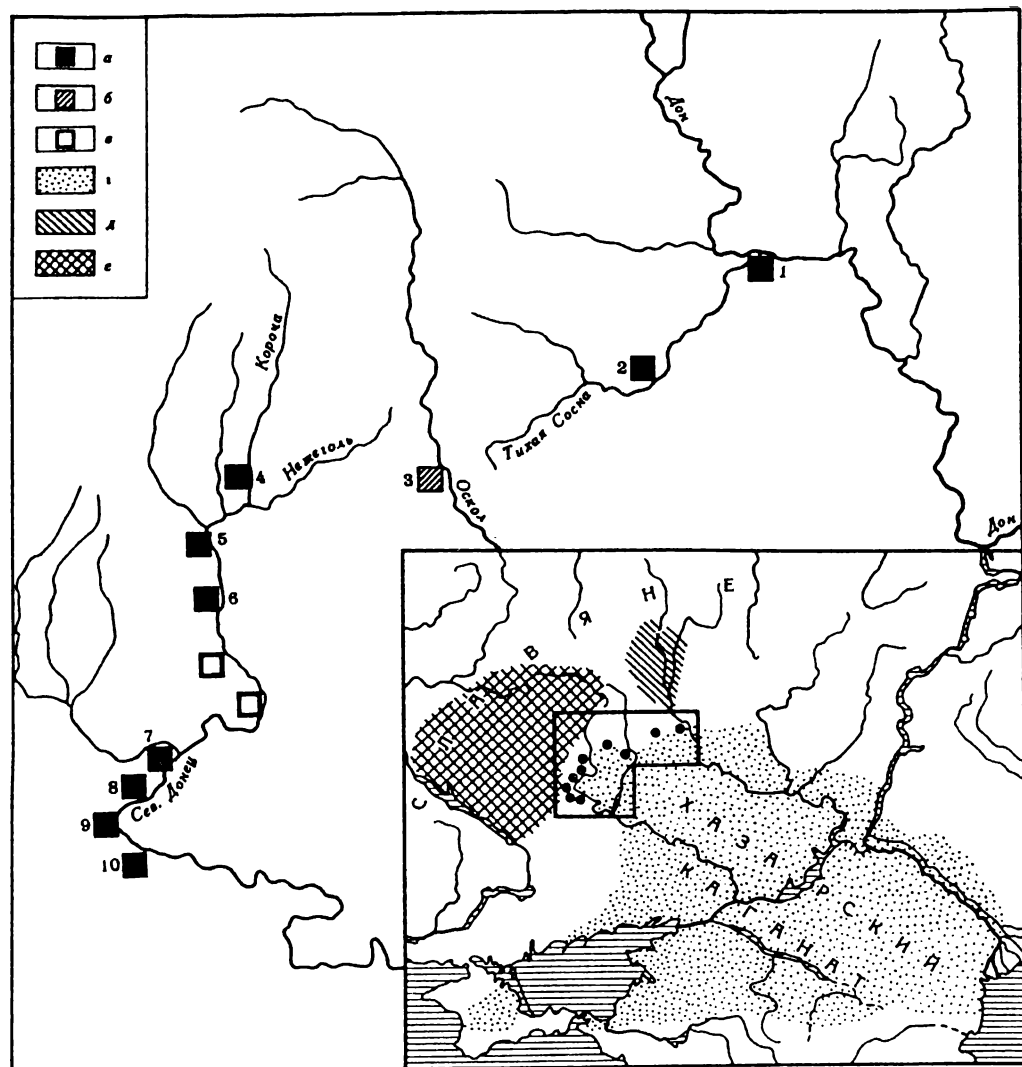

Рис. 121. Схема расположения городищ салтово-маяцкой культуры в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона:

1 – Маяцкое; 2 – Ольшанское; 3 – Юхновское; 4 – Дмитриевское; 5 – Архангельское (Нежегольское); 6 – Верхнесалтовское; 7 – Кабаново (Эсхар); 8 – Мохнач; 9 – Коробовы Хутора; 10 – Сухогомольшанское.

Условные обозначения: а – городища с белокаменными стенами; б – с земляными укреплениями – валами; в – городища, известные в XVII века и не сохранившиеся до наших дней; г – территория Хазарского каганата; д – боршевская культура; е – роменская культура.

мье, где основали новое государство – Волжскую Болгарию. Появление в донских и приазовских степях населения, занимавшегося на Северном Кавказе земледелием, привело к массовому оседанию

(седентаризации) болгар и других тюркских этносов на землю. Относительно переселения алан в более северные регионы Хазарии, В. К. Михеев предполагал, что «... переселение алан в Подонье в первую очередь было обусловлено сознательными и планомерно проводящимися в жизнь политическим планом центрального правительства Хазарии, которое воспользовалось зависимостью алан для того, чтобы навязать каким-то их группам нужные ему действия»¹. Часть зависимых от хазар алан Северного Кавказа была расселена вдоль границы лесостепи, в том числе на территорию Змиевского края. В результате этого переселения степная земледельческая область по Северскому Донцу и Дону и их притокам оказалась прикрытой линией укрепленных пунктов.

Массовое оседание на землю, переход к новому способу ведения хозяйства – земледелию, а вместе с тем и к ремесленному производству, положили начало сложению культуры, которая в истории и археологии получила название *салтово-маяцкой*.

§ 6.2. Салтово-маяцкая культура: открытие, периодизация, ареал распространения

В VIII–X вв. на значительной части территории Змиевщины распространились памятники *салтово-маяцкой культуры*. Имя археологической культуре дали два памятника: открытое в 1890 г. Маяцкое городище и первые, раскопанные в 1900 г. катакомбы Салтовского могильника.

Границами распространения этой культуры были: на севере – верховья Северского Донца и Дона, на западе – правобережье Донца и Северное Приазовье, на юге – Восточный Крым и Восточное Приазовье, Кубань и далее до Каспия по предгорьям, на востоке – Каспийское море, левый берег Волги до современного Саратова и затем – междуречье Волги и Дона.

В существовании *салтово-маяцкой культуры* выделено четыре периода:

- 1) период сложения (середина VII – середина VIII вв.);
- 2) ранний период (середина VIII – середина IX вв.);
- 3) средний период (вторая половина IX в.);
- 4) поздний период (конец IX–X вв.)².

¹ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 46.

² Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. – С. 138.

Салтово-маяцкая культура делится на несколько локальных вариантов. На территории Змиевского края был распространен лесостепной вариант, занимавший верховья Северского Донца, Оскола и Дона. Для него характерны городища с земляными и каменными укреплениями, катакомбные и ямные могильники, жилища-полуземлянки.

Еще в конце XIX столетия внимание отечественных и зарубежных археологов привлекли памятники высокоразвитой и своеобразной культуры, созданной полукочевыми племенами, населявшими степные и лесостепные просторы Приазовья и Подонья в VIII – IX вв. В 1895 г. археологом Н. Е. Макаренко велась раскопки на Маяцком городище. В 1900 г. в с. Верхний Салтов Харьковской губернии учителем В. А. Бабенко был открыт катакомбный могильник. Чуть позже, в 1901 г. В. А. Городцовым в с. Зливки Харьковской губернии открыт и изучен ямный могильник с инвентарем, близким инвентарю Верхнесалтовского могильника. Первые материалы *салтово-маяцкой культуры* были представлены на XII-ом археологическом съезде, проходившем в Харькове в 1902 г. *Салтовские древности* привлекли внимание многих исследователей. Кроме В. А. Бабенко, Верхнесалтовский могильник изучали Д. И. Багалей, Е. П. Трефилев, А. М. Покровский, А. С. Федоровский, П. С. Уваров, Н. Е. Макаренко¹.

После 1917 г. в среднем течении Северского Донца сотрудниками Изюмского и Луганского краеведческих музеев, проводившими археологические разведки, были открыты новые *салтовские* памятники. После завершения Гражданской войны 1917–1923 гг. на территории Украины, в 1920 г. Харьковский исторический музей возобновил исследование Верхнесалтовского могильника. С 1921 г. исследование памятника продолжил В. А. Бабенко².

Новый этап в изучении *салтовских древностей* положили исследования, проводившиеся в 30-е гг. XX в. Волго-Донской, а затем Саркельской экспедициями под руководством М. И. Артамонова. В 1946–1948 гг. памятники *салтово-маяцкой культуры* на левом берегу Северского Донца исследовались Харьковским университетом под руководством С. А. Семенова-Зуссера. Новые памятники *салтовской культуры* были выявлены в 1947–1948 гг. Днепровской Левобережной экспедицией и в 1950–1951 гг. разведочным отрядом Волго-Донской экспедиции. В 50-х гг. XX в. памятники *салтово-маяцкой культуры* исследовал И. И. Ляпушкин³.

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 213; Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1981. – Т. XVIII. Степи Евразии в эпоху средневековья. – С. 62.

² Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 213.

³ Там же. – С. 213.

Во второй половине XX в. работу по выявлению и изучению памятников данной культуры проводили Д. Т. Березовец, В. К. Михеев, С. А. Плетнева, А. Г. Дьяченко и А. К. Дегтярь. Активные археологические изыскания в бассейне Северского Донца проводили Д. Я. Телегин, С. А. Плетнева, К. И. Красильников, Б. А. Шрамко¹.

В конце XX – начале XXI вв. *салтовскую культуру* на территории Змиевщины изучали и изучают археологи В. С. Аксенов, В. В. Колода, Г. Е. Свистун, Н. В. Чернигова, В. Г. Бородулин, В. К. Михеев, А. А. Лаптев и др.

На территории Змиевщины памятники *салтово-маяцкой культуры* представлены в большом количестве. Это селища, городища, кочевья и могильники (рис. 122).

§ 6.3. Поселения

Поселения *салтово-маяцкой культуры*, представленные на территории Змиевщины, относятся к лесостепному варианту. Для него типичны гнезда больших поселений, сосредоточенных вокруг городищ. Последние представляют собой крепости на высоких прибрежных мысах. Как правило, они сооружались на местах древних скифских городищ (что роднит *салтовские* городища с *роменскими*). При этом *салтовцы* использовали старые укрепления, восстанавливая и достраивая их. Характерной чертой *салтовских* городищ были белокаменные стены, сложенные без фундамента и без раствора, из рваного мелового камня в виде двух панцирей (щитов). Пространство между панцирями заполнялось засыпкой из щебня или более мелкого камня. Толщина таких стен достигала 6 м².

Для территории Змиевщины характерны *салтово-маяцкие* поселения в виде городищ-замков, имевшие в недоступной части мыса каменные цитадели. Таковы, например, городища в селах Коропово, Мохнач, Сухая Гомольша, Меловое, Эсхар (Кабаново городище) и городах Змиеве (предположительно), Чугуеве. В «Баварском географе» Хазария названа страной 100 городов³. Это подчеркивает то значительное количество городищ *салтово-маяцкой культуры*, которое известно ныне благодаря археологическим исследованиям.

Для чего подданные Хазарского каганата возводили крепости? В историографии сложилось несколько точек зрения, отвечающих на этот вопрос. По мнению М. И. Артамонова и С. А. Плетневой, го-

¹ Там же. – С. 214.

² Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 42.

³ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. / А. В. Назаренко. – М., 1993. – С. 15.

Рис. 122. Памятники салтово-маяцкой культуры на Змиевщине:

1 — центры современных районов; Б — современные населённые пункты; 3 — реки; Г — водоемы; Д — границы исторической Змиевщины; Е — границы современных районов; Ж — городища; З — селища; И — могилишники, К — кочевья. 17 — Балаклея (селище, кочевье, могилишник); 2 — Берека I; 3 — Берека II; 4 — Боровое I; 5 — Боровое II; 6 — Вербовка I; 7 — Вербовка II; 8 — Верхний Бишкин (уроч. Ольховое); 9 — Верхний Бишкин (уроч. Роганина I, уроч. Роганина II); 10 — Гайдары (селище, джучидская монета); 11 — Жуковское городище; 12 — Задонецкое; 13 — Западенька; 14 — Змиев; 15 — клад с аббасидскими дирхемами (Змиев); 16 — дирхем 751 г. (Змиев); 17 — Кабаново городище; 18 — Камплица; 19 — Корововы Хутора (городище, селище, находки монет); 20 — Кочеток III; 21 — Кочеток VI; 22 — Красная Поляна; 23 — Лагери; 24 — Лаптево-II; 25 — Лиман-Коренное; 26 — Лиман-Чайка; 27 — Малиновка (уроч. Лоза); 28 — Михайловка; 29 — Мохнач (городище, 13 селищ, погребения на поселении, находки монет); 30 — Тимченки (уроч. Мясное); 31 — Новопокровка и Новопокровка-I; 32 — Новопокровский могилишник; 33 — Северское городище; 34 — Сердюково-2; 35 — Старая Покровка; 36 — Сухая Гомольша; 37 — Тетлега; 38 — Черкасский Бишкин; 39 — Чугуевское городище; 40 — Чугуев-1 (кочевье); 41 — Чугуев-I; 42 — Чугуев-II; 43 — Чугуев-III; 44 — Эсхар.

городища – это феодальные замки, предназначенные для управления округой, жизни феодала и его семьи, а также эксплуатации окрестного населения. Представители второго направления (А. Г. Копыл, С. И. Татаринцов) считают, что городища возводились для контроля над славянским населением, взимания с них дани, подавления восстаний. Третье направление связывает появление городищ с необходимостью защиты от набегов угуров. Наконец, А. А. Тортика считает, что данные городища возникают как опорные пункты военизированного алано-болгарского населения и отражают его родоплеменную структуру¹. В. С. Флёров в монографии «Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность»² высказывает мысль о том, что городища *салтово-маяцкой культуры* следует считать протогородами или иными поселенческими образованиями городского типа. Такую точку зрения всецело поддержал А. А. Тортика³. В. В. Колода, однако, некоторые положения работы В. С. Флёрова считает недостаточно аргументированными⁴.

Городище, расположенное возле Коробовых Хуторов, неоднократно изучалось археологами. Судя по совокупности датирующих материалов, временем существования раннесредневекового поселения на данном городище следует считать VIII–X вв.⁵

Вопрос об этнокультурной принадлежности городища долгое время являлся объектом полемики между исследователями. И. И. Ляпушкин, О. В. Сухобоков и Б. А. Шрамко считали, что в VIII–X вв. здесь проживало славянское, точнее, северянское население (*роменская культура*), в то время как С. А. Плетнева относил жителей городища к *салтовскому* этническому массиву. А. Г. Дьяченко, проанализировав керамику с городища, поддержал, в целом, точку зрения сторонников славянской интерпретации памятника, но уточнил при этом, что помимо северян, здесь проживали и славянские племена кривичей⁶. На сегодняшний день

¹ Тортика А. А. *Городища Северо-Западной Хазарии и их военно-политическое значение в VIII–X вв.* / А. А. Тортика // *Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто* (г. Москва, 18–20 апреля 2012 г.): *Материалы конференции* / Институт всеобщей истории РАН. – М., 2012. – С. 252–257.

² Флёров В. С. *Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность* / В. С. Флёров. – М., 2010.

³ Тортика А. А. *Городища Северо-Западной Хазарии и их военно-политическое значение в VIII–X вв.* / А. А. Тортика // *Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто* (г. Москва, 18–20 апреля 2012 г.): *Материалы конференции* / Институт всеобщей истории РАН. – М., 2012. – С. 252–257.

⁴ Колода В. В. Рецензия: Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры; Гешарим, 2011. – 264 с. / В. В. Колода // *Древности* 2012. – X., 2012. – Вып. 11. – С. 352–358.

⁵ Дьяченко О. Г. *Городище Коробові Хутори і його місце серед ранньосередньовічних пам'яток басейну Сіверського Дінця* / О. Г. Дьяченко // *Вісник Харківського університету*. – 1979. – № 182 : *Історія*. – Вип. 11. – С. 104.

⁶ Там же. – С. 97–98, 105–106.

вороды. К настоящему времени в результате топографической съемки удалось выяснить, что данное городище имело тройную линию каменно-грунтовых укреплений и несколько выносных башен для обстрела наступающих с фланга. На самом городище исследована постройка раннего железного века с материалами IV в. до н. э. Рядом с городищем расположено обширное поселение размерами 1100×500 м с насыщенным культурным слоем *салтово-маяцкой культуры*. Предварительными работами на селище определены участки наиболее интенсивной застройки. Предположительно намечены древние дороги к городищу и возможное место пристани на правом берегу Северского Донца, а также торговая площадь у подножия городища¹.

Рис. 124. Городище Коробовы Хутора.

Продолжение исследований в 2004 г. позволило определить границы *салтовского* селища, площадь которого ограничена на востоке и северо-востоке берегом Северского Донца, с севера и запада – ручьем, который вытекает из естественного озерца в 500 м западнее городища; южная часть поселка размещается в верховьях глубокого оврага, выходящего к правому берегу Северского Донца севернее городища, а юго-западная часть совпадает с отрогом этого же оврага (по нему протекает еще один ручей, который пересыхает в летнее время)². В нескольких раскопах удалось обнаружить и ис-

¹ Археологічна лабораторія // Історичний факультет ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. – Режим доступу : <http://istoricheskiiy.se-ua.net/archeology>. – Доступ 27. 05. 2008 г.; Горбаненко С. А. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. О. Пашкевич // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 85.

² Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 113.

следовать жилища. В одном из них проживал всадник – воин и пастух, о чем свидетельствуют находки стремени, остатков кольчуги и большого (боевого) ножа. В другом раскопе выявлено юртообразное жилище с лежанкой. На ней прослежен ряд камней, которые, вероятно, в древности удерживали кошму или ковер¹.

Исследования городища позволили изучить значительную (северную) часть внутреннего двора каменной цитадели, которая была ядром всего раннесредневекового комплекса. Здесь выявлена славянская усадьба (IX–X вв.), которая репрезентирует древности племени северян нашей территории. В ее состав входило небольшое (9 м²) почти квадратное загубленное жилище, хозяйственная прямоугольная постройка, открытый очаг и ряд хозяйственных ям. Назначение некоторых средневековых построек, особенно пострадавших во время боев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., остается до сих пор неясным. К ним относится и комплекс № 13. *Салтовский* материал крайне немногочисленный, что говорит, прежде всего, об использовании городища как убежища для защиты населения обширного соседнего селища и округи во время опасности².

В результате исследования 2006 г. были уточнены особенности *салтовской* фортификации Коробовского городища. Они были созданы искусственно в виде трех линий обороны по системе «ров–вал». И созданы – очень грамотно. Внешняя часть вала первой линии обороны городища на его юго-западном фасе точно соответствует границе залегания суглинков, которые ниже по склону сменяются песками. Внутренние линии обороны были изучены в двух местах. Мощность насыпей земляного вала от его поверхности до погребенных почв в обоих случаях составляла 2,5 м, из которых верхние 0,7 м представляли собой смесь опесчаненного суглинка, обугленных фрагментов деревьев и обломков камней, являвшихся остатками крепостных укреплений периода *салтовской культуры*. Дубовые бревна, заостренные с верхнего (внешнего) края и несколько приострены с нижнего (внутреннего). Их поверхность специально обжигалась для продления срока службы древесины во время их использования в качестве защитного частокола на вершине вала в *салтовское* время (во избежание быстрого гниения древесины). Затем эти бревна были вкопаны или вбиты вплотную с кладкой из рваного камня и примитивных неопратно сформированных керамических «кирпичей». Эта деревянно-кирпично-каменная

¹ Археологічна лабораторія // Історичний факультет ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. – Режим доступу : <http://istoricheskiy.se.ua.net/archeology>. – Доступ 27. 05. 2008 г.

² Там же.

конструкция была призвана служить и в качестве внешней опоры пандуса – площадки, на которой располагались обороняющиеся. Расстояние между вершинами валов первой и второй линий обороны городища составляет 30 м – оптимальное расстояние для ведения прицельной стрельбы из лука. Учитывая то обстоятельство, что стрельбу вели сверху вниз, прицельная дальность, по предположению В. В. Колоды, была большей и составляла 40–50 м – расстояние между вершиною вала первой линии обороны и основанием вала второй линии обороны¹.

Весьма примечательным нам представляется тот факт, что дубовые бревна, из которых состоял частокол салтовской крепости, имели возраст 28–30 лет, в то время как аналогичные им по диаметру современные имеют возраст 120–130 лет. По мнению Ю. Г. Чендева, это свидетельствует о более благоприятных условиях годового прироста древесины в раннем средневековье, по сравнению с современными².

К 2012 г. около 20 % площади двора цитадели Коробовского городища и менее 1 % площади селища исследовано многолетними раскопками Средневековой археологической экспедиции ХНПУ им. Г. С. Сковороды³. Площадь городища составляет ≈1,5 га, а селища ≈30 га⁴.

Интереснейшим памятником истории Змиевского края является Мохначанское городище (рис. 125), которое возникло в скифскую эпоху и возродилось во времена салтово-маяцкой культуры. Городище, располагавшееся здесь, упоминается в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Кабакова городища, съ Крымской стороны, внизъ по Донцу Мохначово городище...»⁵. На территории и в окрестностях с. Мохнач поселения человека возникли еще в бронзовом веке. По данным на 2010 г. городище Мохнач в середине VIII – середине X вв. имело максимальную площадь (12,5 га) и наиболее значительную фортификацию, а также наибольшую сельскохозяйственную округу (13 селищ по обоим берегам Северского Донца общей площадью более 10 га). Эта группа поселений входила в состав Хазарского каганата, представляла собой один из микрорегионов его лесостепной зоны, охватывая хозяйственной деятельностью около

¹ Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 111, 115, 120–121, 124, 125.

² Там же. – С. 121.

³ Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 113.

⁴ Горбаненко С. А. Палеозооботанический спектр салтовского селища Коробовы Хутора / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. А. Пашкевич // Древности 2010. – Х., 2010. – С. 343.

⁵ Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 71.

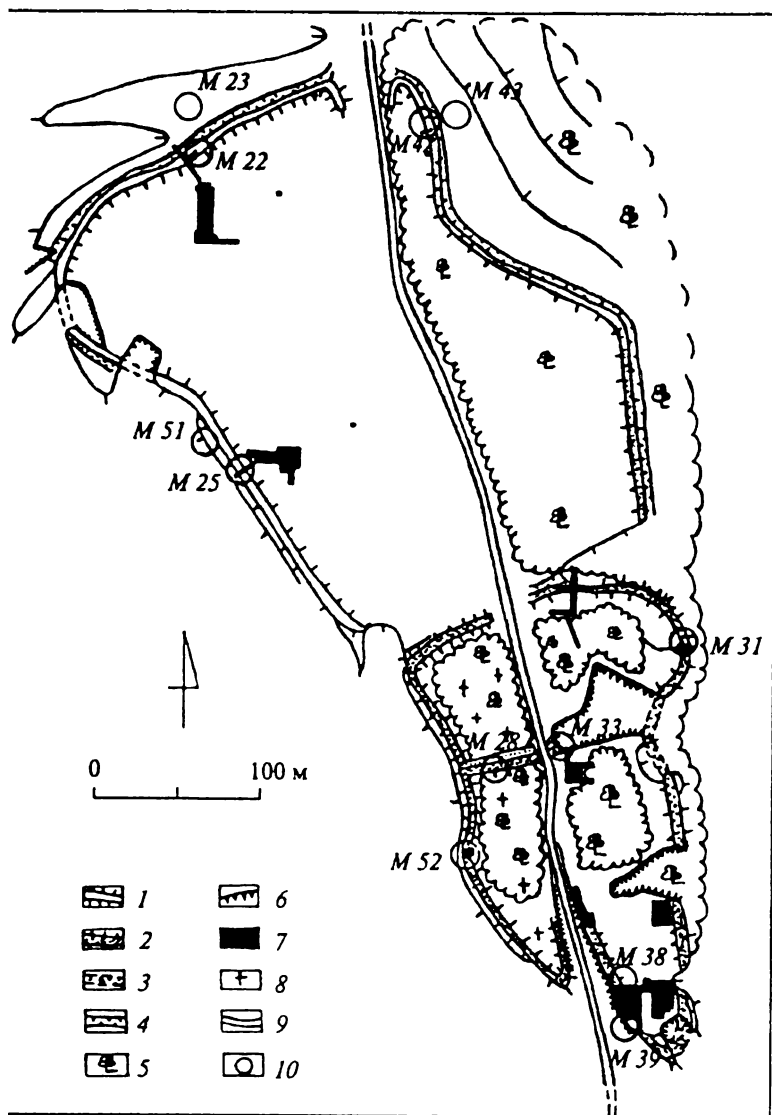

Рис. 125. Современный план городища в с. Мохнач:

1 – валы; 2 – валы, построенные с использованием камня; 3 – линия валов; 4 – рвы; 5 – лес; 6 – карьеры, эрозия; 7 – рас-
современное кладбище; 9 – дорога; 10 – места сбора проб грунта.

а (рис. 126). На городище исследовано лишь $\approx 5\%$ пло-
хазарский период здесь велось масштабное фортифика-
строительство. Укрепляя старые скифские сооружения,

3. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення
В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 12; Колода В. В. Селище «Мохнач-II»
епоху поселенської структури городища Мохнач / В. В. Колода // Проблеми
історії України: Матеріали VII Міжнародної наукової конференції (Харь-
ктябрь 2010 г.). – Х., 2010. – С. 72

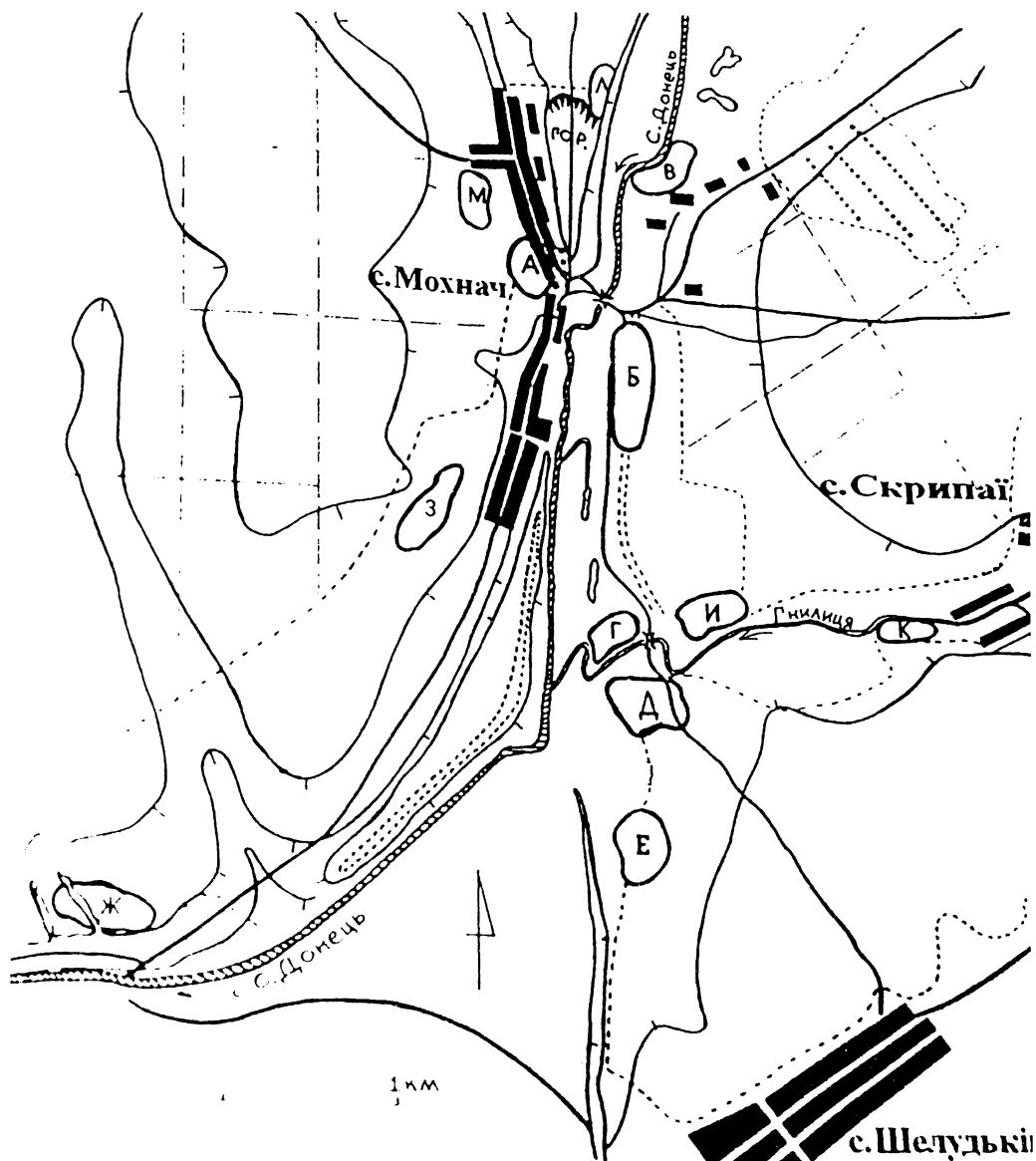

Рис. 126. Городище и селища у с. Мохнач (по состоянию на 2001 г.).

салтовцы полностью насыпали грунтовый вал на северном участке западной линии обороны, чего не было сделано в скифское время. Был досыпан и получил дополнительную деревянно-глиняную поверхностную конструкцию и северный вал¹.

Наиболее мощные оборонительные сооружения были созданы в южной части мыса (рис. 127). Здесь были возведены стены, со-

¹ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 12–13.

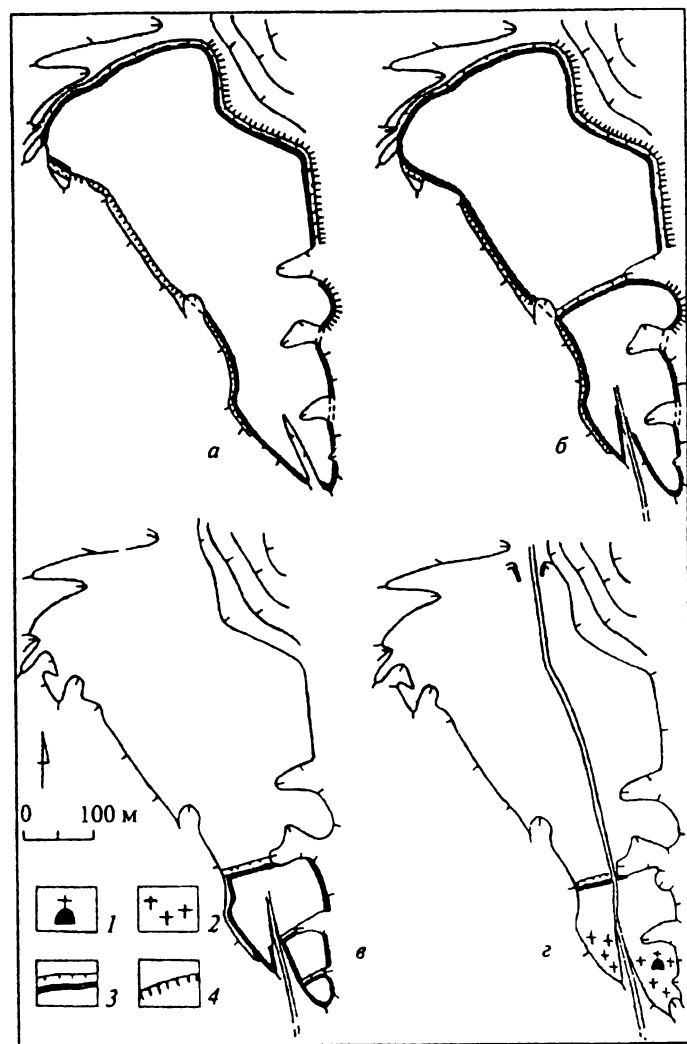

Рис. 127. Защитные сооружения Мохначанского городища разных периодов:

а — ранний железный век; *б* — салтовский период; *в* — роменский период; *г* — новое время; 1 — часовня; 2 — кладбище второй половины XVII–XVIII вв.; 3 — вал и ров; 4 — эскарп.

оказался смещенным выше по склону примерно на одну вторую ширины скифского вала. Таким образом, было соблюдено одно из основных правил фортификации, согласно с которым не создавалась зона тени обстрела. Также решалась проблема уменьшения трудозатрат при максимальном использовании работ, произведен-

стоявшие из каменной основы и деревянных колод. Место для создания цитадели было выбрано не случайно. Именно здесь два противоположных яра образуют на мысу своеобразную перемычку. Созданная салтовцами стена была сплошной, без воротного проезда. Она продолжалась по периметру, охватывая поверхность скифской насыпи всю южную часть городища. Стены цитадели тянулись и вдоль яра, врезающегося в угол мыса с юга. Это дало возможность гарнизону усилить контроль над дорогой, ведущей от Северского Донца к городищу¹.

Салтовцы расположили кладку таким образом, что вал раннесредневекового времени

¹ Там же. — С. 13.

ных в скифское время. Каменная надстройка представляла собой двухпанцирную кладку с заполнением из рваных камней песчаника размерами 0,2–0,5 м¹.

Внешний панцирь состоял из двух рядов тесаных блоков размерами 0,5×0,4×0,24 м, 0,3×0,4×0,24 м, 0,4×0,4×0,24 м и 0,46–0,53×0,41×0,18–0,19 м (нижний ряд) и 0,5×0,4×0,14–0,16 м (верхний ряд). В смешанном заполнении траншеи 1953–1954 гг. на линии внешнего панциря был обнаружен фрагмент каменного блока размерами 0,52–0,54×...×0,2–0,23 м, который, по-видимому, также являлся частью кладки вышеуказанного элемента оборонительной стены².

Второй ряд относительно первого имеет смещение вертикальных швов, образуя, таким образом, связку между горизонтальными рядами кладки. Камни так тщательно пригнаны друг к другу, что между вертикальными швами нельзя было просунуть лезвие ножа. Необходимо отметить очень тщательную обработку внешней грани блоков. Они практически отполированы (насколько это возможно было проделать с песчаником)³.

Во времена Хазарского каганата на территории с. Мохнач был создан значительный административно-хозяйственный центр, состоявший из городища и развитой системы селищ. Одно из них можно считать посадом, другое – подолом. Прочие селища располагались на надзаплавной террасе вдоль левого берега Северского Донца. Население городища и селищ занималось земледелием, скотоводством, ремеслами, вело торговлю с другими странами⁴. Цитадель Мохначанского городища не имела постоянного населения. Ее использовали в качестве укрытия при нападении неприятеля, а также в качестве местопребывания каганской администрации и гарнизона⁵.

Важным памятником *салтово-маяцкой культуры* является Сухогомольшанский археологический комплекс, который состоит из городища с каменными стенами (рис. 128), поселения и могильника. Общая площадь городища, которое состоит из двух предградий, составляет 2 га. В 1969, 1973–1982 гг. здесь проводила исследования Средневековая археологическая экспедиция ХГУ под руководством В. К. Михеева. Сухогомольшанское городище упомянуто в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Змѣква городища рѣчка

¹ Свистун Г. Е. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности / Г. Е. Свистун, Ю. Г. Чендев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2000. – № 2 / 2003. – № 1. – С. 133.

² Там же. – С. 133.

³ Там же. – С. 133.

⁴ Колода В. В. Старожитності с. Мохнач та його округи / В. В. Колода, Т. О. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 43.

⁵ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 13.

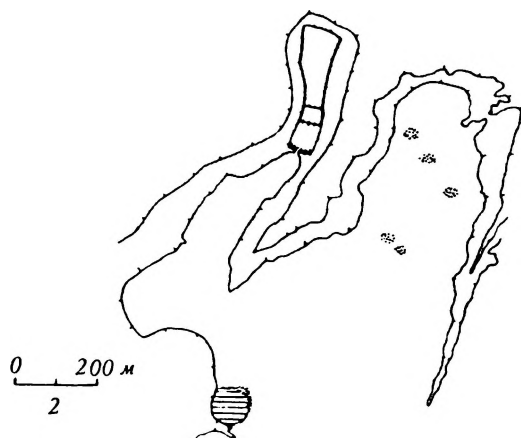

Рис. 128. Топографическое положение Сухогомольшанского городища.

Комолша, а на Комолшѣ городище Каменное, отъ Змѣкѣ вѣрѣтъ зѣ 10, лѣтомъ подлѣ Донца»¹. Городище располагалось между Панской балкой, по которой протекал ручей Сухая Гомольша, и урочищем Княжий Яр на мысе высотой около 30 м. Во времена функционирования городища стены его высоко вздымались над окружающей местностью. Даже в XVII в. они считались важным стратегическим объектом. Стены городища просуществовали до 1875 г., а потом были разобраны (рис. 129)².

Рис. 129. Каменное городище у с. Сухая Гомольша (современный вид).

Сухогомольшанское городище представляло собой величественное поселение замкового типа. Оно занимало узкий мыс длиной 312 м. Его площадь, как было указано выше, составляла 2 га, ширина от 45 до 82 м. Территория городища разделена на три части: южную (площадь 0,5 га), центральную (0,3 га) и северную (1,2 га). С напольной стороны был прорыт ров с перешейком около центрального входа и насыпан земляной вал. Эти сооружения были построены еще в скифскую эпоху. Центральная и северная части

¹ Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950. — С. 74

² Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. — Х., 1985. — С. 6.

городища соединены по периметру единой системой укреплений в виде каменной стены. Первая линия обороны каменной крепости начиналась за 90 м от земляного вала, а вторая – за 45 м от первой. Укрепления первой линии обороны, которые защищали крепость с южной стороны, возводились в виде двойной стены из огромных кусков каменного известняка. Сердцевина стены заполнялась щебнем и землею, при этом ширина стены достигала 3,5–4 м. Перед стеною, на расстоянии 5,2 м, находился ров шириною 2,2 м и глубиною 1,75 м. Вторая, внешняя оборонительная линия также состояла из каменной стены и рва. Данный способ строительства оборонных сооружений характерен для северо-западной части Хазарии и использовался носителями *салтово-маяцкой культуры*¹.

Неподалеку от Сухогомольшанского городища располагалось селище площадью около 30 га. Оно находилось на восток от укрепленной части, на высоком плато между Княжим и Дьяковым Ярами. Толщина культурного слоя составляет 40–60 см, а в северной его части – 100 см².

По ряду признаков мы можем предполагать, что в середине VIII – IX вв. в районе современной части Змиева, именуемой Горою, существовала *салтовская* крепость. По мнению В. К. Михеева, Змиев расположен в центре экономического микрорайона *салтовской культуры* и фактически образует одно из гнезд поселений³. Эту мысль подтверждают одиночные археологические находки. В Змиеве, на правом берегу реки Северский Донец в 1860 г. был найден клад с аббасидскими дирхемами середине VIII в⁴. Здесь же найден дирхем 761 г., чеканенный в Истархе⁵. Тогда же, в 60-х гг. XIX в., на территории Змиевского уезда (место находки сейчас неизвестно) был найден аббасидский дирхем, чеканенный в 756/757 г. Позже, в 1885 г. при раскопках городского вала в Змиеве, был найден дирхем, чеканенный в Истархане в том же 756/757 г⁶.

Особо следует сказать о Чугуевском городище (рис. 130), которое упоминается в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Тѣ[т]леги на Донцу Чугуѣво городище отъ Тѣтлеги версты съ 4»⁷. Ранее считалось, что данное городище возникло в скифское время и позже продолжало свое существование как раннеславянское. Однако славянское

¹ Там же. – С. 7.

² Там же. – С. 8.

³ Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 77, 78, 90.

⁴ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) / А. К. Марков. – СПб., 1910. – С. 52.

⁵ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 75.

⁶ Бейдин Г. В. Клады и монеты Харьковщины / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. – С. 4.

⁷ Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 71.

прошлое этого городища было поставлено под сомнение сотрудником Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского государственного педагогического университета им. Г. С. Сковороды Г. Е. Свистуном. Просмотрев археологический материал местного музея, он пришел к выводу, что по типологическим признакам находок, люди, жившие здесь в раннем средневековье, принадлежали к *салтовской культуре*.

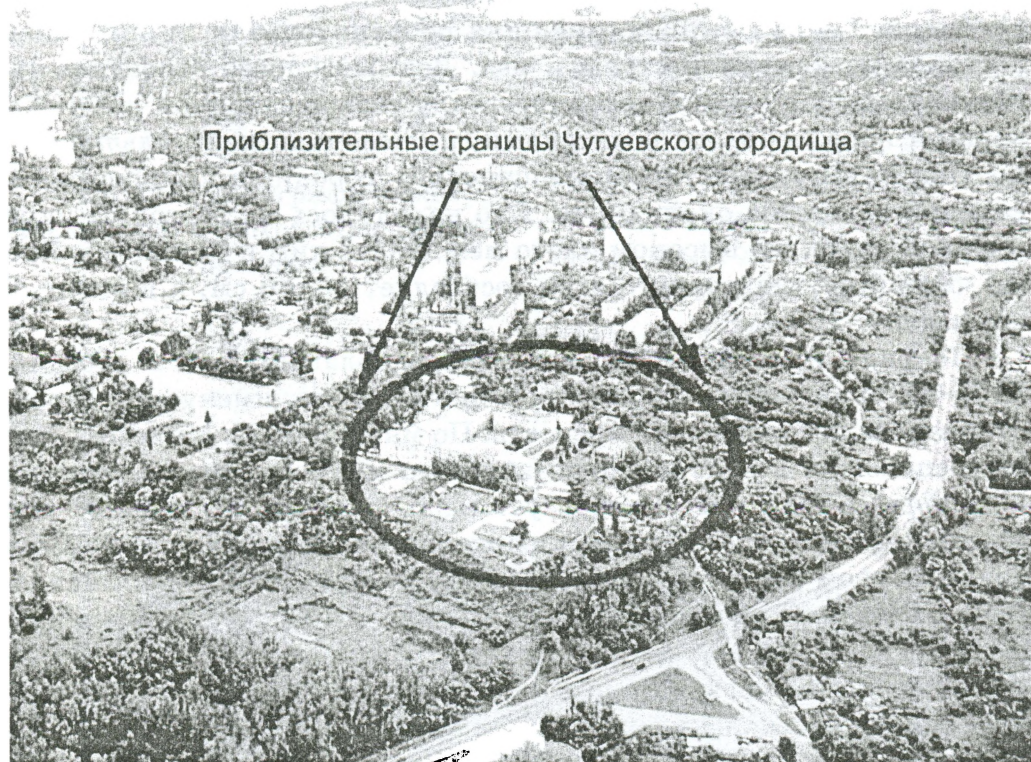

Рис. 130. Расположение Чугуевского городища.

Первые шурфовки в современной центральной части Чугуева были произведены экспедицией Л. И. Бабенко в 1996 г. В одном из трех заложённых шурфов была выявлена *салтово-маяцкая* керамика в виде фрагментов кухонных горшков и средневековых красноглиняных амфор, а также куски разбитого кварцитового жернова¹.

С 2004 г. Северскодонецкой археологической экспедицией Художественно-мемориального музея И. Е. Репина под руко-

¹ Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» Салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Свистун // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). – Липецк, 2006. – С. 282.

водством старшего научного сотрудника Харьковского научно-методического центра охраны культурного наследия Г. Е. Свистуна проводятся систематические разведки в пределах современного г. Чугуева и в его окрестностях. Было установлено, что границы городища определяются с северной и восточной стороны границами мыса подпрямоугольной формы, а с западной – проходящим здесь оврагом, который в древности, вероятнее всего, представлял собой оборонительный ров. С восточной стороны городища естественным препятствием на подходах к крепости является р. Северский Донец, с северной – ее приток р. Чуговка¹.

В 2005 г. был исследован фрагмент древних фортификаций, представлявший собой типичную для *салтово-маяцких* крепостей лесостепной зоны бассейна Северского Донца кладку. Используемый строительный материал и непосредственный характер самой кладки позволяют уверенно отнести данную конструкцию к *салтово-маяцкой культуре*. Аналогичные конструкционные элементы встречаются на всех лесостепных *салтовских* городищах долины Северского Донца, имеющих фортификации с использованием камня. Фиксировалось два ряда кладки по вертикали. Относительно хорошо сохранился нижний ряд камней, уложенных непосредственно на древнюю дневную поверхность, что также имеет широкие аналогии среди *салтовских* памятников фортификационной архитектуры. Размеры обработанных прямоугольных блоков составляли 40×50×10 и 40×70×12 см. В промежутках между камнями было обнаружено несколько фрагментов *салтовской* керамики. Второй, верхний, ряд кладки сохранился очень плохо. Он, скорее всего, был во многом уничтожен во время нивелирования поверхности под постройку крепости нового времени, линия обороны которой проходила тут же. В данном регионе этот конструкционный элемент служил в качестве подпорок с целью предотвращения расползания вала и придания ему большей крутизны склонов. Выявленная кладка, по-видимому, представляла собой крепиду оборонительного сооружения со стороны фронта, на что указывает уменьшение россыпи щебня во внешнюю сторону от конструкции².

Получило подтверждение упоминание в одном из документов XIX в. относительно нахождения в теле древнего вала кирпича. Скорее всего, данный строительный материал, как и предполагалось, следует отнести ко времени постройки *салтовской* крепости³. Таким образом, проведенные Г. Е. Свистуном исследования позво-

¹ Там же. – С. 283.

² Там же. – С. 284.

³ Там же. – С. 285.

ляют выделить в бассейне Северского Донца еще одно – четырнадцатое – гнездо поселений *салтово-маяцкой* археологической культуры – Чугуевское, заполняющее относительно большой промежуток в долине реки между соседними Кабановым и Кочетокским гнездами. Ныне Чугуев можно смело причислить к числу городов и сел исторической Змиевщины, относящихся к *салтово-маяцкой* археологической культуре¹.

В 3 км к востоку от с. Старая Покровка (Чугуевский район), недалеко от электростанции Эсхар, расположено Кабаново (Кабаново) городище *салтовской* культуры², выполнявшее в раннем средневековье роль местного экономического центра. *Салтовские* земли Змиевщины осваивались по берегам малых рек и крепостей, стоящих в центре экономических зон. В. К. Михеев пишет: «Достаточно взглянуть на карту, например, бассейна рек Уды и Мжи, чтобы понять, что в центре их районов стояли городища у с. Эсхар и г. Змиева, а территория по рекам, занятая временными стоянками, составляла экономическую зону»³.

Кабаново городище упоминается в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Студенка колодезь рѣка Уды, отъ Студенка съ версти, а на путь Уды Кабаново городище по лѣвой стороны версты зъ 2»⁴. Городище занимает плато высокого правого берега, возвышающегося на 20–25 м над поймой р. Уды (рис. 131).

В 1948 г. разведку на Кабановом городище произвел И. И. Ляпушкин, в 1950 г. – Б. А. Рыбаков, зафиксировавший здесь валы

Рис. 131. Правый берег р. Уды, восточная часть Кабанова городища.

и рвы. В 1957 г. городище осмотрела С. А. Плетнева. Исследовательница отнесла данное городище к 1 типу предложенной ею типологии, характеризующихся наличием каменных укреплений. В 2004 г. Г. Е. Свистун осуществил инструментальную съемку плана городища, согласно которой каменная цитадель на данном памятнике представляет собой трапе-

¹ Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий / В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 77.

² Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 138.

³ Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий / В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 90.

⁴ Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербинной. – М.; Л., 1950. – С. 71.

цию. Углы цитадели закруглены и не имеют признаков наличия на них башен. В 2007 г. Северскодонецкая археологическая экспедиция под руководством Г. Е. Свистуна произвела стационарное изучение городища¹.

В ходе специального исследования было установлено, что Кабаново городище было одним из укрепленных центров Хазарии, расположенных в лесостепной части Северского Донца. Вокруг городища концентрировались *салтовские* селища. Анализируя общее взаиморасположение памятников в данном микрорегионе, Г. Е. Свистун делает вывод, что Кабаново городище было призвано контролировать водную артерию р. Уды от возможного нападения с восточного направления славян. Стены крепости состояли из двух рядов каменной песчаниковой кладки. Внутренняя часть стены засыпалась грунтом. По периметру цитадель была окружена рвом².

Змиевский край был довольно густо покрыт селищами *салтовомаяцкой культуры*. Наиболее плотно была заселена территория Змиевского района, где известно множество *салтовских* селищ:

- в северной части с. Западенька;
- неподалеку от с. Лагери (на песчаных дюнах левого берега Северского Донца), в 2 км к западу у озера Круглого;
- в 3 км к югу от с. Лиман, около озера Чайка;
- около с. Лиман, на дюнах у озера Коренное (обнаружено Б. А. Шрамко в 1954 г.);
- неподалеку от с. Тимченки, в урочище Мясное, близ современного кладбища;
- в с. Черкасский Бишкин;
- в с. Гайдары, на правом берегу Северского Донца, возле биостанции Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (было обнаружено в 1954 г. археологом Б. А. Шрамко)³;
- напротив пригорода Змиева, пос. Зидьки, в Камплицком яру⁴.

На территории Коробовых Хуторов, неподалеку от одноименного городища расположено селище, открытое в 1954 г. Б. А. Шрамко⁵. В 1970 г. исследователь провел здесь раскопки. В 2003–2007 гг. продолжил исследование данного селища В. В. Колода.

¹ Свистун Г. Е. Фортификации Кабанова городища / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – 2008. – Вып. 3. – С. 3, 4, 6, 14–15.

² Там же. – С. 10, 14–15.

³ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73, 75–76, 79, 80.

⁴ Михеев В. К. Подолье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 109–110; Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий / В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 77, 78.

⁵ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 76.

Незначительное количество салтовской керамики зафиксировано во время археологической разведки 1995–1996 гг. А. В. Крыгановым на Жуковском городище, расположенном возле северо-восточной окраины с. Тарановка (недалеко от железнодорожной станции «Шурино»), на правом берегу речушки Ольшанки, частично исчезнувшей к настоящему времени¹.

Особый интерес представляет многослойное селище, расположенное в урочище Сердюково возле с. Лиман, получившее в науке название Сердюково-2 (рис. 132). Археологические разведки здесь проводились под руководством Е. В. Пузакова в 1956 г. В раскопках принимали участие ученики 19 школ Харькова, Чугуева и Змиева. На протяжении 1957–1960 гг. Е. В. Пузаковым проводились стационарные раскопки данного памятника². Ряд интересных находок, относящихся к салтовскому времени, был сделан учениками Змиевской школы № 1, что зафиксировано в фондах архивного отдела музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко (рис. 133)³.

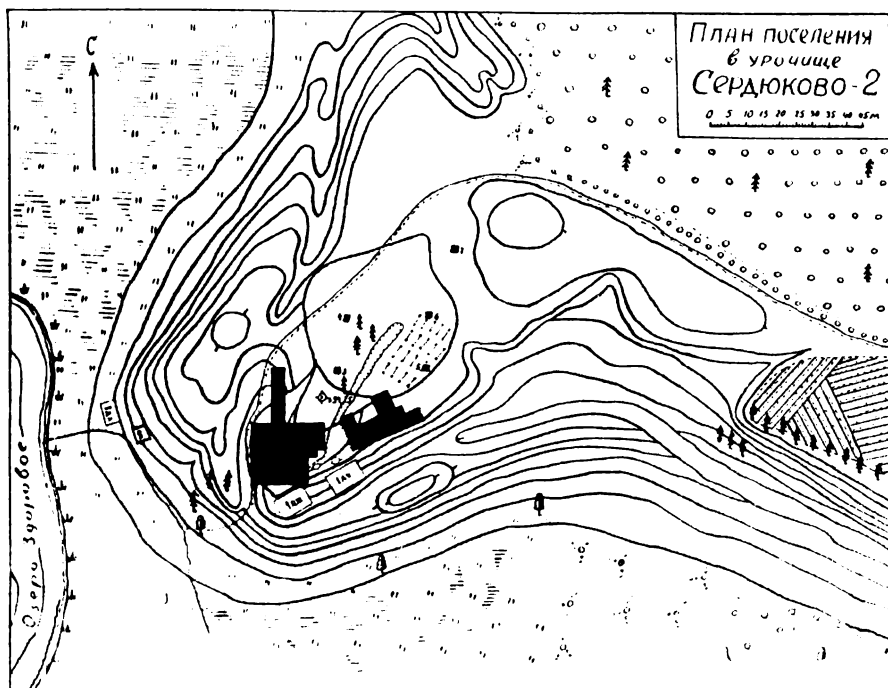

Рис. 132. План поселения Сердюково-2.

¹ Крыганов А. В. Археологические разведки на Харьковщине в 1995–1996 годах / А. В. Крыганов // Восточноевропейский археологический журнал. – Сентябрь–октябрь 2001. – № 5 (12). – Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/050901/kryga_pov.htm. – Доступ 01. 09. 2008 г.

² Пузаков Е. В. Серп из поселения Сердюково II в Харьковской области // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 262–263; Пузаков Е. В. Харьковские школьники на раскопках близ г. Змиева / Е. В. Пузаков // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 262–263

³ АО МКЗЛ. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3.

В районе современного с. Мохнач на рубеже VIII–IX вв. функционировали 13 селищ *салтово-маяцкой культуры*¹. Примечательным памятником является открытое ремесленное поселение *салтовской культуры* Мохнач «П» (рис. 134), расположенное в 3,5 км к северу от Мохначанского городища, в урочище Медный (по названию полноводного источника, в 100 м к югу-юго-востоку от поселения)².

Рис. 133. Ученик Змиевской школы № 1 В. Сысоев расчищает скелет и глиняный сосуд из салтовского захоронения на поселении Сердюково-2.

В 1 км восточнее славянского Водяновского городища, у с. Красная Поляна располагалось значительное селище *салтово-маяцкой культуры*³.

На окраине с. Боровое обнаружены два поселения *салтовской культуры*, у с. Задонецкое – одно⁴.

Помимо Змиевского района, памятники *салтово-маяцкой культуры* широко представлены на всех землях исторической Змиевщины. Имеются следы *салтово-маяцкого* поселения в г. Балаклея⁵. Кроме того, здесь же, на северо-восточной окраине города, справа от шоссе на Волохов Яр, перед железнодорожным мостом, расположен грунтовой могильник данной культуры. Особо необходимо отметить, расположенное недалеко от могильника (на правом берегу Волошской Балаклейки) *салтовское кочевье*⁶.

У окраины с. Вербовка (Балаклейский район) обнаружены два хазарских селища: первое – возле кирпичного завода, на правом берегу реки Балаклея (протяженность его 200 м); второе – в 200 м на север от первого, на левом берегу Балаклеи, протяжен-

¹ Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // *Археологія*. – 2007. – № 2. – С. 12.

² Колода В. В. Исследование ремесленного центра салтовской культуры / В. В. Колода // *Археологічні дослідження в Україні*. 2009. – К., 2010. – С. 215, 217; Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач / В. В. Колода // *Археологічні дослідження в Україні*. 2011. – К., 2012. – С. 436.

³ Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2005. – № 1–2. – С. 78

⁴ *Історія міст і сіл УРСР* : У 26 т. / Під заг. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. – С. 509.

⁵ Там же. – С. 144.

⁶ Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины* : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 37.

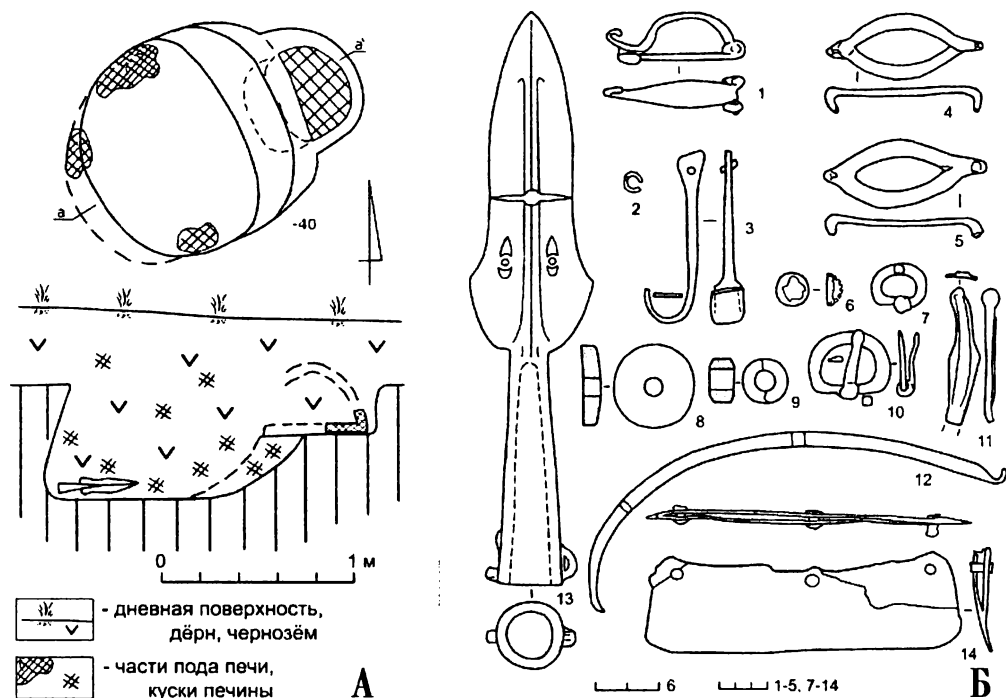

Рис. 134. Находки на селище Мохнач-П:

А – план комплекса 35; Б – находки из комплекса 35 (1 – фибула; 2 – колечко, возможно, от кольчуги; 3 – железный крюк с широкой «лапой»; 4, 5 – пара «ледоступов»; 6 – фрагмент сферической подвески из бронзы; 7, 10 – две подпружные пружины; 8, 9 – пара пряслиц из амфорного материала; 11 – несколько фрагментов и изделий неясной формы; 12 – заготовка для серпа; 13 – наконечник копья с нервюрой и ажурными прорезями; 14 – массивное изделие с заклёпками, возможно, оковка от заступа).

ностью 150 м¹. К сожалению, первое поселение на момент открытия (1972 г.) уже разрушалось карьером.

Два поселения салтовской культуры располагались на территории с. Берега Первомайского района, на левом берегу одноименной реки². В том же районе Харьковской области открыты остатки селища данной культуры у с. Михайловки³.

Еще одно салтовское селище обнаружено в с. Верхний Бишкин (Первомайский район), в урочище Ольховое, к западу от скотного двора. Археологические разведки проводились здесь в 1970 г. Б. А. Шрамко, В. П. Андриенко и В. К. Михеевым. Остатки селища найдены также в центре села и вблизи него, в урочище

¹ Там же. – С. 37

² Історія міст і сіл УРСР : У 26 т. / Під заг. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. – С. 804; Шрамко Б. А. Справочник по археології України : Харківська область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 119.

³ Довідник юного краєзнавця Харківщини / Упор. В. А. Редіна, О. О. Сіталова. – Х., 2005. – С. 25

Роганина¹. Последний памятник занимает три смежных мыса в верховьях р. Бишкин (правый приток Северского Донца). Данный памятник не имеет датирующих вещей. В. В. Колода предлагает относить его к IX в.²

В ходе разведок 1949 г. археолог И. П. Костюченко у с. Малиновка обнаружил восемь поселений (рис. 135 и 136)³, одно из которых, расположенное в урочище Лоза относится к *салтово-маяцкой культуре*⁴.

В 4 км на юго-запад от пос. Эсхар (Чугуевский район), на правом берегу реки Уды имеется *салтовское селище*⁵.

В ходе раскопок 2004 г., проводившихся Северскодонецкой археологической экспедицией Художественно-мемориального музея И. Е. Репина под руководством старшего научного сотрудника Харьковского научно-методического центра охраны культурного наследия Г. Е. Свистуна, были выявлены два селища *салтовской культуры*, расположенные в непосредственной близости от Чугуевского городища: с западной и северной стороны. Первое из них фиксируется на северо-западной оконечности мыса, образованного рекой Чуговкой и ее притоком – ручьем Березовым, на территории современной школы № 8 (ул. Якира, 32) и прилегающей к ней местности. Подъемный материал, встречающийся на площадке мыса и в осыпях склонов, представлен тарной керамикой (фрагментами стенок гофрированных средневековых амфор и обломками пифосов с примесью шамота и прочерченным линейным орнаментом), а также кухонной посудой (фрагментом красноглиняного горшка с прочерченным линейным орнаментом)⁶.

Второе селище, расположенное с северной стороны Чугуевского городища, занимает восточную часть пос. Зачуговка, который в настоящее время находится в черте города Чугуева. Его границы проходят по притокам Северского Донца рекам Чуговке и ручью Безымянному, которые протекают по оврагам образованного таким образом мыса, возвышающегося над поймой реки на 20–25 м. Керамика из подъемного материала представлена фрагментарными образцами тарной посуды в виде толстостенных пифосов и гофрированных амфор. Пифосы имеют характерный для *салтовской*

¹ Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины : Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 119.

² Колода В. В. *Салтовское гончарное производство (на материале ремесленного центра в урочище Роганина)* / В. В. Колода // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 219.

³ Лаптев О. О. *Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р.* / О. О. Лаптев // *Древности-2012*. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280–281.

⁴ Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины : Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 135.

⁵ Там же. – С. 137.

⁶ Свистун Г. Е. *Чугуевское «гнездо поселений» Салтово-маяцкой культуры* / Г. Е. Свистун // *Художественно-мемориальный музей им. И. Е. Репина г. Чугуева*. – Режим доступа : <http://www.repin.chuguev.net/Svistun.htm>. – Доступ 14. 02. 2009 г.

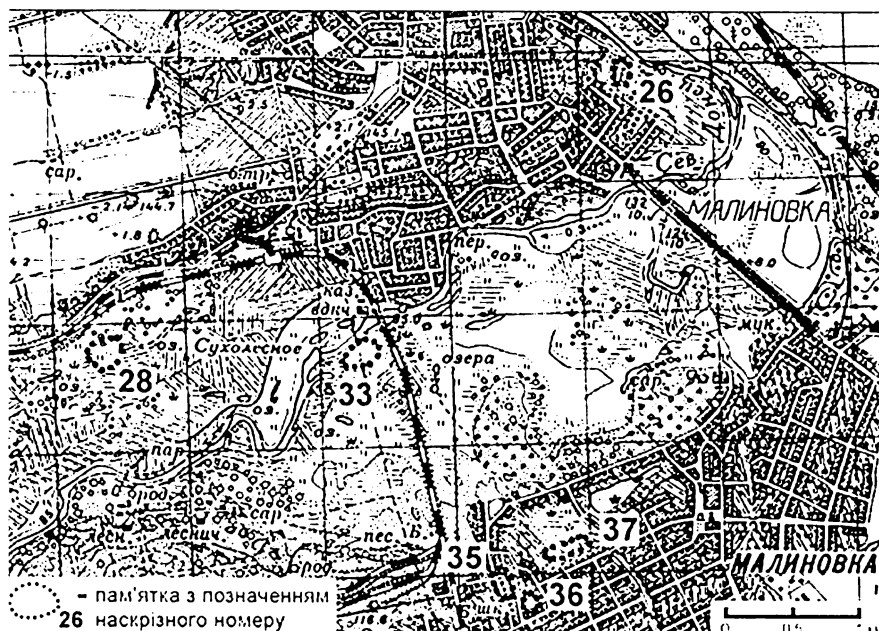

Рис. 135. Расположение салтовских поселений возле Чугуева и Малиновки по разведкам 1949 г.:

26 – Чугуев-I; 28 – Чугуев-III; 33 – Малиновка-IV; 35 – Малиновка-VI; 36 – Малиновка-VII; 37 – Малиновка-VIII.

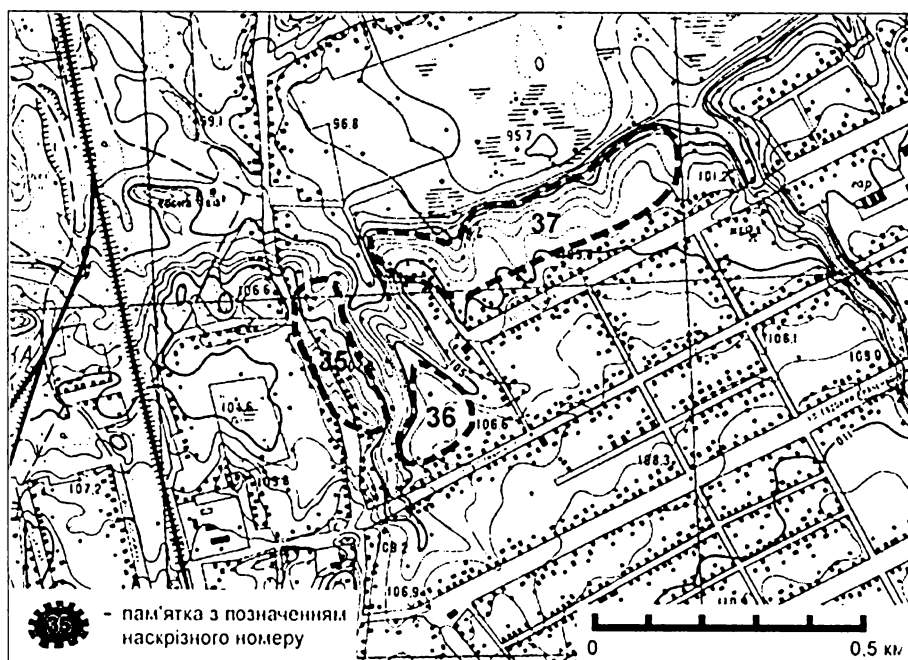

Рис. 136. Предположительное место расположения салтовских поселений в пределах Малиновки:

35 – Малиновка-VI; 36 – Малиновка-VII; 37 – Малиновка-VIII.

керамики линейный орнамент. Кухонная посуда встречается в виде фрагментов гончарных сосудов с параллельно прочерченным линейным орнаментом. Необходимо также отметить, что отдельные находки фрагментов *салтовской* керамики отмечены с южной стороны городища¹.

В 2007 г. харьковские и чугуевские ученые проводили совместную археологическую разведку в Чугуевском районе. В частности, было исследовано селище Тетлега, расположенное на мысе левого берега одноименной реки, на высоте 3–5 м от уровня воды, на северо-западной околице с. Тетлега. Площадь поселения 4,5 га².

В дневнике И. П. Костюченко упоминается поселение Кочеток-III: «На восток от с. Кочеток под плато на надзаплавной террасе правого берега р. Северский Донец». Несмотря на значительную часть находок на поселении, исследователь отмечал: «размеры его незначительны». Позднее памятник никем не обследовался, его точная локализация неизвестна. А. А. Лаптев предполагает, что пункт этот может находиться под насосной станцией, построенной в 1949 г. Количество *салтовских* находок отражает насыщенность *салтовского* культурного слоя³.

Салтовское кочевье или селище с незначительным культурным слоем Кочеток-VI открыто разведкой И. П. Костюченко в 1949 г.: «Сбор с поверхности на левом берегу Донца на склоне плато, которое распахируется». Современное месторасположение поселения неизвестно⁴.

Многослойное поселение Чугуев-I было открыто в 1949 г. разведкой И. П. Костюченко, который определил его как относящееся к *катакомбной культуре*. В 2008 г. С. А. Задников заново открыл этот памятник (под названием «Чугуев, улица Фрунзе»), атрибутировав его как поселение *срубной* культурно-исторической общности. Однако А. А. Латпев, предполагает, что наличие фрагмента амфоры с зональным рифлением дает возможность считать, что здесь имеется культурный слой *салтовского* времени⁵.

На запад от Чугуева, на поверхности террасы в излучине правого берега Северского Донца, слева по направлению к железной дороге Чугуев–Харьков, находится *салтовское* кочевье Чугуев-II, расположившееся на поселении эпохи бронзы. На то, что это было кочевье, указывает топография памятника и характер находок⁶.

¹ Там же

² Колода В. В. Отчёт о совместных археологических разведках в 2007 г. (бассейны рек Тетлега и Большая Бабка (правые притоки Северского Донца)) / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун, В. И. Квитковский, А. А. Лаптев. – Х.: Чугуев, 2008. – С. 9 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

³ Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древиности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 278.

⁴ Там же. – С. 279.

⁵ Там же. – С. 280.

⁶ Там же. – С. 280.

Такое же кочевье Чугуев-1, расположенное в 0,2 км на запад от озера Кривое, известно из разведок Е. В. Пузакова 1958 г.¹

В 1949 г. И. П. Костюченко открыл еще одно многослойное селище, получившее название Чугуев-III (рис. 135). В соответствии с дневником исследователя, оно располагалось: «На запад от станции Чугуев на 1 1/2 км на второй надзаплавной террасе правого берега Северского Донца на юг от леса и на поляне с восточной части леса в направлении к семафору станции Чугуев». Вторично поселение было открыто Е. В. Пузаковым в 1958 г., который локализовал его в 1 км западнее железнодорожной станции Чугуев, на краю боровой террасы. Е. В. Пузаков отнес поселение к эпохе бронзы и скифскому времени. И. П. Костюченко отмечал наявность здесь салтовской и роменской керамики. Последнюю атрибуцию А. А. Лаптев считает, несомненно, ошибочной².

Поселение Лаптево-II (рис. 137) локализовано в дневнике И. П. Костюченко следующим образом: «На юго-восток от Ново-

Рис. 137. Расположение салтовских поселений в окрестностях Новопокровки по разведкам 1949 г.:

38 – Лаптево-I; 39 – Лаптево-II; 40 – Ново-Покровка-I;
41 – Ново-Покровка-II; 42 – Старая Покровка.

¹ Там же. – С. 280.

² Там же. – С. 280.

покровского могильника на расстоянии 1 км в урочище Лаптево находится совхоз. На запад от совхозных строений над излучиной р. Уды». Хотя ученый отнес поселение к скифскому времени, фрагменты «ребристых» амфор, по мнению А. А. Лаптева, несомненно, говорят о наличии *салтовского* культурного слоя. Кроме того, данный памятник, под названием «Ново-Покровское-2», был повторно открыт Е. В. Пузаковым в 1958 г. Второй исследователь отметил здесь находки бронзового века, а также раннеславянского и *салтовского* времени¹.

Многослойное поселение *черняховской* и *салтовской* культур Ново-Покровка-I локализовано открывателем И. П. Костюченко: «На север от могильника через железнодорожный путь и безымянное озеро по улице Ленина, которая на расстоянии 1 км от могильника на покатом склоне черноземного плато ... напротив улицы Ленина (конечные № домов)». Таким образом, памятник расположен в черте села, на огородах домов № 34–50 по улице Ленина. Участок этот представляет собою мыс, образованный впадением в затоку р. Уды ручья, текущего с севера. В 1949 г. поселение исследовалось Ю. В. Кухаренко: раскопана грунтовая ингумация, сопровождавшаяся *салтовским* кувшином. Размеры поселения в полевом дневнике И. П. Костюченко определены как 300×70–80 м, а в отчете – 300×100–120 м².

На восточной окраине с. Старая Покровка на реке Уды располагалось *черняховское* поселение. Некоторые из обнаруженных здесь обломков красноглиняных амфор имеют зональное рифление, свойственное исключительно раннесредневековому времени³. Поэтому возможно, что данный памятник также относится к кругу *салтовских*.

Приведенный выше список не является исчерпывающим, поскольку проводимые ежегодно на территории Змиевщины археологические исследования дают все новые и новые результаты. Примером сказанного может служить Северское городище (рис. 138) близ с. Меловая (ныне в Балаклейском районе). Оно расположено на правом берегу Северского Донца, в 4 км к северо-западу от с. Меловая на территории современного хутора Червонный Шлях (бывший – Коммуна). Памятник занимает высокий, вытянутый с востока на запад мыс правого берега, образованный руслом реки и балкой с ручьем, которые огибают указанный мыс с юга, юго-запада и запада. С восточной стороны мыс также ограничен глу-

¹ Там же. – С. 281–282.

² Там же. – С. 282.

³ Там же. – С. 282.

бокой балкой с родником. Небольшой перемычкой (40 м) этот мыс соединен с основным коренным берегом Северского Донца. Долгое время Северское городище интерпретировалось как памятник раннего железного века. Однако исследования В. В. Колоды убедительно показали его *салтовскую* принадлежность и датировку середины VIII – середины X вв. Рядом с городищем располагалось *салтовское селище*¹.

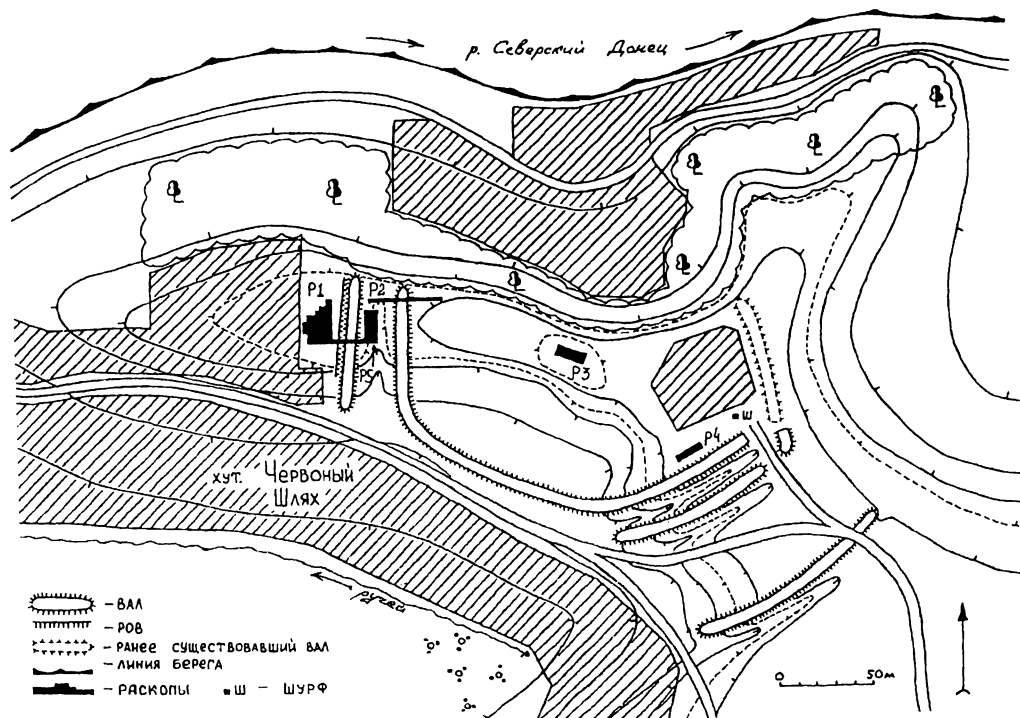

Рис. 138. План Северского городища.

Таким образом, из всех археологических культур, описываемых в настоящей работе, наибольшее число поселений приходится на *салтово-маяцкую культуру*. Характерным для них является гнездовое размещение. Все Подонцовье состояло из нескольких экономических микрорегионов, в центре которых располагалась опорная крепость, неподалеку от нее могильник, а вокруг – несколько сел.

¹ Колода В. В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце / В. В. Колода // Древности 2005. – X., 2005. – С. 187, 189, 193.

§ 6.4. Жилища и хозяйственные постройки

Жилища *салтовцев* представляли собою полуземлянки прямоугольной формы, площадью 6–20 м². Полуземлянки были столбовой конструкцией с одно- или двухскатною крышей. Стены полуземлянок были плетневыми, дощатыми, при их отделке использовались валики глины и саман. Пищу приготавливали на очаге или печи¹. Очаги имеют «тарелкообразную» форму. Встречаются также остатки юртообразных жилищ (круглых в плане) с очагами в центре пола².

Семь однокамерных *салтовских* жилищ хорошо исследованы по находкам на северной окраине селища, расположенного недалеко от Сухогомольшанского городища. Они образовывали собой компактную группу. По конструкции своей жилища однородны: типична слабая углубленность котлована, печи-каменки, небольшие по диаметру столбовые ямы. На полу обнаружены раздавленная *салтово-маяцкая* керамика и пряслица.

Наземные жилища имели столбовую конструкцию и тростниковые стены, толщиной 0,15 м, обмазанные с двух сторон глиной. Размер их составлял 20–40 м², отапливались они одним-двумя очагами. Центральный служил и для приготовления пищи³. Под потолком жилища к несущей балке крепился набор очажных цепей с кольцом, при помощи которых над очагом вешался котел. Такой набор был символом семьи и домашнего очага. При переезде в новое жилище кольцо и цепи в обязательном порядке переносились в новый дом. У потомков алан – осетин – этот обычай сохранился поныне⁴.

Котлы, использовавшиеся *салтовцами*, в большинстве своем были железными. На сегодняшний день известен лишь один небольшой по размерам медный казан, обнаруженный в комплексе XVI, рядом с погребением № 286 в Сухой Гомольше⁵.

На основании найденных жилых построек, Г. Е. Свистун делает вывод, что для домостроительной техники *салтово-маяцкого* населения Чугуевского городища была характерна прямоугольная планировка жилищ, в восточной и, возможно, юго-восточной частях которых устраивались печи-каменки. Применялись как каркасно-столбовая, так и срубная, смешанная с каркасно-плетневой, конструкции стен. С целью экономии внутреннего жилого пространства отопительные устройства частично (со стороны дымохода) выносились за пределы основного периметра. При этом исследователь

¹ *Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 217.*

² *Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 42.*

³ *Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 217.*

⁴ *Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья / В. В. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2007. – Т. 6. – С. 123.*

⁵ *Там же. – С. 124.*

отмечает, что для наиболее точной характеристики местного домостроительства необходимо более полное его изучение¹.

На *салтовских* поселениях обнаружены многочисленные хозяйственные ямы колоколовидной или цилиндрической формы. Часть из них являлась зернохранилищами. В ямы устанавливались пифособразные сосуды (рис. 139), в которых хранились продукты питания. Вероятно, в ямах откармливали свиней, как это делалось до недавнего времени в Украине и Венгрии. Некоторые ямы служили погребам. Старые ямы-зернохранилища превращали в мусорные. Зерновые специально оборудовались для предохранения зерна от

влаги, грызунов, попадания почвы. С этой целью они выжигались, а иногда белились. Над ними делали перекрытие. Для защиты зерна стены ям, вырытых в мергелевом сыпучем слое или глиняном материке, обшивались гибким древесным материалом или соломой. Обшивка закреплялась деревянными с сучком колышками, удерживающими ее на стенках ямы².

В жилищах, а иногда и за его пределами, располагались хозяйственные ямы (имевшие различные формы и размеры), погреб, хозяйственные постройки полуземляночной конструкции.

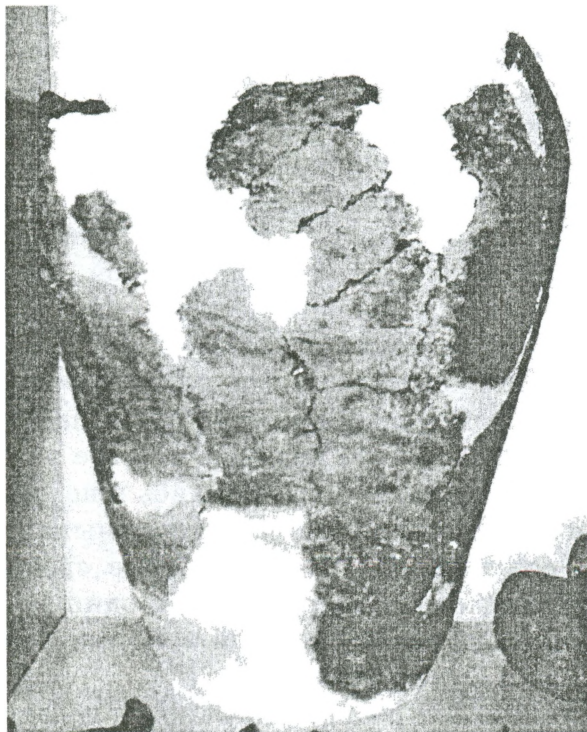

Рис. 139. Пифос салтово-маяцкой культуры из с. Мохнач.

§ 6.5. Хозяйство

Основными отраслями хозяйства у населения Хазарии были земледелие и скотоводство. В результате прочной оседлости населения *салтово-маяцкой культуры* преимущественное развитие получает земледелие. Земледелие было пашенным, а его система переложной.

¹ Свистун Г. Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов) / Г. Е. Свистун // Древности 2009. – X., 2009. – С. 282.

² Михеев В. К. Подполье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – X., 1985. – С. 49.

Пашенное земледелие занимало важное место в хозяйственной деятельности салтовского населения Змиевщины. Считается, что вспашка производилась плугом, возможно, типа «дъонмедже» с колесным передком¹. Применялись также одноручные прямогрядильные рала. По материалам археологии известны многочисленные детали рал – наконечники и наральники. Использовали салтовцы и бороны. По материалам Мохначанского городища известен железный наральник типа IB2 по классификации Ю. А. Краснова. Общая длина наральника 25,5 см, длина рабочей части 18 см, втулки 7,5 см, ширина втулки 9 см, лезвия в наиболее широкой части 14,5 см. По-видимому, этот наральник использовался на кривоградильном рале с ральником, укрепленным железным широколопастным наверхием, поставленным горизонтально к земле. В. В. Колода отмечает, что рабочие поверхности широколопастного наральника были укреплены массивными наварными пластинами, что свидетельствует о его мощности и возможности использования для распахиwania черноземных грунтов².

Среди находок сельскохозяйственных орудий труда известны чересла (рис. 140). Все чересла, кроме одного, симметричны. По мнению В. К. Михеева наличие чересел, даже ассиметричных, не может говорить о существовании одностороннего плуга для загонной вспашки³, во время которого чересло вертикально разрезает почвенный слой, а наконечник горизонтально подрезает пласт земли, поднимает его и при помощи отвальной доски отодвигает в сторону, частично или полностью переворачивая. Однако чересло могло использоваться как рабочая деталь самостоятельного пахотного орудия, ставиться на орудие, не имеющее металлического наконечника, перед наральниками симметричных рал и ассиметричными лемехами в плугах с отвалом⁴.

Рис. 140. Чересло (плужный нож) салтовской культуры.

¹ Там же. – С. 32.

² Колода В. В. Землеробство жителів городища Мохнач (за часів салтівської культури) / В. В. Колода, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2009. – № 2. – С. 84–85.

³ ...загонная вспашка... – термин В. К. Михеева. Указ. соч. – С. 36.

⁴ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 36.

Рис. 141. Мотыга салтово-маяцкой культуры из с. Мохнач.

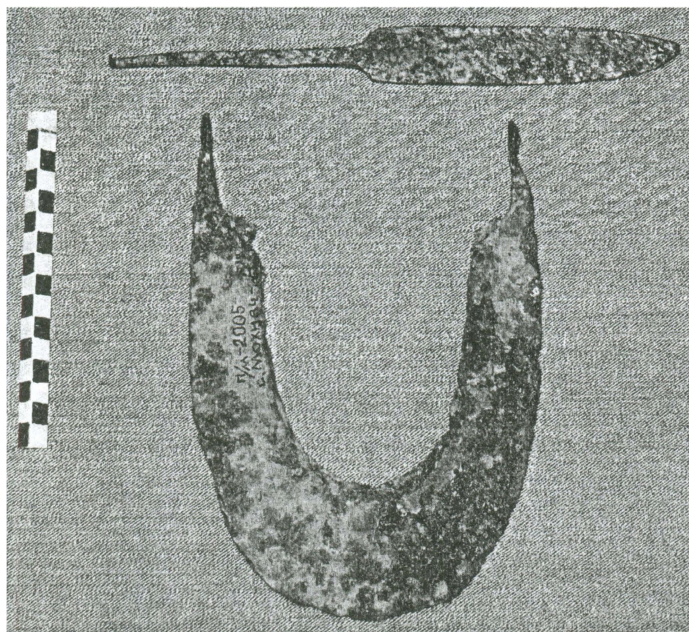

Рис. 142. Чересло (плужный нож) роменской культуры и железная оковка заступа (лопаты) салтовской культуры из с. Мохнач.

Основной тягловой силой были волы, запрягаемые в деревянное ярмо или полужесткую упряжь, а на коней только упряжь. По-видимому, салтовцы не использовали лошадей как тягловую силу для пахенных орудий.

К пахотным орудиям можно отнести некоторые салтовские тесла-мотыжки, которые были универсальными. На салтовской части Мохначанского городища найдены мотыги двух типов: втульчастые мотыги-тесла (5 шт.) и проушная мотыга. Мотыги-тесла могли использоваться для обработки дерева и рытья катакомб¹. В качестве орудий земледелия, а также для различных земляных работ население лесостепной части Хазарии использовало, помимо мотыг (рис. 141), заступы

Колода В. В. Землеробство жителів городища Мохнач (за часів салтівської культури) // В. Колода, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2009. – № 2. – С. 85.

(рис. 142), топоры. Зафиксировано использование *салтовскими* земледельцами деревянных лопат с железной оковкой¹.

Проушные мотыги – массивные сельскохозяйственные орудия труда, весом до 1 кг. Общая длина мотыг – 18–22 см, ширина лезвия – 8–11,5 см, диаметр отверстия под рукоятку – от 1,5×2,5 до 3,2×4,2 см. Мотыги, аналогичные *салтовским*, появились еще в римскую эпоху. Многочисленные находки этих орудий труда зафиксированы на славянских и близлежащих землях в материалах второй половины I – начала II тыс. н. э. Мотыгами разбивали комья земли с дерном, рубили корни деревьев, выкорчевывали пни. Чаще всего мотыги использовались в садоводстве, огородничестве, виноградарстве².

В условиях подсечно-огневого земледелия топор играл важную роль – перед тем как распахивать новые земли, их необходимо было очистить от деревьев и кустарников. В земледелии применялись проушные хозяйственные топоры двух типов: с узким и широким лезвием.

В качестве основных зерновых культур *салтовцы* выращивали карликовую пшеницу *Triticum vulgäre L.*, пшеницу голозерную *Triticum aestivum L.* и пшеницу двузернянку *Triticum dicoscon L.*, ячмень-двузернянку *Hordeum dicoscon L.*, ячмень пленчатый *Hordeum vulgäre L.*, ячмень бутылковидный *Hordeum lagunculiforme L.*, ячмень голозерный *Hordeum coelëste L.*, просо *Panicum miliaceum L.*, розь *Secale cereale L.*, овес посевной *Avena sativa L.*³. При этом, как отмечают В. В. Колода и С. А. Горбаненко, *салтовцы*, по сравнению с синхронным славянским населением, выращивали больше ячменя и меньше пшеницы⁴.

Второй основной зерновой культурой Змиевщины была пшеница – короткое и устойчивое к полеганию соломины растение. Возделывание пшеницы вполне отвечало условиям переложной системы земледелия. Она легко осыпалась на стадии зерновой спелости, поэтому ее убирали серпами. При уборке пучки пшеницы, проса, ячменя, ржи связывали в снопы. Способы их укладки и молочения могли быть различными. Сжатые хлеба, как об этом свидетельствуют письменные источники, перевозили на повозках и на судах по рекам⁵.

По палеоботаническим данным Мохначанского городища видно, что посевы *салтовских* земледельцев засорялись таким видом сор-

¹ Колода В. В. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 162.

² Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 39.

³ Колода В. В. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 165–166.

⁴ Там же. – С. 170.

⁵ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 48.

няка, как костер полевой *Bromus arvensis* L. и костер ржаной *Bromus secalinus* L. В. В. Колода, Г. А. Пашкевич и С. А. Горбаненко считают это свидетельством ведения яровых и озимых посевов, поскольку указанные растения засоряют озимые зерновые культуры¹.

Молотьба осуществлялась различными способами. Чтобы получить зерно для нового посева, снопы обмолачивали «сыромолотом» или «сыробоем». Снопы ударяли о землю или о деревянную стойку, отчего из колосьев выпадали наиболее зрелые и тяжелые зерна, пригодные для посева. Домолот таких снопов и обмолот обычных снопов для получения пищевого зерна производились с помощью деревянных прямых или коленообразных изогнутых палок, а позднее цепов. Другим способом молотбы был обмолот ногами животных, телегой или доской-малкой. Хранилось зерно в пифосовидных сосудах, которые устанавливались в хозяйственных ямах (см. § 6.4). В подобных сосудах хранили и другие продукты питания. Для хранения зерна использовалась различная керамическая (см. § 6.7), деревянная и плетенная тара, мешки. В. К. Михеев предполагает, что в подобной таре, скорее всего, хранили муку².

При сборе урожая использовали серпы и косы. В эпоху раннего средневековья серпами жали и мужчины, и женщины. *Салтовские* косы имеют несколько видов. Очевидно, они имели различное назначение. На Мохначанском городище были найдены пять серпов (из них три являются целыми) и четыре косы-горбуши³.

Переработка зерна на муку и крупу производилась на ротационных мельницах, ручных поставках с каменными легкими жерновами (рис. 143). Последние изготавливались из местных пород камня –

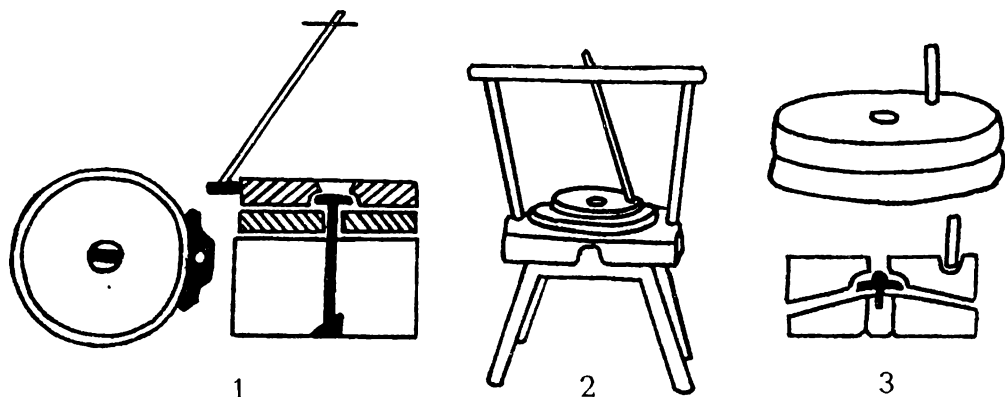

Рис. 143. Реконструкция лёгких ручных ротационных жерновов.

¹ Колода В. В. Землеробство жителів городища Мохнач (за часів салтівської культури) / В. В. Колода, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2009. – № 2. – С. 89, 91.

² Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 49.

³ Колода В. В. Землеробство жителів городища Мохнач (за часів салтівської культури) / В. В. Колода, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2009. – № 2. – С. 89.

ракушечника, песчаника и кварцита, которыми богат бассейн Северского Донца. Здесь имелся и специальный жерновой камень. Кроме зерна, на жерновах дробили, возможно, продукты животноводства, что характерно для народов с развитым скотоводством. Зернотерки использовались, по-видимому, для нужд одной семьи, в то время как легкие ручные ротационные жернова могли использоваться для значительных переработок продуктов земледелия на муку¹.

Кроме земледелия, *салтовское* население Змиевщины занимались огородничеством, выращиванием винограда и бахчевых культур. Исследования В. В. Колоды и С. А. Горбаненко подтверждают мнение об опережающем развитии пашенного земледелия у *салтовского* населения по сравнению с соседствующими племенами северян и донских славян².

На *салтовских* поселениях с ярко выраженной оседлостью выявлено больше костей крупного рогатого скота *Bos taurus taurus L.*, чем других видов животных. Разводили также коз *Capra aegagrus hircus L.*, свиней *Sus scrofa domestica L.* и овец *Ovis aries L.* Однако с точки зрения получения мяса, предпочтение отдавалось (в порядке убывания приоритета) разведению говяды, затем лошадей, свиней и, наконец, мелкого рогатого скота. На значение крупного рогатого скота в хозяйственной жизни *салтовцев* указывают изделия художественного литья иковки: бронзовая головка бычка, использовавшаяся как амулет, голова быка, украшающая железный крюк для подвешивания котла на очажной цепи и символизирующая охранное животное, а также изображения коров и коз на камнях Маяцкого городища.

Было развито коневодство. Анализ рисунков коней на камнях Маяцкого городища позволил установить наличие двух пород коней *Equus ferus caballus L.*: длинноголовых с крупным крупом, маленькой головой и коротконогих, тяжеловесных, с большой головой. *Салтовцы* использовали коней в основном для верховой езды и как гужевого транспорт. У кочевников, находившихся на стадии оседания, в некоторых случаях одна лошадь могла служить как для верховой езды, так и в качестве тягловой силы колесного транспорта, а возможно, и санного. Для этих целей применялся полужесткий деревянный хомут, обмотанный мягким материалом, защищавшим лошадь от растирания.

Среди археологических материалов *салтово-маяцкой культуры* значительное место занимают предметы, связанные со ското-

¹ Колода В. В. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 173.

² Там же. – С. 176.

водством. Конское снаряжение, сопровождавшее мужские погребения и захоронения коня, встречаются в могилах не только воинов-всадников, но и земледельцев-всадников, воинов-скотоводов. Например, в комплексе вещей, найденных в тайнике возле погребения № 34 Сухогомольшанского могильника, входили пара стремян, пряжки от сбруи, удила, серп и коса. В комплексе № 6 содержалось 4 серпа, коса, струг, 3 стремени, два удила и копье. Все это указывает на то, что основная часть снаряжения лошади (удила и стремяна) не отличались у воинов, земледельцев и скотоводов¹.

Для стреноживания лошадей применялись железные конские путы. Благодаря овальному сечению они предохраняли ноги животного от растирания. Иногда путы запирались замками. Очевидно, железные путы для лошадей могли себе позволить лишь представители зажиточной части населения, остальные же использовали путы из ремней. *Салтовские* путы стандартны по форме. От них мало чем отличаются древнерусские путы XI–XIII вв.

Большое развитие у племен *салтово-маяцкой культуры* получила такая отрасль скотоводства, как овцеводство. Для древних болгар оно являлось главным занятием на стадии таборного кочевания и играло большую роль после перехода к оседлой жизни. Это подтверждают письменные и вещественные источники. К последним относятся металлические ботала и пружинные ножницы. Различаются три типа ботал: колоколовидные, цилиндрические и трапецевидные. При раскопках *салтовских* памятников попадают находки так называемых «овечьих» пружинных ножниц, предназначавшихся для стрижки овец. В. К. Михеев предполагает, что один человек мог остричь такими ножницами от 30 до 60 овец в день². Пружинные ножницы применялись также в повседневной жизни людей.

Пастухи *салтово-маяцкой культуры*, по-видимому, были весьма подвижны. Об этом говорит находка неподалеку от Сухогомольшанского могильника мобильного компактного переносного очажного оборудования (рис. 144), которое может использоваться как в походных условиях, так и внутри помещения. Такое очажное оборудование могло легко перевозиться в переметных сумках или притороченным к седлу³.

Большая роль в пастушестве принадлежала собаке *Canis lupus familiaris* L. У пастушеского населения *салтово-маяцкой культуры* она считалась, помимо прочего, еще и ритуальным животным.

¹ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 27.

² Там же. – С. 28.

³ Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья / В. В. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2007. – Т. 6. – С. 124, 126.

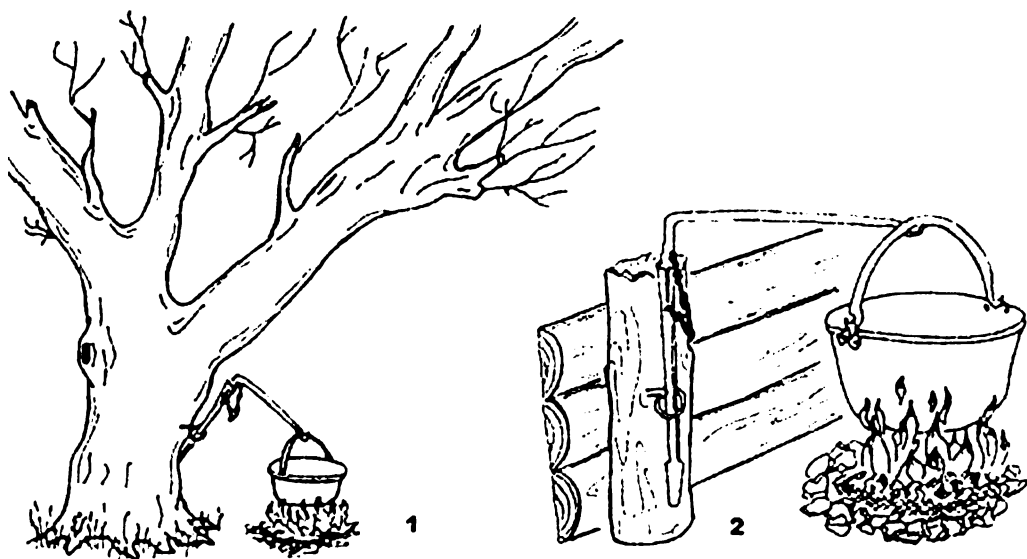

Рис. 144. Переносное очажное оборудование и варианты его использования.

Повсеместно на поселениях *салтовцев* встречаются погребения собаки, иногда вместе с коровой. Погребение собаки обнаружено В. К. Михеевым в круглой яме на Сухогомольшанском селище¹.

В качестве вьючных животных использовались верблюды *Camelus bactrianus* L., с помощью которых осуществлялась караванная торговля. Вьючным животным был также осел *Equus asinus asinus* L.

Убедительным подтверждением существования развитого скотоводства и стойлового содержания скота являются многочисленные находки кос, при помощи которых *салтовские* племена заготавливали корма.

Значительную роль в хозяйстве и экономике Хазарского каганата играли охотный и рыболовный промыслы.

Рыболовство достигло у населения *салтово-маяцкой культуры* значительного развития. Реки Хазарии – Дон, Северский Донец, Орель и др. – имели большое значение в экономике страны. Даже в конце XIX в. в Северском Донце обитало 124 вида рыбы. В VIII–X вв., когда водоемы были чисты, а рыбы много, ее ловили повсеместно. Рыболовством занимались не только земледельцы, но и кочевники².

У населения Хазарского каганата рыба являлась не только продуктом питания. Она использовалась также в качестве приправы к пшеничному хлебу, из рыбы изготавливали клей. И рыба, и

¹ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 28.

² Там же. – С. 53.

клея экспортировались в другие страны и тем самым составляли часть дохода населения каганата. Судя по остаткам костей и чешуи, найденных на *салтовских* и прилегающих к ним *боршевских* памятниках, в этот период вылавливали белугу *Huso huso L.*, стерлядь *Acipenser ruthenus L.*, севрюгу *Acipenser stellatus Pall.*, сома *Silurus glanis L.*, щуку *Esox lucius L.*, судака *Stizostedion lucioperca L.*, леща *Abramis brama L.*, сазана *Cyprinus carpio L.*, синца *Abramis ballerus L.*, вырезуба *Rutilus frisii Nord.*, линя *Tinca tinca L.*, красноперку *Scardinius erythrophthalmus L.*, плотву *Rutilus rutilus L.*, язя *Leuciscus idus L.*, карася *Carassius carassius L.*, окуня *Perca fluviatilis L.* При этом размеры некоторых видов рыб превосходили средние размеры современных¹.

Из орудий рыбной ловли известны одинарные металлические крючки 6 типов, бородчатые и безбородчатые. Все типы *салтовских* рыболовных крючков имеют аналогии среди крючков, обнаруженных на славянских памятниках VI–XIII вв.²

Судя по различию крючков, население Хазарии использовало следующие способы рыбной ловли: на удочку, подледный лов, на живца, на жерлицы и поставушки, на блесну. Известны специализированные крючки, предназначенные для лова щуки, для лова сома. Возможно, использовались ятера, поскольку линь и карась ловятся только на специальные устройства из дерева, камыша и т. п.

Распространенным занятием *салтовского* населения Змиевщины была охота. Об этом можно судить в первую очередь по остеологическому материалу, полученному при раскопках селищ и городищ. Больше всего обнаружено костей дикого кабана *Sus scrofa L.* Менее многочисленны кости оленя *Cervus elaphus L.*, лося *Alces alces L.*, тарпана или дикой лошади *Equus gmelini Ant.*, косули *Capreolus capreolus L.*, лисицы *Vulpes vulpes L.*, зайца-беляка *Lepus timidus L.*, зайца-русака *Lepus europaeus Pall.* и бобра *Castor fiber L.* Охотились в основном на копытных животных. Из остатков дичи обнаружены кости дроф *Otis tarda L.*, тетеревов *Lyrurus tetrix L.* и различных уток.

Сейчас трудно судить об объеме охоты, так как из-за неприятного вкуса¹ мяса некоторых животных в пищу не употреблялось. Поэтому, сняв шкурку, охотники оставляли тушки на месте, не принося их на поселения. Однако ясно, что видовой состав степной и лесостепной Змиевщины VIII–X вв. был намного больше, нежели сейчас. Добываемые на охоте дикие звери были гораздо больших размеров, чем их современные представители. Это зафиксировано по отношению к дикому кабану, косуле и бобру.

¹ Там же. — С. 54.

² Там же. — С. 54.

Об орудиях и способах охоты имеются скудные сведения. Использовались, в первую очередь, лук и стрелы. *Салтовцам* был известен сложный лук, появившийся в Европе вместе со скифами и получивший распространение в степи и лесостепи, где им пользовались до позднего средневековья. Костяные накладки рукояти этого лука найдены в катакомбах Верхнесалтовского могильника, одна костяная боковая накладка – на Сухогомольшанском селище. В погребениях возле Сухогомольшанского селища встречаются костяные накладки а пережженном и деформированном виде. В грунтовом погребении № 2 Балаклейского могильника обнаружены остатки истлевшего деревянного колчана (костяная накладка, железная пряжка от ремня, 3 железных кольца с кусочками прикипевшей кожи и дерева, фигурная железная петля), который лежал с левой стороны у ног воина. В колчане находилось 5 стрел, сложенных наконечниками ко дну колчана¹. Многочисленные металлические детали колчана вместе с 11 наконечниками стрел выявлены в погребении № 252 Сухогомольшанского могильника. Помимо лука и стрел на охоте использовали копья, дротики и топоры, – эти виды орудий охоты изображены вместе с охотниками на фресках Софийского собора в Киеве. Традиционным орудием степных народов был также аркан, применение которого тесно связано с образом жизни и скотоводческим хозяйством населения степей.

Широко распространена в Хазарии была соколиная охота, требовавшая хорошо обученных лошадей, птиц и собак. Отдельные изображения хищных птиц, нападающих на водоплавающую птицу, имеются на костяных и керамических изделиях *салтовомаяцкой культуры*. Интересно изображение ловчей птицы возле своей жертвы на семи литых бронзовых ременных бляшках с позолотой из Верхнесалтовского могильника. Следует отметить, что соколиная охота была привилегией верхушки общества².

§ 6.6. Ремесла

Высокого уровня развития у *салтовского* населения Змиевщины достигли ремесла и домашнее производство. Последнее имеет целью удовлетворение внутренних потребностей хозяйства и основано на переработке продуктов сельского хозяйства. Ремесленное же производство ориентировано на товарное производство, на продажу. Отсюда возникает целенаправленная добыча и переработка

¹ Там же. – С. 59.

² Там же. – С. 61–62.

природных ресурсов: руд, камня, кости диких животных и т. д. Полученные археологами материалы свидетельствуют в пользу местной черной металлургии и кузнечном деле, обработке цветных металлов, кости, рога, дерева и шкур¹.

В хозяйстве племен *салтово-маяцкой культуры* одну из ведущих отраслей занимала черная металлургия. Сырьем для производства железа служили легкоплавкие железосодержащие породы – лимонит, а также песчаник или алевролит с лимонитовидным цементом. Об этом свидетельствует геологическая экспертиза образцов руды из Верхнего Бишкина, проведенная на кафедре геологии ХГУ. В ходе многолетних исследований, которые В. Г. Космачев проводил в бассейне Северского Донца между Змиевом и Изюмом, было установлено, что здесь есть участки с лимонитизированным песчаником. Особенно мощные слои песчаника с лимонитовидным цементом (до 5–6 м) выявлены на правом берегу Северского Донца, между Сухой Гомольшей и Нижним Бишкином. Указанные рудоносные пласты залегают под четвертичными неогеновыми суглинками на глубине 5–7 м. Они являются составной частью Сивашской свиты Берекской подсвиты конца палеогена. Древние и средневековые мастера могли находить сырье для изготовления железа в оврагах, подвергающихся эрозии, которыми изобилует наш край².

Среди пунктов черной металлургии *салтовской* лесостепи наиболее значительный находился на территории исторической Змиевщины. В 1970 г. в урочище Роганина у с. Верхний Бишкин (Первомайский район) были обнаружены остатки *салтовского* селища, где найдены детали горнов для выплавки железа³. В настоящее время металлургический центр раскопан полностью. Площадь его составляет 5 722 м². Здесь выявлено и исследовано 6 железопроизводящих горнов. По словам В. В. Колоды, это наибольшее количество технических сооружений данного типа, представленных на одном лесостепном памятнике нашего края. Горны располагались на северной стороне селища, образуя обособленную производственную зону работы металлургов⁴. В своей публикации исследователь убедительно показал, что здесь располагался *салтовский* ремесленный центр с товарным производством гончарных кухонных горшков. Население Роганина тесно контактировало с кочевниками –

¹ Горбаненко С. А. Палеоэтноботанический спектр салтовского селища Коробовы Хутора / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. А. Пашкевич // Древности 2010. – Х., 2010. – С. 343.

² Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 90.

³ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 119.

⁴ Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 59

об этом говорят находки лепных котлов. Это поселение находилось на значительном удалении от окрестных и было местом отходного промысла местного населения в период сельскохозяйственного межсезонья. Здесь же *салтовцы* производили железо. При этом, деятельность роганинских мастеров осуществлялась эпизодически, а сами мастера (несмотря на высокий уровень технических знаний, умений и навыков) еще не до конца выделились из общинного сельскохозяйственного производства¹.

Все 6 горнов из урочища Роганина в конструктивном плане относятся к одному типу. Это ямные горны, на что указывает их заглубленность в грунт и отсутствие в конструкции наземных элементов. Железо здесь выплавлялось многократно, что подтверждается обилием шлака, наличием кокошниковых и лещадного отверстий, а также петрографическими исследованиями. Принадлежность роганинских горнов к лесостепному варианту *салтовомаяцкой культуры* не вызывает сомнений².

Остатки колб-тиглей на *салтовских* памятниках встречаются довольно часто. Фрагменты их найдены на поселениях Червоный Шлях (у с. Меловое) и на одном из селищ возле с. Мохнач³.

В 1936 г. у с. Новая Покровка (ныне в Чугуевском районе) были найдены остатки сыродутного горна. По своей типологии это сооружение аналогично, в целом, роганинским⁴.

Подводя итог рассмотрению железоделательных сооружений населения *салтовской* лесостепи, В. В. Колода говорит следующее: «Единственным типом сооружения в регионе был ямный горн с грушевидно-уплощенной колбой-тиглем, игравшей роль рабочего пространства. Процесс его работы сопровождался непрерывным двусторонним дутьем через диаметрально расположенные сопла. Конструктивно это были самобытные и уникальные железоторные печи, не имеющие аналогов и известных предшественников в Евразии.

Изготовление, эксплуатация и ремонт этих чернометаллургических горнов требовали специальных профессиональных знаний и навыков, которые приобретались лишь с опытом подобной деятельности. Данные горны имели значительную производительность, что подтверждается как многократностью железоторных процессов в каждом конкретном сооружении, так и количеством полученного металла»⁵.

¹ Колода В. В. *Салтовское гончарное производство (на материале ремесленного центра в урочище Роганина)* / В. В. Колода // *Степи Европы в эпоху средневековья. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 230.*

² Колода В. В. *Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э.* / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 66–67.

³ Там же. – С. 77.

⁴ Там же. – С. 67.

⁵ Там же. – С. 97.

Салтовская черная металлургия отличается значительной степенью товарности. Господствующим типом железопроизводящих памятников в их среде являются специализированные центры. Есть примеры и городского ремесла. Такое положение свидетельствует о появлении в Хазарии отдельной социальной группы ремесленников-металлургов (при сохранении металлургов-общинников) высокий уровень развития и организации железнодобычи в среде *салтовского* населения объясняется более быстрыми темпами социально-экономического развития отдельных племен южной части Днепродонского междуречья, что нашло свое выражение в образовании Хазарского каганата¹.

Занятия земледелием, скотоводством и охотой давали сырье для развития таких промыслов, как кожевенное дело, прядение, ткачество, изготовление войлока. До наших дней сохранились лишь некоторые орудия труда этих промыслов и малочисленные обрывки полустлепанных полотняных и шерстяных тканей, их отпечатки на металлических и керамических изделиях, мелкие кусочки кожи и войлока.

Прядением, ткачеством и шитьем одежды из полученного материала занимались женщины. Изготавливали женщины и войлок, который использовали для покрытия каркаса юрт, в качестве материала для одежды, доспехов и других изделий. Для производства одежды племени *салтово-маяцкой культуры* использовали кожу, шерсть, льняное и конопляное полотно, войлок.

В подвластной хазарам части Змиевщины было развито косторезное ремесло. Об этом свидетельствуют находки различных заготовок из кости и инструменты косторезного дела. Следует отметить металлические пиловки, найденные на ряде городищ, в том числе и на Сухогомольшанском. Пилочка, входившая в состав вещей погребения № 103 Сухогомольшанского могильника, была откована из узкой (шириной 0,6 см, толщиной 0,3 см) полоски металла. Рабочая часть пилочки имеет зубья высотой 0,15 см с шагом, равным 0,6 см. Угол резания – 106°. Сохранилось полотно пилочки длиной 5,5 см. На одном конце отверстия есть 2 небольших круглых отверстия с заклёпками. В. К. Михеев предполагает существование двух видов пиловочек: ножовок и лучковых. Первые снабжались деревянной ручкой, вторые растягивались в деревянной раме².

В косторезном деле применялись инструменты деревообрабатывающего и других производств: топоры, струги, ножи, сверла, шилья, напильники, стамески, долота и др., которые нельзя отнести к специальным орудиям обработки кости и рога.

¹ Там же. – С. 146.

² Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 66–67.

Отдельную отрасль ремесла составляла обработка камня. Добыча камня, его доставка к месту строительства и обработка являлись трудоемкими процессами. Об этом свидетельствует техника строительства каменных крепостей, остатки которых известны на Змиевщине. Для возведения оборонительных стен использовался рваный камень и обтесанный в виде блоков белый известняк. Камень использовали также для строительства колодцев, погребальных сооружений, изготовления жерновов (как правило, их диаметр составлял 30–40 см, а толщина 5–10 см), точильных брусков, литейных форм, рыболовных грузил, пряслиц, амулетов и др. изделий. На большей части Хазарии жернова изготавливались из ракушечника. Однако на территории бассейна Северского Донца материалом служил кварцит и песчаник. Точильные камни изготавливались – из песчаника, сланца¹.

Иллюстрацией ремесленного центра может служить селище «Мохнач-П», открытое в 2008 г. в 3,5 км к северу – северо-востоку от городища. В 2009 г. Средневековой экспедицией Харьковского госпедуниверситета было исследовано около трети его общей площади ($\approx 1500 \text{ м}^2$). В салтовском культурном слое и в комплексах обнаружено значительное количество артефактов, свидетельствующих о его ремесленной специализации. Исследователь Мохначанского археологического комплекса В. В. Колода сообщает: «Селище «Мохнач-П» – это поселение ремесленников, которые выпускали продукцию для удовлетворения нужд салтовского населения всего микрорегиона. Местные ремесленники специализировались на кузнечном производстве и камнетесном деле, чему имеются явные подтверждения. Вполне вероятно, что они были также связаны с получением черного металла и гончарным производством. Это была небольшая группа северокавказских алан, что косвенно подтверждает керамика и некоторые типы украшений. Хронологически селище тяготеет к середине – второй половине VIII в., на что указывает обломок подвески «пастырского» типа. Селище представляло собою небольшой (вероятно, родовой) поселок, отличавшийся определенной экономической самостоятельностью. На это указывает характер его деятельности, а также обособленное расположение на территории данного микрорегиона. Судя по площади, незначительной мощности культурного слоя и количеству ям-западин от комплексов, здесь проживало 3–5 семей в течение относительно недолгого времени – 2–3 поколения»².

¹ Там же. – С. 77.

² Колода В. В. Селище «Мохнач-II» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач / В. В. Колода // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). – Х., 2010. – С. 72; Колода

§ 6.7. Гончарное ремесло и керамика

Одним из наиболее развитых ремесел Хазарии было гончарство. Один из центров гончарного производства был открыт на салтовском селище, расположенном в урочище Роганина у с. Верхний Бишкин (Первомайский район). Здесь на южной стороне поселения находилось 4 гончарных печи и два полуземляночных жилища¹.

Как правило, мастерские гончаров располагались за пределами поселений *салтово-маяцкой культуры*. В 2001 г. остатки горна были найдены на Мохначанском городище (рис. 145)². Летом 2007 г. археологическая экспедиция Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, проводившая раскопки в с. Мохнач, обнаружила гончарную мастерскую, которая располагалась внутри поселения. По словам руководителя экспедиции В. В. Колоды – это первый такой случай. Здесь же был найден гончарный горн.

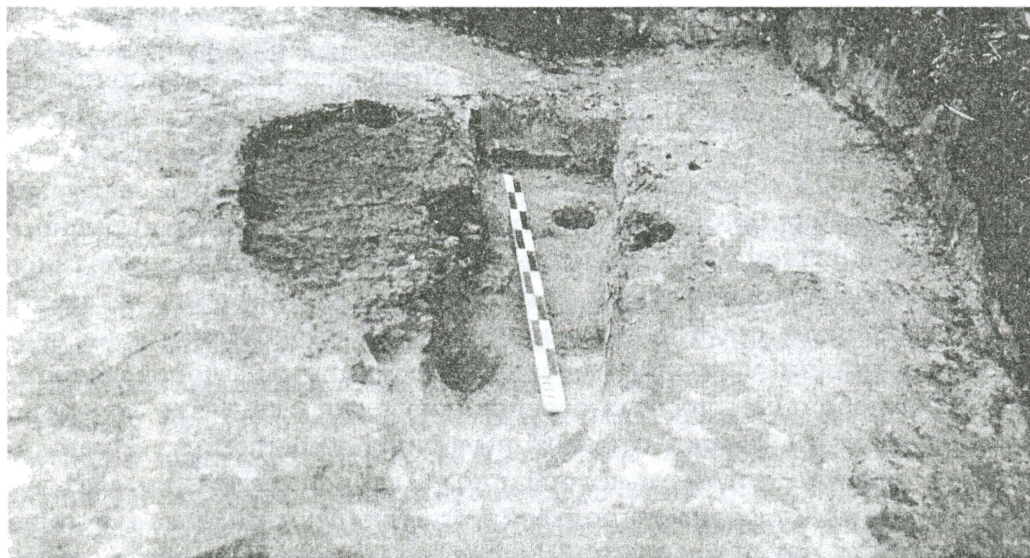

Рис. 145. Обжигательная камера горна (Мохначанское городище).

Анализ *салтовской* керамики, найденной в бассейне Северского Донца, показал, что одни сосуды лепились от руки на неподвижной основе или подвижной подкладной дощечке, другие из-

В. В. Исследование ремесленного центра салтовской культуры / В. В. Колода // *Археологічні дослідження в Україні*. 2009. – К., 2010. – С. 215, 217; Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач / В. В. Колода // *Археологічні дослідження в Україні*, 2011. – К., 2012. – С. 436.

¹ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 59.

² Колода В. В. Отчёт о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2002 // *НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды*.

готовавливались на гончарном круге. Большинство горшков делалось на подвижной подкладной дощечке и гончарном круге. На вращающихся подставках формировались кувшины, кружки и кубышки. Возможно, нижняя часть некоторых сосудов этого типа делалась в форме, в качестве которой могла служить деревянная посуда (рис. 146).

После изготовления емкости она заглаживалась, орнаментировалась, изредка покрывалась ангобом, затем прикреплялись ручки (если таковые предусматривались). Изготовленные сосуды сушили под действием тепла, солнца, воздуха. Чтобы сосуды не прилипали к земле или к посторонним предметам, землю посыпали песком. Сушка происходила медленно и равномерно, иначе сосуд мог деформироваться и потрескаться. Изготовление глиняной посуды заканчивалось обжигом. О качестве *салтовской* керамики говорит в том числе и развитие обжигательных сооружений.

Гончарные печи (рис. 147) представляют собой сооружения без подпорного столба, с двумя ярусами: нижним – топочной камерой, и верхним – обжигательной камерой. Они имеют важное значение для изучения гончарного производства. Обжигательные сооружения, как и продукция гончаров, отражают уровень развития этого вида хозяйственной деятельности.

В 1990 г. Средневековая археологическая экспедиция ХГУ обнаружила на селище Роганина II, что у с. Верхний Бишкин Первомайского района, две гончарных печи. Печи имели одинаковую двухкамерную конструкцию: с топкой и обжигательной камерой над ней. Оба сооружения находились на площади одного раскопа на расстоянии 5 м друг от друга (рис. 148, 149).

Гончарная керамика *салтово-маяцкой культуры* довольно часто имеет на донцах сосудов четкий оттиск клейма, чаще всего это вписанный в круг крест. С достаточной степенью надежности

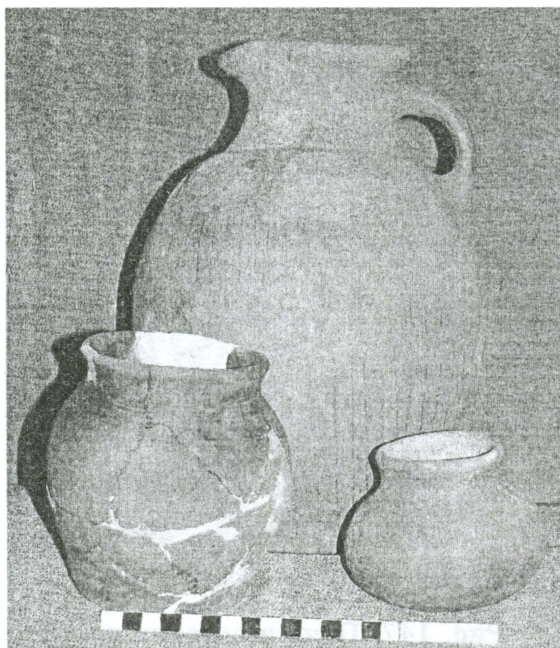

Рис. 146. Посуда салтово-маяцкой культуры из с. Мохнач.

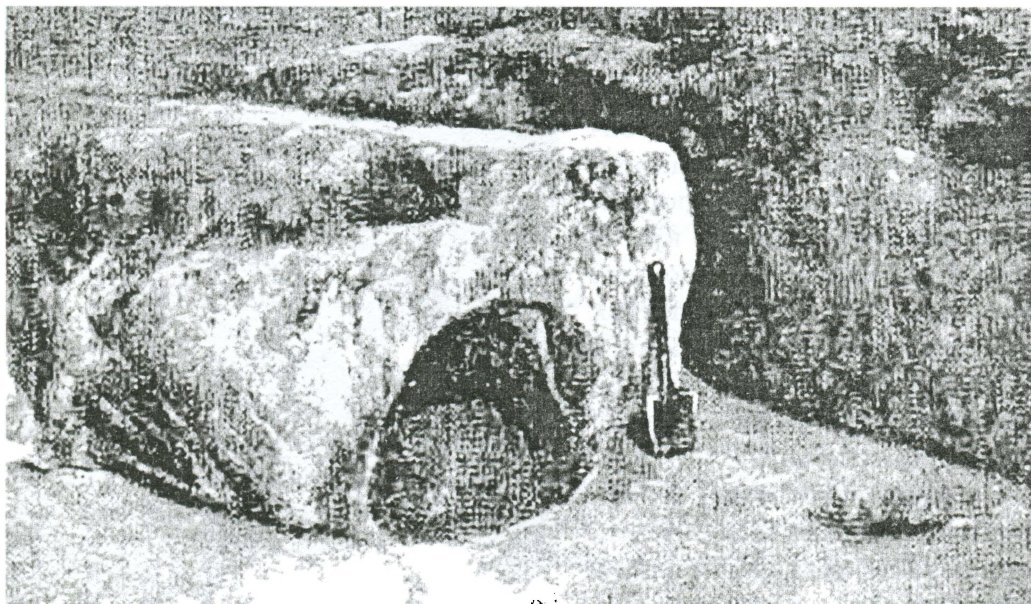

Рис. 147. Печь и остатки жилища VIII–X вв. у с. Петровское Харьковской области.

установлено применение гончарных кругов, как на ручном, так и на ножном приводах.

Керамика *салтово-маяцкой культуры* представлена следующими группами: 1) кухонная, 2) столовая и 3) тарная. Большая часть посуды изготовлена на гончарном круге, однако на поселениях обнаружена и лепная керамика, найдены фрагменты сковородок.

Керамика первой группы – горшки серого или бурого цвета – отличается хорошей технологией изготовления. Они сделаны из тщательно вымешанной глины с большой примесью шамота. Форма кухонных горшков довольно стандартна. Горшки имели высоту 20–25 см, а диаметр венчика 15–18 см. По форме они округлобокие, с ровным широким дном. Венчики всегда простые, без сложной профилировки. Нередко венчик представляет собой отогнутый край сосуда, плоский, кососрезанный или закругленный. Отличительной чертой горшков этой группы является своеобразный линейный орнамент, покрывающий почти всю их поверхность. Кроме линейного, многие горшки украшены волнистым орнаментом, нанесенным по основанию шейки и плечикам, реже – по корпусу. Почти всегда волна наносилась по рифлению или выше него тем же пяти-, семизубым штампом, которым выполнено и само рифление. Иногда горизонтальный орнамент

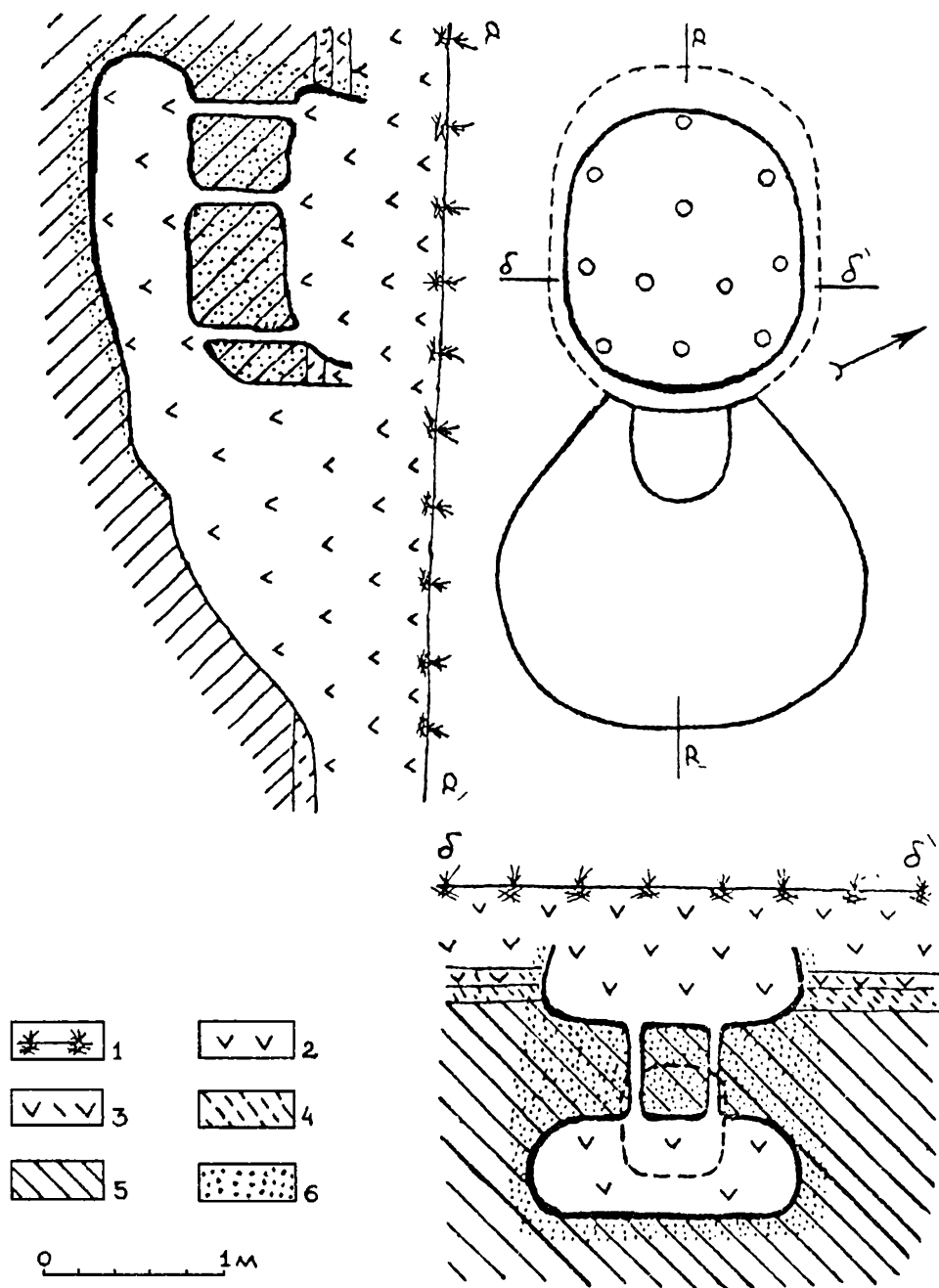

Рис. 148. Гончарная печь № 1 с селища Роганина-II:

1 — дёрн; 2 — гумус; 3 — погребённая почва; 4 — предматерик; 5 — материк; 6 — зона прокалинности грунта.

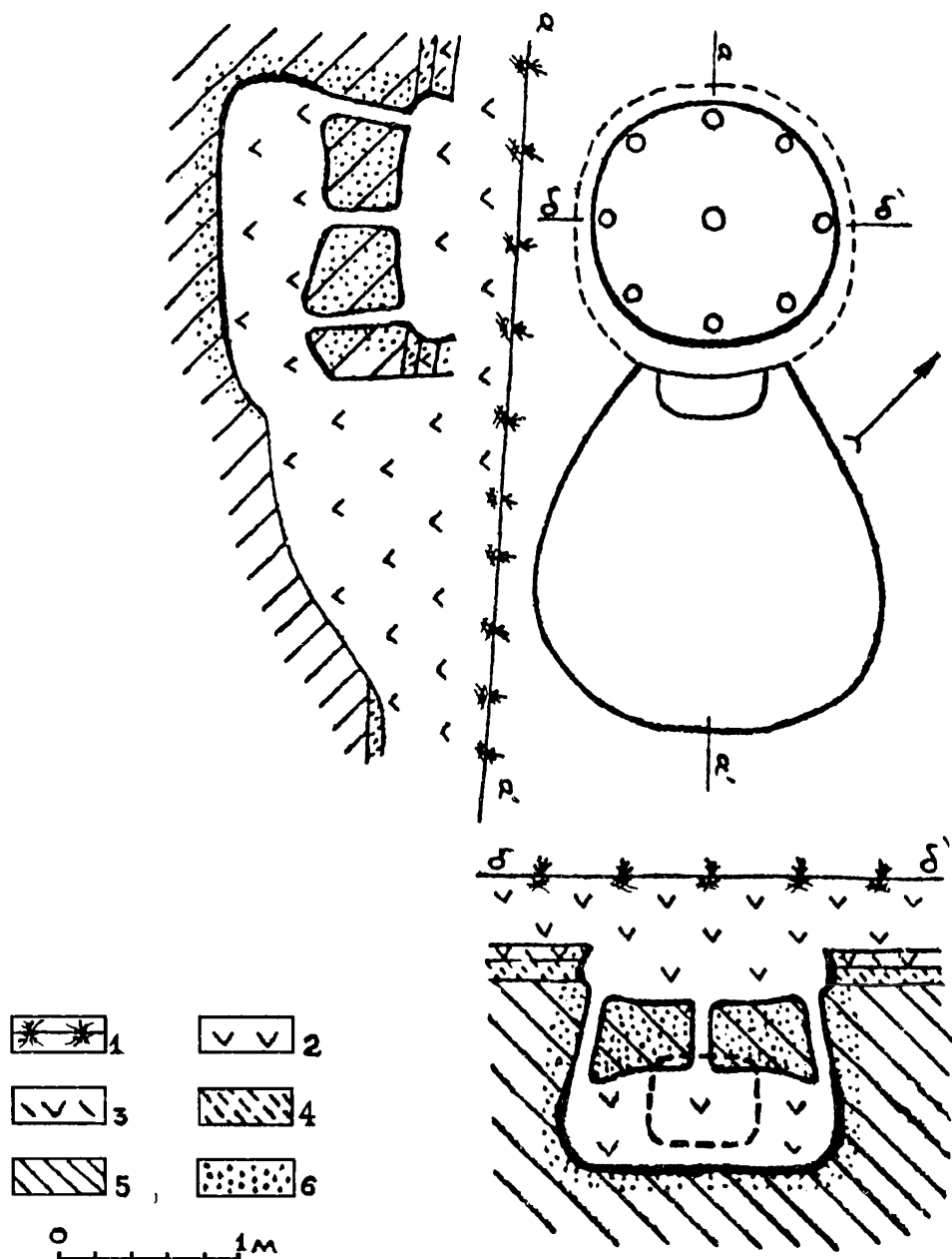

Рис. 149. Гончарная печь № 2 с селища Роганина-II:

1 – дёрн; 2 – гумус; 3 – погребённая почва; 4 – предматерик; 5 – материк; 6 – зона прокаленности грунта.

сочетался с вертикальным, образуя прямую или косую сетку. Венчики в большинстве случаев орнаментированы насечками или отпечатками гребенчатого штампа¹.

Для второй группы керамики – столовой – характерно большое разнообразие форм; в глиняном тесте примесь очень мелкого шамота или песка; поверхность сосудов лощеная, серого, черного, иногда желтого или красного цвета. Серо-, и чернолощенная посуда – основной тип керамики в катакомбных могильниках. В керамических комплексах поселений она составляет 20–25 %. В группе столовой керамики можно выделить следующие виды посуды: кувшины, кружки, кубышки, горшки, миски. Кувшины – наиболее нестандартный тип столовой керамики: каждый кувшин отличается своеобразием и неповторимостью формы. Кувшины изготавливались одноручные (рис. 150) и двуручные. Как правило, почти все они имеют носик-слив. В большинстве случаев сосуды украшены различными комбинациями из проложенных линий, полос, редко колец и полуколец, наlepных сосков, вдавленных желобков по основанию горла и корпусу. Иногда горло кувшина во всю высоту украшено горизонтальным или слегка волнистым рифлением (рис. 151)². Во время подводных исследований в р. Северский Донец возле с. Гайдары сотрудником биологического факультета ХНУ С. Ю. Утевским была найдена верхняя часть чернолощеного кувшина с волнистым орнаментом на уровне нижнего крепления ручки. находка передана в Музей археологии и этнографии Слободской Украины³.

Кроме кувшинов, на поселениях и могильниках найдены кружки, также разнообразных форм. Известны кружки со средней высотой шейки и приплюснутым корпусом, с высокой шейкой и очень при-

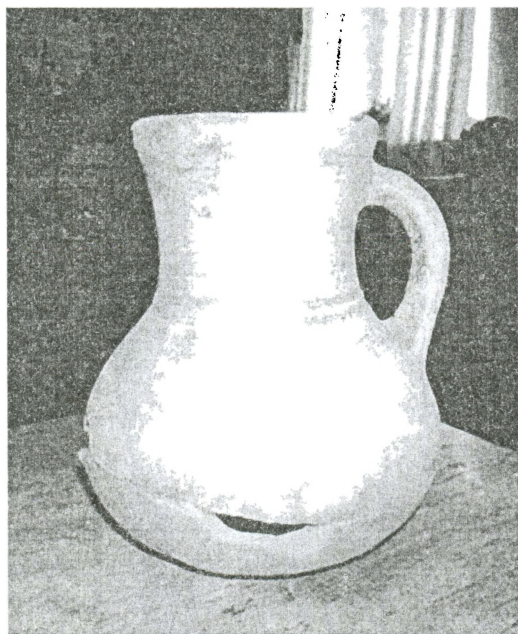

Рис. 150. Кувшин салтово-маяцкой культуры с восточной окраины с. Лиман.

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 220–221.

² Там же. – С. 221.

³ Скирда В. В. Новые поступления в Музей археологии и этнографии Слободской Украины от частных лиц / В. В. Скирда // Древности 2006–2008. – Х., 2008. – С. 238–239.

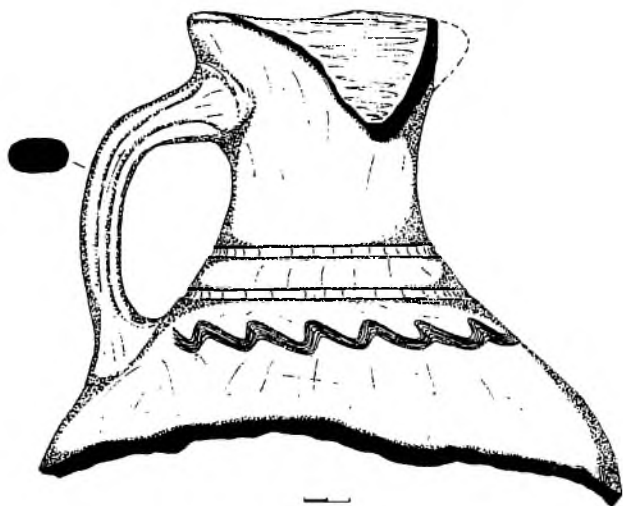

Рис. 151. Фрагмент кувшина, случайно найденный в р. Северский Донец возле с. Гайдары.

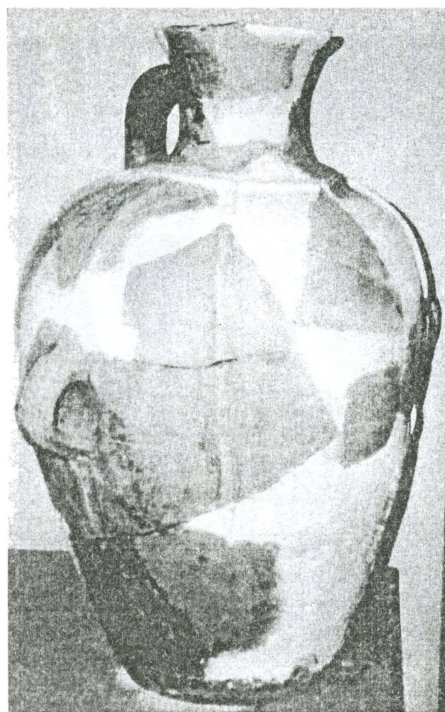

Рис. 152. Пифос салтовомаяцкой культуры из с. Коробовы Хутора.

плюснутым корпусом. Характерным признаком кружек является ручка, прикрепленная к шейке и корпусу. Нередко встречаются двойные ручки в виде стилизованных фигурок животных. Орнаментация кружек простая; чаще всего поверхность заглажена вертикальным и горизонтальным лощением, иногда по корпусу прочерчена косая сетка или желобок¹.

К столовой посуде относятся также небольшие лощенные кубышки, имеющие шаровидно-сплюснутую форму. Кубышки орнаментированы пролощенными линиями и врезными желобками, иногда с небольшою петельковидной ручкой, прикрепленную к верхней части корпуса. В группу столовой керамики входят горшки, изготовленные из того же теста, что и кувшины, и украшенные пролощенным орнаментом миски².

В третью группу входят сосуды для хранения продуктов: горшки-пифосы (рис. 152) для сыпучих продуктов, амфоры и большие кувшиновидные сосуды для жидкостей. Горшки-пифосы по форме и орнаментации повторяют кухонные рифленые горшки, однако, отличаются большой массивностью³.

По количеству найденных фрагментов амфоры занимают второе

¹ Археология Украинской ССР : В 3 т. — К., 1985. — Т. 3. — С. 221.

² Там же. — С. 222.

³ Там же. — С. 222.

место после кухонных горшков. Красноглиняные амфоры имели короткое узкое горло, отогнутый венчик с горизонтальным краем, полукругло изогнутые в сечении овальные, слегка ребристые ручки, круглое дно. Амфоры относятся к импортным изделиям, поступавшим на Змиевские земли из Крыма и Приазовья. В собраниях Змиевского краеведческого музея представлен целый ряд таких амфор.

§ 6.8. Орудия труда и украшения

Орудия труда и украшения, найденные на *салтово-маяцких* поселениях, отражают характер хозяйственной деятельности населения Хазарии. Они изготавливались из различных материалов: дерева, железа, кости, камня.

Значительное число находок в *салтовских* археологических памятниках составляют железные орудия труда и металлические украшения (рис. 153). Железные орудия труда представлены косами-горбушами, теслами-мотыжками, резцами, щипцами, пробойниками и др. кузнечными инструментами. Набор кузнечного инструментария был найден на Мохначанском городище (рис. 154).

К костяным орудиям труда, применявшимся в текстильном, кожевенном и гончарном производствах, относятся ложила. Также известны костяные ножи для разрезания туш животных, скобели для снятия жира и очистки шкур, шилья и проколки, пряслица, челноки для плетения сетей и мотыги. К деталям сверлильного приспособления относится костяной подпятник для упора конца лучкового сверла. Из рогов и костей крупных животных делались горлышки для бурдюков, — они украшались плоскорельефным геометрическим орнаментом или стилизованными изображениями растений, птиц, животных. К костяным изделиям относятся игольники, шахматные фигуры, а также овечьи, телячьи и лошадиные астрагалы.

Археологи достаточно часто находят комплексы металлических предметов, оставшихся от *салтовских* сундучков-ларцов. Находки отдельных деталей подобных изделий известны в Подонцовье, в т. ч. у сел Мохнач и Сухая Гомольша. Один такой комплекс был найден в районе с. Сухая Гомольша краеведом В. Д. Лейко во время осмотров немецких оборонительных линий времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Находку составляют две оковки крышки с петлями для крепления, оковка с петлей для защелки замка, скрепляющая пластина и ручка. Все материалы были

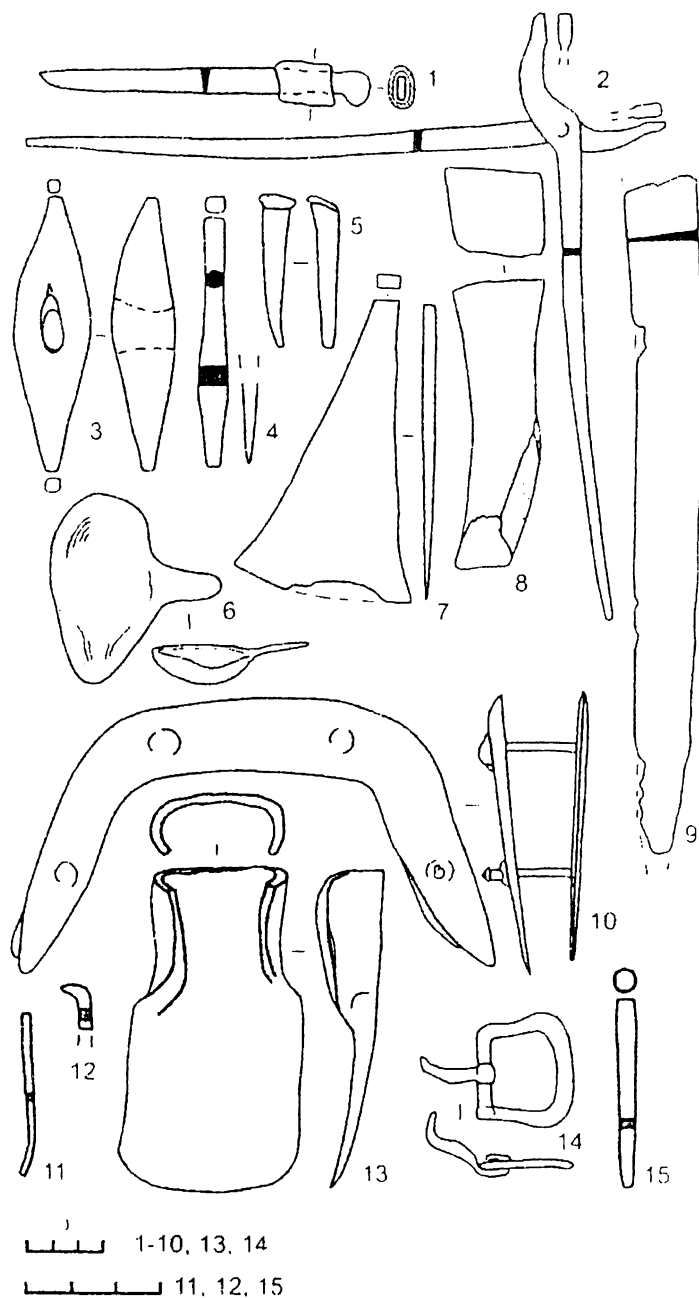

Рис. 153. Находки в кузнечной мастерской (Мохнач):

1 – нож в железной обойме; 2 – кузнечные клещи; 3 – кузнечный молот-чекан; 4 – слесарное зубило; 5 – пробойник; 6 – льячка; 7 – кузнечная заготовка подтреугольной формы; 8 – обломки трёх точильных камней; 9 – коса; 10 – оковка от лука седла; 11 – игла; 12 – обломок небольшой скобы; 13 – втульчатая мотыжка; 14 – ременная пряжка; 15 – шило.

Рис. 154. Инструменты салтовского кузнеца из городища Мохнач (кроме ножниц, найденных возле пгт. Первомайского).

переданы автором находки в Научно-исследовательскую археологическую лабораторию ХНПУ им. Г. С. Сковороды. В результате анализа В. В. Колоде удалось реконструировать внешний облик и размер изделия (рис. 155). Короб сундучка имел 25–30 см в длину и около 20 см в ширину. Крышка сундучка была закруглена и возвышалась над верхним краем короба на 3 см. На передней стенке был прикреплен замок. В. В. Колода отмечает, что остатки деревянных сундучков-ларцов известны как на поселениях, так и на могильниках. При этом подавляющее число артефактов этой группы выявлено на памятниках бассейна Северского Донца. По предположению исследователя, обладателями таких изделий были не простые общинники, а представители социально выделенных групп салтовского населения, т. к. предназначались ларцы для

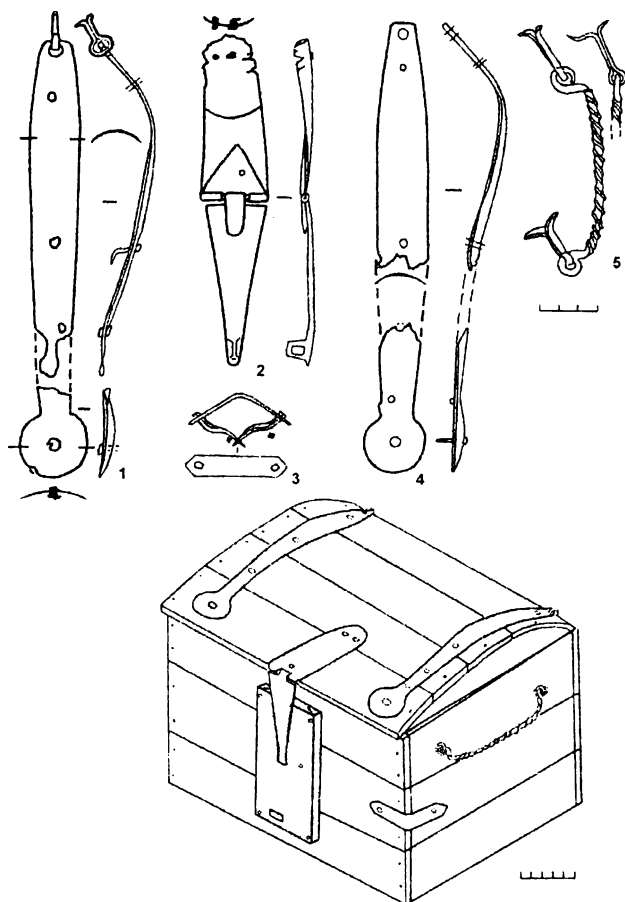

Рис. 155. Остатки (вверху) и реконструкция (внизу) сундучка-ларца из Сухой Гомольши:

1, 4 – оковки крышки с петлями для крепления; 2 – оковка с петлёй для защёлки замка; 3 – скрепляющая пластина; 4 – ручка.

местами закруглены. Орнамент отсутствует. Толщина пластины колеблется от 0,05 до 1–2 см. Зеркала этого типа изготовлены из бронзовой пластины путем проковки, с последующим обрезанием по краю для придания круглой формы. Такие зеркала обнаружены в ингумационных погребениях биритуального могильника Красная Горка (Балаклеяский район) и в кремациях могильника Сухая Гомольша. По словам В. С. Аксёнова, зеркала в виде круглой пла-

хранения семейных и родовых ценностей¹.

В захоронениях салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца часто встречаются бронзовые или серебряные зеркала одного вида. Это литые изделия с центральной петлей, диаметр которых колеблется от 5 до 7 см. Обратная сторона зеркал украшена рельефными концентрическими кругами, зигзагами, волнами, «жемчужинами», ячеистым орнаментом и т. п. Такие зеркала встречаются в катакомбных захоронениях всех известных аланских катакомбных могильников верхнего Подонцовья².

Однако на Змиевщине известны и другие типы зеркал. Тип 1 – зеркала в форме круглой иногда слегка выпуклой пластины диаметром 8–10 см. Края зеркал местами уплощены с торцов, ме-

¹ Колода В. В. К вопросу о салтовских сундучках-ларцах / В. В. Колода // Харьковський археологічний збірник. – 2009. – Вип. 4. – С. 6, 8, 12, 14.

² Аксёнов В. С. Зеркала из праболгарских захоронений салтовской культуры Харьковщины / В. С. Аксёнов // Харьковський археологічний збірник. – 2008. – Вип. 3. – С. 46.

стины встречены в верховьях Северского Донца пока исключительно на праболгарских *салтовских* могильниках, где присутствуют захоронения по обряду трупосожжения. При этом круглые зеркала, происходящие из Сухой Гомольши, найдены в урновых захоронениях вместе с шумящими коньковыми подвесками, и потому В. К. Михеев и В. С. Аксенов считают обладательницами таких зеркал представительниц угорского этноса¹.

На могильнике Красная Горка зеркала в виде круглой пластины происходят исключительно из погребений по обряду трупоположения, связываемых исследователями (И. А. Барановым, В. С. Аксеновым) с праболгарским компонентом *салтово-маяцкой культуры*².

Зеркала типа 2 на территории исторической Змиевщины пока неизвестны. Но разновидностью зеркал с боковой пластинчатой ручкой, вероятно, являются зеркала в форме круглой пластины диаметром 8–10 см с небольшим пластинчатым боковым выступом высотой 1–2 см. Возможно, выступ в нижней части диска зеркал – это все, что осталось от отломавшейся в древности ручки-штыря. Можно предположить, что благодаря боковому выступу зеркала этого типа закреплялись в деревянной или костяной рукоятке. Бронзовое зеркало этого типа обнаружено в погребении по обряду трупоположения № 88 могильника Красная Горка. По предположению В. С. Аксенова, такие зеркала были в ходу у праболгарского племени оногуров, которые после гибели под ударами хазар Великой Болгарии Курбата переселились в степную часть Подонцовья³.

§ 6.9. Погребальный обряд и могильники

Для *салтово-маяцкой культуры* были характерны два различных погребальных обряда: катакомбный и ямный. Это отражает полиэтническую структуру Хазарского каганата. В бассейне Северского Донца были распространены катакомбные могильники, принадлежность которых определяется как аланская.

Катакомбы состоят из двух частей: дромоса (входной ямы) и погребальной, как правило, полусферической, камеры (рис. 156). Величина их зависела в основном от количества погребенных людей. Захоронения в камерах бывали одиночные, парные, семейно-групповые. Мужчин и мальчиков хоронили вытянуто на спине, женщин – скорченно на боку. Нередко кости умерших сдвигали

¹ Там же. – С. 47–49.

² Там же. – С. 49–51.

³ Там же. – С. 51–53.

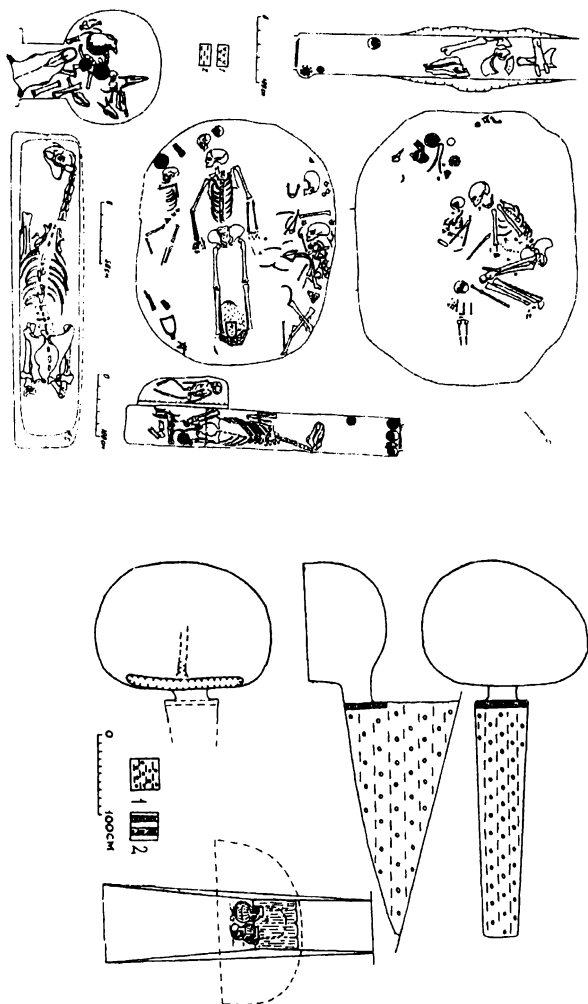

Рис. 156. Салтовское катакомбное захоронение (вверху) и схема погребальной катакомбы (внизу).

в сторону, освобождая место для новых погребений. Вместе с покойниками в камеры помещалось большое количество личных вещей и оружия умерших, сосуды с питьем и пищей ставились в камеры и дромосы. В дромосах же хоронили убитых во время похорон лошадей, собак, коз. Вокруг могил были разбросаны тризны, состоявшие из сосудов с питьем и останков домашних животных¹.

По мнению А. А. Лаптева, тризны, более или менее распространенные на катакомбных памятниках, являются остатками обряда кормления мертвых и действительно отображают один из этапов аланского поминального обряда. Наличие, по крайней мере, в части комплексов славянских сосудов позволяет говорить о проникновении в аланские общины славянского населения, при-

несшего с собой свои обряды и проводившего их на катакомбных могильниках. Количеством такого населения, инфильтрованного в салтовскую среду, определялась распространенность тризн смешанного типа. На памятниках, где тризны получили малое распространение, их отсутствие объясняется тем, что аналогичную роль играла напутственная мясная пища, помещаемая в камеры².

¹ Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 42.

² Лаптев А. А. Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников / А. А. Лаптев // Салтово-маяцька археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 48.

Своеобразной особенностью катакомбных захоронений *салтовской культуры* является обряд обезвреживания покойника, который заключается в преднамеренном разрушении скелетов умерших. Подобные действия зафиксированы как для одинарных, так и для коллективных захоронений. В результате специального исследования В. С. Аксенов установил, что обряд обезвреживания покойных характерен для катакомбных могильников бассейна Северского Донца. По словам ученого, представленный в Подонцовье обряд обезвреживания покойника своими способами и последовательностью действий идентичен аналогичной традиции катакомбных некрополей Северного Кавказа I – VIII вв¹.

В конце 60-х гг. XX в. из раннесредневековых памятников юга Восточной Европы была выделена особая группа *салтовских* древностей в виде отдельных грунтовых погребений и могильников с обрядом трупосожжения. Значительная часть их расположена на южной окраине восточноевропейской лесостепи, по берегам больших и малых рек – правых притоков Дона. Примером таких памятников может служить могильник у с. Сухая Гомольша (рис. 157), где проводились значительные стационарные археологические исследования.

Сухогомольшанский могильник расположен в 750 м к югу от одноименного городища, у дороги на Нижний Бишкин (в 1,5 км к западу от с. Сухая Гомольша). Поверхность могильника представляет собой невысокое всхолмление, покатое к краю глубокой балки, служившей в эпоху средневековья естественной границей территории могильника с запада и юго-запада.

Внешние признаки могил здесь отсутствуют. Однако могилы здесь никогда не перекрывают друг друга. Поэтому В. К. Михеев, исследовавший данный памятник, предполагает, что в период функционирования могильника могилы могли быть отмечены какими-то надмогильными сооружениями, возможно, небольшими могильными холмиками или иными знаками². Северо-западный и юго-восточный участки могильника давно размыты сточными водами. Максимальная толщина культурного слоя составляет 0,5 м.

Все погребения находились в пределах могильника, кроме поминального комплекса вещей, располагавшегося за его границами и укрытого в тайнике. Кроме балки, памятник был огражден есте-

¹ Аксёнов В. С. Обряд обезвреживания погребённых в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры / В. С. Аксёнов // *Российская археология*. – 2002. – № 3. – С 98, 109, 113.

² Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // *Советская археология*. – 1986. – № 3. – С. 158.

Рис. 157. План Сухогомольшанского могильника:

1–6 – локальные группы (I – VI); 7 – поминальные комплексы; 8 – ров; 9 – границы раскопа.

ственным рвом. Он хорошо прослеживается на восточной и частично юго-восточной окраине, где изгибался в сторону балки. По предположению В. К. Михеева, назначение рва заключается не только в желании оградить место захоронения умерших и изолировать его от живущих, но и в практических целях его использования¹. Судя по топографии, ров мог выполнять функцию дренажной системы, предохранявшей могильник от разрушения сточными водами.

Для всего Сухогомольшанского могильника установлен единый обряд захоронения – трупосожжение на стороне. Местом сожжения умерших была территория за пределами могильника, но рядом с ним, о чем свидетельствует серповидной формы «зольник», расположенный с восточной стороны за рвом. «Зольник» насыщен древесными угольками, кусочками сильно обожженной глины, ку-

¹ Там же. – С. 158

сочками стекловидного шлака, оплавленными бусинами и другими предметами со следами действия огня.

По способу захоронения остатков сожжения все погребения Сухогомольшанского могильника разделяются на две группы: урновые и ямные (безурновые). Они имеют соотношение, соответственно 55,5 и 44,5 %. После сожжения трупа на «зольнике», оставшиеся кости складывались в урну (рис. 158). При этом отмечен не очень тщательный сбор остатков кремации для погребения в могилы. Сосуды-урны ставились в могилу либо дном вверх, либо дном вниз. В качестве урн использовалась обычная бытовая посуда, представленная на данном могильнике лепными горшками различных размеров, качества и орнаментации¹. Иногда урны накрывались и ставились на подстилку. Для этого использовались придонные части и стенки лепных и гончарных горшков, обломки раннесредневековых амфор и плитки песчаника. При наличии подстилки остатки сожжения ложились на нее и накрывались сверху урной. В одной урне погребались остатки только одного человека, иногда в одной могильной яме помещались две погребальные урны.

Погребальный инвентарь (рис. 159; 160) обычно помещали в урну или под нее. В единичных случаях рядом с урнами ставились сосуды-приставки (рис. 161), в качестве которых служили лепные и гончарные кухонные горшки, иногда аналогичные урновым.

отличие от урновых захоронений, все ямные относятся к группе погребений с остатками костра, иногда очень значительными. В некоторых погребениях древесный уголь и зола слоем перекрывали очищенные костные остатки. Но в большинстве кремированные кости смешаны с остатками погребального костра.

Для ямных захоронений в могильнике характерны три формы ям: 1 – круглые; 2 – овальные (эллипсоидные); 3 – подпрямоугольные (прямоугольные с закругленными углами). По ширине ямы также бывают трех категорий: малые – 12–28 см; средние – 28–66 см (они преобладают); большие – 66–114 см. В отношении глубины ведущее место принадлежит ямам, дно которых находится на расстоянии от 32 до 52 см от поверхности. Ямы малой глубины (12–32 см), как и большой (52–77 см), редки².

На Сухогомольшанском могильнике зафиксировано четыре основных направления в ориентации погребальных ям: север – юг, северо-запад – юго-восток, северо-восток – юго-запад и запад – восток. Встречаются и промежуточные направления. В ямах, как и в урнах, хоронили по одному умершему. В ямные погребения ста-

¹ Там же. – С. 159–160.

² Там же. – С. 162.

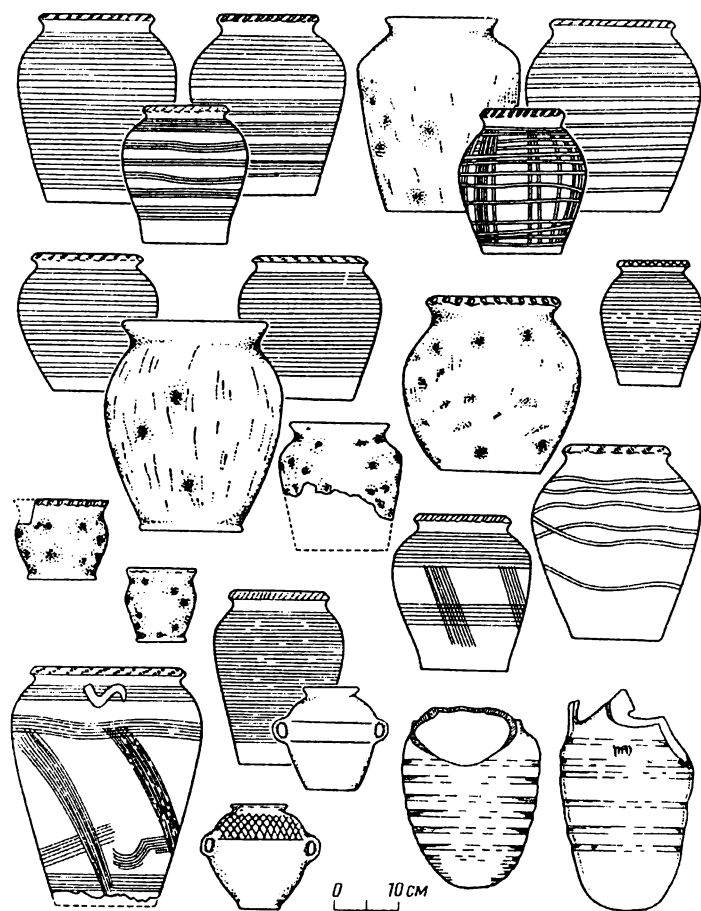

Рис. 158. Урны из погребений
Сухогомольшанского могильника.

вили иногда один, редко два сосуда. Обычно это кувшины и кружки.

Возле могил устраивались тайники, в которые клали поминальные вещи. Обычно в состав поминального комплекса входили предметы вооружения, снаряжения коня и орудий труда. Они зарывались в ямки глубиной до 70 см. Например, вещи, относящиеся к погребению № 17, принадлежавшему богатому всаднику, находились в двух ямках. В одной из них, расположенной с юго-восточной сто-

роны погребения, были сложены вместе деформированное стремя, железная подпружная пряжка, и два ножа в ножнах, от которых сохранилась железная обойма. Во второй ямке с северо-западной стороны погребения было зарыто недостающее в паре второе сломанное стремя¹. Помимо вышеназванных предметов, в поминальных комплексах обнаружены перстни с овальным цельнолитым щитком и с жуковиной; бронзовые литые туалетные коробочки; копоушки из бронзы; фибулы; боевые топорики с различной конструкцией обуха, треугольными и трапециевидными лезвиями².

Исследовавший могильник в с. Сухая Гомольша В. К. Михеев пришел к выводу, что могильник возник как кладбище двух общественных групп. Одна из них была, очевидно, крупнее другой. Эти

¹ Там же. — С. 164–165

² Там же. — С. 167, 170, 171.

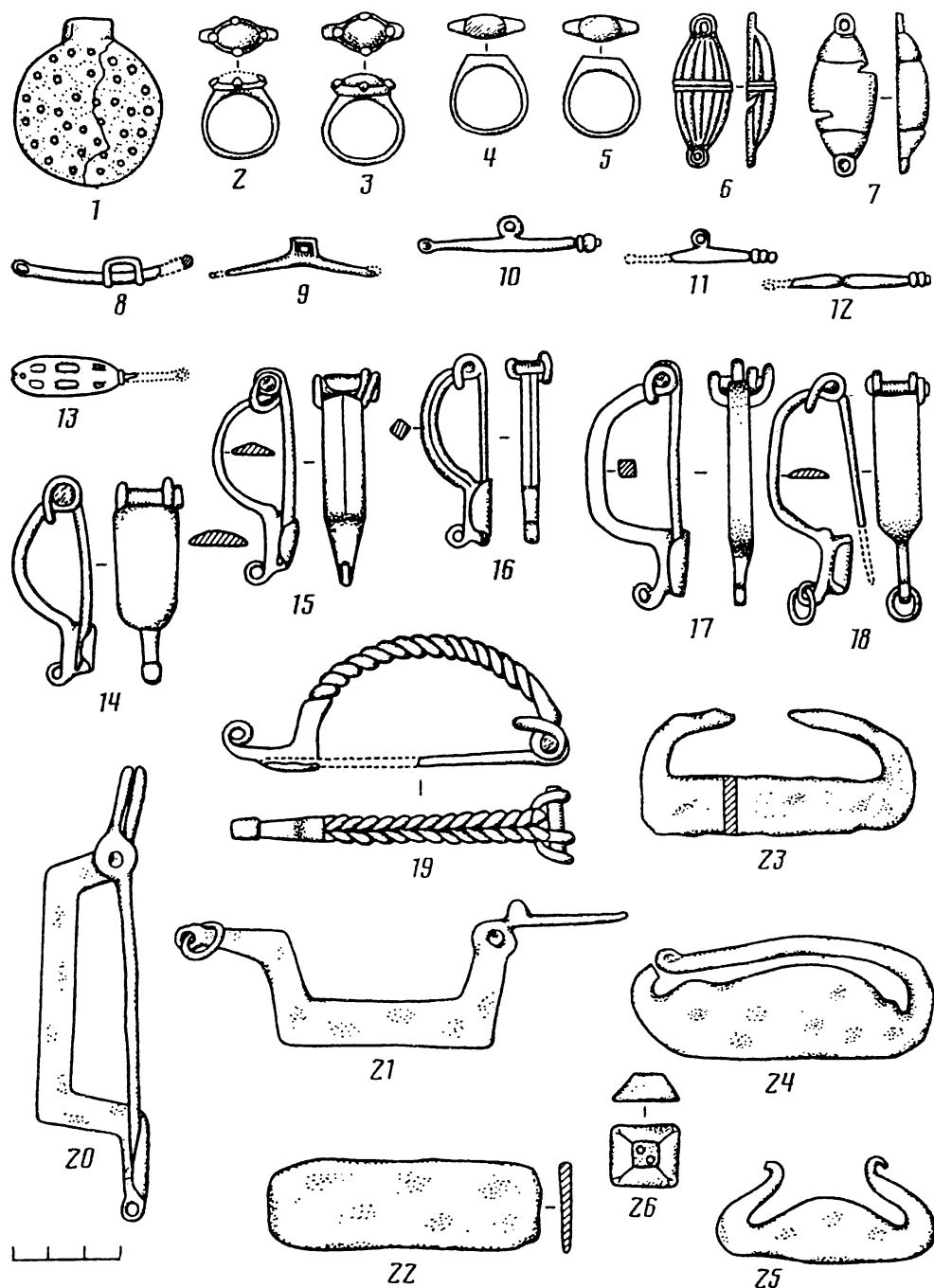

Рис. 159. Инвентарь из трупосожжений
Сухогомольшанского могильника.

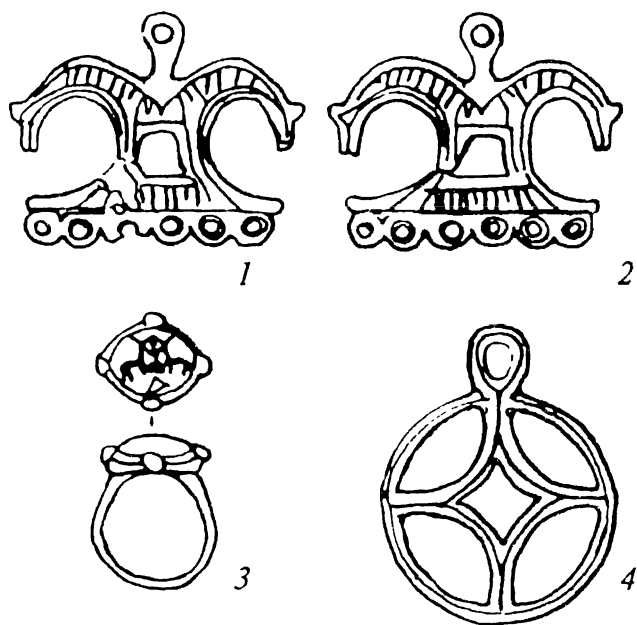

Рис. 160. Вещи из могильника Сухая Гомольша (по В. К. Михееву):

1–3 – погребение 167; 3–4 – погребение 185.

в окрестностях Сухой Гомольши существовал еще один могильник *салтово-маяцкой культуры*. В мае 2002 г. при проведении земляных работ на правом высоком берегу безымянного притока реки Гомольша были найдены три вещевых комплекса (захоронения с погребальным инвентарем) *салтовского* времени, которые попали к харьковскому коллекционеру О. В. Стяглику. В августе того же года экспедиция Харьковского исторического музея провела обследование местонахождения комплексов, в результате чего было установлено, что территория предполагаемого могильника была полностью уничтожена при прокладке двух линий нефтепровода высокого давления «Шебелинка–Москва» в 60-е гг. XX в. Во всех трех погребениях были захоронены воины-всадники Хазарского каганата. Найденные в захоронениях вещи (рис. 162–165), по многочисленным аналогиям могут быть датированы второй половиной VIII – третьей четвертью IX вв.²

На территории Балаклеевского района расположен Красногорский могильник (открыт в 1984 г.), относящийся к одному из самых изу-

две социальные группы принадлежали, по-видимому, к одному этносу. Кроме того, выделяются погребения, принадлежавшие высшему руководящему слою Сухогомольшанского городища – т. н. военная или дружинная группа. Эта группа по археологическим данным прекратила свое существование в первой половине IX в. Сам же могильник функционировал на протяжении второй половины VIII – первой половины X вв.¹

По всей видимости,

¹ Там же. – С. 166, 171, 172

² Аксьонов В. С. Нові випадкові знахідки комплексів воїнів-вершників салтівського часу на Харківщині / В. С. Аксьонов // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 61, 69.

ченных захоронений салтовской культуры в верховьях Северского Донца. Этот могильник занимает высокий правый берег Донца. Основная часть Красногорского могильника была раскопана в период 1984–1994 гг. Для него характерен сложный обряд: трупоположение, трупосожжение в ямах и урнах. Общая площадь изученной археологами части могильника составляет 5 000 м². К 1998 г. здесь

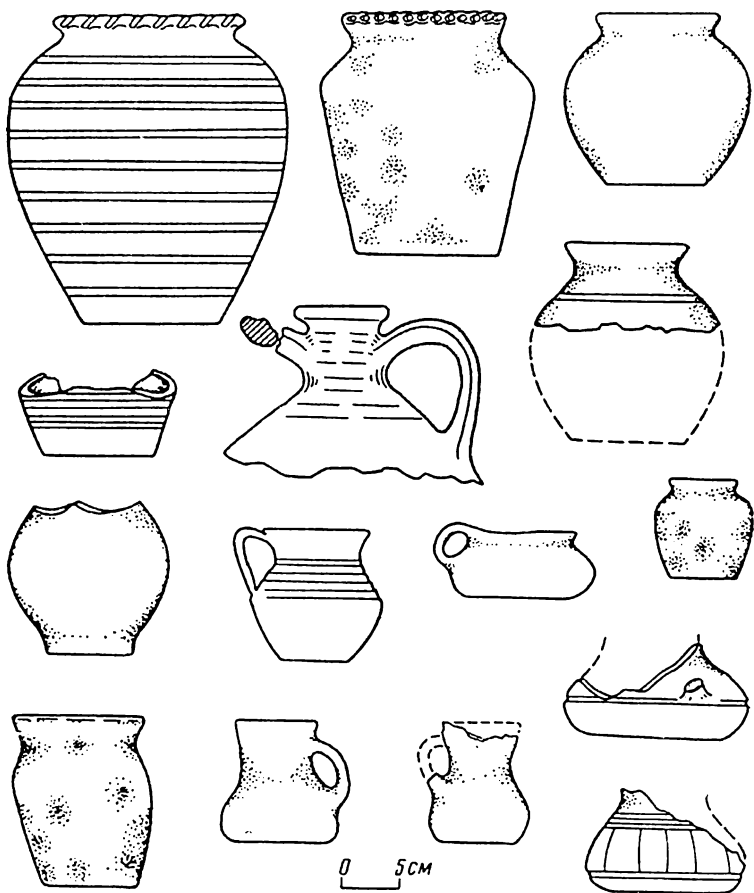

Рис. 161. Сосуды-приставки к урнам из погребений Сухогомольшанского могильника.

было исследовано 310 захоронений, из них 121 кремация. На могильнике Красная Горка известно лишь одно сожжение, накрытое перевернутой вверх дном урной, тогда как на Сухогомольшанском могильнике таких погребений 84, почти в 1,5 раза больше захоронений, где урны находились в своем нормальном положении. В Красногорском могильнике не встречены захоронения, дно могильных ям которых было преднамеренно подмазано глиной, или захоронения, где останки кремации были помещены на специальную подстилку из плиток песчаника, обломков сосудов, как это имело место в захоронениях могильника Сухая Гомольша. В воинских захоронениях Красногорского могильника отсутствуют крупные кольчатые сбруйные соединители ремней, очень редки железные поясные пряжки¹.

¹ Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (По материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) / В. С. Аксёнов // Вісник Харківського

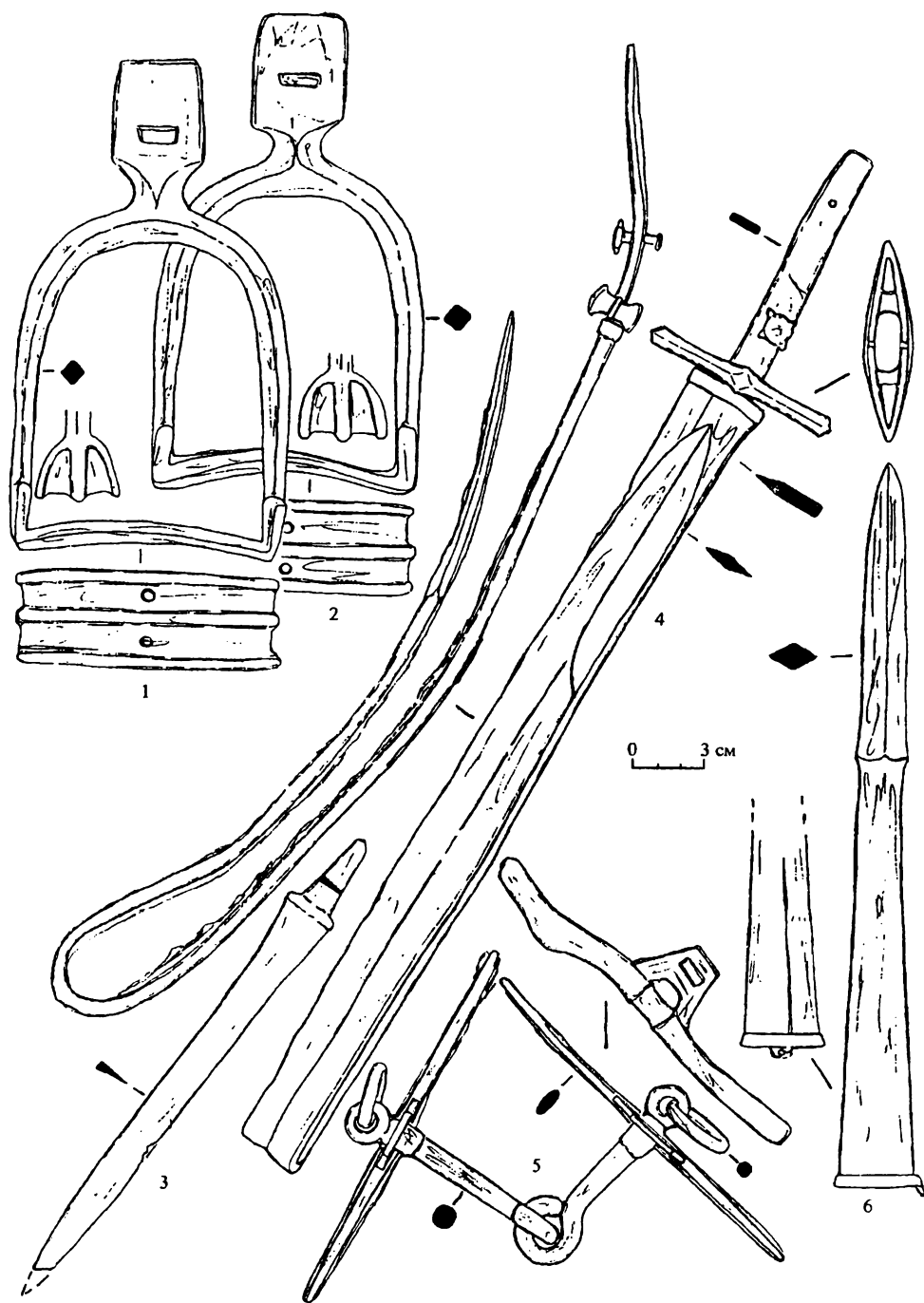

Рис. 162. Вещи из комплекса № 1 могильника Сухая Гомольша-2:

1-2 – стремена; 3 – нож; 4 – сабля; 5 – удила; 6 – наконечник копья.
1-6 – железо.

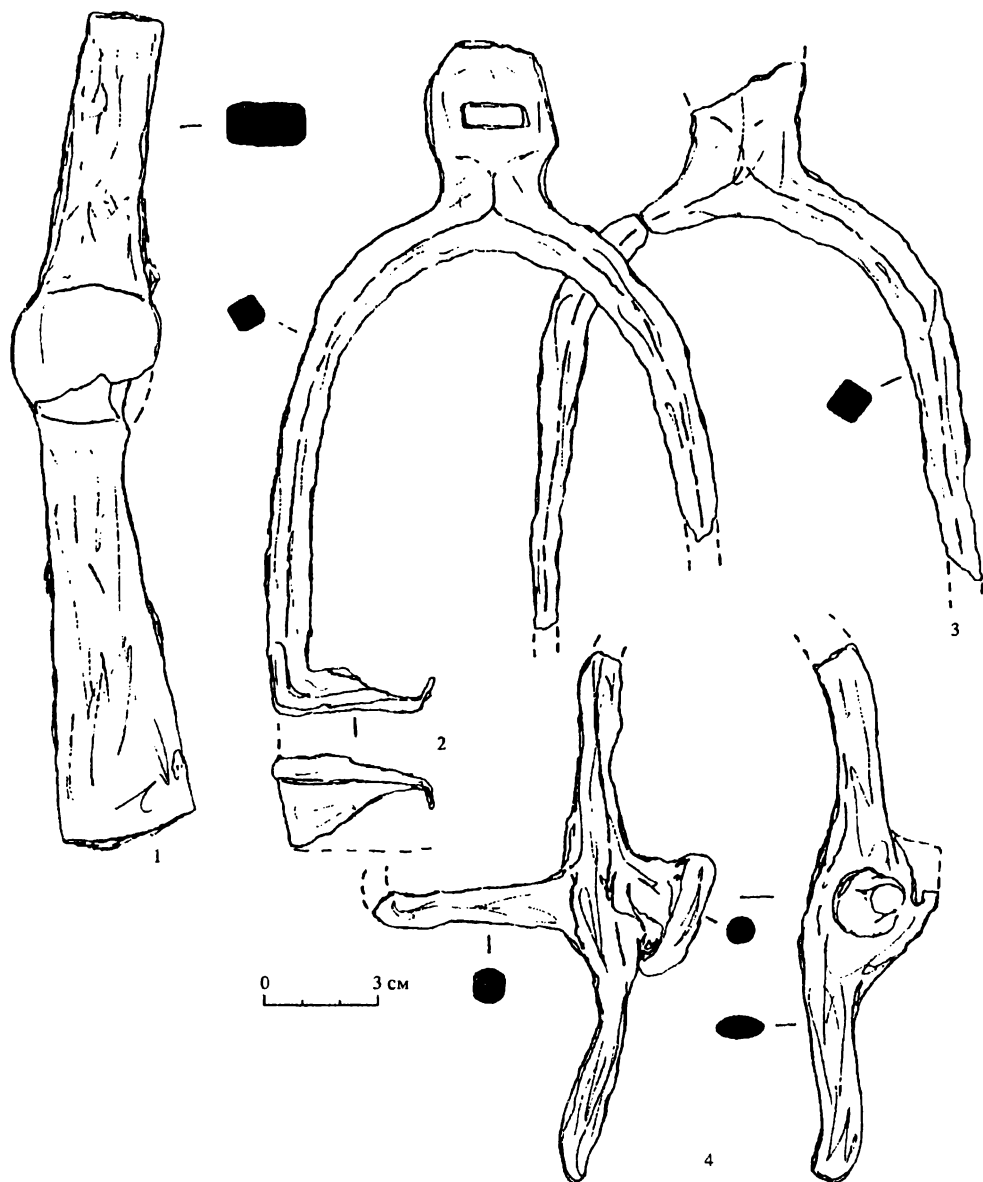

Рис. 163. Вещи из комплекса № 2 могильника Сухая Гомольша-2:

1 – топорик-чekan; 2, 3 – стремена; 4 – удила. 1-4 – железо.

Исследователи отмечают большую включенность красногорского населения в структуру салтовского общества. В. С. Аксенов относит Красногорский могильник к разряду дружинных, оставленных смешанным воинским контингентом¹.

¹ Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (По материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) / В. С. Аксёнов // Вісник Харківського університету. – 1998. – № 413 : Історія. – Вип. 30. – С. 48.

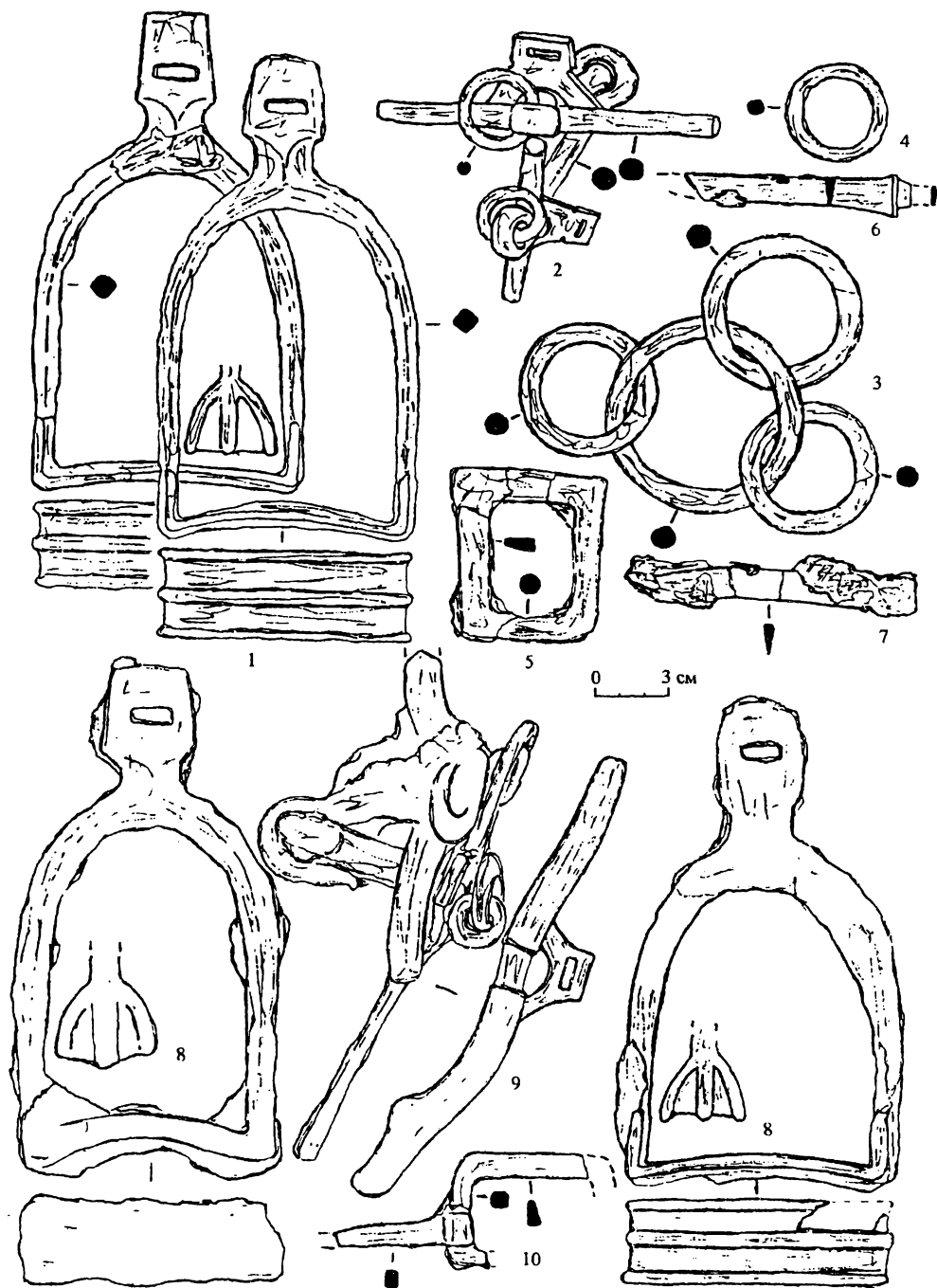

Рис. 164. Вещи из комплекса № 3 могильника Сухая Гомольша-2:

1, 8 – стремяна; 2, 9 – удила; 3 – пальчатый соединитель ременной конской сбруи; 4 – сбруйное кольцо; 5, 10 – сбруйные пряжки; 6-7 – ножи. 1-10 – железо.

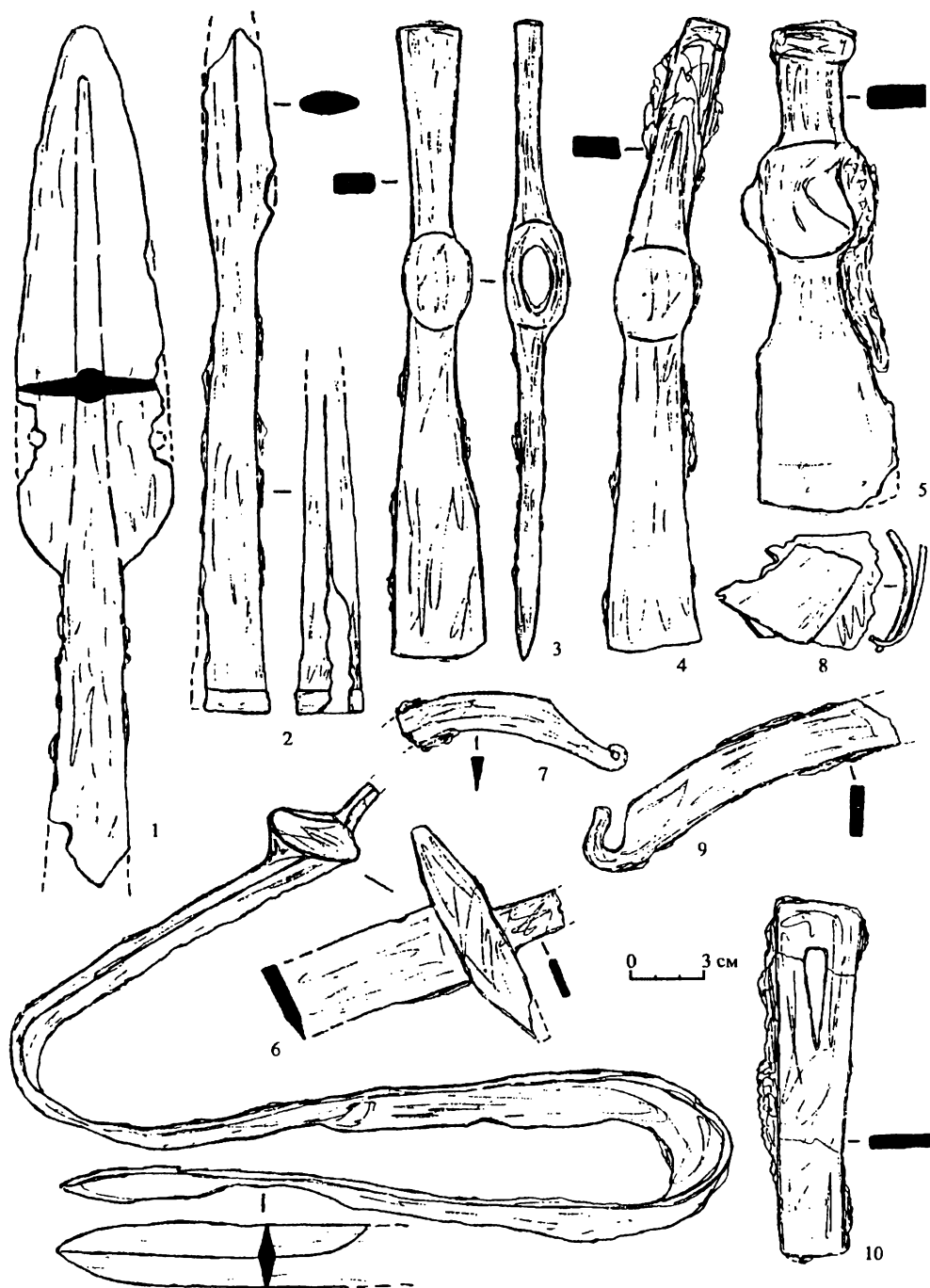

Рис. 165. Вещи из комплекса № 3 могильника Сухая Гомольша-2:

1, 2 – наконечники копий; 3, 4, 5 – топорики-чеканы; 6 – сабля; 7 – складной серп; 8 – пластины от котла; 9 – фрагмент дуговидной ручки котла; 10 – петля от котла. 1-10 – железо.

Вероятно, кремационный погребальный комплекс существовал в пределах современного Чугуева. Об этом, как считает Г. Е. Сви-стун, свидетельствуют две пережженные сферические бусины, обнаруженные во время раскопок 2009 г. Они были изготовлены из стеклянной пасты. По мнению археолога, этот комплекс, скорее всего, был разрушен в позднесредневековый период¹.

Грунтовой могильник *салтово-маяцкой культуры* расположен в Балаклее на северо-восточной окраине города, справа от шоссе-ной дороги на Волохов Яр, перед железнодорожным мостом. Здесь изредка встречаются ямные могилы с подбоем².

Несколько захоронений находятся возле Мохначанского городища. Еще в начале XX в. на городище нашли глиняный сосуд с пережженными костями. К западу от городища, в самом селе, находится катакомбный могильник. За внешним валом городища раскопано одно ямное захоронение по обряду трупоположения с западной ориентировкой. Возле погребенного лежал боевой топорик с трапециевидным лезвием³.

В Чугуевском районе на юго-западной окраине поселка Новая Покровка расположен могильник с погребениями по обряду кремации. Данный могильник был исследован в 1949 г. Ю. В. Кухаренко⁴. Особенностью Новопокровского могильника является то, что все его трупосожжения находятся только в ямах⁵.

§ 6.10. Войско Хазарского каганата и предметы вооружения *салтово-маяцкой культуры*

Войско Хазарского каганата было наемным. Аль-Масуди, писавший в 20–50-х гг. X в., сообщает, что «русы и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его челядь»⁶. Фактический правитель Хазарии (с IX в.) – бек – налагал на богатых хазар обязанность поставлять в войско посильное коли-

¹ Свистун Г. Е. Разрушенное кремационное погребение на Чугуевском городище? / Г. Е. Свистун // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вып. 8. – С. 6–7, 8.

² Михеев В. К. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця / В. К. Михеев // Вісник Харківського університету. – 1974. – № 104 : Історія. – Вып. 8. – С. 97; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 37; Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий / В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 75–76.

³ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 10–11.

⁴ Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 135; Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (По материалам Сухомольшанского и Красногорского могильников) / В. С. Аксёнов // Вісник Харківського університету. – 1998. – № 413: Історія. – Вып. 30. – С. 48.

⁵ Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий / В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 76.

⁶ З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Алі ібн-Хусейна (Аль-Масуди) // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–III ст. – С. 67.

чество всадников. На службе у бека состояла конница, численностью 10 000–12 000 всадников, либо находившихся у него на постоянной службе и на жаловании, либо выставлявшихся аристократами в виде вассальной повинности. Инвентарь воинских сожжений, известный из Сухогомольшанского (рис. 166) и Красногорского могильников, указывает на существование легкой конницы, тогда как наличие профессиональных воинов-пехотинцев материалами из захоронений никак не подтверждается. Вероятно, в случае необходимости роль пехоты могли выполнять отряды ополченцев, состоящие из свободных мужчин и вооруженных кто чем может¹. К тому же выводу приходит В. Г. Бережанский, утверждающий, что войско Хазарии состояло из профессиональных наемников и феодального ополчения².

В салтовском обществе существовал слой профессиональных воинов, который был достаточно неоднородным и включал воинов с различным имущественным положением. По-видимому, дослужиться до высоких воинских чинов, можно было, как благодаря определенным достижениям в ратном деле, так и по принадлежности к социальной верхушке общества³.

Гвардия кагана состояла из мусульман-наемников, переселившихся из прилегающих к Хорезму земель. Аль-Масуди называет их *лариссии*, или *ал-арсии*. С. А. Плетнева предполагает, что это были остатки аорсов-алан, обитавших, по словам Бируни, в нижнем течении Амударьи⁴. О. Б. Бубенюк и Д. А. Радивилов считают «народ ал-арсийя и этнические группы асов и аланов близкородственными, но отдельными этносами, проживавшими во времена античности и средневековья не только в Хазарии, но и в районе Хорезма»⁵. Возможно, что гвардия выполняла также полицейские функции. Из 10 000 постоянных конных воинов хазарского царя, 7 000 составляли наемники-*ал-арсии*. Отсюда можно сделать вывод об *ал-арсиях*, как об ударной силе хазарского войска, имевших значительные позиции в хазарском обществе⁶.

В. С. Аксенов, исследуя вопрос об уровне вооруженности салтовского населения, приходит к выводу, что в этот период «военная функция уже не принадлежала всем взрослым мужчинам

¹ Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (По материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // В. С. Аксёнов // Вісник Харківського університету. – 1998. – № 413 : Історія. – Вип. 30. – С. 50

² Бережанский В. Г. Военное дело Хазарского каганата / В. Г. Бережанский // Проблеми історії та археології України. – Х., 2001. – С. 87–88.

³ Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (По материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // В. С. Аксёнов // Вісник Харківського університету. – 1998. – № 413 : Історія. – Вип. 30. – С. 43.

⁴ Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 60.

⁵ Бубенюк О. Б. Народ ал-арсийя в Хазарии (из истории хазаро-хорезмийских связей) / О. Б. Бубенюк, Д. А. Радивилов // Хазарский альманах. – М.: Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 17.

⁶ Там же. – С. 6

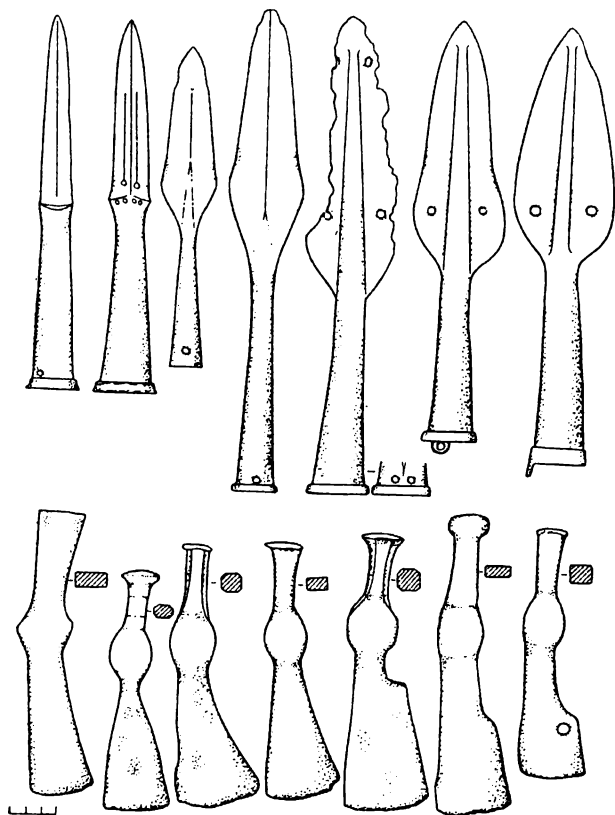

Рис. 166. Наконечники копий и топоры-чеканы из погребений Сухогомольшанского могильника.

салтово-маяцкой культуры у с. Андреевка (ныне Сахновщинский район) случайно найден боевой топор-чекан³. Один комплекс обоженных вещей, характерных для воина-всадника, был найден на левом берегу Северского Донца возле *салтовского* городища у с. Мохнач⁴. В погребениях *салтовских* воинов-всадников, относящихся к остаткам второго Сухогомольшанского могильника, были найдены две сабли, стремяна, удила, топор-чекан, два железных ножа, наконечники копий, металлические детали сбруи⁵.

общины, а перешла к представителям социальной верхушки; оружие перестало быть атрибутом каждого свободного общинника и стало показателем принадлежности к элите общества»¹.

Набор вооружения войск и племен Хазарского каганата достаточно разнообразен. Оружие *салтово-маяцкой культуры*² находят, в основном, в могильниках. К этой категории находок относятся сабли (рис. 167 и 168), боевые топоры, кистени, наконечники стрел и копий, ножи, предметы конской упряжи: удила и стремяна (рис. 169), пряжки. В с. Соколово, у хутора Прогоня, в 1948 г. найдена сабля

¹ Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (По материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) / В. С. Аксёнов // Вісник Харківського університету. – 1998. – № 413 : Історія. – Вип. 30. – С. 43.

² Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 79.

³ Там же. – С. 121.

⁴ Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша / В. К. Михеев // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 165.

⁵ Аксёнов В. С. Нові випадкові знахідки комплексів воїнсько-вершників салтівського часу на Харківщині / В. С. Аксёнов // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1-2. – С. 61

Рис. 167. Сабля салтово-маяцкой культуры из могильника Красная Горка (Балаклеяский район).

Рис. 168. Сабля салтово-маяцкой культуры из могильника Красная Горка (Балаклеяский район).

По вопросу типологии клинкового оружия *салтовской культуры* в последнее время вышла работа А. М. Голубева и М. Н. Григорьянца. Авторы типологии отмечают, что найденные в Лесостепи однолезвийные клинки делятся на два типа: палаши (меч с одной заточенной стороной) и сабли (палаш, имеющий выпуклость лезвия)¹.

Типологию стремян и удилов кочевников восточноевропейских степей разработал А. В. Крыганов².

В собраниях Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в г. Чугуеве хранится цельнометаллическая сабельная гарда. Деталь украшена узором, составленным из отрезков золотой проволоки, уложенной в толще эмали, которая нанесена поверх позолоты. Данное изделие по своим характеристикам принадлежит ко второму типу перекрестий сабель, согласно типологии А. Н. Кирпичникова³.

В 1973 г. В. К. Михеев при раскопках Сухогомольшанского могильника нашел комплекс № 5, содержащий, кроме всего прочего, и боевой топор удлинённых пропорций с плоским обушком и симметричным лезвием: небольшие выемки-бородки в двух сторон ограничивали полотно топора. Ранее топор такого типа был

¹ Голубев А. Н. К вопросу о классификации клинкового оружия у племён салтовской культуры / А. Н. Голубев, М. Н. Григорьянец // Харьковський історико-археологічний збірник. – 2009. – Вип. 5. – С. 135–146.

² Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические стремяна второй половины VII–X вв. / А. В. Крыганов // Вісник Харківського університету. – 1988. – № 316 : Історія. – Вип. 22. – С. 108–114; Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические удила VII–X вв. / А. В. Крыганов // Вісник Харківського університету. – 1989. – № 343 : Історія. – Вип. 23. – С. 95–101.

³ Свистун Г. Е. Сабельная гарда Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в г. Чугуеве / Г. Е. Свистун // Харьковський історико-археологічний збірник. – 2009. – Вип. 5. – С. 131, 132.

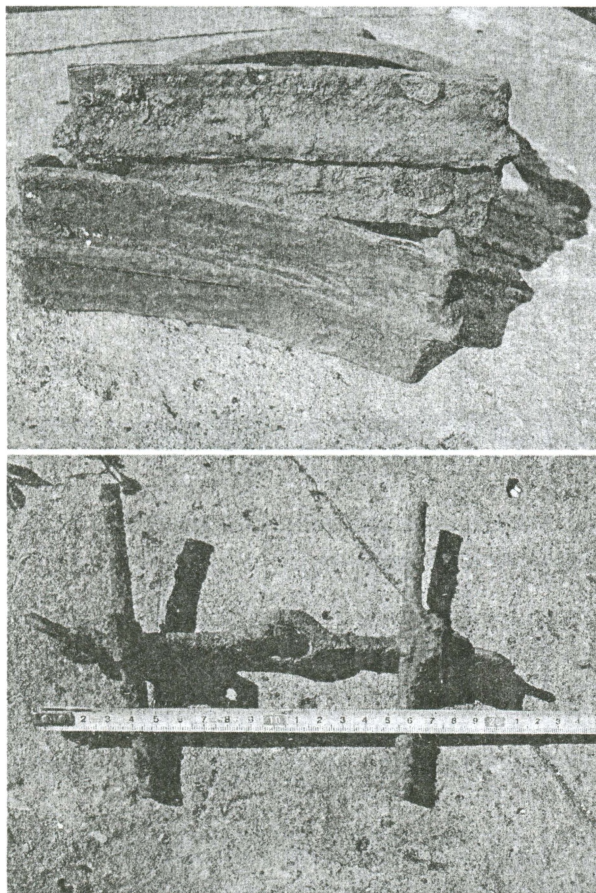

Рис. 169. Стремена и удила салтово-маяцкой культуры, случайно найденные во время проведения строительных работ в одном из курганов близ г. Балаклея.

Фото сделано в июле 2009 г.

найден только единожды, в России (у г. Стерлитамак, Башкирия). Следующая находка топора такой формы на территории *салтово-маяцкой культуры* относится к 1978 г., когда в с. Кочеток (Чугуевский район) при рытье траншеи под газопровод был найден комплекс вещей VIII–IX вв. (рис. 170 и 171). Боевой топорик имел трапециевидное лезвие с треугольной лункой и небольшой квадратный обушок. Наконец, последняя находка этого типа относится к 1991 г., когда на Красногорском могильнике (Балаклейский район) в кремационном погребении № 254 был найден топор схожего вида. Топорик имеет ярко выраженный молоточковидный обушок и, кроме традиционной выемки в нижней части лезвия, у него есть ассиметричный выемке (смещенный к проушине) выступ

на спинке, нехарактерный для *салтовских* топоров. В свете вышесказанного А. А. Лаптев поставил вопрос о дополнении классической типологии боевых топоров *салтово-маяцкой культуры*, разработанной С. А. Плетневой¹.

Имеющиеся наконечники стрел, найденные на памятниках *салтово-маяцкой культуры* Змиевщины, – железные, черешковые. По форме пера они делятся на три группы: трехлопастные, граненные и плоские. Отдельные их типы были распространены с конца I тыс. до н. э. до XIV в. Все они вписываются в типологическую схему

¹ Лаптев А. А. Боевые топоры племён салтово-маяцкой культуры / А. А. Лаптев // *Актуальні питання вітчизняної та всесвітньої історії*. – 2006. – Вип. 9. – С. 21–22.

А. Ф. Медведева. Плоские черешковые наконечники стрел использовались как во время охоты, так и на войне.

Все салтовское оружие находило такое же применение, что и древнерусское. Наконечники дротиков и копий представлены рядом типов. Оригинальными являются массивные и длинные наконечники с двумя отверстиями (см. рис. 166).

В комплексах Сухогомольшанского могильника были найдены наконечники копий, боевые топоры. Относительно топоров (рис. 172) следует сказать, что такой вид оружия был широко распространен у населения салтово-маяцкой культуры, начиная с VIII в.¹

Как уже было сказано выше, летом 1978 г. при рытье траншеи под газопровод на территории восьмилетней школы-интерната в с. Кочеток (Чугуевский район) был обнаружен целый комплекс предметов вооружения салтовского воина. Ковшом экскаватора был поднят из земли целый набор предметов вооружения и конского снаряжения, состоящий из 13 наконечников стрел, наконечника копья, боевого топора, петли и крючка от колчана,

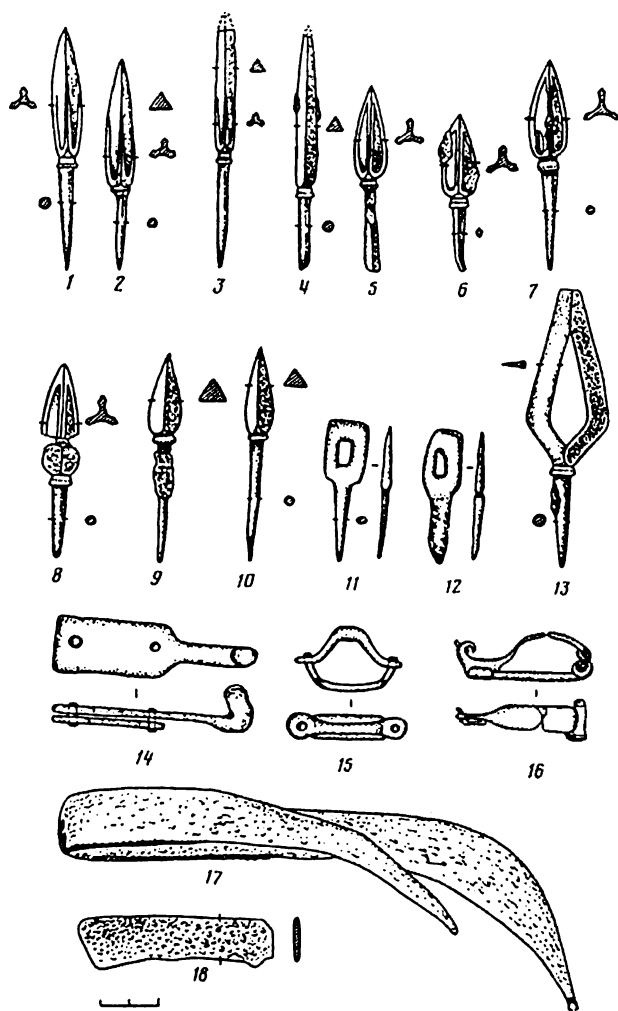

Рис. 170. Железные предметы из погребения салтовского воина у с. Кочеток:

1-13 – наконечники стрел; 14 – крючок от колчана; 15, 16 – железные петли от колчана; 17 – большой серп; 18 – железная пластинка.

¹ Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце / А. К. Дегтярь // Советская археология. – 1984. – № 2. – С. 242.

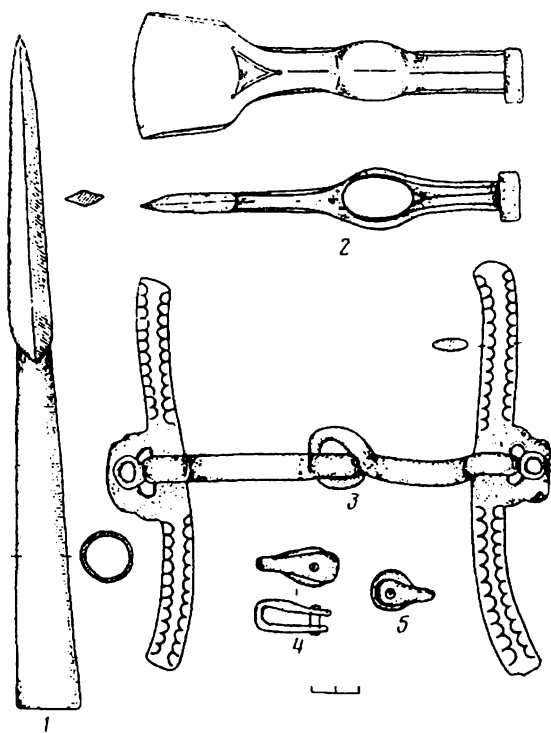

Рис. 171. Железные предметы из погребения салтовского воина у с. Кочеток:

1 — наконечник копья; 2 — топор; 3 — удила; 4, 5 — железные бляшки от оголовья узды.

месте находки отсутствовали. Место, где был найден комплекс, находится в 80–100 м от южного края большой балки, выходящей к берегу Северского Донца. Расстояние от реки до этого места приблизительно 1 км².

Кистени в комплексе вооружения хазар известны уже с начала VIII в. Они подразделяются на два вида по способу подвешивания: кистени с ушком и кистени с продольным сквозным отверстием. Кистени с продольным сквозным отверстием просто подвешивались на ремешке и могли использоваться как всадниками, так и пешими воинами. Кистени с ушком крепились с помощью ремешка к деревянной ручке.

То, что воины Хазарского каганата (рис. 173–176) представляли собою довольно значительную силу, отражено в древнерусской

двух соединительных бляшек от оголовья узды, удила с плоскими s-видными псалиями, согнутого пополам серпа, железной пластинчатой фибулы, небольшой железной пластинки, обломка бронзового браслета и нескольких фрагментов средневековой амфоры. Все эти находки хранятся ныне в Музее им. И. Е. Репина в г. Чугуеве. Учитель истории интерната присутствовал при обнаружении комплекса и тщательно обследовал место находки¹.

Предметы обнаружены на глубине 60–65 см от современной поверхности. Пережатые человеческие кости на

¹ К большому сожалению, в статье А. К. Дегтяря не указано имя этого учителя истории. — Прим. авт.

² Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце / А. К. Дегтярь // Советская археология. — 1984. — № 2. — С. 239.

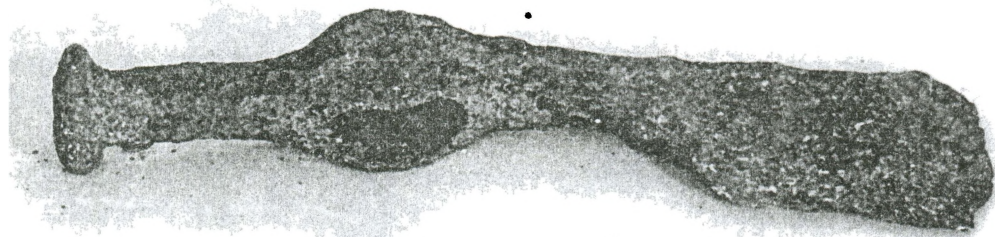

Рис. 172. Боевой топор-чекан салтово-маяцкой культуры.

былине «Бой Ильи Муромца с Жидовином». По сюжету былины, неизвестный всадник проехал из земли из Жидовской мимо богатырской заставы в Цыцарской степи. Богатыри решаются на погоню. Выбор падает на есаула Добрыню, поскольку Гришка боярский сын, Васька Догополоый и Алеша Попович недостаточно хороши для погони – один хвастлив, другой неповоротлив, а третий корыстен. Однако, увидев всадника, Добрыня Никитич уехал на заставу богатырскую. Только атаман Илья Муромец решается на схватку с неизвестным всадником. Сначала поединщики сражаются на копьях, потом на палицах, а затем врукопашную. Только одолев противника, Илья узнает, что его враг – это «у Жидовинихи, сын Жидовин». Илья отрубает ему голову¹. Данная былина отражает тяжелый и длительный процесс перехвата у Хазарии Русским государством ведущих геополитических позиций в регионе.

§ 6.11. Торговля и данничество

Отраслевой раздел производства сопровождался ростом меновых отношений, развитием внешней и внутренней торговли. Первые хазарские города возникают именно как торговые центры. При этом монеты как деньги не использовались хазарами, отдававшими предпочтение именно меновой торговле. Из халифата в Хазарию поступало некоторое количество серебряных монет – дирхемов. Но археологи находят их редко. Кладов куфических монет на Змиевщине пока еще не обнаружено вовсе². Но это объясняется тем, что местные мастера переплавляли монеты на серебро и изготавливали из него украшения.

¹ Илья Муромец и Жидовин // Былины: В 25 т. / РАН; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб.; М., 2001. – Т. 2. Былины Печоры: Север Европейской России. – С. 425–426.

² Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII–третья четверть X вв.) / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 477–478.

Рис. 173. Хазарский всадник-лучник.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

Рис. 174. Легковооружённый хазарский всадник.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

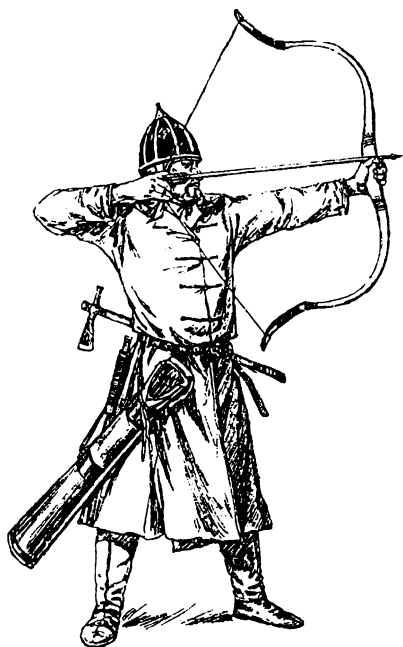

Рис. 175. Хазарский воин-лучник.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

Рис. 176. Тяжелооружённый хазарский всадник и его лошадь в упряжи.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

Вблизи с. Коропово, где располагалось одно из *салтово-маяцких* поселений, была найдена византийская монета Льва VI (886–912 гг.)¹. По находкам в Коробовых Хуторах фиксируются торговые отношения местного раннесредневекового населения с Крымом, Приазовьем и Поволжьем².

В Змиеве, на правом берегу реки Северский Донец в 1860 г. был найден клад с аббасидскими дирхемами середины VIII в. Здесь же найден дирхем 761 г., чеканенный в Истархе³. Тогда же, в 60-х гг. XIX в., на территории Змиевского уезда (место находки сейчас неизвестно) был найден аббасидский дирхем, чеканенный в 756–757 г. Позже, в 1885 г. при раскопках городского вала в Змиеве был найден дирхем, чеканенный в Истархане в том же 756–757 г.⁴

А. Н. Ракитянская, возглавлявшая в 1924 г. «краеведческий кружок при Змиевском клубе им. тов. Буздалина», сообщает следующее: «Житель хут. Гудимова И. В. Картавых передал мне найденные, при [про]полке [огорода], три серебряные монеты с арабскими надписями. Монеты были найдены возле усадьбы Дудникова (городища)». Эти монеты были переданы профессору А. С. Федоровскому⁵.

На городище Мохнач еще в середине XX в. случайно был обнаружен неопределенный серебряный дирхем. В 2001 г. в дождевой промоине был найден обрезанный серебряный дирхем середины X в., чеканенный в Средней Азии. В 2005 г. при раскопках *салтовского* захоронения найден фрагмент серебряного арабского дирхема⁶.

Дирхем табаристанского наместника Омара был найден в с. Гайдарах Змиевского района⁷.

Находки монет дают основание предполагать существование на территории Змиевщины торговых поселений *салтово-маяцкой культуры*, аналогичных Верхнему Салтову. Думаем, эта мысль очевидна, ибо торговля между славянским населением и Востоком

¹ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин // Свод археологических источников. – Вып. Е4-4. – М., 1962. – С. 11; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 76.

² Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 110.

³ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) / А. К. Марков. – СПб., 1910. – С. 52; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 75; Бейдин Г. В. Клады и монеты Харьковщины / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. – С. 46.

⁴ Данилевич В. Е. Карта монетных кладов и находки единичных монет в Харьковской губернии / В. Е. Данилевич // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – Т. 1. – С. 394.

⁵ АО МКЗЛ. – Ф. 14. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 4.

⁶ Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2005 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свистун. – Х., 2006. – С. 55 // НИИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды; Бейдин Г. В. Клады и монеты Харьковщины / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. – С. 48.

⁷ Бейдин Г. В. Клады и монеты Харьковщины / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. – С. 45.

до середины IX в. велась главным образом по Северскому Донцу (так называемый «хазарский путь»)¹.

А. А. Тортика отмечает, что в I тыс. н. э. условия судоходства на Северском Донце были сложными из-за низкого уровня воды и наличия многочисленных порогов, отмелей и других преград. Исследователь связывает это с засухливостью климата в того времени: «Несмотря на некоторые разночтения между специалистами, можно говорить о том, что относительно засухливый период продолжался в Восточной Европе с середины и вплоть до конца I тыс. н. э. В лесной зоне выпадало мало дождей, следовательно, в летнее время реки плохо снабжались водой, мелели, изобиловали порогами и отмелями, затруднявшими судоходство. Только в период весеннего половодья, продолжающегося местами до начала – середины июня, условия для судоходства в реках Восточной Европы были достаточно благоприятными. Именно в это время, судя по данным Константина Багрянородного, и начинается наиболее активная речная навигация»².

Исследовательница истории кочевых народов С. А. Плетнева склоняется к мнению, что хазарские купцы вели транзитную торговлю³.

Предметами импорта были, прежде всего, различные украшения: серьги, браслеты, перстни. С юга и из Византии хазары получали разнообразные изделия, особенно широко расходились стеклянные бусы, доставлявшиеся из городов Передней Азии и Египта. С Востока и Кавказа поступали зеркала; амфоры и ойнохи привозились из крымских и приазовских гончарных мастерских. Часть привозимых товаров оседала в Хазарии, часть вывозилась в славянские земли.

Аль-Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают, что «Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея»⁴. Из этого сообщения исследователи делают вывод: главным предметом экспорта был рыбий клей⁵. По сообщению Ал-Масуди, сами хазары не занимались мореплаванием. А. А. Тортика предполагает, что морскую торговлю каганата вели евреи⁶. Данные письменных и археологических источников говорят о пребывании евреев-иудаистов в Крыму еще в I–VIII вв. н. э.⁷

¹ Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 225.

² Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII–третья четверть X вв.) / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 463, 465–466.

³ Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 56.

⁴ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М., 2008. – С. 188.

⁵ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 54; Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 56.

⁶ Тортика О. О. Еврей в Хазарському каганаті та Київській Русі / О. О. Тортика // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 22.

⁷ Айбабін О. І. Євреї в античному і ранньосередньовічному Криму / О. І. Айбабін // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 16.

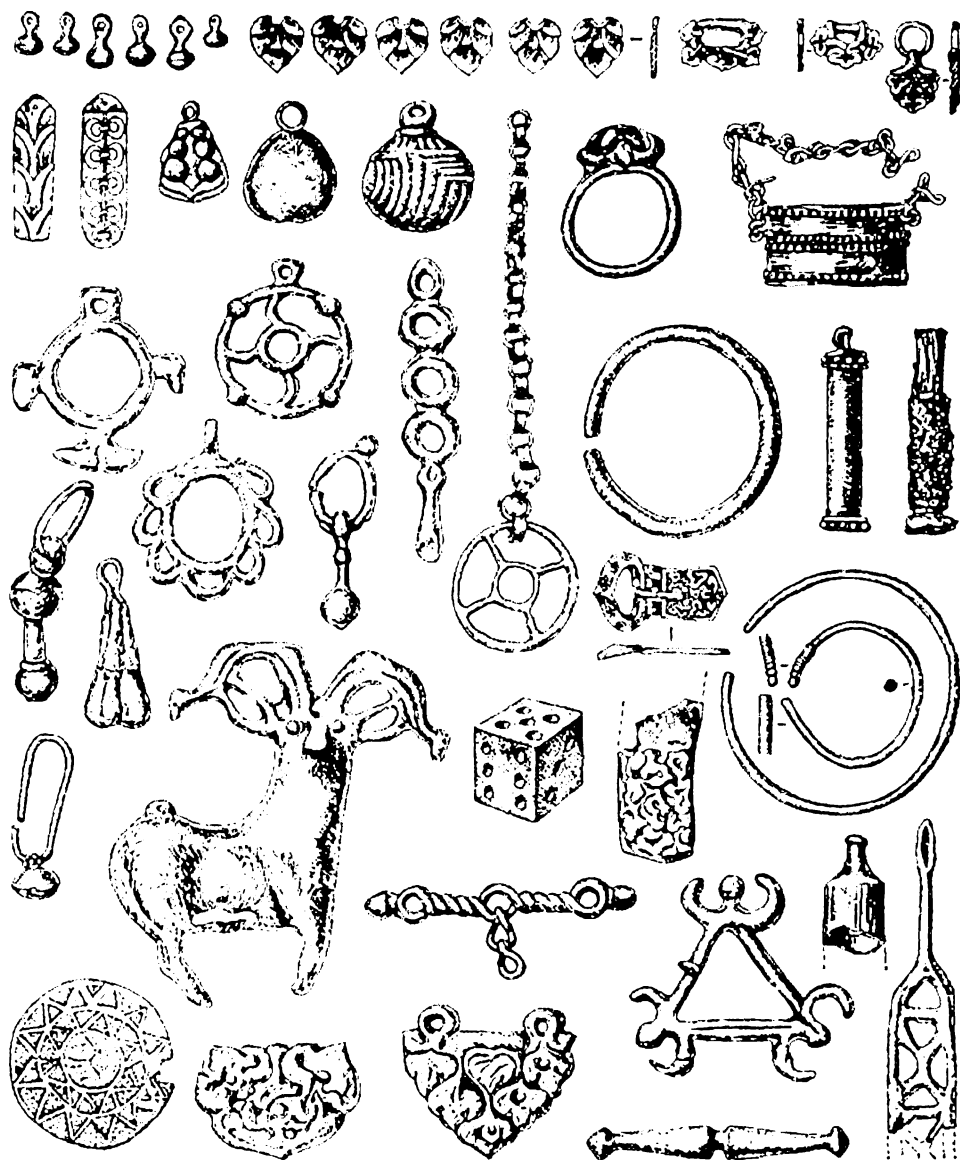

Рис. 177. Украшения и предметы убора салтовской культуры из Верхнего Салтова и Нетайловки.

Ибн аль Факих Хамадани в своей «Книге стран» сообщает: «Славяне (сакалиба) едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; потом выплывают они по морю к Самкушу еврейскому; далее они направляются в страну славян (сакалиба) или переходят из моря славянского в ту реку, которая называется Славянской рекою, для того, чтобы пройти в залив (рукав? — халидж)

Хазарский (аль-хазар), и там берет с них десятину властитель хазар; потом выплывают они к морю Хорасанскому»¹.

Отдельной статьей дохода Хазарии являлась дань, которую хазары взимали с соседних народов. До арабских войн это были северокавказские горные племена, аланы и оседлое население Боспора. После арабских войн данью были обложены славянские племена полян, северян, вятичей. Об этом факте сообщается в русской летописи: «... а Козаре нмахуѣ на поланехъ, и на бѣверехъ, и на вѣтичехъ, нмахуѣ по бѣлѣ и вѣверицѣ тако отъ дыма»². Правда, поляне в скором времени освободились от этой подати, о чем летопись передает интересную легенду: «И нандоша а козарѣ, гѣдаша въ лѣсѣхъ на горахъ, и ркоша козарѣ: “Платите намъ дань”. Здиумавше же полане и вдаша отъ дыма мечь. И несоша козарѣ къ князи своимъ и къ старейшинамъ своимъ и рѣша имъ: “Се, налѣзохомъ дань нову”. Они же рѣша имъ: “Откуда?”, Они же рѣша имъ: “В лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкон Днепрѣскон”. Они же ркоша: “Что сѣтъ вдалѣ?” Они же показаша мечь. И рѣша старци козарѣстїи: “Не добра дань, княже! Мы донскахомъ оружьемъ одной страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье оконци остро, рѣкше мечи. Он нмѣтъ нмѣти и на насъ дань и на нѣхъ странахъ”. Се же събыстьа все: не отъ своимъ вола ркоша, но отъ Божїа изволеннымъ» (рис. 178)³.

Следует думать, что значительную часть прибыли хазарским купцам приносила торговля живым товаром. Изучив вопрос работорговли в период существования Хазарского каганата, А. А. Тортика пришел к следующим выводам. В IX–X вв. в качестве основного товара выступали представители местного населения: славяне, балты, финно-угры. В качестве работорговцев – русы и восточные купцы. Самостоятельные походы за рабами совершали угры, печенеги, болгары и хорасанцы. При этом, для кочевников захват рабов всегда был ориентирован на внешнюю торговлю. И никогда не являлся основным видом обеспечения жизненных потребностей⁴. Если Л. Н. Гумилев главными работорговцами Ха-

¹ Ибн аль Факих Хамадани. Книга стран // Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.) / А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. – С. 251; Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в.: По данным Ибн Хордадбега и Ибн ал Факиха / Т. М. Калинина // История СССР. – 1986. – № 4. – С. 75; Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. / А. П. Новосельцев (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. – М., 2000. – С. 292.

² «...хазары берут дань с полян, северян, и вятичей, берут по серебрянной монете и по белке от дыма». *Повість врем'яних лїт: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка.* – К., 1990. – С. 28/29.

³ «И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: “Платите нам дань”. Поляне, посоветавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: “Вот, новую дань нашли”. Те же спросили у них: “Откуда?” Они же ответили им: “В лесу на горах над рекою Днепром”. Опять спросили те: “А что дали?” Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: “Не на добро дань эта, княже: мы добыли её оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель”. И сбылось всё это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле». Там же. – С. 24/25.

⁴ Тортика А. А. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 2. / А. А. Тортика // *Східний Світ.* – 2004. – № 3. – С. 78, 79.

Рис. 178. Славяне приносят дань хазарам.

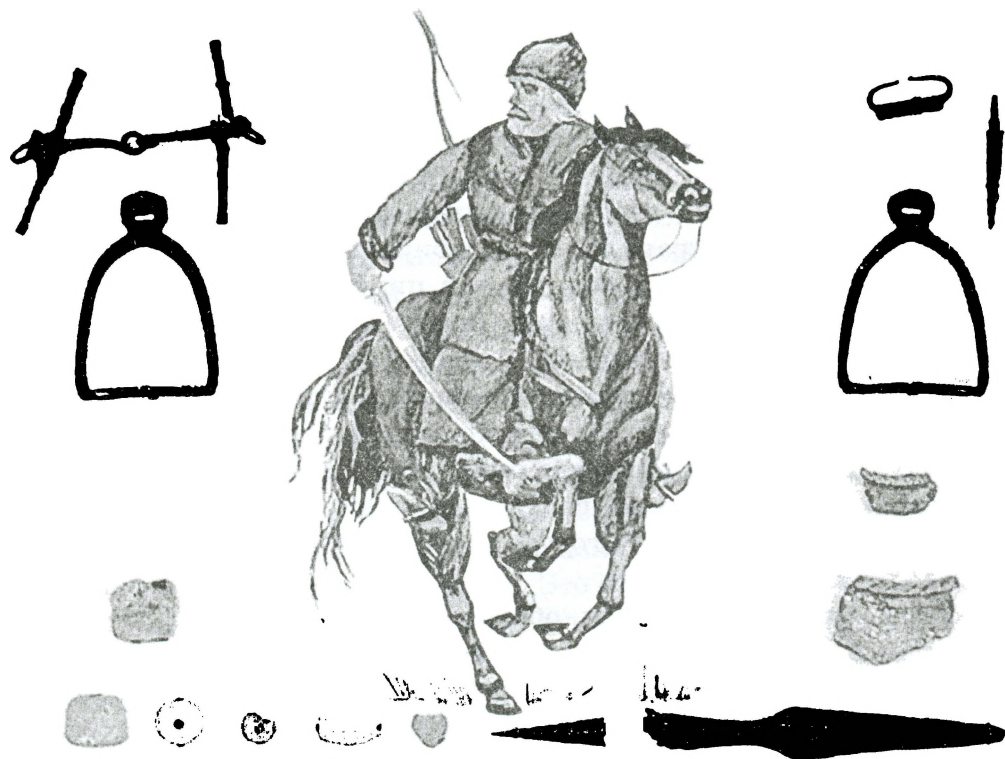

Рис. 179. Предметы салтово-маяцкой культуры.

зарию считал еврейских купцов¹, то А. А. Тортика отводит эту роль русам, поскольку в отличие от Средиземноморья и Западной Европы здесь, в Восточноевропейском регионе, евреи не могли кон-

¹ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 170–172.

курировать с русами. Активизация работоторговли в хазарское время была обусловлена, по мнению исследователя, экономическим расцветом Арабского халифата, нуждавшегося в притоке рабочей силы, и существованием сильного хазарского государства. В отличие от русов, хазары не были активными участниками работоторговли, а лишь монополистами наиболее важного, нижневолжского, торгового пути¹.

§ 6.12. Политическое и социальное устройство Хазарского каганата

Разносторонней и развитой экономике Хазарского каганата соответствовали столь же развитые общественные отношения. Наверху сложной иерархической лестницы стояла родовая аристократия. Сложной эта лестница была потому, что по ней распределялись князья разноэтнических родов и орд. Хазары, подчиняя себе различные племена и орды, сохраняли всю правящую верхушку побежденных народов, связывая ее с собой вассалитетом². Характерно, что Хазарское государство не стремилось ограничить этническую самобытность и государственную автономию подчиненных племен и народов, ограничиваясь сбором дани, набегами и контрибуциями. Вершину социальной пирамиды в каганате, очевидно, занимала феодальная аристократия хазарского происхождения. Она состояла из высших представителей хазарских родов и имела наследственные землевладения, собственные поля и виноградники³. Аланские и болгарские аристократы были равны в правах с хазарскими. Единственным ограничением было то, что они никогда не могли достигнуть каганского престола – каганом (тюрк. *қаған* «суверенный государь») мог быть только хазарин-тюрк из рода Ашина.

Болгарские ханы сумели обойти ограничение на каганскую власть. Они добились для самого знатного и богатого рода права соуправления государством. После арабских войн, когда каган был вынужден принять мусульманство, а государство хазар ослабло, болгары полностью табуировали кагана, связав его по рукам и ногам различного рода мистическими и традиционными обычаями. Реальная же, фактическая власть перешла к болгарским вы-

¹ Тортика А. А. *Работоторговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата*. Ч. 2. / А. А. Тортика // *Східний Світ*. – 2004. – № 3. – С. 81, 83.

² Плетнёва С. А. *Хазары* / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 58–59.

³ Михеев В. К. *О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1)* / В. К. Михеев // *Археология Славянского Юго-Востока*. – Воронеж, 1991. – С. 49.

движенцам, которые в арабских источниках называются царями. Обычное их название в научной литературе – бек.

Власть кагана стала символической и держалась на глубочайшем народном почитании. В глазах простых хазар каган был олицетворением божественной силы. Он имел 25 жен из дочерей подвластных ему правителей и народов, 60 наложниц, и являлся залогом благополучия государства. В случае серьезной военной опасности хазары выводили своего кагана, один вид которого, как считалось, мог обратить врага в бегство. Правда, при каком-либо несчастье: военном поражении, засухе, голоде и т. п., знать и народ могли потребовать смерти кагана, так как бедствие напрямую связывалось с ослаблением его духовной мощи.

По существовавшему тогда обряду при возведении на престол нового кагана ему набрасывали на шею шелковую петлю и, хорошо придушив, спрашивали о том, сколько он собирается царствовать. Когда каган в полубессознательном состоянии называл число лет, его возводили на престол. Если правитель, процарствовав данный срок, не умирал своею смертью – его умерщвляли. Максимальный срок правления кагана ограничивался сорока годами. По истечении этого времени его убивали, так как по верованию хазар, ум и рассудок кагана, а также его божественная сила ослабевали, и он уже был не в состоянии приносить пользу своему народу.

Каган, лишенный власти, превратился в своего рода жертвенное животное, которое при любом слухе об ослаблении его божественной силы можно было спокойно убить по требованию народа или бека. Каган был вынужден благословлять все действия бека и его иудейского окружения. Каган был удален от народа, жил в полном затворничестве в своем дворце под пристальным надзором бека.

Хазарский каганат можно охарактеризовать как раннефеодальное государство кочевнического типа. Однако классовая дифференциация его еще полностью не оформилась. Это объясняется расчлененностью хазарского общества на многие религиозные, этнические, профессионально-экономические и другие группы. Археологические материалы *салтово-маяцкой культуры* свидетельствуют об интенсивном социальном размежевании, которое произошло у подданных Хазарского каганата. Плужное земледелие привело к распаду первобытнообщинных отношений, усилило индивидуализацию производства, сделало более значительной роль отдельных семей. Появление у кочевников ремесел и развитие орудий труда способствовали этому процессу.

Общественное распределение труда содействовало распаду доклассового общества, усилению социальной и имущественной дифференциации населения.

Раннефеодальное общество еще во многих отношениях стоит близко к первобытнообщинному строю. Это выражается, в частности, в наличии общины, не всегда сохраняющейся в зрелом феодализме, в существовании широких слоев юридически свободных производителей, а также слоев и лиц, занимающих промежуточное положение между свободными и феодально-зависимыми; специфическом характере функций господствующей прослойки и т. п. В то же время для раннефеодальных обществ характерно наличие довольно сильной центральной власти. При еще относительной незрелости и неразвитости аппарата подавления (полиция, тюремные заведения, армия) только такая власть способна обеспечить новому феодальному классу его господствующие позиции. Наконец, по тем же причинам – из-за относительной неразвитости и несовершенства аппарата принуждения – для раннефеодального общества характерны различные формы коллективной, вассально-даннической зависимости¹.

Скорее всего, на ранних этапах своего существования Хазария представляла собой раннефеодальное государственное образование, в котором преобладала эксплуатация одних этносов другими и вассально-даннические формы зависимости. Иногда хазары пользовались более примитивными формами эксплуатации – грабежами и контрибуциями². Данническая зависимость распространялась на славянское население Змиевщины. В это время на восточнославянских землях начинался процесс создания государства, однако, славяне жили еще отдельными племенными союзами. Значительная часть славянских племен, попав после многочисленных военных столкновений под власть хазар, платила им дань. В числе данников были поляне, северяне, радимичи, вятичи. Академик П. П. Толочко, исследуя данную проблему, подчеркнул, что, например, «ни к полянам, ни к Киеву хазары не имели иного отношения, кроме того, что на определенном этапе истории, скорее всего, во второй половине VIII столетия они распространили на них податную зависимость»³.

Так или иначе, Русь росла и крепла в условиях политической борьбы с экспансией. Соседство Хазарии и Руси не могло пройти для них бесследно. Русь влияла на развитие каганата в той же мере, в какой Хазария влияла на развитие ее экономической жизни и политических структур.

В социальном отношении общины алан, проживавших на Змиевщине, делились на две основные группы: алдар и асфад. Первые

¹ Там же. – С. 48.

² Там же. – С. 48.

³ Толочко П. П. *Київська Русь* / П. П. Толочко. – К., 1996. – С. 39.

представляли собой военизированную верхушку – «князей», вторые – рядовое войско¹. При этом следует помнить, что княжеская власть еще не передавалась по наследству, а доставалась самому талантливому воину рода.

На основании раскопок в Верхнем Салтове В. К. Михеев определил социальный состав аланского населения Подонцовья, состоявшее из трех групп:

- низшая (бедняки) – 43,7 %;
- средняя (земледельцы и ремесленники) – 34,2 %;
- высшая (служилая аристократия) – 22,1 %².

В 2010 г. на Мохначанском городище было изучено жилище зажиточного человека, который, судя по интерьеру жилища, был бывшим кочевником. На протяжении нескольких поколений в данной семье накапливались и передавались в наследство вещи престижного характера. Все эти вещи хранились в особом тайнике жилища³.

В административном отношении Северо-Западная Хазария состояла из военно-территориальных общин, которые, по-видимому, совпадали с родовыми. В основе административного устройства была большая семья, численность которой могла достигать до сотни человек. Две-три такие семьи составляли такую боевую единицу, как десяток⁴.

Следующей административной единицей было объединение нескольких территориально-родовых общин, возглавляемых беком. А. А. Тортика называет такое объединение «простым вожжеством». По мнению исследователя, «простое вожжество» соответствовало боевой единице, условно называемой сотня. Центрами объединенных общин были городища с посадами и селищами, расположенными поблизости⁵.

Весь регион, таким образом, представлял собой несколько «простых вожеств», объединенных под властью «главного вождя». «Главное вожжество» (по терминологии А. А. Тортики) соответствовало такой боевой единице, как тысяча. По всей видимости, роль «главных вождей» выполняли назначаемые правители – тудуны. Территорией Подонцовья управляли три тудуна (по одному в каждом «главном вожестве»), расположенных в бассейнах Северского Донца, Орели и Тихой Сосны. Тудуны выполняли пограничные,

¹ Тортика А. А. *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)* / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 134.

² Там же. – С. 134.

³ Колода В. В. *Житло зі схованкою речей на городищі Мохнач* / В. В. Колода // *Археологія*. – 2011 – № 4. – С. 96.

⁴ Тортика А. А. *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)* / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 136–137.

⁵ Там же. – С. 138–140.

военные и мобилизационные функции. В их обязанности также входил сбор налогов, податей и дани¹.

Вероятно, к середине VIII в. на большей части территории Хазарии распространился общий язык. Бируни сообщает, что языком алан, живших в Итиле, было смешанное хорезмийско-печенежское наречие. Следовательно, даже ираноязычные аланы восприняли уже тюркский язык основного тюркоязычного населения каганата – болгар и хазар, относящийся к болгаро-печенежской группе тюркских языков. На всей территории страны, от лесостепи до нижнего Дона, широко использовалась руническая письменность, принятая у тюркоязычных народов². *Салтово-маяцкая* разновидность рун возникла в IX в³. Судя по археологическим данным, грамотность была весьма распространена среди простого населения⁴.

§ 6.13. Этнический состав Северо-Западной Хазарии

Хазарский каганат отличался весьма значительной этнической пестротой, в его пределах проживали аланы, болгары, угры, хазары, буртасы, остатки готского и греческого населения. Постоянно общаясь друг с другом, они создали единую в общих чертах культуру. Это единство отражалось в общности архитектурных приемов, близости бытового инвентаря (посуды, орудий труда), оружия и конской сбруи, женских украшений и амулетов, что свидетельствует о некоторой общности религиозных взглядов большинства населения Хазарского каганата⁵. В сферу влияния хазар попали также славянские племена полян, вятичей, радимичей и северян.

Этнический состав населения Змиевщины в период *салтово-маяцкой культуры* в археологическом отношении представлял собой более или менее однородный массив. Как показали исследования последних лет, в третьей четверти I тыс. лесостепные земли Змиевщины были населены аланами, болгарами, уграми, а также славянским населением *пеньковской и роменской культур*. Поречье Северского Донца было восточной границей расселения славян.

Лесостепной вариант *салтово-маяцкой культуры*, распространенный на Змиевщине, оставлен аланскими племенами. По подсче-

¹ Там же. – С. 140–142.

² Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 48.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 358.

⁴ Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 48.

⁵ Там же. – С. 46.

там В. К. Михеева «в Подонье переселилось около 30 тысяч алан»¹. Характер этого переселения, по утверждению С. А. Плетневой и В. К. Михеева, был вынужденным. Антропологические исследования установили тождество долихокраничных (длинноголовых) черепов кавказских и донских алан². По одной из версий, аланы были специально расселены хазарами по Северскому Донцу для защиты северо-западной границы каганата³. Эту гипотезу поддерживают также А. В. Гадло и А. А. Тортика⁴.

В ходе исследований установлено, что катакомбные захоронения следует связывать с аланами. Ямные же могильники, судя по иному антропологическому типу похороненных в них людей и по иному погребальному обряду, оставлены людьми, принадлежность которых определена как болгарская⁵. Как убедительно показал в своей работе В. С. Аксенов, деревянные конструкции в грунтовых захоронениях могильника Красная Горка салтовской культуры следует связывать с саморазвитием погребальной традиции праболгарского населения (рис. 180)⁶. О пребывании на Слобожанщине болгар свидетельствует название притока Мжи, Болгирев (совр. р. Болгар⁷), который упоминается в Книге Большому Чертежу: «А отъ Марсфы до верхъ рѣчки Болгиревъ верста 8; а рѣчка Болгиревъ пала въ Южъ»⁸. Возникновение болгар восходит к гуннскому времени, однако в формировании данного этноса, по-видимому, приняли участие различные тюркские племена, т. к. само тюркское слово *bulγa* имеет значение «смесь, смешанный»⁹. Хотя имеются и альтернативные расшифровки данного этнонима. Так, С. В. Финник выделяет 20 вариантов расшифровки¹⁰. В одной из предыдущих его работ количество вероятных расшифровок составляло 15¹¹.

¹ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 46.

² Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 42–43.

³ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья Приазовья в VIII – X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 46.

⁴ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. / А. В. Гадло. – Л., 1979; Тортика О. О. Соціально-політична та військова структура населення північно-західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2004. – Вип. 14. – С. 30.

⁵ Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 225; Дегтярь А. К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье / А. К. Дегтярь // Вестник Харьковского университета. – 1981. – № 214 : История СССР и зарубежных стран. – С. 76.

⁶ Аксёнов В. С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – 2002. – Т. 1. – С. 15–16.

⁷ Другое название данной реки Болгир.

⁸ Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 63; 74.

⁹ Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII–третья четверть X вв.) / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 42.

¹⁰ Финник С. В. К вопросу об обозначении народа болгар в источниках / С. В. Финник // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вып. 11. – Х., 2011. – С. 42–45.

¹¹ Финник С. В. Этноним кочевого народа болгар и его интерпретации / С. В. Финник // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вып. 8. – Х., 2011. – С. 87–89.

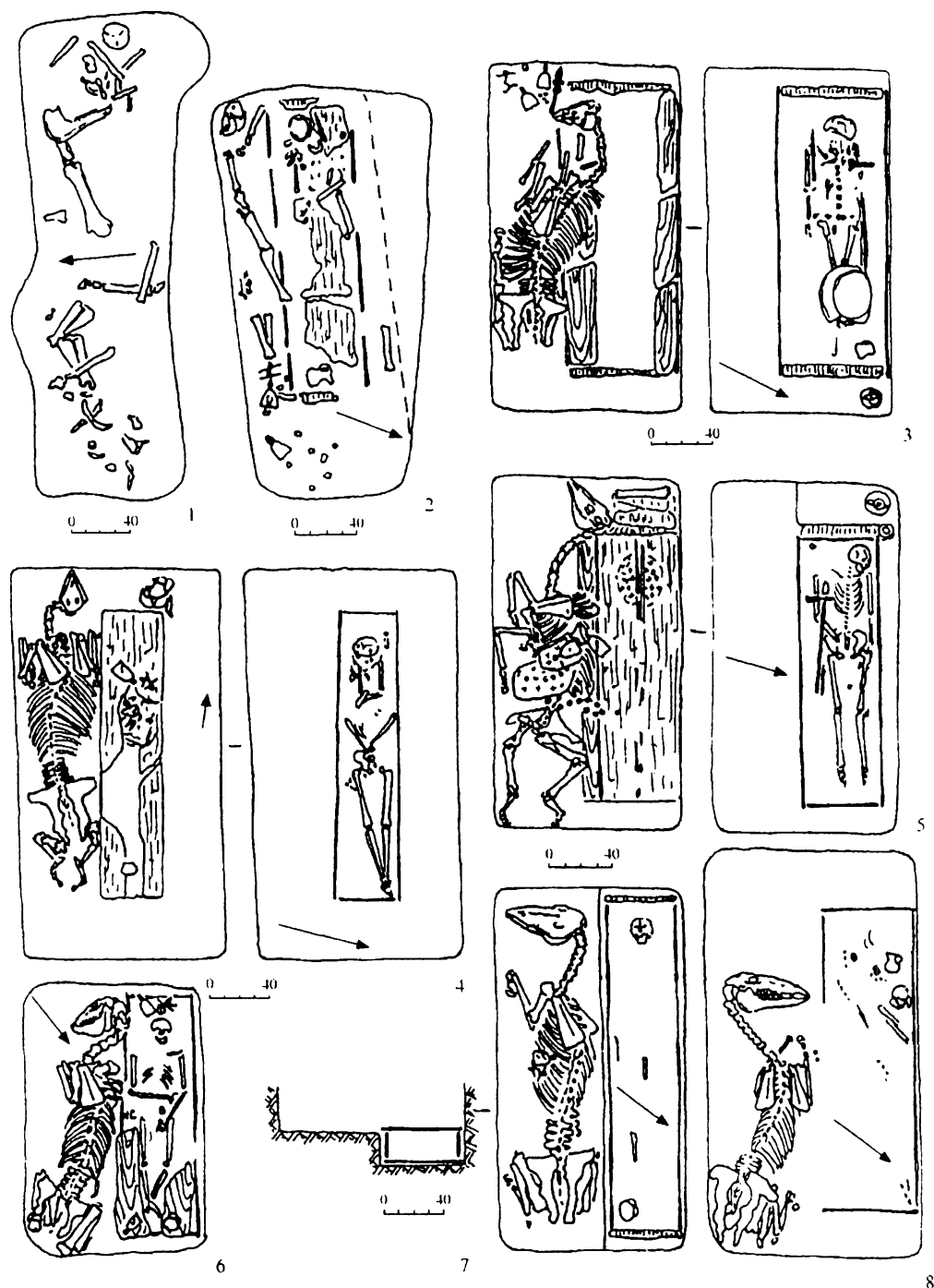

Рис. 180. Протоболгарские погребения с конём из могильников Нетайловка (1) и Красная Горка (2-8).

Проживавшие в лесостепи, в районе верхнего течения Северского Донца, общины болгар имели явно военизированный характер, вероятно, выполняя какие-то пограничные и военные функции. А. А. Тортика предполагает, что они на равных входили в общие с аланами военно-территориальные единицы¹. В. В. Колода придерживается мнения о военно-политическом доминировании в Змиевском регионе второй половине VIII–середине X вв. северокавказских алан².

Славянское население – носители *пеньковской* и *роменской* археологических культур – также заселяли лесостепь. Отдельные группы *пеньковского* населения остались здесь и после хазарской экспансии в Подонье. *Пеньковские* трупосожжения в урнах обнаружены в Дмитровском могильнике, *пеньковская* керамика известна из слоев VIII–X вв. на Донецком и Хорошевском городищах, где вместе с северянами обитали и носители *пеньковской культуры* – потомки антов. По-видимому, *пеньковское* население сохранилось на периферии ареалов этой культуры. С. А. Плетнева, считает, что «Обнаруженные на Дмитровском могильнике трупосожжения позволяют говорить о том, что верхнюю дату *пеньковской культуры* следует относить к концу IX в.»³.

Особенно примечательным в этом отношении является исследованный харьковскими учеными археологический комплекс у с. Сухая Гомольша. Там, вблизи *салтово-маяцкого* городища с каменными стенами, обнаружен ряд связанных с ним селищ. На одном из них, наряду с остатками *салтово-маяцкой культуры*, обнаружены пять жилищ и несколько хозяйственных ям с керамикой *пеньковского* типа⁴.

Из трупосожжений *салтовского* могильника Сухая Гомольша происходят несколько артефактов *пеньковского* типа. Так, например, из урнового трупосожжения № 29 происходит круглая подвеска диаметром 5,0 см, вырезанная из бронзовой пластины вместе с ушком, загнутым назад и образующим петлю для подвешивания. В центре подвески – двенадцать тисненых полусфер, композиционно составляющих ромб, внутри которого находится еще одна тисненая полусфера, но несколько большего размера. По краю подвески

¹ Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII–третья четверть X вв.) / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 128

² Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 113–114.

³ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 46–47.

⁴ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 44.

идет широкая кайма из трех рядов тисненых мелких бусинок. В ямной кремации № 54 того же Сухогомольшанского могильника была обнаружена бронзовая подвеска-ворворка в виде полого усеченного конуса высотой 1,5 см, меньший диаметр – 0,5 см, больший диаметр – 2,6 см. По нижнему краю проходит ряд мелких вертикальных насечек. По погребальному инвентарю захоронения № 29 и 54 могильника Сухая Гомольша датируются концом VIII – началом IX вв.¹ Необходимо оговориться, что обряд трупосожжения был характерен и для тюркских народов.

В совершенно не свойственном для *салтово-маяцких* древностей стиле оформлен конский начельник из кремационного погребения № 175 могильника Сухая Гомольша. На сохранившемся фрагменте начельника нанесен точечный чеканный орнамент в виде двух параллельных линий, по-видимому, идущих вдоль края изделия. Место соединения трубочки султана с пластиной начельника украшено двумя линиями точечной окантовки. Орнамент нанесен пробойником с оборотной стороны изделия. При этом на оборотной стороне образовывались луночки, а на лицевой стороне – небольшие круглые выпуклости. Все выше сказанное позволяет датировать и начельник, и само погребение № 175 Сухой Гомольши рубежом VIII – IX вв.²

Материалы раскопанного у Сухогомольшанского городища грунтового могильника с обрядовым трупосожжением свидетельствуют о проникновении славян-*пеньковцев* в среду носителей *салтово-маяцкой культуры*. Несомненно, что проникновение кочевников в лесостепную часть Змиевщины сопровождалось разнообразными контактами с ранними славянами-земледельцами. Например, обломки *роменской* (северянской) посуды обнаружены на двух селищах возле *салтово-маяцкого* городища у с. Мохнач. *Роменское* жилище и керамика найдены на *салтово-маяцком* Сухогомольшанском селище.

Кроме славян и алан, территорию Змиевщины, по-видимому, населяли племена угров (венгров). Во время раскопок 1973–1980 гг. на Сухогомольшанском могильнике было открыто семь трупосожжений с характерными бронзовыми коньковыми подвесками, ранее совсем неизвестные в древностях *салтово-маяцкой культуры*³. Данные подвески являются археологическим свидетельством

¹ Аксёнов В. С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). – СПб., 2010. – С. 74, 76..

² Там же. – С. 76.

³ Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша / В. К. Михеев // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 156

пребывания угров в восточноевропейских степях данного периода. При этом, как отмечает В. К. Михеев, «речь может идти не о какой-то отдельной угорской орде, быстро прошедшей через степи, а об организованном и вооруженном этносе, ... какое-то время совершавшего перекочевки и осевшего в среде алано-болгарского населения»¹. Позже, эту мысль подтвердил В. С. Аксенов, который полагает, что «с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии север – юг»². Дополнительным маркером пребывания в регионе представителей (или, скорее, представительниц?) угорского этноса являются некоторые типы зеркал (см. § 6.8).

В бассейне Северского Донца, на могильниках Сухая Гомольша и Красная Горка встречаются бронзовые или серебряные литые зеркала с центральной петлей и диаметром от 5 до 7 см. Данный вид зеркал связывается с шиповским этапом развития *сарматской культуры* юга Восточной Европы и относится ко II–III вв. н. э. По мнению В. С. Аксенова, наличие на памятниках *салтово-маяцкой культуры* таких зеркал однозначно свидетельствует о присутствии здесь выходцев из степных районов, сохранивших (несмотря на тесное общение с аланским населением) свои кочевые традиции и свойственные только им предметы материальной культуры³.

В работах С. А. Плетневой⁴, М. И. Артамонова⁵ и В. К. Михеева⁶ высказана мысль, что на протяжении середины VIII – середины X вв. происходило постепенное оседание кочевнических племен. Теорию об оседании (седентаризации) кочевников, как стадии формационного развития, отверг Л. Н. Гумилев. Его работа «Древняя Русь и Великая степь» подводит читателя к мысли о кочевой цивилизации, своеобразной и неповторимой, где земледелие сочетается с традиционным кочевым хозяйством⁷. Позднее эту идею развил и аргументировал А. А. Тортика⁸. Тем не менее, здесь, в лесо-

¹ Там же. – С. 166.

² Аксёнов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры) / В. С. Аксёнов // *Хазарский альманах*. – К., 2004. – Т. 3. – С. 19.

³ Аксёнов В. С. Бронзовые зеркала из грунтовых могильников салтовской культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 350-летию г. Харькова и 200-летию ХНУ им. В. Н. Каразина*. 4–6 ноября 2004 года. – Х., 2004. – С. 84–85.

⁴ Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнёва. – М., 1967.

⁵ Артамонов М. И. Ещё раз о степной культуре Евразии / М. И. Артамонов, С. А. Плетнёва // *Народы Азии и Африки*. – 1970. – № 3.

⁶ Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // *Археология Славянского Юго-Востока*. – Воронеж, 1991. – С. 43–50.

⁷ Гумилёв Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь* / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 64–66.

⁸ Тортика А. А. «Евразийство» в современной номадистике: возможности для использования в позитивном научном исследовании / А. А. Тортика // *Сходознавство*. – К., 2002. – Вып. 17. – С. 103–111.

степном Подонцовье оседание кочевников имело место. По мнению В. В. Колоды, это нашло свое отражение в своеобразии некоторых археологических памятников¹. Ранее считалось, что инфильтрация кочевников в лесостепную зону, населенную славянами, привела к тому, что поселения славян чередовались с поселениями *салтовцев*. Однако исследования последних лет говорят о более сложной картине этнических процессов, протекавших на Змиевщине в начале VIII – середине X вв. Ряд исследователей пришли к выводу, что на территории края во времена *салтово-маяцкой культуры* начал складываться новый, синкретический, этнос. В. В. Колода выяснил, что в сложении этой новой этнокультурной общности на Водяновском и Мохначанском городищах принимали участие севе-ряне (носители *роменских* традиций), аланы и болгары (носители традиций *салтовской культуры*)². Приблизительно то же происходило у *салтовского* населения Сухой Гомольши. В. С. Аксёнов, на основе скрупулезного анализа материалов Сухогомольшанского могильника, пришел к следующему выводу: «В среднем течении Северского Донца – на границе лесостепи и степи – в первой половине VIII в. также сложились условия для широких контактов разноэтничного населения, приведших к созданию в рамках *салтово-маяцкой культуры* нового этнического образования, представители которого и оставили могильник Сухая Гомольша. В сложении этого новообразования, наряду с местным населением (поздними «пеньковцами» и «колочинцами»), приняли участие и выходцы из степных районов юга Восточной Европы тюркско-угорского происхождения»³. Данное положение подтвердили и авторы 5-го тома «Хазарского альманаха»⁴.

Таким образом, в соответствии с данными археологии, территорию Змиевщины VIII – X вв. населяли славяне (*пеньковская и роменская культуры*), аланы (урновые трупосожжения *салтово-маяцкой культуры*), болгары (ямные захоронения *салтово-маяцкой культуры*) и угры (о пребывании которых говорят коньковые подвески Сухогомольшанского могильника и меридионально ориен-

¹ См.: Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // В. В. Колода // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 216–233.

² Колода В. В. Слово 'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 78–79; Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Р.-н.-Д., 2007. – С. 95.

³ Аксёнов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры) / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 20

⁴ Аксёнов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2006. – Т. 5. – С. 182.

тированные кремации). К тому же, в ряде населенных пунктов начался процесс образования нового, смешанного этноса, прерванного вторжением половцев.

Вероятно, население Змиевщины времен Хазарского каганата говорило на славянском языке. Наше предположение основывается на свидетельстве Ал-Бекри, восходящем к источнику X в.: «И главные из племен севера [Хазарии] говорят по-славянски, потому, что смешались с ними, как например, племена ал-Тршкин и Анклий, и Баджанакия, и Русы, и Хазары»¹.

§ 6.14. Религии Хазарского каганата

Каждое из племен, входивших в Хазарский каганат, исповедовало свою этническую политеистическую религию – язычество. Однако с самого раннего периода существования каганата здесь распространились и мировые религии: мусульманство и христианство. Для каждой группы населения существовали свои судьи. Аль-Масуди пишет, что в столице Хазарии, Итиле, «было семь судей: двое из них для мусульман, двое для хазар – эти судят по закону Торы, двое для тамошних христиан – эти судят по закону Евангелия, один же из них для славян, русов и других язычников, – он судит по законам язычества, то есть по закону разума»². Поэтому можно говорить об изначальном равноправии всех религиозных групп каганата, что наряду с относительным равенством представителей разноэтнической аристократии, служило основой прочности пестрой в этническом отношении Хазарии.

На начальном этапе развития, самой распространенной формой религии Хазарского каганата было язычество. На сегодняшний день, помимо тюркского Тенгри-хана, науке неизвестны имена Божеств, которым поклонялось население Хазарии, поскольку об этом умалчивают письменные источники. Поэтому главным источником информации о язычестве Хазарии являются данные археологии. В первую очередь, разнообразные амулеты: колесообразные амулеты, вихревые розетки, амулеты с соколиными головками, двузубцы и трезубцы, животные, всадники, всадник на грифоне. Исследованию амулетов *салтово-маяцкой культуры* посвящена специальная монография В. Е. Флеровой. В работе автор установила, что доминантой формирования типологического набора аму-

¹ Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVIII. – С. 132.

² З «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Али ібн-Хусейна (Аль-Масуди) // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 67.

летов Хазарии являлся биполярный характер движения солнца, которое, по представлениям средневекового человека, двигалось днем слева направо, а ночью осуществляло свой возвратный путь по космическим водам, теперь уже справа налево¹.

Среди салтово-маяцкого населения довольно широкое распространение получили амулеты из костей лисицы, зайца, волка. Кроме зубов и клыков вышеупомянутых хищников в качестве амулетов применяли различные подвески, связанные с солярным культом. Это подвески с птичьими головками, в виде различных колец. Солярной символикой были наделены также предметы быта, например, зеркала, имевшие форму круглого диска, блестящие с одной стороны и орнаментированные с другой². Археологическая экспедиция Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, работавшая летом 2007 г. под с. Мохнач, обнаружила довольно странную находку. Были найдены остатки ларца, в котором хранились бусина из сердолика, бусины, покрытые золотом и серебром, а также серебряный браслет, одетый на овечьи кости³. По словам В. В. Колоды, суть этого обряда пока, к сожалению, остается непонятной.

Языческий характер мировоззрения аланского населения бассейна Северского Донца довольно наглядно отражают черты погребального обряда: ориентация погребенных зависит от ориентации катакомбы по сторонам света, наличие жертвенной пищи, положение погребенных, в частности, женщин, в скорченном положении на левом или правом боку, положение рук погребенных мужчин – вытянуты вдоль⁴.

Среди многочисленных комплексов Мохначанского городища выделяется группа ингумационных погребений, которые выявлены на территории жилой зоны (внутри оборонительных сооружений). Т. е. людей хоронили в жилищах, мастерских, хозяйственных помещениях или хозяйственных ямах, похожих на те, где обычно хранили зерно! К 2011 г. салтовские комплексы с захоронениями найдены на территории «северного» (большого) двора в пределах двух раскопов. Это единственное мужское погребение с многочисленным инвентарем, выявленное в пределах усадьбы кузнеца. Еще одно захоронение, раскопанное в юртообразном жилище в 2001 г., состояло из останков четырех человек: ребенка 2,5–3 лет, юноши

¹ Флёрова В. Е. *Образы и сюжеты мифологии Хазарии* / В. Е. Флёрова. – М.; Иерусалим, 2001. – С. 93.

² *Археология Украинской ССР* : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 223.

³ Колода В. В. *Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2007 году* / В. В. Колода, В. И. Квитковский. – Х., 2008 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

⁴ Аксёнов В. С. *Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца* / В. С. Аксёнов // *Хазарский альманах*. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 141.

12–14 лет и двух костяков в возрасте 14–15 и 8–11 лет (один из них, судя по браслету на запястье, возможно – женский). Согласно данным антропологического обследования, два последних индивидуума и ребенок были родственниками, которым при жизни довелось перенести значительный голод. По ременной гарнитуре, автор раскопок В. В. Колода относит комплекс к первой половине – середине IX в. Погребенные покоились на лежанках по периметру жилища. В сезоне 2010 г. обнаружено еще два погребальных комплекса. Одним из них было парное захоронение взрослых мужчины и женщины (без инвентаря). Оно было совершено в одном из заброшенных жилищ. Кроме того, исследовано богатое женское захоронение. Погребенная в нем – аланка, по всей видимости, из богатой семьи¹.

Ранее, ввиду малочисленности подобных погребений, не было исследований, позволяющих раскрыть смысл таких странных на взгляд современного человека захоронений. А. З. Винников и С. А. Плетнева объясняют такой обычай влиянием степняков². В. В. Колода выдвигает иную гипотезу. По его мнению, часть погребений в ямах следует рассматривать как культовый комплекс с принесением жертвы, сооруженный с целью получения определенных благ от Божеств, «опекающих» ту или иную сферу жизни и деятельности людей. На эту мысль наталкивает ряд обстоятельств: захоронения в бывших ямах-зернохранилищах или в ямах, имитирующих их по форме; содержимое некоторых ям. В большинстве случаев в качестве жертв выступают животные (чаще – конь, собака или мелкий рогатый скот). Там, где жертвы человеческие (Саркел, Дмитриевский комплекс, комплекс № 22 на селище Мохнач-II) – это, преимущественно, женщины. Исследователь считает, что более частая встречаемость женских останков в качестве «просительной» или «искупительной» жертвы связана с большей сакрализацией женского начала в сознании традиционных обществ древности³.

Женское погребение на городище Мохнач имеет большое количество украшений (рис. 181 и 182), что свидетельствует о высоком имущественном и социальном статусе женщины, а наличие нескольких культовых предметов позволяет автору раскопок высказать мысль о возможной ее принадлежности к служителям языческого культа. Все это, в свою очередь, подчеркивает важ-

¹ Колода В. В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности 2011. – Вып. 10. – X, 2011. – С. 261–262, 268–269.

² Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнёва. – Воронеж, 1998. – С. 207, 211.

³ Колода В. В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности 2011. – Вып. 10. – X, 2011. – С. 269–270.

ность и «щедрость» дара Богам. Поскольку групповое захоронение (напомним – там покоились люди, голодавшие при жизни) в жилище расположено в 20–25 м от жертвенного женского погребения и в определенной степени совпадает с ним хронологически, то В. В. Колода предполагает, что эта конкретная жертва была направлена на преодоление неблагоприятных условий для сельского хозяйства и обеспечение питания населения городища¹.

Во время раскопок на северном дворе Мохначанского городища в 2010 г. был исследован комплекс 33 на раскопе 10. Сам комплекс представлял собой жилище. Уникальность его состояла в тайнике с богатым набором украшений. Среди прочего, археологами были обнаружены и вещи культового предназначения: три бронзовых солярных амулета – два с изображением птиц (соколов?) и один – коня; три подвески с парными зооморфными изображениями (утка? верблюд? конь?) и подвеска с изображением рогов. Последний амулет, по мнению автора раскопок В. В. Колоды, является воплощением культа небесного быка – Огуз-хана – покровителя скота².

Болгары и хазары также были язычниками. Однако общетюркский культ Тенгри-хана уже не соответствовал социально-политическому строю, достигнутому населением Хазарии. Ввиду феодализации каганата, перед его правителями встал вопрос о новой, монотеистической, государственной религии, могущей еще больше сплотить разноэтнические племена державы и послужить в качестве государственной идеологии.

С запада (из Византии) и с юга (из Закавказских государств) все больше и больше наступало христианство. В конце VIII в. в подвластном Хазарии Крыму Византия учредила Готскую митрополию, в которую вошли семь епархий, находившихся на хазарской территории. Однако полной победы христианства не произошло – народные массы сохраняли приверженность язычеству, а правители Хазарии принимали то иудейство, то мусульманство. Византия, поддерживая проникновение христианства, преследовала свои цели – отторгнуть от Хазарии Крым и Боспор. Интриги, которые при этом затевало правительство империи, естественно, не способствовали расположению кагана к христианству. Хотя аланы уже с IV–VI вв. были знакомы с христианством, т. е. еще до переселения в бассейн Северского Донца, тем не менее, данная религия распространялась здесь довольно медленно. В катакомбных захоронениях *салтово-маяцкой культуры* изредка находят подвески-

¹ Там же. – С. 270.

² Колода В. В. *Життя зі схованкою речей на городищі Мохнач* / В. В. Колода // *Археологія*. – 2011. – № 4. – С. 93.

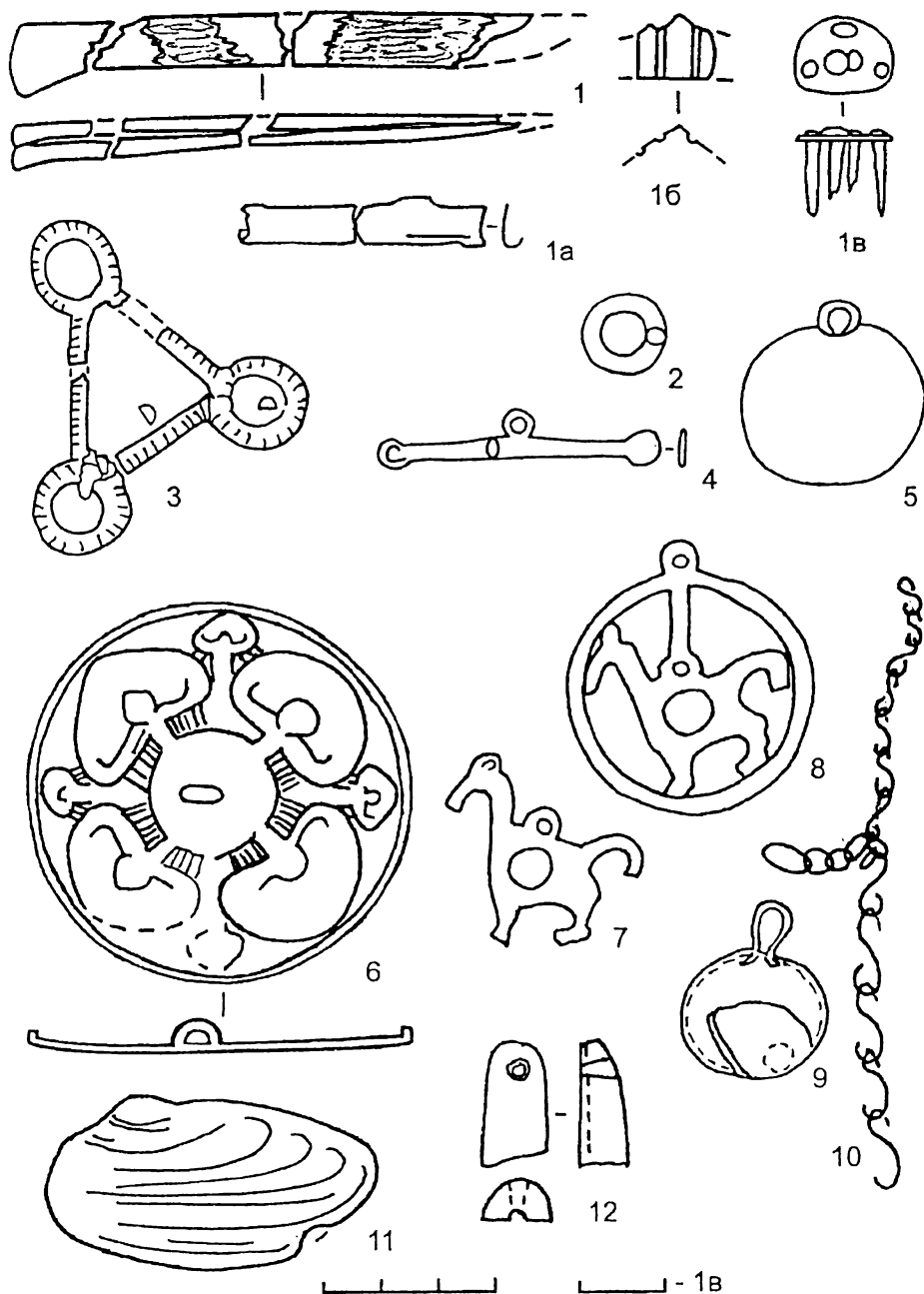

Рис. 181. Находки из богатого женского погребения на городище Мохнач:

1-5 – предметы личного обихода и элементы одежды; 6-12 – культовые предметы (1 – железо; 1а, 1б – серебро; 1в, 2-10 – бронза; 11 – раковина; 12 – белемнит).

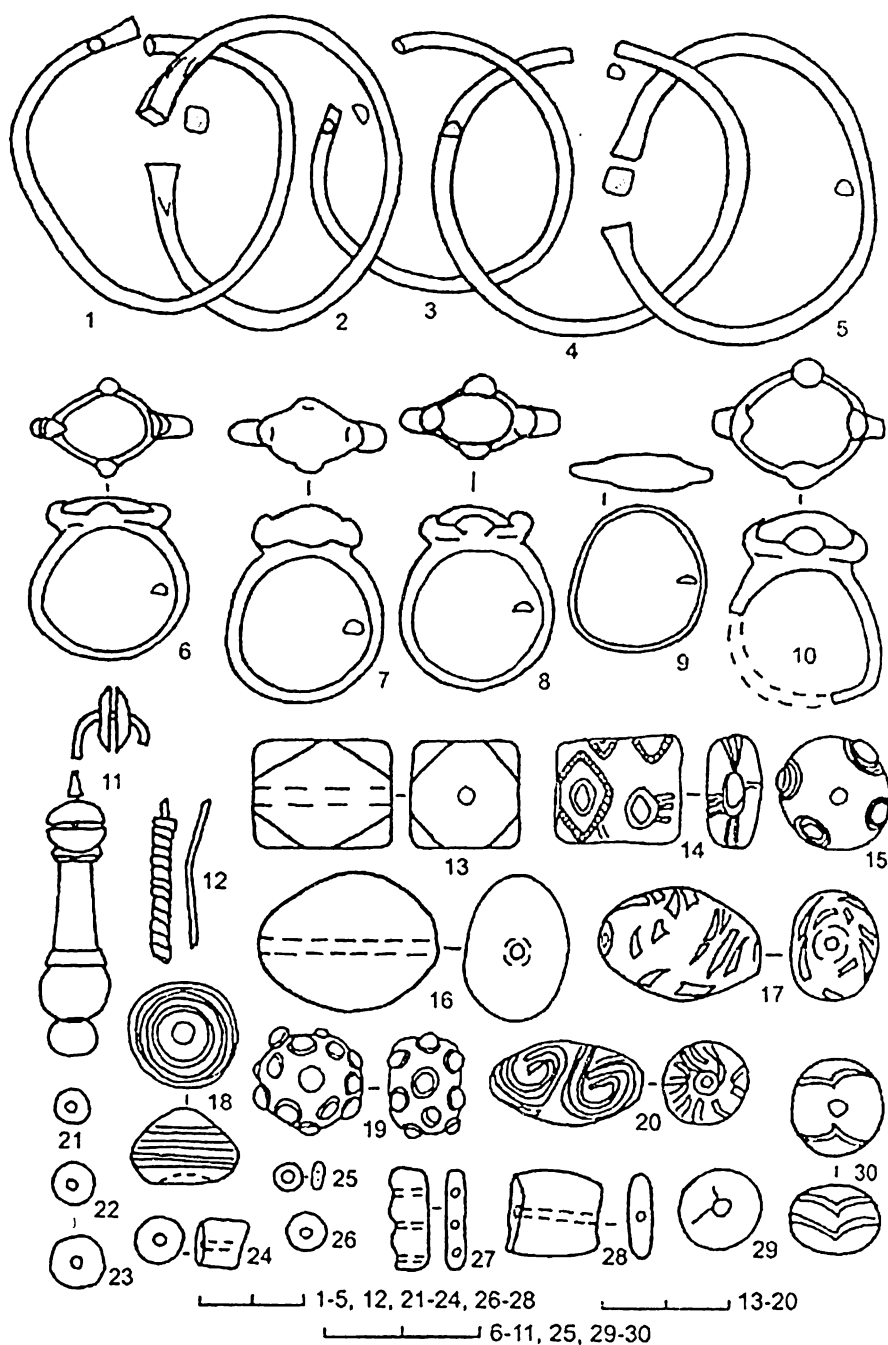

Рис. 182. Украшения из богатого женского погребения на городище Мохнач:

1-6 – бронза; 7 – посеребрённая медь; 13 – горный хрусталь; 14-15, 17-20, 27-29 – стеклянная цветная паста; 16, 21-23, 30 – сердолик; 24 – коралл; 25 – стекло (бисер); 26 – кость.

амулеты в виде креста, что, по мнению некоторых исследователей, может указывать на христианское вероисповедание их хозяев¹. Однако крест как таковой является скорее языческим символом², нежели христианским. Знаком однозначной принадлежности к христианству следует, на наш взгляд, считать не всякий крест, а лишь изображающий распятие.

Мусульманство также не имело шансов на успех среди *салтовского* населения. Во-первых, это была религия основного врага – халифата. Во-вторых, каган принял мусульманство вынужденно – в результате полного разгрома своего войска арабским военачальником Мерваном в 737 г. Мусульманство кагана напоминало о былом поражении, и было отброшено сразу же, как только Хазария окрепла. Следы мусульманства в последнее время были выявлены на памятниках болгарского варианта *салтово-маяцкой культуры* в бассейне Северского Донца. Здесь открыты погребения «зливкинского» типа середины IX–X вв., совершенные в соответствии с мусульманской погребальной традицией³.

Еще при кагане Булане на территорию Хазарии проник иудаизм⁴. А при кагане Обадии, воцарившемся в 790 г.⁵, Хазарский каганат принял его в качестве государственной религии. В соответствии с «Кембриджским документом», все евреи, которые проживали в Хазарии, должны были только лишь вспомнить забытые законы Моисея, хранившиеся в пещере. В ответе царя Иосифа сообщается, что при Булане Хазария приняла какую-то упрощенную версию иудаизма, и только потом, через некоторое время, один из его сыновей, Обадия, провел религиозные реформы и установил раввинистический иудаизм в каганате⁶. К этому моменту в Хазарию переселилось большое число евреев, гонимых в христианских и мусульманских странах. В царствование же Обадии евреи заселили целые кварталы Итиля. Они плотным кольцом окружили трон кагана. Обадия построил в Хазарии синагоги и школы, собрал большое количество еврейских мудрецов со всего Света, которые,

¹ Аксёнов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // *Хазарский альманах*. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 140, 142.

² Смирнова И. М. Тайная история креста / И. М. Смирнова. – М., 2007. – С. 8–22; Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.; СПб., 2005. – С. 304–305.

³ Аксёнов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // *Хазарский альманах*. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 136.

⁴ Тортіка О. О. Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі / О. О. Тортіка // *Нариси з історії культури євреїв України*. – Вид. 3-є. – К., – С. 23.

⁵ Хонигсман Я. С. Евреи Украины (Краткий очерк истории) / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – К., 1992. – Ч. 1. – С. 6.

⁶ Тортіка О. О. Хозаро-єврейські документи X ст. як джерело з історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортіка // *Вісник Харківської державної академії культури*. – Х., 2011. – Вип. 34. – С. 51.

получив множество золота и серебра, разъяснили ему иудейские книги священного писания: Танах, Талмуд, а также праздничные молитвы. Именно с ОбадиИ пошли 12 хазарских царей-иудеев.

Проблема времени принятия хазарами иудаизма относится к числу трудноразрешимых. В пространной редакции письма Иосифа (см. Приложение) указано время, отстоящее от правления этого царя на 340 лет, т. е. 620-е гг. Более реалистична дата, сохранившаяся в еврейском источнике XII в., – 740-е гг., поскольку в начале VIII в. хазарские каганы еще могли породниться с византийским императором и крестить свою родственницу (что было невозможно для иудейки), а в 730–731 г. во время войн с арабами хазары действительно напали на Арбедиль, поход на который, по Иосифу, предшествовал обращению. По арабским известиям, хазары приняли иудаизм во время правления Харуна-ар-Рашида, т. е. на рубеже VIII–IX вв. Эти известия соотносят с сообщением Иосифа об упрочении иудейской религии при царе ОбадиИ, при котором в Хазарию прибыли ученые раввины, знатоки Талмуда¹.

С. А. Плетнева предполагает, что «каган ОбадиИ, обращаясь в иудаизм, стремился не только к противопоставлению своего государства двум великим державам (империи и халифату), но и к ослаблению языческих пут сакрализации, что дало бы ему реальную возможность бороться за власть в собственном государстве»². Того же мнения придерживается А. Я. Найман, утверждающий, что «Принятие иудаизма обеспечило вхождение Хазарии в средневековый цивилизованный мир и способствовало сохранению ее независимости, поставив каганат на один уровень с арабами и византийцами»³.

Однако внешнеполитический успех имел для Хазарии и свою оборотную сторону. Иудаистские проповедники пытались обосновать иудейское происхождение кагана, что было весьма затруднительно, ведь иудаизм – узкая и сугубо национальная религия⁴. В книге «Иосиппон» приведена подогнанная под требования иудаизма родословная хазар: «Вот племена потомков Яфета в странах, в которых они (племена эти) распространялись по языкам, странам и народностям своим. ... Тогарма составляют десять племен, которые суть: Козар, Пацинак (т. е. печенеги), Аликанус, Булгар, Рагбина (Рагбига, Ранбон), Турки, Буз, Забук, Унгары, Тилмац

¹ Петрухин В. Я. *Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье* / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М., 1998. – С. 213.

² Плетнева С. А. *Хазары* / С. А. Плетнева. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 63.

³ Найман А. Я. *Евреи в Хазарском каганате* / А. Я. Найман // *Хазарский альманах*. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 96.

⁴ *Иудаїзм* // *Українська Радянська Енциклопедія* : У 17 т. – К., 1961. – Т. 6. – С. 20; *Иудаизм* // *Википедія – свободная энциклопедия*. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Иудаизм>. – Доступ 09. 12. 2009 г.

(Тильмиц). Все они живут на севере и страны их называются их же именами. Живут они на реке Гитиль, т. е. Итиль (Итилак), но Унгар, Булгар и Пацинак живут по большой реке, называемой Дануби (Дубни)»¹. Еще труднее было сделать иудаистами все население Хазарии. В иудаизме прямо проповедуется идея национальной исключительности, ненависти к инородцам и иноверцам. Это ярко засвидетельствовано в его канонических книгах – Танахе (соответствует Ветхому Завету)² и Талмуде³. Поэтому новая религия не объединила, а, наоборот, разъединила полиэтническое государство хазар. Необходимо согласиться с С. А. Плетневой, которая именно язычество считает объединяющей религией Хазарского каганата⁴. По словам В. А. Кореняко: «За истекшие почти четыре десятилетия ежегодно проходящие раскопки, в том числе постоянно открываемых новых памятников, не только не поколебали эту характеристику, но приносят все больше и больше материальных свидетельств господства язычества и в то же время не дали явных доказательств распространения иудаизма, исключая 2–3 предмета со спорной атрибуцией»⁵. «Племена и народы каганата были далеки от библейской концепции, тем более, от раввинистического иудаизма»⁶.

Исследователи истории Хазарии Л. Н. Гумилев и А. А. Тортика сходны во мнении, что иудаизм хазар был специфическим, ибо во всех письменных источниках по данному вопросу сказано: «они придерживаются только закона обрезания». Далее точки зрения ученых расходятся. В реформе Обадии А. А. Тортика видит лишь религиозное просвещение неофитов (новообращенных в иудаизм)⁷, в то время как Л. Н. Гумилев усмотрел в этом событии смену своеобразной формы хазарского иудаизма (караимство) на талмудизм⁸. Последнее мнение кажется более убедительным, хотя оно оспорено в научной литературе⁹.

¹ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве / А. Я. Гаркави. – СПб., 1874. – С. 39.

² См., напр.: Элле-гадебарим (Второзаконие), гл. VII, стих 5; а также VII, 16; XII, 2-3; XVII, 2-5; XX, 10-13; XX, 15-18. Сюда же Везлле Шемот (Исход), XXI, 16; XXII, 18, 20; XXXI, 15 и др. (По кн.: Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1993).

³ См., напр.: Иебамоф, 61; Берахот, 54, 58, 59; Баба кама, 14, 80; Гитин, 8; Абода зара, 6 (По кн.: Schulchan Aruch, oder vier judischen Geselzbücher, übersetzt von Heinrich George. Lowe. Hamburg, 1837-1841).

⁴ Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 217.

⁵ Кореняко В. А. Multum in parvo / В. А. Кореняко. – В кн.: Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии / В. Е. Флёрова. – М.; Иерусалим, 2001. – С. 7.

⁶ Тортика О. О. Хозаро-еврейські документи X ст. як джерело з історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2011. – Вип. 34. – С. 53.

⁷ Тортика О. О. Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі / О. О. Тортика // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 26.

⁸ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 172-174

⁹ Михеев В. К. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 175-184; Михеев В. К. Концепция истории Хазарского

В средневековых письменных источниках прямо указывается, что иудаизм исповедовали представители хазарской знати и, в первую очередь, сам бек (царь)¹. Принятие каганом, беком и всей итильской знатью иудаизма оторвало их от прочей хазарской аристократии, жившей в отдаленных регионах страны и пользовавшейся сильным влиянием в своих кочевьях и аилах. Как памятник безжалостной расправы властей с оппозицией стоят развалины хазарского замка на правом берегу Дона у станицы Цимлянской. Этот замок, по мнению Л. Н. Гумилева, был уничтожен за то, что его владелец принял участие в борьбе против иудаизации Хазарии². Между итильской и провинциальной аристократией началась борьба за власть в каганате.

По данному вопросу А. Б. Бубенюк говорит следующее: «Данные некоторых нарративных документов времен средневековья позволяют считать, что под влиянием хазар в IX в. определенная часть алан Северного Кавказа могла перейти в иудаизм и придерживаться этой монотеистической религии не одно столетие»³. Однако, как показали данные археологии, в материалах исследований как бытовых, так и погребальных памятников *салтово-маяцкой культуры* (даже на территории домена кагана) не найдено ни одного предмета иудейского культа⁴, что может свидетельствовать о распространении данной религии среди очень узкого круга лиц. На основании вышеизложенного мы, в целом, приходим к тому же выводу, что и Л. Н. Гумилев: «“Обращения хазар” в иудаизм не было, да и быть не могло... Иудаизм – это культ избранного народа, избранного “Яхве”, и потому редкие новообращенные считались “проказой Израиля”»⁵.

Американский историк А. Я. Найман не согласен с мнением об отрицательном влиянии принятия иудаизма на политику и дальнейшее развитие каганата. Однако в своей статье он не приводит аргументов против данной точки зрения, ограничиваясь лишь историографией вопроса⁶. На наш взгляд, отрицательное влияние принятия Хазарией иудаизма очевидно – хронологически оно со-

каганата Л. Н. Гумилева : опыт критического анализа / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Материалы восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер». – М., 2001. – Ч. 1. – С. 149–178.

¹ Тортика О. О. Євреї в Хазарському каганаті та Київській Русі / О. О. Тортика // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 20.

² Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 189.

³ Бубенюк О. В. Етнічний та релігійний склад аланського населення Хазарського каганату в VIII–X ст. / О. В. Бубенюк // Хазарський альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 137.

⁴ Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 215–216; Аксёнов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 136.

⁵ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 160.

⁶ Найман А. Я. Евреи в Хазарском каганате / А. Я. Найман // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 98.

впало с началом гражданской войны в каганате. О возможности в это время конфликтов хазар с аланами и гузами пишет Константин Багрянородный¹. Такая точка зрения не находит серьезных возражений, поскольку таковые потребуют существенных аргументов, а их нет. Поэтому В. С. Флеров и В. Е. Флёрова тактично говорят о том, что роль иудаизма в Хазарии остается еще невыясненной². Израильский автор М. Гольдман признает: «Точные масштабы распространения хазарского прозелитизма на основании имеющихся источников определить трудно»³.

§ 6.15. Гибель Хазарского каганата

Распад салтово-маяцкой культуры

Выше мы уже отмечали, что Хазарский каганат представлял собой феодальную кочевую империю, состоявшую из множества этносов. Общеизвестно: наиболее подходящей идеологической базой для феодального общества является монотеистическая религия. Это прекрасно понимали западноевропейские конунги и славянские князья. Понимал это и каган Хазарии. В раннем средневековье в данном регионе были хорошо известны такие монотеистические религии как христианство, иудаизм и ислам. Христианство было государственной религией Византии, мусульманство – Арабского халифата. Оба государства являлись геополитическими противниками каганата. Приняв одну из этих религий, Хазария рисковала оказаться в сфере влияния либо Византии, либо халифата. Поэтому выбор был сделан в пользу иудаизма.

Однако, принятие новой, иудейской, религии привело к началу гражданской войны. И провинциалы-язычники, и христиане, и мусульмане объединились в борьбе против правительства. Гибли как представители оппозиции, так и сторонники иудейской веры. Погиб каган Обадия и два его сына: Езекия и Манассия.

Гражданская война значительно ослабила государство. Каган предпринял репрессии против крымских христиан, была ликвидирована Готская митрополия. Ответом на это стало отложение Крыма от Хазарии и присоединение его к Византийской империи. В связи с постоянными гонениями на христиан Византия в 860 г. направила к кагану особую миссию, возглавленную Константином (в будущем монашестве – Кирилл), разработчиком славянской

¹ Багрянородный К. Об управлении империей / Константин Багрянородный; под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М., 1991. – С. 52–53.

² Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии / В. Е. Флёрова. – М.; Иерусалим, 2001. – С. 23.

³ Там же. – С. 23.

письменности. Задачей Константина было убедить кагана принять в качестве государственной религии христианство. В запланированном диспуте принимали участие и мусульмане. Однако миссия провалилась. В арабских источниках пишется, что хитрый раввин сумел стравить своих противников, поставить их в невыгодное положение и тем самым победить их обоих, убедив кагана в истинности и благородстве своей религии.

После принятия иудаизма отношения каганата испортились не только с христианами, но и с мусульманами, населявшими все восточные и южные хазарские города. После того, как мусульмане разрушили одну из синагог, хазарский каган приказал снести минарет в Итиле и казнить муэдзинов.

Восстание антииудаистской оппозиции было подавлено с помощью наемных орд печенегов и гузов. Эти же кочевники использовались против появившихся в восточноевропейских степях угров (венгров). Мусульманские отряды лариссиев каганы использовали против Руси и Алании. Печенегам, в свою очередь, угрожали гузами. О появлении последних на змиевских землях свидетельствуют данные археологии. «Еще в начале XX в. на Северском Донце вели довольно активные раскопки погребальных памятников В. А. Городцов и Е. П. Трефилев. Судя по публикациям, сделанными обоими археологами, три из раскопанных ими погребений, принадлежат гузам. Все они произведены под земляными насыпями в довольно глубоких могилах, видимо, с заплечиками, на которые упираются плахи (доски перекрытия) над погребением покойника. На перекрытиях в обеих могилах помещены останки коней (череп и ноги, отчлененные по третий сустав). Третий курган отличается некоторым своеобразием. Могильная яма в ней широкая, и на массивном широком настиле над погребенным уложено было чучело коня, взнузданное и оседланное, а также шесть убитых телят. На дне могилы были обнаружены остатки сильно истлевшего гроба, в котором находился скелет мужчины-брахикрана, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. В ногах и у головы погребенного вне гроба были поставлены две примитивные деревянные статуэтки: конусы с шаровидной головой и двумя палочками-руками, вставленными перпендикулярно телу. Слева от гроба на дне могилы была поставлена небольшая кружечка или горшочек. В гробу, слева от погребенного, положены длинная сабля и круглая железная пряжка, а слева от черепа – кусок спины барана – запас пищи. Вдоль правой ноги – прикрытый кистью руки длинный берестяной колчан»¹.

¹ Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века / С. А. Плетнёва. – Воронеж, 2003. – С. 126–127.

Война феодалов против кагана продолжалась несколько лет. Разноэтнические и нередко враждебные друг другу роды воевали между собой. Именно во время гражданской войны в степи Восточной Европы начали проникать новые кочевнические орды – угры и печенеги. О нашествии угров сообщает «Хроника Регинона Прюмского»: «В лето от воплощения Господня 889. Из скифских царств, из нескончаемых болот, образованных разливом Танаиса, появился жесточайший народ угры, который свирепостью превосходил диких зверей, в прежние века неизвестный. Из собственной страны названный народ был изгнан соседними ему племенами, которые называются печенегами, потому что они превосходили [угров] количеством и храбростью, а родина [их], как я считаю, оказалась недостаточною для населения такого необычайного множества. Таким образом, [угры], побежав под их натиском, попрощавшись с родиною, двинулись в дорогу в поисках земель, где они могли бы поселиться и устроить [себе] жилье»¹.

Только в самом конце IX в. один из каганов (потомок Ханукки, брата Обадии) попытался прервать продвижение печенегов на запад. Он заключил союз с гузами и разгромил печенегов. Однако последние, вытеснив угров, вскоре вернулись. Судя по частому захоронению в могилах сабель, все они были хорошо вооруженными воинами. Памятники этого периода – погребения. Печенежские захоронения впускные, т. е. произведенные в уже существующих курганах, гузских в данном случае².

После того, как печенеги заняли степи, единственной связью каганата с богатыми странами Передней Азии и Византией были портовые города Тамани и восточного Крыма. Описывая этот период истории каганата, С. А. Плетнева утверждает следующее. «Экономика Хазарии опиралась теперь только на широкие международные торговые связи, установившиеся у нее с ближними и дальними народами и государствами в прежние времена. Большую роль играла при этом транзитная торговля, нередко спекулятивная перепродажа. Хазария превращалась в типичное паразитирующее государство»³. Я. С. Хонигсман и А. Я. Найман поясняют это следующим образом: «Хазария торговала со славянами и другими восточно-европейскими народами, оказывала им посреднические услуги в отношениях с халифатом и Передней Азией»⁴.

¹ Назаренко А. В. *Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.* / А. В. Назаренко. – М., 1993. – С. 107.

² Там же. – С. 127.

³ Плетнева С. А. *Хазары* / С. А. Плетнева. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 70.

⁴ Хонигсман Я. С. *Евреи Украины (Краткий очерк истории)* / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – К., 1992. – Ч. 1. – С. 8.

В середине X в. начался всенно-политический упадок Хазарии. Хазарский каган Иосиф, писавший письмо Хасдаю ибн Шафруту¹, сообщал, что печенеги расселились по всей территории каганата, плотно окружив домен кагана враждебным полукольцом. Нашествие печенегов было первым ударом по слабейшему Хазарскому каганату. Как пишет С. А. Плетнёва, «печенеги фактически уничтожили каганат. Они разрушили его экономику: большинство богатых земледельческих поселков степной и лесостепной зон Подонья было сметено с лица земли. Население было частично уничтожено, частично вошло в кочевые подразделения печенегов»². Хазарское население начало возвращаться к кочевничеству.

На протяжении IX–X вв. Хазарию постоянно тревожили нападения русов. Первый их поход в Каспийское море зафиксирован в источниках между 864–884 гг. А с начала X в. походы русов на берега Каспия повторяются систематически. В 909 г. они на 16 судах подплыли к острову Абесгун и уничтожили его торговый флот, в 910 г. взяли город Сари³.

Позже русы (рис. 183) направили послание к хазарскому царю с просьбой получить разрешение проплыть по его реке (Волге) в сторону Хазарского (Каспийского) моря. Разрешение каган дал. В 912–913 гг. русы на 500 кораблях (по 100 человек в каждом) прошли по Дону, переволокли суда в Волгу и спустились в Каспийское море, грабя и разоряя мусульманское население Гиляна, Табаристана, Азербайджана и Ширвана. Набрав много добычи, русы двинулись в обратный путь в устье Волги и послали хазарскому царю условленную долю добычи. Следует сказать, что мусульманская гвардия лариссиев служила кагану на том условии, что в случае войны Хазарии с мусульманами, они, лариссии, в боевых действиях участия принимать не будут. Узнав о нападении русов на мусульманские земли, гвардейцы испросили у кагана разрешение расправиться с пришельцами. Каган разрешение дал, но предупредил русов о готовящемся рейде⁴. Произошла битва, в которой русы понесли большие потери, после чего на несколько десятилетий перестали беспокоить Хазарию. В 943 г., при кагане Иосифе или его отце, русы вновь тем же путем проникли на Каспий и захватили город Берду на реке Кура. В ходе войны с местным населением

¹ Хасдай ибн Шафрут – придворный кордовского халифа Абдаррахмана III, еврей по национальности.

² Плетнёва С. А. Половцы / С. А. Плетнёва. – М., 1990. – С. 14.

³ Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 67–68.

⁴ «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна (Аль-Масуди) // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 67–68.

русы потеряли вождя и были вынуждены перезимовать в Берде. Весной следующего года, прорвавшись к своим судам, русы ушли на родину¹.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Напомним, мусульманские авторы сообщают о славянах и русах как о разных народах. Так, ибн-Даст пишет: «Они имеют царя, который называется хакан-Рус. Они совершают набеги на славян, подплывают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их [славян] в полон, отвозят в Хазарию и Болгарию и продают там»². Можно предположить, что арабские авторы под русами подразумевают военно-политический союз восточнославянского племени полян и варягов из племени руси, контролировавших торговый путь «Из варяг в греки». Подтверждением такого понимания этнической принадлежности русов может служить тот факт, что в древнерусском языке этнонимами, оканчивавшимися на -ь, называли неславянское население, например: чьдь (эсты), вьсь (вепсы), фьсь (финны). Сюда же, очевидно, следует отнести также рѹсь, поскольку «Повесть временных лет» прямо указывает: «Идоша за море кь Варягомъ кь Рѹси, инце ко звахуъ ты Варягы Рѹсь»³. Установлено – деятельность викингов активизируется в 60–70-е гг. IX в.⁴, т. е. как раз в то время, когда источники начали фиксировать нападение русов на Хазарию. К тому же, характер и тактика действий русов на Каспийском море полностью соответствуют характеру и тактике действий норманнов на реках и морях Западной Европы. Подобная схожесть действий русичей (восточных славян) и норманнов-викингов уже была отмечена в научной литературе⁵. Об оседании варягов в землях племени полян пишет и Нестор Летописец: «Аскольдъ же и Диръ остаѣа въ городѣ семъ и мнози Варягы совокупниста...»⁶. Далее летопись называет вещи своими именами: «...отъ Варягъ ко прозвашиа Рѹсь»⁷. К подобным выводам склоняется В. Г. Складенко, считающий русь дружинниками киевского князя (рис. 184) из племени прибалтийских славян⁸. Этот

¹ Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 68.

² З «Книги дорожочинних скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 70.

³ «и пошли за море, к варягам, к руси, ибо назывались те варяги русь». Повесть врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 28/29.

⁴ Бубенюк О. Б. Народ ал-арсий в Хазарии (из истории хазаро-хорезмийских связей) / О. Б. Бубенюк, Д. А. Радивилов // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 10.

⁵ Головкин О. Б. Хазарія і печеніги в процесі становлення державності у слов'ян Східної Європи (VIII–XI ст.) / О. Б. Головкин // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 21.

⁶ «Аскольдъ же и Диръ остаѣа в этом городе [Киеве] и мнози варягов собрали...». Повесть врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 30/31.

⁷ «Ибо от варягов прозвались русью». Там же. – С. 40/41

⁸ Складенко В. Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження / В. Г. Складенко. – К., 2006. – С. 10–11

Рис. 183. Рус (викинг) IX–X в.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

селения, а принимали участие в формировании этого государства как привилегированный слой населения – дружинно-княжеская верхушка. ... Русы ко второй половине IX – середине X вв. превратились практически в местный фактор», их следует отличать от варягов XI–XII вв.² Собственно, это было известно и современникам русов. Например, Ибн Хордадбех пишет: «если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей славян (сакалиба). Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из отдаленнейших [окраин страны] славян (сакалиба) к Румейскому морю, Властитель Ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танаису – реке славян (сакалиба), то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их властитель также взимает с них

же исследователь говорит о возможности проживания русов в причерноморско-приазовском регионе¹, что объясняло бы их частые набеги на Хазарию.

Схожую точку зрения высказывает А. А. Тортика: «... русы (росы, рось) – это выходцы из скандинавских стран, которые довольно рано, начиная, вероятно, с конца VIII – первой трети IX вв., освоили речные торговые пути Восточной Европы ... Только в конце X в., в процессе создания общего для ряда восточноевропейских народов государства – Древней Руси, русы постепенно славянизировались, и уже не представляли собой отдельной группы на-

¹ Там же. – С. 30–31.

² Тортика О. О. Етносоціальна природа русів (росів, русі) за даними ранньо-середньовічних авторів IX–X ст. / О. О. Тортика // Історичний журнал. – 2004. – № 10–11. – С. 105, 106.

десятину. Потом они отправляются по морю Джурджан...»¹.

В последнее время активно развивается генная генеалогия, основанная на распознавании гаплогрупп. По словам одного из ведущих в этой области специалистов, А. А. Клёсова, норманнская теория не подтверждается экспериментально². Таким образом, и естественнонаучные методы познания могут подтвердить нашу точку зрения.

Были ли русы на территории Змиевщины, пока неизвестно. На многослойном Змиевом городище, расположенном у с. Гайдары, в дождевой промоине был найден фрагмент бронзовой крестовидной подвески. М. Н. Григорьянц и Б. Г. Бейдин предполагают, что этот артефакт, «судя по орнаментации, либо сам скандинавского происхождения эпохи викингов, либо это местное подражание орнаменту скандинавских мастеров»³. При этом исследователи оговариваются, что вряд ли данную подвеску можно считать доказательством пребывания скандинавов в Северско-Донецком регионе в IX–X вв., а скорее всего, это лишь случайное поступление в район проживания носителей *роменской культуры*⁴.

В 80-х гг. IX в. князь Олег присоединил к Руси земли древлян, а также северян и радимичей, бывших до того данниками хазар. Переход такого значительного числа данников под руку Руси значительно ослабило экономику каганата. Летопись подробно описывает это событие: «Въ лѣто 6392. Иде Олегъ на Сѣвары, и побѣди Сѣвары,

Рис. 184. Древнерусский воин X в.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

¹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Ибн Хордадбех; пер. с араб., ком., исслед., указатели и карте Н. М. Велихановой. – Баку, 1986. – С. 124; Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в.: По данным Ибн Хордадбега и Ибн ал Факиха / Т. М. Калинина // История СССР. – 1986 – № 4. – С. 71.

² Клёсов А. А. Происхождение славян и других народов. Очерки ДНК-генеалогии / А. А. Клёсов. – Б. м., 2011. – С. 100–104.

³ Григорьянц М. Н. Орнаментальные мотивы на изделиях мелкой металлопластики эпохи викингов на Харьковщине / М. Н. Григорьянц, Б. Г. Бейдин // Харьковский историко-археологический сборник. – Х. – 2012. – Вып. 11. – С. 16.

⁴ Там же. – С. 17.

и възложи на нѣхъ дань легъкуѣ, и не дасть имъ Козаромъ даннѣ даати рекъ: азъ имъ противенъ а вамъ нечемѣ. Въ лѣто 6393. Посла Олега къ Радимичемъ, рка: кому дань дакте? Они же реша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не давайте Козаромъ, но мне давайте, и вѣдѣша Олгови по шелягу, такоже и Козаромъ даху»¹.

Тяжелый удар Хазарии также нанесло молодое Русское государство. В 964 г. в состав Руси были включены восточнославянские племена вятичей (последние из восточных славян, кто платил дань хазарам). Сразу же после этого была разгромлена набиравшая силу Волжская Болгария. В 965 г. Великий князь киевский Святослав совершил свой знаменитый поход против Хазарского каганата. Вот как описывает это событие русский летописец: «Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары. Слышавше же, Козаре изыдоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и състоупиша съ бити, и бывши брани межнѣ ими, одолѣ Святославъ Козаромъ и городъ ихъ Бѣлѣмъ Режю взя. И Шы побѣди и Касоги, и приде къ Кіеву...»².

Восточные источники об этом походе позволяют думать, что в 965 г. Святославу не удалось окончательно разгромить каганат. Окончательный удар Хазарии был нанесен в 969 г. Воспользовавшись тем, что основные военные силы Руси (рис. 185) пребывали в Болгарии, Хазарский каганат в 968 г. спровоцировал нападение печенегов на Киев. Святослав вернулся в Киев и в 969 г. в целях зачистки тыла направил свои войска на Хазарию. Важнейшие хазарские города Семендер и Итиль были разгромлены³.

Походы Святослава 965 и 969 гг., нарушившие все торговые пути Хазарии и разорившие ее города, оказались для каганата роковыми. Тяжесть удара усугублялась еще и тем, что Святослав привлек к войне с хазарами гузов. После того, как русское войско разбило армию кагана, гузы беспрепятственно в течение нескольких лет грабили и разоряли хазарские земли.

Крупнейший религиозный центр иудейства был уничтожен. Уже в конце X в. жители отстроенного города Итиль были мусульманами. Изменение религии произошло под давлением обстоятельств: обессиленные борьбой с гузами, хазары обратились за помощью в Хорезм. Как условие оказания военной помощи хорезмийцы потребовали, чтобы хазары приняли ислам.

¹ «В год 6392 [884]. Пошёл Олег против северян, и победил северян, и наложил на них дань лёгкую, и не позволил им давать дань хазарам, говоря: "я враг им, и вам нечего [давать им дань]". В год 6393 [885]. Послал Олег к радимичам, вопрошая: "кому дань даёте"? Они же сказали "хазарам". И сказал им Олег: "Не давайте хазарам, а мне дайте". И дали Олегу по шелягу, как и хазарам давали». *Повість врем'яних літ : Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка.* — К., 1990. — С. 34/35–36/37.

² «В год 6473 [965]. Пошёл Святослав на хазар. Услышав о том, хазары выступили навстречу с князем своим, каганом, и сошлись в битве. И была битва между ними, победил Святослав хазар, и город их Белую Вежу взял. И ясов победил, и касогов, и в Киев вернулся». Там же. — С. 102/103.

³ *Історія Києва : У 3 т.* — К., 1986. — Т. 1. *Стародавній і середньовічний Київ.* — С. 111.

Изменилась экономическая, военная и геополитическая ситуация в регионе. Крушение Хазарии позволило восточнославянским племенам окончательно избавиться от экономической зависимости и выплат дани хазарам, а также ускорило процесс консолидации Русского государства. Русь установила контроль над важнейшими торговыми путями по Волге, Дону и Северскому Донцу, обезопасила свои границы и стала одним из сильнейших европейских государств. Заметим также, что русские князья, как и другие монархи Европы, отлично знали о коммерческих способностях и связях евреев. Потому после разгрома Хазарии в 965 г. князь Святослав увел в Киев большое количество пленных. Как результат: во-первых, в Киеве возникли два новых квартала, «Козарѣ» и «Жидовѣ»¹, а, во-вторых, были сохранены важнейшие торговые связи региона.

В 1079 г. хазары еще были активными участниками борьбы тмугараканских князей Романа и Олега Святославичей с Великим князем киевским Всеволодом. Но уже к 1083 г. относится последнее упоминание о хазарах в отечественных летописях: «*Въ лѣто 6591. Приде Олегъ изъ Грекъ Тмугтаракани ... и истреби Козары*»². В XII в. роль хазар в международной политике Восточной Европы сходит на нет³. Осколки Хазарского государства еще существовали некоторое время в Крыму. Именно туда переселились хазары-иудаисты. Их центром стал город Карасубазар⁴. Итальянские купцы, генуэзцы и венецианцы, прочно связывали опре-

Рис. 185. Древнерусский воин X в.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

¹ Хонигсман Я. С. Евреи Украины (Краткий очерк истории) / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – К., 1992. – Ч. 1. – С. 9.

² «В год 6591 [1083]. Вернулся Олег из Греции в Тмугтаракань ... и перебил хазар». *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком)* / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 314/315.

³ Головко О. Б. Хазарія і печеніги в процесі становлення державності у слов'ян Східної Європи (VIII – XI ст.) / О. Б. Головко // *Хазарський альманах*. – М.; Ієрусалим, 2004. – Т. 2. – С. 31.

⁴ Найман А. Я. Евреи в Хазарском каганате / А. Я. Найман // *Хазарський альманах*. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 107.

Рис. 187. Половецкая женщина-воительница.

Реконструкция О. П. Фёдорова.

деленную часть Крыма именно с хазарами. В 1287 г. венецианцы назначили в подвластный им крымский город Солдаю (совр. Судак) консула «Всей Хазарии». В 1313 г. в Генуе возникло учреждение «*Officium Gazariae*», которое занималось крымскими вопросами¹. В итальянских источниках Крым и в XVI в. называется Хазарией². Однако в истории Змиевского края хазарский период завершился в X в.

Салтово-маяцкая культура сложилась и развивалась в рамках единой политической организации – Хазарского каганата. Собственно, как мы сказали выше, и ареал данной культуры совпадал с границами Хазарии. Одновременно с гибелью каганата и сменой населения в X в. исчезает и *салтово-маяцкая культура*. Развал каганата и складывание новой геополитической ситуации происходит под влиянием нескольких факторов, среди которых: переселение угров

(венгров) в Днепро-Донские степи в 830 г., строительство Саркела, уход каваров от хазар в середине IX в., укрепление Древнерусского государства, проникновение печенегов в Днепро-Донское междуречье около 889 г.³

Территория Змиевщины разделилась на две части. Северная, лесостепная, ее часть со временем станет пограничной окраиной Древнерусского государства. Южная, степная, часть будет освоена кочевниками: печенегами, а затем половцами (рис. 187).

¹ Зубко А. На перехресті Великого шовкового шляху: монети генуезького Криму / А. Зубко // Історичний журнал. – 2008. – № 1. – С. 22.

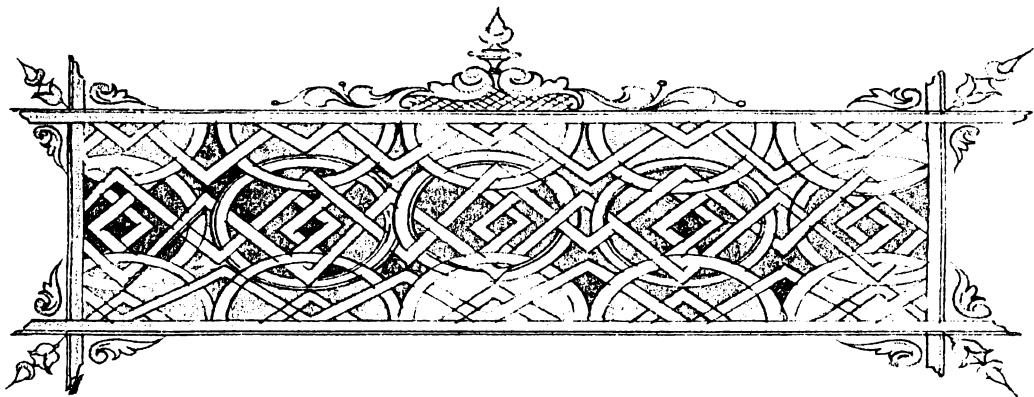
² Найман А. Я. Евреи в Хазарском каганате / А. Я. Найман // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 107.

³ Тортика А. А. «Чёрная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «чёрные болгары» «Повести временных лет»: Проблемы локализации / А. А. Тортика // Дриновский сборник. – Т. 5. – С. 24.

**Рис. 186. Киевская Русь и Хазарский каганат
в X — середине XII вв.**

Этнокультурные и этногенетические процессы на территории Верхнего Подонцовья в раннем средневековье (середина V - середина XI вв.)

Этнокультурное развитие в регионе. – Политическое развитие региона.

§7.1. Этнокультурное развитие в регионе

Период раннего средневековья является одним из важнейших в истории Змиевского края (современные Змиевской, части Чугуевского, Первомайского, Балаклеевского, Шевченковского районов), Харьковской области Украины, и всего славянского мира, в целом. В указанное время здесь происходили настолько значительные этногенетические и этнокультурные процессы, что это во многом предопределило этническое лицо Восточной Европы развитого и позднего средневековья. Характерной чертой раннесредневековой истории Змиевщины является преемственное развитие археологических культур, а значит, и их носителей. Определяется довольно четкая генетическая линия археологических культур края. Предшествовавшие культуры не исчезали, становясь субстратом новых

культур. Географическое положение Змиевского края способствовало тому, что местное население с древнейших времен находилось в теснейшем общении с пришлыми народами. Будучи пограничьем Степи и Лесостепи, Змиевщина всегда была местом встречи двух миров: кочевого и оседлого, земледельческого и скотоводческого, что приводило порою к возникновению новых этносов.

Уникальность этногенетических и этнокультурных процессов позволила автору данных строк поставить вопрос о выделении в рамках Слободской Украины особого историко-этнографического Змиевского региона, характеризующегося наличием определенных факторов, которые способствуют процессу этногенеза¹. Теоретической основой данной гипотезы является докторская диссертация Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли»², а также работы археологов, производящих исследования на территории Змиевского края.

Интенсивность контактов между народами возросла в эпоху Великого переселения народов. Этнополитическая ситуация в регионе кардинально изменилась с приходом сюда восточногерманских племен готов и гепидов, что нашло свое проявление в формировании «черняховской протоцивилизации полугосударственного типа»³ – Гетики, в состав которой вошли также сарматы⁴.

Господство черняховцев сумели преодолеть гунны, появившиеся в степях Украины в конце IV в. Преследуя готов, гунны дошли к Дунаю, а в начале V в. осели в Паннонии. В результате гуннского нашествия в степях Украины началась постепенная замена ираноязычного населения тюркоязычным. На территории Восточной Украины лишь отдельные вещи могут быть датированы гуннским временем, т. е. второй половиной IV – первой половиной V вв. С территории Харьковщины известны двуштитковая бронзовая фибула⁵ и два кинжала, один из которых случайно найден в 2006 г. у с. Аксютовка⁶. Стойбища и кочевья гуннов на землях Змиевщины пока не выявлены⁷. В лесостепной части Змиевщины

¹ Коловрат Ю. А. Змиевский регион Слободской Украины как территория этногенеза (к постановке вопроса) / Ю. А. Коловрат // Академия Тринитаризма. – М., Эл. № 77-6567, публ. 17914. – 25.02.2013. – Режим доступа : <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/009a/02111011.htm>. – Доступ 26. 02. 2013 г.

² Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008.

³ Приходнюк О. М. Відносини слов'ян із тюркономним світом / О. М. Приходнюк // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України : Зб. наук. праць. – К., 2003. – С. 127.

⁴ Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи : История исследования и основные проблемы изучения. Монография / М. В. Любичев. – Х., 2000. – С. 134–136, 139; Рудич Т. О. Сарматский компонент у складі населення черняхівської культури (за матеріалами антропології) / Т. О. Рудич // Археологія. – 2005. – № 4. – С. 64–73.

⁵ Григор'яни М. Н. Находка гуннского времени на Харьковщине / М. Н. Григор'яни, Б. Г. Бейдин // Харьковский историко-археологический сборник. – Х. – 2011. – Вып. 9. – С. 4–11.

⁶ Григор'яни М. М. Перші знахідки кинджалів гунської доби із водозбору Сіверського Дінця / М. М. Григор'яни, В. В. Дідик // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вып. 4. – С. 51.

⁷ Григор'яни М. Н. Находка гуннского времени на Харьковщине / М. Н. Григор'яни, Б. Г. Бейдин // Харьковский историко-археологический сборник. – Х. – 2011. – Вып. 9. – С. 10.

черняховские (гото-сарматские) древности были заменены славянскими (пеньковскими).

Благодаря падению Готского королевства Германариха и характеру земледельческого хозяйства, славянские племена антов (носителей *пеньковской* археологической культуры) сумели довольно быстро, на протяжении V в., освоить территории пограничья Степи и Лесостепи и даже проникнуть вглубь степных просторов Украины¹. В это же время происходит активная ассимиляция славянами остатков ираноязычного (позднескифского и сарматского) этнического компонента. Подтверждением тому служит характер *пеньковских* древностей².

Период V–VII вв. отмечен в истории славян не только завершением процессов формирования их этнического самоутверждения и созданием больших славянских племенных союзов. В это время начинается Великое расселение, достигнувшее на северо-востоке Волги, на юге – глубинных районов Балканского полуострова, а на западе, в междуречье Одера и Эльбы, – балтийского побережья. В середине VII в. начинается перемещение больших этнических массивов на Днепровское Левобережье. Независимо от того, были ли переселившиеся сюда этнические группы склавинами из региона распространения *пражско-корчакских* древностей³, или их следует связывать с носителями *именьковской* культуры⁴, это привело к формированию населения *волынцевской* культуры. Последняя стала основой *роменской* культуры, которую однозначно следует связывать с летописными северянами.

Характерной особенностью этнокультурного развития Змиевщины второй половины VII – начала VIII вв. является образование какой-то новой археологической культуры, а возможно, и этноса. По словам М. В. Любичева, *сахновские* памятники (селища Введенка, Сухая Гомольша, Соколово I) «отражают движение переселенцев с Днепровского Правобережья, их переплетение с мест-

¹ Любичев М. В. Раннеславянское селище на Северском Донце / М. В. Любичев // Вестник Харьковского университета. – 1993. – № 374 : История. – Вып. 27. – С. 30–35; Любичев М. В. Земледельцы славян Днепра Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37–45.

² Михеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 75–81; Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111–122; Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 4–14.

³ Етнічна та етнокультурна історія України : У 3 т. / В. Д. Баран, Л. Л. Залізняк, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. 1. – С. 260; Колода В. В. Чёрная металлургия Днепр-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 41, 42; Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. – С. 96–97.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995; Приходнюк О. М. Відносини слов'ян із тюркомовами світом / О. М. Приходнюк // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України : Зб. наук. праць. – К., 2003. – С. 127–134.

ными (*колочинско-пеньковскими*) элементами. ...на определенном участке Днепро-Донецкого междуречья формируется *волынцевский* культурно-исторический горизонт, а восточнее его ареала, на Донце, памятников с характерной *волынцевской* керамикой пока не обнаружено»¹. Помимо этого, на Сухогомольшанском могильнике имеются кремации с широтной ориентировкой могильных ям по линии восток – запад. Такая ориентация характерна для урн в захоронениях *волынцевской культуры*, но только без предметов вооружения и снаряжения коня, как это имеет место в данном случае².

При этом отмечен факт вживания славян-*пеньковцев* в среду Северо-Западной Хазарии³. Данное явление рассмотрел в одной из своих работ В. С. Аксёнов. Исследователь поясняет, что начавшийся еще в третьей четверти I тыс. н. э. процесс проникновения в славянскую среду (*пеньковская культура*) выходцев из степного тюркоязычного населения (с последующей их ассимиляцией) продолжился в конце VII или начале VIII в. в связи с оттоком из степи в лесостепные районы Днепро-Донецкого Левобережья отдельных болгарских родов (после разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами). Расселившись здесь компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, болгары становятся своего рода консолидирующим элементом северянского окружения, материальным свидетельством чего является мощный культурный импульс, который наиболее выразительно проявился в *волынцевских* древностях. С распространением, пусть даже номинальной, власти хазар на пограничные со степью районы Днепро-Донецкого лесостепного Левобережья, что выразилось в выплате дани хазарам тремя славянскими племенными объединениями, население данного региона, представленное славянами, болгарскими, сармато-аланами, уграми, принимает участие в формировании *салтово-маяцкой* археологической культуры Подонья. Пример такого культурного симбиоза мы и видим в рассматриваемых славянских захоронениях *салтовского* Сухогомольшанского могильника⁴.

Преобладание среди рассматриваемых предметов вещей, связанных с женским костюмом, указывает путь попадания их в *сал-*

¹ Любичев М. В. Памятники типа Сахнавин на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського Національного університету ім. Каразіна. – 2002. – № 566: Історія. – Вип. 34. – С. 18.

² Аксёнов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII–первой половины X вв. Подонья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры) / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 16.

³ Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 96.

⁴ Аксёнов В. С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонья / В. С. Аксёнов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). – СПб., 2010. – С. 77.

товскую среду – через брачные отношения. Пришедшие в начале VIII в. в верхнее Подонцовье аланы и праболгары, вероятно, в большинстве своем неженатые молодые мужчины, брали себе в жены представительниц местного населения. Присутствие же среди рассматриваемых вещей предметов, связанных с экипировкой коня воина-всадника (ворворка из погребения № 54, начальник из погребения № 175 могильника Сухая Гомольша), позволяет предположить нахождение в составе *салтовских* воинских отрядов выходцев из местной среды (*волынцевцев*-славян, болгар, сармато-алан). Присутствие же в войске хазарского кагана славянских вооруженных отрядов подтверждается данными письменных источников¹.

Исследования последних лет позволяют говорить о том, что люди, проживавшие на Змиевщине, относились к разным народам: славянам (*пеньковцам* и *колочинцам*), тюркам (болгарам и хазарам), иранцам (аланам и ясам-асам), финно-уграм (уграм и буртасам)².

В ходе многолетних исследований установлено, что в первой половине VIII в. сложились условия для широких контактов различных этнических групп, приведших к созданию в рамках *салтовско-маяцкой культуры* нового этнического образования. В конце VII в. хазары разгромили Великую Болгарию, что вынудило болгарские роды и семьи откочевать на север, в т. ч. на территорию Змиевщины. Все это проходило в условиях аридизации причерноморских степей. Уровень общественного развития и хозяйственно-культурный тип пришлых болгар был близок подчиненному населению славян-земледельцев, что и дало возможность слияния данных народов в новое этническое образование. Часть болгар, смешавшись с земледельцами лесостепи, осела, часть – вернулась к кочевому или полукочевому состоянию³. А. А. Тортика считает, что «когда оседание кочевников действительно зафиксировано археологически, оседлость имела вынужденный характер, а масштабы ее были незначительны»⁴.

Новая переселенческая волна из степных районов на север в лесостепь связана с окончанием арабо-хазарских войн на Кавказе и

¹ Там же. – С. 77.

² Аксёнов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII–первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры) // В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К., Х., 2004. – Т. 3. – С. 20; Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений // В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 93.

³ Аксёнов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К., Х., 2006. – Т. 5. – 185–186.

⁴ Тортика О. О. Проблема осідання (седентаризації) алано-болгарського населення Дніпро-Донського межириччя у хазарський час (VIII–X ст.) // О. О. Тортика // Історичний журнал. – 2007. – № 1. – С. 78.

переключением внимания хазар с районов Закавказья на лесостепные просторы Днепро-Донецкого междуречья. Именно в это время, после 737 г., в бассейне Северского Донца появляются племена алан – носителей *салтовского* катакомбного погребального обряда. Вместе с ними на Змиевщину возвращаются оседлые и полуседлые болгаро-славяне, которым принадлежат ингумации с восточной ориентировкой¹.

Также увеличивается приток славян в Днепро-Донское междуречье. По словам А. В. Григорьева, в начале IX в. не только резко возрастает количество населения на Днепровском Левобережье, но и происходят заметные изменения в его материальной культуре. Причем коснулись эти перемены не только вновь освоенных территорий, но и земель, освоенных славянами в предшествующее столетие. Можно предполагать, что в начале IX в. новая мощная волна славянских переселенцев заполнила всю территорию от Днепра до Дона. Характер украшений позволяет предполагать, что новые поселенцы, так же как и первые, происходили из районов Подунавья. Близость ряда черт материальной культуры говорит об их близости к ранним славянам, пересекшим в VIII в. Днепр².

В дореволюционной и советской историографии усиленно развивалась теория враждебного противостояния между славянским населением и носителями *салтово-маяцкой культуры*. Однако, в свете последних археологических исследований, данная теория нуждается в значительной коррекции. Как убедительно показали работы некоторых ученых³, на территории Змиевщины *салтово-маяцкие* и славянские (*пеньковские, роменские*) древности сосуществовали на протяжении 300 лет. Сосуществование это носило чересполосный, а иногда и совместный характер. Как пишет В. В. Колода: «Раскопки последних лет на ... Мохначанском и Водяновском городищах дают возможность утверждать не только о сосуществовании славян, алан и тюркоязычных степных народов, в том числе и хазар, на одном поселении, но и о более глубоких взаимоотношениях»⁴.

¹ Аксёнов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – К., Х., 2006. – Т. 5. – С. 186.

² Григорьев А. В. О «второй волне» славянской колонизации междуречья Днепра и Дона (к постановке проблемы) / А. В. Григорьев // *Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы Международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (3-5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург)*. – СПб., 2012. – С. 100.

³ Колода В. В. *Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця* / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2005. – № 1–2. – С. 72–81; Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // *Археология Славянского Юго-Востока*. – Воронеж, 1991. – С. 43–504; Сухобоков О. В. *Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст.: За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.* / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 117–165.

⁴ Колода В. В. *Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця* / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2005. – № 1–2. – С. 72–73.

Ввиду вышесказанного, можем предположить, что в результате сосуществования на одной территории и оказания взаимного влияния к X в. на Змиевщине начал образовываться смешанный этнос¹. Компонентами его были славяне-*пеньковцы*, северяне, аланы, угры и болгары. Наиболее яркой иллюстрацией этнического синкретизма является жилище, обнаруженное в 2003 г. экспедицией ХНПУ им. Г. С. Сковороды на селище Коробовы Хутора. В раскопе-4 был открыт комплекс № 1, являвшийся жилищем (рис. 188). Оно представляло собой кочевническую юрту, но приспособленную к долговременной жизни. В самой юрте археологи нашли фрагменты от двух гончарных сосудов *салтовских* по форме и технологии, но имевших, кроме собственно *салтовских*, еще и *роменские* украшения (зубчатый «веревочный» штамп). Отопительное устройство данного жилища сочетало три различных этнических признака: славянский – встроенная ниша, приподнятое относительно пола положение, тюрко-болгарский – ниша, открытый очаг, аланский – использование камня. По мнению В. В. Колоды, сказанное свидетельствует о присутствии степного кочевнического этнического компонента (тюрко-болгарского, возможно, угорского), равно как

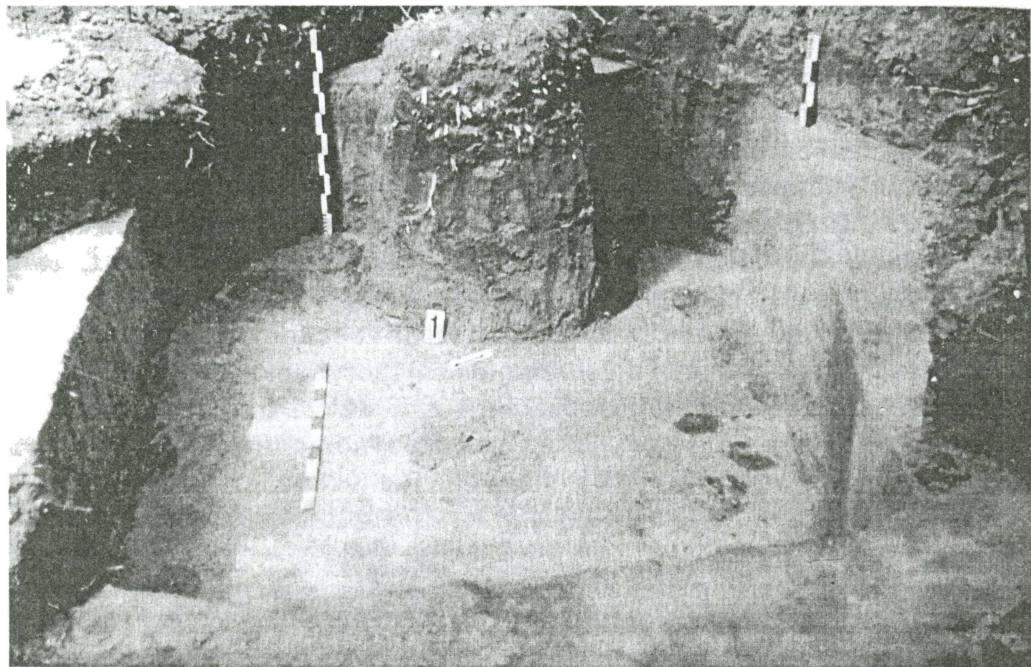

Рис. 188. Раскоп жилища всадника, Коробовы Хутора.

¹ Колода В. В. Новые данные о контактах славян Руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 95.

и славянского в среде преимущественно аланского населения селища Коробовы Хутора¹.

На сегодняшний день косвенными свидетельствами, отражающими кочевое или бывшее кочевое состояние отдельных групп населения в лесостепной среде расселения, являются:

- юрты и юртообразные жилища с их интерьером (в т. ч. и отопительным устройством в виде разнообразных, расположенных по центру очагов);
- планировка жилищно-хозяйственного комплекса в целом (прежде всего, куренная планировка, наличие открытых очагов в пределах усадьбы);
- орудия труда, связанные с переработкой скотоводческой продукции, и предмет быта (главным образом, лепная керамика: горшки и котлы с внутренними ручками-ушками)².

Эту же мысль об образовании нового этноса высказывает А. А. Тортика: «Регион был населен полиэтническими родоплеменными группами нехазарского происхождения – алано-болгарами, которые, благодаря общности исторических судеб и территории, проявляют тенденцию к этнополитической консолидации, идут путем слияния в единый этнос»³.

Предположения археологов и историков о формировании на Змиевщине новых этнокультурных общностей (во второй половине VII – начале VIII вв. и в IX–X вв.) вполне соответствуют теории этногенеза, выдвинутой Л. Н. Гумилевым. Ученый выделял несколько условий, необходимых для образования нового этноса:

- сочетание двух и более ландшафтов;
- взаимодействие нескольких этносов;
- комплиментарность (взаимная приязнь) этносов, принимающих участие в сложении новой этнической общности⁴.

Как известно, Змиевской регион Слободской Украины расположен на границе двух природно-климатических ландшафтных зон: Степи и Лесостепи. Практически все исследователи отмечали, что по устройству поверхности своей Змиевской регион Слободской

¹ Горбаненко С. А. Палеоэтноботанический спектр салтовского селища Коробовы Хутора / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. А. Пашкевич // Древности 2010. – X., 2010. – С. 343; Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора) / В. В. Колода // Древности 2006–2008. – X., 2008. – С. 125–135.

² Колода В. В. Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи: проблемы выделения этнических критериев / В. В. Колода // Дриновський збірник. – X., Софія, 2012. – Т. V. – С. 47.

³ Тортика О. О. Соціально-політична та військова структура населення північно-західної Хозарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – X., 2004. – Вип. 14. – С. 29.

⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М., 2008. – С. 191–194, 289, 340.

Украины представляет из себя равнину, перерезанную в некоторых местах невысокими возвышенностями, которые скорее могут быть названы холмами, нежели горами. К югу рельеф становится более сглаженным¹. Идеи Л. Н. Гумилева, высказанные в работе «Этногенез и биосфера Земли» не новы. Еще И. Г. Гердер утверждал: «Люди – это послушная глина в руках климата (природной среды вообще)»².

О взаимодействии и взаимовлиянии этносов, населявших в раннем средневековье Змиевщину, говорят данные археологии. Влияние *салтово-маяцкой культуры* на окружающий славянский мир является доказанным научным фактом. Так, например, славяне заимствовали фортификационные навыки и приемы гончарного производства. Однако следует отметить, что славяне, в свою очередь, также влияли на *салтовское* население края. Это влияние отчетливо прослеживается в сфере домостроительства. В середине X в. в бассейне Северского Донца сочетаются славяно-тюрко-аланские черты фортификации, домостроительства, керамического производства, а также земледелия³. В настоящем контексте весьма интересны и примечательны остатки лепных и гончарных изделий, несущих в себе традиции *роменского* и *салтовского* производства, найденные на городище Водяное в 2002–2003 гг. Средневековой экспедицией ХНПУ им. Г. С. Сковороды. Обращают на себя внимание обломки от двух лепных сосудов. Они изготовлены из рыхлого шамотированного теста, имеют некачественный обжиг (внешняя поверхность – светло-коричневая, внутренняя и излом – черные), что вполне в северянских традициях. Однако орнамент, нанесенный по их тулову, несет в себе сочетание *роменской* и *салтовской* традиций. К первой В. В. и Т. А. Колода относят отпечатки веревочного штампа, ко второй – ряды горизонтально и вертикально прочерченных гребешком линий. Еще одна группа осколков принадлежит, скорее всего, придонной части единого сосуда (рис. 189: 3–5). Он был изготовлен из мелко шамотированного плотного теста, имел хорошо заглаженную поверхность, по которой были прочер-

¹ Базалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Базалей. – М., 1887. – С. 1; Краснов А. Н. Рельеф, растительность и почвы Харьковской губернии : Доклады Харьковскому Обществу Сельского Хозяйства / А. Н. Краснов. – Х., 1893. – С. 5; Виленкин В. Л. Основные черты рельефа Харьковской области / В. Л. Виленкин, М. А. Демченко // Материалы Харьковского отдела Географического общества Украины. – Х., 1971. – Вып. VIII. Харьковская область: природа и хозяйство. – С. 18.

² Кононенко П. П. Національна ідея, нація, націоналізм : Монографія / П. П. Кононенко. – К., 2006. – С. 113.

³ Колода В. В. Новые данные о контактах славянуры и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 94; Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 74–75, 78–79.

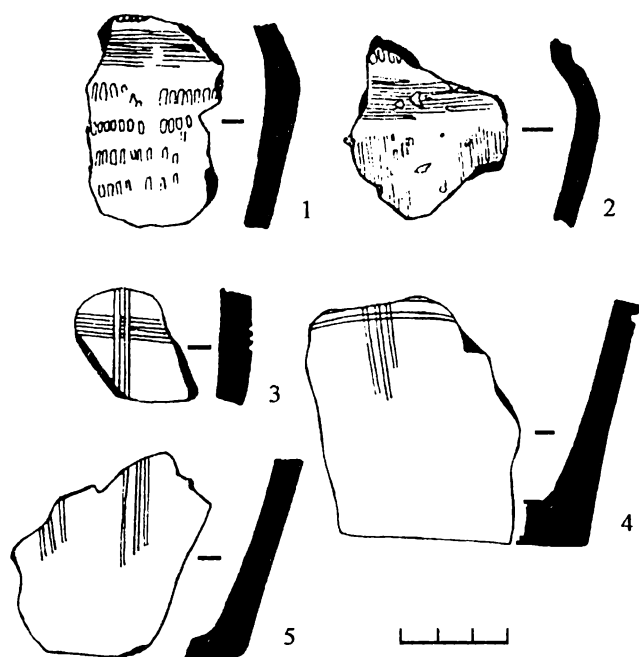

Рис. 189. Фрагменты синкретических сосудов с городища Водяное.

обеих поверхностях. Он был орнаментирован одной прорезанной волнистой линией по шейке и рядами горизонтально прочерченных через примерно равные промежутки полос по тулову (практически до дна). Если волнистая прорезанная линия по верхней части тулова изредка встречается на *роменской* посуде, то второй вид орнамента, покрывающий все тулово – нет, но он характерен для *салтовских* кухонных горшков¹.

Вышесказанное говорит о том, что начинает формироваться новая материальная культура, общая для всего населения региона. Таким образом, наше предположение о мирном сосуществовании и взаимной комплиментарности славянского и разноэтничного *салтовского* населения подтверждается археологическими исследованиями².

В пользу комплиментарности славянского и иранского населения края свидетельствует сходство черт духовной культуры. Так, Д. М. Дудко говорит следующее: «Есть основания считать, что славяне, и сармато-аланы, общаясь на протяжении полутора

чены горизонтальные и вертикальные тонкие линии, что абсолютно не известно в *роменской* культуре. Этот орнамент распространен на кухонной и тарной посуде у юго-восточных соседей северян – в среде *салтовской* археологической культуры, откуда и был позаимствован. Следует обратить внимание и еще на один гончарный сосуд. Этот горшок изготовлен из плотного, практически без примесей, хорошо вымешанного теста и имел однотонный серый обжиг на

¹ Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 263.

² Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // *Российская археология*. – 2012. – № 1. – С. 113.

тысячелетий, заимствовали друг у друга немаловажные элементы религиозно-мифологического мировоззрения»¹. Действительно, многие черты славянской мифологии и боговщины имеют иранские (скифо-сармато-аланские) корни (см. § 5. 7). В связи с Мохначанским святилищем открытым остается вопрос о параллелях (см. § 5. 5) в устройстве жертвенников, культовых статуэтках и обряде жертвоприношений северян и ираноязычных носителей скифской *лесостепной культуры*, отождествляемых с меланхленами².

Помимо этого, В. В. Цимиданов установил, что красный цвет, так широко применявшийся в украинских обрядах, является, вероятно, следствием влияния ираноязычных народов на предков украинцев. По мнению исследователя, данные представления украинцев о красном цвете восходят, скорее всего, к бронзовому веку³.

По мнению А. А. Лаптева, наличие, по крайней мере, в части *салтовских* комплексов славянских сосудов позволяет говорить о проникновении в аланские общины славянского населения, принесшего с собой свои обряды и проводившего их на катакомбных могильниках. Количественно такого населения, инфильтрованного в *салтовскую* среду, определялась распространенность тризн смешанного типа⁴. В. С. Аксенов об этом говорит следующим образом: «обнаружение в закрытых *салтовских* комплексах второй половины VIII – начала IX вв. вещей славянского круга, подтверждает тезис о симбиозе в бассейне Северского Донца местного населения (славян и сармато-алан) с представителями пришлых этносов (аланами и праболгарами). Вместе они и создали такое яркое явление, как *салтово-маяцкая* археологическая культура»⁵.

На местном материале можно предполагать также, что Змиевской регион был одним из тех, где зарождалась и *салтовская культура*. В сентябре 2009 г. М. Н. Григорьянц, руководитель археологического кружка Харьковской гимназии № 116, получил в дар от жителей с. Черкасский Бишкин комплекс из 13 предметов, обнаруженных при выборке песка на острове, в русле Северского

¹ Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимодействия в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // *Хазарский альманах*. – М.: Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 44.

² Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. – С. 265; Михеев В. К. Археологія залізного віку Східної Європи / В. К. Михеев, Б. А. Шрамко. – Х., 2000. – С. 98; Скирда В. В. Изглубины веков: К истории города Харькова / В. В. Скирда, Б. П. Зайцев, А. Ф. Парамонов. – Х., 2004. – С. 26–30; Коловрат Ю. А. Змиево городище: Краткий краеведческий очерк / Ю. А. Коловрат. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Змиев, 2009. – С. 51.

³ Цимиданов В. В. Червоний колір в українських обрядах / В. В. Цимиданов // *Харьковский историко-археологический сборник*. – Х., 2010. – Вып. 6. – С. 71.

⁴ Лаптев А. А. Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников / А. А. Лаптев // *Салтово-маяцка археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині*. – Х., 2011. – С. 48.

⁵ Аксёнов В. С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. – СПб., 2010. – С. 77.

Донца и расположенном примерно в центре села. Комплекс состоит из железных предметов конской упряжи (пара восьмеркообразных стремян, удила с четырьмя парными кольцами, удила без колец, четыре пряжки, три отдельных кольца). Сейчас данные предметы хранятся в археологическом музее Харьковской гимназии № 116. М. Н. Григорьянц относит комплекс к *вознесенскому горизонту перещепинской культуры*¹, которую А. В. Комар считает начальным периодом культуры хазар (рис. 190)², составной части ранней салтовской археологической культурной общности³.

Заметим, что С. А. Плетнева⁴, А. А. Тортика⁵ и Г. Е. Афанасьев⁶ основой салтово-маяцкой культуры считают сармато-аланскую культуру. Хотя в контексте нашей работы это особо ничего не меняет, поскольку Змиевский регион также был ареалом последней. И опять-таки ираноязычные сармато-аланы смешивались с местным славянским (пеньковским) населением, о чем ярко свидетельствует погребение «мохначанской принцессы»⁷.

Таким образом, работа Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» является весомой теоретической базой для гипотезы М. В. Любичева, В. В. Колоды, В. К. Михеева и В. С. Аксенова о формировании на Змиевщине новых археологических культур, а возможно, и этносов.

С точки зрения дуалистической концепции этногенеза Ю. В. Бромлей, приоритет в определении этнической принадлежности отдается языку⁸. В современной науке господствует формула И. В. Сталина: Нация – это историческая общность людей, сложившаяся в процессе формирования общности ее территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей психического склада, культуры, характера⁹. Сравните, современные определения: «Этнос – исторически сложившаяся группа

¹ Григорьянц М. Н. Древности перещепинской культуры на Харьковщине и начальный период хазар / М. Н. Григорьянц, А. А. Желтобрюх // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2011. – Вып. 9. – С. 17, 20.

² Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем в истории и культуры кочевников Восточной Европы VII–нач. VIII вв. / А. В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т. 5. – С. 46–64; Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) / А. В. Комар // Восточноевропейский археологический журнал. – Май–июнь 2000. – № 3 (4). – Режим доступа : <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm>. – Доступ 10. 02. 2013 г.

³ Григорьянц М. Н. Древности перещепинской культуры на Харьковщине и начальный период хазар / М. Н. Григорьянц, А. А. Желтобрюх // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2011. – Вып. 9. – С. 22.

⁴ Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнёва. – М., 1967. – С. 184–186.

⁵ Тортика О. О. Соціально-політична та військова структура населення північно-західної Хозарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2004. – Вип. 14. – С. 30–31.

⁶ Афанасьев А. Г. Донские аланы : Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона / А. Г. Афанасьев. – М., 1993. – С. 151.

⁷ Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111–122.

⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М., 1983. – С. 9.

⁹ Сталин И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – М., 1949. – Т. 11. – С. 333.

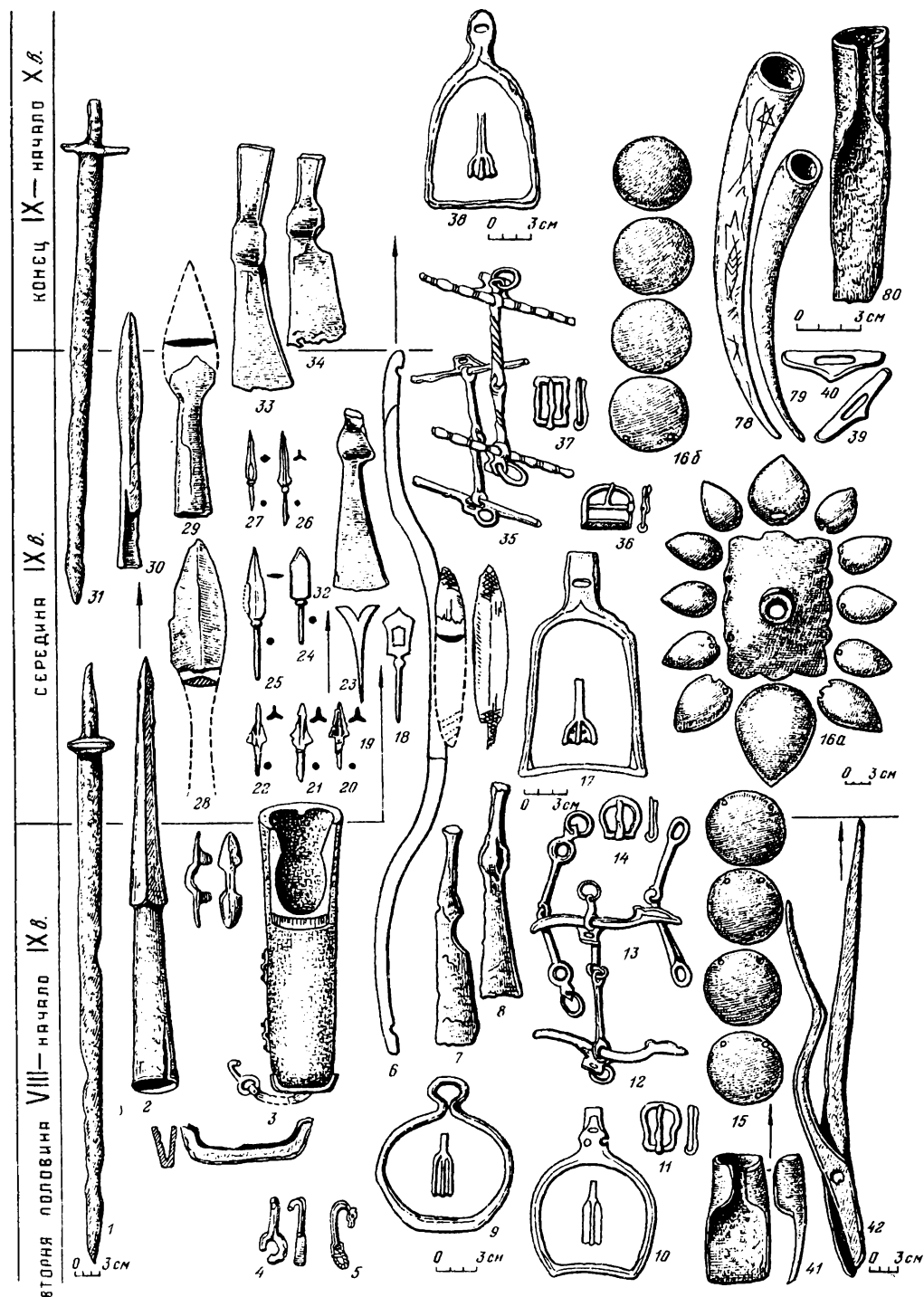

Рис. 190. Хронологическая таблица вещевого комплекса салтово-маяцкой культуры.

людей, обладающих общим самосознанием и самоназванием (этнонимом), общностью происхождения и культуры (чаще языка) ...»¹. «Нация, историческая общность людей, основанная на общности территории, исторических, экономических и политических связей, литературного языка и др. особенностей культуры ...»². Но и в этом случае мы вправе рассматривать Подонцовье в качестве территории зарождения нового этноса, т. к. по свидетельству Ал-Бекри, «главнейшие из племен севера [Хазарии] говорят по-славянски»³. Т. е. мы имеем еще один консолидирующий фактор – язык.

Здесь важно подчеркнуть, что взаимное влияние этносов, проживавших в период раннего средневековья на территории Змиевского края, отмечается и на языковом материале. Так, в славянском лексическом фонде содержится ряд тюркизмов:

***баґаґаґ** < тюркск. < ср.-иран. *bāgān – «баран, овца»;

***чаґаґаґ** / **чаґаґаґ** < тюрк. çakan – «боевой топор»;

***хґмеля** «хмель» < тюркск.: ср. чуваш. xāmla, венг. komló < др.-болг., башк. комалак «хмель» (хотя «Этимологический словарь славянских языков» настаивает на иранском происхождении этого слова);

***клобук** «шляпа» (рус. клобук) < тюркск. kalpak;

***коґґуґ** «ястреб-перепелятник» < тюркск. kargu, karguj < перс. kargas;

***слон** < тюркск. arslan «лев» (по народной этимологии было сближено со словом *sloniti «опираться»);

***товаґ** < уйг. tavar «имущество, скот»;

***тґлмач** «переводчик» (рус. толмач) < тюркск.: ср. кыпч. tylmaç, каз. tilmäš, южноалт. tilmäč, туп. dilmaç, уйг. tilmäzi⁴.

Обе теории этногенеза предполагают, что этносу присущи общность психики (менталитета, стереотипа поведения) и осознание своего единства. Об этносе мы вправе говорить тогда, когда у какой-то общности людей появляются четкие различия «свой» – «чужой»⁵. Было ли понимание такого различия у того синкретического этноса, остатки материальной культуры которого фикси-

¹ Этнос // Современная украинская энциклопедия: В 16 т. – Х., 2006. – Т. 16. – С. 312–313.

² Нация // Современная украинская энциклопедия: В 16 т. – Х., 2005. – Т. 9. – С. 353.

³ Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVIII. – С. 132.

⁴ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1974. – Т. 1. – С. 155–158; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1981. – Т. 8. – С. 141–145; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1983. – Т. 10. – С. 61–62; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1984. – Т. 11. – С. 68–69; Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. – Kraków, 2005. – S. 558.

⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М., 1983. – С. 18, 173–183 и далее; Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 47.

руют на Змиевщине археологи? Вероятно, да. И вот почему. По словам А. А. Тортики, после распада Хазарского каганата жизнь на *салтовских* поселениях Подонцовья прекращается. При этом отсутствуют следы погромов¹. По-видимому, мы можем говорить об уходе местного населения. В середине XI в. в результате нашествия кочевников большая часть восточных *роменских* городищ перестает существовать. Так, например, «на городище Водяное обращает на себя внимание отсутствие следов разрушения, полное отсутствие железных орудий труда в каких-либо комплексах и практическое отсутствие металлических изделий в площади раскопа вообще (археологам достались лишь неполные развалы сосудов, разбитые жернова и единичные потерянные украшения). Это свидетельствует, скорее всего, о том, что жители оставили данное поселение организованно и одновременно, унося все самое ценное с собой»². По этому поводу С. А. Плетнева писала, что часть населения региона после печенежского нашествия возвращается к кочевому образу жизни, другая часть населения отошла в южные регионы каганата³. К кочевому образу жизни вернулись племена болгар. В южные регионы каганата переселяются аланы, которые (вероятно, в большинстве своем, но не все) возвращаются на Кавказ. Т. е. каждый из этих этносов уходит к тем, кого считают «своими». Что касается предполагаемого синкретического этноса, то, по мнению В. В. Колоды, его представители уходят в Поднепровье, под защиту Русского государства⁴. Почему? По той причине, что из всех возможных вариантов только русичи воспринимаются как «свои». Причиной тому языковая принадлежность этих «этнических новиков» – они, как и «главнейшие племена севера» Хазарии, говорили по-славянски.

Таким образом, предположения археологов о возможности формирования в Подонцовье нового синкретического этноса выглядят весьма убедительно. Эту точку зрения поддерживала и С. А. Плетнева, которая высказала мысль, что в бассейне Северского Донца открыт новый этнос, «ранее нам не известный или «неосознанный», который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершенной картину жизни Северо-Западной Хазарии»⁵.

¹ Тортика А. А. *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)* / А. А. Тортика. – Х., 2006. – С. 145.

² Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 251.

³ Плетнёва С. А. Половцы / С. А. Плетнёва. – М., 1990. – С. 14.

⁴ Колода В. В. *Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця* / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2005. – № 1–2. – С. 80.

⁵ Плетнёва С. А. *Хазарские проблемы в археологии* / С. А. Плетнёва // *Советская археология*. – 1990. – № 2. – С. 83.

Сегодня вопрос ставится уже иначе: что и от какого этноса было привнесено в эту общую синкретическую культуру?¹

После падения Хазарского каганата процессы этногенеза на территории региона прекращаются. А. А. Тортика поясняет это тем, что «алано-болгары Подонцовья существовали как этнокультурная и социально-политическая общность только в рамках хазарского владычества и хазарской государственности»². После массового ухода алан во второй половине X в. доминирование в регионе перешло к славянам северянского племенного союза, в этническое сообщество которых были инкорпорированы и остатки полиэтнического населения *салтовской культуры*³.

§7.2. Политическое развитие региона

Затрагивая вопрос об этнополитических процессах в раннем средневековье, *салтовский* период следует выделить особо. Роль Хазарского каганата в истории Змиевского края и восточных славян, в целом, трудно переоценить. Фактически Хазария заслонила собой Восточную Европу от вторжения арабов, как на Западе это сделали франки. Разгром Святославом Хазарии в 965 г. имел для славян свои выгоды: Русь обеспечила себе свободный выход на рынок Востока и ликвидировала опасного соперника в торговле. Но вместе с тем, не стало каганата, который сдерживал степные орды на их пути в Европу.

Многие исследователи отмечали, что на начальном этапе существования Руси, монархи ее именовались каганами⁴. Об этом сообщает ибн-Даст, называющий царя русов «хакан-Рус»⁵. Причем, «титул этот употреблялся очень долго, митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати» употреблял его как официальный»⁶. Известно также, что во время встречи русских послов с Восточнофранкским королем Людовиком Благочестивым в 839 г., представи-

¹ Колода В. В. Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи: проблемы выделения этнических критериев / В. В. Колода // Дриновський збірник. – Х.; Софія, 2012. – Т. V. – С. 45.

² Тортика О. О. Соціально-політична та військова структура населення північно-західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2004. – Вип. 14. – С. 38.

³ Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 114.

⁴ Грушевський М. С. Історія України-Руси : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку. – С. 396; Хонигсман Я. С. Евреи Украины (Краткий очерк истории) / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – К., 1992. – Ч. 1. – С. 9

⁵ З «Книги дорожніх скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 70.

⁶ Войтович Л. В. Київський каганат (до полемики П. Толочка з О. Пріцаком) / Л. В. Войтович // Хазарський альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 111.

тели «Русской земли» подчеркивали – властитель их страны имеет титул «хакан»¹. М. И. Артамонов полагал, что «принятием этого титула киевский князь заявил о своей независимости от хазар»². Л. В. Войтович считает, что первым каганом Руси, при котором поляне освободились от хазарской зависимости и который послал посольство к василевсу Феофилу в 838 г., был летописный Дир³. Против этой точки зрения возражают А. П. и П. П. Толочко. По их мнению, «в Бертинских анналах титул “каган” является, собственно, реконструкцией. Происхождение же этого титула у Иллариона ... является книжным, связанным с существенным болгарским влиянием (т. е. влиянием из Болгарии на Дунае) во времена Ярослава Мудрого, а совсем не с написанием о давнем соперничестве с Хазарией. Для Иллариона это было доказательством высокого стиля ораторского текста. Никакого широкого распространения этот комплиментарный относительно киевских властителей титул болгарских царей не приобрел»⁴.

Установление власти Руси над теми восточнославянскими племенами, которые платили дань Хазарии, по сути своей, носит характер переподчинения. Поход князя Святослава следует, на наш взгляд, трактовать как перехват контроля над экономической базой и торговыми путями региона. При этом следует согласиться с Л. В. Войтовичем, который пишет: «Созданное Олегом государство, наверное, считало себя наследницей не только этого каганата ..., но и предыдущей полянской династии Кия ...»⁵. Поэтому, очевидно, что прав Л. Н. Гумилев, который считает, что к X в. крепнущее и растущее Русское государство переняло гегемонию в регионе у Хазарского каганата⁶.

Таким образом, в X в. средневековая империя хазар сменяется империей русов (представлявших собой военно-политический союз незначительной части варягов из племени русь и восточнославянского племени полян), что положило начало объединению всех восточнославянских племенных союзов в рамках единого политического, экономического и культурного пространства – Русского государства. О помощи скандинавов полянам в освобождении их от хазарского влияния говорит Л. В. Войтович⁷.

¹ Головки О. Б. *Хазарія і печеніги в процесі становлення державності у слов'ян Східної Європи (VIII–XI ст.)* / О. Б. Головки // *Хазарський альманах*. – М.; Ієрусалим, 2004. – Т. 2. – С. 22–23.

² Артамонов М. И. *История хазар* / М. И. Артамонов. – Л., 1962. – С. 366.

³ Войтович Л. В. *Київський каганат (до полеміки П. Толочка з О. Прицаком)* / Л. В. Войтович // *Хазарський альманах*. – М., 2005. – Т. 4. – С. 113.

⁴ *Україна крізь віки: У 15 т.* – К., 1998. – Т. 4. *Київська Русь*. – С. 39.

⁵ Войтович Л. В. *Київський каганат (до полеміки П. Толочка з О. Прицаком)* / Л. В. Войтович // *Хазарський альманах*. – М., 2005. – Т. 4. – С. 114.

⁶ Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь* / Л. Н. Гумилев. – М., 2008. – С. 32–33.

⁷ Войтович Л. В. *Київський каганат (до полеміки П. Толочка з О. Прицаком)* / Л. В. Войтович // *Хазарський альманах*. – М., 2005. – Т. 4. – С. 113.

В рамках Русского государства произошло формирование древнерусской народности. По нашему мнению, попытки отрицания древнерусской народности, как промежуточного звена между восточнославянскими племенными союзами и украинцами, следует считать заведомо спекулятивными и обусловленными политической конъюнктурой первых лет независимости Украины. В специальной монографии «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» П. П. Толочко на основании комплексного изучения источников и историографии вопроса пришел к выводу о существовании в X–XIII вв. единой древнерусской этнокультурной и социальной общности, вполне отвечающей понятию народности¹. Обстоятельно система аргументации приведена исследователем несколько ранее, в книге «Киевская Русь»². Эту точку зрения поддерживал также В. В. Седов. Восточнославянские племена, упоминание о которых содержится в «Повести временных лет», ученый называет «единым этноязыковым образованием, именуемым русью»³. Подтверждается данная точка зрения и лингвистическими исследованиями О. Н. Трубачева⁴.

В будущем древнерусская народность послужит основой для формирования четырех русских народов: севернорусского (новгородского), великорусского, белорусского и украинского. По верному утверждению Б. А. Рыбакова, древности VI–VII вв. связаны с более поздними курганными материалами IX–XII вв. (северянские височные кольца), а также находят прямые аналогии в великорусском, белорусском и украинском этнографическом материале XVIII–XIX вв.⁵ В этой связи очень интересен факт, что в ДНК-генеалогии при определении предкового славянского гаплотипа могут участвовать как украинцы, так и великорусы – не это влияет на результат анализа!⁶

Подытожив вышесказанное, правомерно сделать вывод о непрерывности и преемственности этнокультурных и этногенетических процессов, протекавших на Змиевщине в эпоху раннего средневековья (середина V – середина XI вв.).

После вторжения в Подонцовье печенегов славянское население и ассимилированные носители традиций *салтово-маяцкой культуры* переселяются ближе к Киеву под защиту великокняжеской власти. Начался период развитого средневековья.

¹ Толочко П. П. Чи існувала давньоруська народність / П. П. Толочко // Археологія. – 1991. – № 3. – С. 47–57.

² Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 4. Київська Русь. – С. 39.

³ Седов В. В. Славяне : Историко-археологическое исследование / В. В. Седов; Институт археологии РАН. – М., 2002. – С. 525–531.

⁴ Трубачёв О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачёв. – Изд. 3-е, доп. – М., 2005.

⁵ Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 99.

⁶ Клёсов А. А. Происхождение славян и других народов. Очерки ДНК-генеалогии / А. А. Клёсов. – Б. м., 2011. – С. 60.

Послесловие

Проведенное исследование показало, что вся краеведческая литература, хоть в какой-то степени касающаяся раннесредневекового периода истории Змиевщины, относится к научно-популярному жанру. При этом степень информативности рассмотренных книг весьма низка. Зачастую в этих книгах содержатся упрощенные или устаревшие сведения. Приятно отметить, что наряду с таким неудовлетворительным положением дел в историко-краеведческой историографии, существует огромное количество научных работ, которые смело можно отнести к разряду региональной истории. В первую очередь, это публикации результатов археологических раскопок. Значительный объем фактажа содержится в научно-исследовательских работах, которые написаны с привлечением местного материала.

Представляется, что в целом работа достигла цели, а поставленные в настоящей книге задачи были решены. Впервые в краеведении и региональной истории Змиевщины создан научный труд, дающий характеристику этнокультурного, социального, экономического и политического развития края середины V – середины XI вв. н. э., что является лишь первой вехой в создании хронологически всеобъемлющей картины. Проведен широкий синтез достижений археологической и исторической наук в изучении региона в раннесредневековый период. Это, несомненно, дает общую картину событий описываемого времени, выявляет сильные и слабые стороны тех или иных положений, гипотез, предположений и типологий, предлагаемых отдельными исследователями по различным вопросам. Наличие такой общей картины послужит стартовой площадкой для дальнейшего изучения как истории региона, в целом, так и отдельных проблем и вопросов, в частности. Полученные результаты можно обобщить следующим образом.

Несмотря на то, что раннеславянские племена антов были столь многочисленны и сильны, что беспокоили своими набегами Восточную Римскую империю, тем не менее, *пеньковская* археологическая *культура*, представляющая их, кажется наименее изученной и имеющей множество еще нерешенных вопросов. На значительном числе *пеньковских* поселений выявлена только характерная керамика. Это свидетельствует, в первую очередь, о кратковременности поселений антов.

Очень интересным является вопрос о ямках в *пеньковских* жилищах. Поскольку они не всегда расположены посредине, а зачастую ближе к печи, то не могут быть однозначно связываемы с подпорными столбами. Тем более, что в полуземляночных жилищах данной культуры не было технологической нужды в опорных столбах.

Левобережная Украина послужила территорией зарождения *пеньковских* древностей. Именно поэтому хронологические рамки данной культуры в Подонцовье имеют, вероятно, несколько больший диапазон: конец IV – конец IX вв.

Отдельной проблемой исторической науки является вопрос, что происходит на змиевских землях с началом господства Хазарского государства? Археологи лишь фиксируют новые явления в материальной культуре региона. Была ли это инфильтрация в антскую (*пеньковскую*) среду северян *волынцевской* археологической культуры или начало образования нового славянского этноса – неясно. Равно неясно, вправе ли мы говорить о присутствии *волынцевских* памятников в Змиевском крае.

Наиболее насыщенным периодом раннесредневековой истории Подонцовья было время, когда наши земли входили в состав Северо-Западной Хазарии. Именно тогда возникает густая сеть поселений лесостепного варианта *салтово-маяцкой* археологической культуры. Характерной их чертой являются гнезда. Центром экономического микрорайона была крепость (в археологии – городище), выполнявшая роль форпоста, торгового и, вероятно, административного центра. Вокруг него группировались села (селища). В каждом микрорайоне Подонцовья было свое кладбище (могильник).

На протяжении всего периода господства Хазарского каганата население края исповедовало языческие культы. Это верно, как в отношении славян *пеньковской* и *роменской* культур, так и в отношении носителей *салтовских* традиций. Последние были неоднородны в этническом отношении. Бóльшая часть *салтовцев* – аланы, выходцы с Северного Кавказа. Здесь же проживали болгары, а также, вероятно, угры (венгры).

Относительно присутствия на змиевских землях северян во времена второй фазы развития их материальной культуры (*роменская археологическая культура*) можно говорить более точно и предметно. Картографирование *роменских* памятников позволяет сделать эмпирический вывод о том, что основным путем освоения северянами Змиевского региона был Северский Донец. Вдоль этой водной артерии и ее притоков (Уд, Мжи) расположены селища и городища северян.

Исследования топографии поселений и планиграфии жилищ северян свидетельствуют о том, что территорию Змиевщины заселяли представители отдельных родов. Таким образом, на местных поселениях образовывались соседские, а не родовые общины. Это значительный шаг в социальном развитии северян. И сделан он был впервые в Подонцовье.

Впервые в ареале *роменской археологической культуры* было открыто культовое сооружение – Мохначанское святилище или, точнее, храм. По сути, это простое жилище, в котором нет печи, но обустроен жертвенник. Конечно же, этот храм имел сугубо местное значение. Однако, примечателен сам факт того, что на столь огромной территории, которую занимали северяне, это первое открытие подобного комплекса.

Вероятно, следует согласиться с существованием трех северянских племен. При этом, подонцовская часть Северянской земли, находившаяся на периферии, как набирающей силу Руси, так и слабеющей Хазарии, обрела независимость самостоятельно.

В период второй половины VII–X вв. на территории Змиевского региона Подонцовья появляются новые, синкретические, черты в материальной культуре местного населения, сочетающие в себе славянские и *салтовские* элементы. Данные этнографии при этом говорят о длительном влиянии иранских (а аланы по происхождению иранцы) языковых и культурных традиций на славянский язык и мифологию. Именно возникновение общих черт материальной и духовной культуры позволяет предполагать зарождение на змиевских землях нового этноса. Данный процесс не был завершен. С вторжением в Подонцовье печенегов, а затем и половцев, большая часть населения края покидает данную территорию. В настоящей работе аргументирована гипотеза о Змиевском регионе, как особой историко-этнографической зоне, которая в раннем средневековье стала ареной этногенеза. Новизна данного результата заключается в том, что отдельными историками и археологами уже давно ставился вопрос образования в Подонцовье нового этноса, однако никто еще не подвел под эти предположения весомую

теоретическую базу, не свел воедино результаты различных (по методике и методологии) исследований. Все это представлено в настоящей работе.

Роль Хазарии в истории Змиевщины, в целом, позитивна. Только будучи объединены потестарной системой и единой материальной культурой каганата, различные этносы края начали сливаться в новый синкретический этнос. Существование на протяжении начала VIII – середины X вв. мощного государства сдерживало орды кочевников Великой степи в их извечном движении с востока на запад. Экономическая же эксплуатация местного населения была, по-видимому, незначительна.

Северяне и представители синкретического этноса, переселившись под натиском кочевников под защиту Русского государства, влились в состав древнерусской народности. Естественно, северянское своеобразие черт материальной и духовной культуры сохранилось до исторических времен. Скорее всего, следует согласиться с мнением, что потомки северян – это этнографическая группа украинцев, носящая название севрюки.

При этом имеется ряд вопросов, которые в силу методологической слабости науки и неполной изученности края пока еще остаются открытыми. Среди таковых следующие.

- Каковы верхние хронологические рамки существования на Змиевщине древностей *пеньковской* археологической культуры?
- Имеется ли опосредованная связь между *лесостепной* и *роменской* археологическими культурами?
- Каков характер синкретического этноса, формировавшегося здесь (славянский, иранский, тюркский)? Т. е., какие компоненты были в нем субстратом, а какие – суперстратом?

Еще в 1922 г. Л. С. Берг выдвинул тезис: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, *жизнь* на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть»¹. Отсюда Л. Н. Гумилев выдвинул задачу этнологии: «Этногенез есть, прежде всего, процесс активной адаптации человеческих коллективов в среде – этнической и природной, причем ландшафтная среда заставляет людей вырабатывать комплексы

¹ Берг Л. С. Номогенез / Л. С. Берг. – Пг., 1922. – С. 180, 181.

адаптивных навыков – этнические стереотипы поведения. Следовательно, неповторимое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие – поведенческое и во многом даже культурное. Таким образом, если мы хотим составить представление об этносе, нам нужны этногеографические исследования – выделение и изучение его месторазвития»¹.

Естественно, что выдвинутая в данной книге гипотеза о формировании в Змиевском регионе нового этноса нуждается в дальнейших серьезных исследованиях. Для ответа на этот вопрос в историческую науку следует к уже имеющимся обобщенным характеристикам населения, таким как археологическая культура и антропологический тип, ввести еще одну – генофонд. К тому же, данная мысль высказывается естествоиспытателями².

В научной литературе практически доказана целесообразность взаимодействия гуманитарных и естественных наук, интеграции их методов и методик³. «Такое сотрудничество часто приводит к интересным результатам и открытиям, которые в отсутствие указанной интеграции вряд ли было возможным»⁴.

Ввиду сказанного, наиболее перспективным в изучении образования в Подонцовье синкретического этноса считаем генетический анализ человеческих останков, извлекаемых при археологическом исследовании могильников. По словам О. П. Балановского: «Учитывая сложность реконструкции древних миграций по данным о современных популяциях, большое значение приобретает анализ ДНК палеоантропологического материала из археологических раскопок: исследование палеодНК позволяет проследить изменчивость генофонда не только в пространстве, но и во времени. Генетические исследования приобретают все большее значение для смежных наук о человеке – не только физической антропологии и археологии, но и лингвистики. ... Изменчивость Y-хромосомы в народонаселении Европы структурирована не только по географической близости, но и по этнической принадлежности: популяции

¹ Гумилёв Л. Н. Три китайских царства / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. – С. 6–7.

² Балановская Е. В. Русский генофонд на Русской равнине / Е. В. Балановская, О. П. Балановский. – М., 2007. – С. 56.

³ Как пример, см.: Арнольд В. Г. Изнашиваемость зубов в двух популяциях региона Хазарского каганата Харьковской области Украины / В. Г. Арнольд, Э. А. Наумова, В. В. Колода, М. В. Лубичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – № 639. – Серія : Медицина. – Вип. – С. 90–95; Иванов И. В. Археология и почвоведение: опыт взаимодействия наук / И. В. Иванов // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород, 2011. – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 385–386; Добровольская М. В. Исследования материалов кремации: к реконструкции погребального обряда / М. В. Добровольская // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 376–377.

⁴ Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 107.

одного народа образуют в генетическом пространстве компактные «этнические облака». Количественно это выражается в резком преобладании межэтнической изменчивости ($G_{ST}=0.15$) над внутризэтнической ($G_{ST}=0.03$). Исключение составляют восточные и западные славяне, обладающие сходным генофондом вопреки обширности их ареала»¹.

В последние двадцать лет популяционная генетика переживает новый подъем, связанный с использованием нерекombинирующих систем: митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосомы. Ярко выраженная межпопуляционная вариабельность этих маркеров, высокая скорость накопления мутаций, возможность проследить их постепенное «наслоение», не разбиваемое рекомбинационными событиями – все это сделало мтДНК и Y-хромосому эффективными инструментами для прослеживания древних миграций человечества, изучения генофонда современных популяций (в т. ч. этнических) и факторов сложения. Подходы и технологии для того решения подобной задачи специально разрабатывает историческая геногеография².

В будущих исследованиях предстоит также ответить на вопрос: происходил ли процесс этногенеза на Змиевщине в другие периоды истории?

Еще раз хочется отметить необходимость перехода исторического краеведения от аматорской стадии развития к профессиональной, т. е. к региональной истории. В первую очередь, это должно отразиться на характере краеведческих трудов – они должны быть научными. Соответственно, методология их должна идти в ногу с современной наукой. Поэтому, подводя итог, можем утверждать верность того набора общенаучных и специальных методов исторического познания, который был использован в данной книге.

Конечно же, в рамках одной книги невозможно раскрыть полностью все сопутствующие темы, ответить на все актуальные вопросы истории раннего средневековья Змиевского края. Надеемся, что будущие исследования дадут бóльшие результаты.

¹ Балановская Е. В. Русский генофонд на Русской равнине / Е. В. Балановская, О. П. Балановский. – М., 2007. – С. 54.

² Там же. – С. 54.

Список сокращений

<i>алб.</i>	—	албанский язык
<i>АО МКЗЛ</i>	—	Архивный отдел музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко
<i>АН</i>	—	Академия наук
<i>в.</i>	—	век
<i>вв.</i>	—	века
<i>г.</i>	—	год
<i>гг.</i>	—	года
<i>га</i>	—	гектар
<i>гот.</i>	—	готский
<i>до н. э.</i>	—	до нашей эры
<i>др.</i>	—	другое
<i>др.-англ.</i>	—	древнеанглийский язык
<i>др.-греч.</i>	—	древнегреческий
<i>др.-инд.</i>	—	древнеиндийский язык
<i>др.-исл.</i>	—	древнеисландский язык
<i>др.-рус.</i>	—	древнерусский язык
<i>зап.-слав.</i>	—	западнославянский язык
<i>и др.</i>	—	и другие
<i>и т. д.</i>	—	и так далее
<i>и т. п.</i>	—	и тому подобное
<i>и.-е.</i>	—	индоевропейский праязык
<i>изд-во</i>	—	издательство
<i>иллир.</i>	—	иллирийский язык
<i>иран.</i>	—	иранский язык
<i>км</i>	—	километр
<i>лат.</i>	—	латинский язык
<i>лит.</i>	—	литовский язык
<i>лтш.</i>	—	латышский язык
<i>лув.</i>	—	лувийский язык
<i>м</i>	—	метр
<i>МАЭСУ</i>	—	Музей археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В. Н. Каразина
<i>мид.</i>	—	мидийский язык
<i>миф.</i>	—	мифологический персонаж
<i>н. э.</i>	—	нашей эры
<i>палай.</i>	—	палайский язык
<i>ПСРЛ</i>	—	Полное собрание русских летописей

<i>прус.</i>	—	прусский язык
<i>с.</i>	—	село
<i>серб.-хорв.</i>	—	сербскохорватский язык
<i>скр.</i>	—	санскрит (ведический древнеиндийский) язык
<i>слав.</i>	—	славянский язык
<i>см</i>	—	сантиметр
<i>ст.</i>	—	станция
<i>ст.-слав.</i>	—	старославянский язык
<i>т. е.</i>	—	то есть
<i>т. к.</i>	—	так как
<i>тох. А</i>	—	тохарский язык А
<i>тох. Б</i>	—	тохарский язык Б
<i>уроч.</i>	—	урочище
<i>ХГПУ</i>	—	Харьковский государственный педагогический университет им. Г. С. Сковороды (позднее – ХНПУ)
<i>ХГУ</i>	—	Харьковский государственный университет им. А. М. Горького (позднее – ХНУ)
<i>хетт.</i>	—	хеттский язык
<i>ХНПУ</i>	—	Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды
<i>ХНУ</i>	—	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина
<i>хут.</i>	—	хутор
<i>эпич.</i>	—	эпический персонаж
<i>этно.</i>	—	этноним

Приложение

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Прокопий Кесарийский. «ВОЙНА С ГОТАМИ»¹

III, 14. Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрёл никакого состояния. На четвёртом году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку. Дело в том, что жившие по Истру варвары, гунны, анты и славяне, часто совершая такие переходы, наносили римлянам непоправимый вред. Хильбудий настолько был страшен варварам, что в течение трёх лет, пока он был облечён званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истр для войны с римлянами, но сами римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров. Спустя три года после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешёл реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая; пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий. После этого река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открытой для их вторжения. Таким образом, оказалось, что всё могущество Римской империи в этом деле совершенно не может равняться доблести одного человека.

Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один славянин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости по имени Хильбудий, и отвёл его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий

¹ Цит. по: Прокопій. Слов'яни / Прокопій // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 30; Прокопій Кесарійський. Война с готами. О постройках / Прокопій Кесарійський; пер. С. П. Кондратьєва. – М., 1996. – С. 247–251.

оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина, он совершил мною славных подвигов и смог добиться для себя великой славы. Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеку-колюбивому и мягкому хозяину. Сам же этот пленник был очень коварным и способным обмануть любого встречного. Так как при всём желании он не находил никаких средств вернуться в римскую землю, он придумал следующее. Придя к хозяину, он рассыпался в похвалах его милосердию, утверждая, что за это ему от Бога будет много всяких благ, что сам он ни в коем случае не окажется благодарным своему добрейшему господину, и что если хозяин захочет послушать его добрых советов, которые он очень хорошо обдумал, то в скором времени он сделается обладателем большой суммы денег. У одного славянского племени на положении раба находится Хильбудий, бывший военачальник римлян, скрывающий от всех варваров, кто он такой. Если ему будет угодно выкупить Хильбудия и доставить его в землю римлян, то вполне естественно, что он получит великую славу и очень много денег от императора. Такими речами римлянин тотчас убедил своего хозяина и вместе с ним отправился к славянам. У этих народов был заключен мирный договор, и они без страха общались друг с другом. И вот, предложив хозяину Хильбудия большую сумму, они купили этого человека и с ним быстро вернулись домой. Когда они вернулись к себе, на своё местожительство, купивший стал его спрашивать, правда ли, что он Хильбудий, римский военачальник? Он не отказался рассказать всё, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь, что он сам родом ант, что, сражаясь вместе со своими родичами со славянами, бывшими тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он в дальнейшем согласно закону будет уже свободным. Заплативший за него деньги остолбенел, лишившись даже речи от изумления, и впал в величайший гнев, потеряв столь великую надежду на выгоду. Но римлянин, желая его утешить и скрыть истину, чтобы не сделать своего возвращения домой более затруднительным, продолжал настаивать, что этот человек тот самый римский Хильбудий, но что он, находясь в среде варваров, боится открыть всё, когда же окажется в римской земле, не только не будет скрывать правды, но, естественно, будет гордиться этим именем. Вначале всё это делалось тайно от остальных варваров.

Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал достоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что они — хозяева римского полководца Хильбудия. Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всём остальном у обоих этих варварских племён вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только Бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести Богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие Божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идёт на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бёдрах, и в таком виде идут в сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем чёрный, но все они тёмно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными посёлками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе.

Собравшись, как сказано выше, анты заставили этого человека признать, как они хотели, что он Хильбудий — римский военачальник. Они грозили, что накажут его, если он будет это отрицать. В то время, когда всё это происходило, император

Юстиниан, отправив некоторых лиц послами к этим варварам, предлагал им поселиться в древнем городе, по имени Туррис, расположенном у самого берега реки Истра. Этот город построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно грабили. Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как искони она принадлежала римлянам, обещает, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали соблюдать с ним мир и всегда бы выступали против гуннов, когда те захотят сделать набег на Римскую империю. Варвары всё это выслушали, одобрили и обещали сделать всё это, если он восстановит начальником римского вождя Хильбудия и даст ему жить вместе с ними, утверждая, как они и задумали, что этот человек и есть Хильбудий. Возымев надежды на столь высокое положение, уже и сам этот человек пожелал быть им и утверждал, что он Хильбудий, римский военачальник. Его, отправленного с этой целью в Византию, Нарзес захватил на своём пути. Встретившись с ним и найдя, что он обманщик (хотя он говорил на латинском языке и искусно притворялся, узнав уже наперед многое из того, чем можно было воспользоваться в качестве примет Хильбудия), он заключил его в тюрьму и принудил рассказать всё дело. После этого отступления возвращаюсь к продолжению своего рассказа. <...>

Псевдо-Маврикий. «СТРАТЕГИКОН»¹

XI, 5. Племена *славян и антов* сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам относятся они ласково и, оказывая им знаки своего расположения [при переходе их] из одного места в другое, охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел [какой-либо] ущерб, принимавший его раньше, начинает войну [против виновного], считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящих-

¹ Цит. по: Маєв'яни. Слов'яни / Маєв'яни // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 31–32.

ся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там [где они находятся], на положении свободных и друзей. Этим они добывают их любовь.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы.

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер; устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются [засадами], внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много [разнообразных способов]. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне [реки], дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их [присутствии]. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их растущими в воде, лица же, знакомые [с этой уловкою] и распознающие камыш по его обреза и [занимаемому им] положению, пронзают камышами глотки [лежащих] или вырывают камыши и тем самым заставляют [лежащих] вынырнуть из воды, так как они же не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружён двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые [с места на место]. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или [не воспользуется] другими вспомогательными средствами, известными

опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собой главы и, враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном же случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Находя большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами, с целью заманить противника.

Они необычайно вероломные и неверные, когда речь идёт о выполнении договоров, но уступают больше страху, нежели дарам. Часто расходятся во мнениях и не могут прийти к общему решению; если и решают что-нибудь совместно, тотчас же нарушают утверждённое решение, ибо все придерживаются различных мнений и никто не хочет уступить другому.

Нападать на них следует чаще зимой, когда деревья без листьев и [враги] не могут легко прятаться, а на снегу остаются их следы. Зимой и семьи их бедствуют, и сами они беззащитны, и реки замерзают, а это облегчает переправу ...

Как можно более остерегаться, чтобы не ходить на них узкими, непроходимыми местами, во время летней жары, когда враги собираются большими толпами, — прежде нежели выгонишь их конницей или пехотой ...

Из-за того, что бывает у них много раздоров, уместно некоторых из них привлечь к себе словами или дарами, — особенно тех, что живут ближе к границе, — и вести борьбу с остальными, не допуская, чтобы все они объединились и подчинились общей власти ...

Земли славян и антов лежат вдоль реки, рядом друг за другом; они смежные одна с другой, и нет между ними пустого места, о котором следовало бы говорить. Вблизи от них леса, болота и поросшие камышом места ...

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ ИОСИФА (Краткая редакция)¹

И это ответ Иосифа, царя Тогармского.

Письмо Иосифа, сына Аарона, царя Тогармского к реб-Хасдаю, главе диаспоры, сыну Исаака, сына Эзры, сефардийцу, дорогому для нас и почитаемому нами.

Вот я сообщаю тебе, что пришло к нам твоё почтенное письмо через р. Иакова, сына Элиезера, из страны Н-м-ц, и мы обрадовались ему и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. Я нашёл в нём записанным (разное) о местонахождении твоей страны, её длине и ширине, о происхождении царя Абд ал-Рахмана, царствующего над нею, о почёте, великолепии и величии его и о помощи, оказанной ему Богом, так что он подчинял себе области востока, так что о могуществе его государства стало слышно во всей земле; и (как) стали тогда приходить посланцы из Кустантинии с дарами, и (как) они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, потому что раньше вы считали известия об этом лживыми и не верили этому. Ты просил (затем) сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как наши предки приняли религию Израиля и Бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты хотел ещё знать о размерах нашей страны, её длине и ширине, и о народах, живущих кругом нас, как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашему посланцу приходить в вашу страну, чтобы заискивать перед вашим величественным и (всем) приятным царём, который своим хорошим поведением заставил (все) сердца полюбить его, и прямою своих поступков привязал их к себе; (ты просил сообщить это) ввиду того, что народы говорят им, что у Израиля нет остатка и нет (нигде) места, где бы (у него) была власть и государство, (и) потому что израильтяне были довольны этим (известием), оно подняло их дух и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед тем, которые говорят им, что у Израиля нет остатка и нет (нигде) места, где бы (у него) была власть и государство.

Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету (твоего) запроса, о котором ты спрашиваешь в твоём письме, давай (свой) ответ в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты упоминаешь о твоей стране и о происхождении того, кто над нею царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими

¹ Цит. по: *Ответное письмо хазарского царя Иосифа (Краткая редакция)* // Коковцов П. К. *Еврейско-хазарская переписка в X веке* / Пер. П. К. Коковцова. – Л., 1932. – С. 72–89.

предками писались письма с счастливыми пожеланиями. Это было сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны на всём Востоке, как ты (и) упоминаешь. Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь в своём письме, из какого народа, какого рода и племени мы (происходим). Знай, что мы (происходим) от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый – Агийор, (затем) Тирас, Авар, Угин, Биз-л, Т-рна, Хазар, З-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы происходим от сыновей Хазара; это седьмой (из сыновей). У него записано, что в его дни предки мои были малочисленны. Но Всесвятой – благословен Он – дал им силу и крепость. Они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Божией прогнали их и заняли их страну. Те бежали, а они преследовали их, пока не принудили их перейти через большую реку по имени «Руна». До настоящего дня они расположены на реке «Руна» и поблизости от Куштантинии, а хазары заняли их страну. После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем (на Бога). Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у Бога. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: я услышал молитву твою и моление твоё. Вот я благословлю тебя и умножу тебя, продолжу царство твоё до конца веков и предам в руку твою всех врагов твоих. Теперь встань и помолись Господу». Он так сделал, и явился к нему ангел вторично и сказал ему: «Я увидел твоё поведение и одобрил твои дела. Я знаю, что ты будешь всем сердцем следовать за мной. Я хочу дать тебе заповеди, закон и правила, и если ты будешь соблюдать мои заповеди, законы и правила, я благословлю тебя и умножу тебя». Он отвечал и сказал ангелу, который говорил с ним: «Ты знаешь, господин мой, помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, (ты знаешь), что я возложил своё упование только на тебя. Но народ, над которым я царствую, (люди) неверующие. Я не знаю, поверят ли они мне. Если я нашёл милость в твоих глазах и на меня снизошло милосердие твоё, явись к такому-то, главному князю их, и он поможет мне в этом деле». Всесвятой, – благословен Он, – исполнил желание его, и явился тому князю во сне. Когда он встал утром, он поел и рассказал (это) царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ и рассказал им всё это. Они одобрили это, приняли

(новую) веру и стали под покровительство Шехины. И явился ему ангел ещё раз и сказал ему; «Вот небеса и небеса небес не вмещают меня, но ты (все же) построй храм во имя моё». Он отвечал и сказал: «Владыка мира, я очень стыжусь перед тобой, что у меня нет серебра и золота, чтобы выстроить его как следует, как мне хочется». Он сказал ему: «Крепись и мужайся! Возьми с собой все твои войска и иди в страну Рудлан и страну Ардил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и отдам их в твою руку. Я приготовил тебе два склада: один серебра и один золота. Я буду с тобой и охраню тебя (везде), куда ты пойдёшь. Ты возьмёшь (это) имущество, вернёшься благополучно (к себе) и построишь храм во имя моё». Он поверил ему и поступил так, как он приказал ему. Он воевал, положил заклятие на город и благополучно вернулся. (Затем) он посвятил (взятое) имущество Богу и выстроил из него шатёр, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. До настоящего дня они хранятся в моём распоряжении и целы. После этого слух о нём распространился по всей земле, и услышали о нём царь Эдома и царь исмаильтян и прислали к нему своих посланцев с великим имуществом и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, чтобы склонить его (перейти) в их веру. Но царь был мудр и приказал привести (также) мудреца из израильтян, хорошо разузнал, расследовал и расспросил (его), а (затем) свёл их вместе, чтобы они выяснили (истину) о своих верах. Они опровергли слова друг друга и не соглашались ни в чём (друг с другом). Когда царь это увидел, он сказал священнику царя Эдома и исмаильтянам: «Идите к себе домой, а на третий день я пошлю за вами, и вы придете ко мне». На другой день царь послал за священником и сказал ему: «Я знаю, что царь Эдома более велик, чем эти цари, и что его вера есть вера почитаемая. Я (уже) облюбовал твою веру. Но я прошу тебя сказать мне правду: если взять израильскую веру и веру исмаильтян, то которая из них лучше?» Священник отвечал и сказал: «Да живёт господин наш, царь, во век! Знай правду, что во всём мире нет веры, подобной израильской вере, потому что Всесвятой, — благословен Он, — избрал Израиля из всех народов; назвал его “мой первенец”, совершил для них знамения и великие чудеса, вывел их из рабства у фараона, перевёл их через море по суше, а преследователей их потопил, низвёл им манну и дал им воду из скалы, дал им закон из огня, отдал им в наследственное владение землю Ханаанскую и построил им святилище, чтобы пребывать среди них. После этого они согрешили перед ним, и он разгневался на них, отверг их от лица своего и рассеял их на все стороны. Если бы не это, то не было бы во

всём мире веры такой, как израильская. В вере исмаильтян нет ни субботы, ни праздников, ни закона, ни Урим; они едят всякую нечисть, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся». Царь ответил ему: «Так ты высказал мне свои слова. Истинно знай, что я окажу тебе почёт». На второй день царь послал за ал-Кадием исмаильтян, спросил его и сказал: «Сообщи мне правду: в чём разница между верой Израиля и верой Эдома, которая из них лучше?» Ал-Кадий отвечал ему и сказал ему: «Вера Израиля лучшая вера и вся она – истина. У них закон Господень и справедливы постановления и правила. Но вследствие того, что они согрешили перед ним и отпали от него, он разгневался на них и отдал их в руки их врагов. Какова вера Эдома? Они едят всякую нечисть и поклоняются делу рук своих». Царь отвечал ему: «Ты уже высказал мне правду, и я действительно окажу тебе почёт». На другой день он позвал их всех вместе и сказал им в присутствии всех своих князей и рабов и своего народа: «Я хочу, чтобы вы сделали для меня выбор: которая из вер самая лучшая и самая правильная?» Они начали говорить, но не могли утвердить свои слова на (прочном) основании, пока царь не спросил (наконец) священника: «Если взять веру Израиля и веру исмаильтян, то которая из них лучше?» Священник отвечал и сказал: «Вера Израиля – лучшая (вера)». Тогда он ещё спросил Кадия и сказал ему: «Если взять веру Израиля и веру Эдома, то которая (из них) лучше?» Ал-Кадий отвечал и сказал (ему): «Вера Израиля – лучшая (вера)». Тогда царь ответил: «Вы уже собственными вашими устами признали, что вера Израиля самая лучшая и самая правильная (из вер), и я уже выбрал (себе) веру Израиля, потому что это есть вера Авраама. Да будет помощником мне всемогущий Бог! Серебро и золото, которое вы сказали, что дадите мне, он может мне дать без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого дня и впредь помогал ему всемогущий Бог и укрепил его силу. Он сам и его рабы совершили над собою обрезание, и (затем) он послал (посланцев) и доставил (к себе) некоторых из мудрецов израильских, и те объяснили ему закон (Моисея) и изложили ему в порядке все заповеди. До настоящего дня мы держимся (этой) почтенной веры и истины. Да будет благословенно имя Всесвятого, – благословен Он, – во век. И с того дня, как вступили наши предки под покров Шехины, он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, живущие вокруг нас, так что никто до настоящего дня не устоял перед нами. Все они нам служат и платят дань, – цари Эдома и цари исмаильтян. После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обадя. Он был человек праведный и справед-

ливый. Он поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал множество мудрецов израильских, дал им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, (принятых у) хаззанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди. После него воцарился его сын Езекия, после него его сын Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обадьи, его сын Исаак, его сын Завулон, его сын Манассия, его сын Нисси, его сын Менахем, его сын Вениамин, его сын Аарон и я, Иосиф, сын упомянутого Аарона. Все мы – царь, сын царя. Чужой не может сидеть на престоле наших предков, но (только) сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков. Да благословит воцаряющий всех царей навсегда сохранить наше царство в своём законе и своих заповедях!

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ ИОСИФА (Пространная редакция)¹

Письмо царя Иосифа, сына Аарона, царя Тогармского, – да хранит его Господь, Творец его, – к Хасдаю, главе (учёного) собрания, сыну Исаака, сына Эзры.

Много счастья от царя Иосифа, сына Аарона, могучего царя, которого не обращают в бегство (никакие) войска и не заставляет отступать, назад вид (никаких) полчищ, боящегося Господа, трепещущего перед его словами, мудрого и почитающего мудрых, смиренного и приближающего (к себе) униженных, избравшего (себе) слова закона, старающегося всем своим сердцем и всеми силами заслужить благоволение своего Творца, к своему возлюбленному, дорогому, р. Хасдаю, сыну Исаака, сына Эзры, вожделенному для него и почитаемому им, – да хранит его и спасает Бог, увенчанного мудростью.

Я извещаю тебя, что пришло к нам письмо твоё, увенчанное красотой (твоей) речи, чрез одного иудея из страны Н-м-ц, по имени Исаака, сына Элизера. И мы обрадовались о тебе и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. И было написано в нём о местонахождении твоей страны и об отдаленности от этого места (черты) равенства дня и ночи; о происхождении Абд-Рахмана, царствующего над нею, о почёте и великолепии царства его и величии его, и о помощи, оказанной ему Богом в отношении подчинения

¹ Цит. по: Ответное письмо хазарского царя Иосифа (Пространная редакция) // Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова. – Л., 1932. – С. 90–103.

областей востока, как они были (ранее) под властью его предков; о тех затруднениях, благодаря которым твоё письмо поздно пришло к нам, вследствие отдалённости (всех) народов отсюда и прекращения (прихода) купцов, и (как) ты сомневался в этом, пока о могуществе вашего государства не стало слышно во всех концах земли и не стали все цари земли воздавать почёт вашему царю; (как) тогда стали приходить в вашу страну посланцы царя Кустандины с дарами (от) её царя и (как) они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, известия о чём вы считали раньше лживыми и чему вы не верили. Ты просил (затем) сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как они приняли религию Израиля, которой Бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты просил ещё сообщить тебе о размерах нашей страны и о народах, живущих кругом нас, как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашим посланцам приходить в вашу страну, чтобы воздать почёт вашему уважаемому и (всем) приятному царю, — да сохранит его Творец его! — который своим хорошим поведением заставил (все) сердца полюбить его и прямою своих поступков привязал их к себе; (ты просил сообщить это) в виду того, что израильтяне были довольны этим, и оно стало украшением для их сердца и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед теми народами, которые говорили, что у Израиля нет остатка и нет (нигде) места, где бы (у него) была власть и государство. Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету, в ответ на твое письмо, будучи в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты говоришь о своей стране и происхождении того, кто над нею царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма и счастливые пожелания. Это сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны. И мы постоянно слышим о вашей стране и величии её царя, — да сохранит его Творец его, и да возвратит ему Бог царство его предков (бывшее у него) в стране восточной, как ты говоришь? Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь меня в своём письме: «из какого народа, какого-рода и племени ты?» Я сообщаю тебе, что я (происхожу) от сынов Иафета, из потомства Тогармы. Так я нашёл в родословных книгах моих предков, что у Тогармы было десять сыновей; вот их имена: первенец — Авийор; второй — Турис, третий — Аваз, четвёртый — Угуз, пятый — Биз-л, шестой — Т-р-на, седьмой — Хазар, восьмой — Янур, девятый — Б-лг-р, десятый — Савир. Я (происхожу)

от сыновей Хазара, седьмого (из сыновей). У меня записано, что когда мои предки были ещё малочисленны, Всесвятой, – благословен он, – дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью Божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-т р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-т-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и по близости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня. После того ушли поколения, пока не явился один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и боящийся (Бога), раб Господа, уповавший всем сердцем на своего Творца. Он удалил из страны гадателей и идолопоклонников, и искал, защиты и покровительства у Бога. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: “о, сын мой! Я услышал моление твоё, и вот благословлю тебя, распложу тебя и очень, очень умножу тебя, продолжу царство твоё до тысячи поколений и предам в руку твою всех врагов твоих”». Он встал утром и возблагодарил Господа, и стал ещё больше почитать его и служить ему. И явился к нему ангел вторично и сказал ему: «о, сын мой! Я увидел твоё поведение и одобрил твои дела. Я знаю, что ты будешь всей душой и всей силою твоей следовать за мной. Я хочу дать тебе закон и правило, если ты будешь соблюдать (эти) мои заповеди и законы». Он отвечал ангелу, который говорил с ним: «о, господин мой! Ты знаешь помыслы моего сердца и расследовал нутро моё, (ты знаешь), что я возложил своё упование только на тебя. Народ, над которым я царствую, (люди) неверующие. Я не знаю, поверят ли они или нет. Если на меня снизошло милосердие твоё, явись к такому-то князю, который (есть) среди них». Всесвятой, – благословен он, – исполнил желание его и явился тому человеку во сне. Он встал утром, пошёл и рассказал (это) царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ, и изложил перед ними все это. Они приняли (новую) веру, пошли и стали под покровительством Шехины. Этому (уже) 340 лет. И он ещё раз явился ему и сказал ему: «о, сын мой! Небеса и земля не вмещают меня. Ты, всё же, построй храм во имя моё, и я буду пребывать в нём». Он отвечал ему: «о, владыка мира! Ты знаешь, что нет у меня в распоряжении серебра и золота. На что я построю (храм)?» Он сказал ему:

«крепись и мужайся! Возьми народ твой и все войско твоё и иди по пути к “Д-ралан”, в страну Ар-д-вил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и дам их в твои руки. Вот я приготовил тебе два склада: один, полный серебра, и один, полный золота. Ты их возьмёшь, а я буду с тобой, охраню тебя я помогу тебе, и ты доставишь (это) имущество благополучно (к себе) и построишь на него храм во имя моё». И он поверил Господу и сделал, как тот (ему) сказал. Он пошёл и вел многие войны и одержал в них, с помощью Всемогущего, победу. Он опустошил (этот) город, взял имущество и благополучно вернулся. Он посвятил их (Богу) и выстроил благодаря им шатёр, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. По милосердию Господа и силе Всемогущего, они до настоящего дня целы и хранятся в моём распоряжении. После этого слух о нём распространился по всей земле, и услышали о нём царь Эдома и царь исмаильтян и прислали своих посланцев и послов с великим имуществом и великими и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, к царю, чтобы склонить его (перейти) в их веру. Но царь был мудр, да будет душа его завязана в свёртке жизни у Господа, его Бога! Он приказал привести (также) мудреца из израильтян, хорошо разужнал, расследовал и расспросил (его), а (затем) свёл их вместе, чтобы они спорили о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не могли остановиться на (какой-либо) одной вере. Когда царь это увидел, он сказал им: «теперь идите к себе домой, а на третий день вы придёте ко мне». Они пошли к себе домой. На другой день царь послал к священнику царя Эдома и сказал ему: «я знаю, что царь Эдома более велик, чем все царя, и что его вера есть вера прекрасная и почитаемая. Я (уже) облюбывал твою веру. Я только прошу тебя ответить мне на один вопрос. Скажи мне по правде, и я помилую тебя и окажу тебе почёт; что ты скажешь: если взять израильскую веру и веру исмаильтян, то которая из них лучше, по твоему?» Священник отвечал и сказал ему: «да живёт царь во век! Если ты спрашиваешь касательно веры, то во всём мире нет веры, подобной израильской вере. Всесвятой, – благословен он, – избрал Израиля из всех народов и племен, назвал его “мой первенец”, совершил для них великие чудеса, вывел их из страны египетской и спас от руки Фараона и от египтян, перевёл их между частями моря по суше, а преследователей их потопил в глубинах морских, низвёл им манну для утоления их голода и дал им воду из скалы для утоления их жажды, дал им закон из огня и пламени, пока не привёл их в землю Ханаанскую и не построил им святилище. После всего этого они возмутились (против него), согрешили и извратили веру, и он разгневался

на них и отвёл их в изгнание, отверг их от лица своего и рассеял на все стороны. Если бы не случилось так, то не было бы во всем мире веры такой, как израильская. Что (такое) вера исмаильтян в сравнении с (верой) израильской? Нет ни, субботы, ни праздников, ни заповедей, ни законов; они едят всякую нечисть, мясо верблюдов и лошадей, мясо собак, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся. Вера исмаильтян не есть (настоящая) вера, но подобна верам (прочих) народов земли». Царь отвечал ему и сказал ему: «ты высказал эти свои слова по правде, и я окажу тебе милосердие и отошлю тебя с почётом к царю Эдома». На второй день царь послал и позвал ал-Кадия царя исмаильтян и сказал ему: «я спрошу тебя об одной вещи. Скажи мне по правде и не скрывай (ничего) от меня: если взять веру христиан и иудейскую веру, то которая из них тебе кажется лучшей?» Кадий отвечал ему: «иудейская вера это истинная вера, и у них есть заповеди и законы, но когда они согрешили всесвядой, — благословен он, — разгневался на них и предал их в руку врагов их. Но искупление и спасение (остаётся) за ними. Вера христиан не есть (настоящая) вера: они едят свиней и всякую нечисть, поклоняются делу своих рук и нет у них надежды (на спасение)». Царь отвечал и сказал ему: «по правде ты сказал мне, и я окажу тебе милосердие». На третий день он позвал их вместе и сказал им: «говорите и спорьте друг с другом и выясните мне, какая вера хороша». Они начали (говорить) и спорили друг с другом, но не могли утвердить свои слова, пока царь (наконец) не обратился к священнику и насказал ему: «что ты скажешь? Если взять иудейскую веру и веру исмаильтян, то которая (из них более) почтенна?» Священник отвечал и сказал: «вера Израиля более почтенна, чем вера исмаильтян». Царь спросил (затем) Кадия и сказал ему: «что ты скажешь? Если взять веру христианскую и веру Израиля, то которая из них (более) почтенна?» Кадий отвечал и сказал (ему): «вера Израиля более почтенна». Тогда царь отвечал и сказал (им): «если так, то вы (уже) собственными вашими устами призвали, что вера Израиля (наиболее) почтенна, и я (уже) выбрал (себе) веру Израиля, (как) веру Авраама, по милосердию Божию, силой Всевышнего. Если Господь будет мне помощником, то имущество, серебро и золото, о котором вы сказали мне, мой Бог, на которого я уповаю и к защите и покровительству которого я прибегаю, доставит мне без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого времени и впредь Всемогущий (Бог) помогал ему, утвердил его силу и укрепил его мышцу. Он совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание, и (затем) послал (посланцев) и доставил (к себе) из

всех мест мудрецов израильских, и те объяснили ему закон (Моисея) и изложили ему в порядке заповеди. До настоящего дня мы держимся этой веры. Да будет благословенно имя все-святого, — благословен он, — и превознесено именование его во веки! С того дня, как вступили мои предки в эту веру, Бог Израиля подчинил им всех их врагов и ниспроверг всякий народ и племя, живущие вокруг них, как царей Эдома, так и царей исмаильтян и всех царей (прочих) народов земли, и никто не поднимался пред ними, а все они стали служить и платить дань. После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обады. Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он построил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили (ему) 24 книги (священного писания), Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв, (принятых у хаззанов). Он был человек, боящийся Бога и любящий закон, раб из рабов Господа. Да даст ему дух Господень покой! После него воцарился его сын Езекия и сын того, Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обады, и сын того, Исаак, (затем) его сын Завулон, его сын Моисей, его сын Нисси, его сын Аарон, его сын Менахем, его сын Вениамин, Аарон и я, Иосиф, сын царя Аарона, царь сын царя, (царский) сын из царских сыновей. Чужой не может сидеть на престоле моих предков, но (только) сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков с того самого дня, как они находятся на (этой) земле, в отношении которой да благоволит воцаряющий всех царей навсегда сохранить мой царский престол до конца всех поколений.

Ты ещё настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало (этой) реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У (этой) реки расположены многочисленные народы в сёлах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укреплённых (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму (доходя) до Г-р-гана. Все живущие по берегу (этого моря) на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А ещё на южной стороне — С-м-н-д-р в конце (страны) Т-д-лу, пока (граница) не поворачивает к «Воротам», (т. е.) Баб-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р,

Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана, все живущие в стране Каса и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины, к западной (его) стороне. Оттуда граница поворачивает по направлению к северной стороне, (к стране) по имени Б-ц-ра. Они расположены у реки по имени Ва-г-з. Они живут в открытых местностях которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы (области) Х-г-риим. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат (мне) и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Знай и уразумей, что я живу у устья реки, с помощью Всмогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян, и (точно также) всех врагов (их) на суше приходить к «Воротам». Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада и до страны... Досюда (доходят) мои пределы и власть моего государства.

Ты ещё спрашивал меня о моём местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью Всмогущего, и на ней находятся три города. В одном (из них) живёт царица; это город, в котором родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину), описывает окружность, расположен в форме круга. Во втором городе живут иудеи, христиане и исмаильтяне и, помимо этих (людей), рабы из всяких народов. Он средней величины, имеет в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я (сам), мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река. Это моё местопребывание во дни зимы. С месяца Нисана мы выходим из города и идём каждый к своему винограднику и своему полю и к своей (полевой) работе. Каждый из (наших) родов имеет ещё (наследственное) владение (полученное от) своих предков, место, где они располагаются; они отправляются (туда) и располагаются в его пределах. А я, мои князья и рабы идём и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идём вокруг (нашей страны), пока не придём к концу (нашего) города без боязни и страха; в конце месяца Кислева, во дни

(праздника) Ханукки, мы приходим в (наш) город. Таковы размеры нашей области и место наших стоянок. Страна (наша) не получает много дождей, (но) изобилует реками и источниками, и из её рек... очень много рыбы. Страна (наша) тучна, в ней очень много полей, лугов и..., которым нет числа; все они орошаются из (нашей) реки и от (нашей) реки получают растительность. Я ещё сообщаю тебе размеры пределов моей страны, (страны), в которой я живу. В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени «Уг-ру»; в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени «Бузан», вытекающей из (реки) «Уг-ру»; в северную сторону на 20 фарсахов пути до (реки) «Бузана» и склона (нашей) реки к морю Г-р-ганскому. Я живу внутри островка; мои поля и виноградники и всё нужное мне находится на острове. С помощью Бога Всемогущего, я живу спокойно.

Ты ещё спросил меня относительно «конца чудес». Наши глаза устремлены к...

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО ХАЗАРСКОГО ЕВРЕЯ X ВЕКА («Кембриджский документ»)¹

...Армении. И бежали от них наши предки... потому что не могли выносить ига идолопоклонников. И приняли их к себе... [казарские], потому что люди казарские жили сперва без закона. И остались... без закона и письма. И они породнились с жителями (той) страны и [смешались с язычниками] и научились делам их. И они всегда выходили вместе с ними на [войну] и стали одним (с ними) народом. Только завета обрезания они держались, и [некоторые из них] соблюдали субботу. И не было царя в стране казар, а того, кто одерживал победы на войне, они ставили над собой военачальником, (и продолжалось это) до того самого дня, как евреи вышли с ними по обыкновению на войну, и один еврей выказал в тот день необычайную силу мечом и обратил в бегство врагов, напавших на казар. И поставили его люди казарские, согласно исконному своему обычаю, над собою военачальником. И оставались они в таком положении долгое время, пока не смиловался Господь и не возбудил в сердце (того) военачальника желания принести

¹ Цит. по: Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века (Кембриджский документ) // Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова. – Л., 1932. – С. 114–122.

покаяние, и склонила его (на это) жена его, по имени Серах, и она научила его сделать (себе) полезное. Он и сам, будучи (уже) подвергнут обрезанию, был согласен (на это), да и отец молодой женщины, человек праведный в том поколении, наставил его к пути жизни. Когда же слышали об этом цари македонские и арабские, они очень разгневались и послали к казарским князьям послов со словами хулы на Израиля: «Зачем вам переходить в веру иудеев, которые находятся в рабстве у всех народов?» И они говорили слова, которых мы не в состоянии передать, и склонили сердце князей ко злу. И сказал (тогда) главный князь, еврей: «Зачем нам много говорить? Пусть придет несколько мудрецов израильских, греческих и арабских и расскажет перед нами и вами каждый о деянии Бога... конец его». И они так сделали и послали... царям арабов; мудрецы же израильские добровольно пришли... [к] князьям казарским. И начали греки свидетельствовать...; и стали иудеи и арабы опровергать их. А затем... и опровергали их иудеи и греки. И после того начали говорить [мудрецы израильские начиная от шести дней творения до того дня, когда израильтяне поднялись из Египта, и до прихода их в землю населённую. Засвидетельствовали греки и арабы истинность (сказанного) и признали, что они говорят правду. Но произошел также спор между ними. И сказали князья казарские: «Вот есть пещера в долине Тизул. Достаньте нам книги, которые там находятся, и истолкуйте их перед нами». И они так сделали и вошли внутрь пещеры, и вот там (оказались) книги закона Моисеева, и истолковали их мудрецы израильские согласно первым речам, которые они высказали. И покаялись израильтяне вместе с людьми казарскими полным раскаянием. И стали приходить иудеи из Багдада и Хорасана и земли греческой и поддерживали людей страны, и те укрепились в завете отца множества. И поставили люди страны одного из мудрецов судьей над собою. И называют они его на казарском языке каганом, поэтому называются судьи, которые были после него, до настоящего времени каганами. А главного князя казарского они переименовали в Савриила и воцарили царём над собою. В нашей стране говорят, что предки наши происходили из колена Симеонова, но мы не знаем, верно ли это. И заключил царь союз с нашим соседом, царём алан, так как царство алан (было) сильнее и крепче всех народов, которые (жили) вокруг нас, (и) так как сказали (себе) мудрецы: «Как бы не появились народы войною против нас и не присоединился также и он к нашим врагам». Поэтому [он заключил с ним союз, чтобы оказать помощь] в беде друг другу. И был ужас [Божий на народах, которые] кругом нас...

...так что они не приходили (войною) на казарское царство. [Но во дни царя Вениамина] поднялись все народы на [казар] и стеснили их [по совету] царя македонского. И пришли воевать царь Азии, и тур[ок], и Пайнила, и Македона; только царь алан был подмогою [для казар, так как] часть их (тоже) соблюдала иудейский закон. Эти цари [все] воевали против страны казар, а аланский царь пошёл на их землю и нанёс им [поражение], от которого нет поправления, и ниспроверг их Господь пред царём Вениамином. Также и во дни царя Аарона воевал царь аланский против казар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был [с ним дружен], и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему [царь большой] почёт и взял дочь его в жены своему сыну, Иосифу. Тогда [обязался] ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою землю]. И с того дня напал страх перед казарами на народы, которые (живут) кругом них. [Также и] во дни царя Иосифа, моего господина... [ему подмогой], когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа. [И когда стало известно это] дел[о] моему господину, он ниспроверг множество необрезанных. А Роман [злодей послал] также большие дары Х-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришёл он ночью к городу С-м-к-раю и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная.

И стало это известно Бул-ш-ци, то есть досточтимому Песаху, и пошёл он в гнев на города Романа и избил и мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И оттуда он пошёл на (город) Шуршун... и воевал против него... И они выпли из страны наподобие червей ... Израиля, и умерло из них 90 человек... Но он заставил их платить дань. И спас... [от] руки Русов и [поразил] всех оказавшихся из них (там) [и умертвил ме]чом. И оттуда он пошёл войною на Х-л-гу и воевал... месяцев, и Бог подчинил его Песаху. И нашёл он... добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и воюй с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». И пошёл тот против воли и воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнём. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошёл морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти казар.

Вот сообщаю я моему господину: имя нашей страны, как мы нашли (это) в книгах, Ар-к-нус, а имя столицы (нашего) царства –

Казар, имя же реки, которая протекает внутри её, Итиль. Она направо от моря, идущего от вашей страны по которому перебрались твои посланцы в Кустантину, а оно тянется, как я думаю; от великого моря. Город наш отстоит от этого моря на 2160 рисов, а между нашей страной и Кустантиной по морю девять дней (пути) и сухим путем – 28 дней. Вот какие народы воюют с нами: Асия, Баб-ал-Аб-ваб, Зибус, турки, Луз-ния...

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

(Оригинальный текст и перевод)¹

По раздрушеніи же столпа и по раздѣленіи языкъ прѣша сынове Гимовы вѣсточныи страны, а Хамовы же сынове полуѣденныи страны. Афетови же сынове западѣ прѣша и полунощныи страны. Отъ ихъ же 70 и двѣхъ языкъ бысть языкъ словенскъ, от племенн же Афетова, нарѣцаемѣи Норци, иже суть Словенѣ.

По мнозѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть Словени по Дунаевѣ, кде ксть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. Отъ тѣхъ Словенъ разидошася по земьли и прозвашася имении своимъ, кде сѣдше на которомъ мѣстѣ. Ико пришедше сѣдоша на рѣцѣ именеѣ Моравѣ, и прозвашася Моравы, а друзѣи Ческѣ нарекошася. А се ти же Словѣне: Хорватѣ бѣли, Серпѣ и Хорутанѣ. Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на дунайскыи, и сѣдшимъ въ нихъ и населившимъ имъ. Словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Длховѣ, а отъ тѣхъ Длховъ прозвашася Поланѣ, Длховѣ друзѣи Литицѣ, ииѣи Мазовшанѣ, а ииѣи Поморанѣ.

Такоже и тѣ же Словѣне, пришедше, сѣдоша по Днепру и нарекошася Поланѣ, а друзѣи Деревланѣ, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзѣи сѣдоша межѣи Припѣтьи и Двиномъ и нарекошася Дреговичи, и ииѣи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочанѣ, рѣчѣкы ради, иже втечетъ въ Двиноу, именеѣ Полота, отъ сего прозвашася Полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именеѣ, и сѣлаша городъ и нарекоша и Новгородъ. А друзѣи же сѣдоша на Деснѣ, и по Семѣи, и по Сулѣ и нарекошася Сѣверо. И тако разидеся словенскъ языкъ, тѣмъ же и прозвася словенская грамота. <...>

Словенскыи же языкы, икоже ркохомъ, живущи на Дунаѣ, придоша отъ Скиѣвъ, рекше отъ Козаръ, рекомѣи Болгарѣ, и сѣдоша по Дунаевѣ, населивши Словеномъ бѣша. А посемъ придоша Угре бѣли и населивши земьли словенскыи, прогнавши Волохы, иже бѣша прѣмалѣ земьли словенскыи. Си бо Угри почаша быти прѣмалѣи цесари, иже ходиша на Хозарѣ, цесарѣ пѣрьскаго. Въ си же времена быша и Оверѣ, иже воєваша на цесарѣ Иракліѣи и мало кго не шаша. Си же Оверѣ воєваша на Словѣны и приимущиша Дулѣбѣ, сущиѣи Словѣны, и насильѣ твораху женамъ дулѣбьскымъ: аще поѣхати баше Овериноу, не дадущѣи въпраши конѣ, ни волѣ, но велашѣ въпраши 3, или 4, или 5 женъ въ телѣгу и повести Оверина, и тако мущаху Дулѣбѣ. Блху бо Оверѣи тѣломъ велицѣ, а умомъ горди,

¹ Повість врем'яних літ : Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з д.-рус., післяслово, комент. В. В. Яременка. – К., 1990. – С. 10/11, 12/13, 18/19, 26/27, 102/103.

и потребен ѿ Бога, и помроша вси, и не оста ни единъ Обрннъ. И кѣтъ притча въ Русѣи и до сего дни: погнебоша акн Обрн, нхъ же несть ни племени, ни наслѣдка. По снхъ бо придоша Печенизѣ, и пакы идоша Угрн чернѣи мимо Кіевъ послѣже при Ользѣ. <...>

А Радимичи, и Вятичи и Северо единъ обычай имашу: живашу въ лѣсѣ, якоже всякий звѣрь, идуще все нечисто, и грамотовыи въ нихъ предъ отци и предъ снохами, и въращи не бывашу въ нихъ, но игрища межн селы, и схожахуся на игрища, на плаваниа и на вся еѣсовыскыя пѣсни, и тѣмъ ѡмыкаху жены собе, съ немже кто свѣщевашеся. Имахушъ же по двѣ и по три жены. И аще кто ѡмраше, творашу трызну надъ нимъ, и посемъ творашу кладу велику, и възложить на кладу мертвѣца и сжигаху, и посемъ, събравше кости, вложашу въ... снхъ малъ и поставляху на столпѣ на пущѣхъ, нже творять Вятичи и нынѣ. Си же обычай творашу и Кривичи и прочѣи поганѣи, не вѣдуще закона Божіа, но творашу сами себе законъ. <...>

По снхъ же лѣтѣхъ, по смерти братьа сего, быша обединни Деревляны и ннѣми околными. И наидоша ѿ Розарѣ, сѣдуща въ лѣсѣхъ на горахъ, и ркоша козарѣ: «Платите намъ дань». Звѣдавше же Полане и вдаша отъ дыма мечь. И несиоша козарѣ къ князи своимъ и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «Откуда?» Они же рѣша имъ: «В лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкомъ Днѣпрскон». Они же ркоша: «Что имъть вдалѣ?» Они же показаша мечь. И рѣша старцѣ козарьстѣи: «Не добра дань, княже! Мы донскахомъ оружьемъ одною страны, рѣкше селами, а снхъ оружьемъ обонду остро, рекше мечи. Си имъть имати и на насъ дань и на ннѣхъ странахъ». Се же събывшя все: не отъ своимъ вола ркоша, но отъ Божіа изволѣныи. Ико и при Фараонѣ, цесари египетскыи, кгда приведоша Моисѣа предъ Фараона, и ркоша старци Фараонн: «Вѣи хощеть смирити область Египетскую»; якоже и бысть: погыбоша Египтанѣ отъ Моисѣа, а пѣрвѣе бѣша работаше имъ. Тако и си: пѣрвѣе владѣша, а послѣдѣ самѣи владѣштъ; якоже и бысть: владѣти бо козары русьстѣи князи и до днешняго дне...

Въ лѣто 6472. Князи Святославъ възрастши и възмужавши, нача воиъ съвокуплати многы и храбры. Бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, хода акн пардущъ, войны многы твораше. Возъ бо по себе не возаше, ни котла, ни мазъ варъ, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на ѡгълаехъ испекъ, идаше, ни шатра имаше, но подкладъ постлаше, а сѣдо въ головахъ; тако же и прочѣи вои кго вси башу. И посылаше къ странамъ, гаагола: «Хочн на бы нти». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи и рече имъ: «Ркому дань даете?» Они же ркоша: «Розаромъ по шелагу отъ рала даемъ».

Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Розары. Слышавше же, Розарѣ изыдоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и сътѣпиша сѧ бити, и бывши брани межн ими, одолѣ Святославъ Розаромъ и городъ нхъ Бѣлу Вежи взъ. И Шыи побѣди и Расоги, и приде къ Кіеву...

По разрушении же столпа и по разделении народовъ приняли сыновья Сима восточныя страны, а сыновья Хама — южныя стра-

ны. Иафетовы же сыновья приняли запад и северные страны. От этих же семидесяти и двух народов произошёл и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норрики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И те славяне разошлись по земле и назвались именами своими от мест, на которых сели. Как придя, сели на реке именем Морава, так назвались моравы, а другие назвались чехи. А вот те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, то поселились среди них, и стали притеснять их. Славяне же другие пришли и сели на Висле и прозвались поляками, а от тех поляков пошли поляне, другие поляки – лютичи, иные – мазовшане, а иные – поморяне.

Также эти же славяне, придя, сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от неё и прозвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, назывались своим именем и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так распространился славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской. <...>

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю славянскую, прогнав волохов, и овладели землей славянской. Угры эти появились при цесаре Ираклии, они и воевали с Хосровом, персидским царём. Были в те времена и обры, воевали они с цесарем Ираклием и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трёх, или четырёх или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньше: «Погибли как обры», – их же не осталось ни рода, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после, уже при Олеге. <...>

А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели всё нечистое и срамословили при отцах

и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между сёлами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жён по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нём тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь ещё вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон. <...>

По прошествии времени, после смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: «Вот, новую дань нашли». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили им: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли её оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось всё это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старцы фараоновы: «Этому суждено унижить землю Египетскую»; так и случилось: погibli египтяне от Моисея, а сперва были [евреи] рабами их. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как пардус, и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и набрёл на вятичей, и спросил вятичей: «Кому дань даёте?» Они же ответили: «Хазарам по щелягу с сохи даём».

В год 6473 (965). Пошёл Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в войне с ними одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов, и пришёл в Киев.

Абу-Али Ахмед бен Омар Ибн-Даст «КНИГА ДРАГОЦЕННЫХ ОЖЕРЕЛИЙ»¹

Глава 6. Русь

§ 1. Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Окружность этого острова, на котором живут они (Руссы), равняется трём дням пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется, по причине (рыхлости от) обилия в ней воды.

§ 2. Русь имеет царя, который зовется Хакан-русь. Они производят набеги на Славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Болгарам и продают там. Пашен Русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле Славян.

§ 3. Когда у кого из Руси родится сын, отец (новорожденного) берёт обнаженный меч, кладёт его пред дитятею и говорит: «Не оставляю в наследство тебе никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретёшь себе этим мечём».

§ 4. Русь не имеет ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен; единственный промысел их — торговля собольими, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим; плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои.

§ 5. Любят опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые браслеты. С рабами обращаются хорошо. Об одежде своей заботятся, потому что занимаются торговлею. Городов у них большое число, и живут в довольстве.

§ 6. Гостям оказывают почёт и обращаются хорошо с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, помогают последнему и защищают его.

§ 7. Мечи у них Соломоновы. Когда просит о помощи который либо из их родов, выступают в поле все и не разделяются на отдельные отряды, а борются со врагом сомкнутым строем, пока не победят его.

§ 8. Когда кто из них имеет дело против другого, то зовёт его на суд к царю, перед которым и препираются; когда царь произнесет приговор, исполняется то, что он велит; если же обе сторо-

¹ Цит. по: *Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея* / Пер. Д. А. Хвольсона. — СПб., 1869. — С. 35–40.

ны приговором царя не довольны, то, по его приказанию, должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одерживает верх. На борьбу эту родственники (обоих тяжущихся сторон) приходят вооружёнными и становятся. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побеждённого, чего хочет.

§ 9. Есть у них, из среды их, врачи, имеющие такое влияние на царя их, как будто они начальники ему. Случается, что приказывают они приносить в жертву Творцу их что ни вздумается им: женщин, мужчин и лошадей; а уж когда прикажет врач, не исполнить приказания его нельзя никоим образом. Взяв человека или животное, врач накидывает ему петлю на шею, навешает жертву на бревно и ждёт, пока она не задохнется. Тогда говорит: «Вот это – жертва Богу».

§ 10. Русы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство. Ростом они высоки, красивы собою и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набег и походы производят они на кораблях.

§ 11. Шалвары носят они широкие: сто локтей материи идёт на каждые. Надевая такие шалвары, собирают они их в сборки у колен, к которым затем и привязывают.

§ 12. Никто из них не испражняется наедине: трое из товарищей сопровождают его непременно и оберегают. Все постоянно носят при себе мечи, потому что мало доверяют они друг другу, и что коварство между ними дело обыкновенное: если кому удастся приобрести хотя, малое имущество, то уж родной брат или товарищ тотчас же начинают завидовать и домогаться, как бы убить его и ограбить.

§ 13. Когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые, которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканенную монету. Наконец кладут в могилу живую и любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается, и жена умирает в заключении.

Аль-Масуди**«ЗОЛОТЫЕ КОПИ И РОССЫПИ САМОЦВЕТОВ»¹**

§ 4. Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак (Джидан), народ которого входит в состав земель хазарских царей. Столицей [последних] был Самандар, город, лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал-Баба. Он и сейчас населён народом из хазар; но так как в ранние дни ислама он был завоеван Сулайманом б. Раби'а ал-Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил. Атил, там где теперь живет хазарский царь, состоит из трёх частей, на которые его делит великая река [Волга], которая вытекает из верхних частей тюркских земель. От неё [около?] страны Бургаз отделяется рукав, который впадает в Майтас. Названная столица расположена по обоим берегам реки. В середине реки лежит остров, где находится резиденция правительства. Замок царя [хакана] расположен на одной стороне острова, который мостом из лодок соединяется с одним из берегов. Жители столицы – мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода (джинс). Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида (170–98 гг. х. / 786–814 гг.). Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т. е. в 332 г. х / 943 г., и носящий имя Арманус обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их ... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар ... Здесь не место рассказывать о принятии иудейства хазарским царём, поскольку мы об этом уже говорили в наших ранних работах.

Что касается язычников в [хазарском] государстве, то среди разрядов их находятся сакалиба [славяне] и русы, которые живут на одной стороне этого города (Атил). Они сжигают своих мертвецов вместе с их животными, утварью и украшениями. Когда умирает мужчина, его жену заживо сжигают вместе с ним, но если умирает женщина, то мужа не сжигают. Если кто-нибудь умирает холостым, его женят посмертно, и женщины горячо желают быть сожженными, чтобы с душами мужей войти в рай. Как мы упоминали, таков же обычай у индусов, но их жены без их согласия не сжигаются с мужьями.

Большинство в этом городе (или стране) составляют мусульмане, так как из них состоит царское войско. Они известны в городе как ал-ларисийа, и они являются переселенцами из окрестностей

¹ Цит. по: *История Ширвана и Дербенда X–XI веков* / Пер. С. Г. Микаэлян. – М., 1963. – С. 8–13.

Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю. Они доблестны и храбры и служат главной опорой царя в его войнах. Они остались в его владениях на определённых условиях, одним из которых было то, что они будут открыто исповедовать свою веру, иметь мечети и призыв к молитве; также, что должность царского вазира будет сохраняться за ними, как и в настоящее время вазиром является один из них, Ахмад б. Куйа; также что, когда у царя будет война с мусульманами, они будут стоять в его войске отдельно (вакафу муфридин) и не будут сражаться, но что они будут сражаться вместе с царем против других врагов – неверных. В настоящее время около 7 тысяч из них садятся на коня вместе с царем, вооружённые луками, облачённые в панцири, шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики, вооружённые, как обычно у мусульман. У них есть и мусульманские судьи.

В хазарской столице по правилу семь судей; два из них для мусульман; два – для хазар, которые судят в соответствии с Торой; два – для христиан, которые судят в соответствии с Евангелием, и один для саклабэс, русов и других язычников, которые судят согласно языческому [обычаю], т. е. по велениям разума. А когда представится случай большой важности, для которого у них нет знания, они собираются у мусульманских кади, судятся перед ними и следуют тому, что надлежит по шариау. Среди восточных царей этих стран только хазарский царь имеет войска, получающие жалованье. Всякий мусульманин в тех краях называется по имени этих лариси.

Русы и саклабы, которые, как мы уже говорили, язычники, [также] служат в войске царя и являются его слугами. В его стране, помимо ларисийа, находится много мусульманских купцов и ремесленников, которые наехали в страну хазарского царя ввиду справедливости и безопасности, [господствующих] там. У них есть соборная мечеть с минаретом, который возвышается над царским замком, а также и другие мечети со школами, в которых дети обучаются Корану. Если бы мусульмане и христиане вошли в соглашение, царь не имел бы средств [противостоять им].

В действительности в хазарском государстве имеется хакан и существует правило, чтобы он находился в руках другого царя и в его дворце. Хакан пребывает внутри замка и не может ни выезжать, ни появляться перед придворными и народом, ни покидать своё жилище, где вместе с ним живёт его семья. От него не исходят ни приказы, ни запрещения, и он не принимает решений в государственных делах. Однако царь не управлял бы Хазарским цар-

ством должным образом, если бы хакан не был при нем в столице и бок о бок с ним в замке.

Когда Хазарское царство постигнет голод или другое какое-нибудь бедствие, или когда против него обернется война с другим народом, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знатные люди и простой народ идут толпой к царю (малику) и говорят: «Мы рассмотрели приметы этого хакана и дней его, и мы считаем их зловещими. Так убей же его или передай нам, чтобы мы его убили». Иногда он выдает им хакана, и они убивают его; иногда он убивает его сам; а иногда он жалеет и защищает его, в том случае если он не совершал никакого преступления, за которое он заслуживал бы [наказания], и не был повинен ни в каком грехе. Я не знаю, древен ли такой порядок или нов, но раз должность этого хакана принадлежит членам некой (определенной) семьи из их знати, я полагаю, что власть находилась у них (у этой семьи) издавна, но один Господь Бог всеведущ.

Хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города вверх по реке, которая течёт в их реку из верхних мест и которая называется Буртас; вдоль неё живут осёдлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского царства. Их поселения тянутся непрерывно между Хазарским царством и бургарами. Эта река течёт со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар.

Ахмед ибн-Фадлан ибн-ал-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад

Из «КНИГИ О ПУТЕШЕСТВИИ НА ВОЛГУ»¹

90) На царе «славян» [лежит] дань, которую он платит царю хазар; от каждого дома в его государстве — шкуру соболя. Если прибудет корабль из страны хазар в страну «славян», то царь выйдет верхом и пересчитает то, что в нём [имеется], и возьмёт из всего этого десятую часть. А если прибудут русы или какие-нибудь другие [люди] из прочих племён с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову.

Сын царя «славян» является его заложником у царя хазар. До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя «славян», так что он послал сватать её. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял её силой, хотя он иудей,

¹ Цит. по: Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. / Пер. А. П. Ковалевского. — Х., 1956. — С. 140—148.

а она мусульманка. Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя «славян», он упредил [это] и выдал её замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится, под его властью, боясь, что он отнимет её у него силой, как он это сделал с её сестрой. ...

92) ... «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видал [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причём одна из рук выходит из неё наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож, [причём] со всем этим он [никогда] не расстаётся. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские. И от края ногтей иного из них [русов] до его шеи [имеется] собрание деревьев, изображений [картинок] и тому подобного.

93) А что касается их женщин, то на [каждой] их груди прикреплена коробочка, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей. И у каждой коробочки – кольцо, у которого нож, также прикреплённый на груди. На шеях у них мониста из золота и серебра, так что если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене один [ряд] мониста, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют [ряд] мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] монист. ...

95) Самым великолепным украшением [считаются] у них [русов] зелёные бусы из той керамики, которая бывает на кораблях. Они делают [для приобретения их] исключительные усилия, покупают одну такую бусину за дирхем и нанизывают [их] в качестве ожерелий для своих жён.

96) Дирхемы русов – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, [а также] соболи. Если чего-либо недостаёт, то от этого шкурка становится бракованной [монетой]. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар, весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки. ...

99) И как только их корабли прибывают к этой пристани, тотчас выходит каждый из них, [неся] с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набиз, чтобы подойти к длинному воткнутому [в землю] бревну, у которого [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные

бревна, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой Господь, я приехал из отдаленной страны, и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», — пока не назовёт всего, что прибыло с ним из его товаров — «и я пришёл к тебе с этим даром», — потом [он] оставляет то, что имел с собой, перед [этим] бревном, — «итак, я делаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю». Потом он уходит.

Итак, если продажа для него будет трудна и пребывание его затягивается, то он снова придёт со вторым и третьим подарком, и если [для него] будет затруднительно добиться того, чего он хочет, он понесёт и каждому из маленьких изображений подарок, попросит их о ходатайстве и скажет: «Эти — жёны нашего господа, дочери его и сыновья его». Итак, он не перестаёт обращаться с просьбой то к одному изображению, то к другому, просить их, искать у них заступничества и униженно кланяться перед ними. Иногда же продажа пойдёт для него легко и он продаст. Тогда он говорит: «Господь мой удовлетворил мою потребность, и мне следует вознаградить его». И вот он берёт некоторое число овец или рогатого скота, убивает их, раздаёт часть мяса, а оставшееся несёт и оставляет между тем большим бревном и стоящими вокруг него маленькими и вешает головы рогатого скота или овец на это воткнутое [сзади] в землю дерево. Когда же наступит ночь, придут собаки и съедят всё это. И говорит тот, кто это сделал: «Господь мой уже стал доволен мною и съел мой дар».

100) Если кто-либо из них заболел, то они разобьют для него палатку в стороне от себя, оставят его в ней, положат вместе с ним некоторое количество хлеба и воды и не приближаются к нему и не говорят с ним, особенно если он бедняк или невольник, но если это лицо, которое имеет толпу родственников и слуг, то люди посещают его во все эти дни и справляются о нём. Итак, если он выздоровеет и встанет, то возвратится к ним, а если он умрёт, то они его сожгут. Если же он был невольник, они оставят его в его положении, [так что] его едят собаки и хищные птицы.

101) Если они поймают вора или грабителя, то они поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую верёвку и подвешат его на нём навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей. ...

117) Их отличные [«добропорядочные»] люди проявляют стремление к кожевенному ремеслу и не считают эту грязь отвратительной.

118) В случае, если между двумя лицами возникнет ссора и спор, и их царь не в силах достигнуть примирения, он выносит решение, чтобы они сражались друг с другом мечами, и тот, кто окажется победителем, на стороне того и правда.

119) Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почётном] отдалении. Его называют «большой хакан», а его заместителя называют хакан-бек. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой его стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшыгыр. Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям, и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беку.

120) [Другой] обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что], если он умрёт, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, [быстро] текущая, и они помещают [проводят] эту реку над этой могилой, и говорят: «Чтобы не добрался до неё ни шайтан, ни человек, ни черви, ни насекомые». Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется рай, и говорят: «Он вошел в рай».

121) И все [эти] дома выстланы парчой, сотканной из золота.

122) [Ещё] обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жён, [причём] каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берёт [себе] волей или неволей. У него шестьдесят девушек-наложниц для его постели, причём только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц [находится] в отдельном дворце, у неё [есть] помещение в виде купола, покрытое тиком, и вокруг каждого «купола» [есть]

утоптанное пространство. И у каждой из них [есть] евнух, который её стережёт. Итак, если [хакан] захочет использовать одну из них [как наложницу], он посылает за евнухом, который её стережёт, и [тот] является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить её в его постель, причем евнух останавливается у дверей «купола» царя. Когда же [царь] использовал её [как наложницу], он [евнух] берет её за руку и удаляется и не оставляет её после этого ни на одно мгновение.

123) Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причём между ним и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на своё лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него.

124) Продолжительность [правления] их царя – сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут; «У этого ум уже уменьшился и его суждение [стало] путаным [неясным]».

125) Если он пойдёт [в поход] отряд [войска], то он не обращается вспять (никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к нему [к царю] возвратился. А что касается предводителей и его заместителя, то, если они обратятся в бегство, приведут их [самих] и приведут их жён и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят [на это], и точно так же [дарят] их лошадей, и их [домашние] вещи, и их оружие, и их дворы [усадыбы], а иногда он [царь] разрежет каждого из них на два куска и разопнёт их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами.

126) У царя хазар [есть] огромный город на реке Атыл. Он состоит из двух сторон, – в одной из этих двух сторон [живут] мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные. Над мусульманами [начальствует] муж из [числа] приближенных отроков царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и [временно] приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе [есть] соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней [есть] высокий минарет и несколько муэззинов.

127) И вот, когда в триста десятом году до царя хазар дошла [весть], что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в Усадьбе

ал-Бабу-надж, он приказал, чтобы минарет был разрушен, казнил муэззинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной не разрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть».

128) Хазары и их царь – все иудеи, а «славяне» и все, кто соседит с ними, [находятся] у него в покорности, и он обращается к ним, как к находящимися в рабстве, и они повинуются ему с покорностью.

Терминологический словарь

Аборигены (от лат. ab origine «от начала») – название коренных жителей данной территории.

Автохтоны (от др.-греч. αὐτός «сам» и χθών «земля») – изначальное население данной территории.

Акультурация (от лат. ad «к» cultura «образование, развитие») – процесс приобретения одним народом тех или иных форм культуры другого народа, происходящий в результате общения этих народов.

Амфора (др.-греч. ἀμφορα) – сосуд для хранения запасов, обычно крупных размеров, имеет широкое тулово и узкое горло. Всегда снабжена двумя ручками.

Ангоб (фр. engobe) – тонкий слой высококачественной глины на керамике. Наносится до обжига путем погружения сосуда в водный раствор глины. Ангоб наносится с целью украшения сосуда (подобранная глина давала при обжиге приятный цвет – красный, желтый или черный) и увеличения его водостойкости.

Аппарель (от фр. appareil «въезд») – устройство для проезда или прохода к возвышенным частям зданий.

Аридизация (от лат. aridizatio из aridus «сухой») – комплекс процессов уменьшения степени увлажнения территорий, который вызывает сокращение биологической продуктивности экосистем за счет уменьшения разницы между осадками и испарением. Со временем испарения начинают преобладать над осадками. Существенная аридизация суши произошла во время бурного развития сельского хозяйства за счет вырубки лесов и снижения в результате суммарного испарения (эвапотранспирации).

Артефакт (от лат. arte «искусственно» и factum «сделанный») – предмет, сделанный человеком.

Археологическая культура – совокупность вещественных исторических источников (керамика, оружие, орудия труда, монеты и т. п.), относящихся к одной территории и одному времени. Название свое археологическая культура получает обычно: 1) по месту открытия (волынцевская *а. к.* – впервые открыта у с. Волынцево); 2) по характерному признаку (*а. к.* боевых топоров, *а. к.* ямочно-гребенчатой керамики).

Археология (от др.-греч. ἀρχαῖος «древний» и λογεία «учение, наука») – наука, изучающая историческое прошлое человечества

по памятникам материальной культуры (орудиям труда, утвари, оружию, жилищам, поселениям, погребениям и т. п.), находимым, главным образом, во время раскопок.

Ассимиляция (от лат. *assimilatio* «уподобление») – процесс поглощения одного этноса другим. Проявляется в заимствовании этносом чужих духовной и материальной культуры и языка.

Бык (в зодчестве) – стропильная нога, часть стропила, Л-образной несущей системы скатной крыши. Быки применяются, если пролет слег велик. Быки упираются внизу в подкурятник, а вверх – в общую князевую слегу. См. *Схема устройства кровли*.

Венчик – край горлышка, отвернутый обычно наружу; верхняя часть сосуда.

Гидроним (от др.-греч. ὕδωρ «вода» и ὄνομα, ὄνομα «имя») – название водного объекта: реки, озера, моря, болота.

Гнёт (в зодчестве) – элемент крыши с «гнётами и огнивами»; брёвна на обоих скатах, укладываемые сверху, для лучшей связи крыши с *быками*. На фронте через *доски-огнива* гнёты соединяются друг с другом в единую конструкцию. См. *Схема устройства кровли*.

Горизонт (от др.-греч. ὁρίζωνт – «разграничивающий») – слой почвы, хронологически соответствующий одной археологической культуре.

Горлышко – верхняя, наиболее узкая часть сосуда.

Городище – поселение, укрепленное одним или несколькими земляными или каменными валами, часто имеющими внешние рвы.

Горшок – керамический сосуд, предназначенный для хранения жидких (молоко, вода) и тягучих (мёд) продуктов.

Гумно – хозяйственная постройка. 1) крытая площадка для молотбы, ток; 2) специальное срубное помещение для хранения сжатого хлеба. Место поклонения некоторым языческим Божествам.

Демиург (от др.-греч. δημιουργος «свободный ремесленник»; «Творец») – в идеалистической философии Платона – Божество, как создатель мира.

Дромос (от др.-греч. δρόμος «путь») – в *салтово-маяцкой* археологической культуре – узкий вход-коридор в катакомбное захоронение.

Жёлоб (водотёчник, застрёха, слив, поток) – выдолбленное в виде желоба бревно, которое укладывается на кокоры *куриц* и служит для отвода воды с кровли и опорой для нижних концов кровельных тесин. См. *Схема устройства кровли*.

Ингумация (от лат. *inhumatio* «положение в землю») – погребение трупа в грунте.

Инфильтрат (от ср.-лат. *infiltrātum* «процеженное») – часть этноса, проникающая в состав другой этнической группы.

Инфильтрация (от лат. *in* «в» и ср.-лат. *filtratio* «процеживание») – процесс проникновения какого-либо этноса либо части его в состав другой этнической группы.

Керамика (от др.-греч. *κεράμικη τέχνη* «гончарное искусство» < *κεράμος* «глина») – общее название всех видов изделий из обожженной глины.

Князевая слега (кнес) – слега на верхнем углу кровли. В самцовых крышах князевая слега находится под *охлупнем*, который крепится к ней *стамиками*. См. *Схема устройства кровли*.

Комплиментарность положительная или отрицательная – ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих».

Корч – древесный ствол на дне реки, занесенный илом и песком.

Корчага – керамический сосуд больших размеров, предназначенный для хранения сыпучих продуктов (муки, зерна).

Кочевье – сезонное стойбище. Для кочевий характерно незначительное количество находок.

Кочедык (иначе, кодочиг, коточик, костыг, лапотное шило, свайка) – инструмент в виде плоского шила, применяемый для плетения сетей, лаптей и т.п.

Кошма – войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти. Кошмы вырабатываются и широко применяются в быту у народов, занимающихся скотоводством: у казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков, афганцев, курдов и др. Такие кошмы служат для внутреннего убранства жилища.

Кремация (от лат. *crematio* «сожжение») – обряд захоронения, при котором тело покойника подвергается сожжению; остатки сожжения погребаются.

Культурный слой – слой земли, содержащий остатки деятельности человека: древние сооружения, строительный и хозяйственный мусор, золу и проч.

Курица (в зодчестве) – ствол (ели) с одним ответвленным корнем, образующим крюк. Курицы укладываются на *слеги* крыши и используются в качестве стропил при устройстве безгвоздевых кровель. См. *Схема устройства кровли*.

Лещадь – нижняя (донная) часть футеровки шахтной печи. Лещадь изготавливалась из огнеупорного кирпича или блоков, либо набивалась огнеупорной массой.

Лощение – тип полировки керамических изделий.

Ло́щи́ло – орудие для обработки внешней поверхности глиняной посуды.

Ма́терик (в археологии) – название нижнего слоя почвы, не содержащего остатков человеческой деятельности.

Ови́н – срубная постройка, в которой в крестьянских хозяйствах просушивали перед молотью снопы хлеба. Место поклонения некоторым языческим Божествам.

Огни́во (в зодчестве) – элемент крыши с «гнётами и огнивами»; доски, соединяющие *гнёты* со стороны фронтона. См. *Схема устройства кровли*.

Оста́нец – 1) часть материка, оставленная при выкапывании материкового слоя почвы; 2) часть высокого берега реки, набережный мыс, вымытый течением.

Остеоло́гия (от др.-греч. ὀστέον «кость» и λογεία «учение, наука») – раздел анатомии, изучающий строение и форму костей в связи с их функцией. Методы остеологии применяются в археологии: они позволяют, например, определить видовой состав животных, использовавшихся в пищу носителями исследуемой археологической культуры.

Охлу́пень (шелом) – бревно с выбранным снизу пазом. Охлупень прикрывает верхний (коньковый) стык тесин деревянной кровли. Комлевая часть охлупня, выходящая на фасад дома, украшается резным изображением коня или птицы. См. *Схема устройства кровли*.

Палеобота́ника (от др.-греч. παλαιός «ветхий, древний» βοτάνη «растение») – раздел ботаники, изучающий вымершие виды растений.

Панде́мониум (от др.-греч. παν «все» и δαίμων «дух») – совокупность всех духов и низших Богов данной религии.

Пантео́н (от др.-греч. παν «все» и θεός «Бог») – боговщина, совокупность всех Божеств данной религии.

Пи́фос (др.-греч. πύφος) – большой керамический сосуд для хранения масла или зерна. Иногда использовался для кувшинных захоронений.

Пова́л – выпуск двух или трех верхних бревен продольной стены, выходящей на торцовый фасад. Повалы-кронштейны служат для поддержки большого свеса крыши над торцом. См. *Схема устройства кровли*.

Пова́льная слега́ – См. *Схема устройства кровли*.

Приче́лина – украшенная резьбой фронтонная доска, закрывающая наружные торцы подкровельных *слег*. См. *Схема устройства кровли*.

Пронизь – вид украшений, являющийся составной частью ожерелья, может иметь различную форму.

Пропуск – См. *Схема устройства кровли*.

Пряслице – круглый предмет с отверстием в центре, имел назначение махового колеса на веретене, придавал ему вращательный момент. Пряслица изготавливались из камня, керамики, кости (очень редко). Пряслица имели различную форму (плоского диска, пирамидальную, сферическую) и диаметр от 1 дюйма (25,4 мм) до 4 (101,6 мм). Являются ценным свидетельством прядения нитей. Иногда на пряслицах содержатся рунические, культовые, астральные знаки.

Реинкарнация (от лат. re «вновь, снова» и incarnatio «воплощение») – религиозно-философская идея о циклическом перевоплощении души. После смерти душа, недостаточно чистая для того, чтобы попасть в рай, и не достаточно грешная, чтобы попасть в преисподнюю, вновь воплощается на земле в каком-либо теле.

Реминисценция (от позднелат. reminiscēntio «воспоминание») – отголоски какого-либо мифа; в поэзии и мифологии – производные черты, наводящие на воспоминание о другом произведении, мифе.

Рудимент (от лат. rudimentum «зачаток, первооснова») – пережиток, остаточное явление чего-либо.

Самец – бревно избы, составляющее фронтонную часть стены. См. *Схема устройства кровли*.

Севосмена – технология в земледелии, при которой чередуются посевы яровых (сеются весной, убираются в конце лета) и озимых (сеются осенью, убираются летом).

Седентаризация (от лат. sedēt- «сидящий») – процесс постепенного перехода от кочевого (скотоводческого) к оседлому (земледельческому) способу ведения хозяйства.

Селище – неукрепленное поселение.

Семантика (от др.-греч. σημαντικός «обозначающий» < σημεῖον «знак») – наука, занимающаяся изучением значения (семантики) слова.

Синкретичность (от др.-греч. συνκρητισμός «соединение, объединение») – слияние, смешение каких-либо разнородных компонентов.

Слега – горизонтально положенное бревно, образующее подкровельную конструкцию. Слеги врубаются через бревно по скатам самца-фронтона. См. *Схема устройства кровли*.

Стамик – деревянный стержень, соединяющий охлупень и князевую слегу и проходящий сквозь них через отверстия прямоугольной формы. См. *Схема устройства кровли*.

Спонди́ловая глина – название зеленой глины, залегающей на большой глубине. Характерной особенностью данного вида глины является ее исключительная жаропрочность и водоупорные качества. Сам термин народный (укр. простореч. *глина с поду*,

т. е. глина, извлеченная с глубины). Встречается исключительно в работах Т. Д. Березовца и его ученика О. В. Сухобокова.

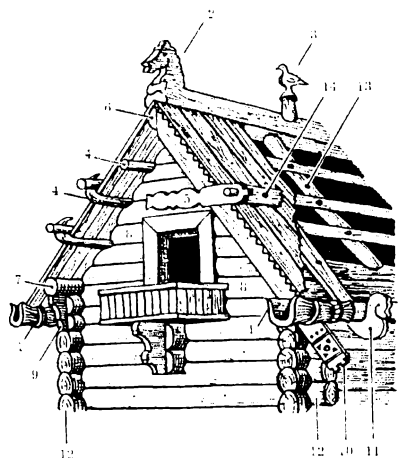

Схема устройства кровли (по М. В. Красовскому): 1 – жёлоб; 2 – охлупень; 3 – стамик; 4 – слега; 5 – огниво; 6 – князевая слега («кнес»); 7 – повальная слега; 8 – самец; 9 – повал; 10 – причелина; 11 – курица; 12 – пропуск; 13 – бык; 14 – гнёт.

Теоним (от др.-греч. θεός «Бог» и ὄνυμα, ὄνομα «имя») – личное имя Божества.

Тёрочник – камень для перемалывания зерен.

Терра́са (фр. *terrace*) – горизонтальная или слегка наклонная площадка естественного происхождения, образующая уступ на склоне местности. Естественные террасы тянутся вдоль склонов речных долин, озер и морских берегов, нередко в виде расположенных один за одним уступов; образованы действием воды или волн водоемов.

Топоним (от др.-греч. τόπος «место» и ὄνυμα, ὄνομα «имя») – название места, населенного пункта, природной территории (леса, луга).

Трупоположение – один из двух способов захоронения, существовавших и существующих у индоевропейских народов. Заключается в *ингумации* (см.), т. е. закапывании трупа в грунт.

В большинстве археологических культур трупоположение сопровождается сопроводительным инвентарем: оружием, предметами быта, горшком с едой и т. п.

Трупосожжение – один из двух способов захоронения, существовавших и существующих у индоевропейских народов. Заключается в *кремации* (см.) трупа, с последующим захоронением праха.

Ту́лово – средняя, наиболее широкая часть сосуда.

Урна (лат. *urna*) – специальный сосуд, предназначенный для хранения остатков *трупосожжения* (см.).

Фибула (от лат. *fibula* «застежка») – декоративная брошь в форме безопасной английской булавки, заколки со щитком. Обычно

изготавливались из бронзы. Использовались для крепления ниспадающей одежды: плаща, тоги, корзна.

Фругиальный (от лат. frūgiālis «плодовый») – растительный, не кровавый (о жертвоприношении), состоящий из фруктов, злаков и овощей.

Хтонический (от др.-греч. χθών «земля») – подземный, потусторонний.

Черен (украинизм) – очаг, плита, под печи.

Черенок – закругленная часть металлического предмета (стрелы, наральника), при помощи которого он насаживается на несущую на деревянную конструкцию.

Шамот (фр. chamotte) – обожженные до спекания огнеупорная глина или каолин; измельченный шамот добавлялся в глиняное тесто для повышения его огнестойкости.

Эманация (от позднелат. ēmanātio «истечение, исхождение») – представление об исхождении Бога, его проявлении из какой-то части живой или неживой природы: солнца, ветра, дерева и т.п.

Этимоло́гия (от др.-греч. ἐτυμῶν «истина, основное значение слова» и λογεία «учение, наука») – 1) происхождение слова и его родственные отношения к другим словам того же или другого языка; 2) раздел языкознания, исследующий происхождение слов различных языков.

Этногенез (от др.-греч. ἔθνος «народ» и γένεσις «рождение») – процесс возникновения и становления этноса.

Этно́ним (от др.-греч. ἔθνος «народ» и ὄνυμα, ὄνομα «имя») – название этноса, народа.

Этнос (от др.-греч. ἔθνος «народ») – общность людей, объединенная едиными материальной и духовной культурой, территория проживания, языком, менталитетом и стереотипом поведения.

Сводный каталог упомянутых археологических памятников

В настоящем сводном каталоге приведены краткие сведения о памятниках (городищах, селищах, могильниках, кочевьях, местах обнаружения керамики) Змиевского историко-этнокультурного региона Слобожанщины. Описание памятников дано по схеме: название, местоположение, упоминание в письменных источниках, год открытия, годы и авторы раскопок, примечательные находки. После описания приведены основные источники и литература о данном памятнике. При повторном упоминании памятника описание его опускается.

ПАМЯТНИКИ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВВЕДЕНКА (Чугуевский район). Селище. Занимает небольшое возвышение на мысе, образованном правым берегом реки Уды и впадающим в нее ручьем в урочище Зеленый Лог в 700 м выше по течению от одноименного поселка Введенка. В этом месте высокая надпойменная терраса отступает от русла реки на 100–130 м. Введенка представляет собой многослойное поселение, имеющее размеры 60×30 м. На данном памятнике исследовано 142 м². Здесь, в частности, найдены раннесредневековая «надворная» печь-каменка, часть амфоры с ручками и горлом, биконическое пряслице, многочисленные фрагменты керамики, кусок железного шлака и др.¹

ВЕЛИКАЯ ГОМОЛЬША (Змиевский район). Селище. Расположено в 4 км на север от с. Великая Гомольша, на поле среди леса в урочище Добрик. Во время раскопок 1968 г. под руководством Б. А. Шрамко на площади 120×50 м собрана лепная пеньковская керамика².

ЗАДОНЕЦКОЕ (Змиевский район). Селище. Расположено на пойменной террасе правого берега Северского Донца, напротив одноименного села, около моста на дороге в г. Змиев. Оно занимает песчаную возвышенность в пойме, которая уже на момент

¹ Источники и литература: Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 15.

² Источник и литература: Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции ХГУ / Б. А. Шрамко. – Х., 1968 // Архив МАЭСУ.

открытия сильно распахивалась. Данное поселение существовало в V–IX вв. Обнаружено поселение Задонецкое в 1953 г. Б. А. Шрамко, раскапывалось им в 1955, 1969–1970 гг. В 1969 г. Б. А. Шрамко исследовал здесь хозяйственную яму и глинобитную печь. В 1971 г. исследование данного поселения продолжили О. В. Сухобоков и М. П. Кучера. Найдена подвеска¹.

ЗАНКИ (Змиевской район). Многослойное селище. Расположено у пос. Донец, возле станции Занки, занимает песчаную дюну в урочище Якубино. Открыто в 1970 г. С. И. Воловиком, который произвел на нем небольшие разведочные работы. В «Справочнике по археологии Украины», однако, сообщается, что это селище было открыто в 1972 г. В. Е. Радзиевской. В 1976–1989 гг. раскопки данного памятника проводили Скифо-славянская археологическая экспедиция ХГУ и Славяно-русская экспедиция Белгородского пединститута. Обе под руководством А. Г. Дьяченко. Во время раскопок были выявлены жилые и хозяйственные сооружения. Раскопки данного селища с перерывами продолжались до 1989 г. Всего здесь было выявлено и исследовано 9 четырехугольных полуземлянок размерами 3,4×3,2 м и глубиной 0,4–0,7 м. У всех были очаги и ямки в центре пола, найдены также обломки бронзового литого сосуда, браслеты из серебра и бронзы, накладки от сбруйного ремня и детали железного панциря, тигли, льячки, формы для бляшек поясных гарнитуров и др.²

ЗМИЕВО ГОРОДИЩЕ (Гайдары-1). Комплекс древнерусской культуры: городище, селище, могильник. Расположено неподалеку от с. Гайдары в урочище Буцура (Змиевской район), на высоком мысе правого берега Северского Донца, в 2,2 км к югу от современного Змиева, в 120 м к северо-западу от моста через Северский Донец (дорога из Змиева в с. Задонецкое). Мыс, где находилось

¹ Источники и литература: Шрамко Б. А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1969 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1970. – С. 6 // Архив МАЭСУ; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 74; Шрамко Б. А. Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1970 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1971. – С. 19–20 // Архив МАЭСУ; Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 47; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л., 1981. – С. 110; Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 160; Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 134.

² Источники и литература: Дьяченко А. Г. Отчет о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета в 1976 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1977. – С. 7–10 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8030; Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 146; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 74; Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 26; Дьяченко А. Г. Раскопки селища Занки / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1986 года / Отв. В. П. Шилов. – М., 1988. – С. 275–276.

городище, ограничен с двух сторон глубоким оврагом и крутым склоном берега, а с напольной стороны – валом, который сильно распахан. Упоминается в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Яжа на Донцѣ, съ Крымской стороны, Змѣкво городище, Змѣквз курганъ тожъ, отъ Яжа версты 2». По мнению В. К. Михеева и А. Г. Дьяченко данное описание полностью соответствует археологическому памятнику, известному под названием Гайдары-1 (урочище Буцура). Исследовалось в 1927 г. А. С. Федоровским и Н. К. Фуксом. Вторично открыто Б. А. Шрамко в 1954 г. В 1990-е гг. исследовалось А. В. Крыгановым, М. И. Саяным и В. В. Дидыком. Раскопки 1993 г. Славяно-русской археологической экспедиции Харьковского государственного института культуры (ныне Академия культуры) с участием студентов-практикантов Харьковского госуниверситета (ныне ХНУ им. В. Н. Каразина) под руководством М. В. Любичева. Исследованы древнерусская крепость, селище и могильник XII–XIII вв. На территории памятника было обнаружено 17 осколков лепной керамики, не получивших точной датировки и атрибуции. А. Г. Дьяченко относил данные осколки к *роменской культуре*. Позднее он отказался от подобного их истолкования, признав свои выводы ошибочными. Вероятно, данные осколки представляют *позднепеньковскую культуру*¹.

КОРОВОВЫ ХУТОРА (Змиевской район). Комплекс: городище (около 1,5 га) и селище (около 30 га). Городище расположено в лесу на правом берегу Северского Донца, между селами Коропово и Гайдары. Первые упоминания в работе Д. И. Багалея в 1905 г. Первое описание памятника в 1920-е гг. создал Н. К. Фукс. Исследования Б. А. Шрамко (1953 и 1970 гг.), С. А. Плетневой (1955 г.), Г. Е. Афанасьева (середина 1980-х), В. К. Михеева (1998–1999 гг.). *Пеньковские* артефакты зафиксированы во время раскопок Средневековой экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды под руководством В. В. Колоды, которая работала здесь в 2003–2007 гг. *Пеньковское* поселение VI–начала VII вв. представлено единичными находками фрагментов лепной керамики *пеньковской культуры* при полном отсутствии здесь *пеньковских* комплексов. По мнению В. В. Колоды, это свидетельствует о том, что немногочисленные представители этой культуры лишь временно использовали тер-

¹ Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.: Л., 1950. – С. 64, 74; Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.: Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 145–160; Дьяченко А. Г. К истории заселения юго-восточных окраин Руси в 12–16 вв. / А. Г. Дьяченко // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья / Тезисы докладов и сообщений 2-ой межаузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. – Воронеж, 1991. – С. 27; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73.

риторию городища, а возможно и остатков оборонительных линий скифского времени¹.

КОЧЕТОК-IV (Чугуевский район). Селище. Согласно отчету об археологических разведках И. П. Костюченко в 1949 г. расположено «На левом берегу Северского Донца... За лесом на сером песке, который распахивается, на возвышенном всхолмлении (дюне)». Дневник исследователя дополняет локализацию: «...на север от с. Кочеток через Донец». В 1921 г. памятник посещал А. С. Федоровский, в 1925 г. – Н. В. Сибилев. В 1964 г. поселение осмотрел Е. В. Пузаков, который назвал его «Тильманов Лиман-1». В 1987 г. поселение было открыто еще раз Ю. В. Буйновым и А. К. Дегтярем. Исследователи указали площадь поселения (3 000–4 000 м²) и отметили наличие повреждения бульдозером. В отслоении был зафиксирован культурный слой мощностью 0,1–0,5 м. Под названием «Кочеток, пункт 1» памятник был определен, как содержащий отложения *бондарихинской* и *пеньковской* археологических культур².

ЛИМАН (Змиевской район). Селище. Отложения *пеньковской* культуры. Обнаружено в с. Лиман, возле хутора Довгали. Площадь его 200×190 м. Раскопки 1959 г. под руководством Е. В. Пузакова³.

МОХНАЧ (Змиевской район). Комплекс: городище, грунтовые погребения, 16 разнокультурных селищ (на 2013 г.). Городище расположено на мысе правого берега Северского Донца у северной окраины одноименного села. Упоминается в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Кабакова городища, из Крымской стороны, вниз по Донцу Мухначово городище...». Впервые исследовано В. В. Пассеком в XIX в. Раскопки Б. А. Рыбакова (1950 г.), Б. А. Шрамко и С. А. Плетневой (1953–1954 гг.). С конца XX в. по настоящее время исследуется Средневековой экспедицией ХНПУ им. Г. С. Сковороды под руководством В. В. Колоды. На протяжении незначительного времени на городище существовало *пеньковское* поселение. Во время археологических раскопок, проводившихся на рубеже XX–XXI вв. здесь были выявлены одиночные осколки лепной керамики *пеньковской* культуры третьей четверти I тыс. н. э. В 2006 г., на городище

¹ Источники и литература: Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 107–130; Горбаненко С. А. Землеробство жителей салтівського селища Коробові Хутори / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. О. Пашкевич // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 82–92; Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Російська археологія. – 2012. – № 1. – С. 112–121.

² Источники и литература: Лаптев О. О. Салтівські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности–2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 279.

³ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 77.

(при исследовании восточной части укреплений) были обнаружены хозяйственная яма и сосуд *пеньковской культуры*. Непродолжительное и малоинтенсивное пребывание *пеньковского* населения на городище фиксируется в Мохначе редкими фрагментами лепной керамики и единственной небольшой хозяйственной ямкой конца V – середины VIII вв. Неподалеку от городища находится грунтовой могильник *пеньковской культуры*¹.

МОХНАЧ-П (Змиевской район). Селище. Памятник представляет собою открытое ремесленное поселение, расположенное в 3,5 км от Мохначанского городища. В 2009 г. собрана *пеньковская* керамика VI – первой половины VIII вв.²

НИЖНИЙ БИШКИН (Змиевской район). Селище. Расположено к юго-востоку от одноименного села. Здесь археологические разведки проводились Ю. В. Буйновым и В. К. Михеевым в 1976 г. В 1993 г. Славянский отряд средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета производил раскопки поселения Нижний Бишкин II, расположенного по течению Северского Донца двумя километрами ниже одноименного села, на склоне второй надпойменной террасы правого берега реки. Поселение охватывает площадь около 3,5 га. Раскопками 1980 г. здесь открыто две полуземлянки с печами. В 1993 г. изучалась окраина поселения. Изучено семь хозяйственных ям. Общая исследованная площадь составила 444 м². Все комплексы и абсолютное большинство находок относятся к раннему средневековью и, судя по наличию отопительных сооружений, характерным для *волынцевской* и *роменской культур*, представляют момент перехода *пеньковской культуры* (*тип Сахновки*) в новую археологическую культуру³.

ПРОЛЕТАРСКОЕ (Змиевской район). Многослойное селище. Расположено в пойме правого берега Мжи у одноименного села. В 1976 г. Ю. В. Буйновым собрана лепная *пеньковская* керамика – биконические фрагменты, сковороды, пряслица⁴.

¹ Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 71; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 77; Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 118; Аксенов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксенов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111–122.

² Источники и литература: Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач / В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні. 2011. – К., 2012. – С. 436.

³ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 77–78; Любичев М. В. Исследование поселения Нижний Бишкин II / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 194; Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 278, 284, 290.

⁴ Источники и литература: Буйнов Ю. В. Отчет Предкифского отряда Скифо-славянской экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1976 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1977. – С. 8 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8211; Шрамко Б. А. Справочник по археологии

СЕВЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ (Балаклейский район). На высоком правом берегу Северского Донца, в 4 км к северо-западу от с. Меловая на территории современного хутора Червонный Шлях (бывший – Коммуна), напротив озера Лебяжье. Памятник занимает высокий, вытянутый с востока на запад мыс правого берега, образованный руслом реки и балкой с ручьем, которые огибают указанный мыс с юга, юго-запада и запада. С восточной стороны мыс также ограничен глубокой балкой с родником. Небольшой перемычкой (40 м) этот мыс соединен с основным коренным берегом Северского Донца. Площадь – 1,87 га. Известно с XVI в. Обследовалось И. И. Ляпушкиным, Б. А. Шрамко и В. К. Михеевым, позднее В. В. Колодой. Обнаружены немногочисленные фрагменты пеньковской керамики¹.

СОКОЛОВО I (Змиевской район). Селище. Находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Мжа в урочище Лымаривка. С севера и запада поселение ограничено поймами безымянного ручья и реки. Большая часть селища распашана, задернована только часть его площади, прилегающая к реке и ручью. Площадь трех раскопов на селище составляет соответственно 140, 33, 129 м². Здесь на площади раскопа I исследованы два жилища. На площади раскопа II изучено 9 хозяйственных ям с прямыми стенками и ровным дном. В одном из жилищ найдены фрагменты груболепных горшков, глиняных сковородок с бортиком, точильный камень, кости животных и биконическое пряслице с орнаментом в виде треугольников из точек².

СУХАЯ ГОМОЛЬША (Змиевской район). Комплекс: городище, многослойное селище, два могильника. Городище расположено на восточной окраине одноименного села, на мысе правого берега Северского Донца, у места впадения в него речки Гомольши. Сухогомольшанское городище упомянуто в Книге Большому Чертежу: «И ниже Змѣтѣва городища рѣчка Комолша, а на Комолшѣ городище Каменное, отъ Змѣтѣва вѣрѣтъ зъ 10, а съомъ подлѣ Донца». Раскопки В. К. Михеева на объектах комплекса в 1969, 1973–1982 гг. В 1977 г. Средневековой экспедицией Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького проводились раскопки пеньковского поселения. Руководили раскопками

Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 78.

¹ Источники и литература: Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии / Филарет (Д. Г. Гумилевский). – Х., 1857. – Отд. IV. Чугуевские округа военного поселения; уезды – Змиевской и Волчанский. – С. 7; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 39–40; Колода В. В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце / В. В. Колода // Древности 2005. – Х., 2005. – С. 187–195.

² Источники и литература: Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 16.

В. К. Михеев и О. М. Приходнюк. Культурный слой данного поселения составлял 0,8–0,9 м. Здесь были исследованы четыре жилища и одиннадцать хозяйственных ям *пеньковской культуры*. На поселении найдены *пеньковская* и *салтовская* керамика (горшки, сковородки), пряслица, различные бусины, точильный брусок, проколки. Сухогомольшанский могильник расположен в 750 м к югу от одноименного городища, у дороги на Нижний Бишкин (в полутора километрах к западу от с. Сухая Гомольша). Поверхность могильника представляет собой невысокое всхолмление, покатое к краю глубокой балки, служившей в эпоху средневековья естественной границей территории могильника с запада и юго-запада. Наличие, по крайней мере, в части комплексов славянских сосудов позволяет говорить о проникновении в аланские общины славянского (предположительно, *пеньковского*) населения, принесшего с собой свои обряды и проводившего их на катакомбных могильниках. Количеством такого населения, инфильтрованного в *салтовскую* среду, определялась распространенность тризн смешанного типа¹.

ТИМЧЕНКИ (Змиевской район). Многослойное селище. Расположено на песчаной дюне, в пойме левого берега р. Мжи у с. Тимченки (уроч. Таранцево). Здесь в 1977–1979 гг. С. И. Берестнев при исследованиях поселения *срубной культуры* обнаружил несколько хозяйственных ям с *пеньковским* керамическим материалом. Исследовалось в 1978–1980 гг. археологической экспедицией Харьковского государственного университета под руководством С. И. Берестнева. На данном поселении были обнаружены остатки жилища с печью-каменкой. Датирован комплекс VII–VIII вв. н. э. *Пеньковская* керамика зафиксирована также на многослойном поселении в урочище Горбанщина неподалеку от с. Тимченки. Памятник расположен на песчаном возвышении в затоке левого берега Мжи, на расстоянии 1,1 км на юг от села. На поселении исследована площадь 535 м². Рядом с культурными остатками эпохи бронзы найдены фрагменты керамики *пеньковской культуры*. Найденная керамика состоит из фрагментов лепных горшков и дисков-сковородок. Горшки, судя по профилю верхней части, подразделяются на круглобокие и биконические. Сковородки имеют плавно или резко отогнутые бортики. Здесь же найден железный однолезвийный нож периода раннего средневековья².

¹ Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.: Л., 1950. – С. 74; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 79; Михеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дініці / В. К. Михеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 75–78; Лаптев А. А. Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников / А. А. Лаптев // Салтово-маяцька археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 48.

² Источники и литература: Берестнев С. И. Отчет о разведках и раскопках памятников бронзового века в Харьковской области в 1977 году / С. И. Берестнев. – Х., 1978. – С. 12–14 //

ЧЕРКАССКИЙ БИШКИН (Змиевской район). Селище. Памятник расположен в 1 км к югу от одноименного села на склоне боровой террасы. О. М. Приходнюк сообщает, что поселение расположено в 200 м от южной окраины села. Обнаружено Ю. В. Буйновым в 1976 г. Среди интересных находок пальчатая фибула дунайского типа, датируемая VII в.¹

ПАМЯТНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

БАЛАКЛЕЯ. Комплекс: селище, грунтовой могильник, кочевье. Следы салтово-маяцкого поселения в г. Балаклея. На северо-восточной окраине города, справа от шоссе на Волохов Яр, перед железнодорожным мостом, расположен грунтовой могильник данной культуры. Недалеко от могильника (на правом берегу Волошской Балаклейки) салтовское кочевье².

БЕРЕКА (Первомайский район). Два поселения салтовской культуры расположены на территории с. Берека, на левом берегу одноименной реки³.

БОРОВОЕ (Змиевской район). Два поселения салтовской культуры на окраине с. Боровое⁴.

ВЕРБОВКА (Балаклеянский район). Два салтовских селища: первое – возле кирпичного завода, на правом берегу реки Балаклея (протяженность его 200 м); второе – в 200 м на север от первого, на левом берегу Балаклейки, протяженностью 150 м. Первое поселение на момент открытия (1972 г.) уже разрушалось карьером⁵.

Архив Института археологии НАН Украины. – № 8503; Берестнев С. И. Отчет о раскопках и разведках археологических памятников в Харьковской и Сумской областях в 1978 году / С. И. Берестнев. – Х., 1979. – С. 9 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8692; Берестнев С. И. Отчет о разведках и раскопках археологических памятников на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 году / С. И. Берестнев. – Х., 1980. – С. 18–28 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 9406; Берестнев С. И. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археологія Славянського Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 33; Любичев М. В. Нові пам'ятки пеньківської культури у верхній течії Сіверського Дінця / М. В. Любичев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 113; Работы Левобережной лесостепной экспедиции // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 301.

¹ Источники и литература: Буйнов Ю. В. Отчет Предскифского отряда Скифо-славянской экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1976 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1977. – С. 25 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8211; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 81; Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 146; Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 96.

² Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 37; Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 72–81.

³ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 119; Історія міст і сіл УРСР : У 26 т. / Під заг. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. – С. 804.

⁴ Источники и литература: Історія міст і сіл УРСР : У 26 т. / Під заг. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. – С. 509.

⁵ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская

ВЕРХНИЙ БИШКИН (Первомайский район). Одно салтовское селище обнаружено в с. Верхний Бишкін, в урочище Ольховое, к западу от скотного двора. Археологические разведки проводились здесь в 1970 г. Б. А. Шрамко, В. П. Андриенко и В. К. Михеевым. Остатки селища найдены также в центре села и вблизи него, в урочище Роганина, в верховьях речки Бишкін (правый приток Северского Донца). Раскопки В. В. Колоды 1988–1991, 1993 гг. Открыто гончарное ремесленное поселение *салтовской культуры*. Среди находок: две гончарных печи, горны, руда, кричное железо, шлаки¹.

ГАЙДАРЫ (Змиевской район). Селище на правом берегу Северского Донца, возле биостанции Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, обнаружено в 1954 г. археологом Б. А. Шрамко².

ЖУКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ (Змиевской район). Расположено возле северо-восточной окраины с. Тарановка (недалеко от железнодорожной станции «Шурино»), на правом берегу речки Ольпанки, частично исчезнувшей к настоящему времени. Размер городища – 900 м в окружности. Упоминается Д. И. Багалеем. Археологическая разведка А. В. Крыганова в 1995–1996 гг. Зафиксировано незначительное количество *салтовской керамики*³.

ЗАДОНЕЦКОЕ (Змиевской район). Селище. Упоминается в «Історії міст і сіл УРСР. Харківська область» как *салтовское*⁴.

ЗАПАДЕНЬКА (Змиевской район). Селище. В северной части одноименного села. Открыто в 1955 г. В. И. Кадеевым⁵.

ЗМИЕВ. Салтовская крепость середины VIII–IX вв. предположительно в районе современной части Змиева, именуемой Горою. По мнению В. К. Михеева Змиев расположен в центре экономического микрорайона *салтовской культуры* и фактически образует одно из гнезд поселений. Эту мысль подтверждают одиночные археологические находки. В Змиеве, на правом берегу реки Северский Донец в

область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 37.

¹ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 119; Колода В. В. Дослідження в урочищі Роганіна біля с. Верхній Бішкін на Харківщині // В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. – К., 1997. – С. 68–69; Михеев В. К. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине / В. К. Михеев, В. В. Колода // Вісник Харківського університету. – 1992. – № 363 : Історія. – Вип. 26. – С. 134–140; Колода В. В. Черная металлургия Днепро-Донецкого междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. – С. 167.

² Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73.

³ Источники и литература: Багалай Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии / Д. И. Багалай // Труды XII Археологического текста. – М., 1905. – С. 35; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 79; Крыганов А. В. Археологические разведки на Харьковщине в 1995–1996 годах / А. В. Крыганов // Восточноευропейский археологический журнал. – Сентябрь–октябрь 2001. – № 5 (12). – Режим доступа : http://archaeology.kiev.ua/journal/050901/kg_uapov.htm. – Доступ 01. 09. 2008 г.

⁴ Источники и литература: Історія міст і сіл УРСР : У 26 т. / Під заг. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. – С. 509.

⁵ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 75.

1860 г. был найден клад с аббасидскими дирхемами середины VIII в. Здесь же найден дирхем 761 г., чеканенный в Истархе. Тогда же, в 60-х гг. XIX в., на территории Змиевского уезда (место находки сейчас неизвестно) был найден аббасидский дирхем, чеканенный в 756/757 г. Позже, в 1885 г. при раскопках городского вала в Змиеве был найден дирхем, чеканенный в Истархане в том же 756/757 г.¹

КАБАНОВО ГОРОДИЩЕ (Чугуевский район). В 3 км к востоку от с. Старая Покровка, недалеко от электростанции Эсхар. Занимает плато высокого правого берега, возвышающегося на 20–25 м над поймой р. Уды. Упоминается в Книге Большому Чертежу: «И ниже Студенка колодезь рѣка Уды, отъ Студенка съ версту, а на цѣль Удъ Кабаново городище по лѣвой стороны версты зъ 2». В 1948 г. разведку на Кабановом городище произвел И. И. Ляпушкин, в 1950 г. – Б. А. Рыбаков, зафиксировавший здесь валы и рвы. В 1957 г. городище осмотрела С. А. Плетнева. Исследовательница отнесла данное городище к 1 типу предложенной ею типологии, характеризующихся наличием каменных укреплений. В 2004 г. Г. Е. Свистун осуществил инструментальную съемку плана городища, согласно которой каменная цитадель на данном памятнике представляет собой трапецию. Углы цитадели закруглены и не имеют признаков наличия на них башен. В 2007 г. Северскодонецкая археологическая экспедиция под руководством Г. Е. Свистуна произвела стационарное изучение городища. В ходе специального исследования было установлено, что Кабаново городище было одним из укрепленных центров Хазарии, было призвано контролировать водную артерию р. Уды от возможного нападения с восточного направления славян. Стены крепости состояли из двух рядов каменной песчаниковой кладки. Внутренняя часть стены засыпалась грунтом. По периметру цитадель была окружена рвом².

КАМПИЦА (Змиевской район). Селище салтовской культуры. Расположено напротив пос. Зидьки, в Кампицком яру, на левом берегу Северского Донца³.

¹ Источники и литература: Марков А. К. *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)* / А. К. Марков. – СПб., 1910. – С. 52; Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины : Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 75; Михеев В. К. *Подолье в составе Хазарского каганата* / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 109–110; Михеев В. К. *Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий* / В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 77, 78, 90; Бейдин Г. В. *Клады и монеты Харьковщины* / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. – С. 48.

² Источники и литература: *Книга Большому Чертежу* / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 71; Шрамко Б. А. *Справочник по археологии Украины : Харьковская область* / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 138; Михеев В. К. *Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий* / В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 90; Свистун Г. Е. *Фортификации Кабанова городища* / Г. Е. Свистун // *Харьковский археологический сборник*. – Х., – 2008. – Вып. 3. – С. 3–16.

³ Источники и литература: Михеев В. К. *Подолье в составе Хазарского каганата* / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 109–110; Михеев В. К. *Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий* / В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 77, 78.

КОРОБОВЫ ХУТОРА (Змиевской район). Неподалеку от городища расположено селище, открытое в 1954 г. Б. А. Шрамко. В 1970 г. исследователь провел здесь раскопки. В 2003–2007 гг. продолжил исследование данного селища В. В. Колода. Установлено отношение данного памятника к *салтовским* древностям (северяне появились здесь только в X в.). Территория городища укреплена двумя линиями валов и рвов. Обе линии были сооружены еще в скифский период, но вторая линия, ограждающая главный двор, играла оборонительную роль и в эпоху раннего средневековья. Она проходила вдоль всего периметра верхней площадки, кроме той стороны поселения, которое было обращено к реке. С севера располагались два въезда. На Коробовском городище вал скифского времени был дополнительно укреплен двумя рядами крупных камней из песчаника, положенных вдоль вершины вала и образывавших панцирь на высоту до 1,5 м. Пространство между двумя рядами камней (около 2 м) забутовано мелким щебнем вперемешку с песком. Щебневой обсыпкой укреплены и склоны песчаного вала для предотвращения его от осыпания. На верхушке вала в забутованном пространстве прослежены остатки сгоревших конструкций, вероятно, от деревянной стены типа частокола. С 2003 г. городище Коробовы Хутора исследовалось Средневековой археологической экспедицией ХГПУ им. Г. С. Сковороды. К настоящему времени в результате топографической съемки удалось выяснить, что данное городище имело тройную линию каменно-грунтовых укреплений и несколько выносных башен для обстрела наступающих с фланга. Рядом с городищем расположено обширное поселение размерами 1100×500 м с насыщенным культурным слоем *салтово-маяцкой культуры*. Предварительными работами на селище определены участки наиболее интенсивной застройки. Предположительно намечены древние дороги и возможное место пристани на правом берегу Северского Донца, а также торговая площадь у подножия городища. Продолжение исследований в 2004 г. позволило определить границы *салтовского* селища (около 50 га), площадь которого ограничена на востоке и северо-востоке берегом Северского Донца, с севера и запада – ручьем, который вытекает из естественного озера в 500 м. западнее городища; южная часть поселка размещается в верховьях глубокого оврага, выходящего к правому берегу Северского Донца севернее городища, а юго-западная часть совпадает с отрогом этого же оврага (по нему протекает еще один ручей, который пересыхает в летнее время). В нескольких раскопах удалось обнаружить и исследовать жилища. В одном из них проживал всадник – воин и пастух, о чем свидетельствуют находки стремени, остатков кольчуги и большого

(боевого) ножа. В другом раскопе выявлено юртообразное жилище с лежанкой. На ней прослежен ряд камней, которые, вероятно, в древности удерживали кошму или ковер. К 2012 г. около 20 % площади двора цитадели Коробовского городища и менее 1 % площади селища исследовано многолетними раскопками Средневековой археологической экспедиции ХНПУ им. Г. С. Сковороды¹.

КОЧЕТОК-III (Чугуевский район). Селище. В дневнике И. П. Костюченко: «На восток от с. Кочеток под плато на надзаплавной террасе правого берега р. Северский Донец». Несмотря на значительную часть находок на поселении, исследователь отмечал: «размеры его незначительны». Позднее памятник никем не обследовался, его точная локализация неизвестна. А. А. Лаптев предполагает, что пункт этот может находиться под насосной станцией, построенной в 1949 г. Количество *салтовских* находок отражает насыщенность *салтовского* культурного слоя².

КОЧЕТОК-VI (Чугуевский район). Селище. Современное месторасположение поселения неизвестно. Открыто разведкой И. П. Костюченко в 1949 г.: «Сбор с поверхности на левом берегу Донца на склоне плато, которое распаивается»³.

КРАСНАЯ ПОЛЯНА (Змиевской район). В 1 км восточнее славянского Водяновского городища, у с. Красная Поляна располагалось значительное селище *салтово-маяцкой культуры*⁴.

ЛАГЕРИ (Змиевской район). Селище. Неподалеку от с. Лагери (на песчаных дюнах левого берега Северского Донца), в 2 км к западу у озера Круглого. Открыто Е. В. Пузаковым в 1955 г.⁵

ЛАПТЕВО-II (Чугуевский район). Селище. Локализовано в дневнике И. П. Костюченко следующим образом: «На юго-восток от Новопокровского могильника на расстоянии 1 км в урочище Лаптево находится совхоз. На запад от совхозных строений над излучиной р. Уды». Хотя ученый отнес поселение к скифскому времени, фрагменты «ребристых» амфор, по мнению А. А. Лаптева, несо-

¹ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 75–76; Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 202; Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендеев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 107–130; Чендеев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендеев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 112–121.

² Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 278.

³ Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 279.

⁴ Источники и литература: Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 78.

⁵ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 78.

мненно, говорят о наличии салтовского культурного слоя. Кроме того, данный памятник, под названием «Ново-Покровское-2», был повторно открыт Е. В. Пузаковым в 1958 г. Второй исследователь отметил здесь находки бронзового века, а также раннеславянского и салтовского времени¹.

ЛИМАН-КОРЕННОЕ (Змиевской район). Около с. Лиман, на дюнах у озера Коренное. Обнаружено Б. А. Шрамко в 1954 г.²

ЛИМАН-ЧАЙКА (Змиевской район). В 3 км к югу от с. Лиман, около озера Чайка. Обнаружено Б. А. Шрамко в 1958 г.³

МАЛИНОВКА (Чугуевский район). В ходе разведок 1949 г. археолог И. П. Костюченко у с. Малиновка обнаружил восемь поселений, одно из которых, расположенное в урочище Лоза, относится к салтово-маяцкой культуре⁴.

МИХАЙЛОВКА (Первомайский район). Селище. Расположено у одноименного села. Известны остатки селища салтово-маяцкой культуры⁵.

МОХНАЧ (Змиевской район). Комплекс: городище, 16 разнокультурных селищ (на 2013 г.), грунтовые погребения. Городище, возникшее в скифскую эпоху, возродилось во времена салтово-маяцкой культуры. По данным на 2010 г. городище Мохнач в середине VIII – середине X вв. имело максимальную площадь (12,5 га) и наиболее значительную фортификацию, а также наибольшую сельскохозяйственную округу (более 13 селищ по обоим берегам Северского Донца общей площадью более 10 га). Эта группа поселений входила в состав Хазарского каганата, представляла собой один из микрорегионов его лесостепной зоны, охватывая хозяйственной деятельностью около 15 000 га. На городище, исследовано лишь ≈5 % площади. В хазарский период масштабное фортификационное строительство. Укрепляя старые скифские сооружения, салтовцы полностью насыпали грунтовый вал на северном участке западной линии обороны, чего не было сделано в скифское время. Был досыпан и получил дополнительную деревянно-глиняную поверхностную конструкцию и северный вал. Наиболее мощные оборонительные сооружения были созданы в

¹ Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 281–282.

² Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 76.

³ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 76.

⁴ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 134; Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280–281.

⁵ Источники и литература: Довідник юного краєзнавця Харківщини / Упор. В. А. Редіна, О. О. Сідалова. – Х., 2005. – С. 25.

южной части мыса. Здесь были возведены стены, состоявшие из каменной основы и деревянных колод. Место для создания цитадели было выбрано не случайно. Именно здесь два противоположных яра образуют на мысу своеобразную перемышку. Созданная салтовцами стена была сплошной, без воротного проезда. Она продолжалась по периметру, охватывая поверх скифской насыпи всю южную часть городища. Стены цитадели тянулись и вдоль яра, врезающегося в угол мыса с юга. Каменная надстройка представляла собой двухпанцирную кладку с заполнением из рваных камней песчаника размерами 0,2–0,5 м. Внешний панцирь состоял из двух рядов тесаных блоков. Второй ряд относительно первого имеет смещение вертикальных швов, образуя, таким образом, связку между горизонтальными рядами кладки. Камни так тщательно пригнаны друг к другу, что между вертикальными швами нельзя было просунуть лезвие ножа. Во времена Хазарского каганата на территории с. Мохнач был создан значительный административно-хозяйственный центр, состоявший из городища и развитой системы селищ. Одно из них можно считать посадом, другое – подолом. Прочие селища располагались на надзаплавной террасе вдоль левого берега Северского Донца. Население городища и селищ занималось земледелием, скотоводством, ремеслами, вело торговлю с другими странами. Цитадель Мохначанского городища не имела постоянного населения. Ее использовали в качестве укрытия при нападении неприятеля, а также в качестве местопребывания каганской администрации и гарнизона. Обнаружены усадьба кузнеца, сакральные грунтовые погребения, в т. ч. богатое, предположительно принадлежащее жрице. Другие значительные находки¹.

МЯСНОЕ (Змиевской район). Селище. Неподалеку от с. Тимченки, в урочище Мясное, близ современного кладбища. Открыто Е. В. Пузаковым в 1957 г².

¹ Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.: Л., 1950. – С. 71; Шрамко В. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 77; Свистун Г. Е. Конструктивні особливості салтівської оборонної лінії Мохначанського городища / Г. Е. Свистун // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 117–119; Колода В. В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище / В. В. Колода // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 69–78; Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 9–15; Колода В. В. Старожитності с. Мохнач та його округи / В. В. Колода, Т. О. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 42–45; Колода В. В. Селище «Мохнач-II» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач / В. В. Колода // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). – Х., 2010. – С. 72; Свистун Г. Е. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности / Г. Е. Свистун, Ю. Г. Чендеев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2000. – № 2 / 2003. – № 1. – С. 130–135.

² Источники и литература: Шрамко В. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 80.

НОВО-ПОКРОВКА (Чугуевский район). Комплекс: многослойное селище и могильник. На песчаных дюнах левого берега р. Уды, на краю карьера, к юго-востоку от одноименного поселка. Раскопки И. Ф. Левицкого в 1936 г., Ю. В. Кухаренко в 1949 г., разведки Б. А. Шрамко в 1950 г. Могильник расположен на дюнах левого берега р. Уды, на юго-западной окраине поселка. Исследования Ю. В. Кухаренко в 1949 г. Остатки трупосожжений *салтовской культуры*, железоплавильный горн, руда, шлаки¹.

НОВО-ПОКРОВКА-I (Чугуевский район). Селище. Локализовано открывателем И. П. Костюченко: «На север от могильника через железнодорожный путь и безымянное озеро по улице Ленина, которая на расстоянии 1 км от могильника на покатом склоне черноземного плато ... напротив улицы Ленина (конечные № домов)». Таким образом, памятник расположен в черте села, на огородах домов № 34–50 по улице Ленина. Участок этот представляет собою мыс, образованный впадением в затоку р. Уды ручья, текущего с севера. В 1949 г. поселение исследовалось Ю. В. Кухаренко: раскопана грунтовая ингумация, сопровождавшаяся *салтовским* кувшином. Размеры поселения в полевом дневнике И. П. Костюченко определены как 300×70–80 м, а в отчете – 300×100–120 м².

СЕВЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ (Балаклеяский район). Обследовалось И. И. Ляпушкиным, Б. А. Шрамко и В. К. Михеевым и было интерпретировано как городище скифского времени. Раскопки Ю. В. Буйнова и А. Н. Дегтяря в 1991 г. Исследования В. В. Колоды убедительно показали его *салтовскую* принадлежность и датировку середины VIII – середины X вв. Рядом с городищем располагалось *салтовское* селище. Найдены фрагмент колбы железоплавильного горна, шлаки³.

СЕРДЮКОВО-2 (Змиевской район). Многослойное селище. В урочище Сердюково возле с. Лиман. Археологические разведки здесь проводились под руководством Е. В. Пузакова в 1956 г. На протяжении 1957–1960 гг. Е. В. Пузаковым проводились стационарные раскопки данных памятников. Ряд интересных находок, относящихся к *салтовскому* времени, был сделан учениками Змиевской школы № 1⁴.

¹ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 135.

² Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности–2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 282.

³ Источники и литература: Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии / Филарет (Д. Г. Гумилевский). – Х., 1857. – Отд. IV. Чугуевские округа военного поселения; уезды – Змиевской и Волчанский. – С. 7; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 39–40; Колода В. В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце / В. В. Колода // Древности 2005. – Х., 2005. – С. 187–195.

⁴ Источники и литература: АО МКЗЛ. – Ф. 12. – Археология. – Оп. 1. – Д. 1. Раскопки в урочище Сердюково-2. – Л. 3; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 76–77; Пузаков Е. В. Серп

СТАРАЯ ПОКРОВКА (Чугуевский район). Селище. На восточной окраине с. Старая Покровка на реке Уды располагалось *черняховское* поселение. Некоторые из обнаруженных здесь обломком красноглиняных амфор имеют зональное рифление, свойственное исключительно раннесредневековому времени. По мнению А. А. Лаптева, возможно, что данный памятник также относится к кругу *салтовских*¹.

СУХАЯ ГОМОЛЬША (Змиевской район). *Салтово-маяцкий* слой археологического комплекса исследовался в 1969, 1973–1982 гг. Средневековой археологической экспедицией ХГУ под руководством В. К. Михеева. Общая площадь городища, которое состоит из двух предградий, составляет 2 га, ширина от 45 до 82 м. Расположено между Панской балкой, по которой протекал ручей Сухая Гомольша, и урочищем Княжий Яр на мысе высотой около 30 м. Во времена функционирования городища стены его высоко вздымались над окружающей местностью. Даже в XVII в. они считались важным стратегическим объектом. Стены городища просуществовали до 1875 г., а потом были разобраны. Занимало узкий мыс длиной 312 м. Территория городища разделена на три части: южную (площадь 0,5 га), центральную (0,3 га) и северную (1,2 га). С напольной стороны был прорыт ров с перешейком около центрального входа и насыпан земляной вал. Неподалеку от Сухогомольшанского городища располагалось селище площадью около 30 га. Оно находилось на восток от укрепленной части, на высоком плато между Княжим и Дьяковым Ярами. Толщина культурного слоя составляет 40–60 см, а в северной его части – 100 см. Сухогомольшанский могильник представляет собой уникальное для *салтово-маяцкой культуры* явление. Отражает ряд специфических этнокультурных процессов, свойственных только бассейну верхнего течения Северского Донца².

из поселения Сердюково II в Харьковской области // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 262–263; Пузаков Е. В. Харьковские школьники на раскопках близ г. Змиева / Е. В. Пузаков // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 262–263.

¹ Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченко / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 282.

² Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 74; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 79; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 6–8; Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша / В. К. Михеев // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 156–167; Михеев В. К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса / В. К. Михеев, А. К. Дегтярь // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1974. – С. 309; Михеев В. К. Раскопки Сухогомольшанского могильника / В. К. Михеев, А. К. Дегтярь // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1976. – С. 364–365; Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 158–173; Аксенов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксенов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2006. – Т. 5.

ТЕТЛЕГА (Чугуевский район). Селище. Расположено на мысе левого берега одноименной реки, на высоте 3–5 м от уровня воды, на северо-западной околице с. Тетлега. Площадь поселения 4,5 га. В 2007 г. археологическая разведка В. В. Колоды, Г. Е. Свистуна, В. И. Квитковского, А. А. Лаптева¹.

ЧЕРКАССКИЙ БИШКИН (Змиевской район). Два салтовских селища. Одно – на озере Кузьма (Великая Тополяха), недалеко от западной окраины одноименного села. Разведка Б. А. Шрамко 1954 г. Второе – в 2,5 км к югу от села, на краю боровой террасы левого берега Северского Донца. Разведки Ю. В. Буйнова 1976 г.²

ЧУГУЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ. В центральной части города Чугуева. Границы городища определяются с северной и восточной стороны границами мыса подпрямоугольной формы, а с западной – проходящим здесь оврагом, который в древности, вероятнее всего, представлял собой оборонительный ров. С восточной стороны городища естественным препятствием на подходах к крепости является р. Северский Донец, с северной – ее приток р. Чуговка. Упоминается в Книге Большому Чертежу: «Я ниже Тетлеги версты 4». Археологические разведки В. В. Пассека, Н. Д. Борисяка, Б. А. Рыбакова, Б. А. Шрамко. Ранее считалось, что данное городище возникло в скифское время и позже продолжало свое существование как раннеславянское. Первые шурфовки в современной центральной части города были произведены экспедицией Л. И. Бабенко в 1996 г. В одном из трех заложенных шурфов была выявлена *салтово-маяцкая* керамика в виде фрагментов кухонных горшков и средневековых красноглиняных амфор, а также куски разбитого кварцитового жернова. С 2004 г. систематические разведки Северскодонецкой археологической экспедицией Художественно-мемориального музея И. Е. Репина и Харьковско-го научно-методического центра охраны культурного наследия под руководством Г. Е. Свистуна. Исследованы остатки фортификации *салтовской* крепости. Выделено четырнадцатое гнездо поселений *салтово-маяцкой* археологической культуры – Чугуевское, заполняющее относительно большой промежуток в долине реки между соседними Кабановым и Кочетокским гнездами. Также выявлены два селища *салтовской* культуры, расположенные в непосредственной близости от Чугуевского городища: с западной и северной стороны. Первое из них фиксируется на северо-западной оконеч-

¹ Источники и литература: Колода В. В. Отчет о совместных археологических разведках в 2007 г. (бассейны рек Тетлега и Большая Бабка (правые притоки Северского Донца)) / В. В. Колода, Г. Е. Свистун, В. И. Квитковский, А. А. Лаптев. – Х.: Чугуев, 2008. – С. 9 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.

² Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 81.

ности мыса, образованного рекой Чуговкой и ее притоком – ручьем Березовым, на территории современной школы № 8 (ул. Якира, 32) и прилегающей к ней местности. Подъемный материал, встречающийся на площадке мыса и в осыпях склонов, представлен тарной керамикой (фрагментами стенок гофрированных средневековых амфор и обломками пифосов с примесью шамота и прочерченным линейным орнаментом), а также кухонной посудой (фрагментом красноглиняного горшка с прочерченным линейным орнаментом). Второе селище, расположенное с северной стороны Чугуевского городища, занимает восточную часть пос. Зачуговка, который в настоящее время находится в черте города Чугуева. Его границы проходят по притокам Северского Донца рекам Чуговке и ручью Безымянному, которые протекают по оврагам образованного таким образом мыса, возвышающегося над поймой реки на 20–25 м. Керамика из подъемного материала представлена фрагментарными образцами тарной посуды в виде толстостенных пифосов и гофрированных амфор. Пифосы имеют характерный для салтовской керамики линейный орнамент. Кухонная посуда встречается в виде фрагментов гончарных сосудов с параллельно прочерченным линейным орнаментом. Отдельные находки фрагментов салтовской керамики отмечены с южной стороны городища. Зафиксированы остатки разрушенного кремационного погребения¹.

ЧУГУЕВ-1 (Чугуевский район). Кочевье. В 0,2 км на запад от озера Кривое, известно из разведок Е. В. Пузакова 1958 г².

ЧУГУЕВ-I (Чугуевский район). Многослойное поселение Чугуев-I было открыто в 1949 г. разведкой И. П. Костюченко, который определил его как относящееся к *катакомбной культуре*. В 2008 г. С. А. Задников заново открыл этот памятник (под названием Чугуев, улица Фрунзе»), атрибутировав его как поселение *срубной* культурно-исторической общности. Однако А. А. Латпев, предполагает, что наличие фрагмента амфоры с зональным рифлением дает возможность считать, что здесь имеется культурный слой *салтовского* времени³.

¹ Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 71; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 137–138; Свистун Г. Е. Разрушенное кремационное погребение на Чугуевском городище? / Г. Е. Свистун // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2011. – Вып. 8. – С. 4–9; Свистун Г. Е. Фортификация Чугуевского городища / Г. Е. Свистун // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2012. Т. 9. Хазарское время. – С. 7–34; Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» Салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Свистун // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13-16 ноября 2006 года). – Липецк, 2006. – С. 281–285; Свистун Г. Е. Чугуївське городище. Археологічні дослідження в 2009 р. / Г. Е. Свистун. – Х., 2010.

² Источники и литература: Латпев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Латпев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280.

³ Источники и литература: Латпев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках

ЧУГУЕВ-II (Чугуевский район). Кочевье. На запад от Чугуева, на поверхности террасы в излучине правого берега Северского Донца, слева по направлению к железной дороге Чугуев–Харьков. Расположено на поселении эпохи бронзы. На то, что это было кочевье указывает топография памятника и характер находок¹.

ЧУГУЕВ-III (Чугуевский район). В 1949 г. И. П. Костюченко открыл еще одно многослойное селище, получившее название Чугуев-III. В соответствии с дневником исследователя оно располагалось: «На запад от станции Чугуев на 1 ¹/₂ км на второй надзаплавной террасе правого берега Северского Донца на юг от леса и на поляне с восточной части леса в направлении к семафору станции Чугуев». Вторично поселение было открыто Е. В. Пузаковым в 1958 г., который локализовал его в 1 км западнее железнодорожной станции Чугуев, на краю боровой террасы. Е. В. Пузаков отнес поселение к эпохе бронзы и скифскому времени. И. П. Костюченко отмечал наявность здесь *салтовской* и *роменской* керамики. Последнюю атрибуцию А. А. Лаптев считает, несомненно, ошибочной².

ЭСХАР (Чугуевский район). В 4 км на юго-запад от одноименного поселка, на правом берегу реки Уды имеется *салтовское* селище³.

ПАМЯТНИКИ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АРТЮХОВКА (Змиевской район), в урочище Новостройка Дымарей на левом берегу реки Мжа неподалеку от одноименного села. Зафиксировано раскопками Е. В. Пузакова в 1957 г.⁴

ВОДЯНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ (Змиевской район). Расположено на высоком мысе правого берега реки Уды, в урочище Холодный Яр, между селами Водяное и Красная Поляна. Открыто случайно: «*Два студента, братья Воыненко, на охоте обнаружили городище между с. Водяное и хут. Гудимовым. Об этом было сообщено археологам. Изучением занимались ученые силы археологического музея*». Археологические разведки и раскопки данного поселения занимались многие выдающиеся археологи Харьковщины: Н. К. Фукс (1930 г.), И. И. Ляпушкин (1948 г.), Б. А. Рыбаков (1950 г.) и Б. А. Шрамко (1952 г.). Раскопки, проводившиеся в

1949 г. И. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280.

¹ Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280.

² Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280.

³ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 137.

⁴ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины: Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 72, 154.

1952 г. Б. А. Шрамко, показали наличие двух археологических пластов – скифского и раннеславянского – *роменского*. В 2002–2003 гг. Средневековой экспедицией ХГПУ им. Г. С. Сковороды здесь проводились стационарные археологические исследования *роменской* части городища. Руководил раскопками В. В. Колода. В ходе работ экспедицией было уточнено датирование данного памятника – VIII–начало XI вв. Наибольший интерес вызывает северная часть городища, отгороженная валом в конце VIII – начале IX вв. н. э. Именно в этот период сюда приходят представители восточнославянского племени северян. Изучены фортификация, жилища, керамика, хозяйственные постройки *роменской культуры*¹.

ЗМИЕВО ГОРОДИЩЕ, Гайдары-1 (урочище Буцура). Помимо 17 фрагментов лепной керамики, не получивших однозначной интерпретации, в пользу существования на данном городище поселения северян говорит топография памятника и метод аналогии. Так, например комплекс Коробовы Хутора имел смешанное население (*роменское* на городище и *салтовское* на селище). Неподалеку от *роменского* городища Водяное располагалось *салтовское* селище Красная Поляна. Поскольку на территории современного Змиева (район Горы) по предположению В. К. Михеева располагалась опорная *салтовская* крепость, то вполне возможно предполагать существование поблизости и *роменского* поселения. Таковым могло быть Змиево городище².

КОРОВОВЫ ХУТОРА (Змиевской район). На территории городища во второй половине X – середине XI вв. проживали носители *роменской* археологической культуры. В 2004 г. Средневековой археологической экспедицией ХГПУ им. Г. С. Сковороды здесь выявлена славянская усадьба (IX–X вв.), которая представляет

¹ Источники и литература: Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 2002 г. / В. В. Колода. – Х., 2003. – С. 2–3, 6 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды; Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун. – Х., 2004. – С. 87 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды; АО МКЗЛ. – Ф. 14. – Рукописи. – Оп. 3. – Д. 1. – Ракитянская Анна Николаевна «Краеведческие очерки о селе Водяное». – Л. 4 об.; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73; Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 68–69; Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // Stratum plus. – 2005–2009. – № 5. – С. 249–264; Колода В. В. Жилища роменского городища Водяное / В. В. Колода // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Международной научной конференции 9–10 ноября 2012 года. – Х., 2012. – С. 68–69.

² Источники и литература: Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – С. 64, 74; Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змиев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 145–160; Дьяченко А. Г. К истории заселения юго-восточных окраин Руси в 12–16 вв. / А. Г. Дьяченко // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья / Тезисы докладов и сообщений 2-ой межвузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. – Воронеж, 1991. – С. 27; Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 73.

древности племени северян нашей территории. В ее состав входило небольшое (9 м²) почти квадратное загубленное жилище, хозяйственная прямоугольная постройка, открытый очаг и ряд хозяйственных ям¹.

КОЧЕТОК (Чугуевский район). На левом берегу Северского Донца, в урочище Тыльнов Лиман, у северной опушки соснового бора и к югу от поселка².

КОЧЕТОК-IV (Чугуевский район). На север от с. Кочеток, на левом берегу Северского Донца, на возвышенном всхолмлении (дюне). В 1921 г. памятник посещал А. С. Федоровский, в 1925 г. – Н. В. Сибилев. В 1964 г. – Е. В. Пузаков, который назвал его «Тильманов Лиман-1». На распаханной территории археолог собрал в т. ч. материалы *роменской культуры*. С предыдущим памятником схоже название урочища, но разнится месторасположение относительно поселка-эпонима³.

МАЛИНОВКА (Чугуевский район). На левом берегу Северского Донца, в урочище Лоза у одноименного села. Выявлено в ходе разведок 1949 г. археологом И. П. Костюченко (единственное *роменское* из 8 поселений, расположенных здесь)⁴.

МОХНАЧ (Змиевской район). В X в. *салтовское* население Мохначанского городища сменяется представителями племени северян – носителями *роменской* археологической культуры. В соответствии с имеющимися археологическими материалами *роменский* период истории данного городища датируется X–XI вв. Количество переселившихся сюда северян было невелико. Об этом говорит уменьшение площади городища. Также сократилось количество окружавших городище селищ: с 13 в *салтовский* период, до 1 во время господства *роменцев*. Славяне построили три новые поперечные линии обороны, отсекая еще меньшие участки южной оконечности мыса и увязывая их с остатками *салтовских* оборонных сооружений, располагавшихся по периметру. Все три линии фортификационных сооружений построены в широтном направле-

¹ Источники и литература: Колода В. В. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Чендев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 107–130; Горбаненко С. А. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. О. Пашкевич // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 82–92; Чендев Ю. Г. Природна среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 112–121.

² Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 134.

³ Источники и литература: Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 279.

⁴ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 135; Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 280–281.

нии, с опорой на яры, врезающиеся в мыс со стороны заплавы. Зафиксирован факт смешения с X в. культурных традиций славян предгосударственного периода и населения *салтово-маяцкой* археологической культуры. Об этом свидетельствуют данные хозяйства, домостроительства и интерьера, предметы быта и элементы фортификации. Впервые для ареала *роменской культуры* обнаружено святилище (жилище с жертвенником вместо печи)¹.

НОВО-ПОКРОВКА-II (Чугуевский район). Расположено на левом берегу Уд (песчаная надзаплавная терраса), на север от Подовского озера возле летней кошары и силосных ям, в урочище Поды. Сейчас этот памятник под огородами частных домовладений по улице Леонтьева, на склоне вдоль Подовского озера. Площадь неизвестна².

¹ Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 77; Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 9–15; Колода В. В. Житло із жертвенником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 1. – С. 42–46.

² Источники и литература: Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. – С. 135; Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 282.

Хронологическая таблица

- 270-е гг. — первая письменная фиксация личного имени Ант.
II–IV вв. — у сарматов засвидетельствованы личные имена Ант и Хорват.

IV век

- 375 г. — разгром гуннами Готского королевства («Империи Германариха»). Дата считается условным концом эпохи древности на территории Украины.
Кон. IV в. — конец господства в степях Украины носителей *черняховской археологической культуры*; начало раннего периода *пеньковской археологической культуры*.
Граница IV–V вв. — начало среднего (классического) периода *пеньковской культуры*.

V век

- Начало V в. — начало постепенного вытеснения ираноязычного населения степей Украины тюркоязычным.
Середина V в. — начало распространения древностей *пеньковской археологической культуры*.
451 г. — битва на Каталаунских полях, остановившая продвижение гуннов в Западную Европу.
454 г. — смерть гуннского вождя Атиллы, разгром гуннов гепидами и распад гуннской империи.
463 г. — разгром гуннов болгарами.
469 г. — разгром гуннов византийцами.
Конец V — начало VI вв. — носители *пеньковской культуры* переходят на правый берег Днепра, достигая Южного Буга, Днестра и Прута.

VI век

- Начало VI в. — инфильтрация славянского населения в среду днепровских балтов.
Первая половина VI в. — *пеньковцы* (анты) проникают вдоль бассейна Северского Донца далеко вглубь степи.
527 г. — нападение болгар, склавинов и антов на южный берег Дуная.
530 г. — разгром склавинами римского военачальника Хильбудия.

- 534 г. — нападение болгар, склавинов и антов на южный берег Дуная.
- 550-е гг. — нашествие авар.
- 580 г. — война между византийцами и антами, с одной стороны и аварами, склавинами и лангобардами — с другой.
- VI в. — первое упоминание свеверян в недатированной части «Повести временных лет» (по Б. А. Рыбакову).

VII век

- 602 г. — участие антов в византийско-аварском конфликте.
- Начало VII в. — анты перестают упоминаться в письменных источниках.
- Середина VII в. — конец среднего (классического) периода *пеньковской культуры*.
- Середина VII в. — начало сложения *салтово-маяцкой культуры*.
- Середина VII в. — появление древностей *волынцевской культуры*.
- Вторая половина VII в. — начало позднего периода *пеньковской культуры*.
- Конец VII в. — переход *пращко-корчакской культуры* к памятникам типа *Сахновка*.

VIII век

- Начало VIII в. — распад *пеньковской культуры*; формирование *волынцевского* горизонта; переход *пеньковского* населения Подонцовья под власть Хазарского каганата.
- VIII в. — появление в Подонцовье племен северокавказских алан.
- Середина VIII в. — трансформация древностей *волынцевской культуры*.
- Середина VIII в. — завершение сложения *салтово-маяцкой культуры*. Начало раннего ее периода.
- 737 г. — поражение хазар в арабо-хазарской войне. Переориентация завоевательной политики Хазарии на Доно-Донецкий регион.

IX век

- 805 г. — запрет Карла Великого на продажу славянам оружия и брони.

- 838 г. — русское посольство к византийскому императору Феофилу.
- 839 г. — встреча русских послов с Восточнофранкским королем Людовиком Благочестивым.
- 860—870-е гг. — активизация походов викингов.
- Середина IX в. — завершение раннего периода *салтово-маяцкой культуры*.
- Вторая половина IX в. — средний период существования *салтово-маяцкой культуры*.
- 864—884 гг. — первый поход русов в Каспийское море.
- 884 г. и 885 г. — упоминание северян в «Повести временных лет».
- 880-е гг. — присоединение к Русскому государству земель древлян, северян и радимичей.
- Конец IX в. — начало позднего периода *салтово-маяцкой культуры*.

X век

- X в. — угасание *салтово-маяцкой культуры*.
- 909 г. — уничтожение русами торгового флота на острове Абесгун.
- 910 г. — захват русами города Сари.
- 912—913 гг. — поход русов на Гилян, Табаристан, Азербайджан и Ширван.
- 943 г. — захват русами города Берда на реке Кура.
- Середина X в. — начало военно-политического упадка Хазарского каганата.
- 964 г. — присоединение к Русскому государству земель вятичей.
- 965 г. — поход князя Святослава против Хазарского каганата.
- 969 г. — второй поход русского войска на Хазарию.

XI век

- 1024 г. — упоминание северян в «Повести временных лет».
- 1079 г. — участие хазар в борьбе тмутараканских князей Романа и Олега Святославичей против Великого князя Всеволода.
- 1083 г. — последнее упоминание в русских летописях хазар.

**Открытие археологических культур и исследование памятников
раннего средневековья на территории Змиевского региона
Слободской Украины**

- 1627 г. – составление пояснительной записки к большой карте Московского государства – Книги Большому Чертежу, в которой упоминаются Чугуевское, Мохначанское, Каменное (Сухогомольшанское), Кабаново, Змиево и Гумниньинское (?) городища.
- 1860 г. – в Змиеве на правом берегу Северского Донца найден клад с абассидскими дирхемами середина VIII в.
- 1860-е гг. – на территории Змиевского уезда (место находки неизвестно) был найден абассидский дирхем, чеканенный в 756/757 г.
- 1875 г. – разобраны остатки каменных стен Сухогомольшанского городища.
- 1885 г. – при раскопках городского вала в Змиеве был найден дирхем, чеканенный в Истархане в том же 756/757 г.
- 1890 г. – открытие Маяцкого городища (сейчас в Донецкой области Украины).
- 1895 г. – раскопки Н. Е. Макаренко на Маяцком городище.
- 1900 г. – первые раскопки катакомб Верхнесалтовского могильника.
- 1901 г. – Н. Е. Макаренко исследовал группу городищ у г. Ромны (современная Сумская область Украины), что послужило открытию новой археологической, *роменской культуры*.
- 1902 г. – представление на XII Археологическом съезде в Харькове древностей новооткрытой *салтово-маяцкой культуры*.
- 1906 г. – случайное обнаружение у с. Малые Будки Роменского уезда Полтавской губернии древностей археологической культуры, которая в будущем получит название *волынцевской*.
- 1920-е гг. – возобновление (после гражданской войны) исследования Верхнесалтовского могильника Харьковским историческим музеем и открывателем памятника В. А. Бабенко.
- 1920-е гг. (?) – случайное открытие братьями Волыненько городища Водяное.

- 1924 г. — житель хутора Гудимов (около с. Водяное) И. В. Картавых во время прополки огорода нашел три серебряные монеты с арабскими надписями.
- 1927 г. — сбор поверхностного материала А. С. Федоровским и Н. К. Фуксом на Змиевом городище (Гайдары-1) и в урочище Провалье.
- 1930 г. — исследование городища Водяное Н. К. Фуксом.
- 1936 г. — у с. Новая Покровка найдены остатки сыроступного горна.
- 1946–
1948 гг. — исследование С. А. Семеновым-Зуссером салтовских поселений вдоль левого берега Северского Донца.
- 1947 г. — на основании только лишь письменных источников Б. А. Рыбаков доказал наличие северянского населения в Подонцовье.
- 1947–
1948 гг. — открытие новых памятников салтово-маяцкой культуры Днепровской Левобережной экспедицией.
- 1948 г. — открытие и исследование Д. Т. Березовцом поселения и могильника у с. Волынцево (Сумская область Украины). Выделение *волынцевской* археологической культуры.
- 1948 г. — исследование городищ Водяное и Кабаново И. И. Ляпушкиным.
- 1948 г. — в с. Соколово у хутора Прогоня найдена сабля салтово-маяцкой культуры.
- 1949 г. — археологическая разведка И. П. Костюченко во время которой были открыты более двух десятков селищ различных культур.
- 1949 г. — исследование Ю. В. Кухаренко Новопокровского могильника.
- 1950 г. — раскопки Б. А. Рыбакова на Мохначанском, Водяновском и Кабановском городищах.
- 1952 г. — раскопки Б. А. Шрамко на городище Водяное.
- 1953–
1954 гг. — раскопки Б. А. Шрамко и С. А. Плетневой на Мохначанском городище.
- 1953 г. — проведение археологической разведки Б. А. Шрамко возле с. Задонецкое, во время которой была впервые зафиксирована керамика *пеньковского* типа.
- 1954 г. — открытие Б. А. Шрамко Змиева городища, селища Гайдары, комплекса Коробовы Хутора.
- 1955 г. — археологические раскопки Б. А. Шрамко селища Задонецкое.

- 1956 г. — археологическая разведка Е. В. Пузакова у с. Лиман (урочище Сердюково-2).
- 1956—1959 гг. — работа Кременчугской новостроечной экспедицией под руководством Д. Т. Березовца, во время которой была открыта *пеньковская* археологическая культура.
- 1957 г. — обследование Кабанова городища С. А. Плетневой.
- 1957—1960 гг. — стационарные раскопки многослойного поселения Сердюково-2 Е. В. Пузаковым.
- 1969—1970 гг. — археологические раскопки Б. А. Шрамко селища Задонецкое.
- 1969 г. — поступление в археологическую экспедицию ХГУ, работавшую у с. Сухая Гомольша, *пеньковской* фибулы, случайно найденной у с. Нижний Бишкин.
- 1969 г. — раскопки на Сухогомольшанском городище Средневековой археологической экспедицией ХГУ под руководством В. К. Михеева.
- 1970 г. — археологическая разведка С. И. Воловика на многослойном поселении Занки.
- 1970 г. — раскопки Б. А. Шрамко на Коробовых Хуторах.
- 1970 г. — археологические разведки Б. А. Шрамко, В. П. Андриенко, В. К. Михеева на *салтовском* селище у с. Верхний Бишкин (урочище Ольховое).
- 1970 г. — открытие *салтовского* селища у с. Верхний Бишкин (урочище Роганина).
- 1971 г. — раскопки раннеславянского селища Задонецкое О. В. Сухобоковым и М. П. Кучерой.
- 1972 г. — археологическая разведка В. Е. Радзиевской на многослойном поселении Занки.
- 1972 г. — открытие и исследование двух *салтовских* селищ у с. Вербока (Балаклейский район).
- 1972 г. — случайная находка у с. Мохнач захоронения древнерусского воина XI–XII вв. с кольчугой, шлемом, щитом и мечом.
- 1973—1982 гг. — раскопки Сухой Гомольши Средневековой археологической экспедицией ХГУ под руководством В. К. Михеева.
- 1976 г. — исследование Ю. В. Буйновым и В. К. Михеевым *пеньковского* поселения Нижний Бишкин II.
- 1976 г. — находка в Черкасском Бишкине пальчатой фибулы дунайского типа.

- 1976–
1989 гг. – археологические раскопки на многослойном поселении Занки под руководством А. Г. Дьяченко.
- 1977 г. – исследование В. К. Михеевым и О. М. Приходнюком *пеньковского* поселения Сухая Гомольша.
- 1978–
1980 гг. – археологические раскопки на *пеньковском* поселении Тимченки (урочище Таранцево) под руководством С. И. Берестнева.
- 1978 г. – случайная находка комплекса *салтовских* вещей у с. Кочеток.
- 1984 г. – у с. Красная Горка открыт могильник *салтовской культуры*.
- 1984–
1998 гг. – раскопки Красногорского могильника.
- 1990-е гг. – сбор А. В. Крыгановым, М. И. Саяным и В. В. Дидыком поверхностного материала на Змиевом городище (Гайдары-1).
- 1990 г. – в урочище Роганино II (у с. Верхний Бишкин) Средневековой археологической экспедицией ХГУ найдены две гончарные печи.
- 1993 г. – исследование М. В. Любичевым *пеньковского* поселения Нижний Бишкин II.
- 1993 г. – исследование Славяно-русской археологической экспедицией Харьковского государственного института культуры (под руководством А. Г. Дьяченко) и практикантами Харьковского госуниверситета (под руководством М. В. Любичева) Змиева городища.
- 1995–
1996 гг. – археологические разведки А. В. Крыганова на Жуковском городище.
- 1996 г. – случайное открытие богатого женского погребения *пеньковской культуры* у Мохначанского городища. Содержит сармато-аланские элементы.
- 1999–
2000 гг. – исследования В. В. Колоды на городище Водяное.
- 2001 г. – на Мохначанском городище найдены остатки горна.
- 2002 г. – у с. Сухая Гомольша случайно обнаружены остатки второго могильника *салтовской культуры*, разоренного при строительстве газопровода.
- 2002–
2003 гг. – стационарные археологические исследования на городище Водяное под руководством В. В. Колоды.
- 2003–
2007 гг. – стационарное исследование Коробовых Хуторов В. В. Колодой.

- 2004 г. – инструментальная съемка Кабанова городища Г. Е. Свистуном.
- 2004 г. – раскопки Г. Е. Свистуна в Чугуеве. Открытие двух селищ *салтовской культуры*.
- 2006 г. – на Мохначанском городище впервые обнаружена керамика *пеньковской культуры*.
- 2007 г. – стационарное изучение Кабанова городища Северскодонецкой археологической экспедицией под руководством Г. Е. Свистуна.
- 2007 г. – исследование *салтовского* селища Тетлега В. В. Колодой, Г. Е. Свистуном, В. И. Квитковским и А. А. Лаптевым.
- 2008 г. – открытие Средневековой экспедицией ХНПУ им. Г. С. Сковороды поселения Мохнач-П.
- 2009 г. – стационарные раскопки поселения Мохнач-П.

Источники иллюстраций

- Рис. 2. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 70.
- Рис. 4. Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 27.
- Рис. 5. Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 280; Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 22.
- Рис. 6. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 7. Міхеєв В. К. Пенківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Міхеєв, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 76.
- Рис. 8. Міхеєв В. К. Пенківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Міхеєв, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 78.
- Рис. 9. Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 158.
- Рис. 10. Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 30.
- Рис. 11. Міхеєв В. К. Пенківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Міхеєв, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 78.
- Рис. 12. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 92.
- Рис. 13. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 108.
- Рис. 14. Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 157.
- Рис. 15. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 105.
- Рис. 16. Міхеєв В. К. Пенківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Міхеєв, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 77.
- Рис. 17. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 107.
- Рис. 18. Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 112.
- Рис. 19. Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 116.
- Рис. 20. Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 113.
- Рис. 21. Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 118.
- Рис. 22. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 76.
- Рис. 23. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 133.
- Рис. 24. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 87.
- Рис. 25. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. – С. 134.
- Рис. 26. Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 114.
- Рис. 27. Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I – VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. – С. 49.
- Рис. 28. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 85.

- Рис. 29. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 86.
- Рис. 30. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 87.
- Рис. 31. Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 160.
- Рис. 32. Михеев В. К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине / В. К. Михеев // Советская археология. – 1983. – № 3. – С. 213.
- Рис. 33. Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 83.
- Рис. 34. Васіна З. Український літопис вбрання. Науково-художні реконструкції / З. Васіна. – К., 2003. – Т. 1. 11 000 років до н. е. – XII ст. н. е.
- Рис. 35. Васіна З. Український літопис вбрання. Науково-художні реконструкції / З. Васіна. – К., 2003. – Т. 1. 11 000 років до н. е. – XII ст. н. е.
- Рис. 36. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М., 1966. – Табл. 12.
- Рис. 37. Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Биш-кин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 292.
- Рис. 38. Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 21.
- Рис. 39. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 187.
- Рис. 40. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. – С. 188.
- Рис. 41. Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 89.
- Рис. 42. Источник:Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 167.
- Рис. 43. Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 200.
- Рис. 44. Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 198.
- Рис. 45. Етнічна та етнокультурна історія України: У 3 т. / В. Д. Баран, Л. Л. Залізник, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. 1. – С. 258.
- Рис. 46. Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII – XIII ст.: За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 26.
- Рис. 47. Україна крізь віки: У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. – С. 253.
- Рис. 48. Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст.: За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992. – С. 18.
- Рис. 50. Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 147.
- Рис. 52. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 12.
- Рис. 53. Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 69.
- Рис. 55. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе, Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свистун. – Х., 2004. – С. 87 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 56. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 57. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 69.
- Рис. 58. Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Капицы. – М., 2007. – С. 178.
- Рис. 59. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники) / О. В. Сухобоков. – К., 1975. – С. 68.
- Рис. 60. © Из собраний Змиевского краеведческого музея. Фото автора 2007 г.

- Рис. 61. Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1985. – Т. XV. Древняя Русь: Город, замок, село. – С. 241.
- Рис. 62. Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. Восточные славяне в VI–XIII вв. – С. 207.
- Рис. 63. Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. Восточные славяне в VI–XIII вв. – С. 211.
- Рис. 64. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 65. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 253.
- Рис. 67. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 255.
- Рис. 68. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 256.
- Рис. 69. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 257.
- Рис. 70. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 257.
- Рис. 71. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 261.
- Рис. 74. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 75. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // *Свод археологических источников*. – Вып. Е1-36. – М., 1971. – С. 26.
- Рис. 76. © Из собраний Змиевского краеведческого музея. Фото автора 2007 г.
- Рис. 77. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 78. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 92.
- Рис. 80. Давня історія України : У 2 кн. / П. П. Толочко, Д. Н. Козак, С. Д. Крижицький, О. П. Моця та ін. – К., 1995. – Кн. 2. – С. 179.
- Рис. 81. Радзивилловская летопись, л. 6. об.
- Рис. 82. Васіна З. Український літопис вбрання. Науково-художні реконструкції / З. Васіна. – К., 2003. – Т. 1. 11 000 років до н. е. – XII ст. н. е.
- Рис. 84. Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 11.
- Рис. 85. Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 12.
- Рис. 87. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 340.
- Рис. 88. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. – С. 521, 529.
- Рис. 89. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 540.
- Рис. 92. Колода В. В. Житло із жертвником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 1. – С. 43.
- Рис. 93. Колода В. В. Житло із жертвником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2001. – Ч. 1. – С. 44.
- Рис. 94. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 298.
- Рис. 95. Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 158.
- Рис. 96. Гордиенко-Митрофанова И. В. Язычество восточных славян (VIII–X вв. н. э.) / И. В. Гордиенко-Митрофанова, В. С. Аксёнов. – К., 2003. – С. 39.
- Рис. 97. Гуревич Ф. Д. Збручський ідол / Ф. Д. Гуревич // *Матеріали та дослідження по археології СССР*. – 1941. – № 6. – С. 280.

- Рис. 98. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 7; 88.
- Рис. 99. Радзивилловская летопись, л. 66 об.
- Рис. 101. Радзивилловская летопись, л. 16, 26, 45.
- Рис. 103. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 88.
- Рис. 104. Древнерусская космогония / Отв. ред. Г. С. Баранкова. – СПб., 2004. – С. 115.
- Рис. 107. Рыбаков Б. А. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – Л., 1971. – С. 2.
- Рис. 108. Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Перепплут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 114; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 437.
- Рис. 109. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. – С. 521.
- Рис. 110. Бычков А. А. Жива / А. А. Бычков // Мифы и магия индоевропейцев. – М., 2000. – Вып. 9. – С. 66–67.
- Рис. 111. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 36.
- Рис. 112. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 268.
- Рис. 114. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 581.
- Рис. 115. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000. – С. 85.
- Рис. 117. Хренов Л. С. Время и календарь / Л. С. Хренов, И. Я. Голуб. – М., 1989. – С. 86; Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1985. – С. 256.
- Рис. 119. © Змиевской районный Дом культуры. Фото О. А. Бидулина 2010 г.
- Рис. 120. Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 44.
- Рис. 121. Плетнёва С. А. На славянско-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнёва. – М., 1989. – С. 8.
- Рис. 123. © Материалы Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 124. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2007 году / В. В. Колода, В. И. Квитковский. – Х., 2008. – С. 112 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 125. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 10.
- Рис. 126. Колода В. В. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2001. – С. 79 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 127. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 12.
- Рис. 128. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. – С. 111.
- Рис. 130. Чугуевское городище и окрестности // Дали зовут. – Режим доступа: http://dalizovut.narod.ru/st_vrem/chug_sv/chug_g.jpg. – Доступ 14. 02. 2009 г.
- Рис. 131. Кабаково (Кабаново) городище // Дали зовут. – Режим доступа: http://dalizovut.narod.ru/st_vrem/kaban_sv/kab_2.jpg. – Доступ 07. 03. 2010 г.
- Рис. 132. АО МКЗЛ. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 1. – Ед. хр. 2.
- Рис. 133. АО МКЗЛ. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 1. – Ед. хр. 4.
- Рис. 134. Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач / В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні. 2011. – К., 2012. – С. 437.
- Рис. 135. Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 281.
- Рис. 136. Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 282.

- Рис. 137. Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченка / О. О. Лаптев // Древности-2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 283.
- Рис. 138. Колода В. В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце / В. В. Колода // Древности 2005. – Х., 2005. – С. 188.
- Рис. 139. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2008 г.
- Рис. 140. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 141. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 142. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 143. Колода В. В. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 175.
- Рис. 144. Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья / В. В. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2007. – Т. 6. – С. 131, 132.
- Рис. 145. Колода В. В. Отчёт о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2002 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 146. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 147. Третьяков П. Н. У истоков Древней Руси / П. Н. Третьяков // По следам древних культур. Древняя Русь / Под ред. Г. Б. Фёдорова. – М., 1953. – С. 24.
- Рис. 148. Михеев В. К. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине / В. К. Михеев, В. В. Колода // Вісник Харківського університету. – 1992. – № 363 : Історія. – Вип. 26. – С. 135.
- Рис. 149. Михеев В. К. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине / В. К. Михеев, В. В. Колода // Вісник Харківського університету. – 1992. – № 363 : Історія. – Вип. 26. – С. 137.
- Рис. 150. Дегодюк Е. Г. Лиман. Село Зміївського району Харківської області / Е. Г. Дегодюк. – К., 2009. – С. 180.
- Рис. 151. Скирда В. В. Новые поступления в Музей археологии и этнографии Слободской Украины от частных лиц / В. В. Скирда // Древности 2006–2008. – Х., 2008. – С. 239.
- Рис. 152. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2008 г.
- Рис. 153. Колода В. В. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии / В. В. Колода, Т. А. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2009. – Т. 8. – С. 206.
- Рис. 154. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 155. Колода В. В. К вопросу о салтовских сундучках-ларцах / В. В. Колода // Харьковский археологический сборник. – Х., 2009. – Вып. 4. – С. 6, 8.
- Рис. 156. © Материалы Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 157. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 159.
- Рис. 158. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 161.
- Рис. 159. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 169.
- Рис. 160. Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии / В. Е. Флёрова. – М.; Иерусалим, 2001. – С. 45.

- Рис. 161. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 162.
- Рис. 162. Аксёнов В. С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 363.
- Рис. 163. Аксёнов В. С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 364.
- Рис. 164. Аксёнов В. С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 365.
- Рис. 165. Аксёнов В. С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 366.
- Рис. 166. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 170.
- Рис. 167. © Из собраний Научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Фото автора 2013 г.
- Рис. 168. © Из собраний Музея археологии и этнографии Слободской Украины. Фото автора 2008 г.
- Рис. 170. Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце / А. К. Дегтярь // Советская археология. – 1984. – № 2. – С. 240.
- Рис. 171. Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце / А. К. Дегтярь // Советская археология. – 1984. – № 2. – С. 242.
- Рис. 172. © Из собраний Музея Боевого братства с. Соколово. Фото автора 2010 г.
- Рис. 173. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – Рис. 18.
- Рис. 174. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – Рис. 53.
- Рис. 175. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – Рис. 95.
- Рис. 176. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. – Рис. 122.
- Рис. 177. Археология Украинской ССР : В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. – С. 220.
- Рис. 178. Радзивилловская летопись, л. 7 об.
- Рис. 179. © Из собраний Музея Боевого братства с. Соколово. Фото автора 2007 г.
- Рис. 180. Аксёнов В. С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII – X вв. : Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / В. С. Аксёнов, А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 204.
- Рис. 181. Колода В. В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности 2011. – Вып. 10. – Х., 2011. – С. 265.
- Рис. 182. Колода В. В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности 2011. – Вып. 10. – Х., 2011. – С. 266.
- Рис. 186. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982. – С. 375.
- Рис. 187. Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века / С. А. Плетнёва. – Воронеж, 2003. – С. 230.
- Рис. 188. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году / В. В. Колода, А. В. Крыганов, В. К. Михеев, В. М. Ряполов, Г. Е. Свистун, А. А. Тортика. – Х., 2005 // НИАЛ ХГПУ им. Г. С. Сковороды.
- Рис. 189. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // Stratum plus. – 2005–2009. – № 5. – С. 262.
- Рис. 190. Археология СССР с древнейших времён до средневековья : В 20 т. – М., 1981. – Т. XVIII. Степи Евразии в эпоху средневековья. – С. 148.

Источники и литература

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ал Мас'уди // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 109–118.
2. Ал-Истахри // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 81–85.
3. Ал-Йа'куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / ал-Йа'куби; пер. Л. А. Семёновой. – М., 2001.
4. Ал-Хорезми // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 13–17.
5. Альбом выставки XII Археологического съезда в г. Харькове / Под ред. Е. К. Редина. – М., 1903.
6. Вагрянородный К. Об управлении империей / Константин Вагрянородный; под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М., 1991.
7. Бартольд В. В. Арабские известия о руссах / В. В. Бартольд // Сочинения. – М., 1963. – Т. 2, ч. 1. – С. 810–858.
8. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А. Корсуна. – М., 1975.
9. Библия : Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1993.
10. Былины. – М., 1986.
11. Воропай О. Звичай нашого народу : Етнографічний нарис : У 2 т. / О. Воропай. – Мюнхен, 1958. – Т. 2.
12. Воропай О. Звичай нашого народу : Етнографічний нарис : У 2 т. / О. Воропай. – Мюнхен, 1958. – Т. 1.
13. Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве / А. Я. Гаркави. – СПб., 1874.
14. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.) / А. Я. Гаркави. – СПб., 1870.
15. Геродот. История : В 9 книгах / Геродот; под общ. ред. С. Л. Утченко. – Л., 1972.
16. Голубиная книга. Славянская космогония / Сост., коммент. и пер. Д. М. Дудко. – М., 2008.
17. Дяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дяченко. – Репринт. изд. – М., 1993.
18. Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Избранные гимны / Т. Я. Елизаренкова. – М., 1972.
19. 3 «Записки» Ахмеда ібн-Фадлана ібн-Аббаса ібн-Рашида ібн-Хаммада // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 66. 20. 3 «Книги дорожніх скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Даста // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69–70. 21. 3 «Книги країн» // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 64. 22. 3 «Промивалень Золота» Абуль-Хасана Алі ібн-Хусейна (Аль-Масуди) // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 66–67. 23. Ібн аль Факіх Хамадани. Книга стран // Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.) / А. Я. Гаркави. – СПб., 1870.
24. Ібн Русте // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 43–49.
25. Ібн Фадлан // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 65–76.
26. Ібн Хаукал // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 86–94.
27. Ібн Хордадбех // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 24–32.
28. Ібн Хордадбех. Книга путей и стран / Ібн Хордадбех; пер. с араб., ком., исслед., указатели и карте Н. М. Велихановой. – Баку, 1986.
29. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969.
30. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея / Пер. Д. А. Хвольсона. – СПб., 1869.
31. Ілья Муромец и Жидовин // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – Режим доступа : http://feb-web.org/feb/byliny/texts/bl2/bl2_425-.htm. – Доступ 03. 04. 2013 г.
32. Іордан. О происхождении и деяниях гетов / Іордан; вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960.
33. История Ширвана и Дербенда X–XI веков / Пер. С. Г. Микаэляна. – М., 1963.
34. Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 177–184.
35. Киевское письмо // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 174–176.
36. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні : У 3 кн., 6 т. / С. Килимник. – Факс. вид. – К., 1994. – Кн. 1 : т. 1. Зимовий цикл; т. 2. Весняний цикл. 37. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні : У 3 кн., 6 т. / С. Килимник. – Факс. вид. – К., 1994. – Кн. 2 : т. 3. Весняний цикл; т. 4. Літній цикл. 38. Кирик Новгородец. Учение имже ведати человеку числа лет. Фотокопия со списка рукописи // Зубов В. П. Примечания к насталаенню, как человеку познать числение лет // Кирика Новгорода / В. П. Зубов // Историко-математические исследования. – 1953. – Вып. IV. 39. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950.
40. Книга Иосиппон // Древняя Русь в свете зарубежных источников : Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 170–176.
41. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова. – Л., 1932.
42. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Пер. П. К. Коковцова // Мир Гумилёва. – М., 1996. – Вып. 6. Открытие Хазарии. – С. 551–560.
43. Коринфский А. Народная Русь : Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский. – М., 1901.
44. Коринфский А. А. Народная Русь :

Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский; науч. ред. А. Т. Смирнова. – М., 1995. 45. Маврикий. Слов'яни / Маврикий // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 31. 46. Максимович М. Дні і місяці українського селянина / М. Максимович; пер. з рос. В. Гнатюка. – К., 2002. 47. Мифы Украины. За книгою Георгія Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях». – К., 2003. 48. Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой; под ред. М. И. Стеблин-Каменского. – Л., 1970. 49. Мономах В. В. Повчанья. Статут Володимира Всеволодовича / В. В. Мономах; пер. зі ст.-слов., упор, та перекл. В. Яременка. – К., 2006. 50. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. / А. В. Назаренко. – М., 1993. 51. Особенности культуры поморов // *Официальный Сайт Общины Поморов*. – Режим доступа: <http://pomorland.narod.ru/culture/>. – Доступ. 25.09. 2008 г. 52. Ответное письмо хазарского царя Иосифа. Пространная редакция // *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия* / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 3. – С. 197–207. 53. Песнь о нибелунгах / Пер. с нем. Ю. Корнеева, Н. Сигал. – М., 1997. 54. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr.htm>. – Доступ 10. 10. 2009 г. 55. Повесть врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з д.-рус., післяслово, комент. В. В. Яременка. – К., 1990. 56. Полное собрание русских летописей. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Изд. 2-е. – Л., 1926–1928. 57. Полное собрание русских летописей. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб., 1843. 58. Полное собрание русских летописей. – Т. 32. Хроника литовская и жмойтская. – М., 1975. 59. Полное собрание русских летописей. – Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского. – М., 1851. 60. Присёлков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста / М. Д. Присёлков. – М.; Л., 1950. 61. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Прокопий Кесарийский; пер. С. П. Кондратьева. – М., 1996. 62. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Прокопий Кесарийский. – Изд. 2-е, исп. и доп. – СПб., 2001. 63. Прокопий. Слов'яни / Прокопій // *Історія України в документах і матеріалах*. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 30. 64. Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр: В 2 кн. – СПб.; М., 1994. – Кн. 1. Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. 65. Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр: В 2 кн. – СПб.; М., 1994. – Кн. 2. Текст. Исследование. Описание миниатюр. 66. Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. – М., 1989. 67. Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Вильна, 1912. – Вып. 8–9. Быт белоруса. Словарь условных языков. 68. Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1887. – Вып. 3. Сказки. 69. Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. 70. Романов Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск, 1891. – Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. 71. Свод древнейших письменных известий о славянах. – М., 1994. – Т. 1. I–VI вв. 72. Свод древнейших письменных известий о славянах. – М., 1995. – Т. 2. VII–IX вв. 73. Сказки: В 3 кн. / Сост. Ю. Г. Крукова. – М., 1988. – Кн. 1. 74. Сказки: В 3 кн. / Сост. Ю. Г. Крукова. – М., 1989. – Кн. 2. 75. Сказки: В 3 кн. / Сост. Ю. Г. Крукова. – М., 1989. – Кн. 3. 76. Слово о полку Игореве. Фотокопия издания 1800 р. – К., 1952. 77. Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. – К., 1991. 78. Феофилакт Симокатта. История / Феофилакт Симокатта. – М., 1996. 79. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии / Филарет (Д. Г. Гумилевский). – Х., 1857. – Отд. IV. Чугуевские округа военного поселения; уезды: Змиевской и Волчанской. 80. Чичуров И. С. Византические исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бреварий» Никифора / Тексты, пер., комент. И. С. Чичуров. – М., 1980. 81. Schulchan Aruch, order vier judischen Geselzbücher, übersetzt von Heinrich George. – Lowe; Hamburg, 1837–1841.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Аксьонов В. С. Поховання з коном другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників): дис... канд. іст. наук / В. С. Аксьонов. – К., 2000. 2. Архивный отдел музейного комплекса Змиевского лицей № 1 им. З. К. Слюсаренко. – Ф. 12. – Археология. – Оп. 1. – Д. 1. Раскопки в урочище Сердюково-2. 3. Архивный отдел музейного комплекса Змиевского лицей № 1 им. З. К. Слюсаренко. – Ф. 14. – Рукописи. – Оп. 3. – Д. 1. – Ракитянская Анна Николаевна «Краеведческие очерки о селе Водяном». 4. Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках археологических памятников на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 году / С. И. Берестнев. – Х., 1980 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 9406. 5. Берестнев С. И. Отчёт о разведках и раскопках памятников бронзового века в Харьковской области в 1977 году / С. И. Берестнев. – Х., 1978 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8503. 6. Берестнев С. И. Отчёт о раскопках и разведках археологических памятников в Харьковской и Сумской областях в 1978 году / С. И. Берестнев. – Х., 1979 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8692. 7. Буйнов Ю. В. Отчёт о раскопках и разведках на территории Харьковской области в 1977 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1978 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8502. 8. Буйнов Ю. В. Отчёт об археологических исследованиях в Балаклеевском районе Харьковской области в 1991 году / Ю. В. Буйнов, А. К. Дегтярь. – Х., 1992 // Архив МАЭСУ. 9. Буйнов Ю. В. Отчёт Предкифского отряда Скифо-славянской экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1976 году / Ю. В. Буйнов. – Х., 1977 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8211. 10. Голотвин А. Н. Д. Я. Самоквасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей»: дис... канд. ист. наук / А. Н. Голотвин. – Воронеж, 2010. 11. Дьяченко А. Г. Отчёт о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-славянской экспедиции Харьковского госуниверситета в 1976 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1977 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 8030. 12. Дьяченко А. Г. Отчёт об археологических разведках на территории Харьковской области в 1970 году / А. Г. Дьяченко. – Х., 1971 // Архив Института археологии НАН Украины. – № 5907. 13. Ковалевский В. Н. Славянские жилища

- VIII-первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье : дисс... канд. ист. наук / В. Н. Ковалевский. – Воронеж, 2002. 14. Колода В. В. Отчёт о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2002 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 15. Колода В. В. Отчёт о работе отдельного отряда Средневековой археологической экспедиции по исследованию «скифского двора» на городище Водяное в 2003 г. / В. В. Колода, Д. С. Гречко. – Х., 2004 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 16. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году / В. В. Колода, А. В. Крыганов, В. К. Михеев, В. М. Ряполов, Г. Е. Свиистун, А. А. Тортника. – Х., 2005 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 17. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2007 году / В. В. Колода, В. И. Квитковский. – Х., 2008 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 18. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2005 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун. – Х., 2006 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 19. Колода В. В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 г. / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун. – Х., 2004 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 20. Колода В. В. Отчёт о совместных археологических разведках в 2007 г. (бассейны рек Тетлега и Большая Бабка (правые притоки Северского Донца)) / В. В. Колода, Г. Е. Свиистун, В. И. Квитковский, А. А. Ляптев. – Х.; Чугуев, 2008 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 21. Колода В. В. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине / В. В. Колода. – Х., 2001 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 22. Колода В. В. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 2002 г. / В. В. Колода. – Х., 2003 // НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды. 23. Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. : дисс... канд. ист. наук / В. В. Колода. – Х., 1996. 24. Любичев М. В. Пенківська культура Дніпро-Донецького межириччя : дисс... канд. ист. наук / М. В. Любичев. – Х., 1994. 25. Медведенко Н. А. Проблемы археологии и истории Хазарского каганата в исследовании М. И. Артамонова : дисс... канд. ист. наук / Н. А. Медведенко. – Воронеж, 2004. 26. Михеев В. К. Экономика и социальные отношения населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII–середина X вв.) : дисс... докт. ист. наук / В. К. Михеев. – К., 1985. 27. Моргунов Ю. Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв. : дисс... д-ра ист. наук / Ю. Ю. Моргунов. – М., 2007. 28. Новиков В. В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. : по материалам погребений и поселений : дисс... канд. ист. наук / В. В. Новиков. – М., 2009. 29. Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : дисс... канд. ист. наук / В. А. Сарапулкин. – Липецк, 2003. 30. Степовой А. В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : дисс... канд. ист. наук / А. В. Степовой. – Воронеж, 2010. 31. Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1969 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1970 // Архив МАЭСУ. 32. Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1971 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1972 // Архив МАЭСУ. 33. Шрамко Б. А. Отчёт о разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции ХГУ / Б. А. Шрамко. – Х., 1968 // Архив МАЭСУ. 34. Шрамко В. А. Отчёт о разведках и раскопках Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1957 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1958 // Архив МАЭСУ. 35. Шрамко Б. А. Отчёт об археологических разведках и раскопках Харьковского государственного университета в 1953 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1954 // Архив МАЭСУ. 36. Шрамко В. А. Отчёт об археологических разведках и раскопках ХГУ в 1953 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1954 // Архив МАЭСУ. 37. Шрамко Б. А. Отчёт об археологических раскопках ХГУ им. А. М. Горького в 1952 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1953 // Архив МАЭСУ. 38. Шрамко Б. А. Отчёт о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1970 г. / Б. А. Шрамко. – Х., 1971 // Архив МАЭСУ.

ЛИТЕРАТУРА И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

1. Абаев В. И. Дохристианская религия алаев / В. И. Абаев // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1961.
2. Абаев В. И. Избранные произведения : В 4 т. / В. И. Абаев. – Владикавказ, 1990. – Т. 1. Религия. Фольклор. Литература.
3. Абаев В. И. О происхождении фонемы у (h) в славянском языке / В. И. Абаев // Проблемы индоевропейского языковедения. – М., 1964. – С. 115–121.
4. Абаев В. И. Преверб и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языковедения / В. И. Абаев. – М., 1964.
5. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М., 1965.
6. Айбабин О. И. Евреи в античном и раннесредневековом Крыму / О. И. Айбабин // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-е. – К., 2009. – С. 7–16.
7. Аксёнов В. С. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца / В. С. Аксёнов // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 219–230.
8. Аксёнов В. С. Бронзовые зеркала из грунтовых могильников салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // Проблемы истории и археологии Украины. Матеріали V Міжнародної наукової конференції, присвяченої 350-літтю г. Харків та 200-літтю ХНУ ім. В. Н. Каразіна. 4–6 листопада 2004 року. – Х., 2004. – С. 84–85.
9. Аксёнов В. С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонья / В. С. Аксёнов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). – СПб., 2010. – С. 73–78.
10. Аксёнов В. С. Деревянные конструкции могильника салтово-маяцкой культуры Красная Горка / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 6–17.
11. Аксёнов В. С. Захоронение с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике

- салтовской культуры Червонная Гусаровка / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2009. – Т. 8. – С. 89–102. 12. Аксёнов В. С. Захоронения с конём у населения северо-западной части Хазарии (по материалам Нетайловского и Красногорского могильников) / В. С. Аксёнов // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.: тезисы докладов Международной научной археологической конференции (14–17 ноября 1995 г., Самара). – Самара, 1995. – С. 10–12. 13. Аксёнов В. С. Зеркала из прабогарахских захоронений салтовской культуры Харьковщины / В. С. Аксёнов // Харьковский археологический сборник. – 2008. – Вып. 3. – С. 46–58. 14. Аксёнов В. С. К вопросу о контактах полукочевого и осёдлого населения VIII–начала X вв. в бассейне Северского Донца / В. С. Аксёнов // XI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей Міжнародної наукової конференції (м. Київ, 7–8 червня 2007 р.). – К., 2007. – С. 62–65. 15. Аксёнов В. С. К вопросу о славяно-салтовских контактах в бассейне Северского Донца / В. С. Аксёнов // Историко-культурный надбання Сіверщини у контексті історії України. – Глухів, 2006. – С. 20–25. 16. Аксёнов В. С. К вопросу об изучении этнического единства кремаций VIII–IX вв. Кубани и Подонья (на примере Сухомоляшанского могильника салтовской культуры) / В. С. Аксёнов // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004. 17. Аксёнов В. С. К вопросу об уровне вооружённости салтовского населения в условиях пограничья / В. С. Аксёнов // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения Д. И. Багалая: Тезисы докладов научной конференции (Харьков, 16–18 апреля 1997 г.). – Х., 1997. – С. 51. 18. Аксёнов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 136–144. 19. Аксёнов В. С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине / В. С. Аксёнов // Finno-Ugrica. – 1998. – № 1 (2). – С. 3–12. 20. Аксёнов В. С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (по материалам Сухомоляшанского и Красногорского могильников) / В. С. Аксёнов // Вісник Харківського університету. – 1998. – № 413: Історія. – Вып. 30. – С. 39–51. 21. Аксёнов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII–первой половины X вв. Подонья (по материалам Сухомоляшанского могильника салтовской культуры) / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 5–24. 22. Аксёнов В. С. Обряд обезвреживания погребённых в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры / В. С. Аксёнов // Российская археология. – 2002. – № 3. – С. 98–114. 23. Аксёнов В. С. Обряд погребения с конём у населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильника у с. Красная Горка) / В. С. Аксёнов // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвящённой 90-летию XII Археологического съезда. – Х., 1992. – С. 83–84. 24. Аксёнов В. С. Обряд погребения с конём у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) / В. С. Аксёнов, А. В. Крыганов, В. К. Михеев // Материалы I тысячелетия н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996. – С. 116–129. 25. Аксёнов В. С. Погребения VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111–122. 26. Аксёнов В. С. Погребения со сложносоставными лугами биритального могильника Красная горка салтовской культуры / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2009. – Т. 7. – С. 387–406. 27. Аксёнов В. С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / В. С. Аксёнов, А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху средневековья. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 191–218. 28. Аксёнов В. С. Структура семьи у алан бассейна Северского Донца по данным катакомбных могильников салтовской культуры / В. С. Аксёнов // Проблемы истории та археології України. – Х., 2001. – С. 83. 29. Аксёнов В. С. Сухомоляшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2006. – Т. 5. 30. Аксёнов В. С. Нові випадкові знахідки комплексів воїнсько-вершників салтівського часу на Харківщині / В. С. Аксёнов // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 61–71. 31. Аксёнов В. С. Похоронения с конем второй половины VIII–IX ст. верхней течи р. Сиверский Донец (за материалами салтівських ґрунтових могильників): автореф. дис... канд. ист. наук / В. С. Аксёнов. – К., 2000. 32. Аксёнов В. С. Фібули могильника Суха Гомільша салтівської археологічної культури / В. С. Аксёнов // Дев'яті Сумцовські читання. Збірник матеріалів наукової конференції «Музей і сучасність». – Х., 2004. – С. 77–82. 33. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков; послесл. В. Я. Петрухина. – Репринт. изд. 1914 г. – М., 2003. 34. Антипина Е. Е. К вопросу организации охотничьего промысла в Древней Руси / Е. Е. Антипина, С. П. Маслов // Археология. – 1994. – № 1. – С. 60–71. 35. Антология мировой философии: В 4 т. – М., 1969. – Т. 1. Философия древности и средневековья. 36. Арнольд В. Г. Изнашиваемость зубов в двух популяциях региона Хазарского каганата Харьковской области Украины / В. Г. Арнольд, Э. А. Наумова, В. В. Колода, М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – № 639. – Серія: Медицина. – Вып. 3. – С. 90–95. 37. Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья / М. И. Артамонов // Доклады Географического общества СССР. – 1970. – Т. 15. – С. 29–31. 38. Артамонов М. И. Ещё раз о степной культуре Евразии / М. И. Артамонов, С. А. Плетнёва // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 3. 39. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л., 1962. 40. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления Западной Хазарии / М. И. Артамонов // Советская археология. – 1940. – Т. VI. – С. 130–167. 41. Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. – М., 1985. – Т. XV. Древняя Русь: Город, замок, село. 42. Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. – М., 1982. – Т. XIV. Восточные славяне в VI–XIII вв. 43. Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. – М., 1981. – Т. XVIII. Степи Евразии в эпоху средневековья. 44. Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1985. – Т. 3. 45. Археологічна лабораторія // Історичний факультет ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. – Режим доступа: <http://istoricheskiy.se-ua.net/archeology>. – Доступ 27. 05. 2008 г. 46. Афанасьев А. Г. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона / А. Г. Афанасьев. – М., 1993. 47. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Издание

- полное / А. Н. Афанасьев. – Лондон, 1859. 48. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 1. 49. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 2. 50. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 3. 51. Афанасьев А. Н. Славянские колдуньи и их свита / А. Н. Афанасьев. – М., 2009. 52. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г. Е. Афанасьев // Археологические открытия на новостройках. – 1987. – Вып. 2. 53. Афанасьев Г. Е. О салтовском типе сырзудного горна / Г. Е. Афанасьев, А. Г. Николаенко // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 168–175. 54. Багалей Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии / Д. И. Багалей // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. 55. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Багалей. – М., 1887. 56. Багалей Д. И. Історія Слобідської України / Д. І. Багалій. – Х., 1993. 57. Бакуменко К. И. Танцующий бог восточных славян / К. И. Бакуменко, В. В. Дидик, Д. М. Дудко // Вісник Харківського державного університету. – 1999. – № 441. – Серія : Історія. – Вип. 31. – С. 17–31. 58. Балабановская Е. В. Русский генофонд на Русской равнине / Е. В. Балабановская, О. П. Балабановский. – М., 2007. 59. Балабановский О. П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени : Синтез данных о геногеографии митохондриальной ДНК и Y-хромосомы : автореф. дисс. д-ра биол. наук / О. П. Балабановский. – М., 2012. 60. Бандуровский А. В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант) / А. В. Бандуровский, Ю. В. Буйнов. – К., 2000. 61. Берг Л. С. Номогенез / Л. С. Берг. Пг., 1922. 62. Бережанский В. Г. Военное дело Хазарского каганата / В. Г. Бережанский // Проблеми історії та археології України. – Х., 2001. – С. 87–88. 63. Березовец Д. Т. Археологические памятники летописных северян / Д. Т. Березовец // Краткие сообщения института археологии УССР. – 1952. – Вип. 2. 64. Березовец Д. Т. Новые раскопки в с. Волицево / Д. Т. Березовец // Археологические исследования на Украине. – 1967. – Вып. 1. 65. Березовец Д. Т. Харівський скарб / Д. Т. Березовець // Археологія. – 1952. – Т. VI. – С. 109–119. 66. Берестнев С. И. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы / С. И. Берестнев, М. В. Любичев // Археологія Славянського Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 33–37. 67. Берестнев С. И. О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племен / С. И. Берестнев // Древности 1997–1998. – Х., 1999. – С. 41–49. 68. Берестнев С. И. Работы Леобережской лесостепной экспедиции / С. И. Берестнев // Археологические открытия 1978 года / Отв. ред. В. А. Рыбаков. – М., 1979. – С. 301–302. 69. Блаватский В. Д. О змиеборье в русской былинке / В. Д. Блаватский // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 317–321. 70. Богомилыников В. В. Причины изменения погребального обряда радимичей / В. В. Богомилыников // Древности Белоруссии и Литвы. – Мн., 1982. 71. Брайчевская А. Т. Железоплавильные горны в Новой Покровке / А. Т. Брайчевская // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. – 1956. – Вып. 6. – С. 64–67. 72. Бромлей Ю. В. О предмете культурной-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских учёных (опыт сравнительного анализа) / Ю. В. Бромлей // Этнография за рубежом. – М., 1979. 73. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М., 1983. 74. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей; посл. Н. Я. Бромлей. – Изд. 2-е доп. – М., 2008. 75. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии : Очерки теории и истории / Ю. В. Бромлей. – М., 1981. 76. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М., 1973. 77. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы : теория, история и современность / Ю. В. Бромлей. – М., 1987. 78. Бубенок О. Б. Етнічний та релігійний склад аланського населення Хозарського каганату в VIII–X ст. / О. Б. Бубенок // Хазарський альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 129–157. 79. Бубенок О. Б. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? / О. Б. Бубенок, В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2009. – Т. 8. – С. 103–145. 80. Бубенок О. Б. Народ *ал-арсий* в Хазарии (из истории хазаро-хорезмийских связей) / О. Б. Бубенок, Д. А. Радивилов // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 5–18. 81. Буйнов Ю. В. Древние балтские гидронимы на территории Леобережской лесостепи Украины и их археологическая интерпретация / Ю. В. Буйнов // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 350-летию Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 4–6 ноября 2004 года. – Х., 2004. – С. 19–20. 82. Буйнов Ю. В. Исследования в бассейнах Мжи и Северского Донца / Ю. В. Буйнов, С. И. Берестнев // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. В. А. Рыбаков. – М., 1978. – С. 302–303. 83. Бучастая С. И. Планировка и конструкция фортификаций Чугуевской крепости : сравнительный анализ археологических и письменных источников / С. И. Бучастая, Г. Е. Свистун, О. А. Шевченко // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 5. – С. 616–626. 84. Василенко В. М. Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшках / В. М. Василенко // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 326–332. 85. Введение христианства на Руси / Отв. ред. А. Д. Сухоу. – М., 1987. 86. Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенов / И. Вернер // Советская археология. – 1972. – № 4. – С. 102–115. 87. Виленкин В. Л. Основные черты рельефа Харьковской области / В. Л. Виленкин, М. А. Демченко // Материалы Харьковского отдела Географического общества Украины. – Х., 1971. – Вып. VIII. Харьковская область: природа и хозяйство. – С. 18–30. 88. Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнёва. – Воронеж, 1998. 89. Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII–начало IX века) / А. З. Винников. – Воронеж, 1995. 90. Вовк Д. Н. Символика языческих святилищ Киевской Руси и её связь с флорой ареала обитания славян / Д. Н. Вовк // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вып. 10. – С. 59–65. 91. Вовк Х. К. Студії з української етнології та антропології / Х. К. Вовк. – К., 1995. 92. Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей

- четверти I тыс. н. э. / Г. А. Вознесенская // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 61–65. 93. Войтович Л. В. Київський каганат (до полеміки П. Толочка з О. Прицаком) / Л. В. Войтович // Хазарський альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 109–117. 94. Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. / Н. Н. Воронин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1941. – № 6. – С. 149–190. 95. Воронатов С. В. Волыньская «культура» и «Русский каганат» / С. В. Воронатов // Проблемы культурогенеза Восточной Европы и Сибири. – СПб., 2005. – С. 199–213. 96. Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский // Раннеславянский мир. – 2007. – Вып. 9. 97. Всемирная история : В 10 т. / Отв. ред. Н. А. Сидорова. – М., 1957. – Т. 3. 98. Гавритухин И. О. Гаповский клад и его культурно-исторический контекст / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский // Раннеславянский мир. – М., 1996. – Вып. 9. 99. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. / А. В. Гадло. – Л., 1979. 100. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – Х., 1916. – Т. 1. 101. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : В 2 т. / Н. М. Гальковский. – М., 1913. – Т. 2. Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. 102. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси, 1984. – Ч. 1. 103. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси, 1984. – Ч. 2. 104. Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А. Н. Гаркавец. – К., 1988. 105. Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; пер. с англ. Ф. С. Калицы. – М., 2007. 106. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини : мир Древней Европы / М. Гимбутас. – М., 2006. 107. Голб Н. Хазарско-еврейские документы X века / Н. Голб, О. Прицак. – М.; Иерусалим, 1997. 108. Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований / П. Голден // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим, М., 2005. – Т. 16. – С. 27–68. 109. Головкин О. В. Хазарія і печеніги в процесі становлення державності у слов'ян Східної Європи (VIII–XI ст.) / О. В. Головкин // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 19–33. 110. Голотвин А. Н. Д. Я. Самокасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей» : автореф. дисс... канд. ист. наук / А. Н. Голотвин. – Воронеж, 2010. 111. Голубев А. Н. К вопросу о классификации клинкового оружия у племен сальтовской культуры / А. Н. Голубев, М. Н. Григорьянц // Харьковский историко-археологический сборник. – 2009. – Вып. 5. – С. 135–146. 112. Гопак В. Д. Обработка железа у славянских племен юга Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. / В. Д. Гопак // Труды V международного конгресса археологов-славистов. – К., 1988. – Т. 4. – С. 30–33. 113. Гопак В. Д. Про сальтське залізобне ремесло / В. Д. Гопак, О. В. Сухобоков // Археологія. – 1978. – Т. 4. – С. 30–33. 114. Гопак В. Д. Техника кузнечного дела у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днепро-Днестровское междуречье) / В. Д. Гопак // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 46–56. 115. Горбаненко С. А. Землеробство жителів сальтського селища Коробови Хутори / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. О. Пашкевич // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 82–92. 116. Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра др. пол. I тис. н. е. / С. А. Горбаненко. – К., 2007. 117. Горбаненко С. А. Заряддя землеробства кінця I тис. до н. е.–I тис. н. е. Порівняльний аналіз / С. А. Горбаненко, // Археологія. – 2010. – № 4. – С. 46–59. 118. Горбаненко С. А. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей сальтовской культуры / С. А. Горбаненко, В. В. Колода // Матеріали та дослідження з археології Східної України : Збірник наукових праць. – Луганськ, 2011. – Вып. 11. – С. 228–239. 119. Горбаненко С. А. Палеоэтноботанический спектр сальтовского селища Коробовы Хутора / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. А. Пашкевич // Древности 2010. – Х., 2010. – С. 343–349. 120. Гордиенко-Митрофанова И. В. Язычество восточных славян (VIII–X вв. н. э.) / И. В. Гордиенко-Митрофанова, В. С. Аксёнов. – К., 2003. 121. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л., 1981. 122. Григор'янци М. М. Перші знахідки кінджалів гуńskiej доби із водозбору Сіверського Діня / М. М. Григор'янци, В. В. Дідик // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вып. 4. – С. 49–60. 123. Григорьев А. В. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры / А. В. Григорьев // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.). – К., 1990. – С. 5–56. 124. Григорьев А. В. Северская земля в VIII–начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. – Тула, 2000. 125. Григорьев А. В. О «второй волне» славянской колонизации междуречья Днепра и Дона (к постановке проблемы) / А. В. Григорьев // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы Международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (3–5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2012. – С. 99–100. 126. Григорьянц М. Н. Древности перешепинской культуры на Харьковщине и начальный период хазар / М. Н. Григорьянц, А. А. Желтобрюх // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вып. 9. – С. 12–23. 127. Григорьянц М. Н. Находка гуńskiej времени на Харьковщине / М. Н. Григорьянц, Б. Г. Бейдин // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вып. 9. – С. 4–11. 128. Григорьянц М. Н. Орнаментальные мотивы на изделиях мелкой металлопластики эпохи викингов на Харьковщине / М. Н. Григорьянц, Б. Г. Бейдин // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вып. 11. – С. 4–18. 129. Грушевський М. С. Історія України-Руси : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку. 130. Грушко Е. А. Русские легенды и предания / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М., 2007. 131. Гумилёв Л. Н. Викинги не солгали / Л. Н. Гумилёв // Природа. – 1977. – № 5. – С. 95–99. 132. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. 133. Гумилёв Л. Н. Единство и разнообразие кочевой культуры в Средние века / Л. Н. Гумилёв, И. Эрдей // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 3. – С. 87–87. 134. Гумилёв Л. Н. От Руси до России. // Gumilev.narod.ru. – Режим доступа : <http://www.gumilev.narod.ru/plch02>. – Доступ 21. 02. 2009 г. 135. Гумилёв Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилёв. – М., 2001. 136. Гумилёв Л. Н. Три китайских царства

- / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. 137. Гумилёв Л. Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I) / Л. Н. Гумилёв // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1964. – № 6. – С. 82–95. 138. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008. 139. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М., 1997. 140. Гуревич Ф. Д. 36русский идол / Ф. Д. Гуревич // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1941. – № 6. – С. 279–287. 141. Давня історія України : У 2 кн. / П. П. Толочко, Д. Н. Козак, С. К. Крижницький, О. П. Моця та ін. – К., 1995. – Кн. 2. 142. Данилевич В. Е. Карта монетных кладок и находки единичных монет в Харьковской губернии / В. Е. Данилевич // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – Т. 1. 143. Данилевский И. Читая Л. Н. Гумилёва / И. Данилевский // Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). – М., 2001. – С. 336–345. 144. Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском языке / В. П. Даркевич // Советская археология. – 1961. – № 4. – С. 94–102. 145. Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце / А. К. Дегтярь // Советская археология. – 1984. – № 2. – С. 239–243. 146. Дегтярь А. К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье / А. К. Дегтярь // Вестник Харьковского университета. – 1981. – № 214 : История СССР и зарубежных стран. – С. 75–83. 147. Дем'ячук Г. С. Українське краєзнавство : сторінки історії / Г. С. Дем'ячук, Б. Г. Дем'ячук, А. Г. Дем'ячук. – К., 2006. 148. Державин Н. С. Происхождение Русского народа – великорусского, украинского, белорусского. Славяне в древности / Н. С. Державин. – М.; Мн., 2010. 149. Добровольская М. В. Исследования материалов кремации : к реконструкции погребального обряда / М. В. Добровольская // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 376–377. 150. Довженюк В. И. Об этнической принадлежности населения черняховской культуры / В. И. Довженюк // Древние славяне и Киевская Русь : Сб. науч. труд. – К., 1989. – С. 6–14. 151. Древнерусская космогония / Отв. ред. Г. С. Баранкова. – СПб., 2004. 152. Дудко Д. М. Иранские (скифо-сармато-аланские) элементы в славянском образе Великой Богини / Д. М. Дудко // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вып. 10. – С. 44–58. 153. Дудко Д. М. Иранские элементы в славянском языке (история изучения) / Д. М. Дудко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 3–10. 154. Дудко Д. М. Матерь Лада : Божественное родословие славян. Языческий пантеон / Д. М. Дудко. – М., 2003. 155. Дудко Д. М. Парные боги-всадники у славян и иранское влияние / Д. М. Дудко // Восток. – 2002. – № 5. – С. 5–17. 156. Дудко Д. М. Погребальный обряд знатных руссов : этноисторические и мифологические корни / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 158–168. 157. Дудко Д. М. Проблемы верований ираноязычных народов Восточной Европы I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. в отечественной и зарубежной историографии : автореф. дисс. канд. ист. н. / Д. М. Дудко. – М., 1989. 158. Дудко Д. М. Раннеславянские культовые фигуры из Фессалии и их мифологическая семантика / Д. М. Дудко // Проблемы истории и археологии Украины. – Х., 1999. – С. 52–53. 159. Дудко Д. М. Раннеславянские культовые фигуры из Фессалии и их мифологическая семантика / Д. М. Дудко // Харьковский археологический сборник. – 2008. – Вып. 3. – С. 76–91. 160. Дудко Д. М. Раннеславянское изображение божества с надписью из Фессалии / Д. М. Дудко // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вып. 4. – С. 61–73. 161. Дудко Д. М. Сварог и Таргитай / Д. М. Дудко // Восток. – 1994. – № 5. – С. 45–50. 162. Дудко Д. М. Свет из иранского мира / Д. М. Дудко // Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. – М., 2002. 163. Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы : взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 34–46. 164. Дудко Д. М. Славянский культ льва / Д. М. Дудко // Харьковский историко-археологический сборник. – 2009. – Вып. 5. – С. 91–102. 165. Дьяченко А. Г. Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) / А. Г. Дьяченко, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 145–160. 166. Дьяченко А. Г. Исследования славянских памятников в бассейне Северского Донца / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1978. – С. 322–333. 167. Дьяченко А. Г. К истории заселения юго-восточных окраин Руси в 12–16 вв. / А. Г. Дьяченко // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья / Тезисы докладов и сообщений 2-ой межвузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. – Воронеж, 1991. 168. Дьяченко А. Г. Комплексы I тыс. н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А. Г. Дьяченко, О. М. Приходнюк, Е. Н. Петренко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 26–33. 169. Дьяченко А. Г. О культуре населения Днепро-Донской Лесостепи в I тыс. н.э. (по материалам селища Занки) / А. Г. Дьяченко // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 21–24. 170. Дьяченко А. Г. Раскопки селища Занки / А. Г. Дьяченко // Археологические открытия 1986 года / Отв. В. П. Шнилов. – М., 1988. – С. 275–276. 171. Дюмезиль Ж. Верховные Боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М., 1986. 172. Дьяченко О. Г. Горище Коробові Хутори і його місце серед ранньосередньовічних пам'яток басейну Сіверського Дінця / О. Г. Дьяченко // Вісник Харківського університету. – 1979. – № 182 : Історія. – Вип. 11. – С. 97–106. 173. Етнічна та етнокультурна історія України : У 3 т. / В. Д. Баран, Л. Л. Залізняк, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. 1. 174. Ефименко П. О Яриле, языческом божестве русских славян / П. Ефименко. – СПб., 1868. 175. Забашта Р. В. «Перунові дуби» / Р. В. Забашта, О. М. Пошывайло // Археологія. – 1992. – № 2. – С. 57–69. 176. Забылин М. Русский народ. Его быт, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – М., 1880. 177. Зайцев В. П. Про нову хвилю романтизму у вітчизняній історіографії / В. П. Зайцев, С. М. Куделько // Історична наука на порозі ХХІ століття : підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15–17 листопада 1995 р.) – Х., 1995. – С. 176–179. 178. Зиньковская И. В. К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской Лесостепи на рубеже римского времени и раннего Средневековья / И. В. Зиньковская // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье : Доклады научной конференции, посвященной

- 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). – СПб., 2004. – С. 204–207. 179. Зорин А. В. Русы и северяне. Из истории военного протivotояния / А. В. Зорин // X legio. Боевая техника древности. – Режим доступа : http://www.xlegio.ru/armies/zorin/russ_war.htm. – Доступ 18. 06. 2008 г. 180. Зубко А. На перехресті Великого шовкового шляху: монети генуезького Криму / А. Зубко // Історичний журнал. – 2008. – № 1. – С. 21–30. 181. Иванов В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1974. 182. Иванов В. В. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. – К., 1980. – С. 29–32. 183. Иванов В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1965. 184. Иванов И. В. Археология и почвоведение: опыт взаимодействия наук / И. В. Иванов // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 385–386. 185. Иевлев М. М. Роль географического фактора в истории Скифии IV в. до н. э. – II в. н. э. / М. М. Иевлев // Тезисы докладов на областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». – Запорожье, 1989. – С. 54–55. 186. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b-к) / В. М. Иллич-Свитыч. – М., 1971. 187. История городов и сёл. УССР : В 26 т. / Под общ. ред. П. Т. Тронько. – К., 1976. – Т. 1. Харьковская область. 188. История культуры Древней Руси. Домонгольский период : В 2 т. / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. – М.; Л., 1951. – Т. 1. Материальная культура. 189. История России // Геосинхрония. Атлас всемирной истории. – Режим доступа : <http://www.ostu.ru/personal/nikolaev/index.html>. – Доступ 20. 06. 2008 г. 190. История Украинской ССР : В 10 т. – К., 1982. – Т. 1. Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества, Киевская Русь (до второй половины XIII в.). 191. История Украинской ССР : В 2 т. – К., 1953. – Т. 1. 192. Історія Києва : У 3 т. – К. 1986. – Т. 1. Стародавній і середньовічний Київ. 193. Історія міст і сіл УРСР : У 26 т. / Під загаль. ред. П. Т. Тронька. – К., 1967. – Т. 1. Харківська область. 194. Історія селянства Української РСР : У 2 т. – К., 1967. – Т. 1. Від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. 195. Історія Української РСР : У 2 т. – К., 1967. – Т. 1. 196. Калинин Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в. : По данным Ибн Хордадбека и Ибн ал Факих / Т. М. Калинин // История СССР. – 1986 – № 4. – С. 68–82. 197. Кашкин А. В. Географические поселения поселений роменской культуры / А. В. Кашкин // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 43–44. 198. Квитка Г. Ф. Харьков и уездные города / Г. Ф. Квитка. – Х., 2005. 199. Квитковский В. И. Жилище селища салтовско-маяцкой культуры Коробовы Хутора / В. И. Квитковский // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2012. – Т. 9. Хазарское время. – С. 99–118. 200. Кёстлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие / А. Кёстлер; науч. ред. А. Г. Юрченко; пер. с англ. А. Ю. Кабалкина. – СПб., 2001. 201. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. E1-36. – М., 1966. 202. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. E1-36. – М., 1966. 203. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников. – Вып. E1-36. – М., 1971. 204. Клейн Л. С. Археологическая типология / Л. С. Клейн. – Л., 1991. 205. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб., 2004. 206. Клёсов А. А. Происхождение славян и других народов. Очерки ДНК-генеалогии / А. А. Клёсов. – Б. м., 2011. 207. Кляшторный С. Г. Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов / С. Г. Кляшторный // Хазарский альманах. – К.; Х., 2010. – Т. 8. – С. 227–235. 208. Ковалевский В. Н. Славянские жилища VIII–первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье : автореф. дисс... канд. ист. наук / В. Н. Ковалевский. – Воронеж, 2002. 209. Коловрат Ю. А. Змиевский регион Слободской Украины как территория этногенеза (к постановке вопроса) / Ю. А. Коловрат // Академия Тринитаризма. – М., Эл № 77-6567, публ. 17914. – 25.02.2013. – Режим доступа : <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/009a/02111011.htm>. – Доступ 26. 02. 2013 г. 210. Коловрат Ю. А. Змиевский регион Слободской Украины как территория этногенеза (к постановке вопроса) / Ю. А. Коловрат // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2013. – Вып. 12. – С. 77–98. 211. Коловрат Ю. А. Изменения климата Змиевского края в эпоху голода (10 300 лет назад–2015 г. н. э.) / Ю. А. Коловрат // Академия Тринитаризма. – М., Эл № 77-6567, публ. 17764. – 25.11.2012. – Режим доступа : <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111101.htm>. – Доступ 29.01.2013 г. 212. Коловрат Ю. А. Языческий месецеслов восточных славян : летоисчисление. Календарь / Ю. А. Коловрат // Академия Тринитаризма. – М., Эл № 77-6567, публ. 17764. – 25.11.2012. – Режим доступа : <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111098.htm>. – Доступ 29.01.2013 г. 213. Коловрат Ю. А. Языческий месецеслов восточных славян : летоисчисление. Календарь / Ю. А. Коловрат // Харьковский историко-археологический сборник. – Х., 2011. – Вып. 9. – С. 28–44. 214. Колода В. В. Археологические исследования ХНПУ на территории Харьковской области в 2008 году / В. В. Колода, В. И. Квитковский // Археологічні дослідження в Україні. 2008. – К., 2009. – С. 146–149. 215. Колода В. В. Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи : проблемы выделения этнических критериев / В. В. Колода // Дриновський збірник. – Х.; Софія, 2012. – Т. V. – С. 42–48. 216. Колода В. В. Влияние хазаро-арабо-византийских отношений на контакты славян Руси с населением Хазарии / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 232–240. 217. Колода В. В. Гончарная керамика вольпинцевой культуры : Историческая судьба ранних северян и их межэтнические контакты / В. В. Колода // Дивногогорский археологический сборник : Труды музея-заповедника «Дивногогорье». – Вып. 1. Археология. – Воронеж, 2009. – С. 164–178. 218. Колода В. В. Дослідження в урочищі

- Роганина біля с. Верхній Бішкін на Харківщині / В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. – К., 1997. – С. 68–69. 219. Колода В. В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши / В. В. Колода // Салтово-маяцка археологічна культура : проблеми та дослідження. – Х., 2012. – Вип. 2. – С. 30–36. 220. Колода В. В. Жилища роменского городища Водяное / В. В. Колода // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Международной научной конференции 9–10 ноября 2012 года. – Х., 2012. – С. 68–69. 221. Колода В. В. Житло зі сванкою речей на городищі Мохнач / В. В. Колода // Археологія. – 2011. – № 4. – С. 91–98. 222. Колода В. В. Житло із жертвником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 1. – С. 42–46. 223. Колода В. В. Земледелие на поселении Коробовых хутора в салтовское время / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2012. – Т. 9. Хазарское время. – С. 119–134. 224. Колода В. В. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 161–179. 225. Колода В. В. Землеробство жителів городища Мохнач (за часів салтівської культури) / В. В. Колода, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2009. – № 2. – С. 84–93. 226. Колода В. В. Землеробство салтівської культури (за матеріалами Мохначанського городища) / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Vita antiqua. – К., 2009. – № 7–8. – С. 161–180. 227. Колода В. В. Исследование ремесленного центра салтовской культуры / В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні. 2009. – К., 2010. – С. 215–217. 228. Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач / В. В. Колода // Археологічні дослідження в Україні. 2011. – К., 2012. – С. 436–437. 229. Колода В. В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. / В. В. Колода // Український історичний портал. – Режим доступу : <http://www.history.com.ua/review/2006/n2-2006/r1/koloda.shtml>. – Доступ 22. 02. 2010 р. 230. Колода В. В. К вопросу о возможности интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовых Хутора) / В. В. Колода, Ю. Г. Ченцев // Хазарский альманах. – Х., 2010–2011. – Т. 9. – С. 107–130. 231. Колода В. В. К вопросу о месте мастеров по производству железа в социальной структуре населения салтовской культуры / В. В. Колода // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы докладов конференции. – Курск, 1991. – С. 48–50. 232. Колода В. В. К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян / В. В. Колоды // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 338–345. 233. Колода В. В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности 2011. – Вип. 10. – Х., 2011. – С. 261–272. 234. Колода В. В. К вопросу о салтовских сундуках-ларцах / В. В. Колода // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вип. 4. – С. 5–15. 235. Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонецья / В. В. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2007. – Т. 6. – С. 120–132. 236. Колода В. В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений / В. В. Колода // Древности 2010. – Х., 2010. – С. 184–203. 237. Колода В. В. Керамика раннеславянского времени городища Водяное на Харьковщине / В. В. Колода, Т. А. Колода // Stratum plus. – 2005–2009. – № 5. – С. 249–264. 238. Колода В. В. Костяной орнаментированный реликвий с городища Мохнач и его содержимое / В. В. Колода // Сугдейский сборник. – Вип. V. Материалы V Судацкой международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). – К.; Судак, 2012. – С. 332–339. 239. Колода В. В. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии / В. В. Колода, Т. А. Колода // Хазарский альманах. – К.; Х., 2009. – Т. 8. – С. 203–217. 240. Колода В. В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Довге / В. В. Колода // Древности 2005. – Х., 2005. – С. 187–195. 241. Колода В. В. Находка двух античных амфорных клейм близ Харькова / В. В. Колода // Древности 2009. – Х., 2009. – С. 292–295. 242. Колода В. В. Неотложная задача в деле изучения салтово-маяцкой археологической культуры и хазароведения / В. В. Колода // Хазары : миф и история. – М.; Иерусалим, 2010. – С. 137–152. 243. Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.). – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 92–95. 244. Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников : критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) / В. В. Колода // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 216–233. 245. Колода В. В. Новые находки средневековых железоплавильных горнов на территории юга Восточной Европы / В. В. Колода // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции. – Херсон, 1990. – Ч. 3. – С. 14–16. 246. Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовых Хутора) / В. В. Колода // Древности 2006–2008. – Х., 2008. – С. 125–135. 247. Колода В. В. Опыт реконструкции производств салтовских железоплавильных горнов из урочища Роганина / В. В. Колода // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини : проблеми і перспективи. Тези доповідей конференції. – Суми; Ромни, 1990. – С. 74–77. 248. Колода В. В. Осіле тваринництво у носіїв салтівської культури на Дону / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія і давня історія України. – Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – К., 2010. – С. 490–501. 249. Колода В. В. Osteologические материалы из славянских жилищ на городище Мохнач / В. В. Колода, Г. Н. Фоменко // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 350-летию г. Харькова и 200-летию ХНУ им. В. Н. Каразина. 4–6 ноября 2004 года. – Х., 2004. – С. 82–84. 250. Колода В. В. Про землеробство жителів городища Водяное на Харківщині / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 68–69. 251. Колода В. В. Проблема сохранения и изучения лесостепных памятников Хазарии на современном этапе / В. В. Колода // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. – Т. II. – Академическая серия. – Вип. 31. – М., 2010. – С. 33–40. 252. Коло-

да В. В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) / В. В. Колода // Средневековый город Юго-Востока Руси : предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. – Курск, 2009. – С. 35–43. 253. Колода В. В. Розвиток слов'яно-хазарських стосунків на Дніпровському Лівобережжі / В. В. Колода // Український історичний портал. – Режим доступу : <http://www.history.com.ua/review/2006/n1-2006/r1/koloda.shtml>. – Доступ 22. 02. 2010 р. 254. Колода В. В. Салтовская культура на Харьковщине : очередной юбилей (итоги и перспективы исследований) / В. В. Колода // Салтово-маяцка археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 21–31. 255. Колода В. В. Салтовское гончарное производство (на материале ремесленного центра в урочище Роганина) / В. В. Колода // Степи Европы в эпоху средневековья. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 219–232. 256. Колода В. В. Селище «Мохнач-П» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач / В. В. Колода // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). – Х., 2010. – С. 72. 257. Колода В. В. Сельское хозяйство населения славяно-хазарской контактной зоны (на примере городища Водяное) / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Дивногорский сборник : Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж. – Вып. 3., 2012. – С. 163–176. 258. Колода В. В. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне / В. В. Колода, С. А. Горбаненко. – К., 2010. 259. Колода В. В. Славяно-кочевнические отношения сквозь призму планиграфии городищ контактной зоны Днестра – Северского Донца (возможности пространственно-временного анализа) / В. В. Колода // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового семінару, присвяченому 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернівці – Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). – К.; Чернівці, 2012. – С. 171–178. 260. Колода В. В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверської Дніпра / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1–2. – С. 72–81. 261. Колода В. В. Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепровского Левобережья / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Stratum plus. – 2011. – № 5. – С. 315–326. 262. Колода В. В. Старожитності с. Мохнач та його округи / В. В. Колода, Т. О. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 42–45. 263. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи / В. В. Колода // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 9–15. 264. Колода В. В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище / В. В. Колода // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 69–78. 265. Колода В. В. Усадьба средневекового металлурга в урочище Роганина / В. В. Колода // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов конференции. – Луганск, 1990. – С. 138–140. 266. Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999. 267. Колода В. В. Рецензия : Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М. : Мосты культуры; Гешарим, 2011. – 264 с. / В. В. Колода // Древности 2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 352–358. 268. Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о Полянской дани хазарам по археологическим данным / А. В. Комар // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 207–218. 269. Комар А. В. Перецешинский комплекс в контексте основных проблем в истории и культуры кочевников Восточной Европы VII–нач. VIII вв. / А. В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т. 5. – С. 7–244. 270. Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) / А. В. Комар // Восточноевропейский археологический журнал. – Май–июнь 2000. – № 3 (4). – Режим доступа : <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm>. – Доступ 10. 02. 2013 г. 271. Комар О. В. Хазарский каганат и раннесредневековая номадистика: завершения эпохи / О. В. Комар // Археологія і давня історія України. – Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – К., 2010. – С. 137–143. 272. Кононенко П. П. Національна ідея, нація, націоналізм : Монографія / П. П. Кононенко. – К., 2006. 273. Краснов А. Н. Рельеф, растительность и почвы Харьковской губернии : Доклады Харьковскому Обществу Сельского Хозяйства / А. Н. Краснов. – Х., 1893. 274. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин // Свод археологических источников. – Вып. Е4-4. – М., 1962. 275. Крыганов А. В. Археологические разведки на Харьковщине в 1995–1996 годах / А. В. Крыганов // Восточноевропейский археологический журнал. – Сентябрь–октябрь 2001. – № 5 (12). – Режим доступа : <http://archaeology.kiev.ua/journal/050901/kryga nov.htm>. – Доступ 01. 09. 2008 г. 276. Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические стремления второй половины VII–X вв. / А. В. Крыганов // Вісник Харківського університету. – 1988. – № 316 : Історія. – Вип. 22. – С. 108–114. 277. Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические удила VII–X вв. / А. В. Крыганов // Вісник Харківського університету. – 1989. – № 343 : Історія. – Вип. 23. – С. 95–101. 278. Куделько С. М. Абстрактные понятия в историческом исследовании (Некоторые замечания к методологическим исканиям конца XX в.) / С. М. Куделько, С. И. Посохов // Проблеми історії та методології історичної науки. Харківський історіографічний збірник. – Х., 1998. – Вип. 3. – С. 15–22. 279. Куделько С. М. Аксеологічний підхід в історико-краєзнавчих дослідженнях / С. М. Куделько // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя ХІІ Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2003 р. – Х., 2003. – С. 157158. 280. Куделько С. М. Історія повсякденності в контексті історичного краєзнавства / С. М. Куделько // Епоха. Культури. Люди (історія повсякденності та культурна історія Німеччини та Радянського Союзу. 1920–1950-е роки). Матеріали міжнародної наукової конференції (Харків, вересень 2003 г.) : Сб. докладов. – Х., 2004. – С. 144–150. 281. Куделько С. М. Сенсифікація : опыт расширения терминологического арсенала исторической науки / С. М. Куделько // Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. – Х., 2000. – Вип. 4. – С. 4–8. 282. Кудлай Л. К. Создание музея на территории историко-археологического и этнографического памятника в с. Мохнач на Харьковщине : проблемы и перспективы / Л. К. Кудлай // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника

- «Давногорье». – Воронеж, 2012. – Вып. 3. – С. 64–70. 283. Лаптев А. А. Боевые топоры племён салтово-маяцкой культуры / А. А. Лаптев // Актуальні питання вітчизняної та всесвітньої історії. – 2006. – Вип. 9. – С. 19–25. 284. Лаптев А. А. Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников / А. А. Лаптев // Салтово-маяцка археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 43–49. 285. Лаптев О. О. Салтовські пам'ятки Харківщини в розвідках 1949 р. І. П. Костюченко / О. О. Лаптев // Древности–2012. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 275–290. 286. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы / Д. С. Лихачёв. – Л., 1967. 287. Ломоносов М. В. Труды по русской истории 1747–1764 гг. / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений : В 10 т. / Под ред. С. И. Вавилова. – М.; Л., 1952. – Т. 6. – С. 7–376. 288. Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. / О. В. Лосева. – М., 2001. 289. Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37–45. 290. Любичев М. В. Исследование поселения Нижний Бишкин II / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 194. 291. Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 87–100. 292. Любичев М. В. Нові пам'ятки пеньківської культури у верхній течії Сіверського Дінця / М. В. Любичев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 113–116. 293. Любичев М. В. О первоначальной территории расселения авто и их продвижения к Балканскому полуострову / М. В. Любичев // Древности 1995. – Х., 1995. – С. 111–121. 294. Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 4–14. 295. Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 13–27. 296. Любичев М. В. Пеньковская и салтовская культуры на Северском Донце / М. В. Любичев // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов конференции. – Х., 1992. – С. 147–148. 297. Любичев М. В. Раннеславянское селище на Северском Донце / М. В. Любичев // Вестник Харьковского университета. – 1993. – № 374 : История. – Вип. 27. – С. 30–35. 298. Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 277–296. 299. Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкого лесостепи : История исследования и основные проблемы изучения. Монография / М. В. Любичев. – Х., 2000. 300. Ляпушкин И. И. Городище Новотроїцькое : О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1958. – № 74. 301. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – Вип. 104. 302. Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волинцевского типа / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1959. – Т. XXIX–XXX. – С. 58–84. 303. Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII–X вв. / И. И. Ляпушкин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.; Л., 1946. – Вип. 12. 304. Ляпушкин И. И. О датировке роменско-боршевской культуры / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1940. – Т. IX. – С. 121–136. 305. Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII–X вв. / И. И. Ляпушкин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.; Л., 1957. – Вип. 68. 306. Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья / И. И. Ляпушкин // Советская археология. – 1952. – Т. XVI. – С. 7–40. 307. Ляпушкин И. И. Славянские памятники Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1968. – Вип. 162. 308. Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны / И. И. Ляпушкин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1959. – Вип. 74. – С. 81–86. 309. Мавродин В. В. Происхождение русского народа / В. В. Мавродин. – Л., 1978. 310. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата / М. Г. Магомедов. – М., 1983. 311. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М., 1996. 312. Мансикка В. И. Религия восточных славян / В. И. Мансикка. – М., 2005. 313. Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасаидских и куфических) / А. К. Марков. – СПб., 1910. 314. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археологических источников. – Вип. E1–36. – М., 1966. 315. Медведев Н. А. Проблемы археологии и истории Хазарского каганата в исследовании М. И. Артамонова : автореф. дис... канд. ист. наук / Н. А. Медведев. – Воронеж, 2004. 316. Мельникова Е. А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» / Е. А. Мельникова // История СССР. – 1984. – № 4. – С. 201–209. 317. Метлов В. И. Основания научного знания как проблема философии и методологии науки : Монография / В. И. Метлов. – М., 1987. 318. Милинг К. Стрибог и святой Касьян в индоевропейском контексте / К. Милинг // История Змиевского края. – Змиев. – 02.10.2011. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-131>, <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-132>. – Доступ 18. 11. 2011 г. 319. Михеев В. К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине / В. К. Михеев // Советская археология. – 1983. – № 3. – С. 212–214. 320. Михеев В. К. Достижения ремесленников салтовской культуры / В. К. Михеев. – Х., 1968. 321. Михеев В. К. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате : к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 175–184. 322. Михеев В. К. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате : к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Хазары. Второй Международный коллоквиум : тезисы. – М., 2002. – С. 68–70. 323. Михеев В. К. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева : опыт критического анализа / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Материалы восьмой ежегодной Международной междисципли-

- варной конференции по куданке. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 149–178. 324. Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомолыца / В. К. Михеев // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 156–167. 325. Михеев В. К. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине / В. К. Михеев, В. В. Колода // Вісник Харківського університету. – 1992. – № 363 : Історія. – Вип. 26. – С. 134–140. 326. Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Празовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 43–50. 327. Михеев В. К. Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII–X вв. : автореф. дис... канд. ист. наук / В. К. Михеев. – Х., 1968. 328. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Х., 1985. 329. Михеев В. К. Работы Средневековой экспедиции Харьковского университета / В. К. Михеев // Археологические открытия 1978 года / Отв. ред. В. А. Рыбаков. – М., 1979. – С. 371–372. 330. Михеев В. К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса / В. К. Михеев, А. К. Дегтярь // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. В. А. Рыбаков. – М., 1974. – С. 309. 331. Михеев В. К. Раскопки Сухогомольшанского могильника / В. К. Михеев, А. К. Дегтярь // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. В. А. Рыбаков. – М., 1976. – С. 364–365. 332. Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий / В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 74–93. 333. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // Советская археология. – 1986. – № 3. – С. 158–173. 334. Мишко С. Нарис ранньої історії Русі-України / С. Мишко. – Нью Йорк; Торонто; Мюнхен, 1981. 335. Михеев В. К. До питання про ремісничче виробництво салтівської культури / В. К. Михеев // Вісник Харківського університету. – 1966. – № 17 : Історія. – Вип. 1. – С. 91–98. 336. Михеев В. К. Досягнення радянських археологів у вивченні господарства алаано-болгарських племен Подонья VIII–X вв. / В. К. Михеев // Вісник Харківського університету. – 1967. – № 22 : Історія. – Вип. 2. – С. 119–124. 337. Михеев В. К. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця / В. К. Михеев // Вісник Харківського університету. – 1974. – № 104 : Історія. – Вип. 8. – С. 97. 338. Михеев В. К. Ножи салтівської культури та їх виробництво / В. К. Михеев, Р. Б. Степанська, Л. Д. Фомін // Археологія. – 1973. – Вип. 9. – С. 90–99. 339. Михеев В. К. Пенківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Михеев, О. М. Приходюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 75–81. 340. Монгайт А. Л. Старая Рязань / А. Л. Монгайт // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1955. – № 49. 341. Моргунов Ю. Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. / Ю. Ю. Моргунов. – М., 2009. 342. Моргунов Ю. Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв. : автореф. дис... д-ра ист. наук / Ю. Ю. Моргунов. – М., 2007. 343. Найман А. Я. Евреи в Хазарском каганате / А. Я. Найман // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 94–109. 344. Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чеш. Т. Ковалёвой и М. Хазанова. – М., 2000. 345. Николаев С. Л. Балто-славянские исследования. 1985 / С. Л. Николаев, А. Б. Страхов / Отв. ред. В. В. Иванов. – М., 1987. – Т. 6. – С. 149–163. 346. Николаева Н. А. Истоки славянской и евразийской мифологии / Н. А. Николаева, В. А. Сафонов. – М., 1999. 347. Николаенко А. Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь / А. Г. Николаенко. – Волоковка, 1991. 348. Новиков В. В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. : по материалам погребений и поселений : автореф. дис... канд. ист. наук / В. В. Новиков. – М., 2009. 349. Новиков В. В. Уздечные наборы скандинавского облика на территории Древней Руси в X в. / В. В. Новиков // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 79–80. 350. Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. / А. П. Новосельцев (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. – М., 2000. – С. 264–323. 351. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. – М., 1990. 352. Огієнко І. Дохристиянські вірування українського народу / І. Огієнко. – К., 1992. 353. Остроумов Н. И. Свадебные обычаи в Древней Руси. Историко-этнографический очерк. – Тула, 1905. 354. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования / Ю. В. Откупщиков. – Л., 1967. 355. Павленко Ю. В. Историчний розвиток слов'янського лантеону / Ю. В. Павленко // Старожитності Русі-України : 86. наук. ст. – К., 1994. – С. 173–180. 356. Пашкевич Г. А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Роголик) / Г. А. Пашкевич, С. А. Горбаненко // Древности 2004. – Х., 2004. 357. Пашкевич Г. О. Палеоботаничні дані за відбитками на кераміці Верхньосалтівського селища / Г. О. Пашкевич, В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Древности 2004. – Х., 2004. – С. 65–69. 358. Петрашенко В. А. Волынецкая культура на Правобережном Поднепровье / В. А. Петрашенко // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Черныгов и его округа в IX–XIII вв.» – К., 1990. – С. 45–50. 359. Петрашенко В. О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. / В. О. Петрашенко. – К., 1992. 360. Петров В. П. Хазары в Крыму. Хазарское и русское письмо VIII–IX вв. н. э. / В. П. Петров // Степи Европы в эпоху средневековья. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 359–364. 361. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. / В. Я. Петрухин. – Смоленск; М., 1995. 362. Петрухин В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М., 1998. 363. Петрухин В. Я. Русь и Хазария : к оценке исторических взаимосвязей / В. Я. Петрухин // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 69–100. 364. Петрухин В. Я. Трансконтинентальные связи Древней Руси и поход Святослава на хазар / В. Я. Петрухин // Археология и давня історія України. – Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – К., 2010. – С. 522–528. 365. Пікалов В. Г. Історіографія як наукознавча дисципліна / В. Г. Пікалов, С. І. Посохов // Історична наука на порозі XXI століття : підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 1517 листопада 1995 р.) – Х., 1995. – С. 72–76. 366. Плетнёва С. А. Кочевники средневековья : Поиски исторических закономерностей / С. А. Плетнёва. – М., 1982. 367. Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века / С. А. Плетнёва. – Воронеж, 2003. 368. Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнёва. – М., 1989.

369. Плетнёва С. А. О связях алаано-болгарских племён Подонья со славянами в VIII–IX вв. / С. А. Плетнёва // Советская археология. – 1962. – № 1. – С. 83–94. 370. Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнёва. – М., 1967. 371. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. – М.; Иерусалим, 1999. 372. Плетнёва С. А. Половцы / С. А. Плетнёва. – М., 1990. 373. Плетнёва С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца / С. А. Плетнёва // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1960. – Вып. 79. – С. 3–20. 374. Плетнёва С. А. Хазарские проблемы в археологии / С. А. Плетнёва // Советская археология. – 1990. – № 2. – С. 77–91. 375. Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. – 2-е изд., доп. – М., 1986. 376. Плетнёва С. А. Экологические привычки жителей Хазарского каганата / С. А. Плетнёва // Природа. – 2004. – № 9. – С. 64–68. 377. Плетнёва С. А. Хазары и Хазарский каганат / С. А. Плетнёва // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 17–26. 378. Потёбня А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов / А. А. Потёбня. – М., 1865. 379. Приймак В. В. Регіональні особливості роменської культури / В. В. Приймак // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1999. – Ч. 1. – С. 11–19. 380. Приходнюк О. М. Анти та авары / О. М. Приходнюк // Проблеми походження та історія розвитку слов'ян. – К., 1997. 381. Приходнюк О. М. Анти та пеньковская культура / О. М. Приходнюк // Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов. – К., 1989. – С. 58–69. 382. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–XI ст. н. е. / О. М. Приходнюк. – К., 1980. 383. Приходнюк О. М. Балкало-византийські прикраси Харківського скарбу / О. М. Приходнюк, В. М. Хардаев // Музейні читання : Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. – К., 1998. 384. Приходнюк О. М. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) / О. М. Приходнюк // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996. 385. Приходнюк О. М. Відносини слов'ян із тюркомовним світом / О. М. Приходнюк // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України : Зб. наук. праць. – К., 2003. – С. 127–134. 386. Приходнюк О. М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата / О. М. Приходнюк // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 125–130. 387. Приходнюк О. М. Дунайська теорія походження славян в світлі історичних та археологічних джерел / О. М. Приходнюк // Беларусь у системі трансеуральських зв'язків у I тыс. н. е. – Минск, 1996. 388. Приходнюк О. М. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье / О. М. Приходнюк // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. – М., 1990. – С. 75–108. 389. Приходнюк О. М. О единстве и различиях в пеньковской культуре / О. М. Приходнюк // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь – 1996 – Вып. VI. 390. Приходнюк О. М. Пастырське городище – видатна археологічна пам'ятка України доби раннього середньовіччя / О. М. Приходнюк // Родовід. – 1996. – № 13. 391. Приходнюк О. М. Пастырський скарб 1992 року / О. М. Приходнюк // Музейні читання : Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. – К., 1996. 392. Приходнюк О. М. Пастырський скарб 1992 р. / О. М. Приходнюк // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1998. – № 1–2. 393. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998. 394. Приходнюк О. М. Про дастан Шамсі Башту «Сказання про доньку Шама» / О. М. Приходнюк // Матеріали I Всеукраїнської науково-практичної конференції сходознавців. – К., 1998. 395. Приходнюк О. М. Про заснування Києва в дастані Шамсі Башту / О. М. Приходнюк // Музейні читання : Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. – К., 1998. 396. Приходнюк О. М. Про одну групу прикрас ранньовізантійської доби / О. М. Приходнюк // Музейні читання : Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. – К., 1996. 397. Приходнюк О. М. Ранньосередньовічні керамічні комплекси з Пастырського городища / О. М. Приходнюк // Українське гончарство : Національний культурологічний щорічник. За рік 1995. – Олішніе, 1996. 398. Приходнюк О. М. Харківський клад / О. М. Приходнюк, В. М. Хардаев // Archaeo-Slavica. – 1998. – № 3. 399. Приходнюк О. М. Археологіческие данные о связях славян и степного населения в VII–VIII вв. / О. М. Приходнюк // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996 – Вып. V. 400. Приходнюк О. М. Склавіни / О. М. Приходнюк // Проблеми історії та археології України. – Х., 1997. 401. Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) / О. Прицак. – К., 1997. – Т. 1. 402. Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські саги / О. Прицак. – К., 2003. – Т. 2. 403. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – СПб., 1995. 404. Пузаков Е. В. Серп из поселения Сердюково II в Харьковские области // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 262–263. 405. Пузаков Е. В. Харьковские школьники на раскопках близ г. Змиева / Е. В. Пузаков // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 262–263. 406. Пушкина Т. А. Скандинавские древности на Руси / Т. А. Пушкина // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 89–90. 407. Работы Лівобережної лесостепной экспедиции // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 301–302. 408. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М., 2001. 409. Рьер Я. Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: Сравнительный анализ археологических данных / Я. Г. Рьер // Российская археология. – 1996. – № 1. – С. 114–121. 410. Рудич Т. О. Сарматский компонент у складі населення черняхівської культури (за матеріалами антропології) / Т. О. Рудич // Археологія. – 2005. – № 4. – С. 64–73. 411. Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. / И. П. Русанова. – М., 1976. 412. Русанова И. П. Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук. – М., 2007. 413. Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. – М.; Вологда, 2012. 414. Рыбаков Б. А. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – Л., 1971. 415. Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 23–104. 416. Рыбаков Б. А. Древняя Русь : Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. – М., 1963. 417. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в

- истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVIII. – С. 128–150. 418. Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян / Б. А. Рыбаков. // Советская археология. – 1962. – № 4. – С. 66–89. 419. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982. 420. Рыбаков Б. А. Поляне и северяне / Б. А. Рыбаков // Советская этнография. – 1947. – Т. VI–VII. 421. Рыбаков Б. А. Радзіміч / Б. А. Рыбаков. – Мн., 1932. 422. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1948. 423. Рыбаков Б. А. Русалин и бог Симаргл-Перепплут / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1967. – № 2. – С. 91–116. 424. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идрии 1154 г. / Б. А. Рыбаков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. – 1952. – Т. XLIII. – С. 1–43. 425. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV–начала XVI века / Б. А. Рыбаков. – М., 1974. 426. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. 427. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 1981. 428. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков. – М., 1979. 429. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков. – М., 2010. 430. Савицкий Н. М. Жилые постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : автореф. дис... канд. ист. наук / Н. М. Савицкий. – Воронеж, 2011. 431. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков / А. Н. Савченко. – М., 1974. 432. Самоквасов Д. Я. Могильные древности северянской Черниговщины / Д. Я. Самоквасов. – М., 1916. 433. Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам / Д. Я. Самоквасов. – М., 1908. 434. Сарапулук В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : автореф. дис... канд. ист. наук / В. А. Сарапулук. – Липецк, 2003. 435. Сахаров А. Н. Святослав / А. Н. Сахаров. – М., 1982. 436. Свириг К. М. Языческие святилища Восточной Европы : опыт конструктивного анализа / К. М. Свириг // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 95–96. 437. Свистун Г. Е. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности / Г. Е. Свистун, Ю. Г. Чендев // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2000. – № 2 / 2003. – № 1. – С. 130–135. 438. Свистун Г. Е. Исследования Чугуевского городища в 2009 году / Г. Е. Свистун // Археологічні дослідження в Україні. 2009. – К., 2010. – С. 375–377. 439. Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона / Г. Е. Свистун // Хазарский альманах. – К.; Х., 2012. – Т. 10. – С. 146–158. 440. Свистун Г. Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – 2007. – Вып. 2. – С. 40–58. 441. Свистун Г. Е. Разрушенное кремационное погребение на Чугуевском городище? / Г. Е. Свистун // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вып. 8. – С. 4–9. 442. Свистун Г. Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов) / Г. Е. Свистун // Древности 2009. – Х., 2009. – С. 269–283. 443. Свистун Г. Е. Сабельная гарда Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в г. Чугуеве / Г. Е. Свистун // Харьковский историко-археологический сборник. – 2009. – Вып. 5. – С. 130–134. 444. Свистун Г. Е. Фортификации Кабанова городища / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – 2008. – Вып. 3. – С. 3–16. 445. Свистун Г. Е. Фортификация Чугуевского городища / Г. Е. Свистун // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2012. – Т. 9. Хазарское время. – С. 7–34. 446. Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» Салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Свистун // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). – Липецк, 2006. – С. 281–285. 447. Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» Салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Свистун // Художественно-мемориальный музей им. И. Е. Репина г. Чугуева. – Режим доступа : <http://www.repin.chuguev.net/Svistun.htm>. – Доступ 14. 02. 2009 г. 448. Свистун Г. Е. Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугувського городища салтівського часу / Г. Е. Свистун, С. А. Горбаненко // Салтово-маяцка археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 75–86. 449. Свистун Г. Е. Трансформація поглядів на соціальну та стратегічну роль лісостепових городищ салтово-маяцкої культури. Проблеми та можливі шляхи їх вирішення / Г. Е. Свистун // Салтово-маяцка археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 62–74. 450. Свистун Г. Е. Чугувське городище. Археологічні дослідження в 2009 р. / Г. Е. Свистун. – Х., 2010. 451. Свистун Г. Е. Конструктивні особливості салтівської оборонної лінії Мохначанського городища / Г. Е. Свистун // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 2. – С. 117–119. 452. Седов В. В. «Русский каганат IX века» / В. В. Седов // Отечественная история. – 1998. 453. Седов В. В. Дилектно-племенная дифференциация славян в начале средневековья по данным археологии / В. В. Седов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов : Доклады советской делегации. – М., 1988. – С. 173–175. 454. Седов В. В. Древнерусская народность. Анты / В. В. Седов // Возрождение державы. – Режим доступа : http://derzava.com/art_desc.php?aid=154. – Доступ 21. 06. 2008 г. 455. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М., 1979. 456. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995. 457. Седов В. В. Славяне : Историко-археологическое исследование / В. В. Седов; Институт археологии РАН. – М., 2002. 458. Скирда В. В. Новые поступления в Музей археологии и этнографии Слободской Украины от частных лиц / В. В. Скирда // Древности 2006–2008. – Х., 2008. – С. 238–241. 459. Скляренко В. Г. Русь і варяги : Історико-етимологічне дослідження / В. Г. Скляренко. – К., 2006. 460. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. 461. Соколов М. Старорусские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование / М. Соколов. – Симбирск, 1887. 462. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XI–нач. XX в. / В. К. Соколова. – М., 1979. 463. Соколова З. П. Культ животных в религиях / З. П. Соколова. – М., 1972. 464. Спичан А. А. Древности антов // Сборник отдела русского языка и словесности АН СССР. – М., 1928. 465. Срезневский И. И. Роженцы у славян и других языческих народов / И. И. Срезневский. – М., 1855. 466. Степовой А. В. Металлургическое производство

- населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры : автореф. дисс... канд. ист. наук / А. В. Степовой. – Воронеж, 2010. 467. Сухокобов О. В. Деякі питання етнокультурної історії Лівобережної України / О. В. Сухокобов // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1998. – Ч. 1–2. – С. 59–65. 468. Сухокобов О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр. / О. В. Сухокобов. – К., 1992. 469. Сухокобов О. В. До питання про пам'ятки волинського типу / О. В. Сухокобов // Археологія. – 1977. – Вип. 21. – С. 50–57. 470. Сухокобов О. В. Південно-східне порубіжжя Давньоруської держави в VIII–XIII ст. / О. В. Сухокобов // Археологія. – 1989. – № 3. – С. 50–59. 471. Сухокобов О. В. Славяне Дніпровського Левобережжя (романська культура і її предшественники) / О. В. Сухокобов. – К., 1975. 472. Сухокобов О. В. Українське Дніпровське Левобережжя в VII–XIII вв. / О. В. Сухокобов // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. – К., 1988. – Т. 2. 473. Татищев В. Н. История российская : В 5 книгах / В. Н. Татищев. – М., 1796. – Кн. 1, ч. 2. 474. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Люблин, 2004. 475. Толочко А. П. Рецензия : Н. Голб, О. Прицак «Хазарские еврейские документы X в.» / А. П. Толочко // Вопросы истории. – 1987. – № 12. – С. 144–146. 476. Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П. П. Толочко. – СПб., 2005. 477. Толочко П. П. Київська Русь / П. П. Толочко. – К., 1996. 478. Толочко П. П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева / П. П. Толочко // Российская археология. – 2001. – № 2. 479. Толочко П. П. Чи існувала давньоруська народність / П. П. Толочко // Археологія. – 1991. – № 3. – С. 47–57. 480. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В. Н. Топоров // Славянский и балканский фольклор. – М., 1989. – С. 23–60. 481. Топоров В. Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения / В. Н. Топоров. – М., 1960. – Вип. 28. – С. 3–11. 482. Тортика А. А. «Евразийство» в современной номадистике : возможности для использования в научном исследовании / А. А. Тортика // V Сходознавч читання А. Кримського : тези доповідей Міжнародної наукової конференції (м. Київ, 10–12 жовтня 2001 р.). – К., 2001. – С. 99–101. 483. Тортика А. А. «Чёрная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «чёрные болгары» «Повести временных лет» : Проблемы локализации / А. А. Тортика // Дриновский сборник. – Т. 5. – С. 23–31. 484. Тортика А. А. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья-Приднестья в хазарское время (конец VIII–начало X вв.) / А. А. Тортика // Восточная Европа в древности и средневековье : Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашута (г. Москва, 16–18 апреля 2007 г.) : Материалы конференции. – М., 2007. – С. 267–273. 485. Тортика А. А. Восточнославянские племена Днепро-Донецкого Левобережья, Подонья-Приднестья в контексте хазарской истории : этнополитическая модель взаимоотношений / А. А. Тортика // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 140–150. 486. Тортика А. А. Городища Северо-Западной Хазарии и их военно-политическое значение в VIII–X вв. / А. А. Тортика // Восточная Европа в древности и средневековье : Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашута (г. Москва, 18–20 апреля 2012 г.) : Материалы конференции. – М., 2012. – С. 252–257. 487. Тортика А. А. Доно-Донецкий речной путь, лесостепное Приднестье и византийская Таврика в VIII–X вв. : характер и направления торговых связей / А. А. Тортика // Боспорские чтения. Выпуск VII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : Сборник материалов конференции. – Керчь, 2006. – С. 282–286. 488. Тортика А. А. Доно-Донецкий торговый путь и славяне Днепро-Донецкого Левобережья : историографические традиции и реальность / А. А. Тортика // Східний Світ. – 2006. – № 3. – С. 29–37. 489. Тортика А. А. Евразийство в современной номадистике : возможности для использования в позитивном научном исследовании / А. А. Тортика // Сходознавство. – К., 2002. – Вип. 17. – С. 103–111. 490. Тортика А. А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате : к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / А. А. Тортика, В. К. Михеев // Хазары, евреи и славяне. – М.; Иерусалим, 2005. – Т. 16. – С. 175–184. 491. Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар / А. А. Тортика // Вісник Міжнародного Соломонового університету. – 2000. – Серія : Юдаїка. – № 3. – С. 146–168. 492. Тортика А. А. К вопросу о характере хазарского присутствия в Днепро-Донецком междуречье в конце VII–начале VIII вв. / А. А. Тортика // VIII Сходознавч читання А. Кримського : тези доповідей Міжнародної наукової конференції (м. Київ, 2–3 червня 2003 р.) / Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАНУ. – К., 2004. – С. 157–160. 493. Тортика А. А. Работоторговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата / А. А. Тортика // VI Сходознавч читання А. Кримського : тези доповідей Міжнародної наукової конференції (м. Київ, 30–31 жовтня 2002 р.). – К., 2002. – С. 197–201. 494. Тортика А. А. Работоторговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 1. / А. А. Тортика // Східний Світ. – 2004. – № 2. – С. 98–118. 495. Тортика А. А. Работоторговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 2. / А. А. Тортика // Східний Світ. – 2004. – № 3. – С. 76–88. 496. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в военно-политической системе Хазарского каганата : к постановке проблемы / А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху средневековья. – 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 7–16. 497. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII–третья четверть X вв.) / А. А. Тортика. – Х., 2006. 498. Тортика А. А. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (VIII–X вв.) / А. А. Тортика // Культурні комунікації в інформаційному суспільстві : Матеріали міжнародної наукової конференції (21–22 листопада 2003 р.). – Х., 2003. – С. 44–45. 499. Тортика А. А. Торговля с мусульманскими странами в Восточной Европе в VIII–X вв., Доно-Донецкий торговый путь и Северо-Западная Хазария : проблемы и мнения / А. А. Тортика // Тринадцатая ежегодная международная конференция по иудаике (г. Москва, 31 января – 2 февраля 2006 г.) : тезисы докладов. Секция : Иудеи и хазары. Археология / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер». – М., 2006. – С. 20–22. 500. Тортика А. А. Торговля с мусульманскими странами в Восточной Европе в VIII–X вв., Доно-Донецкий торговый путь и Северо-Западная

- Хазария : проблемы и мнения / А. А. Тортика // Материалы тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М., 2006. – Вып. 20. – С. 319–340. 501. Тортика А. А. Феномен полетничности на прикладі салтівської археологічної культури хозарського часу (VIII–X ст.) / А. А. Тортика // Восьмі Сумцовські читання : Збірка матеріалів наукової конференції, присвяченої 100-річчю XII Археологічного з'їзду (12 квітня 2002 р.) – Х., 2003. – С. 23–25. 502. Тортика О. О. До питання про характер хозарської присутності у Дніпро-Донському межиріччі наприкінці VII–на початку VIII ст. / О. О. Тортика // Історичний журнал. – 2004. – № 8. – С. 115–125. 503. Тортика О. О. Алаано-болгарське населення північно-західної Хазарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи : автореф. дис... д-ра іст. наук / О. О. Тортика. – Х., 2007. 504. Тортика О. О. Арабо-перська середньовічна історична та географічна література як джерело реконструкції історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2010. – Вип. 30. – С. 25–37. 505. Тортика О. О. Археологічні джерела та реконструкція історії Північно-Західної Хазарії : типологія і напрями використання / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2008. – Вип. 23. – С. 46–56. 506. Тортика О. О. Етносоціальна природа русів (росів, русі) за даними ранньо-середньовічних авторів IX–X ст. / О. О. Тортика // Історичний журнал. – 2004. – № 10–11. – С. 102–108. 507. Тортика О. О. Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі / О. О. Тортика // Нариси з історії культури євреїв України. – Вид. 3-є. – К., 2009. – С. 17–37. 508. Тортика О. О. Історія протоболгар Дніпро-Донського межиріччя : проблеми періодизації / О. О. Тортика // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті : Всеукраїнська наукова конференція : тези доповідей. – Х., 1995. – С. 105–106. 509. Тортика О. О. Проблема посідання (седентаризації) алаано-болгарського населення Дніпро-Донського межиріччя у хозарський час (VIII–X ст.) / О. О. Тортика // Історичний журнал. – 2007. – № 1. – С. 71–79. 510. Тортика О. О. Проблеми етногенезу проболгарських племен Дніпро-Донського межиріччя у VII–X ст. / О. О. Тортика // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті : Всеукраїнська наукова конференція : тези доповідей. – Х., 1994. – С. 66–67. 511. Тортика О. О. Середньовічні письмові джерела та реконструкція історії Північно-Західної Хазарії : джерела християнського походження / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2009. – Вип. 24. – С. 12–19. 512. Тортика О. О. Соціально-політична та військова структура населення північно-західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2004. – Вип. 14. – С. 29–40. 513. Тортика О. О. Хозаро-єврейські документи X ст. як джерело з історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортика // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2011. – Вип. 34. – С. 45–54. 514. Тревер К. В. Собака-птица : Сэнмурв и Паскудж / К. В. Тревер // Из истории докапиталистической формации. – М.; Л., 1933. – С. 324–325. 515. Третьяков П. Н. Об истоках культуры романо-болгарской древнерусской группировки / П. Н. Третьяков // Советская археология. – 1969. – № 4. – С. 78–90. 516. Третьяков П. Н. У истоков Древней Руси / П. Н. Третьяков // По следам древних культур. Древняя Русь / Под ред. Г. Б. Федорова. – М., 1953. – С. 9–34. 517. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка / И. М. Тронский. – М., 1960. 518. Тронько П. Т. Краєзнавство незалежної України : на часі нові завдання / П. Т. Тронько // Краєзнавство. – 2001. – № 1–4. 519. Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев. – Изд. 3-е, доп. – М., 2005. 520. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений / О. Н. Трубачев // Этимология. – М., 1967. 521. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М., 1959. 522. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянского : Индоарийцы в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1977. – № 6. 523. Узянов А. А. Роменская керамика как источник хронологического членения культуры / А. А. Узянов // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. – К., 1981. 524. Успенский Б. А. история русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – Изд. 3-е, исп. и доп. – М., 2002. 525. Фаминин А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминин. – СПб., 1884. 526. Федоровский А. С. Доисторическое прошлое Харьковской губернии / А. С. Федоровский. – Х., 1918. 527. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян / Ф. П. Филин. – М., 1962. 528. Финник С. В. К вопросу об обозначении народа болгар в источниках / С. В. Финник // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вип. 11. – С. 34–47. 529. Финник С. В. Об этнических названиях огулудуров и болгар / С. В. Финник // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вип. 10. – С. 84–94. 530. Финник С. В. Происхождение кочевого этноса савилов в связи с возможностью пересмотра их роли в землях славян Днепровского Лесостепного Левобережья / С. В. Финник // Харьковский археологический сборник. – 2008. – Вип. 3. – С. 17–45. 531. Финник С. В. Происхождение этнонима «булгар» / С. В. Финник // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вип. 9. – С. 45–54. 532. Финник С. В. Этноним кочевого народа булгар и его интерпретации / С. В. Финник // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. – Вип. 8. – С. 51–94. 533. Флёров В. С. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников / В. С. Флёров, В. Е. Флёрова // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 185–206. 534. Флёров В. С. Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность / В. С. Флёров. – М., 2010. 535. Флёров В. С. Почему иудаизм не получил распространения в Хазарском каганате (в поисках ответа) / В. С. Флёров // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2012. – Т. 9. Хазарское время. – С. 297–334. 536. Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии / В. Е. Флёрова. – М.; Иерусалим, 2001. 537. Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза / Г. А. Хабургаев. – М., 1979. 538. Хамайко Н. В. Від язичництва до християнства крізь призму археології : сучасні тенденції історіографії / Н. В. Хамайко // Археологія і давня історія України. – Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – К., 2010. С. 431–442. 539. Хелимский Е. А. Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология / Е. А. Хелимский // Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов (Любляна, 15–21 августа 2003). – Гамбург, 2003. 540. Хмыльов Л. Н. Структур-

ный кризис исторической науки / Л. Н. Хмылёв // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1999. – Вып. 25. 541. Хонигсман Я. С. Евреи Украины (Краткий очерк истории) / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – К., 1992. – Ч. 1. 542. Хренов Л. С. Время и календарь / Л. С. Хренов, И. Я. Голуб. – М., 1989. 543. Цветов М. Л. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII ст. по 1914 год / М. Л. Цветов. – М., 1957. 544. Цимиданов В. В. Червоний колір в українських обрядах / В. В. Цимиданов // Харьковский историко-археологический сборник. – 2010. – Вып. 6. – С. 62–75. 545. Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 112–121. 546. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. / В. И. Чичеров // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – 1957. – Т. XL. 547. Чмихов М. О. Від яйця-райця до ідеї Спасителя / М. О. Чмихов. – К., 2001. 548. Чмихов Н. А. Истоки язычества Руси / Н. А. Чмихов. – К., 1990. 549. Шелов Д. Б. К вопросу о происхождении восточнославянского обряда русалий / Д. Б. Шелов, Т. Д. Златковская // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 426–433. 550. Шенников А. А. О языческих храмах у восточных славян / А. А. Шенников // Язычество восточных славян: Сб. науч. труд. – Л., 1990. – С. 43–59. 551. Шептулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего / А. П. Шептулин. – М., 1973. – С. 121. 552. Шнирельман В. А. Евразийцы и евреи / В. А. Шнирельман // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. 553. Шнирельман В. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? / В. Шнирельман, С. Панарин // Вестник Евразии. – № 3 (10). – 2000. – С. 32–33. 554. Шпилёв А. Г. Курский край во времена Хазарского каганата. VIII–X вв. / А. Г. Шпилёв // Курский государственный областной музей. – Режим доступа: <http://kgoma-museum.ru/back.html?r=6>. – Доступ 18. 06. 2008 г. 555. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б. А. Шрамко. – К., 1987. 556. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962. 557. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племён Северного Причерноморья в раннем железном веке / Б. А. Шрамко // Советская археология. – 1957. – № 1. – С. 178–198. 558. Шувалов П. В. Оружие ранних славян / П. В. Шувалов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). – СПб., 2004. – С. 254–264. 559. Щеглова О. А. Волыньский горизонт поселения Вовки / О. А. Щеглова // Краткие сообщения института археологии АН СССР. – 1987. – Вып. 190. – С. 43–48. 560. Щеглова О. А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волыньского типа / О. А. Щеглова // Краткие сообщения института археологии АН СССР. – 1986. – Вып. 187. – С. 15–23. 561. Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волыньского типа / О. А. Щеглова // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1987. – С. 77–85. 562. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Г. Смиленко и др. – К., 1985. 563. Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья в VII–VIII вв. н. э. (волыньская культура) / С. П. Юренко // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. – К., 1988. – Т. 4. 564. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars / Douglas M. Dunlop. – Princeton; N. J., 1954. 565. Koestler A. The Thirteenth tribe. The Khazar Empire and its Heritage / A. Koestler. – London, 1976. 566. Magosci P. R. A History of Ukraine / Paul Robert Magosci. – Toronto, 1996. 567. Moskovich W. Terminology of Modern Russian: Ultrnationalism and Antisemitism / W. Moskovich // Language and Society in Post-communist Europe / Ed. by J. A. Dunn. – London, 1999. – P. 94–95. 568. Pritsak O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism / Omeljan Pritsak // Harvard Ukrainian Studies. – 1978. 569. Pritsak O. The Pre-Ashkenazic Jews of Eastern Europe in Relation to the Khazars, the Rus', and the Lithuanians / Omeljan Pritsak // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective. – Edmonton, 1990. 570. Pritsak O. The origin of Rus' / O. Pritsak. – Cambridge, Mass., 1981. 571. Tallgren A. M. Enamelled Ornaments in the Valley of the Dnena / A. M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1937. – Т. XI. 572. Werner J. Slawisch Bugel fibeln des 7 Jahrhunderts / J. Werner // Reineske Festschrift. – Mainz, 1950.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Алконост // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Алконост>. – Доступ 14. 12. 2009 г. 2. Борис и Глеб // Мир русской иконы. – Режим доступа: <http://rus-ico.napod.ru/part10/part101/photo76.html>. – Доступ 14. 02. 2009 г. 3. Гамаюн // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гамаюн>. – Доступ 15. 12. 2009 г. 4. Германско-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 289. 5. Гринцер П. А. Сварга / П. А. Гринцер // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 419–420. 6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 11-е изд., стереотип. – М., 2008. 7. Довідник юного краєзнавця Харківщини / Упор. В. А. Редіна, О. О. Сігалова. – Х., 2005. 8. Древнеславянский календарь // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Древнеславянский_календарь. – Доступ 12. 07. 2010 г. 9. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. 10. Древние славяне // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Древние_славяне. – Доступ 20. 01. 2009 г. 11. Иванов В. В. Авсень / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 29. 12. Иванов В. В. Асылки / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 112–113. 13. Иванов В. В. Бесы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 169–170. 14. Иванов В. В. Велес / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 227. 15. Иванов В. В. Велняк / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 228. 16. Иванов В. В. Водяной / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 240–241. 17. Иванов В. В. Гаядхарвы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энци-

- клопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 264. 18. Иванов В. В. Див / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 376–377. 19. Иванов В. В. Индо-европейская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 527–533. 20. Иванов В. В. Кикимора / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 648. 21. Иванов В. В. Леший / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 52. 22. Иванов В. В. Мавки / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 87. 23. Иванов В. В. Мокошь / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 169. 24. Иванов В. В. Мороз / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 176. 25. Иванов В. В. Навь / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 195. 26. Иванов В. В. Перун / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 307. 27. Иванов В. В. Род / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 384–385. 28. Иванов В. В. Сварог / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 420. 29. Иванов В. В. Сирин / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 438. 30. Иванов В. В. Суд / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 471. 31. Иванов В. В. Черт / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 625–626. 32. Иудаизм // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Иудаизм>. – Доступ 09. 12. 2009 г. 33. Иудаизм // Украинська Радянська Енциклопедія : У 17 т. – К., 1961. – Т. 6. – С. 20. 34. Лесавки // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лесавки>. – Доступ 15. 12. 2009 г. 35. Магура // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Магура>. – Доступ 18. 12. 2009 г. 36. Нация // Современная украинская энциклопедия : В 16 т. – Х., 2005. – Т. 9. – С. 353. 37. Салтовская культура // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Салтовская_культура. – Доступ 18. 01. 2009 г. 38. Славянская мифология // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Славянская_мифология. – Доступ 18. 12. 2008 г. 39. Талмуд // Украинська Радянська Енциклопедія : У 17 т. – К., 1963. – Т. 14. – С. 254. 40. Токарев С. А. Алкост / С. А. Токарев // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 60. 41. Топоров В. Н. Варуна / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 217–218. 42. Украинська Радянська Енциклопедія : У 17 т. – К., 1965. – Т. 17. Украинська Радянська Соціалістична Республіка. 43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1986. – Т. 1. А–Д. 44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1986. – Т. 2. Е–ж. 45. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1987. – Т. 3. Муза–Сят. 46. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1987. – Т. 4. Т–ящур. 47. Хазария // Советская историческая энциклопедия / Глав. ред. Е. М. Жуков. – М., 1974. – Т. 15. – С. 483. 48. Хазарский каганат // Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. / Глав. ред. Б. А. Введенский. – М., 1957. – Т. 46. – С. 23. 49. Хазарский каганат // Советская историческая энциклопедия / Глав. ред. Е. М. Жуков. – М., 1974. – Т. 15. – С. 483–484. 50. Хазары // Большая советская энциклопедия / Глав. ред. О. Ю. Шмидт. – М., 1935. – Т. 59. – С. 380–381. 51. Хазары // Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. / Глав. ред. Б. А. Введенский. – М., 1957. – Т. 46. – С. 23. 52. Хазары // Военный энциклопедический словарь. – М., 1986. – С. 791. 53. Хазары // Советская историческая энциклопедия / Глав. ред. Е. М. Жуков. – М., 1974. – Т. 15. – С. 484–485. 54. Харьковские археология напиль мумифицированую руку // Медиа группа «Объектив». – Режим доступа: <http://www.objectiv.tv/240707/4530.html>. – Доступ 07. 03. 10 г. 55. Цур // Украинська Радянська Енциклопедія : У 17 т. – К., 1964. – Т. 16. – С. 62. 56. Чорнобог // Украинська Радянська Енциклопедія : У 16 т. – К., 1964. – Т. 16. – С. 221. 57. Чорт // Украинська Радянська Енциклопедія : У 16 т. – К., 1964. – Т. 16. – С. 221. 58. Чугуев // Дали зовут. – Режим доступа: <http://dalizovut.narod.ru>. – Доступ 14. 02. 2009 г. 59. Шрамко Б. А. Справочник по археологии Украины : Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К., 1977. 60. Штаерман Е. М. Сатурн / Е. М. Штаерман // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 417. 61. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.; СПб., 2005. 62. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1974. – Т. 1. 63. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1981. – Т. 8. 64. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1983. – Т. 10. 65. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1984. – Т. 11. 66. Этнос // Современная украинская энциклопедия : В 16 т. – Х., 2006. – Т. 16. – С. 312–313. 67. Antae (people) // Encyclopedia Britannica. – Access mode : <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/26914/Antae>. – Access 10. 03. 2013. 68. Antes people // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : http://en.wikipedia.org/wiki/Antes_people. – Access 10. 03. 2013. 69. Arab-Khazar Wars // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : http://en.wikipedia.org/wiki/Arab-Khazar_Wars. – Access 10. 03. 2013. 70. Avar (people) // Encyclopedia Britannica. – Access mode : <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/45428/Avar>. – Access 10. 03. 2013. 71. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. – Kraków, 2005. 72. Khazar (people) // Encyclopedia Britannica. – Access mode : <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/316553/Khazar>. – Access 10. 03. 2013. 73. Khazars // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : <http://en.wikipedia.org/wiki/Khazars>. – Access 10. 03. 2013. 74. Kievan Rus' // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : http://en.wikipedia.org/wiki/Kievan_Rus'. – Access 10. 03. 2013. 75. Penkivka settlements // Enciclopedia of Ukraine / D. H. Struk. – Toronto; Buffalo; London, 1993. – V. 3. L–Pf. – P. 828. 76. Penkovka culture // Wikipedia – the free

encyclopedia. – Access mode : http://en.wikipedia.org/wiki/Penkov_ka_culture. – Access 10. 03. 2013.
77. Romen-Borshcheve culture // Enciclopedia of Ukraine / D. H. Struk. – Toronto; Buffalo; London, 1993. – V. 4. Ph-Sr. – P. 406. 78. Saltiv culture // Enciclopedia of Ukraine / D. H. Struk. – Toronto; Buffalo; London, 1993. – V. 4. Ph-Sr. – P. 522. 79. Severians // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : <http://en.wikipedia.org/wiki/Severians>. – Access 10. 03. 2013. 80. Sviatoslav I of Kiev // Wikipedia – the free encyclopedia. – Access mode : http://en.wikipedia.org/wiki/Sviatoslav_I_of_Kiev. – Access 10. 03. 2013.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ

1. Авербух С. Зміїв : історія назви / С. Авербух, О. Філіпенко // Вечірній Харків. – 1990. – 18 жовтня.
2. Багдасаров Р. В. Мистика огненного креста / Р. В. Багдасаров. – Изд. 3-е, доп. и исп. – М., 2005.
3. Бейдин Г. В. Клады и монеты Харьковщины / Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц. – Х., 2007. 4. Белов А. Поклонение Перуну / А. Белов // Мифы и магия индоевропейцев. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 29–42. 5. Браутин А. Скарби минушини / А. Браутин // Будівник комунізму. – 1989. – 25 липня.
6. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян) / А. А. Бычков. – М., 2000.
7. Бычков А. Жива / А. А. Бычков // Мифы и магия индоевропейцев. – М., 2000. – Вып. 9. – С. 66–70. 8. Васіна З. Український літопис вбраний. Науково-художній реконструкції / З. Васіна. – К., 2003. – Т. 1. 11 000 років до н. е. – XII ст. н. е. 9. Военное дело славян // Велизарий. – Режим доступа : <http://velizariy.kiev.ua/avallon/tactics/slav1.htm>. – Доступ 27. 05. 2008 г. 10. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К., 2002. 11. Гаврилов Д. А. Хеймдалль : Белбог против Чернобога / Д. А. Гаврилов // Мифы и магия индоевропейцев. – М., 2000. – Вып. 9. – С. 40–49. 12. Геніс Д. Е. Кому это надо – евреев переделать в хазар, а хазар – в евреев? / Д. Е. Геніс // Горизонт. – 2006. – 24 июня.
13. Головашев И. Древний Шарукань – это Харьков, Змиев или иной город? / И. Головашев // Время. – 2002. 14. Гольдфарб В. М. Зміїв : Історико-краєзнавчий нарис / В. М. Гольдфарб, В. М. Селіванов, К. Б. Правозерова. – Х., 1969. 15. Дегодюк Е. Г. Ляман. Село Зміївського району Харківської області / Е. Г. Дегодюк. – К., 2009. 16. Дьоміна О. Що приховує назва нашого міста / О. Дьоміна // Змієве городище. – 1996. – № 1. 17. Дьоміна О. Зміїв. Що це таке і звідки бере початок? Частина друга : Шарукань – Зміїв / О. Дьоміна // Вісті Зміївщини. – 1998. – 6 січня. – С. 4. 18. Дьоміна О. Зміїв. Що це таке і звідки бере початок? Частина перша : Корені землі / О. Дьоміна // Вісті Зміївщини. – 1998. – 2 січня. – С. 4. 19. Дьоміна О. Коза – Змія – Зміїв // Вісті Зміївщини. – 1998. – 1 січня; 28 листопада; 9 грудня. 20. Дьоміна О. Сіверський Донець : Історія великої ріки / О. Дьоміна // Змієве городище. – 2000. – № 9. 21. Дяченко А. Городище раскрывает тайны... / А. Дяченко, Д. Дудко // Время. – 1994. – 24 февраля. 22. Железняк А. И. Забытая история Киева / А. И. Железняк. – К., 2011. 23. Знойко О. П. Мифи Київської землі та події стародавнї / О. П. Знойко. – К., 2004. 24. Історія міста Харкова / Упорядн. О. Є. Коновенко. – Х., 2001. 25. Каменное городище (Сухая Гомольша) // Дали зовут. – Режим доступа : http://dalizovut.narod.ru/at_vrem/gomolha/gom_ran1.jpg. – Доступ 09. 05. 2009 г. 26. Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М., 2008. 27. Киреевский И. Р. Мифы древних славян / И. Р. Киреевский. – Х., 2006. 28. Коловрат Ю. А. Верования антов / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 05.08.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-10>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 29. Коловрат Ю. А. Вооружение войск Хазарского каганата на северо-западной окраине (По материалам раскопок на Змиевщине) / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 27.10.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-21>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 30. Коловрат Ю. А. Вооружение славян Левобережной Украины в эпоху раннего средневековья (Часть 1) / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 28.08.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-12>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 31. Коловрат Ю. А. Вооружение славян Левобережной Украины в эпоху раннего средневековья (Часть 2) / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 28.08.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-13>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 32. Коловрат Ю. А. Змиев. Древность названия / Ю. А. Коловрат // Вісті Зміївщини. – 2008. – 20 травня. – С. 3. 33. Коловрат Ю. А. Змиево городище : Краткий краеведческий очерк / Ю. А. Коловрат. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Змиев, 2009. 34. Коловрат Ю. А. К вопросу о дате основания Змиева и его национальной принадлежности в эпоху средневековья / Ю. А. Коловрат // Зміївський кур'єр. – 2008. – 18–24 лютого. – С. 13. 35. Коловрат Ю. А. К вопросу о шовинизации исторического краеведения на Змиевщине в контексте современной украинской историографии / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 23.02.2010. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-88>. – Доступ 06. 03. 2010 г. 36. Коловрат Ю. А. Крепости Хазарского каганата на территории Змиевского района / Ю. А. Коловрат // Вісті Зміївщини. – 2011. – 1 лютого. – С. 8; 8 лютого. – С. 4. 37. Коловрат Ю. А. Поселения антов на Змиевщине / Ю. А. Коловрат // Вісті Зміївщини. – 2008. – 15 серпня. – С. 2. 38. Коловрат Ю. А. Поселения антов на Змиевщине / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 05.08.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-8>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 39. Коловрат Ю. А. Религиозная принадлежность населения Змиевщины во времена Хазарского каганата / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 25.10.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-20>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 40. Коловрат Ю. А. Скифская Змиевщина. Лесостепная археологическая культура (середина VII–III вв. до н. э.) / Ю. А. Коловрат. – Змиев, 2009. 41. Коловрат Ю. А. Скифская Змиевщина. Лесостепная археологическая культура (середина VII–III вв. до н. э.) / Ю. А. Коловрат. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Змиев, 2011. 42. Коловрат Ю. А. Ще раз про Шарукань. До 900-річного ювілею антиполювського походу князя Володимир Мономаха / Ю. А. Коловрат // Вісті Зміївщини. – 2011. – 25 березня. – С. 8. 43. Коловрат Ю. А. Етнокультурні та етнополітичні процеси на Змиевщині в ранньому середньовіччі / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 28.11.2008. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/1-1-0-33>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 44. Коловрат Ю. А. Язычество восточных славян в VIII–XI вв. (С привлечением материалов археологических раскопок на Змиевщине). Часть 1. Роль язычества в жизни восточных славян / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. –

01.02.2009. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-36>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 45. Коловрат Ю. А. Язычество восточных славян в VIII–XI вв. (С привлечением материалов археологических раскопок на Змиевщине). Часть 2. Общие заметки о мифологических воззрениях славян / Ю. А. Коловрат // История Змиевского края. – Змиев. – 01.02.2009. – Режим доступа : <http://colovrat.at.ua/publ/4-1-0-37>. – Доступ 02. 02. 2009 г. 46. Краузе Э. Славянские ключи к нордическому мифу / Э. Краузе; пер. с нем. Е. С. Лазарева. – М., 2012. 47. Логвина Т. Купальська ніч – чарівна ніч, коли щастя на землі ходять / Т. Логвина // Вісті Зміївщини. – 2010. – 9 липня. – С. 1. 48. Лозко Г. С. Етнологія України. Філософсько-теоретичний та етнорелігійознавчий аспект / Г. С. Лозко. – К., 2001. 49. Лозко Г. С. Коло Свароже : Відроджені традиції / Г. С. Лозко. – К., 2005. 50. Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва / Я. С. Лурье // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 167–177. 51. Міхеев В. Пам'ятки салтівно-маяцької культури на території Зміївщини / В. Міхеев, М. Саяний // Зміївський кур'єр. – 1995. – Квітень (№ 17). 52. Некрасов Н. А. Сочинения / Н. А. Некрасов. – М., 1950. 53. Островский А. Н. Избранные пьесы : В 2 т. / А. Н. Островский. – М., 1972. – Т. 2. 54. Платов А. Культурные изображения из храма в Ретре // Мифы и магия индоевропейцев. – Вып. 2. – С. 8–29. 55. Постышев П. Давайте нарядам ёлку! / П. Постышев // Правда. – 1935. – 28 декабря. 56. Прошай, зимонько-зима! // Будівник комунізму. – 1971. – 4 березня. – С. 4. 57. Руны / Сост. Анна Кайя. – М., 1998. 58. Сакральный календарь друидов. CALENDARIA. – М., 2004. 59. Саяний М. І. Випадкові археологічні знахідки / М. І. Саяний // Вісті Зміївщини. – 2010. – 18 травня. – С. 2. 60. Саяний М. І. Зміївщина – Слобожанщина перлина / М. І. Саяний. – Х., 2009. 61. Саяний М. Найбільші відкриття – попереду / М. Саяний // Вісті Зміївщини. – 2001. – 10 листопада. 62. Саяний М. Пам'ятки пенківської культури / М. Саяний // Зміївський кур'єр. – 1995. 63. Семёнова М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия / М. Семёнова. – СПб., 2007. 64. Скирда В. В. Из глубины веков : К истории города Харьков / В. В. Скирда, Б. П. Зайцев, А. Ф. Парамонов. – Х., 2004. 65. Скуратівський В. Т. Дідух : Свята українського народу В. Т. Скуратівський. – К., 1995. 66. Смирнова И. М. Тайная история креста / И. М. Смирнова. – М., 2007. 67. Строков Л. Н. Коробові Хутори / Л. Н. Строков. – Х., 1971. 68. Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни. 69. Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 4. Київська Русь. 70. Хименко Л. П. Соколів і соколяни. З далекого минулого до сьогодення (Історія. Документи. Спогади) / Л. П. Хименко, К. М. Коваленко. – Балаклея, 2007. 71. Эзер К. «Еврейское зеркало» при свете истины / К. Эзер; пер. А. С. Шмакова // Мысли о России. – Режим доступа : <http://www.russia-talk.org/cd-history/zertzalo.htm>. – Доступ 11. 12. 2009 г. 72. Янов А. Учение Льва Гумилёва / А. Янов // Свободная мысль. – 1992. – № 17. – С. 104–116.

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Археологія України : Курс лекцій за ред. Л. Л. Залізняка. – К., 2005. 2. Біленька-Свистович Л. В. Церковнослов'янська мова : Підручник зі словником / Л. В. Біленька-Свистович, Н. Р. Рибак. – К., 2000. 3. Данилевский И. И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : Курс лекций / И. И. Данилевский. – М., 1998. 4. Данильян О. Г. Основы философии / О. Г. Данильян, В. М. Тараненко. – Х., 2003. 5. Иеромонах Алипий (Гаманович). Грамматика церковно-славянского языка / Иеромонах Алипий (Гаманович). – Репринт. изд. 1964 г. – М., 1991. 6. Історія рідного краю (Харківщинознавство) : У 2 ч. / Б. П. Зайцев, В. В. Скирда, В. В. Воропаєва, О. С. Марченко та ін. – Х., 2001. 7. Історія філософії в її зв'язку з освітою / За ред. Г. І. Волинки. – К., 2006. 8. Котова Н. О. Історія України / Н. О. Котова. – Х., 2005. 9. Любичев М. В. Населення території північно-східної України в римський час (I–VII ст. н. е.) / М. В. Любичев. – Х., 2003. 10. Міхеев В. К. Археологія залізного віку Східної Європи / В. К. Міхеев, Б. А. Шрамко. – Х., 2000. 11. Природа і населення Слободської України. Харьковская губерния / Под ред. В. И. Талиева. – Х., 1918. 12. Природа і населення Слободської України. Харьковская губерния / Под ред. В. И. Талиева. – Репринт. изд. 1918 г. – Х., 2007. 13. Причепій Є. М. Філософія : Посібник / Є. М. Причепій, А. М. Черній, Л. А. Чекаль. – К., 2003. 14. Радугин А. А. Философия : Курс лекцій / А. А. Радугин. – М., 2008. 15. Уривалкін О. М. Історичне краєзнавство / О. М. Уривалкін. – 2-ге вид., стереотип. – К., 2008. 16. Харківщинознавство / За ред. Л. Д. Покроєвої, В. Е. Луначека. – Х., 2004. 17. Харківщинознавство / За ред. Л. Д. Покроєвої, Т. В. Дрожиної. – Вид. 3-є, перероб. й доп. – Х., 2011. 18. Чмихов М. О. Археологія та стародавня історія України : Курс лекцій / М. О. Чмихов, Н. М. Кравченко, І. Т. Черняков. – К., 1992. 19. Ярещенко А. П. Під чаром рідної землі / А. П. Ярещенко. – К., 2008.

Ю. А. Бутенко

Дикое Поле

**в период раннего средневековья
(середина V – середина XI вв. н. э.)**

Главный редактор: О. В. Гритчина

Дизайн обложки: «Литера Нова»

Компьютерная верстка: А. Ю. Каменев

Свидетельство № 4093 от 24.03.2008

Подписано в печать: 18.11.2013

Номер заказа: 35

Формат 70×100/16

Усл.-печ. листов: 45,5

Тираж 1500 экз.

Издательство «Литера Нова»

Отдел продаж (Россия, Украина – 057-719-52-40)

www.litera-book.com.ua

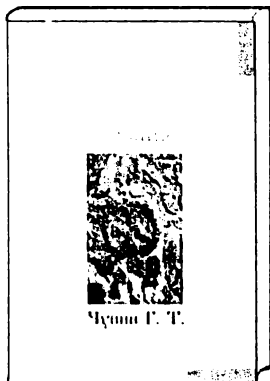
e-mail: litera@kharkov.ua

Отпечатано

в типографии «Полиграфсервис»

тел. (057) 783-80-30

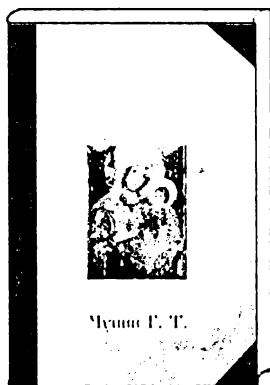
Г.Т.Чупин. Предыстория и история Крыма

Автор рассказывает об истории полуострова и о порой очень трагической судьбе его поселенцев. Он охватывает временной промежуток от доисторических времен до настоящего времени. Он повествует о жизни и борьбе за существование первобытного человека, поселившегося на полуострове, о смене одной группы племен другой, часто не по собственной воле, а под натиском превосходящих их по силе и организованности противников. Приведено краткое описание первых известных исторических народов, расселившихся в Крыму: киммерийцы, тавры, считающиеся аборигенами в этих местах. Также автор рассказывает о длительном пребывании на полуострове древних греков, скифов, сарматов, гуннцев, венецианцев и представителей других народов. Автор подробно рассказывает о вторжении монголо-татар на полуостров и образовании ими Крымского ханства, о высадке на полуостров войск Османской Турции с агрессивными целями. Также подробно описаны русско-турецкие войны за главенство в Крыму, которые, в конце концов, привели к победе России и присоединению этих земель к Российской империи.

Автор предпринял попытку выделить из калейдоскопической смены одного народа другим те из них, которые могут претендовать на полуостров. Однако после глубокого анализа он пришел к выводу, что Крым принадлежит тем народам, которые проживают в нем теперь в подчинении тех, кого определила им история.

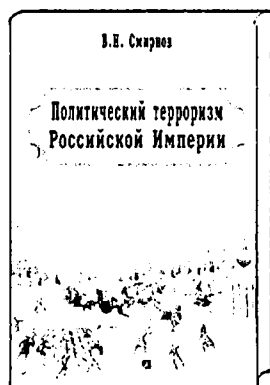
Г.Т.Чупин. Русь и религия

Эта книга – результат фундаментальной работы, проведенной эрудированным, ныне, к нашему сожалению, покойным, Г.Т. Чупиным. В центре внимания автора следующие вопросы и темы: Какие религии исповедовали народы, проживавшие ранее на территории современной Украины? Существовала ли многоконфессиональность на Руси? Как происходил процесс крещения Руси? Как разворачивалась борьба христианства с окатоличиванием? Как украинский народ противостоял колонизации? Насколько успешным было противостояние православной церкви монголо-татарской орде и Литве после завоевания ими территории Руси? Какой вклад сделал каждый из князей, правивших во времена существования Киевской Руси?

Все эти темы раскрываются автором на основе широко известных фактов, которые дополнены новыми историческими данными. Книга написана в доступной форме и будет полезна и интересна не только для специалистов-историков, занимающихся вопросами развития христианства у народов, ранее проживавших на территории современной Украины, но и широкому кругу читателей, которые не равнодушны к своему историческому прошлому.

В.Н.Смирнов. Политический терроризм Российской империи

Книга имеет важное актуальное значение, поскольку в ней автор поднимает наиболее острую и злободневную проблему современного периода - политического терроризма и экстремизма. Богатые на драматические события исторические коллизии XIX - XX вв. дают возможность проследить зарождение и эволюцию политического терроризма в Российской империи, выявить его глубинные истоки, мировоззренческую основу и методологическое обоснование. Это имеет особую актуальность в связи с необходимостью в современный период эффективно бороться с политическим терроризмом, который коварно прикрывается популистской демагогией и псевдорелигиозной риторикой. На основе воспоминаний и мемуаров непосредственных участников тех событий (как из правительственного лагеря, так и из среды самих революционеров), в книге прослеживается связь российских революционеров с другими экстремистскими группами. Это является особенно актуальным в современный период, когда под прикрытием политических и религиозных лозунгов, с провокационными целями, предпринимаются попытки вовлечь людей в преступные авантюры. Всесторонний фактический материал, изложенный в

хронологической последовательности дает возможность проследить нарастание политического терроризма и превращение его в глобальную международную силу, которая во второй половине XIX века выбрала своей главной мишенью православное Российское государство.

БУТЕНКО Юрий Александрович – историк, краевед. В 2006 г. окончил исторический факультет Харьковского национального университета. Автор научных и научно-популярных работ по региональной истории. С 2013 г. Президент Змиевского научного краеведческого общества. Область научных интересов: гражданская война в России 1917–1923 гг., древняя и средневековая история славян, индоевропейская проблема, славянская мифология.

«Автору удалось исторически интерпретировать археологические источники, воссоздать историю края. Он дает характеристику основным археологическим культурам: пеньковской, вордынцевской, салтово-маяцкой. Помимо характеристики материальной культуры населения, уделено место воссозданию его духовного мира: идеологии, мифологии, религии».

Любичев М.В.
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина,
начальник Германо-славянской археологической экспедиции

«Работа обобщает значительный по объему археологический и этнографический материал, снабжена иллюстрациями и справочным материалом. Уверенное использование автором как научной, так и научно-популярной литературы делает текст грамотным, интересным, открытым для всех любителей истории».

Шильман М.Е.
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры теоретической и практической философии
Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

«Работа имеет позитивный характер. Это связано, прежде всего, с тем, что история края рассматривается в контексте общей истории народов юга Восточной Европы. Значительное количество ссылок на новейшую литературу свидетельствует о новизне взглядов и о пользе предлагаемого читателю фактического материала».

Колода В.В.
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Украины ХГПУ им. Г.С.Сковороды,
заведующий археологической лабораторией.

